
UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00324340 9

EX. LIBRIS
de SAVITSCH

П. Н. КРАСНОВЪ.

Отъ Двуглаваго Орла къ красному знамени.

1894—1921.

РОМАНЪ ВЪ ВОСЬМИ ЧАСТЯХЪ.

ТОМЪ III.

Мученики.

ШЕСТАЯ И СЕДЬМАЯ ЧАСТИ.

БЕРЛИНЪ 1921 г.

РУССКАЯ ТИПОГРАФІЯ ЕВГЕНІЯ АЛ. ГУТНОВА
[illegible]

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

I

Весна наступала ясная, солнечная, теплая. Прилетѣли жаворонки и пустыя поля ожили ихъ веселымъ пѣніемъ. Лѣсъ набухъ и потемнѣлъ. По вечерамъ лиловыя сумерки стлались надъ лѣсомъ и онъ казался густымъ и непроходимымъ. Ледъ на рѣкѣ сталъ рыхлымъ, мѣстами поверхъ него шла вода. Переходить по нему стало опасно. Жидкіе мостики того и гляди могло снести ледоходомъ. Саблинъ настойчиво просилъ разрѣшенія убрать съ Лѣсищенскаго плацъ-д'арма бригаду, которая чувствовала себя отрѣзанной и очень нервничала, но наверху все обѣщали переходъ въ наступленіе, плацъ д'армъ былъ нуженъ и бригада стояла въ сырыхъ, залитыхъ водою и грязью окопахъ.

Послѣ революціи нѣкоторое время на позиціи все оставалось такъ, какъ было установлено Саблинымъ. Неподвижно стояли часовые на наблюдательныхъ постахъ, люди не разставались съ противогазами, резервы были въ полной бдительности, химическая команда ежедневно провѣряла всѣ средства противогазовой обороны. Приказъ № 1 хотя

и былъ присланъ въ полки, но на него мало обращали вниманія. По прежнему говорили «ты», ругались когда нужно, лѣнивыхъ и нерадивыхъ грозили поставить «въ боевую». Офицеры осматривали винтовки, унтеръ офицеры показывали внушительный кулакъ тѣмъ, у кого замѣчали грязь и ржавчину, часовые смѣнялись каждые два часа, точно, безъ промедленія и масса не отдавала себѣ отчета, что же произошло. Только въ резервныхъ ротахъ послѣ переклички пѣли «Отче нашъ», а «Спаси Господи» и гимнъ перестали пѣть. Честь отдавали по прежнему и вмѣсто «ваше благородіе» «господинъ поручикъ» говорили только нѣкоторые развязные солдаты.

Началась смута и солдаты почувствовали перемѣну лишь послѣ того, какъ вернулись изъ штаба фронта и изъ Петрограда солдаты, посланные делегатами отъ полковъ на съѣзды фронтовой и общеармейскій. Пріѣхали простоватый, недавно произведенный изъ фельдфебелей прапорщикъ Икаевъ и солдатъ изъ народныхъ учителей, въ 1905 году приговоренный къ ссылкѣ за участіе въ революціи, но бѣжавшій и долго жившій въ Германіи, Воронковъ. Каждый по своему воспринялъ революцію и по своему докладывалъ солдатамъ о томъ, что произошло въ Россіи и какъ слѣдуетъ теперь вести себя солдату.

Икаевъ собралъ роту въ тѣсномъ узлѣ окоповъ и, сидя на банкетѣ у ногъ часового, восторженно разсказывалъ о южномъ съѣздѣ фронтовыхъ делегатовъ въ Луцкѣ.

Надъ головою синѣло бездонное ясное небо и жаворонокъ пѣлъ короткую бодрую пѣсню любви, кругомъ журчали ручьи, сливаясь къ рѣкѣ, часовой, глядя черезъ брустверъ на зеленѣющія поля, прислушивался къ тому, что говорилъ Икаевъ, смотрѣлъ на чуть темнѣющую полосу непріятельскихъ проволокъ и не могъ понять, какъ послѣ того, что произошло еще можетъ быть война, еще есть на-

добность стоять на посту и смотрѣть, какъ нѣмцы что то дѣлаютъ у себя, — не то чинятъ проволоку, не то прорѣзываютъ въ ней проходы. Спокойно, дѣловито работаютъ они и видно, что ходитъ сзади офицеръ и покрикиваетъ, должно быть, на нихъ. Хорошо бы ихъ теперь шрапнелью спрыснуть, да видно и на артиллерійскаго наблюдателя нашла такая же благодушная лѣнь... Пусть себѣ работаютъ. Ну стоитъ ли теперь убивать, когда повсюду такая свобода объявлена и дѣлается все такое странное и неслыханное, какого не дѣлалось никогда и нигдѣ.

— Пріѣзжаю я, братцы мои, въ Луцкъ, восторженно говорилъ Икаевъ, а тамъ уже на площадкѣ солдаты насъ ожидаютъ. И у каждаго на шинели красный бантъ нашпиленъ. Встрѣчаютъ насъ. «Вы», говорятъ, «товарищи делегаты отъ корпуса? Мандаты ваши покажите». Провѣрили документы и сейчасъ насъ, будто бы мы енаралы какіе то, сажаютъ въ антонобиль и везутъ прямо во дворецъ. Банты намъ даютъ алые. «Товарищи», говорятъ, — «это священный знакъ свободы и вамъ надо его носить на груди».

— Ишь ты!, — сказалъ со вздохомъ одинъ изъ слушателей, ну-у! А Сетраковъ бантъ такой одѣлъ, ему еврейчикъ одинъ подарилъ, а генералъ Саблинъ увидѣлъ и стыдить его сталъ. «Ты», говоритъ, «не дѣвка, чтобы банты да ленточки носить. Это не форма!» Въ боевую, грозилъ, поставить.

— Стараго режима енаралъ, — проговорилъ сплевывая шелуху отъ сѣмечекъ Икаевъ. — Несознательный! Не понимаетъ завоеваніевъ революціи. Вотъ тамъ, братцы, я посмотрѣлъ настоящихъ енараловъ! Пріѣхали мы во дворецъ. И что же вы думаете, товарищи! Я и глазамъ своимъ не повѣрилъ. Парные часовые у будокъ сидятъ, винтовки къ стѣнѣ поставлены, сами сѣмечки лущатъ, съ прохожими пересмѣиваются. Я и спрашиваю, что же это молъ? А подъ судъ ихъ за это не отдадутъ. А они, Луцкіе

то, смѣются. «Что», говорятъ, «товарищъ, развѣ плохо? Это не старый режимъ. Это свободные солдаты и часовой — онъ свое дѣло сполняетъ, а стѣсненія обиднаго ему нѣтъ никакого. Что хошь — то и дѣлай».

— Ловко!, вздохнулъ кто то въ толпѣ. Ловко — подумалъ часовой и, повернувшись спиною къ непріятелю, сталъ слушать, что говорилъ Икаевъ.

— Во дворцѣ, товарищи, поставили насъ не по чинамъ, или званіямъ, отдѣльно офицеровъ и солдатъ, какъ при старомъ режимѣ бывало, а поставили вперемежку: — всѣ молъ равны. Выше меня сталъ солдатъ какой-то, а немного пониже енаралъ и офицеръ. Напротивъ собрались какіе то енаралы, слыхать, по дѣламъ пріѣхали. Выходитъ къ намъ сейчасъ же главнокомандующій. На груди у него красный бантъ большущій и ленты свѣшиваются и егорьевскій крестъ даже закрываютъ. На тѣхъ то енараловъ, что по дѣлу его ожидали и не посмотрѣлъ совсѣмъ, а прямо къ намъ, делегатамъ. Я вытянулся, приготовился уже крикнуть «здравія желаю», гляжу, а онъ съ ручкой къ каждому подходитъ, здоровкается съ каждымъ. И мнѣ подалъ. Тутъ я понялъ, что значитъ: — равенство.

Икаевъ вздохнулъ. Послушно завздыхали солдаты въ толпѣ слушателей.

— Съ ручкой!... Главнокомандующій... Ишь — ловко. А не вре? — заговорили солдаты.

— Да... Вечеромъ, значитъ, продолжалъ Икаевъ, давши улечься впечатлѣнію, пожалуйте на засѣданіе, въ театръ, а до того всѣмъ одинаково: — номеръ въ гостинницѣ и три рубля суточныхъ, безъ раздѣленія званіевъ. Пришли мы въ театръ. А насъ тамъ первымъ дѣломъ спрашиваютъ: — «вы какой партіи будете?» Господи ты Боже мой — я и не думалъ никогда, какія тамъ партіи бываютъ. Искренно говорю, что не знаю. Подходитъ такой молодой человѣкъ, такъ похоже, что изъ евреевъ и говоритъ такъ любезно: «позвольте я вамъ разъ-

ясню». И сталъ докладать. Да! Мудрено, а красиво! Большевики, значитъ есть, меньшевики, соціалисты революціонеры, соціалъ демократы, разные такіе, есть, что и Царя опять желаютъ. — «Куда», спрашиваетъ, «васъ писать?» Пишите, говорю, гдѣ земли больше даютъ и свобода самая настоящая. Стали мы, значитъ, товарищи, — большевиками... Да, — крутя головою сказалъ задумчиво Икаевъ. — Сталъ я партійнымъ человѣкомъ.

Икаевъ замолчалъ. Въ толпѣ всѣ затаили дыханіе. Сказка развертывалась передъ ними. Главнокомандующій «за ручку», бантъ красный на немъ, часовые сидятъ на посту, солдаты на автомобилѣ раскатываютъ, есть партія, гдѣ земли много даютъ... Чудно и сладко.

— Я, — помолчавъ, сказалъ Икаевъ, — такъ теперь смотрю. Я, даже могу сказать, презираю того человѣка, который ежели не партійный.

II.

Воронковъ суетливо перебѣгалъ изъ землянки въ землянку. Всюду была для него аудиторія. Количествомъ слушателей онъ не смущался, да ихъ было и не мало. Онъ побывалъ въ Петроградѣ и пріѣхалъ оттуда заряженный смѣлымъ задоромъ революціи.

— Товарищи! — говорилъ онъ, задыхаясь и худое нервное лицо его передергивалось, — вы обмануты. Васъ, товарищи, предаютъ. Васъ нарочно держатъ въ старомъ режимѣ. Что это такое?! Титулованіе, отданіе чести, офицеры васъ грѣютъ по прежнему. Товарищи, вы должны сбросить это все и приступить къ демократизаціи арміи. Въ Петроградѣ всѣ начальники выборные. Развѣ тамъ мыслимъ такой генералъ, какъ Саблинъ? Тамъ его на штыки бы подняли. У васъ я не вижу никакихъ завоеваній революціи. Вы должны собраться на

митингъ и потребовать исполненія приказа № 1. Права солдата не соблюдаются, вы все такіе же сѣрые рабы, какъ и были. Гдѣ у васъ красныя знамена революціи съ тѣми святыми лозунгами, которые я видалъ въ Петроградѣ? У васъ все то же: — Царь и Богъ! Эхъ, товарищи, не для того свергали мы Царя, не для того познали, что Бога нѣтъ и Бога выдумали буржуи и капиталисты, чтобы держать народъ въ темнотѣ и рабствѣ. Товарищи, на алыхъ знаменахъ революціи я видалъ святыя слова: — «Миръ хижинамъ — война дворцамъ». «Долой войну». Война нужна только капиталистамъ, а мы имъ болѣе не слуги. Соорудимъ красныя знамена и подъ ними и съ ними мы будемъ отстаивать права народныя и завоеванія революціи.

Въ нѣкоторыхъ землянкахъ офицеры пробовали возражать Воронкову, но онъ нагло перебивалъ ихъ, не давалъ говорить и кричалъ.

— Вы обманули народъ! Вы утаили отъ товарищей солдатъ завоеванія революціи. Вы держите въ темнотѣ окопныхъ страдальцевъ!

Поднимался шумъ и офицеры умолкали.

Какъ то сразу приказъ № 1, до этого тусклый, вялый и непонятный, выявился, какъ явленіе огромной важности и перевернулъ всю жизнь солдата.

Часовой, слушавшій Икаева давно отстоялъ положенные два часа, Икаевъ ушелъ съ этого мѣста и завалился спать, люди разошлись по землянкамъ, а смѣна ему не шла.

Въ караульной землянкѣ молодой прапорщикъ въ это время препирался съ солдатами, наряжая ихъ на смѣну.

— Сѣдовъ, уже пять минутъ одинадцатаго, — говорилъ онъ, вамъ пора идти на смѣну Ковалеву.

— Ничаво, господинъ прапорщикъ, онъ постоитъ еще, а у меня что то въ грудяхъ болитъ.

— Панкратовъ, пойдите тогда вы.

— Сейчасъ! Какъ же я пошелъ, ежели Сѣдова чередь, я ночь стоялъ. Да чаво, достоитъ до двѣнадцати, а тамъ и намъ смѣна. Восьмая рота заступитъ.

Но пришло двѣнадцать, а восьмой роты не было. Она тоже не торопилась идти. Тамъ, разинувъ рты, слушали разсказы Воронкова и не трогались съ мѣста. Только въ четыре часа смѣнили Ковалева...

По землянкамъ были разбросаны въ безпорядкѣ противогазы, шинели и патронныя сумки. Ружей никто не протиралъ. Въ кадкѣ для воды на случай газовой атаки воды не было, пакля отсырѣла, керосинъ растащили по землянкамъ и жгли въ лампочкахъ, хворостъ залило водой. Когда ротный командиръ пришелъ и накричалъ на людей, никто не шевельнулся исполнить его приказанія, а, когда онъ уходилъ, ему вслѣдъ раздались свистки и крики и онъ отчетливо услышалъ злобный крикъ: — «погодите, дождетесь вы Еремѣевской ночи!» Страшное значеніе этихъ словъ было извѣстно старому ротному командиру.

Ротный призвалъ фельдфебеля.

Фельдфебель, пожилой мужикъ крестьянинъ, запасной солдатъ, мрачно выслушалъ жалобы ротнаго командира и, глядя исподлобья, сказалъ.

— Ничего, ваше высокоблагородіе, не остается, какъ только арестовать прапорщика Икаева и Воронкова. Отъ нихъ вся смута идетъ. Солдаты поговариваютъ, чтобы, значитъ, арестовать полковника Пастухова и выбрать командиромъ либо Икаева, либо Воронкова.

— Арестовать Воронкова? Да можно ли? Какъ будто бы, Полубояриновъ, права такого нѣтъ теперь, — сказалъ ротный командиръ.

— По приказу нѣтъ права, — отвѣчалъ фельдфебель, — а только, если такъ оставить, хуже будетъ. Слышно, въ Залихватскомъ полку шесть офицеровъ солдаты убили и суда не было. Солдаты не выдали слѣдователю, такъ ни съ чѣмъ и уѣхалъ.

Ротный пошелъ къ Пастухову. Пастуховъ мрачно сидѣлъ въ землянкѣ. Дверь была приперта коломъ.

— Что же дѣлать? — говорилъ ротный.

— Пишу рапортъ начальнику дивизіи о болѣзни. Завтра сдаю полкъ. Пусть командуетъ кто хочетъ. Днемъ по окопамъ пошелъ. Хоть бы кто всталъ. Сидятъ, сѣмечки лущатъ, норовятъ такъ шелуху плюнуть, чтобы на мою шинель попало. А, каковы стерв....

Пастуховъ испуганно заглянулъ въ дверь и вернувшись сказалъ шопотомъ.

— Деньщика боюсь. Самъ мнѣ покаялся. Меня, говоритъ, прапорщикъ Икаевъ призывалъ и приказалъ за вами, господинъ полковникъ, слѣдить и все докладывать ему... Комитеты какіе то будутъ, вотъ бумага вышла. Нѣтъ. Довольно. Я въ лазаретъ пойду, лягу... Тамъ спокойнѣе. Переждать надо. Образумятся же люди.

— Пока солнышко взойдетъ, роса очи выѣстъ, сказалъ ротный.

— А что подѣлаешь? Сидите и молчите. Ихъ сила — ихъ власть. Пусть они и правятъ.

Ротный послушался совѣта и засѣлъ въ землянку, офицеры пугливо жались къ нему. Солдатъ сталъ страшенъ.

По солдатскимъ землянкамъ тихо и озабоченно шептались. Смыслъ всѣхъ рѣчей, всего происходившаго въ Петроградѣ и Луцкѣ былъ одинъ: — война кончена. Надо идти домой, нести въ свои хижины давно обѣщанный миръ.

Въ шестнадцатой ротѣ раздобыли кусокъ краснаго полотна и Воронковъ выводилъ на немъ крупно чернилами — «долой войну!» — Это знамя революціи рѣшено было выставить ночью на ближайшемъ къ непріятелю форту, чтобы непріятель тоже узналъ сладости Русской революціи.

Одинадцатая рота вечеромъ шла въ бригадный резервъ и когда спустилась подъ гору и вышла на

шоссе, ведущее къ разоренному господскому дому, гдѣ помѣщался бригадный командиръ и были землянки резерва, ротный подсчиталъ ногу и крикнулъ пѣсенникамъ:

— Запѣвай лихую!

Но вмѣсто обычной «Три деревни, два села, восемь дѣвокъ, одинъ я», запѣли новую, привезенную Воронковымъ изъ Петрограда пѣсню:

Ѣшь ананасы, рябчика жуй!
Насталъ твой послѣднiй денечекъ буржуй!

На перекличку вечеромъ никто не вышелъ и молитву не пѣли. Тщетно фельдфебеля и взводные кричали: «выходи строиться на перекличку!» — изъ угловъ землянокъ мрачно отвѣчали: — «ну, будя! будя! чего орете, сказано не пойдемъ. Правовъ такихъ нѣтъ, чтобы заставлять молиться. Кто хочетъ и такъ помолится».

По угламъ шептались о томъ, что какъ бы не стали въ деревняхъ дѣлить и раздавать землю безъ нихъ и что какая теперь война, когда земли много будетъ и свобода полная, ни господъ, ни Царя.

Медленно и тяжело, какъ мельничные жернова ворочались мозги солдатъ и никакъ не могли переварить случившагося. Обычно въ такихъ случаяхъ солдатъ обращался за разъясненiемъ къ офицеру, но теперь оказывалось, что офицеру вѣрить нельзя.

— Слышь, товарищи, — говорилось по землянкамъ, — Воронковъ сказывалъ, что, когда, значитъ, народъ рѣшился самъ захватить власть въ свои руки и солдаты пошли къ Думѣ, офицеры не пошли съ ними. Ихъ насильно вытаскивали съ квартиръ, а кого и убили...

— Извѣстно... Господа! Они завсегда противъ народа были. У нихъ одинъ совѣтъ: — дисциплина, и чтобы честь отдавать, и чтобы въ морду за всякую провинность!

— Н-н-да! Это точно.

— Мало кровушки они нашей попили, попить хотятъ и еще.

— Ничего, какъ бы мы ихнею кровью не упились. Настанетъ время. Будетъ Еремѣевская ночь!

Кое гдѣ, въ полъ голоса разъучивали рабочую марсельезу.

III.

19-го марта въ 204-й дивизіи былъ назначенъ большой митингъ. Дивизія должна была избрать делегатовъ для доклада временному правительству о своихъ пожеланіяхъ и принесенія поздравленія съ революціей. На митингѣ были почти всѣ офицеры и представители полковъ всего корпуса.

Саблинъ пошелъ на этотъ митингъ для того, чтобы руководить имъ и присмотрѣться къ настроеніямъ солдатъ.

При его входѣ въ большую землянку — церковь и манежъ 805-го полка, всѣ встали и затихли. Оказалось, что уже до него кто то руководилъ солдатами. Имъ объяснили, что долженъ быть выбранъ предсѣдатель, президіумъ и секретарь. Въ предсѣдатели, какъ чуждая старому режиму, была предложена завѣдующая корпусной летучкой городского союза женщина врачъ Софья Львовна Гордонъ, — красивая полная еврейка, давно неравнодушная къ Саблину. Въ президіумъ были избраны офицеры и заслуженные унтеръ офицеры, большинство георгіевскіе кавалеры. По предложенію Софьи Львовны, Саблину было предложено принять почетное предсѣдательствованіе, что было принято единогласно и его сейчасъ же усадили рядомъ съ Софьей Львовной.

— На повѣсткѣ дня, — начала Софья Львовна, — кѣмъ была составлена эта повѣстка дня, Саблинъ не зналъ и, когда спросилъ, ему сказали, что командиромъ 819-го полка, молодымъ офицеромъ

генеральнаго штаба. — На повѣсткѣ дня значится: избраніе делегата и его товарища для посылки въ Петроградъ и сообщеніе имъ отвѣтовъ дивизіи по слѣдующимъ вопросамъ: — устройство Россійскаго государства, отношеніе къ войнѣ, воинская дисциплина, рѣшеніе вопросовъ о землѣ... для доклада Временному Правительству.

— И совѣту солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ, — раздался голосъ съ мѣста.

— Товарищи! прошу съ мѣстъ не говорить, сказала Софья Львовна. — Я полагаю, что намъ надо начать съ избранія делегатовъ для того, чтобы, зная то, что будетъ здѣсь говориться они могли бы записать, что нужно. Избраніе должно быть сдѣлано закрытой баллотировкой, поданіемъ записокъ. Но для того, чтобы намъ не разойдтись во мнѣніяхъ и болѣе или менѣе единогласно избрать делегата, я предлагаю назвать тѣхъ, кого вы считали бы достойными быть выразителями мнѣній дивизіи.

Наступила тишина.

— Генерала Саблина, — сказалъ, вставая прапорщикъ, произведенный изъ фельдфебелей, съ четырьмя георгіевскими крестами на груди. —Какъ, значитъ, генералъ Саблинъ, все одно какъ отецъ намъ, заслуженный генералъ и георгіевскій кавалеръ и знаетъ нужды наши и заботится о насъ...

— Просимъ, просимъ! — раздались голоса.

— Не надо генераловъ. Своего изберемъ!

— Товарищи, — раздался нервный голосъ Воронкова, — мы только что освободились отъ гнета проклятаго царизма, а между прочимъ мы видимъ на погонахъ у генерала вензеля какъ будто самодержавнаго Государя. Теперь Николашка...

— Молчать, — крикнулъ Саблинъ, — не смѣть такъ говорить про Государя! Государя нѣтъ, но оскорблять его память я не позволю!

— Товарищи, вы видите... сказалъ, отходя съ позеленѣвшимъ лицомъ, Воронковъ.

— Воронковъ, вы не правы, — крикнулъ съ мѣста Верцинскій.

— Генерала Саблина и подполковника Козлова, какъ оба егорьевскіе кавалеры, — сказалъ снова прапорщикъ.

— Георгіевскіе кресты тутъ не причемъ, — крикнулъ кто то съ мѣста.

— Прапорщика Осетрова!

— Капитана Верцинскаго!

— Прапорщика Гайдука!

— Солдата Воронкова.

— Воронкова! Товарища Воронкова! Просимъ, просимъ.

— Голоса намѣтились, сказала Софья Львовна. — Приступимъ къ голосованію.

Собраніе засуетилось и загомонило. Саблинъ всталъ и вышелъ изъ землянки. Давыдовъ послѣдовалъ за нимъ. На большой полянѣ среди лѣса толпились солдаты. Они съ живымъ интересомъ слѣдили за тѣмъ, что происходило на митингѣ. То и дѣло изъ землянки выбѣгали делегаты и сообщали о томъ, что дѣлается внутри. Саблинъ закурилъ папиросу. Солдаты, стоявшіе неподалеку отъ него, смотрѣли ему въ ротъ, не спуская съ него глазъ. Они были кругомъ и, казалось, не было возможности уйдти куда либо отъ нихъ. Они слѣдовали сзади и прислушивались къ тому, что говорили Саблинъ и Давыдовъ. На бѣду Давыдовъ не говорилъ ни на какомъ иностранномъ языкѣ. Саблинъ взялъ его подъ руку и они тихо пошли по лѣсу. Мягкій мохъ разступался подъ ихъ ногами, пахло сыростью, хвоей, весною. Въ лѣсу весело перекликались птицы.

— Вы считаете продолженіе войны возможнымъ? — сказалъ Саблинъ.

— Нѣтъ, — коротко отвѣтилъ Давыдовъ.

— Эти люди изберутъ своими вождями тѣхъ, кто имъ будетъ потворствовать и угождать, кто

раньше страдалъ отъ начальства, — сказалъ печально Саблинъ.

— Вы слыхали, въ N-ской дивизіи пѣхотные солдаты явились на батарею и запретили артиллеристамъ стрѣлять. Вы стрѣляете, молъ, по германцамъ, а они отвѣчаютъ по насъ. Намъ это нежелательно. Поставили свой караулъ къ батареѣ и угрожали убить командира батареи и офицеровъ, если они будутъ стрѣлять, — сказалъ Давыдовъ.

— Что дальше?

— Ничего. Ихъ делегатовъ вызывали въ штабъ дивизіи, уговаривали, что этого дѣлать нельзя, они согласились, а караула все таки не сняли.

— А въ Петербургѣ выносятъ резолюціи—война до побѣднаго конца въ полномъ согласіи съ союзниками, — нервно бросая папиросу сказалъ Саблинъ.

— Выносятъ потому, что не имъ воевать. А попробуйте послать ихъ на фронтъ?

— Отольется союзникамъ эта революція полною мѣрою. Такъ бы они этимъ лѣтомъ уже побѣдили Германію, а когда Русскаго фронта не станетъ, неизвѣстно что еще будетъ, — сказалъ Саблинъ.

— А вѣдь пріѣзжали ихъ знаменитости въ Петроградъ, на похоронахъ жертвъ революціи были. Тома, французскій соціалистъ, рѣчь говорилъ, превозносилъ Русскій народъ и говорилъ, что въ восторгѣ отъ революціи. Безъ отпѣванія похоронили на Марсовомъ полѣ въ красныхъ гробахъ жертвы революціи,—говорилъ Давыдовъ,—и вы знаете, ваше превосходительство, пикантную подробность. Въ гробахъ съ жертвами революціи лежатъ болѣе чѣмъ на половину люди,никакого участія въ революціи не принимавшіе, или даже боровшіеся противъ революціи. Тамъ похоронены тѣ, кто случайно умеръ въ эти дни въ больницахъ, и убитые солдаты и городовые.

— Шуты гороховые! — сказалъ Саблинъ.

— Да, ваше превосходительство, во Временномъ Правительствѣ шуты гороховые, а въ совѣтѣ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ уголовные преступники и предатели Россіи и добра отъ этого для Россіи не будетъ.

— Какое же добро!... Мы должны готовиться къ борьбѣ не на животъ, а на смерть, а мы уступаемъ легко позицію за позиціей.

— Вы пойдете еще туда, въ собраніе? — спросилъ Давыдовъ.

— Загляну на минуту. Послушаю до какихъ геркулесовыхъ столбовъ тупоумія и жадности дойдетъ наша солдатня, призванная рѣшать государственныя дѣла, а оставаться долго не могу. Слишкомъ тошно.

— Вы знаете, Воронковъ въ Петроградѣ изъ дворца Кшесинской, отъ партіи большевиковъ получилъ большія деньги. А партія замѣшана въ сношеніяхъ съ нѣмцами. Вотъ вамъ и ключъ нашей революціи.

— Ну такъ Воронкова и изберутъ, — сказалъ Саблинъ.

— Изберутъ того, кто обѣщаетъ сейчасъ миръ и землю,—сказалъ Давыдовъ,—или кто дастъ деньги.

— Безъисходная тоска! И подумаешь, что я, командиръ корпуса, смотрю на все это возмутительное безобразіе и молчу.

— А что сдѣлаете? Одинъ въ полѣ не воинъ. Это народъ.

— Народъ! Народъ! — воскликнулъ Саблинъ. — Мужикъ уменъ, да міръ дуракъ — это сказалъ самъ про себя Русскій народъ. Ну, пойдемте на минуту, а потомъ и домой. Хотѣлось бы зарыться съ головою въ подушки и заснуть, заснуть такъ, чтобы не видѣть всего этого ужаснаго кошмара.

— А помните Толстовское: — образуется.

— Вотъ оно то и сгубило насъ. Пріучило къ пассивности, къ тупому фатализму... — сказалъ Саблинъ, подходя къ землянкѣ.

IV.

Въ землянкѣ среди затихшей тяжело дышащей толпы шелъ подсчетъ голосовъ.

— Воронковъ... Воронковъ,Осетровъ, Воронковъ, Воронковъ, — читалъ молодой прапорщикъ, избранный секретаремъ. Имя Саблина встрѣчалось рѣдко.

Подавляющимъ большинствомъ голосовъ былъ избранъ делегатомъ отъ дивизіи солдатъ Воронковъ, товарищами делегата Осетровъ, Гайдукъ и Шлоссбергъ. Саблинъ заглянулъ въ землянку тогда, когда выборы были кончены и начальникъ дивизіи, командиры полковъ и многіе офицеры пожимали руку Воронкову, поздравляя его съ избраніемъ.

Начальникъ дивизіи, старичокъ въ очкахъ, не могшій отличить фокса отъ мопса, говорилъ привѣтственную рѣчь.

— Вамъ, Воронковъ, предстоитъ большое дѣло, — говорилъ онъ, — разъяснить Временному Правительству наши настроенія и разсказать то, какъ бьется сердце окопнаго солдата. Вы скажете, Воронковъ, что мы, солдаты 204-й дивизіи, не посрамимъ земли Русской и готовы драться до послѣдняго для полной побѣды надъ врагомъ! — прокричалъ онъ, стуча кулакомъ по столу, и такъ не отвѣчалъ этотъ крикъ и высокопарныя слова къ его изсохшей фигурѣ, блѣдному старческою блѣдностью лицу, изборожденному глубокими чисто вымытыми морщинами, что Саблину стало совѣстно за него.

— Дайте же мнѣ обнять васъ, Воронковъ, и пожелать вамъ счастливаго исполненія вашей миссіи!

Старикъ такъ расчувствовался, что готовъ былъ перекрестить Воронкова.

Воронковъ блѣдный, взволнованный, обернулся лицомъ къ солдатамъ и заговорилъ видимо заученную и заранѣе подготовленную рѣчь. Онъ говорилъ плохо, нудно, часто повторяясь, дѣлая все одинъ и

тотъ же жестъ, отодвигая кулакъ руки отъ груди и снова прижимая его къ ней. Но его рѣчь въѣдалась въ память и била простыми и доступными солдату фразами. Онъ снималъ все высокое и святое и обнажалъ низкое и земное.

— Товарищи, я благодарю васъ за ваше довѣріе ко мнѣ и я оправдаю ваше довѣріе,— говорилъ Воронковъ. — Я скажу вамъ, какъ я чувствую по текущему моменту и ваше одобреніе, или неодобреніе приму къ свѣдѣнію при составленіи своей программы. Послѣ сверженія проклятаго царизма, слишкомъ триста лѣтъ угнетавшаго рабочихъ и крестьянъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Россія должна представлять изъ себя федеративную республику, гдѣ всякому народу должны быть предоставлены права на самоуправленіе. Намъ не нужно тирановъ и постановимъ цѣлью своею добиться того, чтобы пролетаріатъ могъ взять власть въ свои руки. Въ отношеніи войны, программою нашей партіи является: — миръ хижинамъ. Довольно лилось крови крестьянской! Русскому пролетаріату не нужно никакихъ аннексій и контрибуцій....

Рѣчь Воронкова длилась почти полтора часа и несмотря на то, что она была переполнена иностранными словами и мѣстами такъ запутана, что похоже было на то, что и самъ Воронковъ ее не понималъ, его слушали внимательно. Онъ говорилъ о томъ, что земля должна принадлежать трудящемуся на ней народу, что земля, какъ воздухъ и вода не могутъ быть ничьею собственностью. Онъ рисовалъ картину будущей Россіи, гдѣ не будетъ ни войны, ни воинской повинности, не будетъ полиціи, народъ не будетъ платить никакихъ податей и налоговъ, у каждаго будетъ прекрасный домъ и полная чаша, но все это будетъ общественное.

Солдаты, разинувъ рты и тяжело дыша слушали его, какъ слушаютъ дѣти разсказчика сказки, но они вѣрили этой сказкѣ.

Ему всталъ возражать капитанъ съ мужественнымъ Русскимъ лицомъ и окладистой черною съ просѣдью бородою.

Онъ говорилъ красиво, звучно, образно, чисто по Русски, пересыпая свою рѣчь остроумными словечками и пословицами. Онъ сталъ доказывать, что Россія безъ царя не мыслима, что намъ нужна конституціонная монархія, тогда не будетъ того, что было раньше.

Рѣчь Воронкова прерывалась частыми возгласами — «правильно», «правильно!» и рѣчь капитана, діаметрально противоположная по содержанію прерывалась такими же криками: — «правильно! Это вѣрно! Правильно сказано».

Или солдаты не понимали того, что имъ говорили или они сами не знали, чего хотѣть.

Саблинъ вышелъ съ митинга и поѣхалъ домой. Митингъ продолжался до позднягo вечера. Солдаты забыли про обѣдъ, про усталость и все стояли съ распаренными лицами въ духотѣ и слушали одного оратора, смѣнявшаго другого. Говорилъ полковникъ генеральнаго штаба, начавшій свою рѣчь подыгрываніемъ къ солдатамъ съ заявленія: — «Я соціалистъ революціонеръ и республиканецъ, я сторонникъ народоправства. Я самъ вышелъ изъ народа. Мой дѣдъ пахалъ землю, а мать моя была прачкой».

Онъ клеветалъ на свою мать. Его мать была дочерью статскаго совѣтника, а дѣдъ былъ помѣщикомъ, спустившимъ въ карты свое имѣніе.

Говорили Осетровъ, Гайдукъ, длинно и витіевато говорилъ Шлоссбергъ, цитировавшій Некрасова и чѣмъ дальше разъясняли солдатамъ ораторы то, что произошло въ Россіи, тѣмъ темнѣе становилось у нихъ на душѣ. Ясно было одно: произошло что то громадное, что совершенно все измѣнило и хотѣлось наблюдать эти измѣненія все шире и больше, хотѣлось пробовать силу народную.

Когда расходились, то шли задумчиво и молчаливо, озабоченные громадностью и сложностью поставленныхъ задачъ. Главное, боялись продешевить.

Софья Львовна обѣдала у командира полка, а потомъ въ его коляскѣ, оживленная и красивая, пріѣхала къ Саблину съ докладомъ о результатахъ митинга. Она смотрѣла ласковыми томными глазами на Саблина и по записочкѣ докладывала ему постановленія собранія.

Почти всѣ офицеры высказались за конституціонную монархію, солдаты — за рядъ отдѣльныхъ республикъ вродѣ Соединенныхъ Штатовъ, но безъ общаго президента. Всѣ офицеры и часть солдатъ: — война до побѣднаго конца въ полномъ согласіи съ союзниками. Подавляющее большинство солдатъ: — немедленное заключеніе мира и роспускъ по домамъ. Многіе офицеры и всѣ солдаты за демократизацію арміи и установленіе въ ней выборнаго начала. На митингѣ ясно выказалось недовѣріе солдатъ офицерамъ. Стоило офицеру что либо предложить, чтобы солдаты требовали совершенно противоположнаго. Среди солдатъ сквозила ненависть къ военной службѣ и къ мундиру...

— Ваше превосходительство, — сказала Софья Львовна, кладя свою бѣлую, холеную, сильную руку на руку Саблина и приближая къ его лицу свое красивое лицо съ глазами вдругъ наполнившимися слезами, — уѣзжайте куда нибудь!

Каріе глаза смотрѣли глубоко въ душу Саблина. Въ нихъ была любовь.. Не томленіе страсти, не желаніе сытой тридцати лѣтней свободной женщины, не влеченіе къ мущинѣ, но глубокая любовь. Что то материнское усмотрѣлъ Саблинъ въ большихъ карихъ глазахъ красивой еврейки.

— Ну я васъ прошу! Здѣсь хорошо не будетъ. Ахъ, Александръ Николаевичъ, они такъ озлоблены и на васъ и на всѣхъ офицеровъ, что страшно становится. Будетъ что то ужасное.

— Но вы, Софья Львовна, кажется такъ радовались революціи?, — сказалъ нервно Саблинъ. Близость красивой женщины его раздражала.

— Ахъ я ее воображала себѣ совершенно иначе. Это не революція. Это самый грубый бунтъ.

Полная рука дрожала на рукѣ Саблина. Красивое лицо было близко, большіе съ поволокой глаза смотрѣли съ любовью и жалостью. Саблину вспомнилась почему то Китти въ Павловскѣ послѣ парада. Онъ по дрожанію руки Софіи Львовны понялъ, что и она доступная. Доступная!...

Мураши побѣжали по тѣлу. Представилась летучка въ домѣ лѣсника и тамъ небольшая чистая комната Софіи Львовны. Постель, накрытая бѣлымъ одѣяломъ. Саблинъ оглянулъ ея полное тѣло, ея бѣлую шею, на которую сползали красивыми черными змѣйками завитки жирныхъ волосъ и всталъ.

— Благодарю васъ, Софія Львовна, — сказалъ онъ. Но бѣжать я никуда не бѣгу. Отъ своего долга не уйду. Да и куда уйдешь? Кругомъ тоже самое.

— Берегите себя, ваше превосходительство, — сказала Софія Львовна. — Я знаю васъ давно и я знаю, что такихъ, какъ вы мало въ Россіи. Вамъ грозитъ страшная опасность.

Она стояла у стола, освѣщенная снизу двумя свѣчами. Какія то тѣни бѣжали по ея лицу. Глаза были смущены. Тайна грозила слетѣть съ ея устъ. Она посмотрѣла еще разъ на Саблина и Саблинъ прочелъ въ ея взорѣ настоящую, глубокую, все забывающую любовь. Она опустила глаза и стала тяжело дышать. Саблину показалось, что она сейчасъ броситься ему въ объятія.

— Ваше превосходительство, — прошептала Софія Львовна. — Я скажу вамъ тайну. Эта тайна можетъ стоить мнѣ жизни. У насъ въ законѣ написано: — и лучшагоизъгоевъубей! Раздави главу змія... Теперь наши люди стоятъ у

власти... Вы... лучшій... Ахъ! Я такъ боюсь за васъ!... Я такъ люблю васъ!... Берегите себя!...

Въ избѣ стало такъ тихо, что Саблину казалось, что онъ слышитъ, какъ стучитъ сердце въ его груди. Софья Львовна стояла, опустивши голову на грудь. Блѣдность шла къ ея восточному лицу. Длинныя рѣсницы нервно вздрагивали и вздрагивала тѣнь отъ нихъ подъ самыми бровями.

Такъ прошло двѣ минуты. Часы отбивали ихъ на столѣ и Саблинъ слышалъ тиканіе маленькаго маятника въ золотой коробкѣ и на него отвѣчало его сердце.

— Прощайте, — сказала Софія Львовна, протягивая руку.

— Прощайте, — сказалъ Саблинъ и поцѣловалъ бѣлую руку, чего раньше никогда не дѣлалъ.

Она прошла тяжелымъ шагомъ по глиняному полу. Слышно было, какъ она звала кучера, запелестѣли по мокрому двору колеса, тяжело вздохнула у самаго окна лошадь, заскрипѣли рессоры и коляска покатилась.

Саблинъ сѣлъ на табуретъ за столъ, облокотился на обѣ руки и прошепталъ.

— И лучшаго изъ гоевъ убей!

Что же это? Или правда? Семьдесятъ мудрецовъ, на которыхъ намекалъ Верцинскій и которыхъ никто не знаетъ и Русская революція, руководимая изъ нѣдръ Сіона. Тайна?...

А лучше не думать.

Въ избѣ еще стоялъ запахъ духовъ и молодого женскаго тѣла. Софія Львовна влекла къ себѣ.

Нѣтъ, это не возможно, — сказалъ самъ себѣ Саблинъ. — Нѣтъ. Только не это! — Онъ вышелъ на дворъ и позвалъ Давыдова, сидѣвшаго въ сосѣдней халупѣ, въ канцеляріи штаба.

— Сергѣй Петровичъ, сказалъ онъ нервно. Давайте заниматься.

— Да заниматься нечѣмъ. Нечего дѣлать, — отвѣтилъ Давыдовъ.

— Бумагъ нѣтъ?
— Не поступало.
— Ну... давайте разрабатывать планъ наступленія на Камень Каширскій.
— Пустое дѣло! Теперь уже видно, что никакого наступленія не будетъ.
— Все равно, давайте.
— Какъ хотите, ваше превосходительство.

V

Германскіе развѣдчики доставили въ штабъ своей дивизіи флагъ, снятый ими съ Русскаго проволочнаго загражденія съ надписью «долой войну».

Флагъ былъ пересланъ въ штабъ корпуса, а оттуда въ штабъ Арміи. Послѣдовало распоряженіе о пріостановкѣ эвакуаціи Ковеля и штабъ Арміи донесъ о своевременности наступленія на Русскихъ съ цѣлью прогнать ихъ за рѣку. Уничтоженіе зарѣчныхъ плацъ-д'армовъ дастъ возможность освободить до трехъ дивизій для переброски на западный фронтъ.

Главное командованіе одобрило этотъ планъ и 20-го марта къ ночи нѣмецкая артиллерія, молчавшая больше мѣсяца, заговорила и начала обстрѣливать позицію у деревни Лѣсище.

Все попряталось по блиндажамъ и на окопахъ остались одни часовые.

Рядовой Пантюховъ, Пензенской губерніи, тридцатилѣтній мужикъ, неглупый малый, отецъ пятерыхъ дѣтей, заступилъ на постъ и упершись локтями на брустверъ и поставивши винтовку подлѣ, сталъ смотрѣть на догорающее закатное небо. Вечеръ былъ теплый, весенній. Пантюховъ собрался на постъ наскоро. Только что у нихъ въ караулѣ, не смотря на непріятельскую стрѣльбу былъ горячій споръ. Поручикъ Левенталь, изъ нѣмцевъ, доказывалъ, что нельзя отъ помѣщиковъ землю такъ ото-

брать, а надо, чтобы государство за нее заплатило и дало бы крестьянамъ въ разсрочку черезъ земельный банкъ, потому что у многихъ помѣщиковъ земля купленая и несправедливо такъ ее отнять, а прапорщикъ Гайдукъ говорилъ, что надо отобрать безвозмездно, потому, что помѣщикъ достаточно уже этою землею попользовался. Въ разгаръ этого интереснаго спора взводный выслалъ Пантюхова на часы. Пантюховъ накинулъ шинель съ оборваннымъ хлястикомъ, вдѣлъ рукава и, не беря ни патронташа ни противогаза, съ однимъ ружьемъ, путаясь въ полы шинели вышелъ къ брустверу.

— И платить хорошо и не платить можно, — думалъ Пантюховъ. — У насъ помѣщики Оболенскіе, три брата, земли у нихъ полторы тысячи десятинъ, а въ Замараловкѣ крестьянъ всего полтораста семействъ не наберется, значитъ по десять десятинъ на семейство приходится. Да есть и между крестьянами такіе, что свою землю имѣютъ, имъ и вовсе давать не надо. А давать надо такъ, у кого семья большая, тому и земли больше. У меня къ примѣру — Акулька, да Ванька, да Миша съ Гришей, еще Авдотья махонькая, какъ на войну итти родилась. Значитъ уже мало мало, а пятнадцать десятинъ мнѣ подавай. Опять прапорщикъ Гайдукъ правильно говорилъ, что и инвентарь дѣлить надо, потому долго они имъ владѣли. А у господъ Оболенскихъ однихъ коровъ триста головъ. И какія коровы. Одна къ одной. Рыже-бурыя. Изъ за границы ихъ выписывали въ десятомъ году. Всѣхъ подѣлить.

Шумъ и металлическіе удары на позиціи противника отвлекли на мгновеніе вниманіе Пантюхова.

— И чего онъ тамъ дѣлаетъ? подумалъ онъ. — Вѣдь учили насъ чему то. Пойтить развѣ доложить? А то погодить?... Опять у Оболенскихъ конный заводъ свой. Однихъ кобылицъ почитай шестьдесятъ, да четыре жеребца съ Тамбовской губерніи пригнаты, всѣхъ надоть подѣлить обязательно. На

что ему заводъ, когда земли у него не будетъ. И дѣлить, чтобы обязательно поровну. Только вотъ, чтобы не сдѣлали такъ, какъ въ пятомъ году мастерили, не стали бы ребята рѣзать. Народъ то озорной, ожесточится и пойдетъ кромсать, ни себѣ ни людямъ.

Пантюховъ уже давно отстоялъ свою смѣну, но никто не приходилъ къ нему. Но это его мало безпокоило. Онъ хорошо выспался днемъ въ теплой нагрѣтой людьми землянкѣ, ночь была хорошая, въ мѣру прохладная и такъ хорошо мечталось подъ синимъ небомъ, усѣяннымъ звѣздами.

— Ишь духъ то какой хорошій! Весною пахнетъ. Земля то, какъ благоухаетъ! Послѣ Благовѣщенія, али на Пасху хорошо бы и домой. Да, Господи благослови! и помѣщиковъ порѣшить и за пахоту приниматься на новыхъ дѣлянкахъ... А не унимается, германъ... И все то онъ работаетъ. Все работаетъ. Что значитъ офицерская палка надъ имъ. Боится. Н-да, а мы освободились, ловко... Только бы назадъ не вернулось. Вотъ ребята поговариваютъ — перебить ихъ нужно, чтобы и не встали. Тоже и перебить страшно. А ну какъ подъ отвѣтъ попадешь!... Ишь шумятъ какъ... Точно паровозы паръ выпущаютъ. И откуда у него тамъ машины, никогда раньше не было.

Вдругъ страшная мысль ярко прорѣзала его мозги.

Газы... Газы удушливые пускать будетъ! Уже пустилъ значитъ...

И все то, чему учили, что нѣсколько разъ репетировали при самомъ генералѣ Саблинѣ вдругъ встало со страшною яркостью въ мозгу Пантюхова. Первѣе всего противогазъ одѣть, потомъ тревога по всей линіи, на батарею сказать, костры зажигать, какъ подойдетъ газъ то значитъ, водой заливать, потому онъ воды боится, кто зачумѣлъ кислородомъ отпаивать.

Ахти родимые, а гдѣ же мой противогазъ! Пресвятая Богородица спаси насъ грѣшныхъ!... Что же это буде!... Да что же это буде!

Пантюховъ метался по окопу ничего не предпринимая. Пантюховъ хотѣлъ ракету пустить тревожную, кинулся къ ракетному ящику, а онъ водой залитъ. Какъ третьяго дня шелъ дождь, такъ и не вынесли его, а вѣдь говорилъ кто то, чтобы вынести, значитъ. И спички въ водѣ плаваютъ. Пантюховъ хотѣлъ на батарею сказать, да такъ одурѣлъ съ перепуга, что не могъ вспомнить, гдѣ батарейный телефонъ. Показалось ему, что уже газъ его тронулъ и тутъ вспомнилъ, что весь кислородъ ребята, балуясь, выпустили. А кислый онъ, кислородъ то, вспомнилъ Пантюховъ, ну и легкій же, такъ и пьешь его на манеръ лимонаду!

Онъ бросился въ ближайшую землянку и широко распахнулъ двери. На нарахъ горѣла жестяная лампочка. Восемь человѣкъ солдатъ, раздѣвшись до рубахъ ожесточенно играли въ карты. Остальные люди взвода спали тяжелымъ сномъ и храпѣли на всѣ тона.

— Газы, товарищи! Газы!.... крикнулъ Пантюховъ, дико вращая глазами и отъискивая свой противогазъ. Но найдти его среди разбросаннаго платья и бѣлья было нелегко.

— Что врешь?, грубо окликнулъ его старый солдатъ, подвигая къ себѣ кучку ассигнацій.

— Ей Богу, ребята, газы пустилъ нѣмецъ. Такъ и шумятъ.

Люди начали вскакивать съ наръ, кто то изъ спящихъ неловкимъ движеніемъ опрокинулъ лампочку и она потухла. Полный мракъ наступилъ въ землянкѣ. Въ этомъ мракѣ копошились и ругались люди отъискивая свою одежду и дрались, отнимая другъ у друга противогазы.

VI.

Съ сосѣдняго форта уныло неслись тусклые звуки била. Одѣтый въ противогазъ солдатъ, похожій на какого то демона, ударялъ обломкомъ подковы въ подвѣшенную желѣзную доску и звонъ ея раздавался печально и скучно по окопамъ. Люди суетились и выскакивали, большинство безъ противогазовъ, такъ какъ многіе оставили ихъ въ резервныхъ землянкахъ, когда шли на смѣну.

Мальчикъ прапорщикъ изъ кадетъ, у котораго только что солдаты отняли противогазъ со слезами въ голосѣ кричалъ на телефонѣ.

— Иванъ Андреичъ!... Иванъ Андреичъ!... Господинъ капитанъ!... Вы? Ахъ Господи!... Открывайте скорѣе огонь... По расписанію № 4. Газовая атака... что?... Не позволяютъ?... Караулъ отъ нашей дивизіи? Да скажите имъ — мы погибаемъ!...

Часть роты, руководимая офицерами одѣла противогазы и выстраивалась вдоль бруствера. Тѣ, у кого не отыскалось противогаза бѣжали толпами къ рѣкѣ.

Далеко за рѣкою заметались сполохами жолтые огни и выстрѣлъ за выстрѣломъ загремѣла приданная корпусу артиллерія. Пѣхотные делегаты вняли мольбамъ изъ окоповъ и разрѣшили открыть противогазовый огонь. Но было поздно.

Въ сумеркахъ ночи надъ черной сырою землею надвигался густою пеленою низкій туманъ. Легкій западный вѣтеръ быстро гналъ его прямо на окопы. Онъ подкатилъ къ чуть намѣчающимся въ темнотѣ кольямъ проволочнаго загражденія и сейчасъ же поглотилъ ихъ. И стало ясно, что онъ такъ быстро идетъ, что убѣжать отъ него невозможно.

Била, звенѣвшія по всему фронту окоповъ, смолкли. Прапорщикъ, говорившій по телефону, безъ противогаза и шапки выбѣжалъ на брустверъ и скомандовалъ положить винтовки и быть готовымъ встрѣтить атаку. Много людей стояло, завя-

завши рты платками, безъ противогазовъ. Это были лучшіе, старые солдаты.

Пахнуло кислымъ, какою то удушливою химіею, легкій дурманящій запахъ горькаго миндаля примѣшался къ нему, желтая пелена надвинулась на лица, на сырую отъ ночной росы ивовую плетенку окопа. Лица, незакрытыя противогазомъ стали зелеными и глаза вдругъ широко раскрылись и выразили ужасъ.

Что же это?, подумалъ прапорщикъ, и вдругъ задвигалъ пальцами во всѣ стороны. Ему показалось, что его мама, милая любимая мама, высокая, розовая, въ каштановыхъ волосахъ и молодая еще мама нагнулась къ нему, какъ тогда на ихъ квартирѣ, на Мойкѣ, когда благословляла она его прощаясь... Собачка Бобка царапаетъ полу его шинели и скулитъ, будто понимаетъ всю тяжесть разлуки. Бабушка стоитъ въ углу. Сѣдая... и все креститъ его мелкимъ дрожащимъ движеніемъ руки... Мама! Мама! Бабушка! захотѣлъ крикнуть прапорщикъ, но не крикнулъ ничего и упалъ на спину со страшнымъ, перекошеннымъ,ставшимъ зеленовато желтымъ лицомъ. Кругомъ падали люди. Ихъ внезапная смерть, лица, выражавшія нечеловѣческій ужасъ и зеленовато желтыя, страшныя, не похожія на лица мертвецовъ навели ужасъ и на тѣхъ, кто смотрѣлъ сквозь мутныя стекла противогазовъ. Солдаты стали сходить съ позиціи и идти назадъ. Позиція пустѣла. Солдаты шли къ рѣкѣ. На дорогѣ они натыкались на одиночныхъ людей, на цѣлыя кучи людей лежащихъ по полямъ и по дорогѣ. Это были тѣ, которые убѣжали раньше и которыхъ газъ нагналъ въ пути.

Наступалъ разсвѣтъ. Все колебалось въ мутныхъ желто-зеленыхъ волнахъ газа, который заполнилъ всѣ впадины и лощины и лежалъ въ нихъ. Тамъ, гдѣ стояли кухни, лежали мертвыя лошади, мертвые кашевары и печально догорали топки брошенныхъ котловъ.

Мосты на рѣкѣ были сломаны. Снѣгъ на льду былъ до середины рѣки покрытъ желтымъ налетомъ. Дальше газъ не пошелъ — сырость рѣки его съѣла, онъ растворился.

Люди въ противогазахъ толпились, не смѣя стать на ледъ.

— Чего стали то! — раздавались глухіе изъ противогазовъ голоса.—Все одно погибать! Вали на ледъ

Мальчикъ прапорщикъ сталъ на ледъ и легко перебѣжалъ на ту сторону.

— Ахъ! Вали! Вали! держитъ... и толпа солдатъ кинулась на ледъ. Но онъ не выдержалъ, осѣлъ, затрещалъ и люди стали проваливаться въ темную дымящуюся воду. Было неглубоко, вода доходила едва до пояса, но идти дальше было нельзя.

— На мостъ, на большой мостъ! Товарищи на мостъ!, раздавались голоса.

Не думая о непріятелѣ, солдаты кинулись вверхъ по рѣкѣ къ большому мосту, который еще былъ цѣлъ.

Въ это время въ окопы входила жидкая цѣпь германскихъ развѣдчиковъ. Люди въ сѣрыхъ шинеляхъ и низкихъ металлическихъ каскахъ, изъ подъ которыхъ страшными выглядывали темные, точно лица демоновъ противогазы, держа ружья на перевѣсъ разсыпались по укрѣпленію. Они открыли рѣдкій ружейный огонь по бѣгающимъ по берегу людямъ и тѣмъ заставили ихъ еще торопливѣе бѣжать на мостъ.

Но мостъ былъ занятъ. Съ той стороны на него вливалась густая колонна людей, въ противогазовыхъ маскахъ. Это шли 204 и 209-й полки, наскоро собранные Саблинымъ. Саблинъ лично велъ ихъ въ контръ атаку.

VII.

Совсѣмъ разсвѣло. Солнце свѣтило сзади, косыми лучами освѣщая песчаный холмъ, за которымъ

были укрѣпленія Лѣсиценскаго плацъ-д'арма. По скату холма колебались волны желто зеленаго тумана. Сквозь очки противогаза мѣстность представлялась неестественной и непохожей на землю. Старая трава приникла подъ газомъ и потемнѣла. Въ межахъ лежали мертвые жаворонки, застигнутые газомъ. Весь скатъ холма съ дорогой, спускавшейся отъ господскаго дома былъ покрытъ мертвыми тѣлами. Лошади упали въ коляскѣ и на козлахъ сидѣлъ мертвый солдатъ склонившись впередъ и зеленое лицо его выражало муку и ужасъ. Внутри коляски съ такими же зелеными лицами сидѣли бригадный генералъ и полковникъ Пастуховъ. Въ свалившейся на бокъ бричкѣ, видно лошадь въ предсмертной агоніи кинулась въ сторону, сидѣли мертвые дѣлопроизводитель и казначей въ погонахъ гражданскихъ чиновниковъ. Утренній вѣтеръ трепалъ черной бородой на зеленомъ лицѣ казначея.

Эти картины были страшны непостижимостью своею. Поле боя не походило на поле боя, но точно, страшная костлявая смерть съ косою прошла по нему и свалила внезапно такъ много народа. Мертвецы были страшные, земля была страшная и выходившіе на тотъ берегъ солдаты колебались.

— 1-ый батальонъ поротно въ двѣ линіи вправо отъ дороги, сказалъ Саблинъ и голосъ его глухо раздался изъ противогаза.

Шинель его пожелтѣла отъ газа, а погоны стали тусклыми съ зеленымъ оттѣнкомъ и на нихъ чернымъ казался вышитый вензель Государя.

Саблинъ остановился, чтобы пропустить впередъ головную роту. Ее велъ Козловъ. Но какъ только роты разошлись на интервалы онѣ пошли тише.

Навстрѣчу бѣжали люди въ противогазахъ.

— Товарищи, кричали они и голоса ихъ тускло звучали изъ резиновыхъ чахловъ масокъ, — назадъ, товарищи, все пропало. Его сила!

Козловъ и за нимъ Ермоловъ шли впереди и за ними молча шелъ Морочненскій полкъ. Первыя

полуроты разсыпались въ цѣпь. Германскіе развѣдчики стали покидать окопы. Со стороны германцевъ показались густыя темныя цѣпи.

Саблинъ поднялся на холмъ и смотрѣлъ въ бинокль сквозь очки противогаза на поле боя. Мороченскій, а за нимъ и Павлиновскій полки были ближе къ окопамъ, нежели германцы. Еще одно усиліе и плацъ-д'армъ будетъ снова занятъ Русскими войсками, а въ укрѣпленіяхъ они отсидятся. Наша артиллерія хотя и безпорядочно, видно не было настоящаго наблюдателя, но поражала противника и нѣмецкія цѣпи часто ложились.

Секунды казались вѣчностью.

Ермоловъ, шедшій впереди, то и дѣло приподнималъ противогазъ и звонко и одушевленно кричалъ — впередъ, братцы! впередъ! Наша взяла!

Надъ головами раздалось мѣрное жужжаніе нѣсколькихъ пропеллеровъ. Эскадрилья аэроплановъ съ черными крестами на крыльяхъ летѣла навстрѣчу бригадѣ Саблина. Глухо стали падать и взрывать бурымъ дымомъ бомбы, сверху затрещали пулеметы. Саблинъ приподнялъ противогазъ и крикнулъ:

— Не робѣть! Бѣгомъ впередъ въ окопы! —

Ѣдкій кислый запахъ заставилъ его поперхнуться и закрыть маску.

Солдаты пошли впередъ.

Но въ это время отъ Павлиновскаго полка отдѣлилась маленькая группа людей. Надъ нею рѣялъ красный флагъ съ черной надписью. Иногда то одинъ, то другой изъ этой группы останавливался и приподнявши противогазъ звонко кричалъ:

—Назадъ! Назадъ! На мостъ! Спасайся кто можетъ.

Цѣпи остановились. Бомба, брошенная съ аэроплана, разорвалась у резервной роты и нѣсколько человѣкъ было убито.

Саблинъ выхватилъ револьверъ и кинулся къ бѣжавшимъ къ нему людямъ.

Передъ нимъ мелькнуло блѣдное лицо Осетрова, вдругъ снявшаго маску и крикнувшаго:

— Арестовать генерала. Онъ продался нѣмцамъ! Онъ нѣмецкій шпіонъ!

Это было такъ нелѣпо, что Саблинъ остановился и прицѣлился въ Осетрова, но въ ту же минуту чьи то грубыя сильныя руки схватили его сзади, толпа съ краснымъ флагомъ окружила его. Онъ по погонамъ и по голосамъ узналъ Гайдука, Шлоссберга,Икаева и Воронкова. Воронковъ держалъ красный флагъ, на которомъ было написано «долой войну!»....

Саблина обступили и подхватили подъ руки и стремительно повлекли внизъ къ мосту.

Всѣ бросились за нимъ. На мосту образовалась давка. Аэропланы бросали бомбы.

— Чего на мостъ, валяй мимо! Мимо валяй. Ледъ то, онъ выдержитъ, — ревѣлъ чей то могучій басъ.

Люди сыпались на ледъ, одни перебѣгали по нему благополучно на ту сторону, другіе проваливались, бились среди льдинъ, тонули,третьи пробирались въ бродъ и надъ всею этою толпою, надъ всѣмъ этимъ хаосомъ, рѣяли аэропланы, бросали бомбы и трещали ихъ пулеметы. Аэропланы спускались такъ низко, что простымъ глазомъ было видно летчиковъ, но никто не стрѣлялъ по нимъ. Всѣ, задыхаясь въ маскахъ, толкаясь и ругаясь, бросая раненыхъ, бросая ружья стремились, кто на мостъ, кто на ледъ.

По мосту въ густой толпѣ солдатъ вели подъ руки арестованныхъ генерала Саблина, Давыдова, подполковника Козлова и подпоручика Ермолова. Съ генерала Саблина погонъ не посмѣли сорвать, у Давыдова, Козлова и Ермолова погоны были сорваны.

За мостомъ снимали противогазы и шли поспѣшно, не оглядываясь къ лѣсу, гдѣ надѣялись укрыться отъ нападеній аэроплановъ.

Бригада германской пѣхоты свободно входила въ покинутые окопы Лѣсищенскаго плацъ-д'арма.

Раздавались короткія команды и приказанія германскихъ офицеровъ, появлялись люди съ бочками на спинахъ и пульверизаторами въ рукахъ и выбивали газъ изъ окоповъ. Всѣ работали дружно и дѣловито, стаскивая отравленныхъ русскихъ, разбирая ружья и амуницію. Безъ единой потери, если не считать нѣсколькихъ убитыхъ и раненыхъ артиллерійскимъ огнемъ — страшный плацъ-д'армъ, угроза Ковелю, былъ очищенъ и нѣмцы готовили дивизіи для переброски на западный фронтъ.

Если бы они хотѣли они могли бы идти далеко вглубь Русской позиціи. N—скій армейскій корпусъ въ это время почти не существовалъ.

Въ штабѣ корпуса стремительно и молніеносно распоряжался Воронковъ. Онъ вызвалъ делегатовъ отъ полковъ корпуса для суда надъ генераломъ Саблинымъ и подполковникомъ Козловымъ, онъ отдалъ артиллеріи приказъ прекратить стрѣльбу и властнымъ тономъ разговаривалъ съ Пестрецовымъ.

Пестрецовъ не зналъ, что дѣлать. Послать ли ему казаковъ для ареста Воронкова, и тѣхъ кто съ нимъ за одно, или пойдти на мировую? Онъ снесся съ фронтомъ. Изъ штаба фронта отвѣтили, чтобы онъ безъ нужды къ репрессіямъ не прибѣгалъ, Саблинъ самъ виноватъ, зачѣмъ не снялъ вензелей и арестовывалъ за красные флаги. Надо было пріять революцію и идти съ народомъ, а не противиться. При штабѣ фронта засѣдалъ фронтовой съѣздъ делегатовъ. Пестрецову дали понять, чтобы онъ уговорилъ Воронкова отправить Саблина въ штабъ фронта на съѣздъ. Съѣздъ настроенъ благожелательно и инцидентъ разрѣшится какъ нибудь.

Пестрецовъ такъ и сдѣлалъ. Онъ уговорилъ Воронкова отправить арестованныхъ генераловъ и офицеровъ въ штабъ фронта и Воронковъ, боявшійся, чтобы ему не пришлось отвѣчать, согласился и снарядилъ прапорщика Гайдука съ конвойными для отправки Саблина, Давыдова, Козлова и Ермолова въ штабъ.

Солдаты корпуса понемногу расходились. Каждую ночь изъ каждой роты уходило по 5 по 10 человѣкъ. Уходили лучшіе, солидные солдаты. «Что жъ», говорили они,—«теперь добра не жди. Солдатъ арестовалъ генерала, егорьевскаго кавалера, а начальство съ этимъ солдатомъ замѣсто того, чтобы разстрѣлять его, разговоры разговариваетъ. Что же это будетъ?»

Пантюховъ, чудомъ спасшійся и убѣжавшій за рѣку разсказалъ кое кому изъ своихъ земляковъ свои соображенія на счетъ дѣлежа экономіи Оболенскихъ и они рѣшили, семь человѣкъ, уйти до дома.

Они три дня скрывались лѣсами, шли опасливо, но когда добрались до тыла, то убѣдились, что скрыватъся было нечего. Всюду всѣмъ заправляли солдаты, вездѣ звучало ласковое слово «товарищъ», дезертирами была полна Россія и слово «дезертиръ» звучало даже, какъ будто, гордо и почетно.

Пантюховъ съ пріятелями ѣхалъ къ Пензѣ въ первомъ классѣ и срѣзалъ бархатную обивку дивановъ на подарокъ женѣ.

— То то обрадую ее неожиданно, — говорилъ онъ товарищамъ.

Русская армія перестала существовать.

VIII.

Въ Россійскомъ государствѣ совершались перевороты. Все то,— въ чемъ обвиняли Государя Императора тѣ, которые взялись управлять за него, повторяли съ еще болѣе грубыми ошибками. Министры смѣнялись чуть не ежедневно. Верховнаго Главнокомандующаго Николая Николаевича, замѣнившаго въ Ставкѣ Государя, отправили на Кавказъ, но потомъ, по настоянію Совѣта Солдатскихъ

и Рабочихъ депутатовъ, уволили отъ службы и разрѣшили переѣхать въ Крымъ. Его смѣнилъ генералъ Брусиловъ, понравившійся толпѣ своею демократичностью, но и онъ удержался не долго. Его замѣнили генераломъ Корниловымъ, на котораго смотрѣли, какъ на человѣка выдающихся воинскихъ талантовъ.

Петербургъ не успокаивался. Полицію послали на фронтъ, ее замѣнила милиція изъ обывателей. Митинги и демонстраціи не прекращались. Во всѣ дѣла управленія властно вмѣшивалась толпа и предъявляла свои требованія. Въ теплый и блѣдный апрѣльскій вечеръ вольноопредѣляющійся Линде роздалъ солдатамъ Финляндскаго полка по новенькой двадцатипятирублевкѣ и вывелъ ихъ на площадь Маріинскаго дворца, гдѣ засѣдало Временное Правительство. Къ Финляндскому полку, бывшему далеко не въ полномъ составѣ, присоединился 2-й Балтійскій экипажъ и еще какіе то проходящіе солдаты. Они выкинули красные флаги съ обычнымъ «долой». Они требовали удаленія Милюкова и Временнаго Правительства, передачи власти Совѣту и прекращенія войны. Временное Правительство пошло на компромиссы и мягкаго и податливаго князя Львова смѣнилъ пылкій и коварный, на все готовый Александръ Ѳедоровичъ Керенскій. Милюкова удалили.

Петербургъ бѣсновался. Дамы общества, вчера вѣрноподданныя Его Величества, бѣгали слушать и смотрѣть на Керенскаго и засыпали его цвѣтами. Толпа почтительно смотрѣла, какъ Madame Керенская на царскихъ лошадяхъ и съ царскимъ кучеромъ подъѣзжала къ самымъ дорогимъ магазинамъ и заказывала себѣ туалеты и покупала драгоцѣнное бѣлье. Газеты, захлебываясь въ холопскомъ усердіи, помѣщали громадныя фотографіи Керенскаго и моментальные снимки съ его жизни во дворцѣ и на фронтѣ. На Керенскаго молились и видѣли въ немъ Россійскаго Наполеона. Мозги бѣд-

ной, усталой отъ войны Россіи пошатнулись и было похоже, что Россія сходила съума.

Но природа оставалась все та же, равнодушная, величественная, презрительно относящаяся къ людскимъ волненіямъ.

Въ концѣ апрѣля стали благоухать по бульварамъ, скверамъ и садамъ тополя и выбросили клейкія почки, березки покрылись сережками и маленькимъ зеленымъ пухомъ листочковъ и стали набухать вѣтки сирени. На улицахъ появились дѣвочки, продающія маленькіе букеты фіалокъ и сладко пахнущіе ландыши. Среди шума и грохота ломовыхъ подводъ, лязга желѣза, гула трамваевъ, пароходныхъ гудковъ и говора многолюдной толпы, появились гости полей и лѣсовъ — ранніе цвѣты печальнаго сѣвера и петербуржца потянуло на дачу. Охая и кряхтя: — ломовая подвода, стоившая пять цѣлковыхъ, требовала пятьдесятъ, сто рублей за доставку мебели на дачу, съеживаясь въ другомъ, занимая и продавая вещи, петербуржцы переселялись на дачу — и устраивались по лѣтнему.

Въ маѣ мѣсяцѣ опушилась бѣлыми и лиловыми пучками цвѣтовъ густая сирень и что до того, что теперь ее безжалостно ломали, она цвѣла, пышная и ароматная. Млѣли подъ лучами солнца задумчивые пруды Царскаго Села, отражались въ нихъ минаретъ и куполъ купальни-мечети, Орловская колонна и зеленыя ивы свѣшивали къ нимъ острые тонкіе листья. И ни притоптанная солдатами трава, ни заплеванныя шелухою отъ сѣмечекъ дорожки не могли испортить очарованія густой зелени, голубого неба и красиво размѣщенныхъ группъ деревьевъ, аллей изъ могучихъ липъ и меланхоличныхъ лиственницъ.

Такою же точною, размѣренною жизнью, какою жила природа, жила семья Полежаевыхъ, въ которую переѣхала Таня Саблина. Полежаевъ былъ богатымъ помѣщикомъ. На югѣ Россіи, въ привольи Таврическихъ степей, у него было богатое имѣніе,

дававшее ему возможность жить такъ, какъ онъ хотѣлъ. Полежаевъ очень недолго, всего три года, прослужилъ въ томъ же полку, въ которомъ служилъ Саблинъ, потомъ женился и сейчасъ же вышелъ въ отставку, отдавши всего себя сначала женѣ, а потомъ дѣтямъ. У него ихъ было трое — Павелъ, которому шелъ въ это время двадцатый годъ, Николай, девятнадцати лѣтъ и Ольга семнадцати. Вскорѣ послѣ родовъ Ольги, жена Полежаева умерла, Полежаевъ остался одинъ при дѣтяхъ. Онъ окружилъ ихъ самымъ тщательнымъ уходомъ, но, чувствуя что онъ балуетъ ихъ, онъ отдалъ мальчиковъ въ Пажескій корпусъ, а дочь въ Смольный институтъ, гдѣ она сошлась и подружилась съ Таней Саблиной.

Молодое поколѣніе Русской интеллигенціи уже давно подготовлялось къ пріятію революціи. Свободное чтеніе, легкость сужденій о вѣрѣ и религіи, презрѣніе къ своему прошлому, отсутствіе патріотизма отличали Русскія школы. Дѣти расли безъ твердыхъ жизненныхъ устоевъ, безъ связи съ прошлымъ. Какъ оранжерейное растеніе, насильно выгнанное на жирной почвѣ въ душной атмосферѣ парника, такъ и эти дѣти, рано познавшія азартъ политическихъ споровъ, свободу любви, расли блѣдныя и нездоровыя, стремились къ чему то новому, невиданному, отметали старое, старались создать что то такое, чего еще никогда никому не удавалось создавать. Поэзія, проза, живопись, архитектура, скульптура все получало больные образы, нагло кричащія краски, изломанныя линіи. Красивый, звучный, образный языкъ Пушкина, Карамзина и Гончарова имъ казался прѣснымъ и скучнымъ. Они искали новыхъ словъ — и создавали ихъ, они искали новаго размѣра стиховъ и новыхъ риѳмъ, они искали новыхъ красокъ. И многіе не выживали въ этихъ поискахъ и разочарованные въ новомъ, не вѣря въ старое, они кончали самоубійствомъ, уходили сами изъ жизни.

Революція сняла съ нихъ послѣднія цѣпи, разрушила послѣдній мостикъ, соединявшій ихъ съ старой Россіей.

Профессоръ Мануйловъ въ угоду малограмотнымъ, прикрывая свое невѣжество научными изысканіями, отъ имени Временнаго Правительства, объявилъ о введеніи въ Россіи новаго упрощеннаго правописанія: на звучность и красоту Русскаго языка посягнула рука новаго Правительства. Ему ничего не было жаль изъ того, что связывало Россію съ ея прекраснымъ прошлымъ. Традиціи быта, религія, наконецъ, родное правописаніе все было уничтожено для того, чтобы обезличить Россію, чтобы сдѣлать ее похожей на что то другое и уничтожить національное чувство. Точно какой то рокъ влекъ Россію по пути къ интернаціоналу...

Но въ семьѣ Полежаевыхъ этого не было. Корпусъ и семья съ прочными традиціями старой Русской жизни, лучшій институтъ съ вѣковыми устоями полумонастырской жизни дали возможность Павлику, Никѣ и Олѣ вырасти въ обожаніи Россіи. преклоненіи передъ монархомъ, въ глубокой, доходящей до фанатизма вѣрѣ въ Бога и въ дни всеобщаго шатанія эти молодые люди ясно и твердо смотрѣли въ будущее и ни на минуту не теряли вѣры въ милосердіе Господа. Они искали въ толпѣ, проносящейся мимо нихъ, героевъ, вѣрили въ то, что эти герои будутъ, готовились сами стать этими героями. Они, друзья Тани Саблиной, обожали ея отца и намѣтили его въ герои, который спасетъ Государя. Когда будетъ спасенъ Государь, тогда будетъ спасена и Россія: въ это они вѣрили глубоко.

Государь отрекся. Это неважно. Оля и Таня, — онѣ особенно чутко все это переживали, знали при какихъ обстоятельствахъ онъ отрекся. Его заставили отречься, у него силою вынудили это отреченіе и такое отреченіе недѣйствительно. Они знали, что Государь жилъ, какъ узникъ въ Александровскомъ дворцѣ въ Царскомъ Селѣ и, сами живя въ Цар-

скомъ, они мечтали помочь ему и, когда можно будетъ, спасти его. Они знали, что караулы по охранѣ его несутъ стрѣлки и Ника, кончившій ускоренный выпускъ Пажескаго корпуса, вышелъ не въ кавалерію, какъ хотѣлъ, а въ пѣхоту и устроился въ Царскосельскіе стрѣлки. Павликъ былъ на фронтѣ и мечталъ сдѣлать тоже самое. Въ семьѣ Полежаевыхъ создавался маленькій заговоръ для спасенія Государя.

Оля и Таня никогда не осуждали Государя. Онъ былъ для нихъ не человѣкъ, Николай Александровичъ Романовъ, съ человѣческими слабостями и способностью радоваться, или страдать, но эмблема власти, эмблема Россіи и приложить къ нему людской масштабъ онѣ не могли. Онѣ знали, какъ много приходилось терпѣть Царскоіі семьѣ отъ грубости караульныхъ и отъ наглаго издѣвательства надъ ними не чуткихъ, враждебно настроенныхъ къ нимъ людей и онѣ страдали за неё.

Царская Россія была все для нихъ. Счастливое дѣтство: — елка на Рождество, съ парафиновыми цвѣтными свѣчками, съ лакомствами и подарками, съ ожиданіемъ звѣзды, до которой нельзя было ѣсть, съ морозною снѣжною зимою за окнами, Новый Годъ съ визитерами во фракахъ и мундирахъ съ эполетами, съ баломъ въ институтѣ, великій постъ съ говѣніемъ и постной пищей, со страхомъ итти на исповѣдь и грѣхами, записанными на бумажкѣ, радость причащенія, весна съ ея Троицынымъ днемъ и клейкими бѣлыми березками у изголовья кроватей, лѣто въ имѣніи съ безконечною степью, по которой суетливо бѣгаютъ суслики и гдѣ бродятъ громадныя стада барановъ, возвращеніе въ институтъ, радостная встрѣча съ подругами, мечтанія подъ липою на берегу Невы, отъ которой пахнетъ сыростью, смолою и каменнымъ углемъ и на которой протяжно гудятъ пароходы, длинныя всенощныя съ красивымъ пѣніемъ институтскаго хора и трогательнымъ «величитъ душа моя Госпо-

да», — радостныя обѣдни, на которыхъ точно душа открывается, когда послѣ тихаго пѣнія: «Тѣло Христово пріимите», вдругъ радостно и скоро скажетъ хоръ — «аллилуіа, аллилуіа»... — это все была Россія!! Когда священникъ появлялся послѣдній разъ съ святыми Дарами и говорилъ: «всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ», слезы туманили глаза Оли и Тани и, стоя на колѣняхъ и нагнувши головы, онѣ повторяли, содрогаясь отъ внутренняго восторга: — «всегда, нынѣ и присно и вовѣки вѣковъ»! — Что всегда, что теперь и всегда? Что?

И радостно откликалось сердце: Р о с с і я!!!

Тѣ, кто рѣшилъ сокрушить и уничтожить Россію знали по какому мѣсту ее надо ударить. Они уничтожали ея старый бытъ, они уничтожали ея исторію, ея православную вѣру и Царя.

Но въ сердцахъ Павлика и Ники, Оли и Тани они не могли ничего этого уничтожить. И никто изъ нихъ, посягнувшихъ на Россію не зналъ сколько такихъ сердецъ, какъ у Павлика и Ники, у Оли и Тани бьется по всей могучей и великой Россіи!...

IX

Лѣтнее утро вставало ясное съ голубымъ небомъ и много радостей обѣщающимъ солнцемъ. Но потомъ поднимались откуда то снизу, вставали изъ за лѣса и парковъ, сѣдые туманы, ползли лиловыми тучами, закрывали дали и скупо свѣтило черезъ нихъ солнце. Надо было торопиться гулять, пока солнце свѣтило и отражалось огнемъ отъ блестящихъ прудовъ, надо было торопиться гулять, пока о н и учились или спали по казармамъ. Они — хозяева Царскосельскаго парка. Когда, послѣ обѣда, выходили они гульливыми толпами и наполняли весь паркъ, становилось страшно гулять даже по людным дорожкамъ. Они никого не боялись. Про нихъ разсказывали что то такое ужасное, чего дѣвушки не понимали и знать чего не могли, но о чемъ смутно догадыва-

лись и холодѣли мертвеннымъ холодомъ при одной мысли объ этомъ.

Они все могли. Они держали въ плѣну, подъ арестомъ самого Государя, чего же больше!

Оля и Таня, обѣ одинаково одѣтыя въ бѣлыя блузки съ открытыми шейками и темныя короткія юбки вышли гулять съ миссъ Прокторъ, старой англичанкой и веселой разбойничьей «Квикъ» шотландской овчаркой, съума сходившей отъ запаха лѣта, отъ радости солнечнаго свѣта и возможности носиться взадъ и впередъ по дорожкамъ съ дѣловитымъ и важнымъ видомъ.

Таня выше ростомъ и крѣпче нежели Оля. У нея такіе же золотистые густые волосы, какіе были у Вѣры Константиновны и такіе же голубые глаза. Она напоминаетъ нѣжнымъ оваломъ лица съ прекрасною прозрачною золотистою кожею фарфоровую куколку. Черты лица у ней тонкія, губы чуть пухлыя, открытыя, носъ небольшой съ розовыми ноздрями. Оля брюнетка. Ея густые волосы не отросли еще послѣ тифа, бывшаго годъ тому назадъ и завязаны на затылкѣ узломъ. Лицо чистое, бѣлое, съ тонкими черными бровями, изъ подъ которыхъ ясно и честно, прямо въ глаза каждому, смотрятъ глубокіе каріе глаза. Носъ и ротъ маленькій, такой же подбородокъ и румянецъ во всю щеку говоритъ о ея прекрасномъ здоровьѣ.

Обѣ дѣвушки шли свободнымъ, быстрымъ шагомъ и песокъ хрустѣлъ подъ ихъ маленькими башмачками.

Таня несла въ рукѣ книжку въ блѣдно желтой обложкѣ англійскаго романа.

Онѣ прошли мимо озера, вошли въ густую аллею громадныхъ липъ, уходящую въ даль и сѣли на скамейкѣ.

— Let us read,*) сказала миссъ Прокторъ.

---

*) Будемъ читать?

— Directly miss Proctor, we would like to chatt.*) сказала Таня. —Оля, — обратилась она къ Полежаевой, — какъ ты думаешь, ему видны эти большія аллеи? Онъ можетъ по нимъ гулять?

Олѣ не нужно было говорить о комъ такъ говорила Таня. Ихъ мысли были заняты только Государемъ и его семьею.

—Мнѣ папа разсказывалъ, —продолжала Таня, — что онъ такъ любилъ эти аллеи. Видитъ-ли онъ ихъ теперь? Онъ любилъ природу и красоту. Цвѣты его слабость. А есть у него цвѣты теперь?

— Ника намъ все разскажетъ. Онъ сегодня въ караулѣ при немъ и постарается все разузнать.

— Что ужасно, Оля, что кругомъ него люди чужіе ему, другого воспитанія. Этотъ Коровниченко.... Онъ вовсе не полковникъ, а адвокатъ, онъ дурно воспитанъ и часто, даже не желая того, онъ оскорбляетъ Государя. Дѣлаютъ обыски. Съ тѣхъ поръ, какъ во главѣ Правительства Керенскій, жизнь Государя стала ужасной.

— Они этого, Таня, не понимаютъ. Ника говорилъ, что солдаты настаиваютъ, чтобы онъ жилъ такъ же какъ они и питался такою же пищею, какъ они. Его во всемъ урѣзываютъ и въ то же время не только солдаты, но и офицеры крадутъ, что попало изъ вещей Государя и его семьи. И некому жаловаться!

— Государь никогда не станетъ жаловаться. сказала Таня.

— Ахъ, Таня, я часто думаю, какъ хорошо, хорошо было бы увезти его отсюда, отъ этихъ грубыхъ жестокихъ людей.

— Его хотѣли увезти въ Англію, но онъ отказался покинуть Россію. «Народъ не предастъ меня». сказалъ онъ, «и не сдѣлаетъ мнѣ ничего худого».

— Какъ онъ вѣритъ въ народъ и какъ свято любитъ Россію!!.....

---

*) Сейчасъ, миссъ, намъ хочется немного поболтать.

Квикъ покорно улегся на дорожкѣ у ногъ дѣвушекъ. Золотые кружки, какъ червонцы разсыпались по песку аллей, на темно синихъ тѣняхъ, отъ густой зелени деревьевъ. Дѣвушки молчали.

— Я думаю Таня, проговорила Оля, мечтательно глядя вдаль. — Я думаю, не можетъ быть, чтобы всѣ Русскіе люди стали такими скверными. Есть же настоящіе честные люди, которые не забыли Бога. Я часто думаю, что гдѣ нибудь, далеко, за Волгой, гдѣ растутъ дремучіе лѣса, есть старообрядческіе скиты. Никто про нихъ не знаетъ. Зарылись въ чащу лѣсную старцы и бѣлицы благочестивыя, усердіемъ людей старой вѣры построены у нихъ храмы громадные, обители крѣпкія и ведетъ туда только одна никому невѣдомая тропинка черезъ болота топкія. Вотъ куда хотѣла бы я спрятать ихъ. Пусть окружаетъ ихъ благочестіе, привѣтъ и ласка христіанской любви. Тамъ росъ бы въ истинной вѣрѣ и учился наслѣдникъ, тамъ спокойно воспитывались бы великія княжны и Государю было бы хорошо отдохнуть отъ трудовъ среди любимой имъ природы. А, когда настанетъ время, образумится Русскій народъ онъ и явился бы снова.

— Но есть ли такіе скиты, про которые никто не знаетъ. Вѣдь если знаетъ кто либо, то выдадутъ комиссару и тогда эти люди......убьютъ Государя.....

Губы Тани зад жали. Слезы показались на ея глазахъ.

— Ты знаешь, солдаты уже грозили убить его. Къ коменданту дворца являлся какой то неизвѣстный человѣкъ, одѣтый въ форму полковника. Онъ показалъ коменданту приказъ, подписанный Чхеидзе отъ имени Совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ, съ требованіемъ перевезти Государя и семью въ Петропавловскую крѣпость. Подумай какой ужасъ!

Наступило долгое молчаніе. Въ тепломъ воздухѣ пахло цвѣтами и могучею зеленью парка. Становилось жарко.

—Какое теплое лѣто стоитъ, проговорила Оля. И какъ это тоже ужасно! Ты знаешь, императрица не выноситъ жары, у нея дѣлаются сердечные припадки. Государь просилъ повѣсить жалюзи. Керенскій ему въ этомъ отказалъ, а самъ живетъ во дворцѣ, спитъ на кровати императора Александра III и носитъ бѣлье Государя.

— Зазнавшійся хамъ!...

— Мнѣ разсказывали, что солдаты на глазахъ дѣтей стрѣляютъ ручныхъ козочекъ въ паркѣ, пишутъ всякія гадости на скамейкахъ, на которыя садятся великія княжны и подкладываютъ императрицѣ всѣ тѣ грязные листки, которые печатаютъ про нее и про Распутина.

— Какая гадость!

— У наслѣдника была любимая игрушка — маленькое солдатское ружье. Изъ него и стрѣлять нельзя. Это была модель, къ ней патроновъ не было. Чистый душою, вѣрующій, что солдатъ его не обидитъ онъ какъ то принесъ это ружье показать солдату, который приласкалъ его. Солдатъ отнялъ у него ружье и унесъ.

— Ужасъ! Какою болью звучатъ, Оля, твои слова — «солдатъ приласкалъ Наслѣдника»... А что же временное правительство?

— Правительство.... Таня... недавно Гучковъ пріѣзжалъ въ сопровожденіи своихъ революціонныхъ офицеровъ во дворецъ. Въ коридорѣ одинъ изъ офицеровъ и, говорятъ, пьяный увидѣлъ стоящихъ на лѣстницѣ дворцовыхъ служителей и сталъ кричать на нихъ: «вы наши враги, мы ваши враги. Вы здѣсь всѣ продажные». Лакей отвѣтилъ ему: — «вы бы, ваше благородіе, лучше молчали. Мы Государя не продали и служимъ ему, а вы кому продались?» Гучковъ сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ ничего. Да онъ боялся своихъ офицеровъ!

— Оля, надо что нибудь сдѣлать.

— Таня, я думала объ этомъ. Ты знаешь, Ника тебя безумно любитъ. Скажи ему.

Таня покраснѣла. —

— Я думаю, тихо сказала она, мнѣ и говорить ему не нужно. Онъ самъ знаетъ, что надо дѣлать.

— Ахъ только поскорѣе бы. Не убили бы они его раньше?

— Какой ужасъ! И подумать, что это мы, Русскія дѣвушки, въ Россіи, говоримъ о своемъ Русскомъ Государѣ.

— Ужасъ! Смотри Таня вотъ это идетъ тоже Русскій офицеръ!

— А красивъ. Красивъ, какъ разбойникъ. Вотъ я такимъ воображала себѣ Стеньку Разина.

— И это гвардейскій офицеръ!

— А съ нимъ!... Навѣрно паршивка какая нибудь. Но какъ разрядилась! Такая жара, лѣто, а на ней высокіе сапоги и боа соболиное на плечахъ.

— Украли гдѣ нибудь при обыскѣ.

— Идутъ сюда. Ну, намъ надо уходить.

Миссъ Прокторъ заволновалась, увидавши подходившую къ скамейкѣ пару и стала собирать разложенную было ею работу.

— I think girls we had better go, сказала она.*)

Но не успѣли дѣвушки подняться, какъ пара была уже у скамейки и офицеръ развалился подлѣ Тани. Квикъ всталъ и заворчалъ, поднявши шерсть. Оля и Таня быстро пошли отъ скамейки.

— Буржуйки!, услышали онѣ въ слѣдъ насмѣшливый возгласъ. Спутница офицера приставила золотой лорнетъ и смотрѣла на нихъ.

X

Эта пара были Осетровъ и Дженни. Изъ за заломленной на затылокъ смятой фуражки кокетливо выбивался на бѣлый лобъ Осетрова черный чубъ. Широкая Русская рубаха защитнаго цвѣта была

---

*) Я думаю, миссъ, намъ лучше уйти!

разстегнута и обнажала могучую, воловью шею и бѣлую грудь, на которой висѣлъ на тонкой золотой цѣпочкѣ дорогой кулонъ съ краснымъ, какъ капля крови, гранатомъ. Шаравары были заправлены въ высокіе жолтой кожи сапоги. Шапки не было и сбоку висѣлъ большой тяжелый Маузеръ въ деревянномъ чехлѣ.

Осетровъ дѣйствительно былъ въ гвардіи. Въ виду убыли офицеровъ въ гвардейскихъ полкахъ, во время послѣдняго наступленія, Осетровъ, по приказу свыше, былъ переведенъ въ гвардейскій запасный полкъ, куда правительство подбирало революціонныхъ офицеровъ, не склонныхъ къ возвращенію «стараго режима».

Дженни въ вычурной шляпкѣ, которая до войны была Парижской моделью и принадлежала артисткѣ съ крупнымъ именемъ, но теперь была совершенно не модна и не гармонировала съ костюмомъ, въ богатомъ боа изъ темнаго соболя, была ужасна. Ни пудра, ни румяна не могли скрыть зеленовато бѣлаго цвѣта лица и особенно шеи и груди, которыхъ даже солнце не могло тронуть загаромъ. Она была бѣла, какъ трупъ. И только глаза яркіе, живые, ненормально горящіе говорили о томъ что жизнь еще кипитъ въ ней искусственно возбужденною страстью.

Осетровъ вынулъ изъ кармана золотой портсигаръ съ брильянтовымъ вензелемъ и, доставши толстую папиросу, закурилъ.

— Что же, Дженька, совсѣмъ бросила Шлоссберга? спросилъ онъ, прищуривая ясные наглые глаза и насмѣшливо глядя на Дженни.

— Ну его!, сказала Дженни хриплымъ усталымъ голосомъ. — Склизкій какой-то, соплякъ совсѣмъ. Я мущинъ люблю,чтобы на мущину былъ похожъ. Къ сердцу прижметъ, чтобы духъ вонъ.

— Сознайся, матросъ Дыбенко твой идеалъ.

— А чтожъ и не скрою. Ладный парень. Такого полюбить — отдать все можно. Богатырь волжскій.

Ну да и ты хоть куда. Съ тобой ночку проведешь, потомъ весь день шатаешся, какъ хворая.

— То-то!

— А ты меня любишь?

Осетровъ скосилъ свои глаза. Презрительная усмѣшка скользнула по его губамъ.

— Ты, Дженька, на меня не обижайся. Я такъ тебѣ скажу. Я никого не люблю. Я всѣхъ ненавижу. Во мнѣ теперь такая ненависть кипитъ, такъ мнѣ все уничтожить хочется.... Да что уничтожить!... Это мнѣ мало! Нѣтъ, загадить, заплевать, оскорбить, вотъ чего мнѣ надоть теперь. Гляжу я на небо. Синее, облака золотыя по нему ползутъ, а я думаю — какъ бы это доплюнуть до него, кажется такъ бы все его и заплевалъ, чтобы и синевы этой не осталось. Да....

— Ты и меня ненавидишь? спросила Дженни.

— Тебя? Какъ тебѣ сказать? Нужна ты мнѣ сейчасъ. Какъ болячка нужна. Вѣдь ишь ты какая! Все превзошла и нѣтъ въ тебѣ страха ни къ чему. И ночью ты нужна мнѣ. Не укрѣпился я еще достаточно. Вотъ, какъ капитана Сиверсова на Морской убилъ на глазахъ его жены и ребенка съ той поры покой по ночамъ потерялъ. Все мерещится онъ мнѣ. Потомъ, какъ громили мы домъ на Каменноостровскомъ я штыкомъ полоснулъ городового, а кровь мнѣ на шею. Ну ночь настанетъ—жутко. Неужто, думаю, Богъ есть? Муки совѣсти. Такъ нѣтъ, не совѣсть, нѣтъ, а такъ, точно страхъ. А съ тобой мнѣ не страшно. Всю то ночь ты, Дженька, возишься, да страстью своею мучаешь, ну и забудешь. А днемъ я такъ думаю — откопалъ бы ихъ обоихъ, да по всему свѣту раскидалъ бы по кускамъ тѣла ихъ, чтобы не мучили они меня. Вчера подъ утро заснулъ я пьяный у тебя и вижу сонъ. Будто приходитъ ко мнѣ Зорька и говоритъ: не ладно вы закопали на Марсовомъ полѣ жертвы революціи. Близко очень. Ночью они возятся, грызутъ другъ друга, и такъ это отчетливо, такъ ясно. И знаешь посмотрѣть за-

хотѣлось, раскопать, что какъ грызутся а? Упокойники то?

— Что тебѣ Зорька снится. Забыть не можешь?

Осетровъ нахмурился.

— Чтожъ, Дженька. Не скрою, любилъ я дѣвчонку. Самъ бы бросилъ и ничего. А то меня злоба взяла, что не спросясь разлучили насъ и знаю кто. Генералъ Саблинъ. Запряталъ нивѣсть куда. Ну да найду!

— Найдешь, что сдѣлаешь?

— Не знаю. Можетъ быть убью.

— Значитъ — любишь?

— Не знаю. Не любилъ бы, такъ Гайдука видѣть бы могъ, не ревновалъ бы. А то ревность какая то.

— Да вѣдь самъ предложилъ.

— Самъ. По товарищески. Думалъ, очень просто. Все общее и она, полюбовница, тоже пополамъ. А на повѣрку вышло — не могу.

— Плохой ты коммунистъ.

— Погоди. И у меня это явится. Не сразу, не вдругъ, у меня такая мысль — что обладаніе женщиной и убійство все одно. И что хорошо бы такъ, взять дѣвушку невинную совсѣмъ, которая ничего бы не знала, такъ, ну хотя дѣвочку махонькую, натѣшиться надъ ею и потомъ убить. Вотъ это ощущеніе должно быть!

— Ты садистъ Миша.

— Не понимаю я этого. Худое что?

— Нѣтъ. Потому ты мнѣ и пріятенъ, что у тебя возможности большія.

— Большія говоришь?... Такъ... А какъ думаешь, Наполеономъ я могъ бы стать? Я такъ понимаю. Нашъ народъ не французскій народъ. Нашъ народъ смѣлостью надо взять, озорствомъ. Тогда онъ твой, рабами дѣлается. Я такъ понимаю, есть къ примѣру у насъ чудотворныя иконы, ну Казанская что-ль. И народа уйма при ней. Старики, старухи, женщины, дѣти, купцы богатые, такъ мужичье и все на колѣняхъ. «Владычице спаси!» И вотъ придти и са-

мую что ни на есть гнусную пакость сдѣлать, чтобы самому срамно стало, а потомъ и посмотрѣть. Я такъ думаю: — для народа я послѣ того святѣе иконы стану. Потому святѣе, что сильнѣе ея. Да, или тамъ взять мощи какія либо, Серафима Саровскаго чтоль, и развернуть и надругаться — вотъ тогда Наполеономъ станешь. Нашъ народъ рабъ. Ему сила нужна, палка. Царское правительство тряпка оказалось, вотъ и сгинуло. Смертной казни испугалось. Нѣтъ я бы такъ! Вы бунтовать! Да? Пришелъ бы одинъ, съ пулеметомъ. Становись на колѣни, подлецы! — Вѣдь стали бы! А! И съ пулемета ихъ всѣхъ уложилъ бы. Можетъ быть я черезъ то и ненавижу такъ Русскій народъ, что уже больно презираю.

— Откуда, Миша, у тебя мысли такія?

— Изъ головы...

Осетровъ помолчалъ немного.

— Ну тоже и не все изъ головы. Подружился я въ совѣтѣ съ Коржиковымъ солдатомъ. Вотъ этотъ все можетъ. Я такъ полагаю — вотъ кто Наполеономъ Россійскимъ станетъ, потому что у него ничего святого. А нашъ народъ, какъ я понимаю, — ему либо явись святымъ, либо наплюй на все. Середины онъ не пойметъ.

Осетровъ бросилъ папироску и сказалъ.

— Ну, пойдемъ, Дженька, поѣдимъ да попьемъ. И онъ запѣлъ на весь паркъ:

Эхъ жилъ бы, да былъ-бы
Пилъ-бы, да ѣлъ-бы
Не работалъ никогда.
Жралъ бы, игралъ бы
Былъ бы веселъ завсегда!

— Эхъ Дженька, Дженька, мутитъ меня тоска молодецкая и хочу чего то, а чего и самъ понять не могу!

XI.

Павликъ Полежаевъ неожиданно прiѣхалъ съ фронта. На распросы о томъ, что тамъ дѣлается, только рукою махнулъ. Вечеромъ вся молодежь — Павликъ, Ника, Оля и Таня Саблина собрались вмѣстѣ.

Ника, вернувшiйся изъ караула, разсказывалъ о томъ, что онъ видѣлъ во дворцѣ. Онъ былъ смущенъ.

Они сидѣли на небольшомъ стеклянномъ балконѣ, убранномъ пальмами и цвѣтами. Это было любимое ихъ мѣсто для тайныхъ разговоровъ, такихъ, которые не должны были слушать постороннiя уши.

— Поговорить съ Государемъ, или съ кѣмъ либо изъ его семьи не удалось, — разсказывалъ Ника. Это невозможно. Солдаты ни на минуту не оставляютъ ихъ однихъ. Они сядутъ на скамейку — и кто либо изъ солдатъ подсаживается къ нимъ, закуриваетъ, заговариваетъ, или между собою начинаютъ говорить разныя гадости и смѣяться.

— Какая пытка! — нервно пожимаясь сказала Таня.

— Весь мой караулъ прошелъ въ томъ, что я сгонялъ ихъ.

— Какъ же ты ихъ сгонялъ? — спросилъ Павликъ.

— Ахъ, трудно было. — «Товарищъ», говорю, «оставьте, это нехорошо, что вы дѣлаете. Вы показываете вашу несознательность».

— И дѣйствовало? — спросилъ Павликъ.

— На иныхъ дѣйствовало, на другихъ нѣтъ. Все таки есть и такiе, что совѣсть имѣютъ. Мнѣ Мельниковъ, моего взвода, обѣщалъ достать обратно Наслѣднику его ружьецо. — «Жаль», говоритъ, «мальчонку, такъ убивается!»

— Это онъ про Наслѣдника? — спросила Оля.

— Да... Ахъ, Оля, они ужасно говорятъ и поступаютъ. Они не только не отдаютъ чести, но, если Государь самъ, по разсѣянности, первый приложится къ козырьку, они не отвѣчаютъ, отворачиваются, смѣются. Если бы не студенты, которые есть между солдатами, я не знаю до чего бы дошло. У меня при смѣнѣ большой скандалъ вышелъ. Я смѣнялъ прапорщика Гайдука. Это новый офицеръ, присланный изъ арміи для насажденія демократическихъ понятій. Хамъ ужасный. Латышъ, — мужикъ. При завтракѣ Государя офицеры — заступающій въ караулъ и уходящій обыкновенно привѣтствовали Государя и Государь подавалъ имъ руку. Такъ было и теперь. Гайдукъ и я, мы взяли подъ козырекъ. Государь подошелъ къ Гайдуку и ласково протянулъ ему руку. Гайдукъ отступилъ театрально шагъ назадъ и не принялъ руки Государя. Ахъ, Оля, нужно было видѣть прекрасное лицо Государя при этомъ. Какая скорбь была разлита по немъ! Государь подошелъ къ Гайдуку, взялъ его за плечи и, глядя своими прекрасными глазами въ лицо Гайдука, сказалъ ему: —

— Голубчикъ за что же?

Гайдукъ опять отступилъ назадъ и отвѣтилъ.

— Я изъ народа. Когда народъ протягивалъ вамъ руку — вы не приняли ее. Теперь я не подамъ вамъ руки!...

И вышелъ. Я пошелъ за нимъ. — «Милостивый государь», сказалъ я ему — «вы негодяй и хамъ!»

— Спасибо Ника, прошептала Таня.

— Онъ остановился и спокойно посмотрѣлъ на меня. Ахъ, господа, я никогда не забуду этого взгляда! Такой онъ тяжелый. Будто онъ не видѣлъ меня, смотрѣлъ на пустое мѣсто. — «Меня э т и м ъ, товарищъ, оскорбить нельзя», сказалъ онъ. «Лучше оставьте. Если я плюну въ вашу физіономію — вы умрете отъ оскорбленія, а если вы мнѣ плюнете, я только оботрусь. Совѣтую не состязаться. Силы

неравны». — И ушелъ къ своимъ солдатамъ. Хорошъ гусь!...

Никто ничего не сказалъ. На балконѣ стлался сумракъ лѣтней петербургской ночи, сильнѣе пахли геліотропы и резеда, стоявшіе внизу подлѣ большихъ блѣдно-розовыхъ гортензій и развалившись подъ ними лежалъ мохнатый Квикъ, поглядывая однимъ черным прищуреннымъ глазомъ на Нику.

— Ника, тихо сказала Таня и голубые глаза ея устремились на молодого человѣка. — Ника, я здѣсь одна чужая. Не Полежаева. Ника, я знаю, что вы меня, моего отца и покойнаго брата очень любите. Давайте, господа, ваши руки! Вотъ такъ! Оля давай твою мнѣ и Павлику, Павликъ Никѣ, Ника дайте вашу мнѣ: — **Heil**! Да будетъ свято! Спасемъ его! Я не знаю, какъ, но спасемъ!

Они встали, взволнованные всѣмъ происшедшимъ. Точно клятва связала ихъ свято и ненарушимо.

— Оля, сказала Таня, разскажи всѣмъ то, что ты говорила утромъ о старообрядческомъ скитѣ.

Оля разсказала и опять никто ничего не сказалъ. Ника смотрѣлъ на Таню, не спуская съ нея глазъ. Таня была его давнишняя любовь. Онъ полюбилъ ее тогда, когда на дѣтскомъ спектаклѣ десятилѣтнимъ маркизомъ онъ танцовалъ менуэтъ съ девятилѣтней маркизой — съ тѣхъ поръ его сердце свято хранило любовь къ маленькой граціозной дѣвушкѣ. Эта любовь крѣпла въ немъ и измѣнялась. Изъ нѣжнаго братскаго чувства она стала могучей, все преодолѣвающей, первой любовью.

— У меня есть планъ, — сказалъ онъ. — Я спасу Государя. Но до поры до времени никто не долженъ про него знать. Павликъ, ты мнѣ поможешь.

Павликъ нагнулъ голову.

— Вы намъ не скажете? — спросила братьевъ Оля.

— Сейчасъ, — нѣтъ. Онъ и мнѣ еще не ясенъ, а потомъ... Отъ васъ у меня секрета нѣтъ. Тѣмъ болѣе, Оля, что этотъ планъ навѣянъ мнѣ твоимъ разсказомъ. Я поѣду сейчасъ въ Петроградъ и кое что подготовлю.

Таня пошла провожать его.

— Ника! — сказала она. — Да хранитъ васъ Господь. Всѣмъ святымъ заклинаю васъ — спасите его!

Ника опустилъ голову. Лицо его покраснѣло. Маленькая еще дѣтская ручка обвила его за шею и мягкія чистыя уста трепетно прикоснулись къ его лбу.

— Спасите Россію, — сказала Таня и побѣжала въ свою комнату.

Ника открылъ дверь и хлопнувъ ею вышелъ на шоссе и попалъ въ густую тѣнь развѣсистыхъ деревьевъ.

XII.

Ника былъ офицеромъ новаго поколѣнія. Въ полкъ онъ вышелъ послѣ революціи, тогда, когда всѣ свободы были объявлены и была опубликована хартія вольностей солдата, приказъ № 1. Ника не служилъ подъ двуглавымъ орломъ и не былъ «ваше благородіе». Онъ былъ «господинъ прапорщикъ», а чаще «товарищъ» или «Николай Николаевичъ». Онъ это сразу воспринялъ и его это не коробило. Онъ искренно любилъ народъ, вѣрилъ въ него и потому ему легко досталось то, чего добивался въ молодые годы Саблинъ, — онъ сошелся съ солдатами. Онъ воспринялъ новую товарищескую дисциплину и его не смущало, когда въ караулѣ или на работахъ всѣмъ батальономъ, приходило время обѣдать и пріѣзжала походная кухня, ему нужно было становиться съ котелкомъ въ очередь съ солдатами, а не получать первому, или, тѣмъ болѣе, ѣсть особую пищу. Это униженіе, это уравненіе его съ солдатами возвышало его въ собственныхъ гла-

захъ. Солдаты, особенно молодежь, ему нравились своимъ грубоватымъ юморомъ и въ нихъ онъ видѣлъ веселыхъ дѣтей, которыхъ, казалось ему, можно воспитать. Ему скоро удалось отучить солдатъ грубо и презрительно называть Государя, онъ разбудилъ въ нихъ чувство жалости къ нему и сознанія своей вины передъ нимъ. Онъ достигъ бы и большаго, если бы былъ не одинъ въ этой работѣ. Но онъ былъ одинокъ. Царскосельскій совѣтъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ, или какъ его сокращенно называли «совдепъ» прислалъ въ полкъ много своихъ офицеровъ, которые снабжали солдатъ брошюрами и книжками, рисующими Государя отталкивающими чертами, носили каррикатуры на Царскую Семью и всячески возбуждали противъ нея солдатъ. Ника скоро понялъ, что то, что дѣлаютъ солдаты, исходитъ не отъ нихъ, а отъ того пришлаго элемента въ офицерской формѣ, который руководитъ ими и толкаетъ на грубыя выходки. Особенно работалъ въ этомъ направленіи Гайдукъ.

Ника отмѣтилъ у себя въ эти дни наблюденій надъ солдатомъ еще одну черту солдатскаго характера: легковѣріе и отзывчивость ко всякимъ слухамъ. Чѣмъ нелѣпѣе, необычайнѣе былъ слухъ — тѣмъ легче ему вѣрили солдаты. Какъ то во дворцѣ, гдѣ по распоряженію коменданта были сняты гардины и шторы, великія княжны вечеромъ занимались рукодѣліемъ. Одна изъ нихъ, размѣчая работу, то нагибалась, то выпрямлялась, заслоняя лампу. Кто то изъ солдатъ замѣтилъ это и сказалъ, что изъ дворца сигнализируютъ. Кому, зачѣмъ, какъ могли сигнализировать великія княжны, этимъ вопросомъ солдаты не задавались. Они кинулись толпою во дворецъ и перепуганнымъ княжнамъ и караульному офицеру стоило большого труда доказать, что никакой сигнализаціи не было.

Солдаты были подозрительны. Ника не могъ понять ихъ — не то имъ хотѣлось, чтобы Государя убили, не то хотѣлось, чтобы опять все было по ста-

рому, но «только, чтобы кончилась вся эта канитель». Ника скоро увидалъ, что солдатъ Временное Правительство никакъ не удовлетворяло. Оно дало много свободъ, но не дало главной свободы — отъ войны, не отпустило ихъ домой, не дало мира. Если бы Государь, вернувшись на престолъ, навѣрно далъ бы имъ миръ — они посадили бы его на престолъ, но про него говорили и писали, что онъ измѣнникъ, что онъ хотѣлъ заключить какой то сепаратный миръ и отъ этого Россіи была бы гибель. Говорили, что Государь поддерживаетъ крѣпостное право и хочетъ вернуть его снова и дать крестьянъ помѣщикамъ — и этому вѣрили, но существующимъ порядкомъ тоже никакъ не были довольны и ждали Учредительнаго Собранія, которое дастъ настоящую власть и устроитъ такъ, что крестьянамъ и солдатамъ будетъ хорошо.

Столичная жизнь съ ея развлеченіями, кинематографами, женщинами, картами и виномъ развратила солдатъ. Унтеръ офицеры потеряли свой авторитетъ и ихъ вытѣснили солдаты изъ петербургской молодежи, хулиганы, карманные воришки, мелкіе рабочіе, умѣвшіе ловить рыбу въ мутной водѣ, отлично знавшіе Петербургъ со всѣми его притонами и злачными мѣстами и готовые на всякое озорство. Въ ихъ разбойничьей удали, въ ихъ смѣлыхъ ухваткахъ Ника находилъ свою прелесть и съумѣлъ своею ловкостью, молодечествомъ и тѣмъ, что за словомъ въ карманъ не лазилъ, стать среди нихъ своего рода атаманомъ. Онъ соревновалъ въ этомъ съ Гайдукомъ и часто, не безъ внутренняго удовольствія чувствовалъ свое надъ нимъ превосходство.

Съ этими парнями онъ часто пѣлъ разбойничью пѣсню:

Ахъ тучки, тучки понависли
И съ поля палъ туманъ,
    Скажи, о чемъ задумалъ,
    Скажи, нашъ Атаманъ

Ника чувствовалъ, что онъ Атаманъ этихъ людей и что можетъ быть день и часъ, когда они пойдутъ за нимъ и на хорошее.

Жизнь стала непохожа на жизнь. Точно полный приключеній, кровавыхъ сценъ бульварный романъ разъигрывался передъ нимъ. Заговоры, выборное начало въ полкахъ, таинственные «совдепы», въ которые во всѣ трудные минуты бѣгаютъ солдаты, обиліе у солдатъ какихъ то темныхъ денегъ, азартная игра въ карты, въ которой принимаютъ участіе и офицеры, подобные Гайдуку, золотыя вещи у солдатъ, кольца, камни, веселыя разряженныя дѣвицы, свободно ходящія въ казармы и играющія съ солдатами, одѣтыя по господски, но съ ухватками горничныхъ и портнихъ, наконецъ, самая марсельеза то и дѣло разъигрываемая оркестромъ, или распѣваемая солдатами и гостями — все создавало повышенную обстановку, создавало революціонное настроеніе. Ника не сочувствовалъ революціи, онъ ее ненавидѣлъ, видѣлъ въ ней бунтъ, а въ солдатахъ взбунтовавшихся рабовъ, но онъ былъ слишкомъ молодъ, чтобы не мечтать, не увлекаться тѣми громадными возможностями, которыя давала революція въ руки людей молодыхъ и предпріимчивыхъ.

Ника съ дѣтства горячо любилъ Государя, онъ былъ влюбленъ первою чистою любовью въ Таню Саблину и ждалъ только окончанія войны, чтобы сдѣлать предложеніе и обвѣнчаться, потому что чувствовалъ, что отказа не будетъ. Какъ всѣ чистые молодые люди, онъ считалъ себя недостойнымъ Тани, видѣлъ въ ней одни совершенства и рѣшилъ совершить для нея подвигъ, который сдѣлалъ бы его достойнымъ ея.

Этимъ подвигомъ будетъ спасеніе Государя.

Онъ рѣшилъ использовать для этого свое вліяніе на солдатъ, ихъ способность къ озорству и ихъ легковѣріе. Планъ у него былъ готовъ давно. Онъ не зналъ только одного, куда везти Государя. Пер-

воначально онъ хотѣлъ везти заграницу, къ союзникамъ. Но отношеніе союзниковъ къ революціи, ихъ заигрываніе передъ революціонными героями, присутствіе на похоронахъ жертвъ революціи и рѣчи ими произнесенныя все показало Никѣ, что тамъ Государь не найдетъ спокойнаго убѣжища. Онъ ломалъ голову, куда отправить Государя. Въ Абиссинію, къ негусу, царю Эфіопіи? Къ королю Сіама, гдѣ были принцы Чокрабонъ и Най-пумъ, воспитанные въ Россіи, въ Китай, Японію? Все это было такъ сложно и трудно во время войны.

Мечты Оли, ея разсказъ о старообрядческихъ скитахъ, о вѣрныхъ завѣтамъ старины Русскихъ людяхъ, ему показались осуществимыми и онъ рѣшилъ ихъ выполнить.

Какъ? Подробности его не занимали. Подробности онъ выработаетъ съ тѣми, кто ему долженъ помочь. Главнымъ помощникомъ своимъ онъ намѣтилъ стараго шоффера генерала Саблина, Петрова.

Къ нему и помчался тѣмъ же вечеромъ Ника.

XIII.

Петровъ принадлежалъ къ тому типу привязчивыхъ Русскихъ людей, которые разъ полюбивъ кого, не измѣняютъ ему въ душѣ никогда. Петровъ былъ чисто Русскій человѣкъ, глубоко вѣрующій любящій всѣ обряды православной церкви и жившій солидно, умѣренно, по старинѣ. Онъ былъ рабочимъ на механическомъ заводѣ, онъ былъ изъ крестьянъ, простой человѣкъ и это давало ему право свободы слова, которой въ эти дни была лишена интеллигенція. Человѣкъ въ хорошемъ платьѣ — буржуй могъ только восхищаться передъ революціей, преклоняться передъ ея вождями, печатать портреты убійцъ въ родѣ Кирпичникова, рядового Волынскаго полка, убившаго своего ротнаго командира. Генераламъ, даже съ такимъ характе-

ромъ, какъ у Корнилова, приходилось награждать въ угоду толпѣ Кирпичникова георгіевскимъ крестомъ и говорить соотвѣтствующія рѣчи: — иначе тюрьма, крѣпость, можетъ быть, смерть.

Петровъ въ самой возбужденной толпѣ спокойно сжималъ свои мозолистые кулаки и говорилъ вождямъ — «воришки вы и жулики! Хорошъ или плохъ былъ государь, — онъ былъ Государь— а теперешніе господа — просто измѣнники» и спокойно расталкивая толпу, уходилъ.

Ему кричали въ спину: — «провокаторъ»! Онъ останавливался, грозно окидывалъ толпу смѣлымъ взглядомъ и говорилъ: — «кто сказалъ? Выходи! Я тебѣ, сукину сыну, покажу какой я провокаторъ!»

Никто не выходилъ.

Настоящій буржуй въ эти дни боялся одѣться богато, выйдти въ дорогой шубѣ, Петровъ ходилъ въ прекрасномъ мѣховомъ пальто и зналъ, что его, шоффера Петрова, никто не посмѣетъ тронуть.

Послѣ ареста генерала Саблина солдатами Морочненскаго полка, Петровъ, съигравшій значительную роль въ освобожденіи Саблина, долженъ былъ уѣхать съ фронта. Онъ, везшій всѣхъ арестованныхъ съ прапорщикомъ Гайдукомъ и конвоирами въ армейскій съѣздъ, вмѣсто съѣзда подкатилъ ихъ къ помѣщенію штаба фронта, гдѣ быстро вызвалъ дежурнаго генерала и во мгновеніе ока роли перемѣнились, Саблинъ, Козловъ и Ермоловъ были освобождены, а Гайдукъ и солдаты арестованы. Имъ грозилъ полевой судъ, но за нихъ вступился мѣстный совдепъ и ихъ отпустили на всѣ четыре стороны, окрестивши все дѣло именемъ неизбѣжнаго революціоннаго эксцесса.

Послѣ этого Петрову небезопасно было оставаться на фронтѣ и Саблинъ предложилъ ему съ его женою поселиться на его петербургской квартирѣ, занявши комнаты миссъ Прокторъ.

Ника все это зналъ.

Въ девятомъ часу вечера Ника пріѣхалъ на квартиру Саблина, но Петрова не было. Жена Петрова, благообразная худощавая женщина въ кружевной черной наколкѣ, дѣлавшей ее похожей на испанку, сказала Никѣ.

— Вы застанете его, коли вамъ нужно, въ главномъ гаражѣ, въ Михайловскомъ манежѣ.

Ника поѣхалъ въ манежъ.

Двери манежа были растворены настежъ и въ тускло освѣщенномъ манежѣ видны были длинные ряды автомобилей. У входа стояли безъ дѣла какіе то вооруженные молодые люди.

— Вамъ что нужно, товарищъ? — спросили они.

У Ники былъ видъ революціоннаго офицера. Молодые черные усы были подстрижены, фуражка была на затылкѣ, свободный френчъ, галиффе и башмаки съ обмотками придавали ему видъ новаго офицера, его легко можно было принять за одного изъ адъютантовъ Керенскаго, Гучкова, или офицеровъ автороты.

— Шофферъ Петровъ здѣсь находится? — спросилъ Ника.

— Не знаю, товарищъ, — говорившій обернулся въ манежъ и крикнулъ: — товарищи, шофферъ Петровъ здѣсь или нѣтъ?

Изъ сумрака манежа отдѣлился человѣкъ въ кожаной шофферской курткѣ и подошелъ къ Никѣ.

— Былъ здѣсь, — сказалъ онъ. — А вы кто будете?

— Я отъ жены его. Съ улицы Гоголя. Скажите, что Николай Николаевичъ его проситъ.

— Хорошо.

Шофферъ пошелъ въ манежъ и черезъ нѣсколько минутъ вернулся съ Петровымъ. Петровъ зналъ Полежаева, такъ какъ возилъ письма къ Танѣ и разговаривалъ и распрашивалъ Нику о всемъ, что происходитъ въ Россіи.

— А, Николай Николаевичъ, — сказалъ онъ, улыбаясь. — Здравія желаю.

— Здравствуйте, товарищъ, подчеркивая слово товарищъ, сказалъ Ника. Меня прислала за вами ваша жена. Вы свободны?

Петровъ догадался. Онъ уже нѣсколько разъ говорилъ Никѣ, что если бы найдти хорошую машину, деньги, да смѣлыхъ людей, то вывезти Государя ничего не стоитъ.

— Противно, говорилъ онъ, — смотрѣть, какъ надъ Его Величествомъ, жиды измываются. — Петровъ вѣрилъ, что всю революцію сдѣлали жиды, чтобы измываться надъ Русскимъ народомъ.

— Свободенъ, — сказалъ онъ.

— Она просила васъ со мною пріѣхать къ ней. Пойдемте, — сказалъ Ника.

— Зачѣмъ идти? Я вамъ машину подамъ. Товарищъ, обратился онъ къ сопровождавшему его шофферу, ну-ка, милый, толкони Алешкина, пусть подаетъ Бенцъ.

Черезъ пять минутъ Ника съ Петровымъ, отпустивши Алешкина съ автомобилемъ, поднимались на квартиру Саблина.

Ника провелъ Петрова въ кабинетъ Саблина и, не зажигая огня, усадилъ его противъ себя за столомъ.

Лунная іюльская ночь стояла надъ городомъ и отблескъ луны и уличныхъ фонарей проникалъ туманнымъ полусвѣтомъ въ широкія окна квартиры. Предметы на письменномъ столѣ, самый столъ, кресла, диванъ, шкапы съ книгами, курительный столикъ намѣчались темными силуэтами. Лицъ не было видно. Говорили вполголоса и юноша Ника и сорокапятилѣтній Петровъ въ этой полутьмѣ лучше себя чувствовали и не стѣснялись другъ друга.

— Помните, Петровъ, мы говорили съ вами о томъ, чтобы увезти Государя, спасти его.

— Необходимо надо, Николай Николаевичъ. Никакой у меня вѣры нѣтъ къ этому жиденышу. Убьетъ онъ его ни за что. Такой грѣхъ, прости Го-

споди! Только куда увезешь то, ваше благородіе. Къ англичанкѣ, или французу, сами видали неподходящее дѣло. Англичанинъ Россію ненавидитъ,— это я доподлинно знаю, а что жидъ, что французъ — одна порода. Кабы съ нѣмцемъ не воевали, я бы нѣмцу больше повѣрилъ.

— Нѣтъ, Петровъ. Намъ надо спасти и укрыть Государя у Русскихъ людей!

— Ишь, Николай Николаевичъ, Русскіе то люди хороши стали. Совсѣмъ съума посходили. А то куда-же лучше!

— Нѣтъ, Петровъ, есть и хорошіе люди. Мы вотъ что надумали.

И Ника разсказалъ про скиты старообрядческіе, про старицъ и бѣлицъ, про дремучіе Керженскіе лѣса, все то, что осталось у него отъ чтенія романовъ Печерскаго и Саліаса. Сладкій романическій бредъ претворялся въ его словахъ въ широкія возможности и онъ видѣлъ осуществленнымъ это переселеніе.

Крѣпко задумался надъ его словами Петровъ. Барская фантазія столкнулась съ здоровымъ практическимъ разумомъ стараго умнаго рабочаго.

— Какъ же доставимъ туда? — спросилъ послѣ долгаго раздумья Петровъ.

— На автомобилѣ, — задыхаясь отъ волненія сказалъ Ника.

Петровъ ничего не сказалъ.

— Прикурить позволите? — спросилъ онъ.

— Ахъ, курите, курите, пожалуйста, Петровъ,— сорвался со стула Ника и подалъ папиросы : спички. Онъ чувствовалъ, что въ старой головѣ Петрова рѣшается участь ихъ плана. А если Петровъ откажется, то тогда уже никто не поможетъ.

Петровъ долго и молча курилъ. Глаза привыкли къ темнотѣ и Ника ясно различалъ лицо Вѣры Константиновны на портретѣ, по распоряженію Саблина, никогда не закрывавшемся кисеею. Ника

мысленно умолялъ Петрова: — «ну, рѣшись, голубчикъ, ну пойди на это. Ну что тебѣ стоитъ!»

— Николай Николаевичъ, а никто насъ здѣсь не подслушиваетъ? — спросилъ Петровъ.

— Нѣтъ никого.

— Посмотрѣть надо. Я Тимоѳею, напримѣръ, ихнему не вѣрю. Свое у него на умѣ, какъ бы генерала обокрасть.

Ника посмотрѣлъ по комнатамъ и вернулся.

— Нѣтъ, кругомъ никого нѣтъ. Авдотья Марковна самоваръ въ столовой наставляетъ.

— Это для васъ. Мы всегда у себя пьемъ, сказалъ Петровъ.

И опять молчалъ и курилъ. Видно тоже волновался.—«Ну,милый! Господи,помоги ему рѣшиться».

— Спасти Государя надо, наконецъ, выговорилъ Петровъ. Это точно. Не можетъ имперія быть безъ императора. А республика? Ну, какая тамъ республика — такъ жидова одна, да галдежъ по митингамъ... Только на автомобилѣ невозможно. Вы говорите въ Вятской губерніи, или даже подъ Уралъ самый везти надо? А куда везти вы сговорились?

— Нѣтъ.

— Вотъ то то и оно то. И сговориться, Николай Николаевичъ, нельзя. Вы одинъ задумали — хорошо. Мнѣ сказали — уже хуже стало, а не дай Богъ третій узнаетъ. Все пропало.

Петровъ помолчалъ немного и сказалъ.

— Головами, ваше благородіе, играемъ. Еще и не сдѣлали ничего, только поговорили, а уже голова на картѣ. Вотъ оно что.

И опять замолчалъ.

— Спасти надо, — снова сказалъ онъ. Только чисто надо сдѣлать. И чтобы воля е г о была. Его охота будетъ — все выйдетъ хорошо. Видите, автомобилемъ до мѣста не довезешь. Первѣе всего бензинъ надо. Опять карты. Какія тамъ дороги, кто знаетъ. Распрашивать станешь — себя выдашь, засаду поставятъ и конецъ. А не дай Богъ машина ста-

нетъ. Опять —всѣхъ везти невозможно никакъ. Ну ему — усы, бороду долой — никто не узнаетъ. Наслѣдника тоже укроемъ. Нужда будетъ —дѣвочкой нарядимъ. Ее никакъ нельзя, княженъ тоже. Слишкомъ примѣтныя. Тогда нѣсколько автомобилей надо — цѣлый поѣздъ? Не найдешь.

Сердце упадало у Ники отъ этихъ словъ стараго шоффера. Онъ чувствовалъ всю правдивость ихъ и понималъ, что планъ ихъ былъ непродуманъ и сдѣланъ сгоряча, чтобы выполнить его надо создать обширный заговоръ, а какъ его создать Ника не зналъ. Онъ готовъ былъ отказаться отъ всего, попрощаться съ Петровымъ и ѣхать домой, но Петровъ думалъ иначе.

— Надо спасти, — сказалъ снова Петровъ. — И вотъ какъ. За Павла Николаевича, брата, поручиться вы можете?

— Ну конечно.

— Такъ вотъ какъ, подъ самымъ Новгородомъ въ трехъ верстахъ отъ шоссе, въ глухой деревушкѣ живетъ моя мамаша. Древній человѣкъ, житія хорошаго и не болтливая. Въ достаткѣ живетъ, милостями генерала Саблина, я ей не мало помогъ. Въ избѣ пять покоевъ, а главное глушь Новгородская Такъ вотъ къ ней? До нея за шесть часовъ докатимъ. Машину я достану хорошую, Баккартъ. Павла Николаевича присылайте завтра безъ погоновъ учиться — онъ за помощника будетъ. Вы съ бумагой ѣдете, караулъ только пусть ворота откроетъ и подержитъ пока не выѣдемъ. Поняли, когда Государь на прогулкѣ будетъ. Въ чемъ есть захватимъ и аминь. А отъ мамаши, обрившись, въ крестьянскомъ платьѣ, пробираться въ лѣса какіе вы говорили — вотъ это будетъ настоящее дѣло.

Ника смотрѣлъ восторженными глазами на Петрова. Да, онъ не ошибся въ Русскомъ народѣ и изъ нѣдръ его онъ найдетъ помощниковъ себѣ въ задуманномъ святомъ дѣлѣ.

— А теперь, ваше благородіе, позвольте мнѣ отъ имени генерала Саблина предложить вамъ откушать нашего чая, сахара.

XIV.

Медлить было нельзя. По Царскому носились темные слухи о томъ, что рѣшено отправить Царскую Семью въ Сибирь. Объ этомъ открыто говорили солдаты. Стрѣлки, друзья Ники, полупосвященные въ его планъ согласились помогать ему.

— Только такъ, говорили они, чтобы намъ никакъ въ отвѣтъ не попасть, чтобы никакой значитъ, вины, или подозрѣнія на насъ не было. Чистая случайность. Ежели попадетесь, насъ не оговаривать, все одно отопремся.

Ника объ этомъ не думалъ. Конечно, онъ все бралъ на себя. Онъ не сознавалъ на какой важный шагъ рѣшается, онъ не думалъ о послѣдствіяхъ. Павликъ уже вторую недѣлю ѣздилъ на одной машинѣ съ Петровымъ за его помощника, былъ запасенъ бензинъ и даже устроена въ Любани на всякій случай запасная база. Все было готово, кромѣ главнаго. Не удалось переговорить съ Государемъ. Но вѣдь не могъ же онъ не согласиться? Для блага Россіи! Павликъ совѣтовалъ въ крайности дѣйствовать силою.

Ожидали только дня, когда намѣченные люди будутъ въ караулѣ и ворота будто случайно будутъ открыты. Наконецъ и это случилось, но съ карауломъ шелъ прапорщикъ Гайдукъ и это осложняло условія побѣга. Вечеромъ Ника съ соотвѣтствующими инструкціями, чемоданомъ съ бѣльемъ и продовольствіемъ, длиннымъ сѣрымъ макинтошемъ съ высокимъ воротникомъ и полувоенною шапкою пріѣхалъ на квартиру Саблина и остался тамъ ночевать.

Государь выходилъ на прогулку въ одинадцать часовъ утра. Къ этому времени надо было влетѣть въ паркъ. Погода хмурилась. По синему небу бродили большія облака застилая небо, порывистый вѣтеръ дулъ съ моря. Спокойно и ровно шелъ автомобиль, дѣловито гудя. Небольшой красный флачокъ развѣвался впереди, показывая, что всѣ сидящіе въ немъ признали революцію. Въ эти дни столько автомобилей съ солдатами и молодыми прапорщиками носилось по городу, что появленіе Ники не возбуждало ничьего подозрѣнія: какой либо делегатъ, или членъ совдепа. Будущее Россіи принадлежало прапорщикамъ, на ихъ улицѣ былъ праздникъ и автомобилями распоряжались они, а не генералы. Автомобиль никого не смутилъ и тогда, когда въѣхалъ въ большой паркъ и взялъ, не ускоряя хода, направленіе къ Александровскому дворцу.

Ника, стараясь затаить волненіе и не вставать съ сидѣнья весь сталъ вниманіе.

Растулились ивы, росшія по дорогѣ, показалась желѣзная рѣшетка, часовые съ ружьями, вотъ и ворота. Они распахнуты на обѣ половинки. Автомобиль ускорилъ ходъ и летѣлъ полнымъ махомъ. На лужайкѣ у дворца, у деревянной стѣнки сидѣли три великія княжны и съ ними наслѣдникъ. Княжны съ волосами, укрытыми простыми шапочками колпачками были въ очень простыхъ блузкахъ. Наслѣдникъ былъ въ фуражкѣ и рубашкѣ съ солдатскими погонами, на которой нацѣплена георгіевская медаль и въ высокихъ сапожкахъ. Они только что занимались полевыми работами. Сзади нихъ стоялъ солдатъ въ фартукѣ изъ дворцовой прислуги, онъ имъ помогалъ. Государь сидѣлъ на скамейкѣ у дворца, великая княжна Ольга Николаевна читала ему вслухъ книгу. Подлѣ никого не было. Гайдука не было видно. Мельниковъ сдержалъ свое слово и отвлекъ Гайдука и солдатъ караула, выставивъ какую то мелкую претензію.

Быстро подлетѣлъ автомобиль. Прошло двѣ секунды, но Никѣ показалось, что цѣлая вѣчность прошла. Захрипѣлъ рычагъ тормаза, Ника отъ неожиданной остановки едва не вылетѣлъ. Государь всталъ. Наслѣдникъ побѣжалъ къ нему. Государь сталъ очень блѣденъ. Онъ сильно исхудалъ за это время. Въ бородѣ отчетливо стала сквозить сѣдина. Онъ вопросительно смотрѣлъ на Нику.

— Ваше Величество, проговорилъ Ника,— садитесь скорѣе съ наслѣдникомъ. Мы пріѣхали спасти васъ.

Государь отрицательно покачалъ головою. Быть можетъ онъ не повѣрилъ. Ника перекрестился.
—Ваше Величество, мы Русскіе люди. Мы глубоко страдаемъ отъ вашего ареста и пріѣхали спасти васъ и Наслѣдника. Садитесь Ваше Величество.

Наслѣдникъ смотрѣлъ любопытными глазами на Нику. Государь молчалъ. Автомобиль тихо шумѣлъ, машина работала на холостомъ ходу.

—Ваше Величество, вы не вѣрите намъ, — задыхаясь отъ волненія сказалъ Ника. Ей Богу правда! Мы старые дворяне, вѣрные слуги ваши.

— Я вамъ вѣрю, — проговорилъ отчетливо Государь и лицо его стало дергаться едва замѣтною болѣзненной дрожью. — Но я исполню долгъ до конца. Да совершится воля Божія и моего народа надо мною. Русскій народъ не сдѣлаетъ мнѣ ничего худого, какъ я ничего худого не пожелалъ народу.

Изъ дворца бѣжали солдаты караула и впереди ихъ былъ Гайдукъ.

— Хватай силою, крикнулъ Павликъ.

Наслѣдникъ заплакалъ и прижался къ Государю.

Все тѣло Ники обмякло. Онъ не могъ прикоснуться къ Государю. Прекрасные выпуклые глаза Государя съ глубокою скорбью устремились на него.

— Вы не сдѣлаете насилія. Отъ этого только хуже будетъ, — тихо сказалъ Государь и пошелъ къ караулу, какъ бы ища у него защиты.

— Все потеряно, сказалъ Павликъ.

— Садитесь, проговорилъ Петровъ, — ничего. Удеремъ.

Павликъ втащилъ Нику въ автомобиль и сейчасъ же заскрипѣло желѣзо конуса, автомобиль прыгнулъ, какъ застоявшійся конь и помчался по мягкому песку. Сзади затрещали выстрѣлы.

— Это по намъ, — сказалъ Петровъ. — Господи, Твоя воля.

Автомобиль круто огибалъ лужайку. Черезъ нее наперерѣзъ бѣжалъ Гайдукъ и что то кричалъ часовому у воротъ. Мелькнули затворяемыя ворота, автомобиль качнулся на крутомъ поворотѣ и помчался по шоссе, все ускоряя ходъ.

Долго всѣ молчали. Ника не понималъ, что случилось. Рядомъ сидѣлъ Павликъ. Вѣтеръ свисталъ въ ушахъ. Шоссе казалось ровнымъ, гладкимъ и бѣлымъ. Не замѣтны были выбоины и темные слѣды лужъ, все сливалось въ одну ровную бѣлесоватую ленту. Быстро приближались, точно летѣли на встрѣчу возы съ сѣномъ, лающія собаки, сѣрыя избы деревни, палисадники, трактиръ съ обступившими его крестьянскими телѣгами, ревѣлъ гудокъ, дѣти что то кричали, поддали рессоры на выбоинѣ у моста, покатились по доскамъ, внизу видна темная вода, и вотъ далеко впереди стало видно ровное, какъ стрѣла шоссе и хвойный лѣсъ елями и соснами тѣсно обступилъ его съ обѣихъ сторонъ. Петровъ замедлилъ ходъ и обернулся. Сзади на многія версты залегло шоссе и ни одного предмета на немъ не было видно.

— Ну что же, господа! Сорвалось. Теперь вамъ надо скрываться. Солдаты выдадутъ. Поѣхали пока что къ мамашѣ, а тамъ видно будетъ.

— А какъ же вы Петровъ?

— Я отверчусь. Меня никто не знаетъ. Развѣ машину узнали? Такъ опять я ночью уже буду на мѣстѣ. Машину на мѣсто, а самъ спать. Ничего. А васъ солдаты знаютъ. Такъ ладно — къ мамашѣ?

— Хорошо, сказалъ Павликъ.

Его воля была подавлена и онъ самъ не зналъ, что ему дѣлать.

Въ темнотѣ автомобиль свернулъ, перелѣзши пологую канаву въ лѣсъ и остановился.

— Вы, Павелъ Николаевичъ покараульте пока машину, а я отведу Николая Николаевича къ нашему дому.

Больше часа шелъ Ника за Петровымъ по тѣсной лѣсной тропинкѣ. Колючія ели хватали за лицо, подъ ногами пищала сырая земля. Наконецъ показалась прогалина, лѣсное озеро и шесть домовъ, улицей вытянувшихся вдоль него. Мѣсяцъ, уже ущербный, всходилъ надъ водою и отражался лукаво и таинственно въ темной водѣ. Хрипло залаяли собаки, но нигдѣ не показалось огонька. Также темными окнами смотрѣли избушки.

Петровъ долго стучалъ въ двери. Наконецъ раздались чьи то шаги и старческій голосъ спросилъ — чего надо?

— Это я, мамаша, — сказалъ Петровъ. Постояльцевъ привелъ.

Дверь открылась. Освѣщенная маленькой коптящей жестяной лампочкой стояла въ дверяхъ плотная старуха и куталась въ сѣрый шерстяной платокъ. Она добрыми глазами оглядѣла Нику и проговорила.

— Ну проходи! Спаси тебя Христосъ. Отъ солдатовъ что ли спасаешься?

Ника вошелъ въ темныя, пахнущія курами сѣни.

XV

30 іюля въ Александровскомъ дворцѣ была суета съ утра. Государю было объявлено, что временное правительство для его личной безопасности рѣшило отправить его съ семьею въ Тобольскъ. Ему гарантировали личную безопасность и обѣща-

ли возможно лучше обставить жизнь его и семьи. Большая часть лицъ свиты и служащихъ добровольно рѣшили ѣхать съ Государемъ и не покидать его нигдѣ. Государь просилъ отправить его на югъ въ виду плохого здоровья наслѣдника, но въ этомъ ему было отказано.

Утромъ во дворецъ привезли икону Знаменія Божіей Матери. Въ залѣ собралась Царская семья, свита и служащіе. Кругомъ плотнымъ кольцомъ стали вооруженные солдаты. Высокій красивый священникъ съ русой сѣдѣющей бородою, служилъ молебенъ по случаю дня рожденія наслѣдника, а послѣ напутственный. Вся семья горячо молилась. Молились и лица свиты. Никто не зналъ, что ожидаетъ ихъ дальше. Мягкій голосъ священника раздавался по залу, клубились синеватые струи кадильнаго дыма и слышались тихіе вздохи лакеевъ и служителей. Солдаты притихли. Они не стучали, какъ обыкновенно, прикладами, не кашляли и не сморкались. Солнце заглядывало въ окна и сіяло на ризѣ священника, на золотой оправѣ образа, на налоѣ. Лица Государя и Императрицы были блѣдны и сосредоточены.

Священникъ поздравилъ съ новорожденнымъ и пожелалъ счастливаго путешествія.

Слѣдующій день 31-го іюля прошелъ въ сборахъ. Настало время, когда обыкновенно ложились спать, но Царская семья не расходилась, ожидая поѣзда. Къ ней пріѣхалъ братъ Государя Великій Князь Михаилъ Александровичъ, но его не допустили до Государя. Солдаты толпились по заламъ и комнатамъ. На полу и на стульяхъ валялись ихъ ранцы и мѣшки съ поклажею. Около полуночи раздались чьи то быстрые, рѣшительные шаги и среди солдатъ шорохомъ пронесся говоръ — Керенскій!.... Керенскій!......

Средняго роста плотный человѣкъ, съ лицомъ сальнымъ, блѣднымъ и нездоровымъ, усталымъ, съ набрякшими вѣками, бритый, рыжеватый, въ

суконномъ френчѣ безъ погонъ, шараварахъ и башмакахъ съ обмотками прошелъ въ комнату, гдѣ былъ караулъ и обратился къ солдатамъ съ рѣчью. Онъ говорилъ сильными короткими фразами. Смыслъ фразъ былъ льстящій солдатамъ, тонъ рѣчи былъ тонъ приказанія.

Солдаты тѣснились кругомъ Керенскаго, смотрѣли ему прямо въ ротъ, какъ будто бы хотѣли глазами увидать тѣ круглыя звучныя слова, которыми онъ выпаливалъ въ нихъ.

— Товарищи! — говорилъ Керенскій, — вы несли охрану семьи бывшаго царя здѣсь. Вы должны нести охрану и въ Тобольскѣ, куда переводятся Романовы......

Большинство солдатъ были молодые, поступившіе на службу уже во время войны, но былъ между ними и одинъ пожилой унтеръ офицеръ стрѣлокъ. Онъ слушалъ напряженно каждое слово Керенскаго и ничего не могъ понять. Пять лѣтъ тому назадъ, все Царское съ ликованіемъ справляло этотъ день, и онъ, стрѣлокъ, ходилъ по городу и смотрѣлъ на иллюминацію. Толпы народа днемъ тѣснились на улицахъ, ожидая выѣзда Новорожденнаго и когда онъ проѣзжалъ съ Императрицей, народъ снималъ шапки и кругомъ слышались умиленные голоса:

— Раскрасавецъ нашъ! Ангелочекъ! Херувимъ небесный.

И онъ самъ смотрѣлъ на Наслѣдника и восхищался и боготворилъ его.

Что же такое произошло за эти годы? Что случилось? Была война. Были побѣды... А потомъ. —

— Завоеванія революціи! — слышались рѣзкія властныя слова.

— Да гдѣ же эти завоеванія, думалъ старый унтеръ офицеръ, когда почитай что по всему фронту наши отступили, а по всей арміи, слыхать, бунты идутъ.

— Демократія взяла власть въ свои руки, она не желаетъ мстить, или сводить счеты съ Романовыми.....

Ахъ, непонятно все это было старому унтеръ офицеру и тяжело сосало у него отъ этого подъ ложечкой.

Керенскому доложили, что великій князь Михаилъ Александровичъ ожидаетъ разрѣшенія проститься съ Государемъ.

— Хорошо! Въ моемъ присутствіи, кинулъ Керенскій.

Это свиданіе продолжалось десять минутъ и прошло почти въ молчаніи. Что могли сказать братья — такъ много чувствовавшіе въ эти минуты, когда такъ нагло смотрѣлъ на нихъ маленькій рыжій человѣкъ, въ рукахъ котораго была ихъ судьба, судьба всей Россіи.

— Ну храни Тебя Господь! — сказалъ Государь, обнимая брата.

Вся семья посидѣла на увязанныхъ вещахъ и стульяхъ по Русскому обычаю, потомъ всѣ спустились внизъ и долго размѣщались по автомобилямъ. Въ ночномъ сыромъ воздухѣ глухо звучали голоса. Липы шумѣли, точно прощались съ своими владѣльцами.

Ахъ! эти липы, столько воспоминаній связано съ ними и столько прекрасныхъ дней онѣ видали. Яркихъ, свѣтлыхъ, золотыхъ дней, золотого вѣка Екатерины и Александра.

На вокзалѣ Государь и его семья сидѣли въ пустомъ залѣ на стульяхъ. Кругомъ толпились солдаты. Уставшій за день, разморившійся Наслѣдникъ спалъ въ неловкой позѣ на вещахъ и лицо его горѣло нездоровымъ румянцемъ. Императрица сидѣла надъ нимъ. Поѣзда все не было. Приходили и уходили люди, шептались о чемъ то, бѣгали на телефонъ и обратно и тревога была на ихъ лицахъ. Рабочіе депо не выпускали паровоза для Царской

семьи. Они требовали разрѣшенія Совдепа. Приказъ временнаго правительства былъ имъ не указъ.

Нѣсколько разъ Государю говорили, что все готово, онъ одѣвалъ пальто, но сейчасъ же приходилъ кто либо и говорилъ:

— Извиняюсь, господинъ полковникъ, еще придется подождать.

— Это мнѣ надоѣло, наконецъ, — сказалъ Государь, и не снимая пальто сѣлъ въ углу зала.

Проходила лѣтняя ночь. Мутный разсвѣтъ ползъ въ окна и туманъ покрывалъ пути и поля за ними. Гасли сигнальные фонари.

— Пожалуйте, готово, доложилъ командированный Керенскимъ прапорщикъ Ефимовъ.

Государь вышелъ на площадку. Но поѣзда не было. Инженеръ Макаровъ командированный отъ временнаго правительства доложилъ, что поѣздъ стоитъ на запасномъ пути и пошелъ показывать дорогу. Государь шелъ за нимъ, ведя подъ руку Императрицу, спотыкавшуюся о рельсы и стрѣлки. Отъ безсонной ночи ея больное сердце ослабѣло и она едва передвигала ногами. Трудно было лѣзть на высокія ступеньки.....

Наконецъ размѣстились. Членъ Государственной Думы Вершининъ сказалъ, что можно ѣхать.

Въ шесть часовъ десять минутъ утра 1-го августа поѣздъ медленно тронулся и пошелъ, отвозя въ заточеніе Государя и его семью... Стрѣлки 2-го и 4-го полковъ сопровождали ихъ.

XVI.

Въ серединѣ августа Морочненскій пѣхотный полкъ, стоявшій въ двадцати верстахъ отъ позиціи получилъ приказъ итти въ окопы, на смѣну Павлиновскому полку. Приказъ былъ подписанъ командиромъ корпуса, тѣмъ самымъ генераломъ,

который не умѣлъ отличить фокса отъ мопса. Онъ вступилъ въ командованіе корпусомъ вмѣсто Саблина, который былъ отозванъ въ Ставку.

Въ полку по случаю приказа былъ митингъ. Отъ того правительства, которое временнымъ правительствомъ не было признано, но которое въ видѣ «совѣтовъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ» появилось вездѣ и съ которымъ дѣятельно сносились учрежденные правительствомъ Керенскаго и Гучкова всякіе фронтовые, армейскіе, корпусные, дивизіонные, полковые и ротные комитеты, вышло указаніе, что не всякій приказъ начальника подлежитъ исполненію безъ обсужденія. Приказы раздѣлялись на боевые, которые всякій обязывался революціонною дисциплиной безпрекословно исполнить, и не боевые, которые прежде исполненія разрѣшалось, а иногда и рекомендовалось обсудить, не направленъ ли онъ противъ завоеваній революціи, не является ли онъ актомъ, стремящимся все повернуть опять къ старому режиму, подъ офицерскую палку, такъ какъ всѣ генералы и старшіе начальники поголовно были заподозрѣны въ контръ-революціи.

Митингъ собрался вечеромъ, наканунѣ выступленія, на площади небольшого польско-еврейскаго мѣстечка подлѣ краснаго кирпичнаго костела и большого, разореннаго солдатами палаца, польскаго господскаго дома. Сѣрая толпа солдатъ, тысячи въ полторы человѣкъ, сгрудилась на площади около небольшого возвышенія, хранившаго остатки краснаго кумача и лентъ, построеннаго въ «счастливые» дни мартовской революціи по требованію мѣстныхъ революціонныхъ властей. Наваливаясь другъ другу на плечи, луща непрерывно сѣмечки, перекликаясь другъ съ другомъ и прерывая ораторовъ замѣчаніями съ мѣстъ, солдаты слушали то того, то другого офицера, или солдата, выходившаго уговаривать ихъ въ необходимости исполнить приказъ.

Первымъ говорилъ Верцинскій. Длинно и желчно онъ говорилъ о необходимости побѣдоносно закончить войну въ полномъ согласіи съ союзниками, о томъ, что Россія одна жить не можетъ, что ей необходима Западно-европейская промышленность, что для побѣды союзниковъ нужно, чтобы нашъ фронтъ хотя бы продержался до тѣхъ поръ, пока союзники смогутъ нанести Германіи рѣшительный ударъ, что Павлиновскій полкъ стоитъ безсмѣнно второй мѣсяцъ, солдаты обовшивѣли и имъ необходимо дать возможность отдохнуть и оправиться, что Морочненцы уже зажились въ посадѣ и пора имъ и честь знать, а потому приказъ командира корпуса правильный и его необходимо исполнить.

Подъ громъ апплодисментовъ Верцинскій сошелъ съ трибуны и на его мѣсто влѣзъ молодой прапорщикъ Долотовъ. Прапорщикъ этотъ пріѣхалъ въ полкъ мѣсяцъ тому назадъ изъ Ораніенбаума изъ пулеметныхъ курсовъ, отличался большою трусостью и въ посадѣ сошелся и открыто жилъ съ молодою еврейкой.

— Товарищи, воскликнулъ онъ, подлаживаясь и голосомъ и манерой къ тону развязныхъ солдатъ, мастеровъ зубоскалить и занимать толпу неожиданными вопросами, на которые самъ же тутъ же и давалъ отвѣтъ. — Товарищи, я васъ такъ спрошу къ примѣру, что этотъ приказъ боевой, или не боевой? Потому, ну ежели боевой, такъ уже крышка — расходись и сполняй безъ никакихъ разсужденіевъ... Что, товарищи, гремятъ тамъ на позиціи пушки, слышо́нъ пулеметъ? Наши товарищи изнемогаютъ въ неравномъ бою? Потребовались резервы?—Ой, товарищи, что-й то не слышно. Тишь, да гладь и ожиданіе мира. Такъ вотъ я вамъ и говорю, что приказъ это не боевой, потому что никакого боя, значитъ, нѣтъ — вѣрно — что-ль?

— Правильно, правильно, загудѣла толпа.

— А потому и поговорить, значитъ, можно и дозволительно, къ чему ведетъ этотъ приказъ. Вотъ

господинъ капитанъ говорилъ, чтобы, значитъ, стоять на позиціи до полнаго окончанія, до побѣды надъ врагомъ. Правильно это по вашему?...

— Правильно, раздалось нѣсколько неувѣренныхъ голосовъ.

— А по мнѣ, товарищи, и совсѣмъ даже неправильно. Народъ хотитъ одного. Мира! И объявлено въ лозунгахъ на священныхъ знаменахъ революціи: — «миръ безъ аннексій и контрибуцій». Миръ, а не война. А намъ все талдычатъ о войнѣ. Кому война нужна? Не бѣдному же человѣку, который пошелъ и дома въ хатѣ съ прогнившей соломенной крышей оставилъ съ голода помирать семью. Война надобна богатымъ помѣщикамъ, да капиталистамъ, которые на ней наживаются. Вы чего хотите? Мира, или войны?

— Мира!... Мира! Давно пора кончать эту канитель.

— Повоевали достаточно.

— Пора и по домамъ.

— Правильно, товарищи. А ежели мы будемъ смѣну дѣлать, да усилять позицію, что изъ того выйдетъ? Тамъ, дома помрутъ всѣ съ голодухи васъ ожидаючи, а вы все будете въ окопахъ гнить. Мое предложеніе такое: — оставаться здѣсь, приказа не сполнять. Павлиновскому полку предложить воткнуть штыки въ землю и разойдтись. Повоевали и буде! Которые, ежели согласны, прошу поднять руки.

Цѣлый лѣсъ рукъ поднялся надъ толпою. Темные, грязные, загорѣлые кулаки нависли надъ нею и нѣсколько секундъ грозно стояли, показывая свое полное согласіе съ ораторомъ.

Долотовъ, улыбаясь нехорошей усмѣшкой, спускался по лѣсенкѣ трибуны.

— Что, сколько получилъ, товарищъ, — спросилъ его мрачнаго вида солдатъ, стоявшій ближе къ лѣстницѣ, но Долотовъ, ничего не отвѣчая,

скользнулъ въ толпу и только лицо его поблѣднѣло и глаза забѣгали по сторонамъ.

На трибуну вошелъ старый чернобородый капитанъ. Онъ былъ любимъ солдатами.

— Товарищи, сказалъ онъ, — вы меня знаете. Я изъ народа и всегда былъ съ народомъ. Я сочувствовалъ и во времена монархіи революціонному движенію, я вѣрилъ въ него и за то не мало страдалъ. Я надѣлъ этотъ красный бантъ, символъ возставшаго народа, не для того, чтобы стать измѣнникомъ своимъ боевымъ товарищамъ французамъ и англичанамъ, а для того, чтобы выполнить свое обѣщаніе и довести войну до побѣднаго конца. Вынося рѣшеніе не исполнять приказа и прекратить войну вы показываете, что вы не сознательные солдаты, не свободный народъ, а какъ правильно назвалъ вамъ подобныхъ глава нашего правительства, товарищъ Керенскій, — взбунтовавшіеся рабы!

— Довольно! Буде! — раздались голоса.

— Слыхали!

— Офицеръ говоритъ, сейчасъ слыхать куда гнетъ.

— Революціонеръ какой объявился.

— Погоны ясные, а душа темная!

— Знамо деньги не зря получаютъ. Продажныя души!

— Товарищи! — воскликнулъ, блѣднѣя капитанъ. — Васъ обманываютъ! Среди васъ провокаторы и шпіоны.

— Самъ провокаторъ!

— Товарищи, вамъ говорили о разореніи войною крестьянъ! Всѣ разорены! Не достаточно вамъ говоритъ этотъ прекрасный господскій домъ съ разбитыми стеклами въ окнахъ, съ порванной мебелью. Всѣхъ равно разорила война.

— Ишь ты! Кого пожалѣлъ! Помѣщика!

— Ты бѣднаго пожалѣй! Богатый то въ этомъ нужды не имѣетъ.

— Грабилъ народъ, теперь его потрепали, жалѣть нечего. Свое получилъ. Заслуженное, значитъ.

— Товарищи!

— Долой его!

— Волоките его оттеля!

— Довольно!

— Долой! Долой его!

Капитанъ болѣзненно улыбнулся и сошелъ съ трибуны. На душѣ у него былъ мракъ. Что же это? — думалъ онъ, — ужели я ошибался, вѣря въ народъ, а царское правительство было право, не давая ему свободы. Что же дальше, дальше что будетъ?

Сѣрый солдатъ, неловко карабкался на трибуну. Оглянувши толпу, увидавши тысячи лицъ, смотрѣвшихъ на него, онъ на минуту смутился, но сейчасъ оправился, улыбнулся широкой улыбкой, скинулъ съ себя шапку и крикнулъ: —

— Привѣтъ товарищи, честному народу... Да... А идтить на позицію надо. По крестьянству, значитъ, слѣдоваетъ. Они тамъ устали, а мы отдохнули. По справедливости. И пойдемъ! Не по приказу, значитъ, а по крестьянству, по справедливости. Пущай отдохнутъ! Знай нашихъ Морочненскихъ. Всегда товарищи хорошіе были. Не подгадимъ!!

И онъ, взмахнувши фуражкой надъ головою, сошелъ съ трибуны. Громъ аплодисментовъ и крики — правильно, правильно! — сопровождали его.

— Вотъ этотъ такъ поставилъ точку! — смѣясь говорилъ поручикъ солдату, — настоящій окопный дядя.

Толпа расходилась. Близилось время ужина. Лѣтнія сумерки надвигались. Обычно въ такіе часы то тутъ, то тамъ завелась бы пѣсня, заверещала бы гармоника, собрался бы кружокъ слушателей, но теперь послѣ ужина всюду были кучки солдатъ, слышались тихія рѣчи, вопросы безъ от-

вѣта и хмурились брови и темно становилось въ головѣ.

— Какъ вы думаете, Казимiръ Казимiровичъ, — спросилъ Козловъ у Верцинскаго, — пойдутъ, или нѣтъ?

— Все зависитъ отъ погоды, будетъ погода хорошая, можетъ быть и пойдутъ... — сказалъ Верцинскiй.

XVII.

За эти четыре мѣсяца Козловъ постарѣлъ лѣтъ на десять. Арестъ своими же солдатами, разложенiе армiи, сломили его. Изъ Райволово онъ получалъ рѣдкiя, но хорошiя письма, и если что безпокоило его, такъ это только мучительное ревнивое подозрѣнiе, которое зародилось въ немъ по одному пустому случаю. Онъ шелъ весною ночью по мѣстечку, занятому его полкомъ. Благоухали развѣсистыя липы, млѣли подъ луннымъ свѣтомъ пирамидальные тополи, бѣлыя хаты казались нарядными, цвѣли каштаны. Съ сосѣдняго болота слышался стройный могучiй хоръ лягушекъ. Луна свѣтила съ темносиняго, усѣяннаго звѣздами неба. Сердце было размягчено природой, хотѣлось вѣрить въ лучшее будущее, Козловъ примирялся съ печальнымъ настоящимъ. Кое гдѣ горѣли костры—солдаты пекли краденую картошку и кружками сидѣли люди. Послѣ революцiи они мало пѣли, больше толковали о чемъ то, злословили, осуждали, строили планы будущаго.

— А помнишь Осетрова, — говорилъ кто то невидимый изъ подъ самаго ствола раскидистаго дуба,—слыхать съ командирской женой въ Питерѣ путался. И Гайдукъ тоже. Всѣ бабы, какъ бабы. А что, товарищи, картошка не готова? Я, такъ думаю. Ежели землю дѣлить, то надо поровну и непремѣнно въ собственность, потому какое же хозяйство

возможно, ежели земля не твоя и сыну твоему не перейдетъ.

«Можетъ быть это мнѣ послышалось», — подумалъ Козловъ. — «Развѣ можетъ Зорька? Милая Зорька.... А вотъ подойдти и спросить? На какомъ основанiи такiя рѣчи?»

Онъ уже сдѣлалъ два шага къ говорившимъ, но остановился и пошелъ прочь. Спросить, значитъ, повѣрить, а повѣрить? — что же тогда останется въ жизни, когда все святое отнято и растоптано во прахъ: — и царь, и Богъ, и Родина... Неужели и семья? Нѣтъ, это послышалось. Козловъ такъ увѣрилъ себя, что эти страшныя слова не были сказаны, но показались ему, что пересталъ о нихъ думать... Но забыть не могъ. И часто, въ минуты раздумья, среди тяжелыхъ думъ о Россiи, его мозги какъ молнiя прорѣзывала мысль: — «Осетровъ съ командирской женой путался и Гайдукъ тоже». Теперь и Осетровъ и Гайдукъ были въ Совѣтѣ, но теперь этого быть не могло. Зорьки не было въ Петербургѣ... А вѣдь было тяжелое время, осенью, когда не было писемъ отъ нея. Молчала она. Что тогда было? Спросить ее?... И такъ жизнь была не сладка, и безъ того не было ни мечтанiй, ни надеждъ, а тутъ эта страшная роковая мысль, ужасъ невообразимый. Онъ прогонялъ эту мысль и она уходила, а потомъ возвращалась снова и мучила, создавая безсонныя ночи.

Въ эту ночь послѣ митинга Козловъ не спалъ. Онъ думалъ о Зорькѣ, о ея послѣднемъ письмѣ и не понималъ, какъ могла она ему измѣнить и такъ писать. Нѣтъ. Она вѣрна ему. Она его ждетъ... Онъ думалъ о полкѣ. Въ полку его ординарцемъ былъ унтеръ офицеръ Желѣзкинъ. Тотъ самый Желѣзкинъ, который подъ Новымъ Корчинымъ грудью своею заслонилъ его, окопалъ его въ землю и котораго онъ спасъ потомъ при атакѣ. Съ тѣхъ поръ Желѣзкинъ не разставался съ нимъ.

— Никогда, ваше высокоблагородіе, не забуду, что вы для меня сдѣлали. Дѣтямъ заповѣдаю благословлять васъ. Умирать буду, а васъ не оставлю, — часто говорилъ ему Желѣзкинъ.

У Желѣзкина было два георгіевскихъ креста и онъ былъ произведенъ въ младшіе унтеръ офицеры. Козловъ хотѣлъ его сдѣлать взводнымъ, но Желѣзкинъ былъ совершенно неграмотенъ и такъ тупъ, что какъ ни бились съ нимъ, не могъ осилить и азбуки. Козловъ сказалъ, что онъ радъ бы произвести его въ старшіе унтеръ офицеры, но его стѣсняетъ его неграмотность. Желѣзкинъ прямо въ глаза посмотрѣлъ своему командиру и сказалъ:

— Куды жъ мнѣ, ваше высокоблагородіе взводнымъ быть. Я и такъ премного вами благодаренъ. Не чаялъ никогда и унтеръ офицеромъ то быть. Не безпокойтесь. Я и такъ по гробъ жизни вамъ обязанъ.

На второй мѣсяцъ послѣ революціи Желѣзкинъ явился какъ то вечеромъ къ своему командиру и заговорилъ упрямо и настойчиво.

— Ваше высокоблагородіе, я къ вамъ съ просьбою. Ходатайствуйте о моемъ производствѣ въ подпрапорщики. Въ Павлиновскомъ полку многихъ произвели.

— Что съ тобою, Желѣзкинъ,—сказалъ Козловъ.

— Какъ я, значитъ, геройски съ вами воевалъ и всегда защита вамъ былъ, то вы бы могли обо мнѣ позаботиться. Нынче это можно и безъ всякаго разговора.

Козловъ прогналъ Желѣзкина. Съ тѣхъ поръ, наружно, между ними оставались прежнія прекрасныя отношенія, но Желѣзкинъ избѣгалъ смотрѣть прямо въ глаза своему командиру и не любилъ вспоминать про прежнія геройскія дѣла и службу въ Зарайскомъ полку.

— Такъ, сѣрость одна тогда была, — сказалъ онъ какъ то Козлову. — Мы, ваше высокоблаго-

родіе, несознательные были. Насъ въ темнотѣ держали. А теперь намъ все открыто.

Козловъ посмотрѣлъ на Желѣзкина. Желѣзкинъ смотрѣлъ мимо Козлова куда то въ уголъ.

— Что же вамъ открыто? — спросилъ онъ солдата.

— Да вотъ, что въ темнотѣ насъ держали. Дисциплина эта самая. Наказанія.

— Желѣзкинъ! Развѣ кто либо когда наказывалъ солдата безъ вины. Ты былъ хорошимъ солдатомъ, развѣ я когда тебя бранилъ, — воскликнулъ Козловъ.

— Никакъ нѣтъ. А только — могли, что хотѣли сдѣлать.

— И опять таки неправда. На все былъ законъ и противъ закона ни я, да и никто ничего не могъ сдѣлать.

— Какой уже законъ... — мрачнымъ голосомъ проворчалъ Желѣзкинъ, — законъ то былъ Царскій. Одинъ произволъ!

И Желѣзкинъ вышелъ изъ землянки.

Все это вспоминалось теперь Козлову. Въ ротные комитеты не было избрано ни одного офицера, больше половины членовъ комитетовъ были евреи, или самые развращенные солдаты, подвергавшіеся частымъ наказаніямъ, бывшіе подъ судомъ. Предсѣдателемъ полкового комитета былъ Верцинскій, надъ которымъ смѣялись солдаты, который ни во что не вѣрилъ и ничего и никого не признавалъ.

«Что же это такое?» — думалъ Козловъ, ворочаясь съ боку на бокъ на узкой койкѣ. «Что же будетъ отъ этого? Начальству виднѣе... А гдѣ оно, настоящее то начальство?»

XVIII.

Утро выступленія на позицію было сѣрое и туманное. Падала съ неба какая то мокрота. Однако

полкъ поднялся, засуетился и съ говоромъ и шумомъ выступилъ изъ деревни.

Въ десяти верстахъ отъ мѣста ночлега, на полъ пути до позиціи протекала рѣка и на ней были мосты, охраняемые казачьими караулами. Здѣсь долженъ былъ быть большой привалъ. Сѣрою толпою съ глухимъ гомономъ надвигались солдаты. Шли уныло, медленнымъ шагомъ. Ни въ одной ротѣ не пѣли. Старыхъ пѣсень пѣть не хотѣли, стыдились ихъ, а новыхъ знали слишкомъ мало.

— Стой! — раздалась команда, когда головная рота подошла къ рѣкѣ. — Стой!... Стой... повторилась она во всѣхъ шестнадцати ротахъ. И, не дожидаясь разрѣшенія, солдаты стали садиться, гдѣ попало по сторонамъ дороги и закуривать папирос396.

И только что они сѣли, какъ среди нихъ появился матросъ. Онъ былъ въ заломленной на затылокъ матросской безкозыркѣ съ лентами, въ рубахѣ съ голою грудью и шеей и въ широкихъ раструбомъ внизъ шароварахъ. Онъ появился съ недалекой отъ мѣста привала станціи желѣзной дороги. Молодой, юркій, наглый, онъ повертѣлся въ одной группѣ солдатъ, потомъ въ другой, третьей и вдругъ отъ полка стали отдѣляться сначала одиночные люди и бѣжать на мостъ. Взбѣжавъ на мостъ они снимали съ себя патронташи и высыпали патроны въ рѣку. То тутъ, то тамъ щелкнули винтовки, солдаты стрѣляли вверхъ. Это продолжалось нѣсколько секундъ, потомъ какъ бы сумасшествіе охватило людьми всего полка. По всему величественному дубовому лѣсу, подходившему къ рѣкѣ, затрещала непрерывная бѣшеная стрѣльба, солдаты вынимали патронные ящики, хватали пулеметныя ленты и бросали все это въ рѣку.

— Долой войну! — неслось то тутъ, то тамъ, среди криковъ и выстрѣловъ.

Гдѣ то вправо сотни голосовъ дико и грубо заревѣли на мотивъ марсельезы:

Мы пожара всемірнаго пламя,
Молотъ, сбившій оковы съ раба
Коммунизмъ — наше красное знамя
И священный нашъ лозунгъ — борьба!

Къ нимъ приставали голоса.

Стрѣльба охватила весь полкъ, отраженные лѣснымъ эхомъ выстрѣлы казались громче, въ самомъ лѣсу затрещалъ одинъ, потомъ другой пулеметъ, а марсельеза хриплая и дикая, то разгораясь, то утихая неслась по берегу рѣки и подхлестывала людей. Слова знали немногіе, имъ вторили безъ словъ и временами пѣсня становилась дикимъ и грубымъ воемъ.

Противъ общаго злого вампира,
Противъ шайки поповъ и господъ,
Встаньте всѣ пролетаріи міра,
Обездоленный черный народъ!

Встаньте рыцари новаго строя!
Встаньте дѣти великой нужды,
Для послѣдняго страшнаго боя
Трудовые смыкайте ряды!

— Долой войну!... Долой офицеровъ!... Арестовать ихъ!

При первыхъ выстрѣлахъ Козловъ вскочилъ на лошадь и поскакалъ къ солдатамъ.

— Вы съума сошли! — крикнулъ онъ. — Кто вы такіе? — Нѣмцы?... Нѣмцы? Съ нѣмцами за одно? Перестать стрѣлять! Господа офицеры по мѣстамъ!

Блѣдныя лица были кругомъ. Глаза были страшны, люди не понимали, что произошло. Изъ мѣстечка бѣжали посторонніе солдаты и несли красныя знамена.

— Хватай командира, крикнулъ кто то, и Желѣзкинъ схватилъ лошадь Козлова подъ уздцы. Толпа окружила его. Козловъ хотѣлъ вынуть ре-

вольверъ изъ кобуры, но его движеніе угадали. Кто то изъ солдатъ, вцѣпившись обѣими руками въ кобуру, оторвалъ ее вмѣстѣ съ револьверомъ. Пѣніе и стрѣльба прекратились, всѣ сгрудились въ одну кучу, страшно дышащую; кругомъ были дикіе безумные глаза.

— Тащи, тащи его! — распоряжался кто то въ толпѣ.

Грубыя руки схватили Козлова за ногу, его сняли съ дрожащей, покрывшейся потомъ лошади и повлекли къ лѣсу. Все время подлѣ него былъ Желѣзкинъ. Онъ не трогалъ Козлова, и смотрѣлъ на него тупо, а лицо его было бѣлое, искривленное ужасомъ.

— Желѣзкинъ, — сказалъ Козловъ, — помнишь Новый Корчинъ?

Желѣзкинъ отвернулся.

— Братцы, что вы дѣлаете! — воскликнулъ Козловъ со слезами въ голосѣ. — У меня жена, дѣти.

— Къ дереву его!... Вотъ такъ. Къ дубу. Хорошенько крути ему руки.

— Что же вы дѣлать хотите со мной!? — воскликнулъ Козловъ. — За что?!

— А, мало вы кровушки нашей попили!

— Капитана вяжи! Революціонера вчерашняго!

Люди тѣснились, отдавливали другъ другу ноги, спотыкались, падали, вставали и шли, толкаясь и тяжело дыша.

— Гдѣ веревка? — спросилъ кто то дѣловито и озабоченно.

— Посмотри на фурманкѣ, кажись, тамъ была.

— Что жъ такъ порѣшимъ, или пытать будемъ? — спросилъ молодой парень безъ фуражки со всклокоченной лохматой головой.

Щелкнулъ одиночный выстрѣлъ.

— Матросъ поручика порѣшилъ, — сказалъ кто то подлѣ Козлова... — Изъ револьверта.

— Начинать что-ль?...

Люди дрожали и не походили на людей. Слова прыгали и срывались съ губъ непроизвольно. Никто не понималъ ни того, что говорилъ, ни того, что дѣлалъ.

— Раздѣть надо.

— Такъ порѣшимъ.

— Безпремѣнно надо раздѣть. Кителя жалко. Китель новый. Какъ же такъ-то?

Съ Козлова стянули китель.

— Постой, товарищъ, а сапоги?

— Ишь ловкій какой. Ты что-ль возьмешь?

— Сапоги дѣлить будемъ. По жребію. У него хорошіе.

— Тащи говорю.

На ходу, Козлова схватили за ноги и стащили съ него сапоги. Онъ уже не шелъ, но его несли, приближаясь къ лѣсу.

— Шаравары снимай!

— За чево?

— Чево? Чево? А часы? Деньги?

У большого стараго дуба, Козлова, полуобнаженнаго, босого прикрутили веревками къ стволу. Онъ смотрѣлъ широко раскрытыми страдающими глазами на солдатъ. На секунду молніей прорѣзала мысль: — «Осетровъ съ командирской женой путался, да и Гайдукъ тоже».

Онъ поднялъ глаза къ небу. Сѣрыя тучи низко нависли. Въ воздухѣ парило. Надъ головою былъ тѣсный зеленый переплетъ вѣтвей, молодые жолуди красивыми блестящими точками были разсыпаны среди листвы. Все было такъ красиво, такъ очаровательно въ Божьемъ мірѣ, что Козловъ понялъ до чего мучительно онъ хотѣлъ жить.

— Братцы! Или вы въ Христа не вѣрите! За что же! — воскликнулъ онъ.

Желѣзкинъ стоялъ противъ него и смотрѣлъ на него не то съ сожалѣніемъ, не то съ недоумѣніемъ.

— Судить что-ль будемъ? — нерѣшительно сказалъ онъ, обращаясь къ толпѣ.

— Войну кто проповѣдывалъ, а? До побѣднаго конца? А? — раздались голоса.

— Мало кровушки нашей попили!

— Постой!

— Стрѣлить что-ль?

— Мало его стрѣлить. Ишь, какой бѣлый.

— Погоди, товарищи! Какъ учили! — воскликнулъ молодой растрепанный солдатъ, становясь въ полутора шагахъ отъ Козлова въ боевую стойку съ ружьемъ.

— Прямо коли и назадъ прикладомъ — бей! со смѣхомъ скомандовалъ кто то изъ толпы.

Страшная острая боль заставила содрогнуться все тѣло Козлова. Низъ рубахи и подштанники его окрасились темною кровью. Лицо позеленѣло, штыкъ пробилъ его животъ и воткнулся въ дерево, солдатъ съ остервенѣніемъ повернулся кругомъ, перевернулъ винтовку прикладомъ впередъ и съ размаха ударилъ затылкомъ приклада по лицу Козлова. Хряпнули кости. Носъ, ротъ все слилось въ одно сплошное кровавое пятно, страшно глядѣли изъ него еще живые, наполовину выскочившіе изъ орбитъ, глаза. Съ мучительнымъ стономъ Козловъ сталъ опускаться книзу.

— Довольно! — крикнулъ кто то.

— Прикончить надо, ишь хрипитъ.

Нѣсколько выстрѣловъ раздалось по безформенному залитому кровью лицу Козлова и онъ затихъ.

— Ай-да, товарищи, въ посадъ! Наши уже тамъ. Гуляютъ.

Всѣ бросились долой отъ труповъ.

— Бей жидовъ! — крикнулъ кто то изъ толпы.

Солдаты тащили еврейскихъ женщинъ, дѣвушекъ и подростковъ и волокли ихъ въ лѣсъ. Солдатъ тянула невидимая сила туда, гдѣ пролита была невинная кровь, гдѣ привязанный къ дубу

склонившись книзу стоялъ неподвижный и страшный Козловъ, гдѣ лежали трупы капитана, поручика и шести молодыхъ офицеровъ съ сорванными погонами, съ разбитыми выстрѣлами окровавленными черепами. Тамъ, между мертвыхъ, солдаты копошились толпами по пятнадцать, по двадцать человѣкъ и тамъ дѣлали свое гнусное дѣло. Оттуда неслись тяжелые хрипы, стоны, истеричный смѣхъ, мольбы, женскій плачъ, грубый хохотъ и жестокія шутки.

Звѣри пировали тамъ и тѣшились надъ добычей....

Звѣрь никогда не унизился бы до такого ужаснаго паденія, до какого дошли люди.

Люди тамъ дѣлали дѣло, на которое никогда не рѣшился бы звѣрь.

— Волоки старуху, товарищъ!

— На чужой сторонкѣ и старушка Божій даръ.

— Умерла что-ль дѣвчонка-то?

— Кончилась.

— А ты мертвую. Ничаво. Еще теплая . . . .

. . . .

. . . .

Солнце такъ и не вышло изъ за сѣрыхъ тучъ посмотрѣть на тотъ ужасъ, который творился революціонными войсками. Вечеръ надвигался тоскливый и жуткій. Дождя не было, но парило на землѣ.

— Что жъ это, братцы? Что намъ за это буде!

— Да... Натворили.

— На позицію!

— Пусть Верцинскій ведетъ!

— На позиціи, товарищи, никто не тронетъ. Тамъ нѣмецъ. Ежели кто придетъ — бѣлый флагъ кинемъ и къ нему перемахнемъ.

— Становись по ротамъ!

— Ищи Верцинскаго.

— Не удралъ ли?

— Много ихъ сволочей поудирало, какъ погоны рвать стали.

— Донесутъ.

— Гляди, кабы погони не было.

Роты запружали мостъ и шли по дорогѣ на позицію смятенныя и трусливыя.

Внизу у моста, на той сторонѣ, надъ самой рѣкою, скорчившись сидѣлъ Верцинскій. Онъ опустилъ свою характерную голову на пальцы рукъ, тупо глядѣлъ на несущуюся мимо него темную рѣку и не отдавая себѣ отчета шепталъ: —

Мы — пожара всемірнаго пламя,
Молотъ, сбившій оковы съ раба.
Коммунизмъ — наше красное знамя
И священный нашъ лозунгъ — борьба.

. . . .

Нашихъ братьевъ погибшихъ мильоны,
Матерей обездоленныхъ плачъ,
Бѣдняковъ, искалѣченныхъ стоны
Скажутъ намъ, гдѣ укрылся палачъ!...

На томъ берегу, въ дубовой рощѣ было тихо, но Верцинскому казалось, что онъ все еще слышитъ стоны замучиваемыхъ офицеровъ, хрипѣніе умирающаго Козлова и плачъ, истеричный смѣхъ и вопли несчастныхъ женщинъ. Ему казалось, что онъ различаетъ между деревьевъ въ травѣ ихъ бѣлыя неподвижныя тѣла.

«Что же это? Что же это»?—шепталъ онъ. «Или это не революція, а бунтъ, Русскій бунтъ, про который сказалъ Пушкинъ — «Русскій бунтъ безсмысленный и безпощадный»...

«И это нужно и это неизбѣжно? И эти эксцессы революціи? И это начало»....

— Ваше благородіе! — услышалъ онъ голосъ надъ собою. А, ваше благородіе.

Передъ нимъ вытянувшись и держа руку у козырька стоялъ тотъ самый солдатъ, который убилъ Козлова.

Верцинскій посмотрѣлъ на него.

— Полкъ проситъ ваше благородіе, чтобы вы вели его на позицію.

Верцинскій вздохнулъ, покорно всталъ и пошелъ наверхъ на дорогу, гдѣ въ темнѣвшемъ воздухѣ видны были молчаливыя, стоявшія въ порядкѣ роты. Онъ заложилъ руки глубоко въ карманы своихъ шараваръ и опустивши голову зашагалъ впереди полка.

Онъ ничего не понималъ и ничего не соображалъ.

XIX.

Въ одинадцатомъ часу вечера Морочненскій полкъ подошелъ къ позиціи. Два батальона должны были остаться на лѣсной прогалинѣ въ землянкахъ, два занимали окопы. Командиръ Павлиновскаго полка, молодой офицеръ генеральнаго штаба, принималъ Верцинскаго вмѣстѣ съ предсѣдателемъ полкового комитета солдатомъ изъ интеллигентныхъ евреевъ, молодымъ человѣкомъ съ блѣднымъ тонкимъ лицомъ, большими выпуклыми глазами и толстыми чувственными губами. Онъ былъ въ шинели безъ погонъ и протянулъ первый руку дощечкой Верцинскому. Въ землянкѣ горѣла керосиновая лампа. Въ ней было тихо, какъ въ могилѣ и пахло землею, сыростью и холоднымъ табачнымъ дымомъ.

— Что такъ поздно, товарищъ, — сказалъ офицеръ генеральнаго штаба. — Мы слыхали бѣшеную пальбу въ тылу и думали не совершили ли на васъ нападеніе германскіе аэропланы. Такъ нѣтъ не пролетали черезъ насъ.

Верцинскій посмотрѣлъ выразительно на предсѣдателя комитета.

— Говорите при товарищѣ Зоненфельдѣ. У меня отъ товарищей солдатъ тайнъ и секретовъ нѣтъ. Вмѣстѣ клялись братски служить подъ краснымъ знаменемъ революціи, — сказалъ командиръ полка.

— Дѣло въ томъ, — сказалъ Верцинскій,— что смѣнять то мы васъ пришли, но не знаю примете

ли вы насъ и передадите ли намъ позицію. Мы пришли безъ патроновъ, безъ командира полка и почти безъ офицеровъ.

— Гдѣ же это все? — спросилъ командиръ полка.

— Патроны частью въ рѣкѣ, частью разстрѣляны на воздухъ, командиръ полка, полковникъ Козловъ, капитанъ Пушнинъ, поручикъ Звѣржинецкій, и шесть подпоручиковъ убиты солдатами, около сорока офицеровъ разбѣжалось, я даже не знаю хорошенько, кто у насъ есть и кого нѣтъ.

Это извѣстіе не произвело большого впечатлѣнія ни на командира полка ни на Зоненфельда.

— Этого надо было ожидать, — сказалъ Зоненфельдъ и въ упоръ посмотрѣлъ на Верцинскаго .

— Да, — сказалъ и командиръ полка. — Козловъ перетянулъ полкъ. Все къ старинѣ гнулъ. Онъ не понялъ новаго революціоннаго свободнаго солдата и поплатился. Царство ему небесное. Жалко, конечно, его, но нельзя было гнуть по своему и отрицать солдатскую волю.

— Погодите, еще натворили наши братцы, — сказалъ желчно Верцинскій. — Послѣ этого убійства они кинулись въ мѣстечко Далинъ и совершенно его разгромили. Я не знаю, что тамъ было, но насилія женщинъ продолжались до вечера и трупы ихъ лежатъ въ лѣсу подъ мостомъ.

— Это возмутительно, — воскликнулъ Зоненфельдъ. — Почему вы ихъ не остановили?

— Я посмотрѣлъ бы на васъ, какъ бы вы ихъ остановили, — сказалъ Верцинскій.

— Вы должны были употребить въ дѣло оружіе.

— Я никогда, ни противъ кого не употреблялъ оружія, это мое убѣжденіе.

— Непротивленіе злу, — насмѣшливо сказалъ Зоненфельдъ.

— Товарищъ, я съ вами заводить принципіальныхъ споровъ не буду. У васъ двѣ мѣрки: одна для офицеровъ, другая для евреевъ и еврейскихъ

женщинъ. Мнѣ же, товарищъ, всякое убійство противно и противоестественно и поэтому оставимъ этотъ разговоръ.

— Первое — казнь. Можетъ быть жестокая, несправедливая, но казнь, месть народа. Второе безсмысленное дикое убійство, Русское звѣрство, — горячо возразилъ Зоненфельдъ.

— Я, товарищъ, смертной казни не признаю и всегда боролся противъ нея, — сказалъ Верцинскій усталымъ голосомъ.

— Оставьте, господа, — вмѣшался командиръ полка, — теперь не время спорить о принципахъ. Мы стоимъ передъ голымъ фактомъ. Вы, товарищъ Верцинскій, кажется, юристъ по образованію.

— Нѣтъ, я филологъ и латинистъ.

— Ну, все равно. Вы должны лучше меня знать, что слѣдуетъ по закону за такое преступленіе, — сказалъ командиръ полка.

— Зачинщикамъ и главнымъ виновникамъ смертная казнь, началъ Верцинскій, но Зоненфельдъ перебилъ его.

— Теперь, товарищъ, смертной казни нигдѣ нѣтъ. Это одно изъ главнѣйшихъ завоеваній нашей революціи. Говорить о смертной казни могутъ только такіе реакціонеры, какъ генералъ Корниловъ, нашъ новый главковерхъ, но помяните мое слово, товарищи солдаты, ему этого не простятъ никогда.

— Оставьте, товарищъ, — ласково сказалъ командиръ полка. — Намъ необходимо выяснить обстановку. Допустимъ, что и смертная казнь въ виду насилія надъ жителями будетъ признана необходимой. Намъ, капитанъ, необходимо установить, кто отвѣтственъ за все это.

— Я думаю это невозможно сдѣлать. Работала толпа. Изъ полутора тысячъ человѣкъ я полагаю не принимало участія не болѣе пятисотъ.

— Господинъ полковникъ, сказалъ Зоненфельдъ, — я думаю, что это дѣло правильнѣе всего передать въ армейскій съѣздъ и политическому ко-

миссару — онъ съумѣетъ разобрать его и подойдти къ нему съ революціонной, а не обще юридической точки зрѣнія. Виновные въ погромѣ необходимо должны быть строго наказаны, но, конечно, разстрѣлять тысячу человѣкъ, или даже судить тысячу нельзя. Необходимо выдѣлить зачинщиковъ и главныхъ участниковъ и督 комполка это выяснитъ.

— Я этого вопроса ни разбирать, ни касаться не хочу, устало сказалъ Верцинскій. У меня другой вопросъ. Солдаты привели меня на позицію и идутъ въ окопы. Но у нихъ нѣтъ патроновъ. У нихъ нѣтъ офицеровъ.

— Я вамъ помогу. Я передамъ вамъ половину своихъ патроновъ, да по существу это и неважно,— сказалъ командиръ полка. Войны съ нѣмцами у насъ нѣтъ. Ни мы не стрѣляемъ, ни они не стрѣляютъ. Каждый день на фронтѣ впереди позицій идетъ мѣновая торговля и разговоры. Вчера мои пулеметъ промѣняли на бутылку рома и, знаете, пресквернаго. Я донесъ въ штабъ. Нашъ почтенный Абрамъ Петровичъ приказалъ показать пулеметъ утеряннымъ въ бою. Среди нѣмцевъ много говорящихъ по Русски, наши болтаютъ о мирѣ. Идиллія, а не фронтъ. По моимъ свѣдѣніямъ противъ нашего полка стоитъ одна рота, съ нами совсѣмъ не считаются и не собираются на насъ нападать. Да будь у насъ патроны, или не будь — солдаты опредѣленно заявили, что они драться не будутъ. Что касается офицеровъ — то примѣните въ ротахъ выборное начало, сдѣлайте первый шагъ къ истинной демократизаціи арміи, о которой такъ много кричатъ, но все еще ничего не дѣлаютъ и увѣряю васъ, худого не будетъ. И такъ до лучшихъ дней. Оставляю вамъ въ наслѣдство лампу и здѣсь въ жестянкѣ небольшой запасъ керосина. Я пойду распорядиться. Товарищъ, идемте — и командиръ Павлиновскаго полка откланялся Верцинскому.

Оставшись одинъ Верцинскій, какъ былъ въ шинели и при амуниціи повалился на грязный

сѣнникъ на топчанѣ, доставшійся ему въ наслѣдство отъ Павлиновскаго полка и закрылъ глаза.

Онъ очень усталъ физически и, особенно, морально. Онъ терялся въ мысляхъ, путался въ выводахъ. Когда онъ закрылъ глаза — призраки обступили его. Онъ былъ безъ предразсудковъ, но въ могильной тишинѣ ему слышались стоны и вопли и, казалось, онъ слышалъ шорохъ одеждъ и многія руки тянулись къ нему и хватали за край матраца и хотѣли взять его и потребовать отъ него отчета. «Я то здѣсь при чемъ», мысленно говорилъ Верцинскій, — «оставьте меня». Онъ открылъ глаза. — «Какой скверный сонъ», думалъ онъ. Но онъ не спалъ. Это не было сномъ. «Ужели муки совѣсти», думалъ онъ. «У меня, муки совѣсти, ха, ха ха!» Онъ хохоталъ дико и громко надъ собою, какъ когда то хохоталъ надъ Саблинымъ и Козловымъ. «Муки совѣсти, угрызенія душевныя — но почему, почему? Вѣдь я то, старый филологъ и латинистъ, не причемъ въ этой проклятой войнѣ, въ этомъ наслѣдіи жестокаго царизма. Вся вина и вся кровь на нихъ, на дьявольскомъ царско-полицейскомъ режимѣ!» «Qui s'excuse — s'accuse!... Я не извиняюсь! Никогда, слышите, не извиняюсь», почти громко говорилъ онъ...

«А какъ же? Не ты ли или тебѣ подобные сочинили эту кровавую марсельезу и привили ее, какъ ядъ французской болѣзни, здоровому Русскому народу. Ты только сегодня, повторяя машинально слова, нескладно пѣтой пѣсни, понялъ на опытѣ чему ты училъ. Ты — Русская интеллигенція. Не талдычили ли вы, какъ дятлы кору о прелести французской революціи и кровавое красное знамя мятежа не окутали ли вы флеромъ красоты и свободы? Не отметнулись ли вы отъ кроткаго ученія Христа и не назвали ли вы христіанское ученіе ученіемъ рабовъ? А что дали вы вмѣсто этого? Миръ хижинамъ, война дворцамъ... Эти маленькіе еврейскіе домики съ крошечными двориками, зава-

ленными домашнею рухлядью, гдѣ копошатся красивыя пучеглазыя, въ волнистыхъ кудряхъ дѣти, такъ много, много дѣтей, гдѣ сидятъ старики съ библейскими бородами въ длинныхъ рваныхъ лапсердакахъ, гдѣ сидятъ то молодыя и красивыя, то старыя и безобразныя женщины — это дворцы? Дворцы?»

«Казиміръ Казиміровичъ», — обратился онъ самъ къ себѣ, — «я васъ спрашиваю — «бей жидовъ!» — вы слышали этотъ крикъ, крикнули вы, или — я знаю, вы скажете это, — крикнулъ бывшій городовой, членъ союза Русскаго народа, черносотенцы....»

Верцинскій застоналъ и повернулся лицомъ къ стѣнѣ. Призракъ одной дѣвочки его преслѣдовалъ. Онъ видѣлъ ее, когда бѣжалъ на мостъ изъ дубоваго лѣса. Это была дѣвочка лѣтъ двѣнадцати съ рыжими золотистыми волосами ниже плечъ съ громадными черными глазами, опущенными длинными рѣсницами. Она была сытенькая и упитанная. Четыре солдата несли ее, небрежно охвативъ ниже груди. Алыя и пестрыя юбки задрались и изъ подъ нихъ видны были маленькія ножки въ черныхъ чулочкахъ и повыше ихъ нѣжное розовое тѣло. Она кричала и стонала и пухлыя губы ребенка обнажали прелестные мелкіе и чистые, какъ перламутръ зубы. Сзади бѣжали старикъ и старуха. Они все забыли въ своемъ бѣшеномъ горѣ, они ругались и ихъ сухіе жилистые кулаки колотили въ спины солдатъ, а цѣпкіе, тонкіе, какъ кости скелета, пальцы цѣплялись въ рубахи. «Это были люди изъ дворцовъ? И кто палачи?»

«Что же все кувыркомъ? Казиміръ Казиміровичъ, сорокъ лѣтъ жизни вздоръ, сорокъ лѣтъ вѣрованій ничто? Отъ гимназической скамьи и украдкой читаемыхъ Писарева, Добролюбова и Герцена до Карла Маркса все ерунда? Надо пѣть — «съ нами Царь и съ нами Богъ, съ нами Русскій весь народъ». А, Казиміръ Казиміровичъ?, какову загадоч-

ку то вамъ задала эта маленькая еврейская дѣвченочка съ пухленькими розовыми ножками?... Пожалуй въ пору было бы городового позвать, или за становымъ приставомъ съ казаками спосылать?»

Верцинскій сѣлъ на постель. Все тѣло его ломило страшной ломотою, лихорадка била его. «Это оттого», сказалъ онъ, «что я не снялъ эти проклятыя побрякушки», онъ стащилъ съ себя амуницію, снялъ шинель, одежду, сапоги и остался въ одномъ бѣльѣ.

«Вѣруешь ли ты во что либо?», спросилъ онъ самъ себя. «Въ Бога, напримѣръ, вѣруешь?» И твердо сказалъ: — «нѣтъ не вѣрую, потому что если повѣрю въ Бога, то повѣрю въ будущую жизнь, а повѣрю въ будущую жизнь, стану бояться, стану рабомъ, свободный человѣкъ не можетъ вѣровать въ Бога. Религія это опіумъ для народа».

«А какъ же дѣвченочка-то? былъ бы опіумъ — не было бы и дѣвченочки?»

«А что такое она? Что такое старикъ и старуха съ ихъ бѣшенымъ горемъ?... ну, было и прошло. Пройдетъ недѣля и опять считать копѣйки и рубли и въ видѣ утѣшенія ходить и плакать на могилу. Все вздоръ. Ну, убили Козлова? Скажите, какое преступленіе! А то, что послали въ окопы на Лѣсищенскій плацъ-д'армъ и тамъ газами задушили шесть тысячъ человѣкъ это не преступленіе? Почему Царское правительство, объявляя или принимая войну право, а рядовой Савкинъ размалывая прикладомъ лицо подполковнику Козлову не правъ? Почему полковникъ Саблинъ, ведущій въ атаку на батарею, на вѣрную смерть дивизіонъ рабовъ — герой и его награждаютъ георгіевскимъ крестомъ, а матросъ, двинувшій полкъ свободныхъ солдатъ на убійство и насиліе, на такое же убійство, — ибо мертвымъ то все равно, — преступникъ? Почему Саблинъ, овладѣвшій Марусей — принцъ.... Да.... такъ говорилъ Коржиковъ она назвала его, — а солдатъ овладѣвшій дѣвчоночкой — звѣрь и насиль-

никъ? Результатомъ и того и другого все равно — смерть».

«Вотъ въ смерть я вѣрю, а въ Бога.... нѣтъ».

«И что такое Богъ? Богъ безсиленъ. Все то что дѣлается теперь, начиная съ войны противно Богу, а Богъ не можетъ остановить этого, Богъ не покаралъ никого, а вотъ тѣ таинственные семьдесятъ, которые правятъ всѣмъ міромъ тѣ создали и войну, и революцію, и убійство Козлова, и «бей жидовъ», и дѣвченочка ихъ дѣло.

«Они сказали: — вмѣсто тихаго пѣснопѣнія и очарованія религіи—дѣвченочка съ розовыми ножками и садизмъ... А что? Не глупо придумано. Ха... ха... ха!... Вотъ они то боги и если кому вѣровать и кланяться, такъ имъ.... Ха... ха... ха!... Имъ, семидесяти таинственнымъ!...»

Верцинскій повалился на койку, натянулъ на голову шинель и старался заснуть. Но все казалось ему, что призраки наполняли землянку, все слышались полузадушенные стоны, крики и вопли и онъ туже натягивалъ на голову шинель. Наконецъ ему показалось, что онъ забылся на одну минуту и сейчасъ же почувствовалъ, что землянка полна народомъ, что его трогаютъ, тащутъ съ него шинель. Онъ въ испугѣ сбросилъ съ лица шинель и открылъ глаза. И точно землянка была полна людьми.

Въ узкія стекла окна и въ раскрытую дверь шелъ мутный свѣтъ яснаго солнечнаго разсвѣта. Въ сизомъ воздухѣ землянки, наполняя ее всю и выходя по лѣстницѣ наружу толпились солдаты. Они были блѣдны, отъ нихъ пахло потомъ и прѣлымъ запахомъ проморившагося всю ночь безъ сна человѣка. Они совали какія то записки Верцинскому и говорили:

— Господинъ капитанъ — вотъ вамъ списки зачинщиковъ по ротамъ.Больше все вторая рота виновата, а мы, ей Богу, не причемъ. Мы, вотъ те Христосъ, освободить желали, а чтобы такое съ евреями, мы даже убѣжали. И вотъ сапоги его принесли, но-

сите, господинъ капитанъ. Потому сапоги добрые и мы, чтобы ежели что взять, да ни Боже мой. Сейчасъ ребятъ отправляемъ, похоронять чтобы, значитъ, жертвы революціи этой самой. За батюшкой думаемъ послать. Подъ присягу пойдемъ: — ни сномъ, ни духомъ не виноваты. Ей Богу! Какъ передъ Истиннымъ. Одна вторая рота. Да вотъ еще матросъ. Кто его знаетъ, откуда взялся!....

Верцинскій смотрѣлъ на нихъ и дикая улыбка сумашедшаго кривила его ротъ со сбритыми усами.

— Пошлите все въ штабъ дивизіи. Я ничего не знаю, — сказалъ онъ.

— Слушаемъ, господинъ капитанъ, — послушно сказали солдаты и стали выходить изъ землянки и вмѣсто нихъ косые лучи праздничнаго, веселаго лѣтняго солнца ворвались въ нее и съ ними вмѣстѣ вошелъ веселый пискъ ликующихъ и поющихъ гимнъ солнцу лѣсныхъ птичекъ.

Верцинскій повалился на койку и заснулъ крѣпкимъ сномъ безъ сновидѣній. Онъ привыкъ не спать по ночамъ, а спать днемъ...

XX.

Въ штабѣ корпуса дѣло объ убійствѣ командира полка и офицеровъ и о погромѣ посада Далинъ рѣшили передать не судебному слѣдователю по особо важнымъ дѣламъ, а въ армейскій съѣздъ и командировать для выемки виновныхъ, комиссара арміи съ полкомъ казаковъ и пулеметами. Это дѣло было не единичнымъ и исключительнымъ. Подобные эксцессы уже были въ разныхъ мѣстахъ и практика показала, что посылка слѣдователя ни къ чему не приводила. Отъ военнаго министра Керенскаго были преподаны указанія для такихъ случаевъ и рекомендовано дѣйствовать съ полной осторожностью, дабы напрасно не раздражать солдатъ.

Армейскимъ комиссаромъ былъ прапорщикъ Кнопъ. Революціонная волна сдѣлала его сначала делегатомъ полка въ совѣтъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ, потомъ онъ попалъ въ исполнительный комитетъ этого совѣта, такъ называемый исполкомъ и послѣ апрѣльскаго переворота, въ которомъ Кнопъ игралъ видную роль, руководя солдатами, онъ былъ посланъ комиссаромъ въ армію. Солдаты его считали своимъ — онъ былъ членомъ совдепа и исполкома—значитъ за нимъ были большія заслуги передъ народомъ и революціей.

Попавши на фронтъ Кнопъ увидалъ совсѣмъ не то,что онъ ожидалъ. Онъ попалъ какъ разъ къ іюльскому наступленію на Тарнополь и къ прорыву, подготовленному Керенскимъ и руководимому Корниловымъ. Онъ видѣлъ восемьдесятъ офицеровъ, которые кинулись впередъ съ красными флагами и всѣ полегли подъ выстрѣлами своихъ солдатъ, стрѣлявшихъ имъ въ спину. Онъ видѣлъ взбунтовавшійся и руководимый Дзевалтовскимъ Гренадерскій полкъ, онъ видѣлъ бѣгство сотни тысячъ людей, убійства, насилія и грабежи, равныхъ которымъ не знала міровая исторія.

Кнопъ открыто сталъ на сторону начальства. Въ пространномъ докладѣ онъ доказывалъ, что революція пошла по ложному пути, что надо возстановить авторитетъ старшихъ начальниковъ, надо вернуть дисциплину, хотя бы цѣною смертной казни. Параллельно съ этимъ онъ считалъ необходимымъ увеличить власть и вліяніе политическихъ комиссаровъ. Тотъ самый Кнопъ, маленькій смутьянъ, боровшійся противъ внутренняго порядка въ Запасномъ батальонѣ и капитана Савельева, пѣвшій куплеты на вечерѣ графини Палтовой сталъ теперь лицомъ, равнымъ командующему арміей. Въ его распоряженіи были автомобили, если при немъ не было адъютантовъ, то за то подлѣ него всегда вертѣлись услужливые члены мѣстнаго Совдепа и армейскаго комитета, готовые подслужиться своему.

Корпусные командиры, начальники дивизій и командиры полковъ — одни игнорировали его, другіе заискивали передъ нимъ, ища у него помощи и надѣясь черезъ него возстановить разрушавшіеся полки. Было отчего закружиться и болѣе крѣпкой головѣ, нежели была у Кнопа. Кнопъ сталъ важенъ. Онъ одѣлся въ Петербургѣ у лучшаго портного, сшилъ себѣ элегантный френчъ, рейтузы и копировалъ въ рѣчахъ и манерахъ своего кумира Керенскаго.

Когда въ штабѣ арміи стало извѣстно о кровавомъ происшествіи въ Морочненскомъ полку, Кнопъ явился на засѣданіе мѣстнаго совдепа, сдѣлалъ огненный докладъ и заручился поддержкой совдепа и обѣщаніемъ утвердить всѣ его постановленія. По телеграфу было сообщено въ штабъ корпуса, что онъ ѣдетъ и лучшая машина армейскаго гаража дана въ его распоряженіе.

Корпусъ, которымъ командовалъ старичекъ, не умѣвшій отличить фокса отъ мопса первый разъ принималъ у себя комиссара и встрѣчать его рѣшили, какъ самого командующаго арміей. Почетнаго караула не выставляли, но всѣмъ командамъ штаба было приказано выйти на улицу и не строемъ, но группами встрѣчать комиссара.

— Да смотрите, говорилъ командиръ корпуса,— чтобы у всѣхъ были красные банты, а то, знаете, наша солдатня она совсѣмъ несознательная. Тогда генералъ Саблинъ запрещалъ, другой и теперь побоится.

— Если господинъ комиссаръ вздумаютъ поздороваться, спрашивалъ замѣнившій Давыдова исправлявшій должность начальника штаба подполковникъ Стралжковскій, — какъ отвѣчать прикажете?

— Гмъ..., задумался командиръ корпуса. — Какъ думаете господа?... Я думаю надо что либо демократическое. Товарищъ комиссаръ? Хорошо будетъ?

— Я думаю удобно ли будетъ — «товарищъ». — сказалъ командиръ комендантской роты, старый капитанъ, переведенный изъ уѣздной полиціи. Все таки это комиссаръ. Начальство въ нѣкоторомъ родѣ. И потомъ къ слову — товарищъ, не подойдетъ— здравія желаю.

— Вы, Иванъ Антоновичъ, все таки совсѣмъ еще старорежимный человѣкъ, — сказалъ Стралжковскій — никакихъ «здравія желаю». «Здраствуйте, товарищъ комиссаръ».

— Я думаю, сказалъ командиръ корпуса: — «здраствуйте, господинъ комиссаръ», будетъ лучше. Онъ, говорятъ, совсѣмъ молодой человѣкъ и ему это польститъ.

— Репетировать прикажете?, спросилъ Иванъ Антоновичъ.—чтобы, значитъ, въ голосъ отвѣчали.

— Нѣтъ. Да вы знаете, пожалуй, даже и лучше не въ голосъ, — картиннѣе и демократичнѣе. А, впрочемъ, Богъ дастъ и не поздоровается, сказалъ командиръ корпуса.

Комиссара ожидали къ десяти часамъ утра. Къ этому времени прибылъ казачій полкъ. Казаки ухарски, съ пѣснями проѣхали черезъ деревню и у нихъ былъ такой видъ, что никакъ нельзя было угадать на чью сторону они станутъ. Командиръ казачьяго полка, пожилой полковникъ въ красивой черкескѣ, украшенной серебромъ и въ богатомъ оружіи заѣхалъ въ штабъ. Тамъ былъ приготовленъ чай для комиссара и, хотя всѣмъ хотѣлось пить, никто не начиналъ въ ожиданіи Кнопа.

— Ну, какъ ваши?, спросилъ командиръ корпуса у казачьяго полковника.

— Кажется настроеніе хорошее. Утромъ офицеры съ ними бесѣдовали, возмущались поступкомъ солдатъ, говорили, что такія безобразія и погромы недопустимы въ свободной арміи. Что намъ дѣлать нужно?

— Надо потребовать, чтобы выдали зачинщиковъ, ихъ считаютъ двадцать человѣкъ, арестовать

ихъ и доставить въ штабъ, сказалъ командиръ корпуса.

—Сопротивленія не встрѣтите, — сказалъ Стржалковскій. — Они образумились и покаялись. Всѣ зачинщики ими выданы. Это все заварила вторая рота. Въ ней и произведете чистку. Съ такими молодцами, какъ ваши ничего не страшно. Вы какъ то съумѣли видъ сохранить и лошади у васъ въ порядкѣ. А наши — совсѣмъ расползлись. Шинель одѣнетъ — хлястика сзади нѣтъ, рубахи перестали стирать, биваки загажены. Какъ еще болѣзней до сего времени нѣтъ, удивляться надо. А лошадей въ ординарческой и пулеметной командахъ кормить и чистить отказались. Офицеры ходятъ и сами кормъ раздаютъ. Скажешь имъ что — норовятъ вдвое отвѣтить.

— Нѣтъ, у насъ еще, слава Богу, до этого не дошло. Даже честь отдавать офицерамъ сами постановили.

— Да, сознательный народъ, казаки. Не то что наши, вздохнулъ сидѣвшій въ углу полковой командиръ.

— Ѣдутъ, распахивая дверь большой избы, гдѣ сидѣлъ корпусный командиръ, — сказалъ молодой прапорщикъ и лицо его сіяло какимъ то внутреннимъ счастіемъ.

— Я думаю, вставая сказалъ командиръ корпуса, намъ его встрѣчать то, пожалуй, и неприлично. Мальчишка совсѣмъ, прапорщикъ. Говорятъ, ему двадцать три года всего.

— Конечно, сказалъ Стржалковскій, но всѣ двинулись къ дверямъ за Иваномъ Антоновичемъ, который, оправляя амуницію, выбѣжалъ на крыльцо.

По улицѣ по обѣимъ ея сторонамъ, въ тѣни развѣсистыхъ яблонь и грушъ, подъ тополями толпились солдаты.

— Комиссаръ... комиссаръ... шорохомъ неслось по рядамъ.

— А молодой совсѣмъ.
— На жида похожъ.
— Они почитай всѣ жиды.
— Пропала Россія, жиды стали править ею!
— На Керенскаго похожъ.
— Сказывали прапорщикъ, а погоны солдатскіе.
— Демократичности больше. Онъ партійный человѣкъ.

— Да, вотъ она новая народная власть. Этотъ за генераловъ не потянетъ.

Автомобиль, управляемый двумя молодыми интеллигентными юношами, лихо подкатилъ къ калиткѣ у садика, Кнопъ, небрежно, изученнымъ и скопированнымъ у старыхъ генераловъ движеніемъ, скинулъ съ себя шинель и направился ко входу. Дежурный офицеръ встрѣтилъ его съ рапортомъ.

XXI.

— Здравствуйте, генералъ, — протягивая большую чисто вымытую съ отшлифованными ногтями руку сказалъ Кнопъ. — Я думаю сейчасъ и поѣдемъ. Люди собраны?

— Люди на бивакѣ. Батальоны, которые стояли на позиціи отказались смѣниться. 806-й полкъ стоитъ пока при резервѣ. Они раскаялись. Зачинщики всѣ переписаны и я не сомнѣваюсь, что ихъ выдадутъ.

Кнопъ, усаженный въ головѣ стола, небрежно развалясь, жевалъ приготовленные для него бутерброды съ сыромъ и ветчиной и пилъ чай.

— Вы, — сказалъ онъ покровительственно командиру корпуса, — не ѣздите. Слишкомъ много чести для этихъ мерзавцевъ. Мы поѣдемъ вдвоемъ съ начальникомъ дивизіи.

— Я бы полагалъ, господ...., — командиръ корпуса поперхнулся, не зная, какъ титуловать Кнопа,

— что мнѣ бы хорошо поѣхать. Люди меня очень любятъ. У нихъ обваливались землянки, я имъ лѣса готоваго выхлопоталъ, такъ, намедни, депутація являлась благодарить. Меня, знаете, и зовутъ даже — «нашъ дѣдушка». Русскій солдатъ, знаете, отходчивый человѣкъ. Патріархальности въ немъ много.

— Нѣтъ, вы останетесь,—сказалъ Кнопъ, кладя свою руку на руку командира корпуса. Насъ и такъ довольно. Казаки готовы?

— Бивакъ оцѣпленъ лавою и пулеметы установлены, — сказалъ мрачно командиръ казачьяго полка, съ нескрываемою ненавистью и презрѣніемъ глядя на Кнопа.

— Ну, такъ ѣдемъ, — сказалъ, вставая, Кнопъ.

Его автомобиль окружили конные казаки и сопровождаемый ими онъ покатилъ по дорогѣ въ лѣсъ. Былъ жаркій августовскій день. По небу разбѣжались волнистые бѣло-розовые барашки и небо было высокимъ и чистымъ. Стройныя, красножелтыя сосны окружили дорогу, подъ ними доцвѣталъ розовый верескъ и къ терпкому запаху смолы, моха, хвои и можжевельника примѣшивался мѣстами топный запахъ гніющаго конскаго трупа и человѣческихъ отбросовъ. Дорога шла то песками, то сбѣгала на узкую бревенчатую гать, лѣсъ по обѣимъ сторонамъ становился ниже, могучія мачтовыя деревья смѣнялись маленькими кривыми соснами и кустами можжевельника и голубики. Кочковатое болото озеркомъ протягивалось вправо и влѣво и снова поднимались пески.

Показались проволочныя загражденія и осыпавшіеся, давно не ремонтированные окопы тыловой позиціи, проѣхали лѣсомъ еще съ версту, сильнѣе сталъ запахъ человѣческаго бивака, пахнуло дымомъ и щами и автомобиль выбрался на большую лѣсную прогалину, по которой были разбросаны низкія землянки. На прогалинѣ выстраива-

лось два батальона. Люди были безъ оружія. Кругомъ, въ лѣсу толпились внѣ строя солдаты, это былъ 806-й полкъ, собравшійся посмотрѣть на экзекуцію. Конные казаки съ обнаженными шашками стояли кое гдѣ вдоль опушки лѣса. Сотня резерва, тоже на коняхъ, стояла противъ батальоновъ.

Раздалась команда «смир-рна!» и батальоны затихли. Мертвая тишина наступила на лѣсной прогалинѣ. Кнопъ вышелъ изъ автомобиля. Машина, фырча и скрипя, отъѣхала и затихла.

Вся обстановка залитой солнцемъ лѣсной прогалины, на которой неподвижно стояло около тысячи человѣкъ и смотрѣло на Кнопа, на которую выходили изъ лѣса и приближались, чтобы услышать комиссара еще двѣ тысячи человѣкъ, казаки на лошадяхъ, сознаніе, что всего въ верстѣ идетъ позиція, а тамъ и непріятель взвинчивала и вдохновляла Кнопа. Небрежнымъ шагомъ, неловко шагая по мху и вереску, запрокинувъ высоко голову, онъ подвигался, сопровождаемый небольшою свитою и казаками къ первому батальону.

Полкомъ командовалъ помощникъ Козлова, подполковникъ Щучкинъ, бывшій въ обозѣ, избѣжавшій благополучно расправы и теперь явившійся встрѣтить начальство. Это былъ пятидесятилѣтній худой человѣкъ, исправный фронтовикъ, на сухомъ лицѣ котораго была написана исполнительность и почтеніе. Онъ то ѣлъ глазами начальника дивизіи, то грозно окидывалъ старыми, сверкающими изъ подъ морщинъ сѣрыми глазками солдатскіе ряды и готовъ былъ ежеминутно кинуться и поправить, оборвать и подтянуть солдата. На Кнопа онъ не смотрѣлъ. Онъ старался не замѣчать его и былъ преисполненъ къ нему величайшаго презрѣнія.

Кнопъ остановился въ пяти шагахъ отъ батальона и стиснувъ кулаки прокричалъ: —

— Мм-ерр-завцы! Вы что же думали, что свобода дана вамъ для того, чтобы убивать, чтобы насилія

и погромы дѣлать!?... А?... Россія стала самою свободною страною въ мірѣ, нигдѣ на землѣ не дано столько свободы солдату, какъ въ Россіи. А вы такъ употребили эту свободу? Вы перебили честныхъ слугъ Республики, вы унизились до погрома... Вы!... Вы... Вы не свободные граждане солдаты, а взбунтовавшіеся рабы!... И какъ съ рабами съ вами будетъ поступлено. Я членъ исполнительнаго комитета Петроградскаго Совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ и я требую, — взвизгнулъ онъ, — я требую, чтобы вы немедленно выдали мнѣ тѣхъ негодяевъ, которые подстрекали васъ бунтовать на позиціи.

Кнопъ замолчалъ. Въ батальонѣ была тишина. Лица солдатъ были блѣдны, глаза мрачно горѣли. Никто не шелохнулся, ни одинъ голосъ не раздался изъ батальона.

— Зачинщики выданы?—спросилъ у Щучкина начальникъ дивизіи.

— Выданы-съ, ваше превосходительство, — кидаясь впередъ сказалъ подполковникъ.

— Вызовите ихъ, — сказалъ Кнопъ.

Щучкинъ не шелохнулся, точно это его и не касалось.

— Вызывайте ихъ, полковникъ, — сказалъ начальникъ дивизіи.

Щучкинъ вышелъ впередъ Кнопа и громко и отчетливо сталъ на память выкликать фамиліи. Изъ рядовъ второй роты, медленно и нехотя, стали выдвигаться солдаты и выстраиваться шеренгой впереди батальона. Они были зеленовато блѣдны и тяжело дышали. Это все были молодые люди, не солдатскаго вида, большинство не крестьяне, а горожане.

Ихъ набралось восемнадцать человѣкъ.

— И кромѣ этихъ, — сказалъ Щучкинъ, еще двое: Кротовъ и Лунчаковъ на позиціи. За ними послано.

— Арестовать этихъ негодяевъ! — грозно крикнулъ Кнопъ.

— Товарищи! Что же это! — крикнулъ одинъ изъ вызванныхъ.

— Не выдадимъ! — раздались голоса въ батальонѣ, сотни стиснутыхъ кулаковъ поднялись надъ головами, но никто не тронулся съ мѣста.

— Казаки! — сказалъ начальникъ дивизіи.

Конная сотня надвинулась къ батальону, руки опустились и снова стало тихо.

— Ведите ихъ, — сказалъ Кнопъ казачьему офицеру.

Офицеръ мрачно посмотрѣлъ на него, окружилъ казаками вызванныхъ передъ строй людей и повелъ ихъ съ площадки. Такая тишина стояла въ лѣсу, что слышно было, какъ шуршали по вереску шаги уходящихъ солдатъ. Кнопъ плавалъ въ блаженствѣ. Ему казалось, что онъ большой, большой, выше всѣхъ, а кругомъ него все маленькіе ничтожные люди. Онъ чувствовалъ себя, какъ Гулливеръ въ странѣ лиллипутовъ.

Онъ вышелъ передъ оба батальона и заговорилъ снова. Отрывистыми, короткими фразами, ясно и четко чеканя слова такъ, какъ говорилъ Керенскій, пересыпая свою рѣчь пышными революціонными лозунгами Кнопъ говорилъ о завоеванной Русскимъ народомъ свободѣ, о великихъ завоеваніяхъ революціи, объ уничтоженномъ гнетѣ царизма, о необходимости революціонной дисциплины, которая должна быть гораздо выше и больше, нежели прежняя дисциплина, о томъ, что долгъ каждаго гражданина солдата всѣми мѣрами стремиться къ побѣдному окончанію войны въ полномъ согласіи съ союзниками. Онъ говорилъ хорошо. Солдаты его слушали, тяжело вздыхая и потъ струился по ихъ лицамъ. Большинство не понимало того, что онъ говорить, но слушало крикливый голосъ съ ясно замѣтнымъ иностраннымъ акцентомъ.

— Такъ поняли меня, товарищи? — закончилъ Кнопъ свою рѣчь.

— Поняли, поняли, — раздались голоса.

— Правильно я говорю?

— Правильно!... Правильно!...

— Ну, вотъ видите, генералъ, — самодовольно сказалъ Кнопъ, — нужно только умѣть съ ними поговорить. Это славный Русскій народъ.

— Да вамъ легко въ солдатскомъ платьѣ, — сказалъ начальникъ дивизіи, — а выйдетъ къ нимъ офицеръ, или, не дай Богъ, генералъ, — слова сказать не дадутъ.

— Пройдетъ и это, — снисходительно сказалъ Кнопъ. — Распустите батальоны, я съ ними потолкую отдѣльно.

— Распустите людей, — сказалъ Щучкину начальникъ дивизіи.

— Не надо бы, ваше превосходительство, — сказалъ Щучкинъ, тревожно глядя на людей.

— Ничего, ничего, распустите. Я знаю, что дѣлаю, — сказалъ Кнопъ.

Онъ ходилъ по биваку и ногъ подъ собою не чувствовалъ. Въ эти мгновенія онъ, какъ никогда вѣрилъ въ силу своего слова, въ могущество своего таланта и умѣнье владѣть массами.

— Разойдтись, — скомандовалъ Щучкинъ.

Два сѣрыхъ квадрата батальонныхъ колоннъ распались на группы и вся прогалина покрылась кучками людей. Одни окружили казаковъ и заговаривали съ ними, другіе толпою ходили сзади Кнопа. Онъ остановился около большой сосны и, стоя на корняхъ ея, сверху внизъ смотрѣлъ на сѣрую толпу солдатъ, тѣснившуюся противъ него. Онъ казался самъ себѣ проповѣдникомъ новой морали, новымъ Христомъ, окруженнымъ народомъ, жаждущимъ его живого слова.

— Товарищи, — обратился онъ къ толпѣ. — Когда вы бунтовали противъ проклятаго царскаго

правительства и убивали тѣхъ генераловъ и офицеровъ, которые не хотѣли идти съ народомъ за одно — это было понятно. Но теперь, когда самое великое благо человѣка, свобода, завоевана вами, теперь вы должны точно и безъ разговора и митинговъ исполнять приказанія своихъ начальниковъ. Мы, комиссары, поставленные отъ народа, будемъ слѣдить за тѣмъ, чтобы приказанія не были въ ущербъ революціи.

— А позвольте васъ спросить, товарищъ, — сплевывая шелуху отъ сѣмечекъ, обратился къ нему маленькій несуразый солдатъ съ плоскимъ, желтымъ, изрытымъ оспою лицомъ и маленькими сѣрыми равнодушными глазами. У него были длинныя, какъ у обезьяны руки съ большими узловатыми кулаками и кривыя короткія по туловищу ноги. Лицо расплывалось въ idiотскую улыбку и тогда видны были рѣдкіе дурные зубы, между которыми лежали подсолнухи.

— Говори, говори Шатровъ, — одобрительно заговорили кругомъ солдаты. — Этотъ скажетъ, правду истинную скажетъ.

— Какое, товарищъ, мы можемъ имѣть довѣріе къ начальникамъ, когда генералъ Саблинъ газами сколько народа передушилъ и ему ничего.

— Правильно!... Вѣрное слово... Правда истинная.

— Позвольте, товарищи, — спросилъ Кнопъ, — да когда же это было?

— А вотъ, объ весну. Заразъ послѣ революціи, какъ свободы вышли, онъ, значитъ, и порѣшилъ съ народомъ прикончить. Газы и пустилъ.

— Навѣрное, товарищи, газы пустили нѣмцы, — сказалъ Кнопъ.

— Это, конечно, нѣмцы. Ну только генералъ Саблинъ, сорокъ тысячъ за это дѣло отъ нихъ получилъ.

— Вы путаете, товарищи. Это не могло такъ быть.

— Конечно, когда солдатъ говоритъ, такъ завсегда скажутъ зря... Потому, молъ, безъ образованія. А правда то, товарищъ, гдѣ сидитъ? Правда въ окопномъ солдатѣ! Да, въ страстотерпцѣ великомъ, вшами заѣденномъ.

Въ другихъ группахъ говорили о томъ, что пріѣзжій комиссаръ вовсе и не комиссаръ, а нѣмецкій шпіонъ, присланный смутить солдатъ.

— Онъ и по русски то говоритъ не то какъ жидъ, не то, какъ колонистъ, — говорили солдаты.

— Совсѣмъ даже не демократическая рѣчь его была, — говорилъ казакъ, обращаясь къ солдатамъ. — Мерзавцы, да мерзавцы, этого мы и при старомъ режимѣ достаточно наслухались.

Офицеры казачьяго полка доложили о такихъ рѣчахъ своему командиру, тотъ собралъ полкъ въ резервную колонну и пошелъ къ Кнопу.

— Я бы вамъ, господинъ, — сказалъ онъ, — посовѣтовалъ уѣзжать. Дѣло свое сдѣлали, зачинщиковъ взяли и, слава Богу. А эти разговоры къ добру не приведутъ.

Кнопъ презрительно сморщился.

— Ахъ, — сказалъ онъ, — вы ничего не понимаете въ солдатской душѣ. Необходимо разсѣять всѣ эти потемки, необходимо разубѣдить солдата. что все это не такъ.

— Слава Богу, — проворчалъ подъ носъ командиръ полка, — тридцать лѣтъ съ этимъ народомъ вожусь и знаю его насквозь.

Онъ приказалъ шофферамъ подавать автомобиль.

Въ это время къ Кнопу подошелъ блѣдный взволнованный офицеръ и сказалъ, глядя на него, но обращаясь къ начальнику дивизіи.

— Ваше превосходительство, батальоны, занимавшіе позицію, сошли съ нея и въ боевомъ по-

рядкѣ, цѣпями, наступаютъ на насъ. Они открыли рѣдкій огонь. Я приказалъ казачьимъ пулеметчикамъ стрѣлять по нимъ. Они отказались.

— Какъ! сошли съ позиціи, — гнѣвно воскликнулъ Кнопъ. — Это преступленіе. Я покажу этимъ мерзавцамъ, какъ обнажать фронтъ. Гдѣ позиція, полковникъ! Проводите меня.

— Не ѣздите лучше! — воскликнулъ командиръ казачьяго полка.

— Нѣтъ, я поѣду! — упрямо сказалъ Кнопъ. — Это мой долгъ заставить этихъ негодяевъ образумиться...

Онъ сѣлъ въ автомобиль съ начальникомъ дивизіи и приказалъ трогать.

Но едва машина тронулась, какъ раздался чей то пронзительный, покрывающій всѣ шумы голосъ:

— Въ ружье!

И въ одно мгновеніе вся прогалина опустѣла.

XXII.

Изъ землянокъ выбѣгали вооруженные солдаты. Они плотнымъ кольцомъ окружили лѣсную прогалину и загораживали всѣ выходы. Какъ будто, призывая къ бунту, затрещалъ установленный на противоаэропланномъ колесѣ пулеметъ и сейчасъ же бѣшеная стрѣльба трехъ съ лишнимъ тысячъ винтовокъ, отраженная и усиленная лѣснымъ эхомъ раздалась кругомъ. Стрѣляли вверхъ. Казачій полкъ всей массой, какъ былъ въ резервной колоннѣ сорвался со своего мѣста и увлекая офицеровъ, поскакалъ къ дорогѣ между проволочными загражденіями резервной позиціи. Дорога была узкая, ошалѣвшіе казаки бросились прямо на проволоку и лошади падали, запутавшись между кольями и надъ ними свистали и выли пули, сбивая вѣтки и усиливая панику.

Но не всѣ стрѣляли вверхъ. Часть стрѣляла по автомобилю, на которомъ сидѣлъ Кнопъ съ начальникомъ дивизіи и по группѣ верховыхъ, гдѣ былъ командиръ казачьяго полка со своимъ адъютантомъ. Ординарцы казаки покинули ихъ. Автомобиль, поворачивавшій къ дорогѣ на позицію, былъ остановленъ шофферами, выскочившими изъ него и побѣжавшими за землянки, за ними выскочили и Кнопъ съ начальникомъ дивизіи. Начальникъ дивизіи ухватился за стремя командира казачьяго полка и побѣжалъ рядомъ съ нимъ за казаками. Кнопъ бросился въ землянку. Бывшіе подлѣ нея солдаты вскочили въ землянку раньше Кнопа и приперли дверь изнутри. Кнопъ остался на узкомъ крылечкѣ, врытомъ въ землю. Онъ былъ блѣденъ, глаза выражали животный ужасъ. Тотъ самый солдатъ съ обезьяньими руками и плоскимъ широкимъ лицомъ, который задавалъ ему вопросы, ударилъ его прикладомъ по темени и Кнопъ упалъ ничкомъ возлѣ двери. Нѣсколько выстрѣловъ въ затылокъ прикончили его. Все это солдаты дѣлали молча, серьезно, такъ, какъ будто бы важное, серьезное дѣло дѣлали. Кнопъ остался лежать на крыльцѣ.

Командующему полкомъ Щучкину удалось вскочить въ землянку и онъ спрятался было въ темномъ углу у наръ. Сейчасъ же за нимъ ворвались солдаты.

— Вотъ онъ!, крикнулъ высокій молодцеватый солдатъ съ георгіевскимъ крестомъ на груди. — Волоки его товарищи отсюда.

Землянка наполнилась людьми. Подполковникъ, старый, сѣдой, съ потрепанной бородой, одѣтый въ китель съ погонами, при шашкѣ и револьверѣ неожиданно опустился на колѣни.

— Братцы, воскликнулъ онъ, старчески всхлипывающимъ умоляющимъ голосомъ. — Братцы! пощадите. Я же ничѣмъ не виноватъ. Я всегда съ вами.

— Волоки, говорятъ, наружу!, раздался грозный приказъ у дверей.

Это распоряжался тотъ самый солдатъ, который только что убилъ Кнопа.

Грубыя руки схватили Щучкина и поволокли къ выходу.

— Братцы, молилъ онъ, во имя Христа пощадите меня.

— Ишь кого вспомнилъ!... Христа! — проговорилъ мальчишка солдатъ съ блѣднымъ идіотскимъ лицомъ. — А онъ былъ Христосъ то по твоему? А?

— Распять его товарищи, какъ Христа, тогда узнаетъ, — предложилъ другой молодой солдатъ.

— Гвоздей такихъ нѣтъ, сказалъ кто то изъ толкавшихъ Щучкина.

— Онъ и впрямь на Христа похожъ. Только борода сѣдая. Старый Христосъ.

— Распять его. Вотъ тутъ у стѣнки.

Въ лѣсу была построена изъ свѣжихъ сосновыхъ стволовъ небольшая часовня. Раньше подлѣ нея совершались очереднымъ священникомъ богослуженія. Солдаты, еще до революціи стоявшіе здѣсь, украсили ее рѣзьбою и внутри висѣли написанные кѣмъ то изъ офицеровъ образа. Къ ней подвели блѣднаго Щучкина.

— Братцы!, молилъ онъ, — не душегубы же вы, а солдаты. Вмѣстѣ кровь проливали. Что же вы думать дѣлаете?

— Что же распинать что ль будемъ, — улыбаясь спросилъ высокій солдатъ, прижимая Щучкина рукою къ стѣнѣ. — Тутъ важно.

— Говорятъ тебѣ гвоздей такихъ большихъ нѣтъ.

— Чего? Гвоздей?...., протянулъ солдатъ, убившій Кнопа, — а штыки не гвозди? Вытягивай ему руки. Поднимай его!

Въ раздвинутую ладонь съ размаха всадили штыкъ и сняли его съ винтовки. Пальцы инстинктивно сжались и ухватились за штыкъ.

— О-охъ!, воскликнулъ Щучкинъ. — Ужели крестную муку приму!

Лицо его стало бѣлымъ, но въ глазахъ вмѣсто ужаса появился страшный, неземной восторгъ. Онъ уже не чувствовалъ боли и ничего не понималъ. Онъ смотрѣлъ вдаль и старый ротъ изъ подъ сѣдѣющихъ сивыхъ усовъ бормоталъ:

— Живый въ помощи Вышняго, въ кровѣ Бога небеснаго водворится!

Другой штыкъ пронзилъ его лѣвую руку и онъ полуповисъ на стѣнкѣ, поддерживаемый здоровымъ бородатымъ солдатомъ изъ запасныхъ, смотрѣвшимъ на него серьезными, важными, задумчивыми, кроткими глазами. Такъ смотрѣлъ онъ всегда на быковъ и барановъ, которыхъ приводили убивать.

Третій штыкъ пронзилъ грудь Щучкина по серединѣ и попавши между бревенъ ушелъ по самую трубку.

— Единъ отъ воинъ копіемъ ребра ему прободе и абіе изыде кровь и вода, восторженно бормоталъ Щучкинъ.

— Да замолчишь ли ты, старый песъ!, крикнулъ гнѣвно солдатъ, убившій Кнопа.

Щучкинъ приподнялъ упавшую было на грудь голову, посмотрѣлъ прямо въ глаза говорившему и прошепталъ: — аминь! аминь! аминь!

Что то такое было въ потухающемъ взглядѣ стараго подполковника, что солдатъ, уже блѣдный, сталъ еще блѣднѣе, схватилъ винтовку и въ упоръ выстрѣлилъ въ високъ Щучкину. Ноги Щучкина безпомощно дернулись и онъ затихъ. Солдаты распинавшіе его вдругъ почувствовали страшный ужасъ и разбѣжались отъ мѣста казни.

Стрѣльба еще продолжавшаяся затихла. Патроны были на исходѣ. Оживленіе и восторженный

подъемъ смѣнялись апатіей, люди, дошедшіе только что до крайнихъ предѣловъ озвѣрѣнія и дерзновенія, чувствовали, какъ липкій страхъ заползаетъ въ душу и сердце останавливается въ мучительныхъ перебояхъ. Не заходя въ землянки они шли нестройными толпами въ окопы, тамъ, передъ лицомъ непріятеля, надѣясь найдти спокойствіе и оправданіе.

Нѣмецкіе часовые стояли открыто и смотрѣли на странныя событія, происходившія на Русской сторонѣ.

Звѣздная теплая ночь спускалась надъ бивакомъ. Казачья лошадь съ перебитой ногой, запутавшаяся въ проволокѣ, то вскакивала на три ноги, то снова падала и жалобно ржала, будто звала на помощь кого то, будто призывала своего хозяина. На порогѣ землянки четвертой роты ничкомъ въ нарядномъ френчѣ лежалъ Кнопъ, заглохшій автомобиль съ криво вывернутыми передними колесами стоялъ недалеко отъ него. У часовни висѣлъ распятый Щучкинъ съ разбитой головой и луна серебристымъ свѣтомъ отражалась въ его сѣдыхъ волосахъ и издали казалось, что надъ головою его виситъ вѣнецъ, какой рисуютъ надъ святыми.

Ни одной живой души не было на бивакѣ, кромѣ Верцинскаго, который лежалъ въ командирской землянкѣ, закрывшись съ головой шинелью и стараясь ничего не слышать и ничего не соображать.

XXIII.

Событія на бивакѣ, бѣшеная стрѣльба отразились далеко кругомъ. Казаки конвоировавшіе арестованныхъ и уже отошедшіе на восемь верстъ разбѣжались и за ними разбѣжались и арестанты. Казаки, прискакавшіе съ позиціи въ такихъ страшныхъ краскахъ нари-

совали то, что тамъ произошло, что штабныя команды рѣшили немедленно арестовать командира корпуса и послать сообщенiе о происшествiи въ штабъ армiи и въ мѣстный совѣтъ.

Поздно ночью изъ штаба армiи къ штабу корпуса прибыло двѣ броневыя машины. Офицеры, прибывшiе съ ними освободили командира корпуса, но сообщили ему, что команды машинъ не надежны и разсчитывать на нихъ нельзя. Подъ утро явились командиръ казачьяго полка съ начальникомъ дивизiи, проплутавшiе по лѣсамъ цѣлую ночь. Командиръ полка собралъ казаковъ, но тѣ въ категорической формѣ заявили ему, что противъ солдатъ и трудового народа они не пойдутъ. Казаки собрались въ сотни и отправились на мѣсто своего ночлега, гдѣ выставили сторожевое охраненiе. Они опасались мести со стороны солдатъ Морочненскаго полка. Полки всего корпуса волновались. Повсюду стало извѣстно объ убiйствѣ комиссара и командовавшаго полкомъ и о томъ, что сила осталась на сторонѣ солдатъ и ни начальство, ни комиссары ничего не могли подѣлать.

Часовъ въ одинадцать утра къ притихшему штабу, возлѣ котораго грозно стояли два броневика, подкатили власти на трехъ большихъ машинахъ. Это были члены мѣстнаго совдепа. Ими руководилъ Коржиковъ, присланный изъ Петроградскаго совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ. Съ нимъ было семь человѣкъ. Два еврея — одинъ Гомель — солдатъ студентъ, другой — Зильберфантъ часовыхъ дѣлъ мастеръ, рабочiй, солдаты Лосевъ и Било, оба молодые, кончившiе четырехъ классное училище, солдатъ Ломовъ тупой упрямый человѣкъ изъ крестьянъ, Павлуцкiй — молодой парикмахерскiй подмастерье и Лихачевъ — аптекарскiй ученикъ. Одному Ломову было за тридцать лѣтъ, всѣ остальные были моложе двадцати одного года. Съ важными, преисполненными серьезности лицами

они разсѣлись за столомъ, вынули тетрадки и приступили къ допросу командира корпуса, его начальника штаба и офицеровъ, свидѣтелей убійства Кнопа и бѣжавшихъ отъ полка.

Коржиковъ сидѣлъ въ головѣ стола и умными злыми глазами смотрѣлъ на всѣхъ, ничего не говоря. Допросъ снималъ Гоммель. Онъ былъ приторно ласковъ, часто называлъ офицеровъ и генерала по чинамъ, но не прибавляя слово «господинъ», — а прямо — «генералъ», «поручикъ», «капитанъ». Этимъ онъ показывалъ, что хотя онъ и солдатъ, но какъ членъ совдепа онъ власть и, какъ будто бы даже, что то въ родѣ начальства.

— Я полагаю, товарищъ Викторъ, сказалъ онъ Коржикову, что намъ здѣсь допрашивать больше нечего. Картина ясна. Полное бездѣйствіе власти. Офицеры вмѣсто того, чтобы остановить солдатъ отъ насилія и прекратить эксцессы, трусливо бѣжали отъ нихъ. Не поѣдемъ ли на мѣсто дѣйствія. Мнѣ кажется намъ необходимо вывести полки съ позиціи, чтобы перебрать ихъ и выдѣлить несознательные элементы.

Коржиковъ кивнулъ головой.

— А вамъ, господа, сказалъ онъ, обращаясь къ офицерамъ, понуро стоявшимъ въ большой комнатѣ штабной избы, — я предлагаю немедленно отправиться къ своимъ частямъ и стать поближе къ солдатамъ. Я считаю, что во всемъ этомъ тяжеломъ дѣлѣ вы главные виновники.

Поручикъ, кадровый офицеръ, съ блѣднымъ исхудалымъ лицомъ и голодными глазами выдвинулся впередъ и твердо сказалъ.

— Вы не правы! Мы дѣлали, что могли и доказательствомъ этого замученные и убитые наши товарищи. Надо вернуть дисциплину, заставить уважать...

Коржиковъ прервалъ его.

— Но вы еще не убиты?, съ ироніей сказалъ онъ. Значитъ вы еще не исполнили свой долгъ до конца.

— Ахъ, такъ!, сказалъ поручикъ.

— Заставить уважать нельзя. Вы должны пріобрѣсти это уважаніе.

— Надо знать, что сдѣлали съ солдатомъ...

— Я съ вами не разговаривать пріѣхалъ, сказалъ вставая Коржиковъ и я указываю вамъ ваше мѣсто. Ѣдемте товарищи.

Коржиковъ въ сопровожденіи другихъ членовъ совдепа вышелъ изъ избы.

Въ лѣсу у резервныхъ землянокъ было пусто. Лошадь, притихшая было на проволокахъ, увидѣвъ автомобили и людей снова шарахнулась и звонко заливисто заржала, прося помощи. Машины остановились около Кноповскаго автомобиля и члены совдепа сошли и сейчасъ же увидали убитаго Кнопа.

Ломовъ, Лосевъ и Било спустились, чтобы вынести его, остальные оставались наверху. Коржиковъ равнодушно смотрѣлъ на лицо убитаго. Онъ вспоминалъ совмѣстную службу въ запасномъ гвардейскомъ полку, волненіе Кнопа во время революціи, его страстныя рѣчи на митингахъ и въ совѣтѣ, его святую вѣру въ правильность и непогрѣшимость революціи, его поворотъ отъ народа къ власти, которая должна принадлежать лучшимъ людямъ, интеллигенціи.

— Достукался, сказалъ онъ.

— Чаво?, спросилъ, оборачивая къ нему свое глупое лицо, Ломовъ.

— Ничего, отвѣтилъ Коржиковъ и подумалъ — вотъ такимъ, какъ Ломовъ дать власть! Эти раздѣлаютъ! Да, правъ учитель — и лучшаго изъ гоевъ убей! Кнопъ былъ, если и не лучшій, то все таки могъ многое сдѣлать. Кто его убилъ? Стихія?, или... или...

Коржиковъ отошелъ отъ столпившихся въ почтительномъ благоговѣніи надъ тѣломъ убитаго то-

варища членовъ совдепа и заложивши руки за спину пошелъ бродить по биваку.

— Диктатура пролетаріата, — думалъ Коржиковъ. — Да, правъ Бурьяновъ, — диктатура пролетаріата, потому что это обозначаетъ нашу диктатуру надъ пролетаріатомъ, потому что пролетаріатъ пойдетъ, какъ рабъ за тѣмъ, кто поразитъ его воображеніе. Какъ это все умно придумано и въ какой строгой послѣдовательности ведется вся эта работа Бурьяновъ и тѣ, кто съ нимъ, этотъ смѣлый Стоцкій, таинственный посланникъ еще болѣе таинственныхъ учителей остались въ Швейцаріи, а здѣсь работаютъ присланные въ запломбированныхъ вагонахъ Ленинъ и Троцкій, я работаю, мой quasi отецъ и Любовинъ — мой дядюшка.

Презрительная улыбка отразилась на лицѣ Коржикова. Ну, — подумалъ онъ, — эти два — тоже самое, что Кнопъ. Они нужны намъ, какъ болтуны... а въ общемъ они идіоты, какъ и вся наша передовая интеллигенція. Насъ понимаетъ только одинъ Керенскій.

Вдругъ странный, дикій, такъ неподходящій къ пустынному мѣсту, совершенно брошенному людьми, бѣжавшими въ паническомъ ужасѣ, звукъ поразилъ Коржикова.

— Ха, ха, ха!... смѣялся кто то грубо и злобно... Ха... ха... ха!

Коржиковъ пошелъ на звуки этого смѣха. Ели и сосны разступились, образовавши небольшую прогалину. На этой прогалинѣ стояла бревенчатая часовня. Видны были старыя гирлянды изъ елей и листьевъ омелы, висѣвшія на ней и иконы Спасителя и Божіей матери, двухъ ангеловъ и Николая Чудотворца, прибитыя въ особыхъ нишахъ.

— Ха... ха... ха! — неслось изъ за этой часовни. Коржиковъ зашелъ за нее. Страннаго вида человѣкъ въ широкой, безъ клапана сзади, солдатской шинели, со смятыми, золотыми когда то, капитан-

скими погонами, безъ фуражки, со всклоченными рѣдкими жолтыми волосами, пробитыми сѣдиною, съ бритымъ сухимъ морщинистымъ лицомъ, смотрѣлъ на заднюю стѣнку часовни и дико, какъ сумасшедшій, хохоталъ. Увидавши Коржикова онъ потащилъ его за руку и показалъ ему на страшное зрѣлище.

На задней сторонѣ часовни, съ раскинутыми на стороны руками, прибитыми штыками, съ грудью прикрѣпленной штыкомъ къ стѣнѣ, съ разбитой головой, опущенной на грудь висѣлъ трупъ офицера, распятаго, какъ Христосъ.

— Товарищъ!, — задыхаясь отъ смѣха говорилъ странный человѣкъ,—а, товарищъ! Вѣдь придумали же! А? Солдатики то наши! Народъ богоносецъ! Какъ Христа распяли командира своего... Щучкина, а? Поди ка въ Царствіи небесномъ теперь... А? Святая Русь! Съ попами, съ чудотворными иконами, съ мощами — а... Распинаетъ, какъ Христа! Понимаете, товарищъ, силу сей аллегоріи. Царя не стало и Бога не стало. Аминь. Крышка. Христа то кто распялъ? Жиды? Ну и Щучкина то тоже... Не жиды же? Нѣтъ. Православное христолюбивое воинство. Ловко. Это на шестой мѣсяцъ революціи! И замѣтьте себѣ, безкровной! Что же дальше то будетъ. Что будетъ? Полюбуйтесь, товарищъ, на сіе паденіе. Вѣдь уже пропасть такая, что глубже и падать некуда. А что ежели per aspera ad astra! Отъ такихъ то пропастей, до какихъ же звѣздъ то мы прыгнемъ. Вотъ она Русская революція! Подполковника Мишу Щучкина, какъ Христа распяли! Миша! святымъ будешь! Канонизируютъ тебя попы то, коли останется хоть немного ихъ на разводъ. А!? Святителю отче Михаиле, моли Бога о насъ... Ха... ха... ха... Какова аллегорія то?

— Вы мнѣ нравитесь. — сказалъ Коржиковъ, остро вглядываясь въ лицо Верцинскаго. — Какъ ваша фамилія?

— Моя то! Позвольте представиться, — прикладывая къ непокрытой головѣ руку и потѣшно вытягиваясь проговорилъ человѣкъ въ шинели.

— Верцинскій, Казиміръ Казиміровъ сынъ, капитанъ и латинистъ. Приватъ-доцентъ... Каково... Распяли!... Народъ богоносецъ! Ха... ха... ха!...

XXIV.

Послѣ ареста солдатами и освобожденія въ штабѣ фронта Саблинъ поѣхалъ въ Петербургъ съ твердымъ намѣреніемъ добиться своей отставки. Въ Петербургѣ онъ нашелъ тревожно выжидательное отношеніе къ революціи. Вся надежда была на Керенскаго. Въ него вѣрили, къ нему подъигрывались, думали, что онъ сможетъ быть тѣмъ мостомъ между Временнымъ Правительствомъ, составленнымъ изъ буржуазіи и Совѣтомъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ, гдѣ неистовствовалъ Чхеидзе. Отставка Саблина была отклонена. Только что вышелъ приказъ военнаго министра Керенскаго, воспрещавшій старшимъ начальникамъ даже проситься въ отставку. Напрасно Саблинъ доказывалъ, что онъ не можетъ вернуться въ корпусъ, въ которомъ сидятъ оскорбившіе его солдаты — «и не возвращайтесь» — сказали ему въ штабѣ. «Мы вамъ дадимъ другой корпусъ, другое назначеніе. Это такъ понятно. Армія переболѣетъ и выздоровѣетъ». Ему приводили въ примѣръ французскую революціонную армію, которая тоже началась съ санкюлотовъ, а преобразилась въ Наполеоновскихъ чудо богатырей, покорившихъ всю Европу. Саблину льстили. «Намъ», говорили ему, «Мюраты нужны». — «Гдѣ же Наполеонъ?» — спрашивалъ онъ. Одни говорили: «Явится и Наполеонъ, погодите», другіе таинственно молчали и подмигивали на висящій повсюду портретъ Керенскаго, то въ профиль, то

en face, большинство безнадежно махало руками. Какъ то слишкомъ быстро штабы измѣнили свою физіономію и потеряли торжественность. Ихъ заполнила улица..

Тамъ, гдѣ была тишина и святое святыхъ, гдѣ сидѣли важные генералы, чтобы дойдти до которыхъ, нужно было проходить черезъ опросы адъютантовъ, писарей и курьеровъ, гдѣ были совсѣмъ недоступныя постороннему глазу комнаты съ надписями «оперативный отдѣлъ», «управленіе генералъ квартермистра», въ которыхъ висѣли громадныя карты фронта, разрисованныя акварельными красками и гдѣ съ точностью до одного человѣка были показаны всѣ наши части и части противника, гдѣ хранились всѣ секреты и гдѣ работали офицеры генеральнаго штаба съ важными замкнутыми лицами, теперь свободно ходили какіе то молодые люди во френчахъ, или рубашкахъ съ солдатскими погонами, то тупые озабоченные солдаты-русаки, то юркіе еврейчики, распрашивали офицеровъ генеральнаго штаба и тѣ отрывались отъ работы и съ кистью въ рукахъ и разведенной краской на блюдечкѣ, передъ разложенными секретными вѣдомостями что то толковали этимъ молодымъ солдатамъ. Все это были делегаты отъ фронта и отъ Петроградскаго гарнизона, которые старались проникнуть во всѣ тайны нашихъ дѣйствій для доклада пославшимъ ихъ частямъ. «Въ демократической арміи тайнъ нѣтъ», было дано лозунгомъ по военному министерству и предсѣдатель какого нибудь полкового или дивизьоннаго комитета съ двумя, тремя делегатами, по предъявленіи мандата, грязнаго клочка бумаги, на которомъ удостовѣрялось, что они дѣйствительно посланы въ штабъ за справками, имѣли право требовать отчета отъ всѣхъ управленій. Настоящая работа остановилась. Она стала фактически невозможной. Некогда было заниматься, все время уходило на удовлетвореніе вопросовъ делегатовъ и

комитетовъ, по сто разъ приходилось доказывать, что тотъ, или иной приказъ начальника на фронтѣ вызванъ необходимостью и боевою обстановкой, а не является актомъ, направленнымъ противъ революціи. И только начальникъ отдѣленія, окончивши разъясненія и пожавши десятокъ грубыхъ, грязныхъ, потныхъ рукъ, принимался въ тишинѣ и въ спертомъ воздухѣ кабинета за срочную работу, какъ дверь распахивалась, молодой прапорщикъ адъютантъ торжественно заявлялъ: — «делегаты отъ N-ской дивизіи, сѣверо-западнаго фронта» и партія солдатъ, чающихъ объясненій, вваливалась въ кабинетъ и начиналась новая бесѣда. Весь день проходилъ въ сказкѣ про бѣлаго бычка. «Была революція и дана народу свобода?» — «Была». — «Долженъ приказъ номеръ первый исполняться на фронтѣ?» — «Долженъ». — «Такъ... А насъ начальникъ дивизіи выгналъ окопы рыть и заставилъ по колѣно въ грязи лопатами ворочать. Имѣлъ онъ на это право?» — «Конечно имѣлъ». — «Да вѣдь была революція?» — «Была».... И такъ далѣе продолжалось часами. Просидѣвши часа два въ комнатѣ одного штаба и не получивши желаемаго отвѣта, делегаты заявляли иногда между собою,иногда вслухъ — «ну, товарищи, намъ здѣсь дѣлать нечего, здѣсь еще старымъ режимомъ пахнетъ» — и шли въ другое мѣсто искать такихъ людей, которые сказали бы имъ, что послѣ революціи наступило такое блаженное время, когда можно ничего не дѣлать. Такое мѣсто они находили. Это былъ совѣтъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ. Тамъ къ делегатамъ выходилъ солдатъ, или прапорщикъ и начиналась волнующая душу бесѣда на ту тему, что, конечно, приказъ начальника рыть окопы есть приказъ правильный постольку, поскольку вообще правильно продолжать войну. Россія не нуждается ни въ какихъ завоеваніяхъ и стремленіе рабоче-солдатскаго правительства заключить миръ безъ аннексій и

контрибуцій, но это можно сдѣлать постолько, поскольку мы не связаны договорами съ нашими союзниками, въ полномъ согласіи съ которыми мы и должны продолжать войну. Но договоры съ союзниками обязательны для насъ лишь постолько, поскольку вообще обязательны какіе бы то ни было договоры Царскаго правительства. Временное правительство ихъ признало, но Временное правительство не есть правительство, избранное народомъ, а настоящимъ правительствомъ являются совѣты.

Такая туманная философія очень нравилась солдатамъ. Тѣхъ же, кто хотѣлъ категорическаго, опредѣленнаго отвѣта на всѣ недоумѣнные вопросы, мучившіе ихъ въ окопахъ, отсылали въ партію большевиковъ. Тамъ они получали такіе ясные, опредѣленные отвѣты, тамъ открывали передъ ними такія широкія возможности, что делегаты ѣхали на фронтъ, повторяя слова учителей и заучивая ихъ имена, какъ имена апостоловъ.

Многіе старые генералы ушли, другіе приспособились. Появились въ штабахъ очень молодые полковники и подполковники генеральнаго штаба, сіяющіе, довольные, точно лакомъ покрытые, украшенные алыми бантами и очень занятые. Они сидѣли по нѣсколько минутъ въ штабѣ, небрежно выслушивали генераловъ и кадровыхъ офицеровъ, а потомъ съ какими то солдатами садились въ автомобиль и мчались въ совѣтъ, на митингъ, въ казармы. Они организовывали союзы офицеровъ, выступали съ демократическими рѣчами, предавали проклятію прошлое, отметались отъ слишкомъ двухъ вѣковой славы Русскаго оружія, заслуженной подъ двуглавымъ орломъ. Они съ лихорадочною поспѣшностью печатали жиденькія брошюры, выпускавшіяся подъ фирмою «Офицеръ-революціонеръ» и говорившія о политическихъ партіяхъ и ихъ задачахъ, объ углубленіи революціи, объ ошибкахъ прошлаго. Они всѣми силами души съ гро-

мадной энергіей насаждали политику въ армію и съ такимъ же тупымъ упорствомъ, съ какимъ прапорщикъ Икаевъ говорилъ, что онъ и за человѣка не считаетъ того, кто ежели не партійный — они доказывали, что каждый офицеръ долженъ открыть свое лицо и сказать, какъ онъ вѣруетъ. И тѣмъ, кто не соглашался съ ихъ программой, недвусмысленно намекали, что имъ грозитъ местъ народа: — Еремѣевская ночъ.

По мѣткому, случайно вырвавшемуся у Керенскаго выраженію, это были взбунтовавшіеся рабы со всѣми чертами, присущими рабу. Наглые. жадные къ деньгамъ и къ окладамъ, циничные, готовые предать другъ друга, подхалимы и подлизы передъ тѣми, кто могъ захватить властъ въ свои руки, готовые идти за любымъ вождемъ, который поманитъ ихъ подачками наградъ и повышеній эти люди быстро и незамѣтно вытѣснили серьезныхъ, дѣловыхъ офицеровъ и повели штабы и учрежденія по пути соглашательства съ толпою.

Ихъ цѣль была загадить и вырвать вонъ все старое, всѣ традиціи Русской Арміи вывернуть на изнанку. Керенскій потребовалъ, чтобы всѣ знамена и штандарты Русской Арміи были доставлены въ Петропавловскую крѣпость для замѣны и передѣлки. Съ нихъ предполагалось сорвать три святыя эмблемы: — икону — изображающую вѣру православную, двуглаваго орла — Родину и вензель государевъ — Царя. Къ чести полковъ — большинство не исполнило этого приказа и не дало тогда святыхъ знаменъ своихъ на поруганіе. Маршевые батальоны выступали подъ своими алыми знаменами. Были они разнаго качества, разной величины и съ разными часто діаметрально противоположными лозунгами.

Саблинъ видѣлъ, какъ по Загородному проспекту, подъ добрый старый маршъ «Подъ двуглавымъ орломъ» шелъ на Николаевскій вокзалъ для

отправки на фронтъ батальонъ гвардейскаго полка. Надъ нимъ рѣяло большое шолковое красное знамя. на которомъ было вышито бѣлыми шелками: — «война до побѣднаго конца въ полномъ согласіи съ союзниками» и на другой сторонѣ — «да здравствуетъ Временное Правительство»... Батальоны шли бодрымъ шагомъ, офицеры шли въ общихъ рядахъ съ солдатами.

— Вотъ молодцы то такъ молодцы! — восхищался ими извощикъ, вставая на козлы своей пролетки. — Эти покажутъ...

Черезъ полтора мѣсяца Саблинъ узналъ, какъ «эти показали», перебивши офицеровъ, бѣжали съ фронта и грабили и неистовствовали въ тылу. Видалъ онъ большую часть, шедшую не то тоже на вокзалъ, не то на демонстрацію. Большія краснаго кумача знамена рѣяли надъ нею и на нихъ черными буквами значилось: «долой Временное Правительство», «да здравствуетъ совѣтъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ», «Миръ хижинамъ, война дворцамъ».

Эти шли, сопровождаемые громадной толпою женщинъ и пѣли марсельезу. Потомъ оборвавши ее, запѣли на мотивъ «Ухаря купца».

Рѣжь ананасы, рябчика жуй,
Насталъ твой послѣдній денечекъ буржуй!

И такъ нелѣпы были эти слова въ устахъ солдатъ, что Саблинъ невольно остановился.

Кругомъ толпа возмущалась этими солдатами.

— Это все Ленина работа, — говорили въ толпѣ, ишь нѣмецкаго шпіона приняли и во дворцѣ держатъ. Что же это за порядокъ? И позволяютъ. Какое же это въ самомъ дѣлѣ правительство!

По всему городу висѣли красные флаги. Во всѣхъ квартирахъ знакомыхъ Саблина разсказывали ему про кровавые бои на улицахъ въ мартовскіе дни, про то, какъ стрѣлялъ матросъ по городо-

вому, какъ солдаты убили женщину за то, что она обругала ихъ и заступилась за Царя.

Были провозглашены свободы слова и печати и старый «Русскій Инвалидъ», дѣтище Поливанова, газета съ вѣковыми традиціями и съ историческимъ названіемъ, возникшая въ 1813 году съ благотворительною цѣлью помощи Русскимъ инвалидамъ великой отечественной войны, перемѣнилъ свое названіе на «Армію и Флотъ» и сталъ узко партійнымъ органомъ партіи революціонеровъ.

Тѣ самые гвардейскіе полки, которые выставляли почетные караулы коронованнымъ особамъ и передъ всѣмъ міромъ являли мощь и красоту Русской арміи теперь выставляли почетные караулы возвращавшимся изъ ссылки преступникамъ. Они брали на караулъ передъ «бабушкой русской революціи» Брешко-Брешковской, политической глупой старухой, которая предприняла поѣздку по фронту и раскатывала съ генераломъ Брусиловымъ на автомобилѣ, подмигивала и кивала сѣдою головою солдатамъ и говорила имъ рѣчи, которыя слышалъ только первый десятокъ. Женщина ворвалась въ Армію и внесла въ нее развратъ и разложеніе. Какъ то вдругъ по всѣмъ штабамъ и управленіямъ появились барышни съ пишущими машинками и трескомъ Ремингтоновъ наполнили бывшіе раньше тихими и строгими кабинеты и канцеляріи.

— Что онѣ пишутъ у васъ въ такомъ громадномъ числѣ?, — спросилъ знакомаго штабного офицера Саблинъ.

— А Богъ ихъ знаетъ что, — отвѣчалъ тотъ, разводя руками. — Тамъ, гдѣ раньше сидѣлъ одинъ полуграмотный писарь и справлялся съ работою, тамъ теперь работаетъ десятокъ барышень и никогда ничего не добьешься.

Керенскій приступилъ къ формированію женскихъ батальоновъ, и любители клубнички en grand

потянули туда, прикрываясь красивыми лозунгами общаго равноправія.

Саблинъ смотрѣлъ на все это и уже не возмущался тому, что такъ зря сдали Лѣсищенскій плацъ-д'армъ, что его арестовали и оскорбляли солдаты, что вмѣсто наступленія была одна ерунда и позоръ арміи, все это такъ и должно было быть, потому что всѣ принципы военной науки были опрокинуты. Гучковъ, а потомъ Керенскій, упрямо доказывали, что дважды два пять, а Брусиловы, Клембовскіе, Рузскіе и другіе, многіе, многіе, съ покорностью рабовъ соглашались съ ними и старательно рѣшали задачи съ невѣрною таблицей умноженія.

Саблину ясно вспоминались вечера у Вари Мартовой и его зеленые споры съ зеленой молодежью. Молодежь достигла своего. Ни отданія чести, ни деньщиковъ, ни святости знамени, ни отчетливости караульной службы, ни ученій, ни воспитанія — всюду свобода. Всѣ аксіомы стратегіи и тактики, всѣ принципы военной администраціи опрокинуты. Арміи уничтожены и вмѣсто нихъ становится толпа. «Ну что же», думалъ Саблинъ, «остается довершить начатое вами и опрокинуть войну. Только въ вашей ли власти это будетъ? Не окажется ли, что война есть явленіе иного порядка, управляемое не людьми, а Высшимъ Разумомъ, подчиненное волѣ Господа Бога».

Саблинъ видѣлъ, что революція Русская уже идетъ никѣмъ не управляемая, или, можетъ быть, управляемая тѣми никому невѣдомыми семидесятью, о которыхъ ему такъ туманно говорилъ Верцинскій.

Приглядѣвшись ко всему, что происходило, Саблинъ понялъ, что никакой отставки быть не могло, какъ не было и службы. Люди оставались на мѣстахъ, люди занимали тѣ, или иныя командныя должности, но работать, служить они не могли, имъ

мѣшали и сверху и снизу. И уйдти они тоже не могли, потому что не было мѣста куда уйдти, не было путей отступленія: — вся Россія кипѣла котломъ, вся Россія обратилась въ сумасшедшій домъ и каждый здравомыслящій человѣкъ говорилъ себѣ: — я останусь, чтобы противодѣйствовать этому сумасшедшему потоку, но онъ былъ, какъ пловецъ бросившійся въ пучину Иматры. Волны подхватывали его и разбивали о камни. Но и выбраться на берегъ онъ не могъ. Можно было сдѣлать только одно: — уѣхать заграницу. Но на такой шагъ Саблинъ не рѣшился. Это казалось ему дезертирствомъ.

XXV

Саблинъ вспомнилъ, что еще 18-го марта, то есть за три дня до газовой атаки и его ареста солдатами Павлиновскаго полка онъ получилъ изъ Петербурга бумагу, которою отъ него требовали откровеннаго мнѣнія насколько революція расшатала армію.

Саблинъ тогда составилъ докладъ, въ которомъ съ безпощадною правдивостью отвѣтилъ, что революція и приказъ № 1 не только расшатали, но уничтожили армію. Революція, отметнувши царя уничтожила лучшіе идеалы Арміи: Родину и ея представительство, революція, отмѣнивши молитву посягнула на вѣру, смыслъ умирать пропалъ — и или ихъ надо было замѣнить животными идеалами грабежа и насилія и вести войну во имя добычи и наслажденій, какъ ведутъ войну дикари и варвары, или вернуть старое, или кончить войну. Саблинъ зналъ, что еще Гучковымъ была образована при Военномъ Министерствѣ комиссія подъ предсѣдательствомъ генерала Поливанова, которая должна была пересмотрѣть весь тотъ матеріалъ, который поступилъ съ фронта отъ строевыхъ начальниковъ и выработать новые уставы съ новыми принципа-

ми. Но уставовъ никакихъ не было дано. Было отмѣнено старое и на мѣстѣ отмѣненнаго оставалось пустое мѣсто. Солдаты отказывались признавать уставы гарнизонной и внутренней службы и дисциплинарный, отказывались считаться съ воинскимъ уставомъ о наказаніяхъ, такъ какъ они были изданы при Царскомъ Правительствѣ, необходимо было вмѣсто нихъ издать какіе то новые революціонные уставы и законы, но кн. Львова и Гучкова смѣнилъ всевѣдущій Керенскій, а этого сдѣлано не было.

Саблинъ справлялся въ Петербургѣ объ этой комиссіи, но никто не могъ дать ему опредѣленнаго отвѣта. Вмѣсто Поливанова ему называли генерала Потапова. Саблинъ рѣшилъ обратиться къ первоисточнику и отправился къ Поливанову.

Поливанова онъ нашелъ на той же квартирѣ и засталъ его въ той же скромной обстановкѣ, какъ и передъ революціей. Онъ еще болѣе постарѣлъ и осунулся. Глаза его не блестѣли, какъ тотъ разъ въ ожиданіи революціи.

— Да, сказалъ онъ на вопросъ Саблина относительно работы комиссіи, — такая комиссія была. Она была очень хорошо составлена. Въ нее были привлечены лучшія строевыя силы и мы намѣтили правильный планъ созданія арміи на началахъ желѣзной дисциплины.

Сказавъ это генералъ Поливановъ откинулся въ кресло, лицо его передернулось болѣзненной гримасой и онъ искоса посмотрѣлъ на Саблина. Но въ маленькихъ узкихъ глазахъ его не было прежняго задорнаго лукавства.

— Что же случилось?

— А вотъ что. Насъ охватила общая болѣзнь всѣхъ дѣятелей теперешняго времени. Насъ охватила болтовня. Мы начали было дѣловыя совѣщанія, но къ намъ стали являться съ запросами, совѣтами, требованіями делегаціи съ фронта и отъ

совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ, они часами говорили митинговыя рѣчи и не давали возможности работать. Я заявилъ, что я не могу работать, если улица будетъ мнѣ мѣшать. Слово у л и ц а представителями совѣта было принято, какъ оскорбленіе, совѣтъ потребовалъ моего удаленія....... И меня удалили....

Наступила длинная пауза. Поливановъ искоса смотрѣлъ на Саблина, Саблинъ прямо смотрѣлъ на Поливанова.

— Выходитъ, сказалъ Саблинъ, — что бороться съ самодержавнымъ императоромъ и добиваться отъ него правильныхъ рѣшеній на пользу Родины, бороться противъ интригъ императрицы было легче. Императрица долгіе годы не могла добиться вашего удаленія и когда добилась вы попали въ Государственный совѣтъ, а республиканскія власти безъ отказно и безъ разговора сдали и васъ и ваше дѣло въ угоду улицы.

Поливановъ молчалъ.

— Ваше высокопревосходительство, что же будетъ дальше? спросилъ Саблинъ.

— Что дальше?. сказалъ Поливановъ. Вы спрашиваете, что дальше. Надо работать съ ними, съ рабочими и солдатами, а не идти противъ нихъ.

— Но съ ними работать невозможно. Работа съ ними означаетъ немедленный сепаратный миръ безъ анексій и контрибуцій, разрушеніе Россійскаго государства, возвращеніе въ первобытныя времена, полное уничтоженіе культуры и городовъ. О! Я слишкомъ хорошо знаю ихъ. Это не только позоръ Россіи, но и гибель ея.

— Да, если мы съ ними работать не будемъ, если предоставимъ ихъ самимъ себѣ, но представьте, что мы съумѣемъ взять власть въ свои руки и заставимъ подчиниться это баранье стадо себѣ.

— Хорошо, если оно уже не подчинено кому либо другому, а если оно работаетъ не стихійно, а управляется со стороны.

— Кѣмъ?, спросилъ Поливановъ и въ узкихъ глазахъ его показалась тревога.

— Тѣми семьюдесятью, которыхъ никто не знаетъ, которыхъ никто никогда не видалъ, но которые стремятся подчинить весь міръ себѣ. Консорціумомъ германскихъ и американскихъ банковъ, которые рѣшили обратить Россію въ пустыню, чтобы путемъ концессій и колонизаціи выжимать изъ нея доходы. Я не знаю кѣмъ, но знаю одно, что въ кажущейся хаотической обстановкѣ теперешняго бунта есть и извѣстная послѣдовательность: — это уничтоженіе религіи и я бы сказалъ — Русскаго духа, въ чемъ бы онъ ни проявлялся.

— Вы говорите серьезно и я серьезно вамъ и отвѣчу, скрипучимъ голосомъ сказалъ Поливановъ. Вы подразумѣваете, конечно, масоновъ. Въ такое могущество масонскихъ ложъ я не вѣрю. Повѣрить въ это, это значило бы повѣрить въ Антихриста и второе пришествіе, это значило бы ожидать кончины міра.

— А если это такъ и есть, нервно перебилъ Поливанова Саблинъ.

— Это не такъ. Да, тутъ есть работа интернаціонала. Намъ онъ кажется таинственнымъ, потому что у насъ самое слово это было запрещено, но мы знаемъ, что въ всемірномъ братствѣ народовъ нѣтъ и не можетъ быть ничего худого.

— Такое братство можетъ быть осуществлено только во Христѣ и черезъ Христа, а теперь идетъ борьба противъ Христа. Я смотрю на весь этотъ переворотъ иначе — я считаю, что то, что дѣлается въ Россіи — это борьба добраго начала со злымъ. Россія оставалась послѣднимъ мѣстомъ, гдѣ хранилось благочестіе и истинная вѣра и злое начало, скажу прямо, діаволъ ополчился на нее.

— Оставьте, Александръ Николаевичъ, — сказалъ Поливановъ. — Россія съ ея сектанствомъ, съ ея Распутиными, Варнаввами, Иліодоромъ и другими изувѣрами такъ далека отъ Христа, какъ ни одно государство. Почитайте Розанова — болѣе опошлить вѣру Христіанскую, какъ сдѣлалъ это сей православный трудно. Въ Россіи вѣра Христова поругивалась отовсюду и діаволъ могъ только радоваться на это. Онъ пришелъ на готовое.

— Мнѣ трудно спорить съ вами, ваше высокопревосходительство, но, можетъ быть, вы позволите задать вамъ два вопроса.

— Пожалуйста.

— Что думаете дѣлать вы?

— Сейчасъ ничего. Сидѣть и ждать.

— Что посовѣтуете вы мнѣ дѣлать?

— Тоже ничего. Я слыхалъ, что вамъ дали N-скій кавалерійскій корпусъ. Поѣзжайте и ничего не дѣлайте. Предоставьте демократіи работать самой. Они скоро убѣдятся, что у нихъ ничего не выходитъ и придутъ сами просить васъ помочь. А силою вы ничего не достигнете.

— А, если поздно будетъ?

— Россія такъ могущественна, что поздно никогда не будетъ.

— Я боюсь, что она сгоритъ, какъ горитъ въ жаркій лѣтній день громадное село. Въ нѣсколько часовъ остаются только печи и трубы, да обуглившіяся деревья.

Поливановъ пожалъ плечами и ничего не сказалъ. Саблинъ всталъ и сталъ прощаться.

XXVI

Саблинъ поѣхалъ къ Облѣниссимову. Этотъ визитъ давно лежалъ на его совѣсти. Облѣниссимова онъ засталъ за укладкой вещей. Квартира его въ

особнякѣ на Сергіевской была почти пустая. Той цѣнной мебели, буль и маркетери, которую Облѣниссимовъ собиралъ всю жизнь не было. Комнаты стояли грязныя и опустошенныя. Облѣниссимовъ въ кабинетѣ былъ занятъ укладкой кое какихъ мелочей въ два порыжѣлыхъ чемодана.

— А, Саша, — завопилъ онъ, простирая свои объятія, — здравствуй! Какими судьбами въ нашъ бедламъ?

— Бедламъ?, сказалъ Саблинъ, — давно ли вы, дядюшка, раскатывали на автомобиляхъ и говорили рѣчи толпѣ, поздравляя съ самой великой и безкровной революціей.

Дядюшка хитро посмотрѣлъ на племянника и разсмѣялся, широкимъ громкимъ хохотомъ потрясая стѣны пустого кабинета.

— Давно-ли? Видишь? И бороду обрилъ и усы остригъ. Изъ Русскаго барина актеромъ сталъ. Оселъ я былъ, Саша. Патентованный оселъ. Нѣтъ, милый другъ, въ эту самую матушку Русь ты меня теперь и калачемъ не заманишь. Ну ее въ болото! Помнишь мою бобровую шубу? Ау! Краса и гордость революціи, — матросы, взяли. Да... Ѣздили, ѣздили они со мною на грузовикѣ по городу, говорилъ я рѣчи, это было въ тѣ дни, когда мы вѣрили, что къ небу тянемся, а какъ подъѣхали къ дому такъ и говорятъ: — «ну, товарищъ, снимайте шубу». — «Какъ?», — говорю я, — «почему?» — «А потому», говорятъ, «что пожевалъ, да и за щеку, поносилъ и довольно». — И сняли. Я думалъ, — шутятъ. Отнимать сталъ. Винтовками пригрозили и скверными словами обложили. Вотъ тебѣ и революція! Я потомъ узналъ, что они со мною еще милостиво поступили. Ахлестышева помнишь, старика. Изъ клуба, съ засѣданія партіи, шелъ ночью. Солдаты остановили. До гола хотѣли раздѣть. Насилу умолилъ хоть бѣлье оставить. Такъ въ одномъ бѣльѣ два квартала и шелъ. Простудился бѣдняга, слегъ, до сихъ поръ не

можетъ оправиться. Подумай въ мартѣ мѣсяцѣ, по Морской въ однихъ чулкахъ. Ужасно. Жаловаться поѣхалъ. Въ комиссаріатѣ уйма народа. Комиссаръ, интеллигентный еврей, выслушалъ, сочувствуетъ, а кругомъ милицейскіе смѣются. Да... Натворили.

— А вѣдь вы были рады дядюшка?

— И не говори. Стыдно вспомнить. Что мы потеряли! Ахъ, что мы потеряли! Стою я вчера на Сѣнной въ хлѣбной очереди. Ты, Саша, этого не знаешь. Ты старорежимный генералъ. Твой Тимоѳей тебя ругаетъ, а боится,Авдотья Марковна о тебѣ, какъ родная печется, Петровъ у тебя на посылкахъ, а я революціонный вождь, такъ полную чашу пью этой самой революціи. И въ очередяхъ стою, чуть что половъ самъ не мою. Домомъ правитъ швейцаръ и подлецъ оказался первостепенный. Ну, да домъ больше не мой.

— Какъ не вашъ?

— Продалъ Саша! Ау — никакой собственности! Ты слыхалъ: — собственность есть воровство. Это я, понимаешь, я — тогда на автомобилѣ въ угоду толпѣ изрекалъ, въ тотъ самый день, какъ шубу мою краса и гордость революціи присвоили! Да. Продалъ. Все по формѣ и деньги въ Шведскомъ банкѣ, самыми настоящими кронами и съ королевской короной на бумажкѣ, такъ то оно подъ королемъ вѣрнѣе. Если бы было время я бы какого нибудь неограниченнаго монарха отъискалъ и туда бы деньги и помѣстилъ. Да. О чемъ, бишь, я. Да, такъ стою въ очереди. А старушка сзади меня въ платкѣ и такъ себѣ, паршивая совсѣмъ старушонка, заговорила о томъ, что при царѣ было лучше. А милицейскій, — я его знаю, сынъ дворника нашего, реальнаго шесть классовъ одолѣть не могъ, въ милицію теперь поступилъ и говоритъ: — «да вѣдь царь то у насъ былъ дурачекъ!» А старушка, какъ взъѣлась на него, да какъ

крикнетъ: — «вѣрное твое слово, фараонъ несчастный, царь то былъ дурачекъ, да ситный стоилъ пятачекъ, а теперь поди, укуси ка этого самаго ситнаго». Вотъ тебѣ и старушка! Милицейскій хотѣлъ ее въ комиссаріатъ тащить, по просту въ участокъ — вся очередь за нее. Бунтъ былъ. Какъ кричали! И всѣ за царя. При немъ, молъ, лучше было!

— Куда же вы, дядюшка?

— Заграницу, Саша. Все обратилъ въ деньги. Спасское мое въ Швейцарскомъ банкѣ въ франкахъ лежитъ. Домъ въ шведскихъ кронахъ, движимое, до коллекціи фарфора включительно, черезъ одного добраго человѣка на испанскія пезеты устроилъ. Теперь везу съ собой маленькую коллекцію миніатюръ, мнѣ по знакомству передали изъ одного дворца.... Ты не думай... Я сохраню, сохраню... А въ Россію только тогда пожалую, когда вѣрный человѣкъ ко мнѣ пріѣдетъ и скажетъ, что въ Россіи все по старому. Да и того допрашивать буду: — «Жандармы стоятъ?» «Стоятъ». — «Ваше превосходительство говорятъ?» — «Говорятъ». Да такіе, какъ помнишь у тебя вахмистръ былъ Иванъ Карповичъ. Гдѣ онъ?

— Убитъ.

— Царство ему небесное. Этотъ не поддался бы. А помнишь Бондыревъ, ты его ко мнѣ курьеромъ устроилъ. Онъ гдѣ?

— Убитъ.

— Гмъ... Гмъ... Нехорошо, Саша. Все лучшіе люди. А Ротбекъ, твой пріятель? Такой милый, непосредственный, онъ бы не допустилъ.

— Убитъ.

— А Карповъ? Ты какъ то разсказывалъ, влюбленъ въ великую княжну Татьяну Николаевну? Онъ гдѣ?

— Убитъ.

— Ахъ, Саша! Что же это? Все святые чистые Русскіе люди. Что же это?

— Война.

— Да, война... война. Прости Господи.

— Вы когда же и куда ѣдете, дядя?

— Послѣ завтра, Саша. Въ Финляндію, оттуда въ Швецію, поживу въ Стокгольмѣ, а тамъ видно будетъ. Война то похоже на смарку пойдетъ, такъ посмотрю не то въ Парижъ, не то въ Берлинъ.

— Что же тамъ дѣлать будете?

— Какъ что? Всѣ наши туда ѣдутъ. Что дѣлать! ?.... Спасать Россію! — торжественно воскликнулъ Облѣниссимовъ.

— Изъ заграницы? Отъ чужихъ людей спасать Россію. Губить ее, дядя, не нужно было — съ глубокой горечью проговорилъ Саблинъ.

— Молчи! Молчи!... А ты куда? Ты что надумалъ? Ужели останешься здѣсь?

— Останусь. Это мой долгъ. Я завтра ѣду въ Перекалье.

— Это еще гдѣ?

— Въ глуши Пинскихъ болотъ.

— Ты герой, Саша! Герой! Храни тебя Господь. Дай я перекрещу тебя.

Облѣниссимовъ облобызалъ Саблина, его глаза были полны слезъ.

Съ чувствомъ горькаго недоумѣнія выходилъ Саблинъ изъ особняка Облѣниссимова. Швейцаръ уже безъ ливреи, въ пиджакѣ, надѣвши очки читалъ газету. Онъ не шевельнулся, когда Саблинъ подошелъ къ вѣшалкѣ.

— Пальто подай, холуй! не видишь! сердито крикнулъ Саблинъ.

Швейцаръ бросился подавать ему пальто и проводилъ Саблина низкими поклонами.

«Всѣ они такіе», гадливо пожимаясь, думалъ Саблинъ, — «ждутъ окрика и повинуются ему. Только кто то теперь крикнетъ и что? Взбунтовавшіеся рабы!... А все таки рабы!... Рабы!!»...

XXVII.

Съ середины мая Саблинъ поселился въ помѣщичьемъ домѣ въ Перекальи, гдѣ сталъ штабъ его корпуса. Штабъ былъ небольшой. Начальникъ штаба, генералъ Заболоцкій, объявилъ себя сторонникомъ революціи и республиканцемъ, организовывалъ комитеты изъ штабныхъ командъ и цѣлыми днями бесѣдовалъ съ ними на политическія темы. Онъ создавалъ для телеграфистовъ, мотоциклистовъ и конвойнаго эскадрона народный университетъ и собирался развивать хмурую толпу грызущихъ сѣмечки солдатъ. Штабъ офицеръ Гарпищенко былъ озабоченъ украинизаціей корпуса и велъ тайные переговоры о созданіи особыхъ украинскихъ полковъ, на что свыше было полное сочувствіе. Адъютантъ Своевольскій, сангвиникъ лѣтъ тридцати, съ шайкой удальцовъ мотоциклетной команды, пользуясь свободами, совращалъ дѣвицъ сосѣдняго села и Саблинъ его почти никогда не видалъ. Старшій врачъ Беневоленскій, толстый, спокойный человѣкъ, съ лицомъ скопца, открыто сказалъ, что онъ никакой революціи не признаетъ, что Государь никакого права не имѣлъ отрекаться, что разъ онъ мvропомазанъ, то благодать Божія остается на немъ, но подавленный общею ненавистью къ «царскому режиму» Беневоленскій молчалъ и пилъ по пяти самоваровъ чая въ день. Ординарцы,— одинъ, славный юноша изъ кадетъ, смотрѣлъ глазами преданной собаки на Саблина и все, казалось ожидалъ, когда онъ ему прикажетъ совершить какой либо великій подвигъ и умереть, другой, убѣжденный демократъ, ходилъ неуклюжими шагами и говорилъ грубымъ голосомъ. Первый при встрѣчѣ неизмѣнно становился во фронтъ, второй старался не замѣчать Саблина и вовсе не отдавалъ ему чести.

Ознакомившись съ полками и съ полковыми командирами Саблинъ убѣдился, что заниматься

чѣмъ бы то ни было, было нельзя. Люди отказывались даже чистить лошадей и съ трудомъ соглашались кормить ихъ. Офицеры были поставлены на товарищескую ногу и не имѣли никакого вліянія на людей. Солдаты требовали, чтобы офицеры ходили съ ними къ кухнѣ и выстраивались съ котелками въ очередь для полученія пищи. Только эскадроннымъ командирамъ разрѣшалось обѣдать у себя. Солдаты жили въ однихъ хатахъ съ офицерами и ни на минуту не оставляли ихъ однихъ. Имъ было внушено, что офицеры кавалеріи самые опасные враги революціи и за офицерами слѣдили во всю. Вмѣсто прежняго войскового уклада жизни явочнымъ порядкомъ солдатами былъ проведенъ свой укладъ, который сводился къ тому, чтобы ничего не дѣлать. Полковыя хозяйственныя суммы, достигавшія значительной цифры и составлявшія основу благополучія полковъ, были расхищены солдатами и подѣлены между собою. Части жили по инерціи. Были случаи, пока еще единичные, продажи казенныхъ лошадей какимъ то еврейчикамъ, которые, говорятъ, ухитрялись переправлять ихъ нѣмцамъ. Корпусъ стоялъ въ тылу, ничего не дѣлалъ и быстро разлагался. Саблинъ съ грустью убѣдился, что ничего сдѣлать нельзя. Онъ донесъ по командѣ о состояніи корпуса и получилъ указаніе дѣйствовать черезъ комитеты. А комитеты всецѣло поддерживали этотъ новый строй ничего недѣланья, долгаго сна, пьянства и картежной игры. Во многихъ полкахъ были устроены солдатами аппараты для приготовленія водки самогонки.

Саблинъ поѣхалъ съ докладомъ въ штабъ арміи. Арміей командовалъ Рѣпнинъ. Саблинъ нашелъ стараго Рѣпнина въ маленькомъ домикѣ управляющаго, окруженномъ цѣлымъ рядомъ постовъ казаковъ. Онъ не допускалъ Саблина.

— Милый другъ, сказалъ онъ ему. Благодари Бога, что ты живешь и можешь жить, какъ хочешь.

Я сижу и ожидаю каждый день, что меня арестуютъ свои же солдаты. Вся надежда на казаковъ, но и они надежны лишь «постолько — посколько». Живи и жди!

— Чего ждать?

— Чуда.

Да, только чудо могло измѣнить этотъ новый порядокъ службы подъ красными знаменами!

Саблинъ замкнулся въ своей комнатѣ. Единственнымъ развлеченіемъ его была верховая ѣзда, но и та была отравлена.

Счастья больше на военной службѣ не было. Вопреки увѣренію гр. Л. Н. Толстого, что «ежели «бы могъ человѣкъ найти состояніе, въ которомъ бы «онъ, будучи празднымъ, чувствовалъ себя полез- «нымъ и исполняющимъ свой долгъ, онъ бы нашелъ «одну сторону первобытнаго блаженства. И такимъ «состояніемъ обязательной и безупречной празд- «ности пользуется цѣлое сословіе — сословіе воен- «ное. Въ этой то обязательной и безупречной празд- «ности состояла и будетъ состоять главная привле- «кательность военной службы»*), вопреки этому увѣренію Толстого, именно теперь, когда Саблинъ и всѣ окружающіе его были безусловно праздны они не были счастливы.

Саблинъ уже зналъ, что счастье не въ праздности, а въ творчествѣ и онъ нашелъ это счастье и на военной службѣ. Готовилъ ли онъ караулъ во Дворецъ, занимался ли, уча эскадронъ въ ожиданіи смотра, училъ ли новобранцевъ — онъ творилъ и онъ былъ счастливъ. Его радовало, когда неуклюжіе, сѣрые и слабые физически люди подъ вліяніемъ занятій гимнастикой, на полуфунтовой порціи мяса, на кашѣ, щахъ и хлѣбѣ до отвала становились сильными, ловкими и смѣлыми. Онъ чувство-

*) Гр. Л. Н. Толстой. «Война и миръ». Романъ. Томъ II, часть IV. Глава I.

валъ, что это онъ ихъ создалъ такими. Саблина радовало, когда изъ ко всему равнодушныхъ полусонныхъ парней, не понимавшихъ даже слова Россія, не знавшихъ царя образовывались люди, обожавшіе Государя, влюбленные въ Россію и въ свой полкъ, гордящіеся полковымъ мундиромъ. Слышалъ ли онъ въ толпѣ похвалы своему полку, бравому виду людей — Саблинъ былъ счастливъ: — это онъ сдѣлалъ людей такими. Потрясался ли воздухъ отъ могучихъ голосовъ лихой солдатской пѣсни, свисталъ въ ней молодецкимъ посвистомъ свистальщикъ, билъ бубенъ, звенѣлъ треугольникъ: — это онъ, Саблинъ, научилъ ихъ этимъ хорошимъ пѣснямъ — и онъ былъ счастливъ. Праздности не было. Даже въ самое безпутное время до японской войны, время веселое и безпечное, Саблинъ былъ занятъ такъ, какъ рѣдкій рабочій бываетъ занятъ. Бывало въ три, въ четыре часа утра онъ вернется съ вечера или бала, послѣ ужина со многими бокалами вина, — а въ шесть часовъ мутно горятъ въ манежѣ круглые электрическіе фонари и надо быть на ѣздѣ. Тамъ пьяный Ротбекъ крѣпится и не можетъ сдержать улыбки на своихъ пухлыхъ щекахъ, тамъ Гриценко звонко ругается, тамъ вахмистръ говоритъ что то солиднымъ басомъ. Съ ѣзды — на пѣшій строй, съ пѣшаго строя на гимнастику, на словесность, на занятія съ развѣдчиками — только поспѣвай. Военная жизнь часто была безпутная, наружно безцѣльная, но бездѣльной она не была никогда.

Счастье военной службы состояло въ творчествѣ съ одной стороны, съ другой въ постоянномъ общеніи съ природой, людьми и лошадьми—почему и служба въ кавалеріи давала болѣе счастья и удовлетворенія нежели служба въ пѣхотѣ. Для любителя верховой ѣзды, спорта и лошадей удовольствіе службы въ кавалеріи увеличивалось возможностью имѣть и отлично содержать лошадей. Нако-

нецъ, во время войны прибавлялось ко всему этому ни съ чемъ не сравнимое счастье побѣды и славы, которое заставляло все забывать: и смерть близкихъ, друзей и товарищей и страданія раненій и близость самой смерти.

Въ Перекальи Саблинъ понялъ, что послѣ революціи невѣжественными руками штатскихъ людей, взявшихся вести военное дѣло, а можетъ быть (Саблинъ уже сомнѣвался не было ли это и дѣйствительно такъ) по приказу тѣхъ таинственныхъ семидесяти, которые заняты разрушеніемъ христіанскаго міра, все это было уничтожено. На фронтѣ было ясно, что война кончена. Можно было говорить какія угодно пышныя рѣчи о проливахъ и о продолженіи войны въ полномъ согласіи съ союзниками въ Петербургѣ, — эти рѣчи не находили никакого отклика на позиціи, гдѣ прочно была усвоена мысль: — «миръ безъ аннексій и контрибуцій». Такимъ образомъ не только нельзя было разсчитывать вкусить снова величайшаго счастья побѣды и славы, но надлежало готовиться къ страшному позору пораженій, къ ужасу бѣгства, насилія солдатами и плѣна.

Не осталось возможности и творить что бы то ни было. Достаточно было, чтобы что либо исходило отъ генерала, командира корпуса, или начальника дивизіи, чтобы это отметалось солдатами съ полнымъ пренебреженіемъ. Многіе генералы въ эти дни пошли по пути угожденія и заискиванія передъ солдатами, чтобы вернуть ихъ довѣріе — Саблинъ не могъ пойдти по этому пути и работать во вредъ службѣ.

Власти, блеска военной службы, пышности титуловъ, красоты обрядовъ, выноса знаменъ, отданія чести, общей молитвы, дружнаго пѣнія, общихъ спортивныхъ игръ не стало. Все стало сѣро, скучно, линяло и некрасиво. Вмѣсто любви и вѣры другъ въ друга встала взаимная ненависть и недовѣріе.

Офицеры, за рѣдкимъ исключенiемъ, ненавидѣли и боялись своихъ солдатъ, солдаты ненавидѣли офицеровъ и слѣдили за ними, шпiоня черезъ вѣстовыхъ, подслушивая и подглядывая за всѣми поступками офицеровъ.

Оставались одни животныя — лошади, на которыхъ не могла, казалось бы, отразиться своимъ смертоноснымъ влiянiемъ революцiя. Ихъ добрый характеръ, ихъ ласка, ихъ любовь къ природѣ и своему хозяину должны были бы остаться неизмѣнными. Но революцiя задѣла и ихъ.

У Саблина были двѣ чудныя кобылы. Прелестный гунтеръ Леда, служившая ему уже восьмой годъ, носившая его въ атаку и раздѣлившая съ нимъ всю славу его воинскихъ подвиговъ. Часто Саблинъ, ѣздя на ней, думая о ней, забывалъ, что Леда животное. Она была членомъ семьи, другомъ понимающимъ всѣ изгибы душевныхъ переживанiй Саблина. Саблинъ холилъ ее и ласкалъ. Въ тяжелые дни походной жизни онъ лучше отказывалъ себѣ въ прочной крышѣ, но Леду помѣщалъ всегда хорошо.

Другая лошадь, чистокровная кобыла Дiана, была та самая, на которой былъ убитъ его сынъ. Съ нею тоже было связано не мало трогательныхъ и славныхъ воспоминанiй. Нервная, чуткая Дiана признавала только своего хозяина. Его она не кусала, не грозила ударить, для остальныхъ она казалась злой и непрiятной лошадью. Саблинъ, послѣ смерти Вѣры Константиновны, удалившiйся отъ женщинъ, какъ то невольно вложилъ женскiе образы въ своихъ лошадей. Леда казалась ему прекрасной, полной, достойною женою, безконечно его любящей и преданной ему, спокойной, ровной, всегда прiятной, Дiана — прелестной кокетливой любовницей, тонкой, стройной, остроумной, готовой на шутку, опьяняющей и возбуждающей своимъ поведенiемъ.

Онѣ обѣ всегда были такъ чисто содержаны, что всякое прикосновеніе къ ихъ тонкой, блестящей шелковистой шерсти вызывало удовольствіе и радость.

Для ухода за ними у Саблина было два вѣстовыхъ — Заикинъ и Дьяковъ. Заикинъ служилъ съ Саблинымъ еще въ нашемъ полку и ходилъ съ нимъ въ атаку на батарею, онъ былъ очевиддемъ всѣхъ подвиговъ Саблина и обожалъ его. Дьяковъ былъ взятъ изъ того гусарскаго полка, который Саблинъ получилъ послѣ своего раненія. Онъ тоже любилъ своего генерала. Все ихъ время проходило въ заботѣ и холѣ данныхъ на ихъ попеченіе лошадей.

Теперь въ Перекальи, если Саблинъ входилъ на конюшню, когда Заикинъ и Дьяковъ были одни, они вставали передъ нимъ, называли его «ваше превосходительство», доставали хлѣбъ и сахаръ для лошадей и вмѣстѣ съ Саблинымъ любовались лошадьми и осыпали ихъ ласковыми именами. Но часто у нихъ бывали гости. Какіе то пѣхотные солдаты, солдаты штабныхъ командъ. Они о чемъ то шептались. При входѣ Саблина Заикинъ и Дьяковъ дѣлали видъ, что не замѣчаютъ своего генерала, не вставали передъ нимъ. Если Саблинъ подзывалъ ихъ, то они отвѣчали хмуро, недовольно, грубо кричали на лошадей и норовили ихъ толкнуть. Имъ было совѣстно при другихъ быть вѣжливыми и ласковыми къ Саблину, котораго они любили и которому были многимъ обязаны.

Лошади уже не были такъ тщательно вычищены. Иногда Саблинъ находилъ на ихъ тѣлѣ маленькія ранки.

— Это что такое? — спрашивалъ онъ.

— Такъ очерябалась должно быть о что то, отвѣчалъ вѣстовой.

Но раньше этого не было. Раньше и Заикинъ и Дьяковъ тщательно удаляли изъ сарая, гдѣ ста-

вили лошадей все то, о что лошади могли очерябаться.

На проѣздкѣ, — Саблинъ почти всегда ѣздилъ одинъ, онъ мысленно бесѣдовалъ съ лошадьми и ему казалось, что также тихо, молчаливо лошади отвѣчали на его мысли. И ему казалось, что лошади жаловались ему на перемѣну къ нимъ отношенія вѣстовыхъ, жаловались на то, что не видятъ больше полковъ въ сборѣ и не скачутъ всѣ вмѣстѣ въ побѣдныя атаки. Саблинъ изливалъ имъ свое горе и онѣ понимали его.

Утромъ Саблинъ ѣздилъ нервную Діану, вечеромъ передъ закатомъ спокойную понимающую его съ полу слова Леду. Какъ ни старался Саблинъ выбирать такія мѣста для прогулокъ, гдѣ бы не было солдатъ, онъ часто встрѣчалъ группы по пять по шесть человѣкъ. Солдаты ѣхали на худыхъ, нечищенныхъ заброшенныхъ лошадяхъ, ѣхали на гулянье, куда либо въ деревню, играть въ карты, пить самогонку. Иногда они отдавали честь Саблину, иногда кланялись ему, иногда отворачивались. Всѣми силами они старались себѣ придать не солдатскій видъ.

Саблинъ видѣлъ солдатъ въ огородахъ, копающихъ картофель, подъ осень во фруктовыхъ садахъ, въ лѣсахъ съ винтовками, охотящихся на козъ и зайцевъ, всюду они распоряжались чужимъ добромъ, какъ своимъ, вездѣ ихъ проклинали крестьяне. Саблинъ ничего не могъ сдѣлать. Въ одномъ мѣстѣ въ деревнѣ онъ разогналъ солдатъ, тащившихъ сопротивлявшуюся дѣвушку и пригрозилъ имъ судомъ. Но, когда онъ отъѣхалъ на полъ версты изъ деревни раздалось три выстрѣла и три пули просвистало подлѣ Саблина. Что могъ сдѣлать Саблинъ противъ солдатъ, которые могли стрѣлять по нему и оставаться безнаказанными?

Прогулки были отравлены.

Сѣро, скучно и уныло тянулось время Саблина въ ожиданіи чего то, что должно было случиться. Что? Саблинъ не зналъ. Учредительное Собраніе? Онъ въ него не вѣрилъ. При той запуганности интеллигенціи и обывателя, страхѣ передъ онаглѣвшей солдатней, — что могло сдѣлать и какъ могло собраться Учредительное Собраніе?

Саблинъ, какъ и всѣ въ эти дни ждалъ чуда, или по аналогіи съ французской революціей, параллели съ которой онъ невольно проводилъ, ждалъ Наполеона.

XXVIII.

Во второй половинѣ августа къ Саблину пріѣхалъ изъ Петербурга его бывшій шофферъ Петровъ и привезъ ему большой пакетъ отъ Тани. Когда Саблинъ посмотрѣлъ на толстый конвертъ, надписанный рукою, такъ похожею на почеркъ покойной Вѣры Константиновны его сердце дрогнуло отъ предчувствія чего то тяжелаго и недобраго. Онъ отослалъ Петрова и оставшись одинъ распечаталъ пакетъ. И опять, какъ тогда, выпали листки съ номерами страницъ, покрытые крупными буквами нервнаго торопливаго почерка. Съ притихшимъ сердцемъ, съ напряженными мыслями подобралъ эти листки Саблинъ и сталъ читать. Какой еще ударъ маленькими слабыми, дѣтскими ручонками наносила ему его Таня — послѣднее дорогое существо, остававшееся ему въ этой жизни?

— «Папа», — писала ему Таня, — «милый, до«рогой славный мой папа! Папа, гордость моя! «Честный папа — у меня потребность написать «тебѣ, потому что тебя я люблю и уважаю безпре«дѣльно и знаю,что ты поймешь меня и не осудишь, «и только похвалишь.»

«Ты знаешь, папа, изъ моего предыдущаго пись«ма, что Ника и Павликъ Полежаевы сдѣлали по-

«пытку освободить е г о и эта попытка имъ не уда-
«лась. Они до поры до времени принуждены скры-
«ваться и находятся въ очень надежномъ мѣстѣ.
«Петровъ тебѣ все подробно разскажетъ.

«31-го іюля и х ъ увезли въ Тобольскъ. Съ ними
«поѣхали Нагорный, Жильяръ, Гибсъ, докторъ
«Боткинъ, гофъ лектриса Шнейдеръ, Гендрикова,
«князь Долгорукій, Деревенько съ сыномъ Колей,
«Клавдія Михайловна Битнеръ и кое кто изъ при-
«слуги.

«Сестра Валентина получила оттуда письмо отъ
«Ольги Николаевны и представь, какъ трогательно,
«она, зная, какъ у насъ тяжело со съѣстными при-
«пасами, послала сестрѣ Валентинѣ полендвицу,
«ветчину и еще что то. Сестра Валентина плакала,
«читая мнѣ ея письмо. Святая женщина сестра Ва-
«лентина, святыя, святыя онѣ всѣ, а мы всѣ негод-
«ныя, проклятущія, что не могли ихъ отстоять.
»Ахъ, какія мы нехорошія, папа! Намъ всѣмъ,
«женщинамъ Русскимъ, слѣдовало соединиться и
«идти требовать у Временнаго Правительства ихъ
«освобожденія. Мы не сдѣлали этого. Ахъ, папа!
«какія мы подлыя!

«Доѣхали они благополучно. Со станціи Тюмень
«ѣхали на пароходѣ «Русь», а лица свиты на паро-
«ходѣ «Кормилецъ». Папа — пойми, «Русь» отво-
«зила своего Царя въ заточеніе и ссылку! Я пла-
«кала и негодовала, читая это. Въ Тобольскъ они
«прибыли 6-го августа въ 4 часа дня. Домъ былъ
« не готовъ и они до 13 августа жили на пароходѣ.

«13 августа А. Ѳ. въ экипажѣ съ Татьяной Ни-
«колаевной, остальные пѣшкомъ прошли въ свой
«домъ. Домъ этотъ раньше былъ домомъ Тоболь-
«скаго губернатора. Онъ каменный, двухъ этажный.
«По ироніи судьбы онъ находится на «улицѣ сво-
«боды». Устроились они въ этомъ домѣ хорошо, но,
«конечно, не такъ, какъ нужно и не такъ, какъ они

«привыкли. Свита живетъ рядомъ, въ домѣ Корнилова.

«Они устроили свой день такъ, чтобы все время «быть занятыми. Въ 8 часовъ 45 минутъ всѣ на «ногахъ. Государь съ Ольгой Николаевной пьетъ «чай въ своемъ кабинетѣ, А. Ѳ. пьетъ кофе въ по-«стели, остальные въ столовой. До 11-ти Государь «пишетъ въ своемъ кабинетѣ, послѣ 11-ти онъ идетъ «заниматься физическимъ трудомъ, къ которому «онъ привыкъ и который онъ любитъ. Онъ пилитъ «дрова и строитъ площадку надъ оранжереей и «лѣстницу. У дѣтей до 11-ти часовъ идутъ уроки. «Въ 1 часъ дня завтракъ, послѣ завтрака до 4-хъ «всѣ гуляютъ по саду. Въ 5 часовъ чай. Послѣ чая «занимаются играми, а потомъ уроками. Въ 8 ча-«совъ вечера обѣдъ, послѣ обѣда чаще всего они «собираются всѣ вмѣстѣ и Государь читаетъ вслухъ. «Въ 11 часовъ пьютъ чай въ гостиной, а потомъ «идутъ спать. Какъ видишь, они старались устро-«ить свою жизнь такъ, какъ она была въ Царскомъ «Селѣ. А. Ѳ. чувствуетъ себя очень плохо. Ея «сердце болитъ. Она цѣлыми днями сидитъ у себя «и занимается рисованьемъ, или рукодѣльемъ. «Обѣдъ имъ готовитъ поваръ. За завтракомъ и обѣ-«домъ подаютъ супъ, мясо, рыбу и кофе.

«Государь преподаетъ Наслѣднику исторію, А. Ѳ. «всѣмъ дѣтямъ богословіе и нѣмецкій языкъ, Рус-«скій языкъ преподаетъ К. М. Битнеръ, Жильяръ «французскій языкъ, Гибсъ англійскій.

«Жизнь идетъ ровно и спокойно. Жители отно-«сятся хорошо и, если увидятъ кого либо въ окнѣ, «то кланяются, а иные осѣняютъ себя крестнымъ «знаменіемъ.

«Ахъ, папа, что же это сдѣлалось съ Русскими «людьми, вѣдь не хотятъ же они, чтобы ихъ Царь «жилъ въ ссылкѣ, какъ преступникъ, а вотъ мол-«чатъ, и покорились... Кому? Кому? кому, папа!

«Они ходятъ въ церковь Благовѣщенія къ ран-
«ней обѣднѣ. къ нимъ пріѣхалъ ихъ духовникъ,
«отецъ Александръ Васильевъ, и онъ служитъ
«въ церкви.

«Папа, все это хорошо, когда пишешь, но когда
«поймешь, душою поймешь, что это такое, то вѣдь
«иного слова не придумаешь, какъ тихій ужасъ.
«Они живутъ въ ожиданіи чего то, чего то страшна-
«го, что должно совершиться. Ахъ папа, прочитав-
«ши это письмо я стала сама не своя. Я пошла къ
«Ритѣ Дурново. Ты ее знаешь. У ней надъ постелью
«всегда была надпись — «до издыханія предана
«моему Государю». Мы плакали вмѣстѣ и мы рѣ-
«шили ѣхать туда, чтобы быть подлѣ, чтобы спасти
«въ нужную минуту и увезти. Я ѣду сейчасъ, Рита,
«у которой большія связи, остается пока здѣсь,
«чтобы проповѣдывать спасеніе Государя и органи-
«зовать помощь.

«Папа, ты меня поймешь и не осудишь. Я прода-
«ла всѣ мои брильянты, мѣха и платья, я продала
«все, что имѣла, я одѣлась въ платье простой кресть-
«янки, которое купила въ Перелѣсинѣ у той дѣ-
«вушки, которая носитъ Полежаевымъ молоко, на-
«рочно поношенное, я три дня изучала ея манеры
«и завтра утромъ я ѣду, чтобы быть ближе къ нимъ.
«У меня ея паспортъ. Я — папа, теперь Татьяна
«Шагина, крестьянка Царскосельскаго уѣзда, де-
«ревни Перелѣсино... Папа — сестра Валентина
«говоритъ, что это подвигъ. Нѣтъ, папа, это мой
«долгъ. О только бы помочь имъ! Хотя бы подойдти
«когда нибудь на ранней обѣднѣ и шепнуть имъ:—
«мы не забыли васъ! мы думаемъ о васъ,
«мы — Россія!...» Папа — разсѣять ихъ безнадеж-
«ныя думы, уничтожить этотъ тихій ужасъ размѣ-
«реннаго существованія. Папа! благослови меня и
«помолись за меня. Это мой долгъ. Крѣпко, крѣпко
«цѣлую тебя и знаю, что ты, мой благородный, мой

«честный папа поступилъ бы на моемъ мѣстѣ «точно также. Твоя маленькая Таня...»

Великая моя Таня, подумалъ Саблинъ. Такъ вотъ, какъ кровь Саблиныхъ платитъ своей императрицѣ за то страшное оскорбленіе, которое ей нанесено. Призракъ Вѣры Константиновны не остановилъ Тани, блѣдная рука безвременно скончавшейся ея матери не поманила ее въ мой запертый кабинетъ не вскрыла ящикъ и не дала прочесть тѣ самыя записки, которыя положатъ со мною въ гробъ.

Да развѣ хотѣла мстить императрицѣ моя Вѣра? Она и въ могилу унесла трогательное преклоненіе передъ святыми для нея именами Богомъ помазанныхъ царя и царицы.

Великая моя Таня! Да хранитъ тебя Господь въ твоемъ подвигѣ. Какъ и что сдѣлаешь ты, сама слабая и сама неопытная?

А я? Что мнѣ осталось? Ждать случая?

Нѣтъ, — сказалъ Саблинъ, готовить этотъ случай. Бороться и побѣдить!

Саблинъ призвалъ Петрова.

— Татьяна Александровна уѣхала?, спросилъ онъ.

— Въ воскресенье, послѣ обѣдни въ Ѳедоровскомъ соборѣ, отслужили молебенъ и уѣхали. Я и вещи ихъ на вокзалъ отнесъ. Не узнаете ихъ. Совсѣмъ какъ простая дѣвушка. Въ третьемъ классѣ поѣхали. Да тамъ теперь спокойнѣе. Самый то озорной народъ больше въ первомъ, да во второмъ ѣздитъ, а въ третьемъ скромный, правильный солдатъ.

— Ну, хорошо. Разскажи мнѣ теперь, Петровъ, что же у васъ тамъ было съ Полежаевыми, — сказалъ Саблинъ и закурилъ папиросу, приготовляясь слушать.

XXIX.

Нѣсколько дней спустя Саблинъ взялъ отпускъ на двѣ недѣли и поѣхалъ въ Петербургъ. Онъ хотѣлъ присмотрѣться и продумать, что надо дѣлать. Московское совѣщаніе крупныхъ дѣятелей, окрещенное предпарламентомъ, взвинтило его нервы и возбудило въ немъ надежды. Саблинъ зналъ изъ газетъ, какъ принимало общество и толпа верховнаго главнокомандующаго Лавра Георгіевича Корнилова, какъ онъ проѣзжалъ сквозь многотысячную толпу, окруженный декоративнымъ экзотическимъ конвоемъ Текинскаго полка, какъ съ автомобиля онъ говорилъ притихшей толпѣ громовую рѣчь о необходимости порядка и дисциплины. Саблинъ читалъ про серьезную, нескладно прочтенную рѣчь перваго выборнаго Донского Атамана Алексѣя Максимовича Каледина, говорившаго о томъ же отъ имени всего Донского казачества, тамъ же выступалъ начальникъ штаба верховнаго главнокомандующаго Михаилъ Васильевичъ Алексѣевъ и всѣ говорили объ одномъ, не таясь, не скрывая ни отъ народа, ни отъ врага, который черезъ своихъ агентовъ слушалъ ихъ о томъ, что армія погибла и нужны чрезвычайныя мѣры для того, чтобы вернуть ту мощь и силу, которую она имѣла подъ двуглавымъ орломъ. На этомъ совѣщаніи коротко, ѣдко, остроумно, съ ухватками демагога, сказалъ сильную рѣчь казакъ соціалистъ Павелъ Михайловичъ Агѣевъ, еще болѣе поднявшій патріотическое настроеніе совѣщанія. Въ громадномъ залѣ Большого Московскаго театра сидѣли представители всѣхъ фронтовъ, сидѣли въ грязныхъ рубахахъ тѣ самые, кто продавалъ пулеметы за бутылку нѣмецкаго рома, кто запрещалъ своей артиллеріи стрѣлять, кто братался во время войны съ врагомъ. Иногда они пытались кричать съ мѣстъ: «неправда!» — но ихъ никто не поддерживалъ и шла рѣчь за рѣчью, какъ

страшный обвинительный актъ, какъ слово прокурора надъ краснознаменною арміей. Блѣдно и устало говорилъ Керенскій и слово его уже не было словомъ защиты, но продолженіемъ того же обвиненія. Московское совѣщаніе не дало никакихъ постановленій, но поговорило и разъѣхалось, ничего не сдѣлавши, лишь зародивши въ обществѣ чрезвычайныя надежды на то, что спаситель Россіи явился, явился и Наполеонъ Русской революціи и таковымъ называли Лавра Георгіевича Корнилова.

Все въ немъ манило воображеніе Русскаго обывателя. Даже то, что онъ не былъ чисто Русскимъ, что онъ былъ полукиргизомъ влекло къ нему. Тоже Корсиканецъ своего рода. Ex oriente lux! Сынъ простого казака, онъ отлично учился въ корпусѣ, блестяще кончилъ академію, путешествовалъ по Памирамъ, во время войны былъ взятъ австрійцами въ плѣнъ и легендарно, фантастично бѣжалъ изъ плѣна— это тоже походило на Арколе, Египетъ и чуму, которые предшествовали Наполеону. Онъ былъ любимъ Петербургскимъ гарнизономъ — толпою непокорныхъ хулигановъ — все это создавало надъ Корниловымъ ореолъ вождя и имя его было на устахъ у всего Русскаго общества и у всей арміи.

Но только разно о немъ говорили.

Офицеры и старые боевые солдаты, окуренные порохомъ побѣдъ, обвѣянные славою знаменъ съ любовью говорили о своемъ «верховномъ» и ждали возстановленія старой дисциплины, стараго внутренняго порядка въ арміи — возрожденія самой Арміи.

Молодые солдаты, не знавшіе муштры, не испытавшіе упоенія побѣдами, молодые офицеры, видѣвшіе въ новыхъ порядкахъ широкія возможности удовлетворить своимъ крайнимъ честолюбивымъ стремленіямъ говорили, пока потаясь, скрываясь, шопотомъ, что рѣчь Корнилова означаетъ поворотъ къ старому режиму, къ офицерской палкѣ, къ гнету

помѣщиковъ и капиталистовъ, къ возвращенію проклятаго царизма.

Саблинъ хотѣлъ лично провѣрить газетные слухи, лично узнать есть ли надежда на то, что армію будутъ лечить, потому что послѣ того правильнаго діагноза, который былъ постановленъ на Московскомъ совѣщаніи неизбѣжнымъ слѣдствіемъ должно было быть леченіе болѣзни. Было у Саблина и личное дѣло, которое онъ самъ себѣ навязалъ и исполнить которое ставилъ вопросомъ чести. Это обезпеченіе и устройство судьбы вдовы Козлова и его дочери. Онъ зналъ, что она уже бѣдствовала, что даже той маленькой пенсіи, которую выслужилъ ея мужъ она не могла добиться у новаго правительства и ее уже гнали изъ санаторіи. Саблинъ рѣшилъ положить на ея имя значительную сумму денегъ и обезпечить ее при помощи Мацнева.

Къ нему то и направился Саблинъ по пріѣздѣ въ Петербургъ съ именемъ Корнилова на устахъ и съ вѣрою въ то, что должна же быть перемѣна, долженъ же быть просвѣтъ въ несчастныхъ злоключеніяхъ Россіи.

— Ты думаешь, что Корниловъ будетъ Русскимъ Наполеономъ, — сказалъ выслушавшій его внимательно и серьезно Мацневъ. — Боюсь, что ты ошибаешься. Не на тѣхъ нотахъ и не тѣмъ инструментомъ играетъ онъ, на какихъ нужно играть для того, чтобы овладѣть умами Русскаго народа. Русскій народъ имѣлъ своихъ Наполеоновъ — это Стенька Разинъ, Кондрашка Булавинъ и Емелька Пугачевъ и къ нимъ я бы прибавилъ еще теперешнюю компанію — буду называть по современному — Михаилъ Владиміровичъ Родзянко, Александръ Ивановичъ Гучковъ и Александръ Θедоровичъ Керенскій. Поднимать знамя бунта все равно противъ кого, — противъ царя Алексѣя Михайловича, царя Петра Алексѣевича, императрицы Екатерины Алексѣевны, императора Николая Александровича, или

псевдонимной компаніи временнаго правительства и совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ, — а именно въ этомъ то послѣднемъ и зарыта собака, такъ надо что либо, дорогой мой, и дать. Русскій народъ за l'honneur et patrie умирать усталъ и его поднять можно иными лозунгами и исторія показала какими. Лихой атаманъ Стенька дарилъ вольности казачьи, бусы—корабли поволжскіе, царство персидское, Астрахань, княжну персидскую, дарилъ вкусную лихую жизнь, есть ради чего и помирать. Кондрашка на офицерской палкѣ съигралъ. «Васъ, де, молъ, казаковъ вольныихъ въ регулярство писать будутъ, бороды брить и волосы стричь вамъ станутъ, земли ваши отберутъ, помѣщиковъ воеводъ посадятъ, старую вѣру уничтожатъ» — ну и пошло, пошло писать по хорошему. Емелька и того чище придумалъ. Землю и волю объявилъ. Золотую грамоту о раздѣлѣ помѣщичьей земли съ собою возилъ, крѣпостнымъ рабамъ волю даровалъ, на престолѣ церковномъ сидѣлъ и кровью упивался, за такимъ молодцомъ стоило идти — хоть одинъ день —да за то какой—мой! Нынѣшніе бунтовщики противъ царя—Михаилъ Владиміровичъ, Александръ Ивановичъ и Александръ Ѳедоровичъ — буду ихъ называть все таки по современному, тоже охулки на руку не положили: — свободу народу даровали. Бей офицеровъ, грабь мирныхъ жителей, насилуй женщинъ и ни что тебѣ за это не будетъ, это тоже не дурно пущено. Ну да растерялись, энергію то къ грабежу возбудили, разбойничьи инстинкты разбудили, а направить то ихъ по настоящему и не смогли. Что же Лавръ Георгіевичъ, я его знаю по Петербургу, хорошій,честный генералъ, да вѣдь онъ опять таки на бунтъ идетъ, на бунтъ противъ тѣхъ, кто поднялъ бунтъ, ну а лозунги то у него какіе? Что онъ даетъ? Отданіе чести, власть начальникамъ, а взбунтовавшимся то рабамъ, что за это? Смертную казнь. «Я за то тебя, дѣтинушка, пожа-

лую, среди поля хоромами высокими, что двумя ли столбами съ перекладиною». Такъ вѣдь для того то, чтобы имѣть право такими хоромами жаловать надо Богомъ вѣнчаннымъ царемъ быть, надо, какъ Петръ самому головы непокорнымъ стрѣльцамъ рубить, надо плоты висѣлицами уставить, да по Дону спустить, да всѣмъ этимъ лично управиться, либо надо Суворова имѣть, который бы, какъ борзая собака за волкомъ, за Пугачемъ гонялъ, да въ клѣткѣ его везъ. Лавру то Георгіевичу съ чего начать бы пришлось. Кто царя свергалъ? Михаилъ Владиміровичъ! Кто приказъ подписывалъ — Александръ Ивановичъ. Кто армію развратилъ и господина Ленина нѣмецкаго шпіона принималъ? — Александръ Ѳедоровичъ! — Бей ихъ!... Да, и вотъ кровью то ихъ упившись, можетъ и можно было бы повернуть по своему. Такъ, молъ, поступлю со всякимъ, который когда я говорю дыханіе не затаитъ и руку подъ козырекъ не возьметъ. А что же онъ: — «я революціонеръ, молъ, я съ народомъ», ну, коли съ народомъ, — такъ втыкай штыки въ землю, лобызайся съ нѣмцемъ и иди грабить помѣщика. Нѣтъ, Саша, уже ежели ты Наполеона ищешь, такъ приходи ко мнѣ въ семь часовъ вечера, я тебѣ покажу Наполеона настоящаго, который понимаетъ толкъ ловли рыбы въ мутной водѣ и знаетъ, что надо дѣлать. Ты вотъ меня, тогда, когда на Распутина мы шли въ Понсонъ де Террайльщинѣ упрекалъ и Пинкертономъ называлъ, ну а теперь я опять попрошу: приходи ка ты ко мнѣ въ штатскомъ, да грязномъ. У дворника платье возьми, потому что, ежели явишься туда генераломъ, такъ можетъ и живой не уйдешь. А послушать интересно.

— Куда же ты меня поведешь?

— Туда, гдѣ было изящество разврата. Гдѣ были ванны изъ оникса и ночныя вазы изъ Севрскаго фарфора, гдѣ былъ культъ женщины, гдѣ блистала современная Фрина, красивая лишь потому, что

умѣла обожествить каждый уголокъ своего тѣла и изъ каждаго естественнаго акта сдѣлать священное таинство, которая цинизмъ довела до красоты и такъ пропиталась ѳиміамомъ, что и сама сдѣлалась неземною, туда, гдѣ обнаженіе тѣла не было чудовищнымъ, но было обнаженіемъ божества.

— Интересно.

— Было, — да. Очень. При всемъ своемъ равнодушіи къ женской красотѣ и женщинамъ я понималъ ее и тѣхъ, кто былъ при ней. Теперь ты увидишь одинъ ужасъ. Придешь?

— Приду.

XXX.

Ясное августовское небо темнѣло. Послѣдніе красные лучи заходящаго солнца догорали на стеклахъ оконъ, точно пожаръ былъ въ домахъ. Нева темнѣла подъ высокимъ Троицкимъ мостомъ и яркою синевою вспыхивалъ за нею куполъ бѣлой мечети. Тѣнистыя липы Александровскаго парка чуть тронутыя желтизною несли прохладу и съ каждой минутой теряли краски и очертанія, сливаясь въ густую темную массу, сквозь которую кое гдѣ просвѣчивало алое небо. На востокѣ уже загорѣлась вечерняя звѣзда и небо оттуда покрывалось фіолетомъ, постепенно поднимавшимся кверху. Священная тайна совершалась и темная ночь смѣняла день.

Разомъ вспыхнули фонари по всему Каменноостровскому проспекту и какъ будто яснѣе сталъ гулъ трамваевъ, щелканье копытъ по торцу и частые гудки моторовъ. Толпа стремилась въ оба конца къ островамъ и съ острововъ, она расплывалась по Троицкой площади, заполняла ее, толпилась у ветхаго крылечка Троицкой церкви, той самой, гдѣ Сенатъ Россійскій вѣнчалъ императора Петра званіемъ Великаго и называлъ его «отцомъ отечества».

Осенній сырой холодокъ тянулъ отъ пустынной Невы. Пахло сыростью, прѣлымъ листомъ, конскимъ навозомъ, пахло керосиномъ, пахло осенью шумнаго города.

Въ цвѣтникахъ вдоль проспекта, противъ памятника великому матросу, положившему жизнь свою за честь Андреевскаго флага и за славу Россіи, цвѣли пестрыя астры и лиловые геліотропы и вдоль зеленаго газона мохнатымъ узоромъ переплеталась голубая лобелія съ коричневыми и желтыми листочками декоративныхъ травокъ.

Противъ мраморнаго особняка, съ балкономъ въ помпеянскомъ стилѣ, Кшесинской, стоялъ густою стѣною народъ. Люди ввалились на газоны, на цвѣтники, топтали ихъ своими сапогами, мяли порыжѣвшіе темные кусты сирени и голубыя молоденькія американскія елки.

Матросы въ открытыхъ синихъ и бѣлыхъ матроскахъ, изъ которыхъ упрямо выдавались чисто вымытыя, нетронутыя загаромъ шеи съ широкими обнаженными грудями, съ цѣпочками съ камнями, съ татуированными руками съ изображеніемъ якорей, змѣй и драконовъ, солдаты въ сѣрыхъ рубахахъ и такихъ же штанахъ, въ башмакахъ съ обмотками, въ фуражкахъ, заломленныхъ на затылокъ, съ клоками подвитыхъ волосъ, спускавшихся на лобъ, казаки въ изящныхъ френчахъ и синихъ рейтузахъ галиффе съ такимъ широкимъ алымъ лампасомъ, что издали штаны казались красными, молодые офицеры, одѣтые также, какъ и солдаты и обнимавшіе за шею солдатъ, стояли въ перемежку съ пестро, крикливо одѣтыми женщинами, молодыми, красивыми со смѣлыми жадными лицами.

Среди преобладающей сѣрой массы солдатъ и офицеровъ видны были темные поношенные пиджаки рабочихъ и молодыхъ людей интеллигентнаго вида, легкое пальто крылатка любопытствующаго интеллигента, поднявшагося на цыпочки и жад-

но съ полуоткрытымъ ртомъ глядящаго поверхъ головъ толпы, видны были барышни, подростки, гимназисты, студенты, священникъ въ рясѣ, купецъ, солидный господинъ. Въ эту толпу протискались въ девятомъ часу вечера Мацневъ, одѣтый какимъ то апашемъ въ широкополой шляпѣ, стареньюмъ пиджакѣ и пледѣ, накинутомъ на плечи и Саблинъ въ шофферской курткѣ Петрова, въ шофферской шапкѣ съ независимымъ видомъ знающаго себѣ цѣну товарища.

Впереди надъ толпою вспыхнуло и погасло красное пламя, точно пробовали красныя лампочки электричества, или зажгли бенгальскій огонь.

— Значитъ опять анархисты будутъ свою лекцію показывать, сказалъ солдатъ, стоявшій впереди Саблина.

— Не анархисты, а коммунисты, это различать надо, — поправилъ его сосѣдъ.

— Ленинъ будетъ говорить, самъ Ленинъ, — сказалъ широкоплечій красавецъ матросъ гвардейскаго экипажа, стоявшій въ первомъ ряду.

Мацневъ, увлекая за собою за руку Саблина, протискался къ нему и спросилъ у него.

— Скажите, товарищъ, кто же будетъ этотъ Ленинъ?

— Ленинъ? Вы развѣ не слыхали? Даже и въ газетахъ писано. Ленинъ нѣмецкій шпіонъ. Онъ пріѣхалъ изъ Германіи въ запломбированномъ вагонѣ для того, чтобы помогать нѣмцамъ. Читалъ я, что онъ семьдесятъ мильоновъ получилъ на это дѣло отъ нѣмцевъ.

— И что же? Позволяютъ ему?

Матросъ покосился на Мацнева.

— А почему нѣтъ? Теперь свобода. Каждый можетъ. А ты разсуждай и своимъ умомъ доходи, что правильно, и что нѣтъ. Никакихъ тайныхъ договоровъ царской дипломатіи.

— Но все таки, товарищъ, идетъ война, и пріѣзжаетъ изъ вражеской земли человѣкъ, получившій деньги. Вѣдь раньше то за шпіонство и предательство вѣшали.

— Такъ это, вмѣшался въ разговоръ молодой солдатъ въ рубашкѣ безъ погонъ, лущившій сѣмечки — при старомъ режимѣ такъ было, когда, значитъ, насиліе всякое и смертная тамъ казнь, а нонче, свобода. Сказываютъ: онъ правильно говоритъ про все и про войну правильно. А что шпіонъ онъ, или нѣтъ, такъ это доказать надо. Можетъ нарочно обманываютъ людей, потому что онъ изъ народа и за народныя права стоитъ. А вы кто такой будете?

Мацневъ ничего не отвѣтилъ.

Красныя лампочки вспыхнули на балконѣ дома Кшесинской и освѣтили балконъ затянутый краснымъ кумачемъ. Громадные красные флаги тихо рѣяли подлѣ него. Ночь уже спустилась на землю, закатъ догорѣлъ, было темно и въ этой темнотѣ кровавой нишей горѣлъ балконъ дома Кшесинской.

На балконъ изъ внутреннихъ дверей вышла группа оживленно болтающей молодежи. Одѣтые, кто въ пиджакъ, кто въ солдатскую рубаху они всѣ имѣли на груди громадные красные банты съ лентами свѣшивавшимися до пояса. Они имѣли видъ людей только что хорошо пообѣдавшихъ и выпившихъ. Среди нихъ выдѣлялся худощавый человѣкъ съ типичнымъ еврейскимъ лицомъ, съ неровными приподнятыми бровями, усами и маленькою Мефистофельскою бородкой, въ пенсне. Онъ выдвинулся нѣсколько впередъ и сталъ гордо, скрестивши руки на груди.

— Троцкій!.... Троцкій!..., пронеслось по толпѣ.

— И почитай все жиды, — сказалъ кто то простодушно.

— Жиды тѣ же люди, — отвѣтили изъ толпы

— Поумнѣй многихъ Русскихъ будутъ.

Въ грушѣ стоявшей на балконѣ произошло почтительное движеніе и черезъ нее впередъ къ самой балюстрадѣ балкона вышелъ небольшой, нескладно сложенный человѣкъ.

— Ленинъ! Вотъ онъ Ленинъ!, раздалось въ толпѣ.

— Я тебѣ, Дженька, прямо говорю, — услышалъ Саблинъ сзади себя негромкій голосъ,—Русскаго человѣка огорошить надо. Помнишь я насчетъ Казанской иконы и Серафима Саровскаго говорилъ. Такъ вотъ и Ленинъ. На те молъ, изъ Германіи пріѣхалъ, всѣ знаютъ, что я шпіонъ и деньги за это получилъ, а вотъ видите говорю съ вами и учу васъ. Наглость безъ мѣры. Это Русскій народъ любитъ, за такимъ обязательно пойдетъ.

Саблинъ оглянулся на говорившаго.

Это былъ красивый юноша прапорщикъ. Лицо его показалось Саблину знакомымъ, но гдѣ онъ видалъ его, онъ не могъ вспомнить. Рядомъ съ нимъ стояла блѣдная, худая, вычурно одѣтая дѣвушка. сквозь большія стекла золотого лорнета жадно смотрѣвшая на Ленина.

XXXI.

У Ленина были коротенькія ножки и длинное туловище съ ясно обозначеннымъ круглымъ животомъ. Онъ былъ одѣтъ въ простую тройку съ красными бантами, отъ краснаго освѣщенія казавшуюся красной. Большая голова съ маленькимъ некрасивымъ лицомъ сидѣла на короткой шеѣ. Черезъ всю голову шла самая обыкновенная лысина. Маленькіе косые глаза, надъ которыми подымались тонкія брови, смотрѣли весело. Неправильный плоскій носъ, ощипанные усы и крошечная бородка клинушкомъ подъ длиннымъ плотояднымъ ртомъ — все было

типичнымъ лицомъ интеллигента, какого либо бухгалтера, учителя гимназіи, банковскаго чиновника. Ничего въ немъ не было отъ народа, ничего Русскаго и тѣмъ болѣе ничего Наполеоновскаго. Въ лицѣ Ленина Саблинъ подмѣтилъ черты ненормальности, временами чисто идіотская безмысленная улыбка кривила его полныя одутловатыя, опухшія щеки. Это былъ уродъ въ полномъ смыслѣ слова, продуктъ вырожденія, умственной не по разуму работы, сытой, спокойной, неподвижной жизни философа.

Онъ пододвинулся къ самой балюстрадѣ, обтянутой краснымъ, оперся на нее руками и долго молча смотрѣлъ на толпу.

— Вся власть совѣтамъ! — сказалъ онъ, наконецъ и началъ говорить. Говорилъ онъ нескладно, съ некрасивой дикціей, короткими фразами, часто повторяясь и у Саблина создавалось впечатлѣніе какъ будто бы этотъ маленькій человѣкъ съ упорствомъ идіота огромнымъ молотомъ вколачивалъ въ мозги окружавшихъ его людей свои дерзкія преступно-простыя мысли.

— Вся власть совѣтамъ, — повторилъ Ленинъ, — потому что это подлинная народная власть. Власть неимущимъ, власть бѣднымъ, власть пролетаріату. Капиталисты вѣками гнали народъ, пили народную кровь. Насталъ часъ возмездія и справедливости. То, что принадлежитъ имъ — не ихъ, а взято ими у другихъ. Тотъ, кто имѣетъ — тотъ укралъ. Собственность—воровство. Правда наступитъ на землѣ тогда, когда ни у кого ничего не будетъ, но все будетъ у всѣхъ, а потому тотъ, кто беретъ дѣлаетъ правильно, потому что беретъ награбленное. Грабь награбленное, а потомъ разберемся — вотъ въ чемъ углубленіе революціи.

Толпа слушала, затаивши дыханіе. Солдатъ, лущившій рядомъ съ Саблинымъ сѣмечки, такъ и

застылъ съ невыплюнутой шелухой и не сводилъ глазъ съ лица Ленина.

— Муки совѣсти... — продолжалъ Ленинъ, — а тѣ, кто учитъ васъ этимъ мукамъ совѣсти, развѣ имѣетъ совѣсть? Попы васъ обманываютъ, говоря вамъ о Богѣ. Правительство для того, чтобы держать народъ въ рабскомъ состояніи, капиталисты для того, чтобы эксплоатировать народъ придумали религію. Религія — опіумъ для народа. Проснитесь и поймите, что храмы ваши раззолоченныя неуютныя зданія. Долой поповъ! Они заставляютъ васъ думать о небесномъ для того, чтобы вы забыли земное и терпѣливо переносили свое иго. Для чего вы воюете? Я васъ спрашиваю: — для чего? Развѣ нѣмецкій рабочій не такъ же страдаетъ отъ капиталистовъ фабрикантовъ, развѣ крестьянинъ не въ кабалѣ у барона-помѣщика? Ихъ гонитъ на войну кровавый императоръ. Воткните штыки въ землю и черезъ головы своихъ начальниковъ протяните руки мира трудящемуся германскому народу. Помогите ему свергнуть Вильгельма такъ же, какъ вы свергли Николая кроваваго. Миръ, свободу и хлѣбъ несутъ вамъ совѣты и партія большевиковъ! Мы — большевики потому, что мы даемъ больше всего народу. Мы гонимы, потому что мы проповѣдуемъ правду.

На лицѣ идіота то появлялась, то исчезала змѣиная сатанинская улыбка.

— А не антихристъ это товарищи? — прошепталъ пожилой рабочій. — Ишь о Богѣ и о религіи, какъ смѣло и непочтительно говоритъ.

— Господи! Твоя воля! Шпіонъ, нѣмецкій шпіонъ и какое проповѣдуетъ!

— Не мѣшайте товарищъ. О землѣ говоритъ.

— Земля ваша. Берите и владѣйте ею. А, если кто мѣшаетъ вамъ, боритесь съ нимъ. Вы народъ, ваша воля, ваша власть. Возьмите себѣ такое пра-

вительство, чтобы помогало вамъ, а не мѣшало, — неслось съ красной трибуны.

— Это потакать, значитъ, иллюминаціямъ и погромамъ, — сказалъ удивленно прилично одѣтый человѣкъ.

Красное освѣщеніе то вспыхивало сильнѣе, то ослабѣвало и отъ этого кровавыя тѣни прыгали по лицу Ленина и вспыхивали на его лысинѣ.

— У народа есть все, чтобы стать счастливымъ, у него есть сила. Если кто не идетъ съ народомъ, тотъ идетъ противъ народа и того нужно уничтожить. Проще смотрите на это дѣло. Вамъ говорятъ: не нужно смертной казни и мы противъ смертной казни, но мы уберемъ съ дороги всякаго, кто станетъ намъ по пути. Воля народа священна для всѣхъ и кто не понимаетъ этого — тому нечего жить. Человѣчество дѣлаетъ громадный шагъ — отъ государствъ оно переходитъ къ общему сожительству трудящихся людей — кто не понимаетъ этого, тому нечего оставаться здѣсь, того надо убрать. И мы уберемъ съ пути трудящихся всѣхъ генераловъ, мечтающихъ о продолженіи войны, всѣхъ помѣщиковъ, тоскующихъ о землѣ и рабскомъ трудѣ батраковъ, всѣхъ эксплоататоровъ. Земля народу, фабрики рабочимъ, капиталъ государству и миръ всему изстрадавшемуся человѣчеству.

Внезапно погасли красныя лампочки. Балконъ дома Кшесинской погрузился въ темноту и было видно, какъ темныя тѣни поднялись тамъ и стали уходить въ дверь.

— Товарищи! — раздался искренно возмущенный голосъ у рѣшотки. Кто то, взобравшійся на цоколь, кричалъ чуть не со слезами. — Товарищи, какъ же это такъ! Нѣмецкій шпіонъ и прочее, открыто проповѣдуетъ. Ему на веревкѣ висѣть. Можно сказать предатель Рассейскаго государства, и жидова кругомъ его! Какъ же это, товарищи!

— Довольно! Буде!

— Погромщикъ!

— Долой! Долой его!

— И вотъ такъ, — выходя съ Саблинымъ изъ толпы сказалъ Мацневъ, — по нѣсколько разъ въ день. Эта толпа разойдется, вспыхнутъ снова огни, привлекая новую толпу и, когда она соберется, выходитъ этотъ маленькій человѣкъ съ лицомъ идіота и долбитъ свое, какъ дятелъ.

— А правительство?

— Правительство сначала засадило всю эту теплую компанію, прибывшую къ намъ въ запломбированномъ вагонѣ въ крѣпость и хотѣло назначить слѣдствіе, но потомъ по приказу Керенскаго освободило ихъ.

— Керенскаго! О чемъ же онъ думалъ?

— Партійные работники. Вѣдь по существу они одной партіи, — а тамъ большевики, меньшевики это уже подробность. Партійность теперь все. Партія выше государства.

— Кто же въ концѣ концовъ этотъ Ленинъ?

— Пойдемъ ко мнѣ и я тебѣ разскажу то, что говорятъ про него.

XXXII.

Мацневъ жилъ съ женою въ концѣ Пушкинской улицы. У него было двое дѣтей — мальчикъ четырнадцати лѣтъ и дѣвочка шести и оба не отъ него. онъ это зналъ лучше чѣмъ кто либо. Обыкновенно мужъ и жена находились на своихъ половинахъ и бывало такъ, что они по недѣлямъ не видались другъ съ другомъ. Но со времени войны они какъ то подружились, сошлись на общихъ интересахъ войны, а со времени революціи они стали товарищами. Много способствовало этому и то, что Маноцковъ былъ убитъ въ 1915 году во главѣ своего полка и Варварѣ Дмитріевнѣ приходилось скрывать свое неутѣшное горе. Тутъ Мацневъ отнесся къ

ней съ истинно христіанскимъ участьемъ и утѣшилъ ее умною и дружеской бесѣдой. Варвара Дмитріевна была, несмотря на свои сорокъ пять лѣтъ, моложава и красива. Она была умная и образованная женщина. Когда она была въ полку, ее боялись и съ нею совѣтовались, когда нужно было услышать честный разумный совѣтъ.

Варвара Дмитріевна искренно обрадовалась Саблину.

— Варя. Чайку намъ дашь, — сказалъ Мацневъ и Саблинъ съ удивленіемъ услышалъ и это «ты» и это уменьшительное имя. Она всегда была Варвара Дмитріевна и «вы» и обращался съ ней Мацневъ холодно, презрительно.

Они усѣлись въ столовой.

— Такъ вотъ, Саша, Ленинъ этотъ самый является до нѣкоторой степени загадкой.

— Прости, Иванъ Сергѣевичъ, перебила его Варвара Дмитріевна, вы будете говорить о политикѣ.

— Да.

— Я осмотрю комнаты. Не подслушиваютъ ли. Мавра у меня служитъ двадцать лѣтъ, я ее дѣвчонкой взяла и сама воспитала, а теперь такъ и трется у дверей, все старается что либо подслушать и въ комиссаріатъ передать. Павелъ — тоже самъ не свой сталъ. Ливрею надѣвать отказался — это, говоритъ, — мундиръ раба.

— Да, Саша, народъ съума посходилъ. Да и какъ не сойдти, когда слыхалъ, какою философіею его пичкаютъ и какую звѣриную, погромную религію ему проповѣдуютъ. Такъ вотъ о Ленинѣ. Говорятъ о немъ многое. Начну сначала. Въ 1881 году, когда случилось цареубійство, въ Симбирскѣ проживалъ очень богатый помѣщикъ, типичный буржуй Ульяновъ. У него было три сына и дочь. Старшій сынъ оказался замѣшаннымъ въ цареубійствѣ и былъ приговоренъ къ смертной казни. Прокуроръ на мольбы матери о помилованіи сказалъ, что по-

милованіе будетъ навѣрно, если Ульяновъ признаетъ свою вину. Было составлено прошеніе и надо было, чтобы осужденный подписалъ его. Онъ отказался. Приближался день казни. Наканунѣ мать съ младшимъ сыномъ Владиміромъ, которому было тогда одинадцать лѣтъ, отправилась въ камеру, гдѣ помѣщался сынъ, присужденный къ смерти. Цѣлую ночь въ присутствіи жандарма и на глазахъ у Владиміра она простояла на колѣняхъ на холодномъ полу, не спуская глазъ съ сына и протягивала ему перо и бумагу. Сынъ остался непреклоннымъ. На разсвѣтѣ его казнили. Этотъ случай произвелъ страшное впечатлѣніе на мальчика, и сдѣлалъ его почти душевно-больнымъ. Онъ замкнулся самъ въ себѣ. Учился онъ хорошо, но ревниво оберегалъ свою собственность. Онъ не позволялъ списывать съ себя, никогда никому не подсказывалъ, былъ скупъ и разсчетливъ не по лѣтамъ. Его никто изъ товарищей не любилъ. Онъ былъ жестокъ и равнодушенъ къ слезамъ и страданіямъ людей. Въ старшихъ классахъ у него нашли какую то запрещенную брошюру, его исключили изъ гимназіи, положеніе его стало непріятнымъ, можно было опасаться ареста и ссылки, казненный братъ съ того свѣта бросалъ на него тѣнь. Ульяновъ съ сестрою уѣхалъ въ Швейцарію и тамъ сталъ штудировать Маркса и сошелся съ его поклонниками. Онъ усвоилъ ученіе Маркса и переработалъ его на Русскій ладъ. Писать, или проповѣдывать, кромѣ жидкой и плохо составленной брошюры о земельной собственности, да маленькой пошло-революціонной газетки, онъ ничего не писалъ — проповѣдывать... Но ты слыхалъ самъ, какъ онъ говоритъ: — камни ворочаетъ, онъ не ораторъ, да и наружность у него отталкивающая, онъ просто жилъ въ Швейцаріи, пользуясь репутаціей убѣжденнаго марксиста, полупомѣшаннаго, человѣка ненавидящаго Россію и способнаго на любую гнусность, потому что онъ даже и не понимаетъ

и не признаетъ, что это гнусность. Въ 1914 году германскій генеральный штабъ въ поискахъ шпіоновъ и предателей обратилъ вниманіе на достойнаго Владиміра Ильича. Владиміръ Ильичъ носился въ это время съ мечтами о міровой революціи и ему для этого были нужны деньги. Много денегъ. Его взгляды оказались удобными для германскаго штаба и онъ получилъ крупную сумму въ 70 мильоновъ марокъ, за которую и обязался разложить Русскую армію и склонить Россію къ сепаратному миру. Итакъ сумасшедшій, политическій преступникъ, маніакъ, утопистъ, шпіонъ и предатель, о которомъ въ распоряженіи сыскной полиціи были самыя точныя неопровержимыя данныя, прибываетъ съ опредѣленною цѣлью уничтожить и опозорить Россію за нѣмецкія деньги. Объ этомъ знаетъ Керенскій и иже съ нимъ: — вся эта теплая компанія, объ этомъ знаетъ верховное командованіе, объ этомъ знаютъ союзники... Что они дѣлаютъ — ты самъ видѣлъ.

— Шутъ гороховый, — сказалъ Саблинъ.

— Конечно, да, шутъ гороховый. Вѣрно, но этотъ шутъ съ необыкновеннымъ упорствомъ ведетъ свое дѣло. Въ началѣ лѣта нѣкій доблестный донецъ предаетъ своего командира въ руки солдатъ, которые его чуть не разорвали. Слѣдствіе. Донецъ получилъ на это деньги изъ дворца Кшесинской. Всѣ наши слѣдствія о бунтахъ въ войскахъ приводятъ къ одному мѣсту: — дворцу Кшесинской. Дворецъ Кшесинской обиваютъ краснымъ кумачемъ, ввинчиваютъ красныя лампочки, тамъ ежедневно по нѣсколько разъ появляется этотъ шутъ гороховый и говоритъ свои страшныя рѣчи. Скажи мнѣ, Саша, кто виноватъ? Германскій генеральный штабъ, который, изнемогая въ борьбѣ съ врагомъ, рѣшилъ пустить такіе удушливые газы, которые бы задушили мозги Русскаго народа?

— Нѣтъ, — сказалъ Саблинъ.

— Я зналъ, что ты скажешь это «нѣтъ». Я зналъ, что ты справедливъ. На войнѣ всѣ средства позволены. И это уже наше дѣло парализовать работу непріятеля. Что же, Ленинъ виноватъ, въ томъ, что онъ разрушаетъ армію? Но вѣдь знаютъ, кто онъ такой, его формуляръ имѣется отъ юныхъ дней, знаютъ и откуда онъ пріѣхалъ и для чего и съ какими деньгами. Нѣтъ, и Ленинъ не виноватъ, — а виновато правительство и народъ. Да и народъ я откину. Виноватъ во всемъ Керенскій и иже съ нимъ. Но, слушай дальше. Теперь говорятъ, что и Ленинъ не Ульяновъ вовсе, что настоящаго Ленина въ Берлинѣ подмѣнили, посадили подъ арестъ, а вмѣсто него прислали похожаго на него, спеціально на такое гнусное дѣло натасканнаго жида. Даже и фамилію мнѣ называли: — Сегаль. Потому что, говорятъ, никакой Русскій не способенъ на такую великую гнусность. Ну, милый другъ, на какую великую гнусность могутъ быть способны Русскіе люди, это тебѣ показываетъ вся исторія такъ называемаго добровольнаго отреченія Императора Николая II и нашей безкровной великой революціи, со всѣми ея завоеваніями. Но и это не все. Есть и еще версія. Русское общество любитъ таинственность. Ему дай Пугачева, а сзади него поставь таинственнаго Петра Өеодоровича. Такъ и тутъ — Ленинъ молъ Ленинымъ, но онъ ничто, и германскій генеральный штабъ ничто и деньги — это все пустяки. Ленинъ де слѣпое орудіе въ рукахъ таинственнаго антихристова братства масоновъ, всемірнаго еврейскаго союза, составленнаго съ цѣлью погубить христіанство и подчинить весь міръ евреямъ. Сто лѣтъ тому назадъ наши прадѣды игрались со звѣринымъ числомъ 666 и рылись въ Апокалипсисѣ, отыскивая черты Антихриста въ Наполеонѣ, мы роемся теперь въ каббалѣ и отыскиваемъ истины въ Сіонскихъ протоколахъ. Да, есть и такая книжка. Нѣкто Нилусъ и почтенный человѣкъ притомъ, на дняхъ вы-

пустилъ ее, не знаю какимъ уже изданіемъ. Иду какъ то въ іюльскій день по Литейному. Большевики бунтуютъ. Трупы казаковъ и казачьихъ лошадей еще не убраны. Вдругъ вижу большой нарядъ милиціи у книжнаго магазина и вся лавка на изнанку вывернута.

— Въ чемъ дѣло, товарищи, спрашиваю.

А бравый милицейскій, видать, какимъ то чудомъ изъ бывшихъ городовыхъ взятый и рапортуетъ мнѣ.

— Распоряженіе господина Керенскаго, чтобы книгу Нилуса «Сіонскіе протоколы» изъять изъ обращенія. Вредная, сказываютъ, книга.

Вотъ тебѣ, и свобода печати, подумалъ я. Вотъ тебѣ и завоеванія революціи. Совсѣмъ это, какъ при проклятомъ Царизмѣ дѣлается. Да и книга видно хороша, что въ такое тревожное время ее отъискивать надо.

Мацневъ допилъ чай и увидавши, что Саблинъ отказался отъ него, сказалъ:

— Пройдемъ въ кабинетъ и я тебѣ покажу кое что, что заставляетъ такъ говорить о Ленинѣ.

XXXIII.

— Кури, милый другъ, я знаю,что ты не можешь безъ этого. Саша, мы стоимъ передъ тайной открыть которую не можемъ. Ты слыхалъ слова Ленина — «Бога нѣтъ. Религія—опіумъ для народа». Да такъ ли? Бога нѣтъ, а чортъ есть? Діаволъ существуетъ, а существуетъ діаволъ — значитъ и Богъ есть. Есть темное, есть и свѣтлое. Если брошена тѣнь, то есть источникъ свѣта, который эту тѣнь бросилъ. Мы изобрѣли безпроволочный телеграфъ, удушливые газы, мы заставили электричество работать на себя, мы додумались Богъ вѣсть до какихъ откровеній, а мы проглядѣли то, что параллельно съ кроткимъ

ученіемъ Христа, которое мы забросили и забыли, существуетъ ученіе противоположное.

Мацневъ досталъ съ полки шкафа книгу и бросилъ ее на столъ передъ Саблинымъ.

— Смотри Саша. Эта книга давно у меня. Я купилъ ее въ 1907 году въ Парижѣ, тогда, когда мы и не думали, ни о войнѣ съ Германіей, ни о революціи, ни тѣмъ болѣе о Ленинѣ. Это сочиненіе Jean Bidegain — „Masques et Visages Maçonniques", documents inédits, издана въ 1906 году, librairie Antisémite, 45, Rue Vivienne. Paris. У насъ за одинъ заголовокъ назвали бы книгу погромной. На обложкѣ древняя маска и алый уголъ ленты съ крестами и фригійскимъ колпакомъ, папскій наперстный крестъ. Эпиграфомъ стоитъ:— „En premier lieu, arrachez à la Franc-Maçonnerie le masque dont elle se couvre, et faites-la voir telle qu'elle est" Leon XIII».*) Она начинается историческими примѣрами вѣроломства масоновъ. А вотъ на страницѣ 10 я уже читаю и выводы: —

— «Мы должны отмѣтить въ теченіе почти двухъ вѣковъ во всѣхъ странахъ и во всѣ времена, крайнее противорѣчіе между словами франкъ-масоновъ и между дѣлами ихъ, между принципами, которые они проповѣдуютъ публично и между событіями, которыя они подготовляютъ терпѣливою оккультною работою...

— «Внимательное изученіе франкъ-масонства и его дѣятельности, приводитъ насъ къ тому, что нельзя судить о масонахъ по тѣмъ маскамъ, которыми имъ хочется прикрыть свое истинное лицо, ни по ихъ публичнымъ рѣчамъ, но съ самаго ихъ появленія у нихъ существуетъ свой секретный планъ, который не знаетъ большинство ихъ учени-

*) Прежде всего сорвите маску съ франк-масоновъ, которою они прикрываются и посмотрите на нихъ, какъ они есть. Левъ XIII.

ковъ, но который проводится ими послѣдовательно, широкими штрихами. Средствомъ проведенія этого плана въ жизнь является уничтоженіе интеллигентныхъ силъ и средствъ, традицій и вѣры, которыя составляютъ скелетъ и основу всякаго отечества.

—«Въ частности во Франціи»,—вѣдь это пишетъ французъ,—«работа масоновъ заключается въ трехъ видахъ быстро и точно ведомой борьбы: борьбы противъ католической церкви; борьбы противъ всякаго правительства, обладающаго сильнымъ авторитетомъ; разрушенія основъ всякаго общества:—семьи, собственности, идеи Родины»... Но развѣ, Саша, не то же въ Россіи? Разрушеніе вѣры, низверженіе царской власти и устраненіе всякаго авторитетнаго правительства. Повѣрь мнѣ, при такой работѣ Наполеону не появиться и развѣ это не есть точное и систематическое проведеніе въ жизнь ученія таинственной еврейской каббалы: — и лучшаго изъ гоевъ убей!....

— Какъ то разъ, — сказалъ Саблинъ, еще до революціи, въ пору тяжелой тоски и душевныхъ исканій, я зашелъ въ окопъ къ одному полусумасшедшему маніаку капитану Верцинскому. Его длинная и несвязная бесѣда намекала мнѣ о томъ же, но не хотѣлось этому вѣрить. Какъ можетъ это быть? Вѣдь это конецъ культуры. Это кончина міра. Верцинскій мнѣ намекалъ, что всѣмъ міромъ тайно правятъ семьдесятъ мудрецовъ и сколько я могъ понять — масоновъ, которые исполняютъ работу Сатаны. Но какъ же могутъ они это дѣлать?

— А вотъ, читай. Читай, Саша, и убѣдись, что это не я придумалъ теперь, когда вижу господъ Гучковыхъ, Керенскихъ, Лениныхъ и прочихъ, но это написано и напечатано одинадцать лѣтъ тому назадъ и далеко отъ насъ.

— «Теперь», — пишетъ Бидегенъ, — «франкъ-«масоны набираютъ своихъ слугъ среди карьери-«стовъ всякаго рода, между медиками, адвокатами

«и въ простомъ народѣ. Они не гнушаются, — на-
«противъ, они привлекаютъ къ своимъ работамъ
«алкоголиковъ, дегенератовъ и полусумасшедшихъ
«идіотовъ, словомъ людей всегда способныхъ и гото-
«выхъ, когда то потребуется, возобновить всѣ ужасы
«Террора»....

— Саша, повторяю, я это не выдумалъ, я это читаю по старой, потрепанной книгѣ. Слушай-же, что происходитъ въ Россіи. У насъ былъ Государь. Пускай ничтожный слабовольный, не очень умный, но онъ былъ честный. Онъ горячо и свято любилъ Родину и слово Россія было священно для него. Онъ былъ глубоко вѣрующій человѣкъ. Распутинъ — это частность — это уклонъ въ сторону мистики, да и Распутинъ не отъ масоновъ ли, то есть отъ діавола? Англійское и французское золото устраиваютъ его сверженіе. Характерная подробность: — народныя толпы и солдаты идутъ 28-го февраля къ Таврическому Дворцу и тамъ Родзянко имъ говоритъ, что Государь отрекся отъ Престола. Государь подписалъ актъ отреченія 2-го марта. Что сіе? Провидѣніе, увѣренность въ своихъ дѣйствіяхъ, или масонская хитрость?... Итакъ свергли Государя, неугоднаго масонамъ. На его мѣсто надо поставить карьериста, сумасшедшаго идіота, словомъ лицо, которое стало бы слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ масоновъ. Но само избирается Временное Правительство изъ благодушныхъ Русскихъ интеллигентовъ и болтуновъ и во главѣ благонамѣреннѣйшій, патріотично настроенный князь Львовъ. Удержись такое правительство: — вся работа масоновъ на смарку. Стоило ли тогда огородъ городить. Но сейчасъ же вспыхиваетъ неизвѣстно кѣмъ избранный и откуда взявшійся совѣтъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ въ Смольномъ. Весь президіумъ состоитъ изъ псевдонимовъ и псевдонимы прикрываютъ жидовъ. Подъ ними сѣрое послушное стадо. Вотъ уже это масонское учрежденіе. 20-го апрѣля вольноопредѣляю-

щійся Линде выводитъ на площадь Маріинскаго дворца Финляндскій полкъ и несутъ флаги съ надписями — «долой временное правительство», «да здраствуетъ совѣтъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ». Слѣдствіе показываетъ, что солдаты за эту демонстрацію получили по двадцати пяти рублей и сами не понимали чего они требовали, они дѣйствовали, какъ статисты — результатомъ: соглашеніе съ Совѣтомъ. Линде назначаютъ комиссаромъ на юго-западный фронтъ — это за бунтъ-то!, а Керенскаго сажаютъ вмѣсто Львова. Чистая работа не правда ли? Теперь масоны могутъ быть спокойны. Россія находится въ рукахъ соотвѣтствующихъ людей — во главѣ ея карьеристъ, дегенератъ, кокаинистъ Керенскій, а подъ нимъ выявляетъ свое сатанинское лицо Ленинъ. Это идіотъ и сумасшедшій, который ни передъ чѣмъ не остановится. Все что можетъ противодѣйствовать развалу сметается съ пути и масоны быстро идутъ къ своей цѣли завоеванія міра. Вѣдь это, Саша, предсказано, это написано десять лѣтъ тому назадъ и напечатано. Слѣдующая очередная задача — свалить императора Вильгельма. Поживемъ — увидимъ.

— Ты такъ разсказываешь, что приходится невольно вѣрить, но какъ то не хочется вѣрить. Судьбы народовъ, націи и государствъ въ рукахъ семидесяти таинственныхъ евреевъ, весь міръ подъ угрозою удара еврейства. И вспомнишь погромы! Ну допустимо ли это?

— А факты? Гдѣ мягкотѣлый Родзянко, гдѣ хитрый, но все таки вѣрующій Поливановъ, для котораго Россія была величина, гдѣ Гучковъ, драпировавшійся въ тогу патріота? И полугода не прошло, какъ мы уже стоимъ передъ лицомъ анархіи. Теперь говорятъ о Корниловѣ. Это имя. Это горячій патріотъ и видимо сильный человѣкъ. Но о Корниловѣ только заговорили, какъ травля его пошла по всему фронту

и ты послушай, что говорятъ про него солдаты. Чья работа?

— Иванъ Сергѣевичъ, но если допустить до этого, то вѣдь это ужасъ. Я могу бороться съ нѣмцами, съ французами, англичанами, могу бороться съ соціалистами, кадетами, но бороться съ таинственной, нечистой силой, чѣмъ и какъ я могу? Какими удушливыми газами пройму я ихъ, когда они неуязвимы. Что же дѣлать? Чѣмъ бороться?

— Христіанскою вѣрою! — отвѣтилъ послѣ долгаго, торжественнаго молчанія Мацневъ, — крестнымъ знаменіемъ!!

XXXIV.

На другой день Саблинъ поѣхалъ въ Могилевъ, въ Ставку. Всю дорогу онъ думалъ о своемъ послѣднемъ разговорѣ съ Мацневымъ. Мацневъ, циникъ невѣрующій, избѣгавшій ходить въ церьковь, не признававшій таинствъ заговорилъ о Христѣ и оБогѣ. Мацневъ примирился съ женою, съ которою не говорилъ лѣтъ двадцать и смотрѣлъ на нее, какъ на постороннюю женщину. Что же произошло въ немъ? Саблинъ читалъ въ вагонѣ ту французскую книгу, которую ему далъ Мацневъ. Да, актами доказано, что французская революція и казнь Людовика Филиппа были приготовлены въ масонской ложѣ и это дѣло этого общества.

... „Ce fut sous l'Empire que la Franc-Maçon-„nerie française", — читалъ онъ, „parvint à son „dégré le plus haut de prospérité. En 1810, elle comp-„tait 878 Loges, dont 65 Loges militaires; en 1814, „905 Loges, dont 73 militaires. Les ateliers militaires, „qui se réunissaient là où se trouvaient les régiments „au sein desquels ils avaient été fondés, furent les agents „les plus puissants de la dissémination, à travers l'Europe, „de la Franc-Maçonnerie et des principes de la Révolu-„tion. L'armée française était, à cette époque, l'instru-

„ment de la Franc-Maçonnerie. Elle en est aujourd'huis „la victime. On se servit d'elle, comme on se servit „de l'aristocratie, au moment où son concours était „nécessaire et assurait, a l'Ordre maçonnique, une force „d'action qui, cent ans plus tard, permettait d'instituer „impunément le systeme des fiches". *)

Саблинъ думалъ, были ли такія военныя ложи въ Россіи? Онъ не считалъ, конечно, того внѣшняго масонства, которое существовало въ Россіи въ началѣ прошлаго вѣка и которое было просто модою. Оно не играло никакой роли въ судьбахъ Россіи. А теперь? Рылѣевъ и Пестель — южное общество — имѣли они связь съ масонами? При Русскомъ общительномъ характерѣ и болтливости возможна ли тайная работа ложъ? Вотъ про ихъ бывшаго адъютанта Самальскаго говорили, что онъ масонъ, но въ чемъ проявилась его дѣятельность въ полку? Самальскій былъ приличный офицеръ, снобъ, и больше ничего. Про Г. говорятъ, что онъ масонъ—это уже серьезнѣе. Загадоченъ его взглядъ сквозь тусклые очки и когда онъ быстро, красиво и логически говоритъ, то всегда чувствуешь, что онъ говоритъ не то, что онъ думаетъ и что языкъ ему данъ для того, чтобы скрывать свои мысли.

---

*) Во времена Имперіи французское франкъ-масонство достигло наибольшаго процвѣтанія. Въ 1810 году оно насчитывало 878 ложъ въ томъ числѣ 65 военныхъ; въ 1814, — 905 ложъ, въ томъ числѣ 73 военныхъ. Военныя ложи собиравшіяся тамъ, гдѣ находились тѣ полки, въ которыхъ онѣ были основаны, явились наиболѣе могущественными агентами распространенія по всей Европѣ франкъ-масонства и принциповъ революціи. Въ это время французская армія служила орудіемъ франкъ-масонства. Теперь она его жертва.

Ею пользовались, какъ пользовались аристократіей, тогда, когда необходимо было ея участіе и обезпечивали за масонскимъ орденомъ такую силу дѣйствія, которая спустя сто лѣтъ, позволила установить безнаказанно систему сыска.

Масонство подразумѣваетъ высшій разумъ. Масонство хитро и изворотливо. Оно поняло, что Русская аристократія прогнила, что высшее общество стало не способно не только на творческую работу, но и на серьезную работу разрушенія и агентовъ для сатанинской дѣятельности оно искало въ низахъ.

Верцинскій? Тѣ прапорщики Осетровъ, Гайдукъ и Шлоссбергъ которыхъ онъ выгналъ?

Нѣтъ. Первый—типичный непротивленецъ и отрицатель всего, остальные просто озорники и охальники, разбойники съ большой дороги. Въ Россіи масонство пошло смѣлыми шагами непосредственно черезъ евреевъ. Откуда вдругъ эта любовь къ евреямъ среди солдатъ?—«Жиды тѣ же люди!» «Еще много лучше многихъ Русскихъ будутъ!» Откуда? Но только не отъ масонства, а отъ того, что жиды снимаютъ тѣ цѣпи, которыя сдерживали Русскихъ людей. Долой войну! Грабь награбленное! — вотъ тѣ лозунги, за которыми потянулась Русская солдатня. Самимъ барами стать, самимъ въ цвѣтныхъ платьяхъ ходить, самимъ въ барскія хоромы лѣзть. Не характерно ли то, что герои революціи, проповѣдующіе свободу, равенство и братство первымъ дѣломъ лѣзутъ во дворцы и зарываются въ роскошь, которая имъ совсѣмъ не къ лицу. Керенскій въ Зимнемъ дворцѣ, бабушка Русской революціи туда же претъ и все это крадетъ, что только можно и тащитъ все, что подъ руку попало.

Если допустить масонство, то надо допустить, что есть и Русская революція, но вѣдь революціи нѣтъ, а есть наглый, жадный Русскій бунтъ съ жадными «долой» и беззастѣнчивымъ грабежомъ и частнаго и государственнаго имущества. Для этого масоновъ не нужно.

И опять Саблинъ чувствовалъ себя въ тупикѣ. Ахъ, какъ счастливы были наши отцы и дѣды! Мы скоро разучимся смѣяться, какъ смѣялась Наташа

Ростова съ Николаемъ, мы уже забываемъ радости широкаго Русскаго быта съ его преданіями, пѣснями, сказками, съ его раздольемъ — и что даемъ мы вмѣсто всего этого? Зависть, злобу, хриплое пѣніе интернаціонала и злобное: «мы на горе всѣмъ буржуямъ міровой пожаръ раздуемъ». Поджигатели чужого добра, карманные воры, палачи и убійцы — вотъ наши вожди и герои! А не масоны.

Графъ Милютинъ, насадившій либерализмъ въ Арміи, Михаилъ Ивановичъ Драгомировъ, хитрый хохолъ, разведшій доносы и анонимки, гр. Левъ Николаевичъ Толстой сбросившій святость обрядовъ православной церкви и надругавшійся надъ всѣмъ... не масоны-ли?

Декаденты, футуристы, кубисты, кокаинисты, неврастеники, физическіе и нравственные импотенты — не масоны-ли?

Есть много степеней масонства. Тамъ, на верху сидятъ семьдесятъ мудрецовъ и никто не знаетъ кто они, а внизу толпа ихъ слугъ и приспѣшниковъ валитъ церковь, валитъ тронъ, ругается надъ алтарями, разрушаетъ семью.

Кто сочинилъ жедныя разбойныя слова коммунистической марсельезы? Кто написалъ кровавый интернаціоналъ, который учатъ пѣть рабочихъ и дешевыхъ проститутокъ?

Никто не дасть намъ избавленья —
Ни Богъ, ни царь и не герой.
Добьемся мы освобожденья
Своей лишь собственной рукой·

Герои, таланты, люди, отмѣченные Богомъ не нужны. Признать талантъ — признать Бога. А Бога нѣтъ. А нѣтъ Бога остается одна бездарность, которая и должна ползти наверхъ и творить свое скучное идіотское дѣло.

А наверху, семьдесятъ таинственныхъ, невѣдомыхъ и не знаемыхъ смотритъ и ждетъ, когда на-

родъ дойдетъ до полнаго одичанія, чтобы тогда наложить на него цѣпи и поработить его навсегда.

Нѣтъ! Не вѣрю! Было и прошло. Явится Русскій вождь, Русскій именемъ, духомъ и вѣрою и осѣнитъ себя крестнымъ знаменіемъ Русскій народъ и отметнется сатаны и всего дьявольскаго навожденія и опять станетъ свѣтлое счастье на Руси и Христосъ воскресе, и цѣлованіе братское и красное яичко и весна красна!... Не можетъ, быть чтобы кровь и вѣчное убійство человѣкъ предпочелъ ликующему счастью творчества.

Избавитель идетъ. Народный герой, народный избранникъ — Корниловъ.

XXXV.

Саблинъ пріѣхалъ въ Ставку рано утромъ. Отъ вокзала до штаба ежедневно въ девять часовъ утра ходилъ автомобиль для отвоза пріѣзжающихъ по службѣ въ Ставку.

Въ Могилевѣ Саблинъ нашелъ приподнятое настроеніе. Былъ теплый солнечный день. Сильный вѣтеръ носилъ тучи пыли, шумѣлъ въ листвѣ высокихъ пирамидальныхъ тополей и гонялъ бумажки по улицѣ. Въ ожиданіи пріема главнокомандующимъ Саблинъ пошелъ пѣшкомъ къ своему знакомому генералу Самойлову. Чувствовалось, что городъ переполненъ войсками. Въ каждомъ домѣ, въ каждой квартирѣ были солдаты и офицеры. Большинство толпилось безъ всякаго дѣла у воротъ домовъ, лущило сѣмечки, но здѣсь въ Ставкѣ солдаты имѣли болѣе подтянутый видъ и многіе еще съ подчеркнутой старательностью отдавали Саблину честь. Здѣсь Саблинъ въ первый разъ увидалъ Корниловскіе ударные батальоны. Это была ужасная идея: — выбрать все лучшее и свести въ отдѣльныя части. Масса лишилась опоры, лишилась своего скелета и

развалилась, а скелетъ былъ безъ мяса и потому безъ силы.

Саблинъ часто встрѣчалъ бравыхъ солдатъ и унтеръ офицеровъ, большинство съ георгіевскими крестами, хорошо одѣтыхъ, отлично выправленныхъ съ сухощавыми осмысленными лицами. На рукавѣ у нихъ былъ нашитъ голубой полотнянный щитъ, на которомъ бѣлой масляной краской аляповато была нарисована Адамова голова и написано «Корниловецъ».

Тяжелое впечатлѣніе жалкой бутафоріи произвели эти нарукавные знаки на Саблина. Они показывали безсиліе вождя. Конвой, опора вождя, его ударная часть должна была быть и одѣта богато, изящно съ эмблемами побѣды, а не смерти. Такъ было всегда. Такъ учила насъ и военная исторія. Отъ нарукавныхъ знаковъ Корниловскихъ войскъ вѣяло дешевымъ балаганомъ.

На дивныхъ текинскихъ лошадяхъ, въ нарядныхъ халатахъ съ громадными чалмами на головахъ проѣхалъ взводъ текинцевъ и Саблинъ невольно залюбовался ими. Холодными презрительными глазами смотрѣли они на толпящихся у домовъ солдатъ.

Самойловъ жилъ въ комнатѣ, реквизированной у обывателей. Въ большой по провинціальному обставленной, гостиной, между роялемъ и диванчикомъ съ трельяжемъ съ искусственнымъ виноградомъ стояла постель, тутъ же столъ съ разбросанными на немъ бумагами, картами и книгами и стаканомъ недопитаго чая, въ которомъ плавали мухи. Папиросные окурки валялись повсюду — въ горшкахъ съ цвѣтами и растеніями, на полкѣ камина, на полу, въ умывальномъ тазу съ грязной водой, стоявшемъ на золоченомъ стуликѣ. Неряшливость обитателя, военная распущенность, которую къ концу войны пріобрѣли многіе офицеры, привычка смотрѣть на чужое имущество, какъ на мусоръ, об-

служиваніе грязнымъ, лѣнивымъ, нерадивымъ деньщикомъ сказывались во всемъ .

Было десять часовъ утра. Самойловъ еще не одѣтый, въ однихъ штанахъ и рубашкѣ что то поспѣшно писалъ на телеграфномъ бланкѣ. Узнавши кто къ нему пришелъ, онъ приказалъ просить.

— Извините, Александръ Николаевичъ, за безпорядокъ. Но теперь живешь по свински. Зачѣмъ пожаловали?, — сказалъ Самойловъ, расчищая мѣсто куда бы посадить гостя. Наконецъ увидавши, что на каждомъ стулѣ, или креслѣ лежало что либо, онъ сѣлъ самъ на неубранную всклокоченную постель, а Саблину пододвинулъ стулъ, на которомъ сидѣлъ.

— И вы, какъ бабочка на огонь, летите сюда, въ нашу... въ нашу... Вотъ и слова не найду.

— Я здѣсь проѣздомъ въ отпуску и счелъ долгомъ представиться своему верховному главнокомандующему, котораго послѣ его выступленія въ Московскомъ совѣщаніи я глубоко уважаю, сказалъ Саблинъ.

— Нашли время представляться, — сказалъ желчно Самойловъ. — Да вы что же ничего не знаете?

— То есть что же я долженъ знать?, спросилъ Саблинъ.

— Сейчасъ только, — сказалъ Самойловъ, — Корниловъ въ широко опубликованномъ приказѣ объявилъ Керенскаго измѣнникомъ, готовящемъ гибель Россіи.

— Слава Богу!, воскликнулъ Саблинъ.

— Погодите еще славословить. Керенскій объявилъ въ свою очередь Корнилова измѣнникомъ, контръреволюціонеромъ, стремящимся къ реакціи и идущимъ противъ всѣхъ завоеваніи революціи. Оба кричатъ, что они демократы.

— Ну и что же?, сказалъ Саблинъ.

Самойловъ внимательно, умными глазами посмотрѣлъ на Саблина.

— Вижу, что затуманились богатырскія очи. Правильно, Александръ Николаевичъ, понимать дѣло изволите. На чьей сторонѣ правда?

— Ну, конечно, на сторонѣ Корнилова.

— Правильно, Александръ Николаевичъ. А сила? Толпа, масса вся за Керенскаго. Къ нему примкнули всѣ тѣ прохвосты и негодяи, которыхъ иначе ожидаетъ разстрѣлъ. А солдаты, продающіе обмундированіе на Александровскомъ рынкѣ, а почетный орденъ великихъ дезертировъ — все это за Керенскаго. Онъ адвокатъ всякой подлости, онъ укрыватель палачей, казнившихъ генераловъ и офицеровъ, онъ защитникъ нѣмецкихъ шпіоновъ и вся эта пакость за него.

— Но вѣдь все это разлетится отъ одного хорошаго пушечнаго выстрѣла.

— Правильно, Александръ Николаевичъ. Но кто будетъ стрѣлять? Корниловъ, понимаете ли младшій, а по нашему генерально-штабному обычаю не принято раньше батьки въ петлю лѣзть. Въ Псковѣ сидитъ Главкосѣвъ Клембовскій — съ кѣмъ онъ пойдетъ, а? На кого карту поставитъ? Пойдетъ съ Корниловимъ и прогоритъ: — петля, пойдетъ съ Керенскимъ и прогоритъ: — разстрѣлъ. А? Какова комбинація. А не умоетъ ли онъ руки, не созоветъ ли совѣтъ, не забронируется ли комиссарами и сдѣлаетъ, какъ они прикажутъ? Тамъ Войтинскій и Станкевичъ, — друзья Керенскаго, ярые сторонники углубленія революціи, тамъ Бончъ-Бруевичъ, — онъ товарищъ мой, ловкій парень, изъ совѣта не выходитъ, тамъ вашъ другъ Пестрецовъ, съ которымъ и вы и я на «ты». Этотъ опредѣленно сказалъ, «теперь сила за солдатами и я съ ними. Они — мой царь». Скажите надеженъ Псковъ? Да, правда, въ Петербургѣ есть какая то офицерская организація, которая за Корни-

лова, но не очень то я вѣрю во всѣ эти организаціи. Теперь что же имѣетъ Корниловъ? Третій конный корпусъ Крымова, Туземную дивизію, которые спѣшно разворачиваютъ въ Армію и ударные баталъоны. Начну съ послѣднихъ. Вы ихъ видали?

— Видалъ. Зачѣмъ на нихъ эту бутафорію нацѣпили?

— Не въ бутафоріи, Александръ Николаевичъ, дѣло, а въ томъ, что и они ненадежны.

— Въ какомъ смыслѣ? спросилъ Саблинъ.

— Въ прямомъ. Заявили черезъ своихъ делегатовъ, что они со своими драться не будутъ. Надежны у насъ только туркмены. Эти не выдадутъ. Но слушайте дальше. Итакъ Корниловъ объявляетъ: — „я сибирскій казакъ и сынъ крестьянина" и такъ далѣе — демократическій приказъ. Хорошо это или нѣтъ?

— Не знаю право?

— Вотъ то то и оно то. Сынъ крестьянина и сибирскій казакъ, вѣдь это иными словами говоря свой, значитъ и слушаться не надо. Въ случаѣ чего — „долой" и крышка. Ихъ втемяшить можно только однимъ: — „союзники требуютъ немедленнаго возстановленія фронта, грозятъ въ противномъ случаѣ высадить большія силы и перестрѣлять всѣхъ черезъ десятаго, а Керенскаго, какъ измѣнника Россіи и имъ, требуютъ повѣсить". Это воздѣйствовало бы. Воздѣйствовало бы и появленіе „Божіею милостью, мы императоръ и самодержецъ", — а то — сибирскій казакъ и сынъ крестьянина. Психологія не учтена. Вѣдь какъ никакъ шагъ наполеоновскій, ну значитъ и шагать нужно по наполеоновски. Впереди всѣхъ, — пушку къ Смольному, и самому передъ нею. Такое дѣло изъ кабинета не сдѣлаешь. Ну да посмотримъ! Идете уже?

— Да, мнѣ къ одинадцати назначено.

— Ну, храни васъ Богъ.

Саблинъ направился къ дворцу.

XXXVI.

По дворцовой лѣстницѣ было движеніе людей одни поднимались, другіе спускались. Верховный главнокомандующій былъ занятъ. Саблина просили подождать на площадкѣ лѣстницы. Къ нему привязался офицеръ съ искусственною ногою и забинтованною головою, полный инвалидъ и видимо ненормальный.

— Я, — говорилъ онъ, — сейчасъ съ засѣданія союза инвалидовъ. Мы всѣ единогласно постановили идти съ Корниловымъ. Его дѣло правое, святое дѣло. Онъ заступился за офицеровъ. Пора прекратить это безобразіе.

Его видъ, его слова смущали Саблина. „Плохо", думалъ онъ, „дѣло Корнилова, если инвалидамъ приходится думать о его защитѣ. „Плохо", думалъ онъ „государство, которое не заботится о своихъ инвалидахъ и имъ приходится устраивать союзы. Послѣднія времена настали. Плохо, если офицеръ противополагается солдату".

Дежурный адъютантъ выскочилъ на площадку и обратился къ Саблину.

— Главнокомандующій васъ проситъ. Но только на одну минуту.

Онъ провелъ Саблина въ кабинетъ, въ которомъ было два стола и нѣсколько стульевъ. Начальникъ штаба встрѣтилъ его.

— Главнокомандующій вышелъ, — сказалъ онъ. Онъ сейчасъ вернется.

Начальникъ штаба смотрѣлъ на Саблина и ничего не говорилъ, молчалъ и Саблинъ. Что могъ онъ сказать, — генералъ безъ солдатъ, командиръ корпуса безъ корпуса.

Дверь быстро и широко распахнулась и въ нее рѣшительными твердыми торопливыми шагами вошелъ невысокаго роста крѣпкій человѣкъ. Онъ высоко несъ маленькую сухую голову съ черными волосами и черными небольшими усами. Изъ

подъ тонкихъ бровей остро и пытливо смотрѣли маленькіе, блестящіе, косо поставленные глаза. Въ немъ было благородство жестовъ и обаяніе движеній, которыя не могли ускользнуть отъ Саблина. Онъ протянулъ руку Саблину и быстро спросилъ его:

— Съ нами вы, генералъ, или противъ насъ?

— Я съ тѣми, сказалъ твердо Саблинъ, кто желаетъ добра и счастія Россіи. Я съ тѣми, кто спасаетъ армію и ея честь. Я съ вами ваше превосходительство.

— Сама судьба посылаетъ мнѣ васъ. Вы съ обстановкою знакомы?

— Очень мало.

— Я приказалъ арестовать временное правительство. Я беру бремя власти на себя для того, чтобы возстановить порядокъ. Конная армія Крымова двинута на Петроградъ. Я думаю, что Крымовъ уже въ Петроградѣ. Поѣзжайте туда же. Вы мнѣ будете тамъ нужны.

— У насъ мягко замѣтилъ начальникъ штаба, ваше превосходительство, еще нѣтъ никакихъ данныхъ считать, что Крымовъ въ Петроградѣ. Не будетъ ли осторожнѣе направить генерала въ Псковъ къ Клембовскому, который очень нуждается въ твердыхъ людяхъ.

Корниловъ быстро посмотрѣлъ на начальника штаба.

— Вы правы, сказалъ онъ. Поѣзжайте въ Псковъ. Явитесь тамъ къ Клембовскому и получите указанія, что вамъ дѣлать.

— Когда прикажете ѣхать? наклоняя голову сказалъ Саблинъ.

— Сейчасъ, — сказалъ Корниловъ, пожимая ему руку и давая тѣмъ понять, что аудіенція его окончена.

— Поѣздъ отходитъ въ два часа, сказалъ начальникъ штаба. Я распоряжусь, чтобы въ штабномъ вагонѣ вамъ было мѣсто.

Въ два часа дня Саблинъ въ отдѣльномъ купе, одинъ, поѣхалъ изъ Могилева. Онъ все читалъ ту же книжку о масонахъ и ему начинавшаяся политическая борьба рисовалась, какъ борьба бѣлаго съ чернымъ, борьба христіанства съ діаволомъ. Кто побѣдитъ? Саблинъ былъ очень хорошій кавалерійскій начальникъ. Три года войны, такія блестящія дѣла, какъ прорывъ у Костюхновки научили его военному глазомѣру. Въ умѣ онъ подсчитывалъ силы Корнилова, двинутыя на Петроградъ. 1-ая Донская казачья дивизія, Уссурійская конная дивизія, Кавказская туземная дивизія, Дагестанскій и Осетинскій конные полки, всего восемьдесятъ шесть эскадроновъ и сотень или, считая кругомъ по сто человѣкъ въ эскадронѣ — 8.600 всадниковъ. Немного противъ стотысячнаго гарнизона Петрограда съ его матросами и революціонными казаками. Но, зная настроеніе солдатъ гвардіи, Саблинъ рисовалъ себѣ, какъ туманнымъ осеннимъ утромъ, одновременно, вдоль Невы, по Шлиссельбугскому тракту появится кавказскій туземный корпусъ, по Московскому тракту отъ Царскаго села Уссурійская дивизія и по Петергофскому тракту — Донцы. Онъ видѣлъ растянутыя на многія версты колонны съ выкинутыми впередъ лавами, онъ видѣлъ суматоху въ гарнизонѣ, митинги, «выступать или нѣтъ», онъ зналъ, что громадное большинство офицеровъ на сторонѣ Корнилова. Потомъ онъ видѣлъ конныя части, галопомъ скачущія по городу, аресты, револьверную стрѣльбу и Корнилова въ украшенномъ русскими флагами автомобилѣ на площади у Зимняго дворца. Должно удасться, думалъ онъ. Должно...

Скорый поѣздъ шелъ поразительно точно. Онъ рѣдко останавливался на станціяхъ, постоитъ двѣ, три минуты и идетъ дальше. Вагонъ мягко покачивался, клонило ко сну и Саблинъ заснулъ.

Онъ проснулся въ пять часовъ, когда еще было темно. Онъ смотрѣлъ на хмурый осенній пейзажъ

такъ знакомыхъ ему по маневрамъ окрестностей Петербурга. Наступалъ разсвѣтъ. День обѣщалъ быть хорошимъ. На голубѣющемъ небѣ угасали звѣзды. Лохматыя облака, похожія на клубы пара носились вверху. Мимо проносились лѣса, ива съ полуголыми вѣтвями, осыпанными жолтыми узкими листьями трепетала на вѣтру. Болота набухли водою. Кривая березка росла по нимъ. У станціи видны были сѣрыя дачи съ заколоченными окнами, клумбы съ помятыми побурѣвшими георгинами и астрами. У палисадника открыта калитка. Валяется бумага. Кордонка изъ подъ большой дамской шляпы плаваетъ въ канавѣ подъ мостикомъ. Еще такъ недавно здѣсь жили дачники, здѣсь была тихая жизнь, ходили собирать грибы и ягоды, устраивали любительскіе спектакли, по вечерамъ играли въ „тетку", читали газеты и ждали какого то чуда отъ революціи. Странно было думать, что по этимъ дорогамъ идутъ, а, можетъ быть, уже прошли большія массы кавалеріи, что тутъ будутъ уже не маневры, а война, съ убитыми и ранеными.

Стало совсѣмъ свѣтло. Солнце печальными осенними лучами освѣтило болота, лѣса, пустыя поля, грязныя копны, огороды съ черными кочерыжками, кучи картофеля, накрытыя рогожами, телѣги, запряженныя маленькими лохматыми лошадьми и грязныя глинистыя съ глубокими колеями дороги, уходящія куда то вдаль, въ поля, къ синѣющему вдали лѣсу.

Поѣздъ задержалъ свой бѣгъ. Застучали по стрѣлкамъ вагоны, зашатало ихъ вправо и влѣво и вправо и влѣво показались красные товарные вагоны. Двери ихъ были широко раскрыты и тамъ виднѣлись лошади, сѣдла, туземцы въ своихъ рваныхъ живописно подоткнутыхъ черкескахъ, въ низкихъ рыжихъ и сѣрыхъ папахахъ, въ темномалиновыхъ, черныхъ и бѣлыхъ башлыкахъ, тутъ же видны были рослые драгуны съ желтыми

погонами, въ хорошихъ шинеляхъ. На путяхъ была утренняя суета мирнаго характера, бѣгали люди съ чайниками, кружками и большими ломтями хлѣба, носили воду въ ведрахъ, поили лошадей, задавали имъ сѣно.

Саблинъ ничего не понималъ. Корниловъ считаетъ ихъ уже въ Петербургѣ, а они, невыгруженные, стоятъ въ вагонахъ и чего то ждутъ въ восьмидесяти верстахъ отъ своей цѣли.

Вся станція Дно была переполнена солдатами и офицерами. Одни спали на стульяхъ, другіе сидѣли за столомъ, пили чай, закусывали, спорили, курили. Тутъ же были частные пассажиры остановленнаго поѣзда, сидѣвшіе на узлахъ и увязкахъ съ понурыми недовольными лицами. У Саблина было множество знакомыхъ въ Туземной дивизіи и они обступили его.

— Откуда?

— Изъ Ставки.

— Ну что тамъ? Каково настроеніе?

— Настроеніе хорошее, но тамъ увѣрены, что вы, если не въ Петроградѣ, то на самыхъ подступахъ къ нему.

— И не говорите. У Вырицы разобранъ путь. Тамъ Ингуши и Черкесы ведутъ перестрѣлку съ пѣхотой противника. Мы ждемъ, когда поправятъ путь.

— Вы ждете, — сказалъ Саблинъ. — Не мое, конечно, это дѣло, но я бы давно уже шелъ походомъ.

— Да видишь ты... Настроеніе, конечно, у туземцевъ отличное. Они своего князя ни за что не выдадутъ. Они его считаютъ прямымъ потомкомъ Магомета, такъ понимаешь ли — это уже не шутки. Но у насъ есть пулеметная команда и команда связи, онѣ составлены изъ солдатъ. Онѣ волнуются. Приморскіе драгуны отказываются идти дальше. Генералъ К. пошелъ ихъ уговаривать. Отъ Крымова нѣтъ никакихъ извѣстій. Мы не знаемъ, гдѣ Донцы.

— Кажется подъ Лугой, сказалъ кто то.

— Теперъ приказъ Керенскаго, объявляющій, Корнилова измѣнникомъ, чортъ его знаетъ какимъ образомъ, сталъ извѣстенъ солдатамъ, ну и смутилъ умы.

— Неразбериха какая то!

XXXVII.

Эту неразбериху Саблинъ наблюдалъ всю ночь которую тащился до Пскова. Поѣздъ едва шелъ, останавливался подолго на станціяхъ, хрипло въ сыромъ ночномъ воздухѣ кричалъ паровозъ, уныло звонилъ звонокъ, трогались и опять стояли. На всѣхъ станціяхъ были эшелоны, были лошади, люди, сѣдла въ вагонахъ, горѣли фонари и въ темнотѣ ночи видны были въ рамкѣ освѣщеннаго вагона кучки озабоченныхъ хмурыхъ людей, сидѣвшихъ на тюкахъ съ сѣномъ. Иногда у вагона стояла толпа, человѣкъ въ двадцать, тридцать и среди нея солдатъ, или желѣзнодорожный рабочій. Горячо обсуждали приказы Керенскаго и Корнилова.

— Товарищи, слышалъ Саблинъ, подходя въ темнотѣ ночи, къ столпившимся около оратора солдатамъ. — Керенскій правъ. Онъ не хочетъ братоубійственной войны. Довольно крови лилось. Онъ стоитъ за истинную свободу, а Корниловъ васъ опять ведетъ подъ офицерскую палку. Опять, чтобы надъ вами измывались господа, а вы тянулись передъ ними и молчали.

Въ другомъ мѣстѣ, маленькій еврей въ солдатской шинели говорилъ среди толпы Уссурійскихъ казаковъ.

— Товарищи Керенскій и Ленинъ стоятъ за одно. Они за миръ. Это товарищи, неправда, что Ленинъ нѣмецкій шпіонъ. Ленинъ великій борецъ за пролетаріатъ, и за рабочихъ и крестьянъ.

Ему желательно вырвать бѣдныхъ людей изъ подъ власти капиталистовъ.

Въ третьемъ старый унтеръ офицеръ съ георгіевской колодкой во всю грудь говорилъ.

— Ужели жида возьмемъ замѣсто такого героя. какъ Корниловъ? Воевали, сражались съ нимъ и умирали. Геройская была Русь, а не жидовская. Арміи порядокъ нуженъ для побѣды и Корниловъ это понимаетъ. Мы исполнимъ свой долгъ передъ родиной.

На всѣ разнообразныя рѣчи казаки и солдаты молчали. Они тупо и упорно переваривали совершавшіяся передъ ними событія. Саблину становилось ясно, что это не французская воспріимчивая толпа и Корниловъ не Наполеонъ. Революція Русская никакъ не желала укладываться во французскія рамки и ложилась въ привычныя ей рамки кроваваго жестокаго Русскаго бунта, бунта молчаливаго, упорнаго и звѣрскаго.

Поздно ночью Саблинъ прибылъ въ Псковъ. На вокзалѣ, переполненномъ солдатами, какъ въ эти послѣ революціонные дни были переполнены всѣ вокзалы, стоялъ гомонъ и суета. Ни одного извозчика не было подлѣ вокзала. Саблинъ прошелъ къ коменданту, чтобы по телефону попросить себѣ автомобиль изъ армейскаго гаража. Растерянный, затравленный солдатами и офицерами — требовавшими кто ночлега, кто мѣста на поѣздѣ — комендантъ смотрѣлъ на Саблина усталыми и ничего не понимающими глазами.

— Что прикажете, ваше превосходительство, — спросилъ онъ, глядя на Саблина, и вдругъ радостно улыбнулся и Саблинъ узналъ ротмистра Михайличенко, того самаго, котораго онъ награждалъ въ селеніи Озеры вмѣстѣ съ Карповымъ. — Ваше превосходительство, помилуй Богъ, какими судьбами!

— Узнали?

— Господи! Да какъ же не узнать то! И не постарѣли нисколько. Чѣмъ могу услужить?

— Мнѣ надо проѣхать къ генералу Клембовскому.

— Генерала Клембовскаго нѣтъ, ваше превосходительство. — Онъ вчера уѣхалъ въ Петербургъ. Фронтомъ по приказу Керенскаго командуетъ генералъ Бончъ - Бруевичъ.

— По приказу Керенскаго?, спросилъ строго Саблинъ. А Корниловъ?

— Корниловъ не то арестованъ, не то не знаемъ гдѣ. Сообщенія со Ставкой нѣтъ. Туда проѣхалъ генералъ Алексѣевъ. Фактически фронтомъ распоряжаются комиссары и совѣтъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ. Вчера на улицѣ убили офицера за то, что онъ этотъ совѣтъ назвалъ совѣтомъ рачьихъ и собачьихъ депутатовъ. Убійцы извѣстны, но имъ ничего не сдѣлано. Мы ожидаемъ каждую ночь рѣзни офицеровъ.

— А Крымовъ?

— Крымовъ былъ въ Лугѣ, по слухамъ проѣхалъ одинъ по вызову Керенскаго въ Петроградъ и тамъ арестованъ. Ваше превосходительство, здѣсь находится генералъ Пестрецовъ, нашъ бывшій командующій Арміей, можетъ быть. разрѣшите позвонить къ нему, у него и заночуете, все таки лучше. А то нигдѣ квартиръ нѣтъ.

— Хорошо, сказалъ Саблинъ.

Онъ чувствовалъ себя усталымъ. Три ночи, проведенныя въ вагонѣ сказывались. Надо было разобраться во всемъ этомъ хаосѣ свѣдѣній и постановить рѣшеніе.

Несмотря на поздній часъ, было два часа ночи, Пестрецовъ не спалъ. Саблинъ разъискалъ его въ большомъ казенномъ домѣ, на берегу рѣки Великой, гдѣ у Пестрецова была реквизирована квартира. Онъ жилъ съ женою.

— А Саша! Здраствуй. Ночлегъ имѣешъ? — привѣтствовалъ его Пестрецовъ. — Нѣтъ. Оставайся у меня. Разсказывай какимъ вѣтромъ сюда

попалъ. Да постой, Нина намъ ужинъ смастеритъ. Она еще не ложилась.

За ужиномъ, кромѣ Нины Николаевны и Пестрецова, былъ скромный молодой человѣкъ въ солдатской рубахѣ. Пестрецовъ представилъ его, какъ помощника комиссара.

Послѣ ужина Пестрецовъ устроилъ Саблина въ своемъ кабинетѣ. Комната рядомъ наполнена была вооруженными солдатами.

— Это что?, спросилъ Саблинъ у Пестрецова.

— Караулъ, шопотомъ сказалъ Пестрецовъ. — Отъ совѣта мнѣ присланъ для охраны.

— Да вы что же? Съ совѣтами или съ Корниловымъ? Пестрецовъ замахалъ руками, приложилъ палецъ къ губамъ и поспѣшно вышелъ изъ кабинета.

Первымъ движеніемъ Саблина было встать и уйдти отсюда. Но куда? Одинъ въ полѣ не воинъ. Вся Россія была такая. Всюду были оживленныя лица солдатъ, чѣмъ то озабоченныхъ, что то дѣлавшихъ, чѣмъ то взволнованныхъ. Ихъ были мильоны. Они были вооружены ружьями и пулеметами, въ ихъ рукахъ были пушки и броневыя машины. Въ ихъ морѣ тонули безправные, оклеветанные генералы и офицеры, лишенные власти и авторитета. Куда уѣжишь отъ этой сѣрой массы, которая облѣпила буквально всю Россію? Усталость брала свое. Саблинъ покорился судьбѣ, вспомнилъ о многихъ и многихъ офицерахъ, которые находятся въ еще худшемъ положеніи, перекрестился и легъ спать.

Проснулся онъ рано. Косые лучи солнца смотрѣли въ комнату безъ занавѣсей. Вставало грустное утро сѣвера, по которому такъ соскучился Саблинъ. Саблинъ одѣлся и прошелъ въ столовую. Къ его удивленію Пестрецовъ уже пилъ чай.

— Ты куда же такую рань?, спросилъ Пестрецовъ.

— Гулять.

— Пойдемъ вмѣстѣ. Комисарчикъ мой спитъ и я свободенъ, сказалъ Пестрецовъ.

Они пошли на берегъ рѣки Великой.

Издали, изъ города, несся такъ знакомый Саблину дробный стукъ конскихъ копытъ, кавалерія шла по городу. Саблинъ остановился. На мостъ, направляясь въ Заведичье, спускались эскадроны драгунъ на вороныхъ лошадяхъ. Красивыя лошади, всадники съ пиками, заброшенными за плечо рисовались на фонѣ крѣпостныхъ стѣнъ стараго Пскова и сердце Саблина сжалось тоскою.

— Это что же такое? сказалъ онъ.

— Это, сказалъ Пестрецовъ, — судьба.... Рокъ... Противъ рожна не попрешь.

— Но неужели идти съ рожномъ?

Пестрецовъ не отвѣтилъ. Внизу темными волнами текла холодная Великая, топотъ конскихъ копытъ удалялся и становился тише. Эскадроны сходили съ мостовой. Ясное небо сіяло надъ сѣрыми башнями, надъ церквами съ головами луковками и бѣлыми простыми стѣнами Кремля. Золотистыя березки съ бѣлыми стволами были на томъ берегу и въ нихъ и въ рѣкѣ была радость теплому солнцу, синему небу и догорающему бабьему лѣту. На душѣ Саблина отъ этой родной и милой картины грустнаго сѣвера становилось еще грустнѣе. Точно съ лѣтомъ умирала и сама Россія, точно вмѣстѣ съ тихо падающими жолтыми листочками березы падала и слава Русская, точно вмѣстѣ съ осеннею водою, которою набухла почва въ лугахъ, набухала кровью вся Русская земля...

— Крымовъ застрѣлился въ Петроградѣ.... отрывистымъ шопотомъ говорилъ Пестрецовъ. — Генералъ Корниловъ арестованъ по приказу Керенскаго, въ Ставку пріѣхалъ генералъ Алексѣевъ. Керенскій назначилъ себя верховнымъ главнокомандующимъ арміи и флота.... Вся конная армія Крымова измѣнила Корнилову и делегаціи

казаковъ и солдатъ явились къ Керенскому съ выраженіемъ готовности служить ему.... Керенскій работаетъ въ полномъ контактѣ съ совѣтами.... Саша.... Конечно, ты одинокъ, у тебя никого и ничего не осталось, ты можешь рисковать. Но для чего рисковать? Если бы были дѣйствительно Наполеоны, — ну тогда, тогда и я пошелъ бы. А, можетъ быть, правы они?

— Кто они?, усталымъ голосомъ черезъ силу спросилъ Саблинъ.

— Новая Россія. Демократія, пролетаріатъ, совѣты. Отцы никогда не понимали дѣтей. И мы не понимаемъ ихъ. А, можетъ быть, на ихъ сторонѣ правда.

— Правда въ измѣнѣ Родинѣ, правда въ сдачѣ врагу позицій, правда въ убійствѣ честныхъ и лучшихъ офицеровъ и генераловъ, правда въ грабежѣ и насиліи! воскликнулъ Саблинъ и посмотрѣлъ на Пестрецова.

Пестрецовъ стоялъ, опустивши голову. При ясномъ утреннемъ свѣтѣ Саблинъ увидалъ, какъ обрюзгло и пожелтѣло его лицо. Передъ нимъ стоялъ старикъ. Презрѣніе и жалость боролись въ Саблинѣ.

— Саша, мы не понимаемъ новой Россіи. Не можетъ же быть, чтобы великій Русскій народъ не выдвинулъ изъ нѣдръ своихъ людей, способныхъ управлять государствомъ.

—Чхеидзе, Бронштейны и Нахамкесы — вотъ кого выдвинулъ Русскій народъ, вотъ кто взялъ палку и сталъ капраломъ. Ваше превосходительство, вы не чувствуете, что за совѣтами стоитъ не Россія, а интернаціоналъ, а за интернаціоналомъ дьявольское масонское общество.

— Надо идти съ ними. Ихъ не побѣдить. Идя съ ними, хотя что либо спасешь, а если уйдти отъ нихъ, Россія обратится въ пустыню, — уныло шепталъ Пестрецовъ.

— Съ ними идти нельзя. Надо бороться съ ними и побѣдить ихъ, — сказалъ Саблинъ.

— Борьба безполезна . . . . А право съ ними не такъ уже плохо работать. У нихъ есть здоровые, правильно мыслящіе люди.

— Вы съ ними?

— У меня, Саша, Нина Николаевна. Это такой ребенокъ.

— Прощайте, ваше превосходительство! Мнѣ съ вами не по пути.

Саблинъ рѣзко повернулся и пошелъ отъ Пестрецова. Вся кровь клокотала въ немъ отъ негодованія. «Что же случилось! Что же случилось!?» думалъ онъ. «А какъ же въ Петербургѣ офицерская организація, гарнизонъ, готовый идти съ Корниловымъ!»

Въ тотъ же вечеръ Саблинъ уѣхалъ въ Перекалье къ своему корпусу, гдѣ узналъ, что онъ Керенскимъ отставленъ отъ командованія корпусомъ и вызванъ въ Петербургъ.

XXXVIII

Домикъ Петрова, въ которомъ поселились братья Полежаевы, находился въ глуши Новгородской губерніи въ деревнѣ Запоздалово, ни на какой картѣ необозначенной. Вся деревня состояла изъ шести дворовъ при озерѣ, вытянувшихся въ одну линію. Жители занимались рыболовствомъ и охотою, многіе, какъ ушли на войну, такъ и исчезли и никто не зналъ то-ли убиты они, то-ли пропали гдѣ. Почта въ Запоздалово не ходила, а ходить за нею было далеко, да и ходить не за чѣмъ, почти всѣ остававшіеся въ деревнѣ старики и старухи были не грамотные, разбирали только по церковному. По избамъ въ полной неприкосновенности висѣли портреты Государя и его семьи. Вѣсть объ отреченіи Государя глухо дошла до

деревни, но ей не повѣрили. Мало ли смущаютъ темный народъ. Это все отъ нѣмцевъ! То, что въ волости исчезла полиція и появились комитеты и комиссары тоже никого не смутило. Рѣшили только, что податей платить не надо и ждать съ этими податями того, чтобы пріѣхалъ исправникъ, а до него никому ничего не давать.

Въ комнатѣ, гдѣ поселились Павликъ съ Никой было четыре окна. Два маленькихъ, подслѣповатыхъ, кое гдѣ заткнутыхъ тряпьемъ смотрѣли на озеро, поросшее камышами, съ низкимъ песчанымъ противоположнымъ берегомъ, по которому было раскидано нѣсколько сѣрыхъ избушекъ и видны были чахлыя нивы, два побольше выходили къ громадному лѣсу, который тянулся въ полуверстѣ отъ деревушки, и на сколько верстъ — о томъ самъ Христосъ Богъ вѣдаетъ. Кругомъ была пустыня. Въ пяти верстахъ шло шоссе, но по шоссе никто никогда не ѣздилъ, скучныя стояли кучи щебня, уходившія вдаль и розовые цвѣты поросли по нимъ. Верстахъ въ пятнадцати черезъ лѣсъ шла желѣзная дорога, но такая захудалая, что между шпалами по полотну выросла трава, а поѣздъ прогудитъ разъ днемъ и разъ ночью а въ остальные часы никого на полотнѣ. Забѣжитъ на него заяцъ, уляжется вдоль нагрѣтаго солнцемъ рельса и лежитъ, скосивши жолтые глаза. Будки сторожей стоятъ рѣдко и странно думать, что тамъ живутъ люди и удивительно чѣмъ питаются они и какъ живутъ. Кругомъ лѣсъ и болота. Въ лѣсу лоси и медвѣди, рысь иногда попадается, глухари и тетерева токуютъ, рябчикъ живетъ, видали и горностая съ лаской, а зимою лисица такъ опушится, что отъ чернобурой не отстанетъ. Лѣсъ, то высокій строевой съ большими красными шумливыми соснами, съ трепещущей листами осиной, съ раскидистыми черными елями, то низкій мелкій, по болоту, съ кривыми тонкими березками, съ кустами можжевельника, съ голубымъ мохомъ, въ

которомъ по колѣно тонетъ нога, съ красною клюквою и золотою морошкой. На болотѣ торфяныя ямы и въ нихъ черная таинственная вода. Никто никогда къ нимъ не подходилъ и люди сказываютъ, что дна не достать въ этихъ ямахъ, а тихими ночами слышно гудитъ тамъ что то. То-ли колокола звонятъ, то-ли люди стонутъ. При Александрѣ, молъ, Невскомъ много народа тамъ погибло, съ тѣхъ поръ и пошло. И не замерзаютъ эти ямы никогда, даже въ самый лютый морозъ стоятъ и паромъ дымятся.

Въ такую полную тайнъ и лѣсныхъ легендъ и преданій тишину и глушь попали Павликъ и Ника изъ самаго разгара бунтливой Русской революціи. Единственнымъ собесѣдникомъ ихъ была бабушка Дарья Ильинишна, мать Петрова, да и та была не очень словоохотлива. Была босоногая пятнадцатилѣтняя дѣвчонка Машутка, племянница Петрова, но та такъ боялась барчуковъ, что пропадала цѣлыми днями, то въ коровникѣ, то въ сараяхъ, то на сѣновалѣ и въ горницѣ не показывалась.

Съ автомобиля перетаскали вещи, приготовленныя для Государя, дорожный кофейникъ и чайный приборъ, консервы, бисквиты, чай и кофе и зажили скучною жизнью. Придетъ къ чаю Дарья Ильинишна, принесетъ молока, масла, сливокъ, свѣжаго душистаго чернаго хлѣба, рыбы соленой и присядетъ съ молодыми людьми. Иногда начнетъ разсказывать про охоты. Ничего такъ не любила она, какъ разсказъ про то, какъ ея покойный мужъ выслѣдилъ громаднаго медвѣдя и императоръ Александръ III пріѣзжалъ къ нимъ и взялъ на рогатину.

Тихо шумитъ самоваръ, висячая простая лампа, скупо пущенная, горитъ неярко, на столѣ, накрытомъ скатертью стоятъ недопитые стаканы, валяются корки хлѣба, Павликъ и Ника слушаютъ

старуху, а она разсказываетъ мѣрно и тихо про старую жизнь.

— Пріѣхали они на восьми саняхъ, — говоритъ Дарья Ильинишна, — и всѣ такіе красивые, видные, статные, сразу видать, что Божій помазанникъ. Онъ тогда, свѣтъ нашъ ясный, молодой былъ, ростомъ косая сажень, борода русая по грудь, раздвоенная у подбородка, кафтанъ одѣтъ, сапоги, ножъ при поясѣ. Собаки съ ними пріѣхали съ добраго теленка ростомъ, егеря свои и всѣ съ моимъ мужемъ совѣтъ держатъ. Какъ окружить, да какъ поднять, чтобы вышелъ, значитъ. Переночевали у насъ, а на утро и пошли. Поваръ съ ними былъ, на моей печуркѣ и завтракъ его величеству готовилъ. Вотъ, какъ удостоилась я, господа молодые. А къ полудню вернулись. Ведмѣдище привезли во какого большого, полъ двора тушею занялъ. Самъ, значитъ, и взялъ на рогатину. Даже кровь видала я на кафтанѣ его. Довольный очень. Мужу моему покойнику часы тогда подарилъ.... Я и часы сохранила.

Старуха уходила въ свою каморку и приносила серебряные часы съ большимъ накладнымъ золотымъ двуглавымъ орломъ.

— На трехъ лошадяхъ отъ насъ медвѣдя того повезли. Лошади шарахаются, боятся страсть. Собаки сзади идутъ, а онъ позади поѣхалъ, самъ и лошадью правилъ. Правда истинная.... Ну, а больше я его и не видала.... Князь къ намъ два раза пріѣзжалъ, Владиміръ Александровичъ, тоже медвѣдя изъ штуцернаго ружья бралъ, ну только не такой. Тотъ медвѣдь былъ всѣмъ медвѣдямъ — царь, али князь какой медвѣжій.

Старуха никогда никуда не выѣзжала.

— Какъ вѣнчали насъ, такъ въ Новгородъ ѣздила, ну только я смутно все это помню. Да чего ѣздить то. Нашъ лѣсъ развѣ не міръ Божій. Господи Боже мой! и чего чего только въ лѣсу этомъ нѣтъ! И какая только птица въ немъ не

поетъ! И чижики и снѣгири красногрудые и щеглята и клесты и каждая свое гнѣздо, свой обычай имѣетъ, кажлая свои пѣсни, какъ по нотамъ поетъ. Заяцъ тамъ, господа мои, живетъ. И всего онъ боится, и вѣчно къ чему то прислушивается. Лисица съ дѣтями играетъ. Рысь на суку лежитъ и чуть хвостомъ пестрымъ шевелитъ. А я иду, грибы собираю и все то вижу и все то меня радуетъ. Истинно благодать Божія, Божій прекрасный міръ!

За окнами въ серебристомъ туманѣ стоитъ темный лѣсъ и сырость идетъ отъ него, пахнетъ смолою, можжевельникомъ и мохомъ.

Въ деревнѣ мужики и бабы привыкли къ господамъ.

— Что, спасаетесь господа, — говорилъ дѣдъ Илья, весь закутанный сѣтями, — ну, спаси васъ Христосъ.

Павликъ и Ника ѣздили на озеро рыбу ловить, по ночамъ ѣздили съ лучиною стерегли сома, ходили съ ружьемъ за куропатками.

— Гуляйте, господа, ничего, — говорили имъ добродушно встрѣчные мужики и вставала передъ ними старая святая Русь, Русь избяная, кондовая, тихая и покорная....

XXXIX

Какъ то октябрьскимъ утромъ, Павликъ и Ника только что встали и пили чай со сливками, прибѣжала къ нимъ Машутка. Волосы растрепаны, изъ подъ платка выбились, темные глаза, какъ ягодки горятъ, лицо отъ свѣжаго утренника раскраснѣлось.

— Господа, — сказала она, — васъ въ лѣсу спрашивали двое. Просятъ придти сейчасъ.

— Что за люди?, въ голосъ спросили Павликъ и Ника.

— Кто ихъ знаетъ. Одѣты по простому, а такъ будто господа. Одинъ, какъ вы, другой парнишка совсѣмъ молодой. Мальчонка.

Павликъ и Ника пошли къ лѣсу. На опушкѣ ихъ ожидали двое. Ихъ лица были худы, они продрогли, проведя холодную ночь въ лѣсу.

— Боже мой, Ермоловъ!, воскликнулъ Ника.

— Онъ и есть. А это мой братъ Миша.

— Гимназистъ шестого класса Михаилъ Ермоловъ, басомъ проговорилъ Миша.

— Идемте къ намъ. Согрѣетесь, чаю напьемся. сказалъ Ника.

— А можно?, спросилъ дѣловито Миша. — Товарищей нѣтъ?

— Никого. Святая старушка одна. Какъ же вы нашли насъ?, распрашивалъ Ника.

— Охъ уже и Петровъ вашъ! Я восемь разъ ходилъ къ нему — говорилъ подпоручикъ Ермоловъ, — пока, наконецъ, онъ повѣрилъ, что я съ наилучшими намѣреніями, что я отъ имени генерала Саблина. Тогда только разсказалъ и нарисовалъ, какъ васъ найдти. Да и то бы не нашли кабы не дѣвчонка.

— И прехорошенькая, — басомъ сказалъ Миша.

— Да, вотъ вы какъ прохлаждаетесь, — сказалъ Ермоловъ старшій, входя въ избу. А мы ищемъ васъ. Вы нужны намъ. Господа, бѣда! Надо браться за дѣло.

— А что случилось?

— А вы ничего не знаете?

— Ничего. Какъ уѣхали, такъ ничего и не слыхали.

— Про Корнилова не слыхали?

— Ничего.

— Ну, сначала про домашнихъ. Татьяна Александровна уѣхала въ Тобольскъ вслѣдъ за Царскою семьею. Отъ нея уже письма есть. Ольга Николаевна пока въ Царскомъ, только я бы совѣтовалъ вамъ при первой возможности переправить

ее на югъ, въ Крымъ, или на Кавказъ. Папенька вашъ пока въ Москвѣ. Генералъ Саблинъ въ Петербургѣ на своей квартирѣ, ничего не дѣлаетъ. Причисленъ къ министерству. Тутъ такія дѣла, такія!

— Сережа, ты по порядку, — дѣловито сказалъ Миша.

— И то буду держаться хронологическаго порядка. 28-го августа Верховный Главнокомандующій, видя къ какому развалу и позору ведетъ Россію Керенскій издалъ приказъ, которымъ объявилъ его измѣнникомъ Россіи, себя диктаторомъ и двинулъ на Петроградъ конницу подъ начальствомъ Крымова.

— Самъ не пошелъ? въ голосъ спросили Павликъ и Ника.

— Нѣтъ. Вотъ тутъ то и началась трагедія. Нарочно, или случайно, желѣзнодорожники разбросали всю конницу малыми частями по всему сѣверу Россіи а Керенскій бросилъ туда своихъ агитаторовъ. Въ Петроградѣ у насъ образовался офицерскій союзъ, намъ удалось достать сто тысячъ рублей, которыми мы разсчитывали подкупить солдатъ гарнизона въ нужную минуту и соединиться съ войсками генерала Крымова.

— И я былъ въ этомъ союзѣ, — важно сказалъ Миша. — Я для этого въ милицію поступилъ и австрійскую винтовку получилъ. Только патроны были Русскіе!

— У нихъ милицейскій комиссаръ портной, онъ не различаетъ какіе патроны.

— Я не хотѣлъ брать. Онъ говоритъ: — ступайте, товарищъ, и эти хороши. Другихъ нѣтъ, — сказалъ Миша.

— Къ намъ присоединился еще совѣтъ союза казачьихъ войскъ съ полковникомъ Дутовымъ, продолжалъ нервно говорить Ермоловъ старшій, тоже обѣщали повліять на Петербургскихъ казаковъ, только просили денегъ. Деньги были у

двухъ полковниковъ, фамилій я не знаю, все велось конспиративно. Одинъ генеральнаго штаба весь бритый, молодой революціонеръ, я съ нимъ отъ своего звена связь держалъ. Жилъ въ Асторіи. Мы подготовили солдатъ, оставалось раздать деньги и идти. Всѣ офицеры шли съ нами. 29 августа узнаемъ черезъ нашихъ развѣдчиковъ...

— Гимназисты велосипедисты и кадеты въ Царскомъ и Павловскѣ у насъ работали, вставилъ Миша.

— Узнаемъ, что дикая дивизія подошла къ Вырицѣ и начинается тамъ бой съ частями Петроградскаго гарнизона. Мы туда. Потерлись среди солдатъ, видимъ, что у нихъ никакого желанія сражаться нѣтъ. Самая пора начинать, купить нѣсколько солдатъ, ну тамъ рублей по двѣсти дать, чтобы поддержали, когда наши крикнутъ: „довольно братоубійственной войны! Да здраствуетъ Русскій вождь Корниловъ! Долой Керенскаго"! У насъ и люди такіе были намѣчены... Да, ну вотъ ѣду я къ руководителю въ Асторію. Нѣтъ дома. Повѣришь ли, я весь день то пѣшкомъ, то на трамваѣ проѣздилъ по Петрограду искалъ его. А бой идетъ... Понимаешь, чувствую, что тамъ уже бой. Наконецъ въ два часа ночи точно толкнуло меня что. Дай, думаю, поѣду въ виллу Роде и по злачнымъ мѣстамъ. Онъ таки любилъ выпить нашъ выборный вождь.

— За что же его выбрали? спросилъ Ника.

— Какъ тебѣ сказать. Уже больно хорошо говорилъ онъ на собраніяхъ нашихъ. Какъ то, по новому, обѣщалъ строить армію и такъ, что и на старое похоже. Нѣмцевъ такъ ненавидѣлъ, что ажъ трясся весь, какъ говорилъ про нихъ, а о союзникахъ съ благоговѣніемъ. Георгіевскій кавалеръ, саперъ, лицо такое блѣдное, тонкое, одухотворенное. Онъ, да вотъ еще генеральнаго штаба Гуццинъ полковникъ, всѣ головы намъ поперевернули. Я то держался — армія внѣ политики, а

многіе стали говорить съ гордостью — я „офицеръ-революціонеръ".

— Дальше, Сергѣй, ѣхать надо, — опять остановилъ его Миша.

— Пріѣзжаю на виллу Роде. И дѣйствительно тамъ. Компанія кутитъ. И среди нихъ, показалось мнѣ, агенты Керенскаго. Самъ пьянъ, какъ дымъ, куражится. Ты понимаешь — тамъ у Вырицы бой, юнкера выступить готовы, мы только приказа ждемъ поднимать гарнизонъ, вѣдь, Павелъ Николаичъ, головой мы играли! А! Вѣдь насъ за это повѣсить могли.

— И еще могутъ, вставилъ Миша. Въ лучшемъ видѣ.

— Да! А онъ пьяный и съ дѣвками. Я его отзываю, знаки показываю. — А онъ встаетъ разстегнутый и кричитъ: — „вздоръ... Никакихъ испанцевъ! Да здраствуетъ Русская революція и ея союзники! Пей, веселись, честной народъ!" И вижу, что кутежъ его тысячами пахнетъ, нашими, понимаешь, тысячами, тѣми, что намъ на возстаніе даны были! «Что же это», подумалъ я, «дѣйствительно погибаетъ Россія, если и къ чистому дѣлу идутъ пьяные и воры». Наступило утро 30-го. Иду по Литейному. Вижу солдаты остановили автомобиль. Тамъ блѣдный черноусый донецъ 13-го полка. Видно измученъ здорово, куритъ непрерывно. А у меня былъ запасенъ вотъ черезъ него, кивнулъ старшій Ермоловъ на брата.

— Я черезъ милицію досталъ удостовѣреніе на право производить обыски и аресты, — гордо сказалъ Миша и принялся за пятый стаканъ молока.

— Показываю. Говорю, — что я предоставлю его куда надо. Ну, повѣрили. Сажусь я въ автомобиль и какъ отъѣхали спрашиваю: — „вы Корниловецъ". Молчитъ. „Не бойтесь", говорю я, — „я тоже Корниловецъ. Куда вамъ надо ѣхать,

я васъ туда и провожу“ Вижу, что повѣрилъ. „Мнѣ“, говоритъ „надо увидать генерала Крымова“. — „А гдѣ онъ?“. „Былъ здѣсь. Я съ нимъ и пріѣхалъ“. Нашли мы Крымова у Керенскаго. Слышимъ крикъ въ кабинетѣ. Выходитъ Крымовъ, блѣдный, по лбу потъ крупными каплями, черные волосы всклокочены, налипли потомъ, какъ изъ бани точно. — „Дайте“, говоритъ, „мнѣ воды. Я этого мерзавца чуть не побилъ!“ А донецъ и говоритъ ему: — „и жалко, что не побили. Его убить надо, какъ собаку“! — „Погодите“, говоритъ, а самъ волосы на себѣ ерошитъ. „Ну“, говоритъ, „Іосифъ Всеволодовичъ, пойдемте. Мнѣ отдохнуть надо и все обдумать“... Они уѣхали. Я пошелъ домой. Вечеромъ узнаю — Крымовъ застрѣлился, у Керенскаго были представители его корпуса и Керенскій произвелъ простыхъ казаковъ въ офицеры. Корниловъ арестованъ, Верховнымъ главнокомандующимъ у насъ Керенскій. Я думалъ, что у насъ бунтъ будетъ, на фронтѣ войска откажутся — ничего подобнаго. Первыми генералы расписались въ своей вѣрности. Гляжу, къ Зимнему дворцу такъ и подкатываютъ, такъ и подкатываютъ генералы съ фронта. А у меня тамъ товарищи юнкера дежурили. Спрашиваю ихъ, не слыхали ли: зачѣмъ? «Да кто», говорятъ, «корпусъ, кто дивизію, кто полкъ получить желаетъ. Жаренымъ тамъ пахнетъ». И вотъ, друзья мои, стало въ Петербургѣ такъ тихо, тихо, точно, кто умираетъ въ сосѣдней комнатѣ. Округъ нашъ получилъ молодой полковникъ Полковниковъ. Я при округѣ устроился ординарцемъ, наблюдаю. Вижу, что доклады, въ два мѣста возятъ — во дворецъ къ Керенскому и въ Смольный къ Ленину и Троцкому, нѣмецкимъ шпіонамъ. Что же это, думаю, явное предательство. Тамъ въ совѣтѣ у меня пріятели были, товарищи по корпусу, тѣ, что меня и генерала Саблина арестовывали — Осетровъ, Гайдукъ и Шлоссбергъ.

— Гайдука и я знаю, сказалъ Ника. Мерзавецъ страшный.

— Одинъ хуже другого, сказалъ Ермоловъ. — Но, думаю, надо узнать отъ нихъ, что они замышляютъ. Неужели нѣмцамъ насъ предадутъ. Сдѣлалъ я докладъ объ этомъ въ совѣтѣ союза казачьихъ войскъ — этимъ я вѣрилъ. Тамъ славные ребята были и съ ихъ благословенія подкараулилъ я Осетрова. Онъ мнѣ какъ то лучше казался. Онъ все таки Русскій. Подошелъ, напомнилъ старое, какъ погоны съ насъ рвали, подъ руки съ позиціи вели и говорю ему: — „ну, скажите, Осетровъ, вы Русскій человѣкъ, для чего вы все это дѣлали? Неужели вы нѣмцамъ насъ предавать хотите". „Ничего", говоритъ, „подобнаго. Я и въ мысляхъ этого не имѣю, а мы просто большевики и хотимъ произвести міровую революцію." — „Что же", спрашиваю, „изъ этого будетъ." — „Какъ", говоритъ, „что. Вы послушайте Ленина. Надо все разрушить, все, все. И когда все будетъ разрушено мы построимъ новое, счастливое". Вижу я, что онъ и самъ не понимаетъ, что говоритъ. — „У каждаго", говоритъ, „будетъ, и домъ, и земля, и скотъ, и сытъ будетъ каждый, и на все будетъ свобода. А пока — наша власть". „Когда же", спрашиваю, „вы разрушать начнете и какъ?" Онъ и проговорился. „Въ концѣ", говоритъ, „октября. Намъ надо растащить казаковъ, отрубить послѣднюю голову гидрѣ контръ-революціи". И замолчалъ. — „А вы", говоритъ, „товарищъ, не хотите большевикомъ стать". Я говорю: — „радъ бы душою это сдѣлать. До только не знаю какъ". — „Хотите я научу". Я и ухватился. Сталъ бывать у него и узналъ, что большевики рѣшили свергнуть временное правительство, засадить его въ крѣпость и взять власть въ свои руки. Они обѣщаютъ сейчасъ же заключить миръ съ нѣмцами какою угодно цѣною. И вотъ тогда рѣшили мы стать всѣ на сторону временнаго прави-

тельства. Тутъ уже вопросъ не въ Керенскомъ, а въ томъ, чтобы никакъ не допустить до власти большевиковъ, потому что тогда — гибель. Намъ, Павликъ и Ника дорогъ каждый человѣкъ. Пока намъ вѣрны юнкера, да и то не всѣ, намъ обѣщали служить и поддерживать Керенскаго женскій батальонъ, надѣемся, что Волынскій и Преображенскій полки будутъ съ нами, рабочіе Путиловскаго завода противъ большевиковъ. Надо умирать, господа, надо бороться!

— За что бороться?

— За Россію.

— Но Россія съ Керенскимъ гибнетъ.

— Тутъ уже не приходится разсуждать съ Керенскимъ, или съ кѣмъ либо инымъ, лишь бы не съ большевиками.

— Мы готовы, сказали Павликъ и Ника.

— Дайте намъ отдохнуть. Ночью пойдемъ на желѣзную дорогу и завтра утромъ мы будемъ въ Петроградѣ. Только не было бы поздно.

XL.

Октябрьскія сумерки надвинулись рано. Густой туманъ поднялся надъ озеромъ, темный и сырой стоялъ лѣсъ. На ночной поѣздъ рѣшили выйдти въ девять часовъ вечера, но уже къ шести всѣ были готовы и сидѣли въ темной избушкѣ, сбившись на лавкѣ въ углу подъ образами. Въ избѣ было темно. Окна были мутныя и въ нихъ видна была полоса неба надъ темнымъ лѣсомъ и ярко горѣла вечерняя звѣзда. Темнота, невозможность различать лица сблизили молодыхъ людей, они притихли и сидѣли, переговариваясь короткими фразами. Все не дѣтское. поношенное, залитое кровью, затертое лишеньями, что дали имъ война и революція отлетѣло и они остались тѣмъ,

чѣмъ были: молодыми людьми, у которыхъ такъ еще мало въ прошломъ и такъ много въ будущемъ.

— Читалъ я какъ то, сказалъ Ермоловъ, у Толстого, какъ Наташа и Николай Ростовы и Соня въ своемъ старомъ помѣщичьемъ домѣ на святкахъ вспоминаютъ свое прошлое. Луна свѣтитъ въ комнату, за окномъ морозъ трескучій, снѣжная Русская зима, а передъ ними встаютъ мирные, теплые эпизоды ихъ дѣтской жизни.

— Ахъ, помню, помню, — сказалъ Павликъ. Наташа съ Николаемъ какого то арапа видали... А Соня не помнитъ. Къ чему ты это?

— Такъ вспомнилось. У насъ уже нѣтъ такихъ воспоминаній. Чтобы, понимаешь, было тепло и хорошо.

— Ахъ нѣтъ, сказалъ Миша. Я помню какъ то, въ гимназіи это было. Я былъ въ первомъ классѣ. Весна. Окна отворены на широкій гимназическій дворъ, за дворомъ садъ, большія липы и дубы растутъ и чуть покрыты зеленью. Я спускаюсь внизъ по лѣстницѣ, а внизу по коридору, гдѣ были старшіе классы, восьмиклассники дружно хоромъ поютъ: — „елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся!“. И такъ хорошо у нихъ выходитъ. Весна, солнце, зеленый пухъ на деревьяхъ, за заборомъ трамваи гудятъ, а тутъ молодые басы дружно такъ: — „елицы во Христа крестистеся!“...

— Это не то, сказалъ Ермоловъ. — У нихъ были общія воспоминанія, воспоминанія семьи, а не школы.

— Ты помнишь, Ника, — сказалъ Павликъ, какъ мы съ Олей собирали разные уродливые корни и въ саду дѣлали клѣтки и сажали ихъ въ нихъ. Это былъ Зоологическсій садъ. Ты приходилъ и спрашивалъ, гдѣ какой звѣрь. А помнишь Колю Саблина. Какъ онъ приставалъ къ намъ: „а почему верблюдъ — верблюдъ?“

— Какъ же помню! А помнишь, какъ меня съ Таней нарядили маркизомъ и маркизой. Мама была жива еще и поставила насъ на столъ, пришли гости, а она увѣряла, что мы ея куклы и она сама маленькая. Ты помнишь Танину мать. Мнѣ она казалась громаднаго роста и удивительно сказочно красивой. Мы были богаты, но когда насъ привозили къ Саблинымъ мнѣ казалось, что это сказка.

— Какъ же! Какъ же! А кузина Тата все время говорила ей: „баронесса, баронесса!"...

— Куда все это ушло?

— Ника, Ника, помнишь какъ мы привезли изъ корпуса эту шуточную оперу „Открытіе Америки" и научили пѣть Олю и Таню! — „по улицѣ ходила, большая крокодила... Она... она... она... зеленая была!".

— И намъ всѣмъ попало.

— А потомъ, какъ только Оля про кого либо начнетъ говорить и запнется и скажетъ: „она, она",... всѣ хоромъ.

— Ну, какъ же! — зеленая была!

— Ахъ хорошо было до войны!

— Теперь за это буржуемъ назовутъ, басомъ сказалъ Миша.

— Да. Теперь. Помнишь Миньону Латышову. Мы ее Миньоной называли за то, что она такъ хорошо Миньону пѣла, — началъ Павликъ...

— Эту. Connais tu le pays? — напѣлъ Ника

— Эту самую. Встрѣтилъ я ее весною въ Павловскѣ. Вы, Павликъ, говоритъ признаете свободную любовь?

— Что ей теперь лѣтъ тридцать будетъ?

— Я думаю и всѣ тридцать пять, но она хорошенькая. Я промолчалъ, А она говоритъ — тутъ я познакомилась съ однимъ матросомъ — удивительно красивъ. Хочу его писать Аполлономъ, но если вы согласитесь я васъ буду писать. Ну мнѣ не до того было. Помнишь, что замышляли.

— Она такая, сказалъ Ника. — Но неужели съ матросомъ?

— Ей мода важна. А это первые герои. Помнишь какъ она за Керенскимъ бѣгала?

Изъ далекаго прошлаго воспоминанія перешли къ болѣе близкому, краски померкли, появились жуткія картины убійствъ на улицѣ и молодежь замолчала,

Съ кипящимъ самоваромъ пришла Дарья Ильинишна.

— Что, господа, въ темнотѣ сидите? А я вамъ лампу засвѣчу. Чайку напьетесь, я вамъ коржиковъ напекла на дорогу. Въ Питерѣ то Богъ знаетъ еще что найдете, все свой запасъ будетъ лучше имѣть.

Когда загорѣлась лампа и сталъ шумѣть самоваръ, призраки прошлаго исчезли и невольно всѣ стали думать о томъ, что имъ предстоитъ въ Петроградѣ.

— Куда же мы пойдемъ? спросилъ Ника.

— Увидимъ. Если все будетъ тихо — на квартиру Саблина. Посовѣтуемся съ нимъ, потомъ въ казачій совѣтъ на Знаменскую, тамъ наша штабъ квартира. А тамъ видно будетъ.

— Я такъ думаю, сказалъ Миша. — Набрать шайку человѣкъ двадцать съ ручными гранатами, ну и подговорить еще человѣкъ пятьдесятъ товарищей солдатъ и придти на засѣданіе совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ, когда тамъ будетъ говорить Ленинъ и крикнуть: — „бей ихъ"! и съ ручными гранатами на нихъ. Я думаю выйдетъ.

— Не вѣрю я въ товарищей, — сказалъ Ермоловъ. Крикнешь — „бей ихъ"! а никто не поддержитъ. Начнутъ говорить: — „да я что, да не мое это дѣло" и сорвутъ всю исторію.

— Такіе, какъ Осетровъ пойдутъ, сказалъ Миша.

— Такъ Осетрова надо перевернуть всего. Онъ убѣжденный большевикъ. Онъ говоритъ: — „подъ

краснымъ знаменемъ все позволено, а что же, если по царскому времени меня размѣнять, что я такое — прапорщикъ и сынъ извощика. Война кончится — опять на Лиговку въ вонючій трактиръ, а ежели мы будемъ, такъ я себѣ уже особнячокъ въ Царскомъ присмотрѣлъ". Чѣмъ его угомонишь.

— Ну дать ему этотъ особнячокъ, сказалъ Павликъ, — лишь бы дѣло сдѣлалъ.

— Не пройдешь въ Смольный то! сказалъ Ермоловъ.

Въ девять часовъ всѣ поднялись.

— Что, бабушка, сыну поклониться прикажешь, — сказалъ, прощаясь со старухой Ника.

— Ну, кланяйся, батюшка, ему. Да только не очень вы ему крутите голову то. Одинъ онъ у меня остался. Никого больше нѣту!

Старуха смотрѣла на надѣвавшую шинели молодежь и слезливо моргала.

— Коли за царя, — тихо сказала она, — такъ и его можно... И его, значитъ, отдамъ. Потому отъ Бога такъ сказано. Ну, спаси васъ Христосъ. Машутка васъ до дороги проведетъ, а то ночью то не найдете.

— А не боится Машутка то?

— Ну, гдѣ ей бояться. Почитай и родилась въ лѣсу. Её и лѣшіе то всѣ знаютъ, смѣясь сказала старуха. — Готова что-ль Маша?

— Иду тетенька! — и Машутка появилась въ большомъ платкѣ, въ высокихъ мужицкихъ сапогахъ и съ фонаремъ въ рукѣ.

— Пошли, господа, чтоль, сказала она.

— Посидѣть надо, сказала Дарья Ильинишна, — По старому Русскому обычаю.

Сѣли на лавки, помолчали, потомъ разомъ встали и пошли. Старуха въ дверяхъ благославляла ихъ старой коричневой морщинистой рукой

и сама не знала почему плакала и все повторяла — не вернутся вѣдь! Не вернутся! Спаси ихъ Христосъ!..

XLI.

У Царскаго села былъ бой. Солдаты Царскосельскаго гарнизона толпами бѣжали на станцію, запружали ее, ломились въ вагоны и требовали немедленной отправки въ Петербургъ. На окраинахъ Царскаго Села маячили рѣдкія цѣпи донскихъ казаковъ, пришедшихъ съ Керенскимъ, но ненавидѣвшихъ Керенскаго. Въ казармахъ шли митинги. Оставшіеся стрѣлки выносили резолюціи: ни съ Керенскимъ, ни съ Ленинымъ, а въ общемъ было видно, что пойдутъ съ тѣмъ, кто окажется сильнѣе. Братья Полежаевы и Ермоловы потолкались на Царскосельской станціи и убѣдившись, что мѣста на поѣздѣ имъ не получить, рѣшили идти пѣшкомъ. На станціи Александровской были матросы и вооруженные рабочіе — красная гвардія. Тамъ въ сумеркахъ яснаго осенняго дня жолтыми огоньками вспыхивали выстрѣлы. Казаки наступали на Александровскую.

Полежаевы шли по нижнему шоссе. Все Подгорное Пулково свѣтилось огнями. Въ каждой избѣ сидѣла компанія матросовъ, или красноармейцевъ, выгоняли крестьянъ рыть окопы на Пулковской горѣ. Глухою ночью Полежаевы съ Ермоловыми подошли къ Средней Рогаткѣ. Тамъ, несмотря на поздній часъ, по избамъ горѣли огни. Петербургъ былъ въ четырехъ верстахъ, темный и необычно тихій. Надъ нимъ не было отраженнаго небомъ зарева огней, городъ лежалъ, притаясь и страшно было входить въ него, не зная что тамъ дѣлается.

Миша подошелъ къ избѣ и заглянулъ въ окно. Въ черномъ штатскомъ пальто и старой гимна-

зической фуражкѣ со снятыми лаврами онъ походилъ на красногвардейца. Онъ долго смотрѣлъ въ окно, потомъ подошелъ къ ожидавшимъ у палисадника братьямъ.

— Забайкинъ тамъ. Ей Богу, господа, Забайкинъ, сказалъ онъ.

— Кто такое Забайкинъ?, спросилъ Ника.

— Да гимназистъ же! Годомъ меня старше Мать его яблоками на Загородномъ торгуетъ. Шалопай страшный, а такъ ничего, добрый парнишка-

— Одинъ онъ, спросилъ Ермоловъ.

— Ну! одинъ! Человѣкъ двадцать съ нимъ. рабочихъ. Красная гвардія! Да чудные! Пулеметными лентами позакрутились, прямо индѣйцы какіе то. Точно дѣти играютъ. Зайдемъ туда. Скажемъ, что мы тоже красная гвардія.

— Ну что же. Развѣдать, распросить, господа, надо, сказалъ Павликъ.

— Идемте.

Изба была переполнена народомъ. Это были рабочіе съ заводовъ и все больше молодежь. Подъ потолкомъ горѣла лампа, красногвардейцы сидѣли по лавкамъ и за столомъ и пили чай. Большой каравай крестьянскаго хлѣба лежалъ передъ ними.

— Здраствуйте, товарищи, сказалъ Миша. — Забайкинъ узнаешь, друже?

— Ермоловъ! Ты что? Тоже поступилъ?

— Ну да. Это мой братъ. А это тоже товарищи наши.

— Вы откуда, подозрительно оглядывая вошедшихъ спросилъ рабочій.

— Изъ Царскаго, на развѣдку въ Питеръ посланы.

— А что въ Царскомъ, спросило нѣсколько голосовъ.

— Казаки занимаютъ.

— Ну!...

— Я говорилъ, товарищи, что такъ и будетъ — сказалъ рабочій съ простымъ Русскимъ лицомъ.— Керенскій тамъ?, спросилъ онъ.

— Не то тамъ, не то въ Гатчинѣ, отвѣчалъ Миша.

— Какъ же, это солдаты сдали?, спросилъ пожилой рабочій.

— Солдаты всѣ сюда идутъ. Матросы у Александровской бой ведутъ.

— А много казаковъ?

— Кто ихъ знаетъ. Тысячъ десять, сказывали, — говорилъ Миша. А что въ Питерѣ?

— Чортъ его разберетъ что, — сказалъ Забайкинъ. — Вышло требованіе народа: — вся власть совѣтамъ. Значитъ Ленинъ и исполкомъ берутъ все на себя. Обѣщанія народу даны такія: — немедля по телеграфу миръ и айда по домамъ, раздача хлѣба, земля крестьянамъ, заводы и банки соціализируются и передаются народу, созывается Учредительное Собраніе. Ну, товарищи пошумѣли и пошли къ Зимнему дворцу. Тамъ заперлось правительство. Выставили пулеметы, юнкера охрану держатъ, женскій батальонъ.

— Это мы все знаемъ, сами тамъ были съ рабочими, сказалъ Миша.

— Да кабы намъ кто сказалъ, гдѣ правда, — сказалъ пожилой рабочій. — А то такъ говорятъ: Ленинъ шпіонъ на германскія деньги работаетъ. Ладно. Такъ я и повѣрилъ! Почему же не арестовали тогда? Нѣтъ — Черновъ, Викторъ Михайлычъ сказалъ, что это неправда, что Ленинъ честный человѣкъ. Керенскій съ нимъ былъ за одно. Вы возьмите въ толкъ еще то, что, когда рабочіе за винтовки взялись и пошли къ дворцу, такъ кто на защиту сталъ? Юнкаря, да дѣвки — самой буржуй, значитъ. Солдаты по казармамъ заперлись. Офицеры молчатъ. Теперь, глядите, товарищи, — 25 октября Керенскій помчался въ армію, войска собирать противъ Ленина. Кого

собралъ? Однихъ казаковъ. Казаки тѣ же буржуи. Вотъ у меня и явилось убѣжденіе, что Ленинъ и большевики истинно за народъ стоятъ и намъ съ ними идти надо, а не противъ нихъ.

— Кабы разъяснилъ кто, — съ тоскою сказалъ красногвардеецъ, оглядывая всѣхъ кругомъ — мы народъ темный. Царя не стало и пошла путаница. То Львовъ, то Керенскій, то Ленинъ. И каждый другого хаитъ.

— Нѣтъ, товарищи, это уже истина. Народная власть — совѣты.

— Да такъ то оно такъ, а только, товарищи, былъ я въ Смольномъ. Жиды, да нѣмцы, да латыши — Русскихъ то почитай и не видно.

— Кабы такъ было, солдаты пошли бы съ Керенскимъ. А то не идутъ.

Миша сталъ прощаться.

— Куда же ты, Ермоловъ, — сказалъ Забайкинъ.

— Съ донесеніемъ обратно, на Пулковскую гору.

Никто ихъ не задерживалъ. Они вышли на шоссе и пошли по пустынной дорогѣ. Дорога была грязная, растоптанная войсками и обозами. Не доходя до тріумфальной арки они свернули въ сторону и огородами стали пробираться къ городу. Ночь была свѣтлая. Ярко горѣли на небѣ звѣзды. Въ городѣ было тихо. Электричество горѣло только въ центрѣ. Изрѣдка доносились оттуда рѣдкіе выстрѣлы. Увязая въ черной и липкой грязи, прыгая черезъ канавы Ермоловы и Полежаевы подвигались къ Боровой улицѣ. Два раза пришлось перелѣзать заборы, проходить пустыми дворами, наконецъ вышли на широкую грязную немощеную улицу.

— Боровая — сказалъ Павликъ.

— Она самая. А тихо какъ, — сказалъ Ника куда же пойдемъ?

— Вотъ и я думаю куда? На Забалканскомъ у нихъ, конечно, заставы. Тамъ казармы близко народа много. Не всегда Забайкины попадутся.

можно и на Гайдука нарваться, — сказалъ Ермоловъ. — Пойдемте, господа, на Разъѣзжую, потомъ по Чернышеву и Гороховой.

Всѣ одобрили его предложеніе.

Петербургъ вымеръ. Всѣ окна были темны. Рѣдко, рѣдко виднѣлась гдѣ либо лампадка затепленная подъ образами и гдѣ краснымъ, гдѣ зеленымъ тусклымъ свѣтомъ мигающая подъ окномъ. Нигдѣ на перекресткахъ не было милиціи. Она была снята рабочими. Но чувствовалось, что городъ не спалъ, а тревожно прислушивался къ тому, что дѣлается на улицахъ. За закрытыми желѣзными воротами слышались робкіе голоса. Городъ ждалъ избавленія. На Лиговкѣ яркимъ свѣтомъ горѣли два освѣщенные дома. Часть оконъ была прикрыта ставнями и сквозь щели выбивался жолтый свѣтъ. Компанія загулявшихъ матросовъ стучала въ запертыя двери и грубо хохотала. Съ верху, изъ раскрытаго окна слышался истеричный женскій смѣхъ и ругательства. Нѣсколько извощиковъ стояли посрединѣ улицы и лошадей подъ уздцы держали солдаты.

На Разъѣзжей по трактирамъ и кинематографамъ горѣлъ свѣтъ и толпа солдатъ стояла подлѣ нихъ. Молодые люди спустились по Коломенской и Ямской на Ивановскую, по пустой Бородинской вышли на Фонтанку и здѣсь остановились. Опять взяло сомнѣніе, куда идти. Но деревянный мостъ противъ Малаго театра охранялся юношей красногвардейцемъ, который съ испугомъ смотрѣлъ на приближавшуюся компанію и ничего ей не сказалъ и Ермоловы и Полежаевы благополучно вошли въ Апраксинъ дворъ. У темныхъ рядовъ магазиновъ кое гдѣ дежурили сторожа, но они ничего не спрашивали и видимо были рады тому, что молодые люди торопливыми тѣнями скользили вдоль желѣзныхъ арокъ.

На Каменномъ мосту пришлось подвергнуться опросу. Ермоловъ сразу замѣтилъ, что опрашивавшіе не имѣли точныхъ инструкцій и ограничились осмотромъ кармановъ, нѣтъ ли оружія, причемъ у Миши пропалъ кошелекъ, а у Павлика портсигаръ. Таже исторія повторилась и на Синемъ мосту. По Морской горѣли фонари. На Маріинской площади темной кучей стоялъ отрядъ матросовъ и красной гвардіи. Здѣсь Полежаевы узнали, что днемъ былъ бой и красная гвардія взяла послѣ долгаго сопротивленія центральную телефонную станцію. Идти было трудно. Каждые двадцать шаговъ ихъ опрашивали, но удовлетворялись отвѣтомъ: — „мы за совѣтскую власть, идемъ домой на Петроградскую сторону».

На той сторонѣ Невскаго, на половину освѣщеннаго, пострѣливали. Нѣсколько грузовиковъ и легковыхъ автомобилей стояли возлѣ дома Благороднаго собранія и по Мойкѣ. Подлѣ горѣли костры и какіе то люди толпились у огня.

— Все дѣло въ смѣлости и нахальствѣ, сказалъ Ника и пошелъ впереди всѣхъ на Мильонную. Изъ Зимняго дворца стрѣляли по аркѣ. Пули проносились со свистомъ по улицѣ и впивались со щелканіемъ въ торцовую мостовую. Красногвардейцы жались къ стѣнамъ домовъ, укрываясь выступами арки.

— Эй! товарищи, — вы куда! раздались голоса съ обѣихъ сторонъ.

— Свои, свои, — крикнулъ Павликъ.

— Туда нельзя. Тамъ юнкаря.

— Врозь и бѣгомъ къ дворцу! шепнулъ Ника. Павликъ и братья Ермоловы кивнули головами.

— Стой! крикнулъ сбоку красногвардеецъ и выставился изъ за арки. Пуля щелкнула по аркѣ и онъ поспѣшно спрятался. Братья бросились бѣжать по площади къ дворцу.

Нѣсколько выстрѣловъ раздалось по нимъ, пули защелкали по аркѣ, осыпая камень, но они

уже были на площади. Затрещали выстрѣлы изъ Александровскаго сада и съ Мойки, пули свистали кругомъ, откуда то сверху защелкалъ пулеметъ, но они бѣжали не тронутые и сливались темными силуетами съ темными торцами и мокрыми камнями площади. Впереди былъ Зимній дворецъ съ большими, наглухо запертыми, желѣзными воротами. У воротъ лежалъ убитый юнкеръ. Братья успѣли мелькомъ замѣтить его неподвижную небольшую фигуру, затянутую въ шинель и были у воротъ. Пули звенѣли о ихъ желѣзо.

— Господа! впустите! свои!, задыхаясь крикнулъ Ермоловъ.

Калитка пріоткрылась и юнкеръ пропустилъ ихъ во дворъ.

Во дворѣ горѣлъ костеръ изъ дровъ и сидѣло человѣкъ двадцать юнкеровъ. Они окружили вошедшихъ.

XLII.

— Ну что? Гдѣ Керенскій и казаки?, было первымъ вопросомъ юнкеровъ. Они по лицамъ, по смѣлости подвига, узнали съ кѣмъ говорятъ.

Братья усѣлись на ступеняхъ главной дворцовой гауптвахты и стали разсказывать все то, что они видѣли и слышали за день своихъ скитаній. Они не умалчивали ни о чемъ и ничего не скрывали. Они сказали, что казаковъ меньше тысячи, что они ждутъ помощи солдатъ, а солдаты не приходятъ, что они не вѣрятъ больше Керенскому и не хотятъ сражаться, что всѣ ихъ надежды на то, что Петроградскій гарнизонъ станетъ на ихъ сторону.

— Какъ же, съ отчаяніемъ и злобою, сказалъ юноша лѣтъ шестнадцати, почти мальчикъ, глядя усталыми страдающими глазами на Ермолова — наши солдаты сплошь трусы и шкурники. Они

ни за что не выйдутъ изъ казармъ. Они готовы признать своею властью нѣмцевъ, большевиковъ, Ленина, Керенскаго, хоть самого дьявола, лишь бы имъ ничего не дѣлать, лущить сѣмечки, да шататься по кинематографамъ.

— Такіе же и здѣшніе казаки, — сказалъ черноусый маленькій юнкеръ, — понарядились во френчи, денегъ уйма и никто не интересуется откуда у нихъ деньги.

— Христопродавцы проклятые!, сказалъ первый юнкеръ.

— Главное — никто не распоряжается. Керенскій уѣхалъ, а министры тутъ засѣли и ничего не дѣлаютъ.

— И умирать за такихъ министровъ охоты нѣтъ никакой.

— Раньше былъ царь, а теперь пустое мѣсто.

— Россія, господа, осталась.

— Россія подъ краснымъ знаменемъ! Какая уже это Россія!

— Говорятъ, въ городской думѣ собрались общественные дѣятели, можетъ быть, они что либо придумаютъ.

— Какое! Поговорятъ и разойдутся.

— Куда имъ! Вы слыхали, что плѣнный большевикъ рабочій разсказывалъ.

— Да, брешетъ онъ.!

— Кто знаетъ? А на нихъ похоже. Говоритъ—вы не знаете Ленина и Троцкаго. Они поставятъ подъ Александровской колонной электрическую гильотину и всѣмъ, кто противъ нихъ, головы поотрубаютъ.

— Бросьте, Вагнеръ, и безъ васъ тошнехонько.

— Не можетъ этого быть. Не звѣри же они. Такіе же люди, да и Русскіе притомъ.

— А вотъ увидите. Слыхали на Петроградской сторонѣ тридцать юнкеровъ Владимірскаго училища взяли въ плѣнъ, поставили у забора и всѣхъ разстрѣляли. Красногвардейцы разстрѣливали.

Вертуновъ изъ окна видѣлъ. Потомъ уложили трупы, какъ дрова на грузовикъ и куда то увезли.

— У васъ нервы, Вагнэръ.

— Господа юнкера, можно у васъ огонька получить, сказала подходя къ сидѣвшимъ дѣвушка лѣтъ двадцати пяти. Поверхъ юбки на ней надѣта была шинель, подпоясанная ремнемъ съ патронташами.

— Пожалуйте, Леночка, присаживайтесь къ намъ.

— Некогда, господа, съ вами растарабарывать.

Леночка взяла головню и побѣжала съ нею во дворецъ.

— Много ихъ побили красногвардейцы — кивнулъ въ ея сторону черноусый юнкеръ.

— Хорошо дерутся?, спросилъ Павликъ.

Черноусый пожалъ плечами и сказалъ: —

— Не умѣютъ совсѣмъ.

Юнкера примолкли. Послѣ оживленнаго обмѣна мнѣніями всѣ сидѣли и молчали. Блѣдный разсвѣтъ наступалъ на дворѣ. Яснѣе стали облѣзлые, лишь кое гдѣ сохранившіе листву кустарники посерединѣ двора, столбики и будка гауптвахты, стеклянная галлерея. Звѣзды погасали и сѣрое небо надъ узкимъ дворомъ каждую минуту становилось блѣднѣе.

— Господа выборные, на совѣтъ, — сказалъ съ гауптвахты кто то, и ушелъ во дворецъ, хлопнувши стеклянною дверью.

Два юнкера поднялись отъ костра и пошли во дворецъ.

Ника сидѣлъ въ сторонѣ и смотрѣлъ на юнкеровъ у догоравшаго костра. При свѣтѣ утра они были видны всѣ съ блѣдными, усталыми отъ безсонной ночи лицами. Тонкій, точно барышня, стройный, хорошенькій юнкеръ лежалъ на ступеняхъ, положивши нѣжное лицо на черныя доски гауптвахты и спалъ. Длинныя рѣсницы сомкнулись, пухлый дѣтскій ротъ былъ полуоткрытъ

и грудь ровно дышала. Рядомъ съ нимъ черноусый сидя спалъ и густо по утреннему храпѣлъ. Вагнеръ, блѣдный, съ синевою окруженными мечтательными глазами сидѣлъ на принесенномъ изъ дворца креслѣ и смотрѣлъ на небо. Онъ замѣтилъ, что Ника смотритъ на него и подошелъ къ нему.

— Мнѣ вся эта исторія представляется безнадежной, сказалъ онъ со слезами въ голосѣ — насъ и четырехсотъ человѣкъ не наберется, патроновъ мало, связи ни съ нѣмъ нѣтъ. 25-го октября удралъ Керенскій, сегодня удеретъ или измѣнитъ Полковниковъ и что будетъ съ нами?! Въ Неву вошла «Аврора». Она уже стрѣляла по городу. Два хорошихъ попаданія и отъ дворца ничего не останется.

— Но что же дѣлать? Не сдаваться же?, сказалъ Ника.

— Сдаваться нельзя. Перестрѣляютъ, замучаютъ всѣхъ. Вертуновъ разсказывалъ, что когда юнкеровъ повели на разстрѣлъ, мать одного изъ нихъ, интеллигентная женщина, лѣтъ сорока, хорошо одѣтая, бросилась на колѣни передъ красной гвардіей и кричала; — «я мать! я мать! Отдайте мнѣ его!» — Красногвардеецъ грубо выругался и сказалъ — «ну такъ смотри же, какъ твоего щенка задушимъ» и сталъ выпускать въ него пулю за пулей, а она на колѣняхъ ползала передъ нимъ по грязи и хватала его за ноги. Чего ждать отъ нихъ!

— Надо биться до конца.

— Я понимаю васъ. Это вѣрно. Надо биться, но за кого умирать, когда такъ хочется жить. За Шингарева и Кокошкина? За Керенскаго и Чернова?.. Они такъ много говорятъ о Россіи, а понимаютъ ли они Россію?..... Ахъ.... такъ жить хочется!.... Я мечталъ о славѣ на войнѣ, о подвигахъ. Нѣмцы разбиты, мы возвращаемся ликующими рядами и жители встрѣчаютъ насъ цвѣтами

и букетами. И у меня есть мать, и сестры есть и братья, есть родной уголъ. Зачѣмъ же? по какому праву хотятъ отнять это у меня? За что берутъ мою жизнь?

— За Россію, тихо пожимая ему руку сказалъ Ника.

— За Россію.... Но безъ царя нѣтъ и Россіи.

Вагнеръ отошелъ отъ Ники и войдя въ кусты низко опустилъ голову. Никѣ показалось, что онъ плакалъ.

Ясный октябрьскій день наступалъ.

XLIII

Съутра начался бой и какъ то сразу всѣмъ стало ясно, что безъ помощи извнѣ, безъ возстанія Петербургскаго гарнизона, безъ подхода какихъ то силъ къ Петербургу не удержаться. Лазили на крышу, прислушивались къ тому, что дѣлалось кругомъ, но все было тихо. Казаки не наступали. Нѣсколько отчаянныхъ юношей рѣшились пробиться и принести въ Царское Село записки съ описаніемъ положенія. Юнкера и женскій батальонъ сбились по корридорамъ и заламъ дворца, терялись въ лабиринтѣ комнатъ, этажей и залъ. Отъ поры до времени раздавался страшный тяжелый гулъ, что то охало неподалеку, звенѣли и падали стекла и сейчасъ же страшный взрывъ обозначалъ паденіе снаряда. Стрѣляла «Аврора». И то, что у большевиковъ была артиллерія, а у юнкеровъ ея не было, понижало духъ защитниковъ Зимняго Дворца.

Часто по окнамъ били пулеметы, установленные кругомъ и пули щелкали по комнатамъ, по заламъ, сбивали подвѣски хрустальныхъ люстръ и по дворцу стало не безопасно ходить. Юнкеру въ корридорѣ раздробило ногу и его, стонущаго и жалобно кричащаго, понесли въ операціонную.

Министры нервничали и все чаще говорили о томъ, что сопротивленіе безполезно. Телефонъ не работалъ, никакой связи съ внѣшнимъ міромъ не было и, какъ это ни странно слухи зарождались и гасли, ихъ сообщали, какъ истину и то надѣялись, то предавались отчаянію. Пулеметы, установленные на полу дворцовыхъ корридоровъ, планы, какъ обстрѣливать въ случаѣ нужды тотъ, или другой залъ, или лѣстницу, пули съ пѣніемъ проносившіяся по заламъ, внезапный звонъ стекла, паденіе штукатурки ничѣмъ необъяснимыя, ряды безсонныхъ ночей, ожиданіе неминуемой смерти, тайны дворца — все это повышало нервность отряда, защищавшаго дворецъ, но, главное, юнкера не видѣли смысла боя, не видѣли возможности отсидѣться. Продовольствіе было давно на исходѣ и если бы не таинственныя корзины съ хлѣбомъ и закусками, которыя несмотря на то, что дворецъ былъ оцѣпленъ кругомъ красногвардейцами протискивали туда люди разнаго званія, провозили иностранцы — среди защитниковъ былъ бы уже настоящій голодъ. Никто не думалъ, что это продолжится такъ долго. Розсчитывали, что уже 26-го октября Керенскій съ войсками освободитъ Петербургъ изъ подъ власти большевиковъ, но шло уже 29-е, а помощи ни откуда не было,

— Держитесь!, — говорили прибѣгавшіе изъ штаба округа люди — помощь близка.

Но по ихъ лицамъ было видно, что они и сами не вѣрили въ эту помощь.

— Капитану Кузьмину, комиссару Петроградскаго Округа удалось уговорить Преображенцевъ. На Невскомъ Преображенцы разоружаютъ красную гвардію. Волынскій полкъ окружилъ Смольный. Ленинъ и Троцкій бѣжали на «Аврору».

Ленинъ и Троцкій. — эти два имени, не сходили съ устъ и на ихъ головы сыпались всѣ проклятія.

Все оживало. Любопытные устремлялись къ окнамъ, открывали двери подъѣзда и падали раненые невидимыми пулями и было ясно одно: — обложеніе дворца стало еще крѣпче и еще тѣснѣе.

Ползли новые слухи, передаваемые на ухо съ глазу на глазъ. Блѣдный юноша склонялся къ блѣдному юношѣ и говорилъ чуть слышно: — казаки Керенскаго митингуютъ и не желаютъ драться.

— Викжель постановилъ не пропускать никакихъ воинскихъ эшелоновъ къ Петербургу.

— Кто такое Викжель?

— Военноисполнительный комитетъ желѣзнодорожниковъ.

Въ эти страшные часы нарождались и страшныя слова, отъ которыхъ уже неслось мертвящее дыханіе яда интернаціонала. Къ Викжелю присоединился Потель — союзъ почтово телеграфныхъ рабочихъ и онъ становился на сторону большевиковъ.

Около полудня стрѣльба замолкла. Какая то делегація отъ большевиковъ проѣхала къ штабу округа и не успѣла она скрыться въ широкихъ дверяхъ громаднаго зданія, какъ пошли новые слухи.

— Большевики сдаются, хотятъ переговоровъ. Они требуютъ допущенія своихъ членовъ въ Правительство.

— И пусть... и пусть... кому они мѣшаютъ.

— Допустите хотя одного большевика въ Правительство и онъ разложитъ все правительство и погубитъ Россію.

— А теперь лучше?

Оглядывались на восьмимѣсячную работу Временнаго Правительства и чувствовали, какъ обмякали руки и ноги, и сердце переставало биться отъ ужаса. На фронтѣ отходили, сдавались, бѣжали, на фронтѣ былъ одинъ позоръ. Армія разложилась. Внутри грабежи и погромы. На улицу страшно выйдти. Голодъ надвигается вмѣстѣ съ

зимою, дровъ нѣтъ, желѣзныя дороги умираютъ, рабочіе перестали работать. Красивый Русскій языкъ поруганъ, старое правописаніе замѣнено новымъ. Заборное правописаніе освящено Академіей Наукъ и постановленіемъ временнаго правительства. Правительство широко раскрыло двери хаму и хамъ врывался и поганилъ все, что было чисто и свято.

Съ улицы шли страшныя вѣсти.

— Ищутъ по домамъ кадетъ и юнкеровъ и убиваютъ ихъ.

— Съ офицеровъ срываютъ погоны на улицѣ и забиваютъ на смерть.

И сейчасъ же говорили о томъ, что красная гвардія дрянь, она не хочетъ сражаться.

— На Невскомъ, дама одна, трехъ красногвардейцевъ обезоружила и винтовки сама въ дворницкую снесла, при смѣхѣ толпы.

На улицахъ была толпа, значитъ не такъ страшно. Опять любопытныя лица тянулись къ окнамъ, опять по узкимъ страшнымъ лѣстницамъ лѣзли на чердаки и выползали на крышу. Большой красный флагъ трепался на флагштокѣ и говорилъ о крови и мученіяхъ. Внизу въ сыромъ туманѣ осеннихъ сумерокъ мокрыми камнями блестѣла площадь съ черными полосами торцовыхъ дорогъ. Такъ пусто было на ней.

Александровскій садъ шумѣлъ осенними кустами и они облетѣвшіе, разбухшіе отъ дождя казались страшными. Вся его площадь, съ извилистыми дорожками, съ круглымъ бассейномъ фонтана, съ памятниками, была пуста. Въ бѣломъ зданіи Адмиралтейства таилась толпа и оттуда щелкали выстрѣлы. Пять человѣкъ матросовъ жались за Александровской колонной и чудилось, что они устанавливаютъ тамъ пулеметъ.

Дальше было море крышъ — темнокоричневыхъ, сѣрыхъ, мокрыхъ, блестящихъ. Тамъ были дома,

гдѣ жили родители этихъ юношей, гдѣ отъ нихъ ждали спасенія.

Тамъ было тихо. Взглядъ хотѣлъ увидѣть въ туманной дали за городомъ двигающіяся войска, слухъ хотѣлъ уловить громъ канонады, увидать дымъ поѣздовъ спѣшащихъ на выручку. Но кругомъ была тишина и темное марево покрывало поля и огороды вокругъ Петербурга.

— Митингуютъ... шептали молодыя уста.

— Казаки митингуютъ и не идутъ спасать Петроградъ!

XLIV.

30-го октября стало холоднѣе. Съ моря дулъ рѣзкій порывистый вѣтеръ. Нева почернѣла и волны съ глухимъ шумомъ набѣгали на мосты, пѣнились бѣлыми гребнями и разсыпались шипя. То билъ холодный косой дождь, то свѣтило солнце, между тучъ обнажались клочки голубого неба и печальные лучи будто заплаканнаго солнца упадали на сверкающую подъ ними воду, на дома, на дорожки сада.

Съ юга отчетливо, часовъ съ десяти послышалась частая канонада.

— Бухъ, бухъ! слышалось оттуда.

— Бухъ, бухъ, бухъ, бухъ! и опять четыре выстрѣла и еще четыре.

— Очередями сыпятъ, говорили во дворцѣ.

— Казаки наступаютъ.

И опять родились слухи и опять возникали надежды.

— Подъ Пулковымъ дерутся.

— Какое! Ближе! Среднюю Рогатку, слыхать, занимаютъ.

— Измайловскій полкъ въ безпорядкѣ бѣжалъ. У казаковъ броневой поѣздъ оказался,

— Броневой дивизіонъ выступилъ изъ Петрограда съ бѣлыми флагами сдаваться Керенскому.

— Казаки сѣдлаютъ лошадей, переходятъ на сторону Керенскаго.

Голодныя, блѣдныя, исхудалыя, изможденныя безсонными ночами лица юнкеровъ оживлялись, глаза сверкали надеждой.

— Погодите, Леночка, и на нашей улицѣ праздникъ будетъ.

— Теперь отсидимся.

— Ахъ, далъ бы Богъ!

Выстрѣлы гудѣли все въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Часамъ къ двумъ они стали рѣже. Къ тремъ совсѣмъ смолкли. Солнце садилось въ сѣрый туманъ, тучи заволакивали небо, Нева съ глухимъ шумомъ билась о гранитъ набережной. Вмѣстѣ съ сумерками появились и страшные слухи.

— У казаковъ нѣтъ патроновъ.

— Казаки измѣнили и сдались...

Послѣдняя надежда рухнула. Обстрѣлъ зимняго дворца усилился. Опять сбивались по темнымъ корридорамъ, прятались въ нижней галлереѣ и по погребамъ. Опять ползли тяжелыя думы и отчаяніе охватывало молодые мозги.

— Керенскій пошелъ на переговоры.

— Викжель требуетъ мира и прекращенія междоусобной брани.

— Полковниковъ бѣжалъ.

Офицеры ходили растерянные среди юнкеровъ и не могли разсѣять страшные слухи, возникавшіе то тутъ, то тамъ, не могли отвѣтить на роковые вопросы. Они ничего не знали.

Петербургъ, озаренный пламенемъ костровъ, глухо волновался и въ этомъ рокотѣ толпы, гудкахъ автомобилей, вдругъ проснувшихся, чудилась побѣда большевиковъ.

Опускались руки. Обойма, взятая чтобы быть вложенной въ магазинъ винтовки, упадала на полъ и патроны разсыпалась. Мертвыми казались мрачно горѣвшіе глаза.

Двери комнаты, гдѣ сидѣли министры и сановники были наглухо заперты. Возлѣ нихъ стояли часовые. Тамъ шли совѣщанія. Иногда оттуда выходилъ человѣкъ въ темномъ сюртукѣ, съ сѣдыми волосами и говорилъ сбѣгавшимся къ нему юнкерамъ.

— Господа, оборонимъ и защитимъ честь и достоинство Россіи. Господа! умремъ, а не сдадимся.

Юнкера молчали. Мрачнымъ огнемъ горѣли глаза. Руки нервно сжимали винтовки.

— Если сдадимся, пощады никому не будетъ, — говорилъ министръ и уходилъ и никто не зналъ что рѣшили, что придумали тѣ, кому довѣрили свои молодыя жизни эти юноши и дѣвушки.

— Сдаваться немыслимо...

— Сдаваться позоръ, — говорили по заламъ, коридорамъ, лѣстницамъ и дворамъ дворца. И вдругъ, какъ ошеломляющее, убивающее извѣстіе пронеслась по защитникамъ страшная вѣсть: —

— Бѣлый флагъ на дворцѣ . . . .

. . . .

Вся площадь сразу наполнилась густою глухо гомонящей толпою. Слышались изъ нея рѣзкіе командные крики. Стало до боли ясно, что стрѣлять по ней ни къ чему.

Матросы, солдаты и красногвардейцы густыми толпами врывались въ ворота и подъѣзды и растекались по дворцу, наполняя его отовсюду.

Щелкнулъ выстрѣлъ: — юнкеръ застрѣлился.

— Спасите! спасите!, раздавались крики, матросы тащили Леночку.

— На царскую постель ее!

— Натѣшимся!

— А и много ихъ здѣся.

— То то добыча!

— Спасите!

— Боже!

— Повоевали и довольно.

По заламъ дворца, на полу, на постеляхъ лазарета начиналось пиршество звѣрей. Въ полутьмѣ видны были группы по восемь, по десять человѣкъ, слышались хрипѣнiе, стоны, тяжелое дыханiе и циничная ругань.

— Въ очередь, товарищи, становись въ очередь! Вынимай билетики на брунетку фельдфебеля.

Юнкеровъ обезоруживали и сгоняли во дворъ, чтобы вести ихъ куда то.

— Тащи, пулеметъ, прикончимъ здѣся, — смѣясь кричалъ матросъ съ краснымъ лицомъ и весельемъ горящими глазами.

— Вотъ такъ Ленина свадьба!

— Товарищи, помни приказъ комиссара никого не трогать. Большевики не крови ищутъ!

— Куда ихъ беречь буржуевъ!

— Что, братъ, трясешься. Погоди, къ стѣнкѣ поставимъ, то то танцы узнаешь.

— Это враги народа!

— Не разговаривать! Комиссаръ идетъ.

Молодой офицеръ въ шинели, въ погонахъ, съ алой повязкой на рукавѣ, властно расталкивая матросовъ прошелъ черезъ толпу къ юнкерамъ и приказалъ построиться.

— Вамъ, сказалъ онъ, ничего не будетъ. Товарищъ Шлоссбергъ, ведите ихъ въ крѣпость.

Ночь прошла на крѣпостномъ дворѣ, возлѣ монетнаго двора у Трубецкаго равелина. Какъ стадо столпились юнкера, одни сидѣли, другiе лежали на мокрыхъ камняхъ, третьи стояли, прислонившись къ стѣнамъ. У воротъ, возлѣ костра толпились вооруженные рабочiе. Мелкiй холодный дождь сыпалъ сверху и, казалось, что этой ночи не будетъ конца.

Миша съ братомъ, Павликъ и Ника были въ этой толпѣ. Къ нимъ жался Вагнеръ съ блѣднымъ и тонкимъ, какъ у дѣвушки лицомъ. Онъ отвелъ Нику въ сторону и началъ говорить, но

подбородокъ запрыгалъ у него и вмѣсто словъ вылетѣлъ только неясный звукъ: — у-а, а, а...

Онъ отвернулся, набралъ воздуха въ грудь и заговорилъ: —

— Вы знаете... Леночка... моя невѣста. Я не буду больше жить... На Дегтярной въ домѣ номеръ 28 квартира 36 во дворѣ... Моя мать... Разскажите ей, какъ я умеръ.

Юнкера подходили къ красногвардейцамъ и заговаривали съ ними. Крсногвардейцы, молодые рабочіе въ черныхъ пальто, а многіе и безъ пальто въ пиджакахъ, опоясанныхъ патронными сумками и пулеметными лентами стояли, опираясь на винтовки и шутили.

— Что, господа буржуи, попановали и довольно.

— Третьяго дни такихъ, какъ вы сотню на Смоленскомъ полѣ въ расходъ вывели.

— Оставьте, товарищи, каждый въ своемъ правѣ. Отпустятъ васъ. Только подписку возьмутъ, что вы противъ Совѣтской власти никогда не пойдете. Живите. Большевики добра хотятъ.

— А куда ушли казаки? спрашивали юнкера.

— Въ Гатчино. Да и казаковъ то котъ наплакалъ. Только четыреста человѣкъ и пошло за Керенскаго. Всѣ за народную власть!

Поздно ночью узнали, что привезли арестованныхъ министровъ.

— Капутъ временному правительству, товарищи. Рабоче-крестьянская власть наступаетъ въ Рассеѣ. Теперь и миръ, и хлѣбъ, и земля. Никто васъ юнкарей не тронетъ, говорили красногвардейцы.

Отъ надежды, подлой гадкой надежды, какъ нибудь сохранить свою шкуру, переходили къ страшному отчаянію. Слышались стоны насилуемыхъ женщинъ и липкое сознаніе какой то подлости, въ которой они и не виноваты, вступало въ молодыя сердца. И тогда тошнило не отъ одного голода. Нѣсколько человѣкъ угрѣвшись вмѣстѣ въ углу двора, положивши головы на

мокрыя плиты троттуара спали, рѣшивши, что надо набраться силы для завтрашняго дня. Среди нихъ былъ Миша. Все кипѣло въ немъ негодованіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ какой то крупный планъ геройскаго подвига, который онъ долженъ совершить создавался несознательно въ его головѣ.

Вагнеръ стоялъ, прислонившись къ стѣнѣ и лицо его съ закрытыми глазами было такъ блѣдно, что Никѣ временами казалось, что онъ уже умеръ отъ горя. Но, увы! отъ горя не умираютъ.

Такъ долгая, мучительная, холодная и сырая шла ночь и каждый зналъ, что эта ночь послѣдняя для него.

Какъ хотѣлось многимъ проститься со своими, увидать послѣдній разъ лицо матери, отца, сестеръ и братьевъ, увидать свой домъ, свою квартиру.

— Какъ думаешь, тихо проговорилъ Ника, обращаясь къ Павлику — Таня и Оля чувствуютъ теперь что либо?

— Страшно подумать. Оля въ Царскомъ, а Царское...

— Богъ милостивъ.

— Ты думаешь, насъ разстрѣляютъ.

— Только не мучали бы.

— Ахъ! уже умирать! Мы такъ молоды.

— Молчи!... Молчи!...

Утро наступило, наконецъ, хмурое, туманное и сырое. За воротами въ узкомъ переулкѣ съ тяжелымъ грохотомъ промчался грузовой автомобиль и остановился, треща машиной. Во дворъ вошелъ молодой человѣкъ съ блѣднымъ лицомъ, окруженный вооруженными матросами. Онъ держалъ въ рукѣ револьверъ и бумагу.

— Юнкерамъ построиться!, властно крикнулъ онъ.

Юнкера стали становиться въ двѣ шеренги. Ихъ лица были землистыя, глаза смотрѣли мрачно.

— Совѣтская власть побѣдила, — сталъ говорить пріѣхавшій. — Во всей Россіи водворяется порядокъ и совѣтъ народныхъ комиссаровъ постановилъ даровать жизнь тѣмъ, кто былъ обманутъ и ослѣпленъ безумными вождями, стремившимся къ реакціи. Вы подпишете здѣсь бумагу о томъ, что вы признаете власть совѣтовъ и не будете выступать противъ нея съ оружіемъ въ рукахъ. И тогда вы свободны. Можете ѣхать по домамъ. Клянитесь въ этомъ.

Юнкера молчали. Многіе тяжело дышали. Слезы стояли въ пустыхъ усталыхъ глазахъ. Они, казалось, не понимали того, что происходитъ.

— Я клянусь, раздался искусственный ломающійся басъ, — всю жизнь бороться противъ насильниковъ Русскаго народа и уничтожить предателя, подлеца и шпіона Ленина!

— Что-съ! Кто это сказалъ?, визгливо выкрикнулъ молодой человѣкъ.

— Я! — выступая впередъ сказалъ Миша. — Господа, подписывайте бумагу. Она вынужденная и ничего не стоитъ. Моя кровь развяжетъ вашу клятву.

— Къ стѣнкѣ! взвигнулъ молодой человѣкъ.

Матросъ такъ толкнулъ Мишу, что онъ упалъ на камни, но сейчасъ же всталъ и смѣло подошелъ къ стѣнѣ.

Онъ стоялъ у стѣны и его глаза большіе и лучистые сверкали, какъ глаза Ангела на иконѣ.

— Стрѣляйте же! крикнулъ молодой человѣкъ и прицѣлился самъ изъ револьвера.

— За Царя и за Русь!

Рѣзко щелкнуло около десятка ружей. На блѣдномъ лицѣ вдругъ чернымъ пятномъ появилась кровь, глаза закрылись, тѣло согнулось и безсильно рухнуло ничкомъ на мокрыя камни, изъ которыхъ выбивалась бурая трава.

— Мерзавцы! Палачи! — крикнулъ Вагнеръ н кинулся на молодого человѣка, но сейчасъ же и его схватили грубыя руки и установили у стѣны.

— Этого я самъ, — сказалъ молодой человѣкъ и, подойдя на шагъ къ Вагнеру, всадилъ ему пулю въ високъ изъ револьвера.

— Да здраствуетъ революція!, крикнулъ онъ и въ какомъ то экстазѣ продолжалъ стрѣлять по трупу Вагнера.

— Ну-съ, господа! Кто еще желаетъ?

Юнкера стояли молча. Нѣкоторые тряслись сильною, замѣтною дрожью.

— Пожалуйте подписываться.

Черезъ полчаса они выходили изъ крѣпости. Они шли, молча, и избѣгали смотрѣть въ глаза другъ другу. Внутренняя дрожь не прекращалась, свобода не радовала.

Подъ воротами ихъ обогналъ автомобиль — грузовикъ и заставилъ прижаться къ стѣнѣ. На грузовикѣ уѣзжали матросы. Они сидѣли по бортамъ платформы, а на днѣ ея лежало два трупа.

Матросъ схватилъ винтовку и выстрѣлилъ поверхъ головъ юнкеровъ. Юнкера невольно отшатнулись отъ неожиданности выстрѣла. Матросы грубо захохотали.

За мостомъ юнкера расходились и тихо брели по своимъ домамъ. Кругомъ кипѣла и бѣсновалась уличная толпа, шатались солдаты и слышались крики — да здраствуетъ совѣтская республика!

XLV.

Все это время Саблинъ почти безвыходно провелъ на своей квартирѣ. Что могъ онъ дѣлать? Онъ — генералъ, свиты Государя Императора. Одного его появленія было достаточно, чтобы разъярить и взволновать солдатъ. Сначала онъ попробовалъ найдти работу, и пошелъ къ военному

министру Верховскому. Верховскій происходилъ изъ хорошей семьи, былъ когда то въ Пажескомъ корпусѣ, тамъ увлекся соціальнымъ вопросомъ, былъ исключенъ изъ корпуса, разжалованъ въ рядовые и сосланъ въ Туркестанъ. Тамъ онъ хорошо себя зарекомендовалъ, добился производства въ офицеры, поступилъ въ Академію. Онъ былъ лѣвый, но по рожденію и воспитанію онъ былъ нашъ и Саблинъ надѣялся, что онъ найдетъ общій языкъ для разговора съ нимъ. Пріемъ у Верховскаго былъ по демократически съ восьми часовъ утра и къ этому времени было назначено придти и Саблину. Въ пріемной на Мойкѣ, — когда то угольной гостиной madame Сухомлиновой, мебель была чинно разставлена вдоль стѣнъ и покрыта пылью. Видно было, что съ самой революціи хозяйская рука не касалась ея и вытирали ее только платья просителей. У Верховскаго ожидало пріема нѣсколько солдатъ, потомъ являлась какая то украинская депутація показывать министру новую форму. Это были рослые молодцы гвардейцы — полковникъ, оберъ офицеръ, фельдфебель и солдатъ одѣтые въ какую то Русско-французскую форму съ генеральскимъ малиновымъ лампасомъ на штанахъ. Они охорашивались, какъ женщины, передъ зеркаломъ и все спрашивали: хороши-ли они. Отъ нихъ вѣяло опереткой. Полковникъ готовился сказать благодарственную рѣчь Верховскому за проведеніе идеи созданія особой украинской арміи.

Всѣхъ ихъ адъютантъ пропустилъ раньше Саблина, несмотря на то, что самъ же по телефону назначилъ Саблину придти къ 8 часамъ.

Когда Саблинъ ему мягко замѣтилъ объ этомъ онъ вычурно вскочилъ и воскликнулъ: —

— Извеняюсь, господинъ генералъ. Но то депутаціи, комитеты, выборные отъ частей и по демократическимъ правиламъ я обязанъ ихъ пропускать ранѣе генераловъ.

Саблинъ хотѣлъ уйдти, адъютантъ испугался и доложилъ о немъ Верховскому.

Верховскій, молодой человѣкъ, сидѣлъ за громаднымъ письменнымъ столомъ. Лицо его было жалкое. Какъ ни старался онъ играть въ республиканскаго министра эта роль ему не удавалась. Онъ старался быть важнымъ, но ордена и осанка Саблина его смущали, онъ боялся сидѣвшаго сбоку за столомъ юнаго штабъ офицера генеральнаго штаба, вѣроятно комиссара, или его помощника, безъ котораго онъ не смѣлъ ничего дѣлать. Онъ хотѣлъ быть свѣтски любезнымъ и демократически грубымъ, хотѣлъ передъ комиссаромъ изъ Совдепа показать, что ему плевать на генераловъ и всѣ для него: — „товарищи" и въ то же время слово товарищъ, примѣненное къ Саблину, никакъ у него не выходило.

Верховскій выразилъ удивленіе, что Саблинъ обращается къ нему. Онъ ничего не зналъ о томъ, что Керенскій назначилъ Саблина въ его распоряженіе.

— Такимъ боевымъ генераламъ, какъ вы, мѣсто на фронтѣ. Армія нуждается въ нихъ. Я во всякомъ случаѣ узнаю какія будутъ распоряженія относительно васъ и вамъ сообщу. Вы здѣсь живете?

Саблинъ сказалъ свой адресъ.

— Отлично. Отлично. Работы теперь такъ много, мы получили такое тяжелое наслѣдство, что вы не останетесь безъ дѣла.

— Это было 18-го сентября, но кончился сентябрь, проходилъ и октябрь а никто не безпокоилъ Саблина на его квартирѣ. Не было пакетовъ изъ канцеляріи военнаго министра, не было звонковъ по телефону. Бродя по улицамъ, встрѣчаясь со знакомыми по гвардіи, толкуя съ ними, Саблинъ скоро понялъ, что никакого вызова его и не можетъ быть. Ни Саблинъ, ни тѣ, кто походилъ на Саблина по своимъ убѣжденіямъ,

не были нужны Керенскому. Ему нужно было не создавать, но разрушать и Русскую армію и саму Россію.

Керенскій былъ Верховный Главнокомандующій Арміи и Флота и предсѣдатель Совѣта Министровъ, но держалъ онъ себя, какъ Монархъ. Въ Ставкѣ онъ бывалъ налетами, армія его не интересовала, онъ только игрался съ арміей и позировалъ передъ нею.

Саблинъ видѣлъ ежедневно, — (онъ нарочно ходилъ смотрѣть на это) — какъ громадныя толпы солдатъ съ утра наполняли Александровскій рынокъ. Вся набережная Фонтанки и площадь подлѣ рынка были сѣры отъ нихъ. Тамъ, на глазахъ у всѣхъ, солдаты продавали свое казенное солдатское обмундированіе, покупали штатскія тройки, тутъ же переодѣвались и толпами, съ котомками на плечахъ, текли на вокзалы желѣзныхъ дорогъ. Демобилизаціи арміи никто не объявлялъ, но она уже расходилась самовольно, на глазахъ у всѣхъ.

Всѣ желѣзныя дороги были переполнены солдатами. Солдаты требовали у желѣзнодорожныхъ служащихъ эшелоновъ, составляли поѣзда и нарушая движеніе, рискуя крушеніями, ѣхали куда хотѣли.

На Марсовомъ полѣ, иногда, по утрамъ, Саблинъ видѣлъ жалкія шеренги обучающихся солдатъ. Они часами стояли, ничего не дѣлая, грызли сѣмечки и пересмѣивались. Какъ то разъ Саблинъ увидѣлъ на полѣ эскадронъ своего родного полка. Его сердце мучительно сжалось, рой воспоминаній охватилъ его и онъ подошелъ къ эскадрону. Училъ эскадронъ солдатъ. Лошади были худыя и грязныя. Въ такомъ видѣ Саблинъ никогда не видалъ лошадей своего полка. Люди болтались въ сѣдлахъ, все было грязное, заржавѣлое.

Юноша офицеръ, графъ Конгринъ, стоялъ пѣшкомъ въ сторонѣ. Саблинъ зналъ его. Онъ по-

дошелъ къ нему и спросилъ, почему онъ не учитъ солдатъ.

— Ахъ,ваше превосходительство,—взволнованно отвѣтилъ корнетъ Конгринъ, — но они меня не послушаются. Сегодня и такъ чудо. Самъ комитетъ постановилъ произвести ученіе.

Солдаты не слушаются офицеровъ,не признаютъ генераловъ— такова была система управленія арміями Главковерха Керенскаго, отнявшаго власть у генерала Корнилова во имя спасенія не Россіи, о Россіи нигдѣ и рѣчи не было, а революціи.

Газеты были полны резолюціями и постановленіями армейскихъ комитетовъ и съѣздовъ, комитетовъ корпусныхъ и дивизьонныхъ.

„Комитетъ Тьмутараканскаго полка постановилъ продолжать войну съ непріятелемъ до побѣднаго конца въ полномъ согласіи съ союзниками. Позоръ предателямъ дезертирамъ, покидающимъ окопныхъ товарищей".

„Комитетъ N ской дивизіи постановилъ ввести въ полкахъ дивизіи революціонную дисциплину и установить товарищеское привѣтствіе другъ друга".

А рядомъ съ этимъ партіей большевиковъ при бездѣйствіи Главкосѣва Черемисова въ Псковѣ издавалась газета „Окопная правда", гдѣ печатались статьи о необходимости заключенія мира съ нѣмцами безъ аннексій и контрибуцій, о демократизаціи арміи, о выборномъ началѣ.

Керенскій и совѣтъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ работали въ полномъ согласіи. Корниловымъ къ Петербургу былъ стянутъ III конный корпусъ, состоявшій изъ надежныхъ и твердыхъ людей. Здравомыслящимъ лицамъ удалось уговорить Керенскаго оставить этотъ корпусъ подлѣ столицы „на всякій случай". Но началась планомѣрная работа большевиковъ и корпусъ систематически растащили по эскадронамъ и по сотнямъ и разбросали по Эстляндской. Лифляндской. Курляндской, Витебской, Псковской и Новгородской

губерніямъ, гдѣ оставленные безъ вліянія старшихъ начальниковъ казаки разложились, потеряли дисциплину и перестали повиноваться.

Саблинъ видѣлъ все это. Какая то властная рука готовила страшный потрясающій ударъ Россіи и не было никого, кто бы могъ отвратить этотъ ударъ. Была это рука германскаго генеральнаго штаба, неустанно черезъ Швецію переводившаго деньги Ленину на его работу, была это рука таинственнаго Интернаціонала, руководимаго семьюдесятью мудрецами, готовящими Сіонское царство сатаны, — была это просто глупость Керенскаго, у котораго закружилась отъ власти въ Зимнемъ дворцѣ голова — это было все равно. Саблинъ видѣлъ, что отстранить эту руку онъ не можетъ.

Для Саблина не были поэтому неожиданностью октябрьскія событія. Они должны были совершиться. Онъ презиралъ такихъ генераловъ, какъ Пестрецовъ, но онъ понималъ, что они могли или ничего не дѣлать, „саботировать," какъ говорили въ эти дни, какъ это дѣлалъ Саблинъ, или идти съ рожномъ въ надеждѣ хотя отъ чего либо это рожно удержать.

На глазахъ у Саблина избивали дѣтей юнкеровъ, убивали офицеровъ. Что могъ онъ сдѣлать? Только умереть, только быть такъ же избитымъ и убитымъ. Саблинъ зналъ, что онъ обреченъ на смерть, что та Еремѣевская ночь, ночь избіенія офицеровъ, о которой сладострастно толковали солдаты съ самой мартовской революціи уже наступила. Онъ понималъ, что офицерство Русское, а съ нимъ и вся интеллигенція всходили на Голгоѳу страданій и съ ними вмѣстѣ шелъ и Саблинъ. Онъ не боялся смерти. Жизнь давно утратила свое значеніе для него, потому что та красота жизни, которую даетъ семья, Родина, свой полкъ, армія, побѣда и Царь, какъ символъ всего этого, были вырваны изъ его сердца, но ему не хотѣлось умирать, какъ барану, ведомому на за-

кланіе, какъ убойному скоту, ему хотѣлось отдать свою жизнь въ борьбѣ и онъ ждалъ того момента, когда эта борьба начнется, чтобы въ ней дорого отдать свою жизнь, а пока онъ берегъ себя.

25-го октября красное знамя мятежа перешло въ руки большевиковъ и началась ихъ быстрая разрушительная работа.

Саблинъ часто сравнивалъ состояніе Россіи съ состояніемъ тифознаго больного. Періодъ временнаго Правительства это было скрытое состояніе тифа, когда больной еще ходитъ, у него нестерпимо болитъ голова, иногда начинается бредъ, но окружающіе еще не чувствуютъ какая болѣзнь у больного. Теперь кровавый бредъ окончательно свалилъ больного и жуткіе кошмары начали душить его. Но дальше должно было быть выздоровленіе. Саблинъ ждалъ этого выздоровленія.

А если смерть?

Саблинъ не вѣрилъ въ возможность смерти націи.

2-го ноября, Совѣтъ народныхъ комиссаровъ вызвалъ въ Смольный ученаго артиллериста и академика, начальника Михайловскаго Артиллерійскаго училища и Артиллерійской Академіи генерала Карачана для допроса. Допросъ продолжался недолго. За Карачаномъ никакой вины не нашли. Матросы его вывели изъ Смольнаго, завели въ переулокъ и здѣсь звѣрски убили.

На улицѣ убили трехъ прелестныхъ мальчиковъ французовъ, сыновей учителя французскаго языка Генглеза. Они не были ни офицерами, ни юнкерами, какъ иностранцы они оставались чужими Русской революціи. Ихъ завели къ стѣнѣ и въ сумерки осенняго вечера разстрѣляли по всѣмъ правиламъ палаческаго искусства.

Однихъ хватали, возили для допроса въ Смольный, продѣлывали комедію какого то суда, везли въ Петропавловскую крѣпость, или на Смоленское поле и тамъ разстрѣливали нѣсколькими выстрѣлами изъ ружей, другихъ убивали на улицѣ, на

квартирѣ, въ больницѣ, въ лазаретѣ, третьихъ буквально растерзывали — совѣтская народная власть покоряла подъ нози свои всякаго врага и супостата.

9 ноября новая народная власть объявила о назначенiи Верховнымъ главнокомандующимъ Армiи прапорщика Крыленко.

Русская Армiя приняла его, потому что онъ былъ народнымъ героемъ того времени. Саблинъ поинтересовался прошлымъ новаго Главковерха и вотъ что онъ узналъ.

Крыленко былъ учителемъ исторiи. Это былъ маленькiй, озлобленный, нескладно сложенный, безобразный, желчный интеллигентъ — точная копiя знакомаго Саблину Верцинскаго. Должно быть когда либо кто нибудь изъ офицеровъ оскорбилъ Крыленко; онъ ненавидѣлъ офицеровъ и военную службу. На одномъ изъ митинговъ въ разгаръ проводимаго Керенскимъ углубленiя революцiи Крыленко вышелъ на эстраду, произнесъ патетическую рѣчь, сорвалъ съ себя погоны и ордена и въ дикомъ экстазѣ сталъ топтать ихъ, называя ихъ клеймомъ рабства. Экзальтированная имъ дикая солдатская толпа послѣдовала его примѣру. Старые заслуженные подпрапорщики и солдаты, офицеры, перепуганные на смерть, срывали съ себя колодки съ георгiевскими крестами, рвали на себѣ погоны и несли къ ногамъ Крыленко. Это и сдѣлало Крыленко народнымъ героемъ и приблизило его къ шпiонской шайкѣ Ленина.

Первымъ приказомъ Крыленко было требованiе по всему фронту послать парламентеровъ для переговоровъ съ нѣмцами о мирѣ. Миръ долженъ былъ быть заключенъ черезъ головы генераловъ и правительствъ самими солдатами. Миръ должны были заключать роты съ ротами, батальоны съ батальонами, полки съ полками . . . .

Это была такая новость для международнаго права, что даже нѣмцы усумнились въ возможности

такъ добиться мира и рѣшились снестись со ставкой, съ Могилевымъ.

Въ Могилевѣ послѣ бѣгства главковерха Керенскаго автоматически вступилъ въ исправленіе его обязанностей его начальникъ штаба генералъ Духонинъ.

Это былъ молодой еще, красивый генералъ генеральнаго штаба, вполнѣ порядочный, но робкій и нерѣшительный. Онъ всецѣло отдался въ распоряженіе комиссаровъ и правилъ арміей черезъ нихъ, вѣрнѣе подписывалъ текущія бумаги.

Онъ возмутился такому предложенію и не призналъ Крыленко. Крыленко, во главѣ матросскихъ и латышскихъ бандъ, двинулся къ ставкѣ на нѣсколькихъ поѣздахъ. Шли медленно, осторожно, трусливо. Малѣйшее сопротивленіе ударныхъ Корниловскихъ войскъ и всѣ эти банды вмѣстѣ съ самимъ Крыленко убѣжали бы безъ оглядки. Но, послѣ долгихъ митинговъ, ударные батальоны умыли руки и стояли, держа нейтралитетъ, Крыленко побоялся ѣхать въ Ставку и потребовалъ, чтобы Духонинъ явился къ нему въ поѣздъ для доклада. Онъ гарантировалъ ему полную безопасность. Напрасно комиссары и друзья Духонина отговаривали его ѣхать къ Крыленко, совѣтовали ему переѣхать въ Черниговъ, уже и автомобиль былъ для него готовъ. Духонинъ счелъ себя обязаннымъ покориться новой власти. Надо было быть послѣдовательнымъ. Тотъ, кто измѣнивши Государю, присягнулъ Временному Правительству, кто вмѣсто Николая Николаевича призналъ Брусилова, потомъ Корнилова, потомъ Керенскаго долженъ былъ признать и Крыленко.

Страшенъ былъ только первый шагъ измѣны природному Государю, дальнѣйшіе были легки и никто не думалъ, что послѣдній ведетъ въ пропасть.

Едва Духонинъ появился на перронѣ вокзала, на него бросились свирѣпые матросы. Съ него

сорвали погоны и буквально растерзали его на глазахъ у Крыленки. Его раздѣли, страшно, цинично надругались надъ трупомъ и оставили трупъ лежать на перронѣ.

За тѣломъ убитаго мужа пріѣхала вдова съ дочерью, ихъ водили къ трупу. издѣвались надъ ними и послѣ долгихъ униженій выдали для погребенія...

Убійство Духонина, совершенное неслыханно звѣрски и сопровождавшееся небывалымъ пакостнымъ цинизмомъ и надругательствомъ понравилось арміи негодяевъ и предателей. Всякій приговоръ къ смерти офицера или генерала объявляли съ этого времени съ циничной усмѣшкой! — „получаете новое назначеніе! Въ штабъ генерала Духонина"!...

Саблинъ зналъ все это. Онъ зналъ, что и онъ находится въ числѣ обреченныхъ на командировку въ штабъ генерала Духонина. По совѣту Петрова, оставшагося вѣрнымъ ему, хотя и служившаго „въ собственномъ Ленина гаражѣ", Саблинъ съѣхалъ съ своей квартиры и кочевалъ теперь съ мѣста на мѣсто, ночуя по знакомымъ и преимущественно у Мацнева, иногда на пустой квартирѣ князя Рѣпнина или на квартирѣ Гриценки или Марьи Ѳедоровны Моргенштернъ.

Личная жизнь его прекратилась.

XLVI.

„Что же Россія"? часто думалъ Саблинъ, засыпая то на диванѣ въ гостиной, то на оттоманкѣ въ кабинетѣ, то на мягкихъ перинахъ любовно посланной ему постели въ особой комнатѣ у Марьи Ѳедоровны, готовой даже и согрѣшить съ нимъ, то въ комнатѣ лакея. „Что же Россія"? И долженъ былъ отвѣтить себѣ! „Ничего Россія. Шумитъ по городамъ и весямъ волнуется красными

знаменами, объявляетъ самостоятельныя республики и готовится къ выборамъ въ Учредительное Собраніе".

Война не то идетъ, не то нѣтъ войны. Одни люди сидятъ въ окопахъ, хотя и знаютъ, что если нѣмцы станутъ наступать, — они убѣгутъ, другіе дѣловито и спокойно ѣдутъ домой, тащутъ съ собою оружіе и съ оружіемъ готовятся отнимать чужую землю и дѣлить ее между собою. А по всей Россіи вывѣшены плакаты, списки по номерамъ, партіи враждуютъ между собою, партіи выхваляютъ выставленныхъ кандидатовъ, партіи сулятъ золотыя горы, молочныя рѣки и кисельные берега.

„Какъ жаль", думалъ часто Саблинъ, „что дядюшка Облѣниссимовъ уѣхалъ. То то доволенъ былъ бы теперь, то то шумѣлъ бы и кричалъ: — „у насъ совсѣмъ, какъ въ Англіи"!

Всѣ говорили что пройдутъ эсъ-эры и большевики. И не могло быть иначе. Къ урнамъ готовились идти съ оружіемъ въ рукахъ и громко заявляли: „кто не съ нами, тотъ противъ насъ. А кто противъ насъ: — въ штабъ генерала Духонина".

14 ноября избиратели потянулись къ урнамъ, а солдаты стоявшіе подлѣ мѣстъ выборовъ, посмѣивались и говорили: „не видать вамъ учредительнаго собранія. Наша теперь власть"!

И отъ этого падало уваженіе и вѣра въ Учредительное Собраніе. Называли его просто „Учредилкой" и мало интересовались тѣмъ, кто пройдетъ. И менѣе всего интересовался этимъ Саблинъ. Онъ вспомнилъ, какъ еще въ 1905 году ему говорилъ управляющій на заводѣ, на которомъ онъ стоялъ съ охраннымъ взводомъ, что всеобщая, прямая, равная и тайная — это только ловушка. Она не была всеобщей, потому что къ урнамъ не явилось громадное большинство: просто боялись солдатъ большевиковъ, она не была прямой. потому что

не было достаточной провѣрки, кто подаетъ записки, такъ какъ города были переполнены пришлымъ элементомъ — солдатами, для которыхъ уже ничего не было святого, она не была тайной, потому что партіи заготовляли и разсылали печатные списки и готовые конверты и можно было знать, кто за какой списокъ голосуетъ и, наконецъ, она не была равной, потому что большевики уже проявили терроръ въ полной мѣрѣ и боялись голосовать противъ нихъ. Это была комедія, а не выборы.

Не пошелъ и не подалъ своего голоса и Саблинъ. Не пошелъ по убѣжденію. За отдѣльныхъ лицъ, — онъ нашелъ бы, можетъ быть, кого выбрать, но голосовать за списки онъ не могъ. Болѣе другихъ ему нравился казачій списокъ, начинавшійся именемъ Каледина, но когда Саблинъ распросилъ про остальныя имена, то оказалось, что дальше слѣдовали лица въ полной мѣрѣ парализовавшія Каледина. Честные, благородные люди, любящіе Родину попрятались въ подполье. Одни, изъ скромности, другіе изъ трусости и нагло перла въ учредительное собраніе мразь и темныя бѣсовскія силы, чтобы разрушать, а не возстановлять Россію.

Саблинъ невольно вспоминалъ книгу о масонахъ. Да, на высшіе посты рѣшителей судебъ Россіи выдвигались карьеристы изъ адвокатовъ, неврастеники, алкоголики, кокаинисты и просто темные люди, способные на всякую гнусность.

Три года тому назадъ, передъ войною Саблинъ, думая о Государственной Думѣ, пришелъ къ тому убѣжденію, что въ Россіи нѣтъ людей. Говорятъ: — война родитъ героевъ. Эта война не только не родила героевъ: — она ихъ уничтожила. Умеръ въ нѣмецкомъ плѣну доблестный генералъ Самсоновъ, томится въ Быховскомъ застѣнкѣ горячій патріотъ Корниловъ, ушелъ въ отставку пылкій честный графъ Келлеръ, застрѣлился Крымовъ, убитъ доблестный, прямой и честный Карповъ.

Кто остался? Остались и продолжаютъ гдѣ то шумѣть и копошиться тѣ, кто предалъ Государя, тѣ, кто сегодня носилъ Царскіе вензеля и былъ, какъ ребенокъ счастливъ назначенію въ Свиту, или въ генералъ адъютанты, а на завтра рвалъ съ себя въ угоду толпѣ вензеля, драпировался красной матеріей и свои рѣчи начиналъ наглыми словами: — „Я демократъ и другъ народа. Моя идея — народовластіе. Я соціалистъ и революціонеръ!"

„Что же ихъ выбирать, готовыхъ мѣнять ежеминутно свои убѣжденія? Ихъ, ищущихъ, гдѣ жаренымъ пахнетъ и способныхъ продать честь и достояніе Россіи?!"

Рана была ужасная и Саблинъ за эти три мѣсяца посѣдѣлъ и постарѣлъ на двадцать лѣтъ. Остались только юношески гибкая талья, осанка стараго военнаго, стальнымъ блескомъ воли горѣли сѣрые глаза.

Кругомъ суетилась толпа. Люди веселились, какъ никогда. Кинематографы были полны народомъ, въ театрахъ шли спектакли. Марія Ѳедоровна ежедневно пѣла въ концертахъ и это веселье тогда, когда у лавокъ съ хлѣбомъ стояли часами длинныя очереди, чтобы получить фунтъ хлѣба, когда уже не было сахара, когда мясо стало рѣдкостью и половина магазиновъ стояли съ заколоченными окнами казалось пиромъ во время чумы.

Правительство старалось урегулировать продукты, быть справедливымъ. Но весь народъ сверху до низу былъ безчестенъ, открылись ходы и возможности добывать муку и продукты со стороны, явилась протекція и каждый тащилъ къ себѣ все, что могъ, создавая запасы на черный день. Каждый чувствовалъ и понималъ, что черный день наступалъ.

Совѣтская власть наложила руку на всякую собственность. Начались повальные обыски, ревизія банковскихъ сейфовъ, а вмѣстѣ съ этимъ

начался повальный неудержимый грабежъ. Состоянія въ золотѣ, брильянтахъ и бумагахъ перекладывались изъ однихъ кармановъ въ другіе. Это дѣлалось беззастѣнчиво просто, нагло, на глазахъ у всѣхъ. Чтобы спасти хотя часть имущества надо было дать крупную взятку комиссару, наряду красной гвардіи, комитету, совѣту. Если Ленинъ, — глава правительства, бралъ взятки отъ Германскаго императора за предательство Россіи, то какъ же было не брать этихъ взятокъ комиссарамъ и прочей власти народно-крестьянской республики? Брали, какъ никогда и развратъ чиновниковъ достигъ въ эти дни небывалыхъ размѣровъ.

Саблинъ читалъ постоянно евангеліе. Въ каждомъ новомъ декретѣ онъ видѣлъ подтвержденіе словъ Спасителя и чувствовалъ, что настаютъ послѣднія времена. Онъ ждалъ Антихриста.

XLVII.

Письмо отъ Тани... Его принесъ Петровъ, которому доставилъ его какой то солдатъ, не пожелавшій назвать себя. Милая дѣвушка устроилась въ Тобольскѣ. Она шьетъ и стираетъ бѣлье. Она шьетъ рубахи тѣмъ самымъ солдатамъ, которые караулятъ Государя, она стираетъ бѣлье Царской Семьи. Это даетъ ей возможность знать все, что дѣлается въ Тобольскѣ на „улицѣ свободы". Таня ни на минуту не теряетъ вѣры въ то, что Русскій народъ пойметъ страшное преступленіе, которое онъ совершаетъ и освободитъ и вернетъ на Престолъ своего законнаго Императора. Но она становится нетерпѣливой. Она боится за неприкосновенность Царской Семьи. Кровавые призраки французской революціи ее преслѣдуютъ.

— „Папа", — писала Таня, — „вамъ нужно торопиться, нужно что либо сдѣлать, что либо предпринять. Я писала Тебѣ, что я не могу наз-

вать теперешнее существованіе Государя и его семьи иными словами, какъ тихій ужасъ. Когда сравню прошлое съ тѣмъ, что дѣлается теперь, я вижу, что раньше можно было жить — теперь жить стало немыслимо отъ тысячи обидъ, оскорбленій, возмутительныхъ, наглыхъ выходокъ.

„Въ сентябрѣ мѣсяцѣ въ Тобольскъ отъ Временнаго правительства прибыли комиссаръ Панкратовъ и его помощникъ Никольскій. Они собрали солдатъ, объявили имъ, что они партійные соціалисты — революціонеры, стоятъ за народъ и за народную власть и что они не могутъ допустить, чтобы и въ заточеніи Государь жилъ, какъ Государь. Панкратовъ за политическое преступленіе сидѣлъ 15 лѣтъ въ Шлиссельбургской крѣпости, а затѣмъ 27 лѣтъ провелъ въ ссылкѣ въ Якутской области. „Какъ обращались съ нами они такъ и мы теперь будемъ обращаться съ ними", говорилъ Панкратовъ. Никольскій тоже изъ ссыльныхъ Якутской области, грубый и глупый, неотесанный мужикъ съ повадками палача. Никольскій кричалъ на Наслѣдника Цесаревича и называлъ его гадкими словами. Бѣдный мальчикъ боится теперь выйдти изъ своей комнаты, боится встрѣтить этого мерзкаго человѣка. Папа, — у нихъ система отравить существованіе Царской семьи цѣлымъ рядомъ мелочей, ранящихъ глубоко чувствительное сердце,

„Для Царской Семьи, съ разрѣшенія Временнаго Правительства, было прислано вино „Санъ-Рафаель". Панкратовъ увидалъ его и перебилъ собственноручно бутылки.

„Солдаты, съ которыми раньше можно было кое какъ ладить, въ которыхъ оставалось какое то чувство стараго уваженія къ Государю, стали невозможны.

„Папа, я много насмотрѣлась наглостей солдатскихъ въ Царскомъ Селѣ послѣ революціи, но

никогда, никогда я не могла подумать, что нашъ Русскій солдатъ можетъ такъ низко пасть.

„Государю и Государынѣ было запрещено выходить куда бы то ни было, кромѣ церкви. Никто изъ народа не допускался въ церковь, когда тамъ молилась Царская семья. Императрица называетъ себя узницей. Единственнымъ мѣстомъ, гдѣ Государь и его семья могутъ быть на воздухѣ это дворъ. Тамъ Государь пилилъ дрова, Великія княжны качались на качеляхъ, а теперь устроили ледяную гору. Солдаты, по наущенію Панкратова и Никольскаго, стали дѣлать на доскѣ качелей неприличныя надписи, а ледяную гору уничтожили.

„На дняхъ у нихъ былъ митингъ, на которомъ они постановили, чтобы Государь Императоръ снялъ съ себя погоны. Папа, ты знаешь, что такое погоны для каждаго изъ васъ! Они еще дороже для Государя, потому что на нихъ вензель его отца. Въ самой грубой и возмутительной формѣ солдаты предъявили это требованіе къ Государю:— „а не снимешь", кричали они, — „такъ мы сорвемъ ихъ съ тебя силою".

«Теперь, папа, Государь ходитъ въ курткѣ. Всѣхъ лицъ, проживавшихъ въ домѣ Корнилова, переселили въ губернаторскій домъ и тамъ стало тѣсно и неудобно. Теперь они запретили Государю и его семьѣ посѣщать церковь, разрѣшены только домашнія богослуженія и то подъ надзоромъ выборныхъ отъ солдатъ,

«Папа, что это за выборные! Вчера священникъ поминалъ въ молитвѣ святую царицу Александру. Солдаты остановили его грубыми словами и подняли скандалъ. Они не вѣдали, что творили. А я, папа, когда мнѣ разсказывали про это, думала, что это правда: — она святая. Все что было въ прошломъ, — все искуплено этими муками и будетъ день, когда Русскій народъ помянетъ её во святыхъ своихъ угодникахъ.

«Что я пишу такое.... Мои мысли путаются. Ужели ей тѣ же страшныя муки, которыя имѣла святая царица? ужели явится Георгій Побѣдоносецъ на бѣломъ конѣ и сокрушитъ главу дракона, ужели повторится дивная легенда святыхъ Георгія Побѣдоносца и Царицы Александры? И что это за змѣй, поработившій нашу землю? Страшно папа!

«Я сижу въ маленькой комнатѣ неподалеку отъ ихъ дома и шью при свѣтѣ керосиновой лампы. Кругомъ холодная, суровая, сибирская зима. Глубокій снѣгъ лежитъ на улицахъ и черезъ бѣлые, какъ сахаръ пласты его, прочные и крѣпкіе, протоптаны узкія дорожки. Холодно папа. Когда кто либо пройдетъ по улицѣ, то снѣгъ такъ скрипитъ, что слышно въ мою избушку. Старая бабка, хозяйка моя, сидитъ рядомъ въ коморкѣ. Котъ забрался мнѣ на колѣни и лѣниво лежа на спинѣ мягкой лапкой играетъ съ клубкомъ нитокъ. У меня хорошо, папа, а каково имъ?

«Папа, имъ больше не присылаютъ денегъ отъ Временнаго Правительства. Мы ходимъ по Тобольску и собираемъ деньги у купцовъ и крестьянъ. Интеллигенція ничего не даетъ. Папа, Русскій Царь живетъ Христа ради! Но онъ не знаетъ этого, мы это скрываемъ отъ него.

«Новая власть — я не знаю, папа, какая она, но, видно, гадкая власть распорядилась по телеграфу, что она не намѣрена содержать Царскую Семью. 10 человѣкъ служащихъ уволены, сахара отпускаютъ по полфунта на человѣка. Къ невыносимымъ страданіямъ нравственнымъ, имъ прибавили и муки тѣлесныя!

«Папа! но вѣдь это же недопустимо! Это позоръ, котораго никогда не проститъ Русскому народу исторія! Папа, дѣйствуйте, работайте. Папа я, что могу — дѣлаю. Въ меня влюбился здѣшній солдатъ охраны. Онъ некрасивый, маленькій, кривоногій, у него лицо изрытое оспою, курносый

носъ, большой ротъ съ длинными плохими зубами, отъ него гадко пахнетъ, онъ глупый, но онъ добрый..... Я, папа, обѣщала выйдти за него замужъ, если онъ освободитъ Государя и Его Семью! Онъ теперь только и думаетъ объ этомъ.

«Папа, но вы тамъ въ Россіи должны дѣйствовать! Вы генералы, снисканные его милостями. Надо дѣйствовать на союзниковъ. Что же они? Такъ платятъ они Государю за его непоколебимую вѣрность своимъ обѣщаніямъ? Что же король Георгъ и царица Александра? Что же Пуанкарэ и Фошъ, ужели они безсильны и не могутъ приказать кучкѣ евреевъ, правящей Россіею отпустить Богомъ вѣнчаннаго Царя и не мучить его!

«Папа! милый, родной, честный папа. На тебя всѣ надежды. Но вѣдь дѣйствовать надо. Если ничего не дѣлать, то ничего не будетъ»...

Саблинъ призвалъ Петрова и распросилъ какой изъ себя былъ солдатъ, привезшій письмо. Оказалось: — невзрачный, кривоногій, съ лицомъ изрытымъ оспою, съ курносымъ носомъ, большимъ ртомъ, безобразный.

«Умная дѣвочка», подумалъ Саблинъ. «И права она. Дѣйствовать надо. Дѣйствовать, а не ждать!»

XLVIII.

Глухой слухъ. Точно стукъ изъ подполья, точно шопотъ за каменной стѣной: на Дону у Атамана Каледина все постарому, полный порядокъ. Дисциплинированная армія, жандармы по станціямъ, поѣзда ходятъ по росписанію — тишь, да гладь. Корниловъ неизвѣстно какимъ образомъ освобожденъ изъ Быховскаго застѣнка. Пріѣхалъ офицеръ генеральнаго штаба и комиссаръ съ предписаніемъ освободить и освободили. Предписаніе такъ тонко поддѣлано, что никто не сомнѣвался въ его подлинности. Корниловъ,

окруженный своими вѣрными туркменами, идетъ по степямъ на югъ. Къ нему примыкаютъ юнкера и офицеры. На югѣ создается снова Россійская Армія и эта Россійская Армія освободитъ Россію отъ засилья большевиковъ!

Это передалъ Саблину Ермоловъ, разъискавшій его у Марьи Өедоровны Моргенштернъ. Онъ разсказалъ о всемъ.

— Надо бѣжать, ваше превосходительство, сказалъ Ермоловъ. — Тамъ и вамъ работа будетъ. Къ вашему имени солдаты и офицеры пойдутъ.

Саблинъ задумался.

«Да», подумалъ онъ. — «Надо творить. Надо возстановить старые полки и вернуть совѣсть Русскимъ людямъ».

Было рѣшено тутъ-же ѣхать въ Ростовъ, а тамъ, что Богъ дастъ. Ермоловъ обѣщался выѣхать впередъ, развѣдать, побывать у Атамана Каледина, сговориться съ нимъ, разъискать Алексѣева и встрѣтить Саблина съ докладомъ въ Ростовѣ. Братья Полежаевы поѣдутъ вмѣстѣ съ Саблинымъ и составятъ его охрану, но будутъ держаться въ сторонѣ и какъ будто незнакомые, они вывезутъ съ собою и Олю, которая поѣдетъ въ Смольный институтъ, отправленный только что на югъ.

— И я поѣду съ вами, вдругъ сказала Марія Өеодоровна. — Когда вы поѣдете съ дамой, Александръ Николаевичъ, на васъ меньше будутъ обращать вниманія. Вы будете только буржуй, какихъ много теперь ѣдетъ искать счастья на югѣ, если же вы поѣдете одинъ, то вы будете контръреволюціонеръ и вамъ не избѣжать крупныхъ непріятностей.

— Поѣзжай, Муся, — глядя въ большіе печальные синіе глаза своей подруги, сказалъ Гриценко. — Ты права. Ты у меня умница.

— Что же вы тамъ дѣлать будете?, сказалъ Саблинъ.

— Ростовъ веселый городъ и я тамъ всегда найду свой заработокъ. Можетъ быть тамъ въ оперетку поступлю. Это всегдашняя моя мечта была.

— А ты, Павелъ Ивановичъ?, спросилъ Саблинъ.

— Нѣтъ, я останусь. У меня, Саша, старуха мать восьмидесяти лѣтъ, какъ я ее брошу? Проживу какъ нибудь. Мы съ Мацневымъ рѣшили скрипѣть до конца. Вѣдь къ веснѣ, поди и Калединъ въ Москвѣ будетъ и вы съ Корниловымъ подоспѣете. А то еще на нѣмцевъ у меня надежда большая. Не первый разъ варягамъ выручать насъ. Пусть приходятъ княжить и володѣть нами.

Саблинъ отправился въ контору Международныхъ спальныхъ вагоновъ. Оказалось, что билеты на Ростовъ получить не легко.

Всѣ мѣста на всѣ дни вплоть до второго февраля проданы. Знакомый кассиръ, не разъ продававшій Саблину билеты сказалъ ему: — «навѣдывайтесь къ намъ каждый день. Можетъ быть будутъ случайныя мѣста. Бываетъ такъ, что кто либо записался, а потомъ передумаетъ и мѣста остаются. Только, простите, я васъ запишу на чужую фамилію, а то васъ ищутъ. Придумайте какую либо».

— Моргенштернъ, не задумываясь сказалъ Саблинъ.

— Хорошо. Шведская фамилія. Такъ даже лучше будетъ. Товарищи иностранцевъ еще боятся. Вѣдь повѣрите насъ спасаетъ пока только то что на вагонахъ написано: «compagnie internationale».*) Они думаютъ, что у насъ есть что то общее съ ихъ новымъ богомъ интернаціоналомъ, и не трогаютъ насъ.

Можетъ быть, думалъ Саблинъ, — и правда Муся Гриценкина принесетъ мнѣ счастье. Она искренно, свято любитъ меня, а любовь — это сила.

---

*) **Международное общество.**

Случайное мѣсто оказалось на 22-е января. Однако тотъ же кассиръ предупредилъ Саблина о томъ, что поѣздъ дальше Лисокъ не пойдетъ, такъ какъ по слухамъ у Лисокъ бой. Казаки дерутся съ большевиками. Подробностей кассиръ не зналъ. Въ газетахъ глухо писалось о контръ-революціонныхъ замыслахъ Атамана Каледина и о томъ, что всѣ должны взяться за оружіе и отстаивать землю и миръ отъ генераловъ, капиталистовъ и казаковъ. Были короткія сообщенія штаба главковерха съ знаменательнымъ заголовкомъ: — «На внутреннемъ фронтѣ».

На этотъ внутренній фронтъ и стремился Саблинъ и его сердце по прошлому, молодо билось въ ожиданіи боя и побѣды!

XLIX.

До Москвы ѣхали благополучно. Марія Өедоровна и Оля Полежаева въ дамскомъ купе, Саблинъ съ Павликомъ, Никою и богатымъ Ростовскимъ евреемъ Каппельбаумомъ въ другомъ купе. Вагонъ былъ полонъ, корридоры заполнены офицерами и солдатами, такъ что нельзя было открыть двери и пройдти въ уборную, въ уборной было разбито стекло, не было воды и три „товарища" дружно храпѣли на полу подъ умывальникомъ. Если бы не эти подробности, то можно было бы забыть о томъ, что ѣдутъ послѣ революціи. Въ купе было чисто, постели, постланныя свѣжимъ бѣльемъ, были опрятны и ярко горѣло электричество.

Саблинъ былъ одѣтъ въ шубу съ мѣховымъ воротникомъ и мягкую бобровую шапку, одолженныя ему братомъ Варвары Дмитріевны Мацневой и Каппельбаумъ принималъ его за купца. Павликъ и Ника тоже были въ штатскомъ. Солдаты, попавшіе въ корридоръ интернаціональнаго ваго-

на, чувствовали себя смущенными и вели себя тихо.

Въ Москвѣ была пересадка. Прямые поѣзда не ходили, пришлось нанимать извозчика, взявшаго за конецъ безумную цѣну: двадцать пять рублей; на Курскомъ вокзалѣ садиться пришлось вечеромъ и носильщикъ предупредилъ, что брать мѣста надо будетъ со скандаломъ. Дѣйствительно за часъ до подачи поѣзда платформа наполнилась солдатами съ сундучками и котомками, многіе и съ ружьями, которые едва только подали поѣздъ, кинулись, давя другъ друга къ вагонамъ и быстро ихъ заполнили.

— Вчора вотъ такъ то кинулись, разсказывалъ, проталкиваясь, носильщикъ, женщину подъ рельсы сбросили. Задавило на смерть. Имъ все ничего.

Однако въ интернаціональномъ вагонѣ опять былъ порядокъ. Солдаты не входили въ купе и тѣснились въ корридорѣ. Они останавливали другъ друга, говоря, что это вагонъ иностранный. Они видно твердо усвоили, что свое грабить и портить можно безнаказанно, а иностранное боялись, какъ бы отвѣчать не пришлось.

Опять безъ приключеній добрались до Воронежа, но тамъ остановились и черезъ часъ пришелъ проводникъ и сказалъ: —

— Ну господа, какъ хотите, или вылѣзайте, или обратно поѣзжайте. Казаки подъ Чертковымъ дерутся, не пущаютъ.

Саблинъ, Павликъ и Ника собрались на совѣтъ. Къ нимъ примкнулъ молодой энергичный горецъ инженеръ Арцхановъ, замѣнившій Каппельбаума, перешедшаго въ сосѣднее купе.

Ника стоялъ за то, чтобы слѣзть въ Воронежѣ и ѣхать лошадьми черезъ фронтъ. Въ разговоръ вмѣшался Арцхановъ.

— Простите меня, господа, что я позволю себѣ дать вамъ совѣтъ, сказалъ онъ. Сдѣлайте такъ, какъ я. Вы куда ѣдете? Въ Ростовъ?

— Въ Ростовъ, отвѣчалъ Саблинъ.

— Ну вотъ. И я въ Ростовъ. Мы вернемся на Грязи и тамъ сядемъ въ Царицынскій поѣздъ. Въ Царицынѣ все спокойно. Изъ Царицына поѣдемъ на Торговую и по новой вѣткѣ въ Ростовъ.

— А почему не на лошадяхъ?, спросилъ Ника.

— Да вѣдь вы — офицеръ?, спросилъ Арцхановъ, въ упоръ глядя на Нику.

Ника замялся.

— То есть, былъ офицеромъ, сказалъ онъ.

— Все равно. Попадетесь въ руки красной гвардіи — въ расходъ выведутъ. Притомъ же съ господиномъ помѣщикомъ, — кивнулъ онъ на Саблина — дама, съ вами барышня. Теперь зима, чего вы натерпитесь еще въ дорогѣ, а тутъ мы потеряемъ всего одинъ день.

Павликъ сталъ на сторону Арцханова, Саблинъ молчалъ, но видно было и ему не хотѣлось попадать на фронтъ въ костюмѣ буржуя и начинать свои похожденія съ плѣна большевикамъ. Рѣшили остаться въ вагонѣ.

Рано утромъ выгрузились въ Грязяхъ и стали ожидать поѣзда на Царицынъ. Регулярнаго движенія не было, но по требованію солдатъ, въ огромномъ количествѣ переполнявшихъ станцію начальникъ станціи согласился отправить на Царицынъ теплушечный поѣздъ.

— Вы, господа, ничего не будете имѣть противъ, заплатить поѣздной прислугѣ рублей по тридцати, сказалъ Арцхановъ, — намъ выберутъ вагонъ почище и мы своей „буржуйской“ компаніей славно докатимъ до Царицына.

Всѣ согласились. Каппельбаумъ, Арцхановъ и молодой телеграфный чиновникъ явились ходатаями и послѣ долгихъ перешептываній, хожденія

въ комитетъ желѣзнодорожниковъ, дѣло стало налаживаться.

— Мы взятокъ не беремъ, товарищъ, — сказалъ въ канцеляріи комитета молодой желѣзнодорожный служащій на предложеніе Арцханова заплатить за вагонъ.

— А я вамъ ихъ, товарищъ, и не предлагаю, сказалъ Арцхановъ. Но я прошу васъ принять эти четыреста рублей, собранныя пассажирами на партійныя цѣли, какъ знакъ того, что буржуазія, ѣдущая на югъ сочувствуетъ вамъ.

— А вы знаете какой мы партіи, — самодовольно усмѣхаясь, сказалъ молодой человѣкъ.

— Большевики, — сказалъ Арцхановъ, — потому что это теперь единственная партія въ Россіи, которая можетъ существовать.

Молодой человѣкъ не понялъ ироніи, но польщенный смягчился.

— Хорошо, сказалъ онъ, — я вамъ выдамъ квитанцію въ полученіи денегъ. Партія дѣйствительно нуждается. Просвѣтительныя цѣли, то да се, знаете, товарищъ, деньги всегда нужны, повѣрите-ли, комитетъ до сего времени даже граммофономъ не могъ обзавестись. Только, извиняюсь, теплушки вамъ не найдется. Такъ, чистенькій вагончикъ вамъ подберется, знаете такой, гдѣ скота не возили.

Въ сумеркахъ зимняго дня пригнали этотъ вагонъ, оказавшійся вагономъ изъ подъ угля. Но такими пустяками, какъ угольная пыль стѣсняться не приходилось и пассажиры стали устраиваться въ немъ на своихъ вещахъ.

Солдатская толпа бушевала кругомъ. Ей не хватило вагоновъ и, увидавши еще вагонъ, прицѣпливаемый къ поѣзду она кинулась къ нему.

За эти полгода свободной республиканской жизни Саблинъ привыкъ къ солдатскимъ митингамъ и выраженіямъ на нихъ употребляемымъ и потому нисколько не волновался, зная, что если

нѣтъ у этой массы вожака, то отъ словъ и угрозъ до дѣла очень далеко.

Не смутило его и то, что солдаты наполнили вагонъ и стѣснили откупившихъ его буржуевъ. Этого надо было ожидать. Люди ѣхали на крышахъ и на буферахъ, естественно, что они не могли оставить лишь на половину занятаго вагона.

Саблинъ, устроивши возможно удобнѣе Марію Ѳедоровну и Олю, усѣлся самъ у стѣны и думалъ свои думы, лишь однимъ ухомъ прислушиваясь къ той перебранкѣ и къ тѣмъ рѣчамъ, которыя говорились въ вагонѣ. Онъ сразу замѣтилъ молодого солдата, лучше другихъ одѣтаго, видимо комиссара, или члена комитета, онъ сразу оцѣнилъ его значеніе и сосредоточилъ на немъ вниманіе.

Поѣздъ тронулся, многіе заснули въ вагонѣ, но Саблинъ не спалъ.

L.

Онъ вспоминалъ всю свою жизнь. Вспомнилъ весенній «балъ» у Гриценки, когда онъ, юный корнетъ, — заступился за Захара, а потомъ пѣлъ съ Любовинымъ и отвозилъ Китти. Онъ былъ тогда ближе къ Захару, къ Любовину, къ людямъ своего взвода, нежели теперь, когда онъ прожилъ съ ними двадцать пять лѣтъ! Чувства и мысли своихъ лошадей Леды и Діаны, своего Мирабо, на которомъ онъ ѣздилъ въ дни юности, онъ зналъ лучше, нежели то, что думаютъ и переживаютъ своими тяжелыми мозгами эти люди.

Онъ жилъ съ Китти цѣлую недѣлю, не отходя отъ нея ни на шагъ, онъ зналъ каждый уголокъ ея тѣла. И теперь стоитъ ему только зажмурить глаза и онъ можетъ ощутить сладострастный трепетъ при воспоминаніи о полномъ, розоватомъ, упругомъ тѣлѣ Китти, о ея прекрасныхъ ногахъ и нѣжныхъ душистыхъ рукахъ. Сколько разъ, по-

крывши лицо свое ароматными густыми волнами золотыхъ волосъ онъ цѣловалъ ея затылокъ. А думалъ онъ, зналъ онъ, что думаетъ, что переживаетъ она въ эти часы? Онъ испортилъ, исковеркалъ ея жизнь и даже не знаетъ гдѣ она теперь, жива, или умерла. Слѣдила гдѣ либо въ глуши по газетамъ за его успѣхами, смотрѣла изъ толпы, какъ онъ сидѣлъ въ театрѣ съ прекрасной Вѣрой Константиновной, читала про его блестящую конную атаку, про раненіе, про возвышеніе и думала: — «онъ мой! онъ мой! онъ былъ моимъ»!

Или давно покоится въ землѣ и прекрасное тѣло ея съѣдено червями и лежитъ она въ сторонѣ отъ другихъ покойниковъ, какъ самоубійца, не даромъ призраки самоубійцъ его такъ часто преслѣдовали. Она ушла и потонула въ людскомъ морѣ, какъ тонетъ песчинка и легче песчинкѣ смытой океаномъ на дальнемъ сѣверѣ столкнуться съ песчинкой смытой въ знойной Африкѣ, нежели встрѣтиться имъ гдѣ либо на землѣ.

Сколько, сколько солдатъ прошло мимо него! Онъ зналъ ихъ по фамиліямъ, училъ ихъ, разговаривалъ съ ними и проглядѣлъ ихъ душу, проглядѣлъ ихъ страшный инстинктъ разрушенія. Саблинъ считалъ, что счастье въ творчествѣ, но, если въ творчествѣ счастье, то и въ разрушеніи есть больная нотка наслажденья.

И сейчасъ же онъ вспомнилъ Марусю. Никогда наслажденье женщиной у него не достигало такого остраго больного напряженія, какъ это было въ дни его связи съ Марусей. Онъ разрушалъ ея тѣло и ея душу. Онъ перевернулъ весь ея міръ и всѣ ея понятія. Она плакала, сгорая отъ дѣвичьяго стыда, а онъ заставлялъ ее стоять передъ нимъ обнаженной съ поднятыми руками и любовался, какъ краска стыда разливалась по шеѣ, по груди, заливала все тѣло, становившееся блѣдно розовымъ. Она страдала — онъ наслаждался. А что, если есть наслажденіе и дальше, что, если

есть наслажденіе видѣть муки человѣка и его медленную смерть? Ходятъ же люди смотрѣть смертную казнь, ходятъ годами по циркамъ смотрѣть укротителей звѣрей, или какихъ либо отчаянныхъ гимнастовъ, чтобы подстеречь минуту ихъ гибели и . . . — насладиться. Стоитъ случиться уличному происшествію, стоитъ, чтобы кого либо задавило лошадьми, или поѣздомъ и бѣжитъ уже жадная толпа смотрѣть на остатки разбитаго тѣла на муки и страданія.

Смерть и жизнь близко соприкоснулись въ послѣднемъ спазмѣ наслажденія, дающемъ жизнь новому существу и въ послѣднемъ спазмѣ тѣла, которое покидаетъ жизнь и въ обоихъ есть что то общее. Женщина, которая рожаетъ, мучается и иногда умираетъ. Жизнь и смерть сплетаются въ судорожномъ объятіи....

Свѣтало. Въ открытую дверь вагона врывался свѣжій, весною пахнущій воздухъ, пахло талымъ снѣгомъ, прѣлымъ листомъ и могучимъ запахомъ земли, воды и воздуха, напоеннаго озономъ.

«Жизнь и смерть сплетаются въ судорожномъ объятіи».., снова подумалъ Саблинъ и вспомнилъ сумерки осенняго дня, чистую бѣлую постель и на ней тяжело утонувшее въ подушки тонкое лицо, которое было когда то столь дорогимъ, и рядомъ, въ креслѣ, въ кучѣ тряпья, красный, какъ паучокъ, ребенокъ, безпомощно шевелящій ручками. И ножками....

„Мой принцъ!.... Мой принцъ!"…. донеслось до него изъ какого то далека.

Было это все! Было и ушло. Исчезъ Любовинъ, исчезъ Коржиковъ и гдѣ сынъ Викторъ?

Марусю поглотило на его глазахъ небытіе, а тѣ живы и есть гдѣ нибудь, но Саблинъ про нихъ не знаетъ и узнаетъ ли когда либо?

Tout passe, tout casse, tout lasse!. ..*)

---

*) Все проходитъ, все исчезаетъ, все оставляетъ.

Въ этомъ сила, въ этомъ смыслъ, въ этомъ возможность жить.

Все проходитъ!....

Проходитъ страданіе, проходитъ и радость, наслажденіе смѣняется болѣзнью, острая боль тупою. Жизнь смѣняется смертью.... Смерть.... Да, и смерть проходитъ и наступаетъ что то новое, иное, чего мы не знаемъ, какъ не знаемъ и того, что смѣнитъ ощущеніе данной секунды, даннаго мига, четверти мига, мгновенія. Пройдетъ и большевизмъ, пройдутъ всѣ ужасы Русскаго бунта, но стараго не будетъ, — не будетъ стараго Гриценки, его Захара, Ивана Карповича. А почему не будетъ?

Вспомнилась поговорка — plus ça change, plus ça reste la même chose.*)

Красный паучокъ безпомощно шевелившійся въ кучѣ тряпья на Шлиссельбургскомъ трактѣ выросъ. Ему теперь должно быть столько же лѣтъ, какъ вотъ этому солдату. Какое у него прекрасное, тонкое и въ тоже время отталкивающее лицо! Почему онъ на меня такъ смотритъ, узналъ меня, служилъ гдѣ либо со мною? Кто онъ? Шофферъ, мотоциклистъ, радіотелеграфистъ, писарь? У него тонкія породистыя, холеныя руки, такъ странно напоминающія чьи то другія руки. Чьи? Чьи? Въ бровяхъ, сурово насупленныхъ, лежитъ что то странно милое, такъ негармонирующіе со всѣмъ его отталкивающимъ видомъ. Гдѣ я видалъ его, гдѣ я встрѣчался съ нимъ?

Что ему отъ меня надо? Почему собрались, тамъ, за вагономъ позванные имъ вооруженные солдаты, почему онъ идетъ ко мнѣ?

— Вы будете не генералъ Саблинъ?, услышалъ Саблинъ обращенный къ нему вопросъ и голосъ послышался ему какимъ то далекимъ и глухимъ. Точно уши у него заложило, такъ слышны быва-

---

***) Чѣмъ больше все измѣняется — тѣмъ больше все остается тѣмъ же самымъ.**

ютъ голоса, когда нырнешь глубоко въ воду и вода зальетъ уши.

«Вотъ оно!» подумалъ Саблинъ. «Вотъ насталъ и мой чередъ идти на муки и страданія, идти и стать равнымъ тѣмъ великомученикамъ офицерамъ, передъ подвигомъ которыхъ я преклонялся». Но сейчасъ же жизнь запротестовала въ немъ и онъ быстро и нервно опустилъ руку въ карманъ, гдѣ у него лежалъ браунингъ и едва замѣтнымъ движеніемъ большого пальца перевелъ пуговку на боевой взводъ.

— Я васъ спрашиваю! воскликнулъ солдатъ, гнѣвно протягивая руку къ Саблину.

И стало такъ тихо кругомъ! Саблинъ слышалъ, какъ капала съ сучка вода на ноздреватый снѣгъ и пробивая его шуршала по листьямъ. Упала одна капля, потомъ другая.

«Вотъ оно!» — мелькнуло въ головѣ у Саблина и сейчасъ же сердце сказало ему: — «все проходитъ!... Пройдетъ и это».

— Да, я генералъ Саблинъ, — спокойно сказалъ Саблинъ, что вамъ отъ меня угодно?

Онъ не слышалъ того, что говорилъ послѣ его отвѣта молодой солдатъ толпѣ у дверей вагона, но онъ слышалъ только, что была сказана ужасная наглая клевета и что солдаты повѣрили ей и готовы на самосудъ. Саблинъ слишкомъ хорошо зналъ психологію толпы и солдата, чтобы ошибиться.

«Не все еще потеряно», подумалъ онъ, — выхватилъ изъ кармана револьверъ и, угрожая имъ, бросился въ толпу солдатъ. Онъ не ошибся. Толпа разступилась передъ нимъ и хотя ему пришлось протискиваться черезъ нее, никто не вырвалъ у него изъ рукъ револьвера, никто не схватилъ его и Саблинъ ловкимъ прыжкомъ перепрыгнулъ канаву и побѣжалъ, дѣлая широкіе скачки по рыхлому снѣгу въ лѣсъ.

Саблину было сорокъ четыре года, но онъ всю жизнь занимался гимнастикой и служилъ въ строю.

Онъ былъ силенъ и ловокъ. Онъ скоро почувствовалъ, что кинувшіеся за нимъ въ погоню солдаты бѣгутъ тяжело и неумѣло и что они его не догонятъ. Выстрѣлы раздавшіеся ему вслѣдъ были направлены зря, Саблинъ не слыхалъ даже свиста пуль. Онъ сталъ бѣжать спокойнѣе, выбирая направленіе. Онъ понималъ, что солдаты далеко отъ поѣзда не побѣгутъ, что, если машинистъ тронетъ поѣздъ, то онъ спасенъ.

Но сейчасъ же Саблинъ почувствовалъ, что отъ солдатъ отдѣлился кто то и быстро его настигаетъ. Саблинъ понялъ, что тотъ, кто настигаетъ его такъ же силенъ и ловокъ какъ онъ, но онъ моложе его. Саблинъ понялъ, что еще десять, двадцат скачковъ и онъ настигнетъ его сзади и тогда повалитъ на землю. Саблинъ боялся оглянуться, но инстинктивно понялъ, что настало время стрѣлять.

Онъ быстро остановился и повернулся лицомъ къ нагонявшему. Онъ поднялъ револьверъ и прицѣлился.... Туманъ на секунду застлалъ его глаза мутною пеленою. Между нимъ и настигавшимъ его молодымъ солдатомъ среди тонкихъ стволовъ осинъ, на мокромъ снѣгу странное заколыхалось облачко. Въ колеблющемся туманѣ утра отчетливо засіяли синіе лучистые глаза, большіе, тоскующіе, прикрытые длинными темными рѣсницами. Тонкое бѣлое лицо безъ единой кровинки обозначилось въ туманѣ на фонѣ длинныхъ черныхъ волосъ, волнистыми змѣями упадавшихъ на спину, двѣ тонкія руки протянулись къ нему и пальцы шевелились въ мучительной агоніи.

«Мой принцъ!... Мой принцъ!»... неслось откуда то издали.

Это видѣніе продолжалось одну секунду. Саблинъ успѣлъ только подумать: «Это потому, что я думалъ о Марусѣ»!.....

Эта секунда была роковою для Саблина.

Сильный ударъ по кисти выбилъ револьверъ у него изъ рукъ, тяжелыя могучія руки навали-

лись на его плечи, охватили его поперегъ, онъ сразу былъ окруженъ толпою. Его толкали, съ него сбили шапку, его ударили по шеѣ такъ, что у него зазвенѣло въ ушахъ и искры посыпались изъ глазъ. Чей то грубый голосъ, смѣясь веселымъ торжествующимъ побѣду смѣхомъ, сказалъ:

— Въ штабъ генерала Духонина!....

Саблину показалось, что послѣ этихъ словъ наступила страшная тишина. Мутно рисовались тонкіе стволы осинъ и рыхлый снѣгъ и небо просвѣчивающее между переплетомъ голыхъ сучьевъ, блѣдно голубое, жалкое, точно плачущее, больное тоскливое небо....

Ему показалось, что вѣтви зашумѣли отъ набѣжавшаго вѣтерка и тихо прошептали: — «въ штабъ генерала Духонина»!

Онъ понялъ значеніе этихъ словъ и съ тяжелой тоскою посмотрѣлъ кругомъ.

Кто то, только что подбѣжавшій, ударилъ его сзади по затылку чѣмъ то твердымъ, должно быть, ружейнымъ прикладомъ. Въ глазахъ у Саблина потемнѣло, онъ пошатнулся и еще разъ услышалъ ликующіе, веселые голоса, повторившіе:—

— Въ штабъ генерала Духонина!......

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ.

I.

Широко раскинулась по-надъ Дономъ станица казачья. Бѣлыя мазанки, соломенными шапками крытыя, точно стадо гусей разбѣжались вдоль берега обрывистаго, уемистаго, желтыми песками расцвѣченнаго. Уперлись столбиками рундучковъ въ самый край обрыва и смотрятъ стеклянными очами, какъ мететъ по тихому Дону, по широкому займищу, вѣтеръ степной снѣговыя метели. А кругомъ нихъ сады. Голыми вѣтвями стремятся къ синему небу яблони черныя, вишенья темно лиловыя и вся облѣпленная старыми черными стручьями бѣлая акація. Машутъ кому то вѣтвями изъ за плетней и дощатыхъ заборцевъ, точно кличутъ кого: — «эй, станичникъ, насъ не забывай»!... Улица широкимъ проспектомъ протянулась вдоль Дона. Станешь посрединѣ и туда и сюда упирается она въ степь безконечную, безкрайную, робкими миражами покрытую. Дома стали неровно. Гдѣ гордо выпятились впередъ, гдѣ укрылись въ садовую гущу, точно дѣвушки спрятались за пологъ древесный, гдѣ и вовсе попрятались за сараями, клунями и банями. Станичный магазейнъ выперъ на самую середину и гордо уперся бѣлыми столбочками изъ кривого карагача слаженными въ большіе камни. Отъ Дона вглубь степи, гдѣ ровными проспектами, ши-

рокими и скучными, гдѣ уличками кривыми, разбѣгающимися между садовъ переулочками побѣжали къ степи улицы. На площади одиноко стало красное, двухъэтажное, многооконное зданіе и важно глядитъ на приземистые домики, попрятавшіеся въ садахъ. Каменное крыльцо утонуло въ грязи и надъ высокою темною дверью виситъ синяя вывѣска золотыми буквами говорящая, что это четырехъ классное станичное училище, иждивеніемъ станицы въ благодарную память незабвеннаго Императора Александра III устроенное. Посерединѣ станицы, противъ спуска къ плашкоутному мосту, снятому теперь по случаю зимы и гдѣ тянется по снѣгу и льду санями наѣзженная дорога, отступя на площадь высится красный кирпичный станичный соборъ о пяти главахъ подъ серебряными куполами. Возлѣ него садъ изъ сиреней, жасминовъ и высокихъ пирамидальныхъ тополей, заключенный въ деревянную, мѣстами обвалившуюся рѣшетчатую ограду, протянутую между кирпичныхъ столбовъ съ мѣдными шарами. Кругомъ площади, какъ старухи нищія, опираясь на свои костыли, вытянулись галдарейками окруженныя лавки станичныя. Возлѣ запертыхъ дверей по узкимъ балкончикамъ развалились плуги ярко крашенные, бочки керосиновыя, ящики, колеса и другой тяжелый товаръ деревенскій.

Широкія улицы заплыли жирною черноземною грязью. Она доходитъ до ступицы колесъ, блеститъ на солнцѣ, тянется подъ вѣтромъ и не понять, какъ не уплыли по ней къ самому Дону бѣлые домики съ пестрыми ставнями и не повалились высокіе тополи и кривые плетни. Вдоль домовъ и плетней натоптана узкая — двоимъ не разойдтись — тропинка. Тамъ черезъ большую лужу перекинута скользкая узкая, грязью затоптанная дощечка, тамъ кто то приладилъ мостки горбатые и перильце протянулъ, а тамъ и вовсе

нѣтъ ничего и прохожіе бредутъ по плетню, цѣпляясь руками за длинные шаткіе колья.

Чья то телѣга застряла посреди улицы, утонувши глубоко въ грязи. Безпомощно торчитъ изъ нея дышло съ висящими воловьими ярмами и точно всѣмъ видомъ своимъ говоритъ она: — «ничаво! видать, погодить придется»...

Свиньи цѣлымъ стадомъ стали вдоль забора, уперлись розовыми, бѣлой щетиной обросшими боками, въ скользкіе прохладные колья, подставили грязью залѣпленныя пятнистыя спины и животы подъ солнце и застыли, тупо глядя на землю и поблескивая маленькими черными глазками. Свинья-что! Ей теперь въ мокроту передзимнюю самое раздолье.

— Кышъ вы! — замахиваясь длинной палкой кричитъ на нихъ сѣдобородый казакъ, прочищая среди нихъ себѣ дорогу по узкой тропинкѣ. — Я васъ, проклятыхъ... ихъ!

Молодцоватый казакъ въ новой форменной шинели безъ погонъ, при шашкѣ и винтовкѣ, на росломъ видномъ рыжемъ конѣ съ закрученнымъ и завязаннымъ хвостомъ, утопая по колѣно лошади въ грязи бодрымъ шагомъ, далеко разбрасывая липкія брызги обгоняетъ старика.

— Садись, дѣдушка, подвезу!. кричитъ онъ, скаля зубы.

— Ну тя къ лѣшему. Не зубоскаль, обормотъ!, — замахиваясь на него палкой говоритъ старикъ.

— Джигитни, старина, покажи гвардейскую развязку, — не унимается казакъ.

— Олухи! Хронтовики! Дезертиры, ворчитъ старикъ разгоняя свиней.

— А то на борова, дѣда, садись. Ишь боровъ здоровый? Ничего, что безъ сѣдла — довезеть.

— Пошелъ къ дьяволу, — кричитъ старикъ. — Управы на васъ нѣтъ.

— И то съ нимъ. Прà садись. Опоздаешь, слышь благовѣстъ то!

Съ синяго неба, разливаясь по громадной станицѣ, по широкой темной степи, кое гдѣ блестящей изумрудомъ озимей, по Дону, прижавшемуся къ крутому песчаному обрыву, по виноградным садамъ, по разливу, поросшему корявыми ветлами и камышами, несется частый, надоѣдливый перезвонъ тяжелаго мѣднаго колокола,

Сполохъ гудитъ по станицѣ, сзывая стараго и малаго, сзывая бабъ и дѣтей къ станичному храму на майданъ послушать, что будутъ говорить пріѣзжіе изъ Новочеркасска люди.

Въ солнечномъ дрожащемъ маревѣ подъ блѣднѣющимъ надъ степью небомъ ярко всѣми шестью золотыми куполами горитъ бѣлый Новочеркасскій Соборъ, стоящій на крутомъ земляномъ утесѣ. Точно мечта воплощенная въ бѣломъ камнѣ и покрытая золотомъ, точно дума казачья, горделивая, вѣсть о высокой культурѣ, о красотѣ, о любви и прощеніи, нависъ онъ надъ степью и далеко виденъ сверкающій всѣми ярко горящими головами. Между нимъ и станицей на двадцать съ лишнимъ верстъ залегла широкая долина Дона, поросшая бурой травою, камышами, да широкими раскидистыми ивами и дубами.

По грязнымъ улицамъ станицы, гуськомъ. цѣпляясь за заборы и тыны, по дощатымъ, залитымъ грязью, скользкимъ настиламъ все въ одномъ направленіи, къ собору, идутъ женщины въ шубкахъ и платкахъ съ широкими бѣлыми лицами, темными соболиными бровями и румяными щеками, сытыя, сдобныя и привѣтливыя. Съ бѣлыхъ, точно точеныхъ изъ слоновой кости зубовъ, слетаетъ шелуха сѣмечекъ, подсолнечныхъ и тыквенныхъ, жареныхъ. На многихъ надѣты дорогія лисьи шубы, крытыя сукномъ, бархатомъ или плюшемъ. Казаки, кто въ шубѣ, кто въ форменной шинели, одни въ погонахъ, съ крестами и медалями, при шашкахъ, въ черныхъ прекраснаго курпея съ алыми суконными верхами папахахъ, другіе безъ погонъ, въ сѣрыхъ

папахахъ, съ ободранными крестами, въ шиняхъ небрежно надѣтыхъ и не подпоясанныхъ, съ широкими наглыми лицами, молодецкими ватагами подходятъ къ площади мощеной грубыми каменными плитами. У самой паперти, опираясь на длинную толстую трость съ серебрянымъ въ видѣ яблока набалдашникомъ съ двуглавымъ императорскимъ орломъ на немъ, стоитъ въ офицерскомъ пальто и погонахъ, чернобородый хорунжій изъ простыхъ казаковъ, станичный атаманъ. Около него столпились почетные граждане станицы. Стоитъ въ голубой атаманской фуражкѣ старый съ голымъ лисьимъ лицомъ Лукьяновъ въ мѣховой дорогого мѣха шубѣ, стоитъ въ низенькой, старой, измятой армейской папахѣ, въ старой шинели съ крестами и медалями за Турецкую войну, весь сморщенный, съ клочковатой сѣдой бородой Пятницковъ, стоитъ нѣсколько офицеровъ въ бѣлыхъ погонахъ, штатскій съ сѣдыми усами въ судейской фуражкѣ, сзади нихъ жмутся станичныя барышни мѣстной интеллигенціи, а лѣвѣе темная толпа казаковъ и казачекъ, папахи сѣрыя и черныя, шинели и шубы, чекмени и теплушки, платки и шляпки, гимназическія пальто и сѣрыя шубки станичной молодежи.

И надъ всею этою толпою, разливаясь въ свѣжемъ, пахнущемъ морозомъ январьскомъ воздухѣ, густо гудитъ мѣдный колоколъ, заглушая отдѣльные голоса, заглушая гомонъ толпы и смѣхъ молодежи.

Сполохъ несется надъ Дономъ.

II.

На самой окраинѣ станицы, тамъ, гдѣ она тремя улицами, все понижаясь домами и вишневыми садами убѣжала въ безпредѣльную степь, совсѣмъ на отшибѣ, въ густомъ саду съ разставленными по

нему колодами ульевъ, стоитъ маленькая, точно вросшая въ черную землю мазанка, крытая лохматою соломенною шапкой — это домъ дѣдушки Архипова. Архипову болѣе семидесяти лѣтъ. Онъ Скобелева хорошо помнитъ, въ Крыму подъ Севастополемъ былъ и мало мало самого Наполеона не захватилъ. Онъ хранитель старыхъ пѣсень казачьихъ, хранитель завѣтовъ казачьихъ, онъ прорицатель и ворожей, ему открыты тайны библіи и Апокалипсиса и онъ все точно знаетъ. что было и будетъ. Газетъ онъ не читаетъ, среди людей не бываетъ, на станичный сходъ не ходитъ, горлопановъ, что горло дерутъ и рѣчами заливаются не жалуетъ, съ попомъ и атаманомъ не дружитъ — съ первымъ потому, что самъ онъ по старой вѣрѣ живетъ и славится, какъ начетчикъ, со вторымъ — потому, что распустилъ казаковъ, воровство развелъ и старыми боевыми играми казачьими не занимаетъ казаковъ.

Къ нему, по вечерамъ, ходятъ молодицы спросить будетъ ли толкъ отъ жениха, къ нему ходятъ недужные, извѣрившіеся въ докторахъ и лѣкарствахъ, къ нему ходитъ и самъ станичный атаманъ совѣтоваться по разнымъ дѣламъ.

Онъ живетъ вдвоемъ съ правнукомъ Пѣтушкомъ. Пѣтушку четырнадцатый годъ, онъ учится въ гимназіи. Пѣтушокъ круглый сирота — отца убили въ Восточной Пруссіи, мать съ горя померла, когда привезли ей это извѣстіе. Пѣтушкомъ прозвалъ мальчика дѣдъ за его звонкій голосъ, да за добрый веселый характеръ. Дѣдъ Архиповъ лошадь держитъ для Пѣтушка и заботливо изъ скудныхъ сбереженій готовитъ его стать настоящимъ казакомъ.

Архиповъ старъ, но крѣпокъ. Онъ всегда одѣтъ въ синіе шаровары съ широкимъ алымъ лампасомъ, въ мягкіе черные сапоги, по стариковски стоптанные и широкіе, въ просторный синій чекмень — въ праздники усѣянный орденами и

медалями, въ сѣрую свитку и папаху чернаго барана. У Архипова въ избѣ чисто подметено, пахнетъ мятой и полынью и самъ онъ сидитъ въ углу подъ образами и его желтое морщинистое лицо съ сѣдыми длинными волосами и бородою, узкою и благообразною, его тонкій носъ и темные глаза кажутся тоже лицомъ святого, которому не достаетъ только золотого вѣнчика.

Металлическій гулъ мѣднаго колокола доносится мягкими колебаніями и заставляетъ тихо звенѣть стекла маленькой горницы. Сполохъ долетаетъ до окраины станицы и широко несется по степи. — Но онъ не трогаетъ Архипова. Онъ и такъ бы не пошелъ туда, гдѣ станичные горлопаны будутъ говорить „пусты рѣчи и слова", а теперь мѣшаютъ ему неожиданные, Богъ вѣсть откуда взявшіеся, видно самимъ Господомъ Богомъ посланные гости.

Ихъ трое. Два молодыхъ человѣка и дѣвушка. Всѣ хорошо, по господски, одѣтые, но страшно измученные и голодные. Пришли они глухою ночью, часовъ около двухъ, какъ съ неба свалились. Едва дошли. Они говорили слабыми голосами и голодъ глядѣлъ изъ большихъ, ясныхъ и чистыхъ глазъ. Два брата и сестра.

Старикъ не допрашивалъ ихъ, кто они и откуда. Открылъ на настойчивый стукъ дощатую дверь и впустилъ ихъ изъ глухой степи съ сіяющими большими звѣздами, тихой, безпредѣльной, пахнущей землею степи.

— Спаси васъ Христосъ!, сказалъ онъ тихо и засвѣтивши жестяную лампочку зорько всмотрѣлся въ шатающихся, какъ тѣни людей.

Онъ разбудилъ спавшаго въ сосѣдней горницѣ Пѣтушка, приказалъ принести меда, хлѣба пшеничнаго и молока и поставилъ передъ гостями.

— Кушайте на здоровье, сказалъ онъ.

— Мы, дѣдушка, началъ было старшій, — не воры, не разбойники, позволь переночевать, мы

можемъ и бумаги наши показать...., но старикъ перебилъ его.

— А я развѣ спрашиваю, кто вы, — сказалъ онъ. — Христосъ, значитъ, послалъ. Голодны вы, крова нѣту надъ вами, ну, значитъ, и накормимъ и отдыхайте и живите сколько надо. Слава Богу найдется.

Въ комнату Пѣтушка натаскали мягкой соломы и душистаго степового сѣна, барышню устроили на постели Пѣтушка, а молодыхъ людей на полу и они, наѣвшись заснули крѣпкимъ сномъ.

Уже давно гудитъ сполохъ по станицѣ, а прохожіе люди все еще спятъ. Пѣтушокъ посѣдлалъ своего бураго мерина и поѣхалъ на площадь узнать въ чемъ дѣло, старикъ приготовилъ гостямъ кислаго молока, хлѣба, яицъ, наставилъ самоваръ и ждетъ когда они проснутся.

Первымъ вышелъ молодой человѣкъ. Ему было лѣтъ двадцать. Красивое безъ бороды и усовъ лицо его было исхудалое и покрытое мѣднымъ загаромъ, который даетъ зимняя стужа, ночлеги въ полѣ и степной холодный вѣтеръ. Онъ усѣлся за столъ и сталъ хозяйничать, поглядывая на старика.

— Что, сказалъ, наконецъ, старикъ, — воевать что-ль пришелъ?

— Воевать, дѣдушка, — охотно отозвался молодой человѣкъ.

— А ты знаешь, сколько еще воевать то осталось?

— Ну вѣрно меньше чѣмъ было. Къ концу надо думать дѣло идетъ.

— Къ концу, протянулъ старикъ.... — Ты послушай, что старые люди говорятъ, что степь матушка по ночамъ гудётъ, да старымъ людямъ, которые рѣчь ея понимаютъ, сказываетъ.

— Говори, дѣдушка, я слушаю.

— Такъ..... протянулъ старикъ, придвинулся ближе къ столу, за которымъ сидѣлъ молодой че-

ловѣкъ, налилъ ему стаканъ блѣднаго деревенскаго чая, пододвинулъ ломоть хлѣба и началъ: — хочешь вѣрь, хочешь по вѣтру пусти, потому за рѣчь мою не плачено. А только такъ оно было, такъ и сбудется, потому что это отъ Господа Бога сказано. Въ тысяча девятьсотъ четырнадцатомъ году, значитъ, заключилъ нашъ императоръ Николай Второй Александровичъ съ нѣмецкимъ королемъ Вильгельмомъ войну на десять лѣтъ. Взмолился Вильгельмъ, нельзя ли, значитъ, покороче. — „Придетъ", говоритъ, „земля моя въ разореніе отъ такой долгой войны и не побѣдить мнѣ тогда — никогда" — „Ну ладно," говоритъ Николай Александровичъ, — „будемъ съ тобой воевать пять лѣтъ. Четыре года полностью, а пятый на успокоеніе, но какъ мой народъ такой, что его ежели онъ развоюется остановить никакъ не возможно, то еще пять лѣтъ буду я воевать самъ съ собою, пока вся Россія не погибнетъ." И спросилъ, значитъ, Вильгельмъ, почему нашъ Государь погибели желаетъ народу своему. И открылъ Николай Александровичъ библію передъ Вильгельмомъ и указалъ на то мѣсто, гдѣ писано про Содомъ и Гоморру. — „Забылъ," сказалъ онъ, „народъ мой Господа Бога, забылъ меня, своего Государя, пересталъ любить любовью христіанскою ближняго и не стало на Руси честныхъ людей и черезъ то назначено Народу Русскому очищеніе огнемъ и мечомъ». Всѣ, кто Царя предавалъ — погибнутъ отъ руки злодѣевъ, всѣ, кто противу царства шелъ и вѣру христіанскую поносилъ погибнутъ и будутъ разсѣяны по чужимъ землямъ. И срокъ и предѣлъ мученіямъ Русскаго народа показанъ. Муки показаны до тысячи девятьсотъ двадцать перваго года, когда переломъ будетъ. Храмы наполнятся, враги станутъ друзьями. И будетъ тысяча девятьсотъ двадцать второй годъ лютѣе всѣхъ годовъ. Казачьи кости будутъ разбросаны по всему свѣту Божьему и

будутъ такіе, что на морѣ погибнутъ. А Петербургу въ тотъ годъ быть пусту. Въ тысяча — девятьсотъ двадцать третьемъ году загорится звѣзда надъ землею — та звѣзда будетъ обозначать начало. И крестъ надъ святымъ храмомъ Константина надъ Софіею мудрою православный повиснетъ, и турки будутъ за одно съ Русскими и кончатся войны на востокѣ. Врагъ начертаетъ на всемъ звѣзду и молотъ и серпъ подъ нею. И звѣзда вознесется на небо, а „молотъ-серпъ“ обратно прочтутся и тѣмъ конецъ будетъ. И будетъ, тогда царствованіе счастливое Михаила — а царствованію тому предѣлъ осьмнадцать лѣтъ.

Изъ горницы выглянула дѣвушка. Прелестное лицо ея горѣло отъ вѣтра, мороза, солнца, утомленія и крѣпкаго сна.

— Ну, какъ Оля спала? спросилъ ее молодой человѣкъ.

— Отлично Ника. Здраствуйте, дѣдушка, отвѣчала дѣвушка.

— Спаси Христосъ. Сестра что-ли будетъ?

— Сестра, сестра — сказала дѣвушка.

— Видать, сходствіе большое есть. Ну, спаси Христосъ.

— Дѣдушка, а почему звонятъ такъ? Развѣ праздникъ сегодня?

— И, ро́дная. Какой праздникъ! Братъ на брата идетъ!

— Что же и здѣсь большевики? — спросилъ Ника.

— А ты погодь, — сказалъ серьезно старикъ. Вотъ Пѣтушокъ, правнукъ мой, развѣдку сдѣлаетъ на чемъ постановятъ, погоди и посмотримъ чего вамъ дѣлать? Можетъ еще у меня поживете, я схороню васъ. Вы что-жъ — Русскіе будете? Анадысь въ Каменской полковника Фарафонова свои же люди убили, генералъ туда присланъ, не то Семеновъ, не то Сетраковъ, или какъ тамъ, едва убѣжалъ—хорошо камышами спасся... Да... На станціи

Себрякова казаки офицеровъ убили... Да... хорошо это? А вѣдь вы... и спрашивать никому не надо — видать сразу офицеры. Россiйскiе солдаты по Новочеркасску кругомъ силу взяли, ходятъ, звѣрствуютъ, казаки съ ними за одно пошли. Нѣтъ, погодить, надо, на чемъ порѣшатъ.

— А что дѣдушка, въ Новочеркасскѣ Атаманская власть?

— Сидѣлъ Калединъ Алексѣй Максимовичъ, а что теперь — никому неизвѣстно, съ мужиками сказываютъ столковаться хочетъ. Сидѣлъ Калединъ, да усидитъ ли, Христосъ одинъ знаетъ. Времена тяжелыя стали. Сегодня присягнутъ, на завтра предадутъ. Да вы что?... Торопиться некуда. Не объѣдите старика. Все свое, непокупное... Да. Отдохните маленько, да пораспросимъ людей, а тамъ и видать станетъ, куда вамъ летѣть!.. Не на огонь же прямо!..

III.

Когда Саблинъ съ револьверомъ въ рукѣ бросился въ толпу солдатъ, въ вагонѣ произошло движенiе. Всѣ солдаты и съ ними вмѣстѣ Ника и Павликъ Полежаевы выскочили изъ вагона и бросились за Саблинымъ. Ника и Павликъ не отдавали себѣ отчета, зачѣмъ они бѣгутъ. Они были безоружны, они сами должны были бояться солдатъ, потому что были офицерами, но была какая то надежда, что, можетъ быть, имъ удастся быть полезными, помочь, отстоять генерала Саблина. Они видѣли, какъ Саблинъ остановился и прицѣлился. Остановилась и вся толпа. Продолжалъ, не спуская глазъ съ Саблина, какъ хорошая борзая собака съ зайца, бѣжать молодой солдатъ, бѣжалъ блѣдный солдатъ со злымъ лицомъ и еще нѣсколько забѣгали съ боковъ и сзади. Но Саблинъ не стрѣлялъ, а опустилъ револьверъ

и въ тоже мгновенiе на него навалилась толпа и Полежаевы поняли, что для Саблина все кончено. Весь интересъ толпы былъ сосредоточенъ на немъ и на Нику и Павлика, стоявшихъ въ сторонѣ, въ лѣсу, никто не обратилъ вниманiя.

— Пойдемъ съ нимъ, — сказалъ Ника.

— Ничѣмъ не поможешь, — сказалъ Павликъ. — Надо добывать Олю и бѣжать куда глаза глядятъ. Намъ нѣтъ возврата въ вагонъ.

— Но какъ же такъ?.. Его-то... Бросить? — сказалъ Ника и губы его надулись и на глазахъ показались слезы. — Благородно это?

— А что же сдѣлаешь? Ну, скажи самъ. Если бы оружiе было, можно было бы попытаться стрѣльбою разогнать ихъ.

Они стояли въ лѣсу. Молодыя сердца бились отъ негодованiя и отъ безпомощности. Ѣдкое чувство стыда отъ всего видѣннаго было въ нихъ. Поднималась глухая, жестокая ненависть къ солдатамъ и жажда мести, кровавой, страшной мести становилась главною цѣлью, главнымъ желанiемъ жить.

— Пойдемъ на югъ, къ казакамъ! сказалъ Павликъ. Тамъ мы добудемъ оружiе. Пойдемъ и освободимъ его.

— Да, если они раньше не прикончатъ?

— Тогда отомстимъ.

— А Оля какъ-же?

— Конечно съ нами. Сестрою милосердiя Куда она пойдетъ теперь? Родного дома нѣтъ, родной земли нѣтъ. Къ казакамъ! Одно спасенiе.

Они нашли Олю въ лѣсу не далеко отъ вагона. Какъ только она увидала братьевъ она замахала имъ руками, давая понять, чтобы они не шли къ желѣзной дорогѣ и сама, оглядываясь и скрываясь за деревьями, стала пробираться къ нимъ.

— Милые мои! говорила она, переводя глаза съ Павлика на Нику и съ Ники на Павлика, будто

желая убѣдиться, что оба живы и невредимы, — стойте, стойте дорогіе...

Она подошла и нервно заговорила.

— На поѣздъ и думать нечего возвращаться. Надо бѣжать какъ можно дальше отсюда. Та старушка въ платкѣ и жена телеграфиста оговорили васъ. Онѣ сказали, что и вы были съ генераломъ Саблинымъ. Назвали васъ его адъютантами. И откуда онѣ это взяли! Кубанскаго офицера схватили и арестовали, жена его на колѣняхъ валялась, просила, чтобы освободили, ее тоже потащили. Всѣмъ распоряжался тотъ молодой солдатъ съ красивымъ лицомъ. Инженера, который вчера спорилъ съ ними и его даму тоже забрали, и толстаго еврея взяли. Вещи стали перерывать. Я въ лѣсу спрятавшись была, такъ видала, какъ они пустые чемоданы выкидывали на дорогу. Вернуться теперь — на вѣрную смерть. Надо бѣжать.

— Куда бѣжать! сказалъ Ника.

— На югъ! На югъ, сказалъ Павликъ. — И не медля ни минуты.

Солнце свѣтило надъ лѣсомъ и по солнцу и по оттаявшимъ стволамъ, по почернѣвшимъ съ одной стороны кочкамъ братья Полежаевы и Оля знали, гдѣ этотъ югъ. Югъ и казаки рисовались имъ благословенною страною порядка, гдѣ вновь создается великая Россійская армія, гдѣ не ходитъ по городамъ и деревнямъ кровавый туманъ и гдѣ не висятъ красныя знамена съ призывами къ бунту и грабежу. Молодымъ сердцамъ крѣпко вѣрилось, что тамъ еще жива Россія и что поднимется она и сброситъ иго насильниковъ, тирановъ и предателей.

На Югъ!

Они шли избѣгая селеній и деревень, избѣгая большихъ дорогъ. У нихъ, кромѣ небольшого запаса денегъ ничего не было. Ихъ вещи остались въ вагонѣ. Но они не думали о лишеніяхъ. Крѣп-

ко, глубоко вѣрили они, что тамъ Россія, которая пригрѣетъ ихъ и накормитъ.

Къ вечеру, голодные и холодные, они подошли къ селенію. Они выбрали одинокую хату и постучали въ надеждѣ переночевать. Старуха и двѣ молодыя женщины пустили ихъ. Но, приглядѣвшись къ нимъ, при свѣтѣ лампы, засуетились и стали говорить: „б а р ж у и... нѣтъ, лучше уходите грѣха бы не было. А деньги есть?.. За деньги хлѣба немного дадимъ и идите... Идите и вамъ плохо будетъ и намъ въ отвѣтъ попасть придется. Отъ комиссара наказъ: — буржуевъ не принимать. Поди къ казакамъ пробираетесь? А казаки, слыхать, всѣхъ солдатъ истребляютъ".

За три рубля они отпустили фунтъ стараго хлѣба, закрыли передъ ними дверь и холодная звѣздная ночь открыла имъ свои объятія.

Они провели ее за околицей, зарывшись въ скирду немолоченаго хлѣба, устроивши въ немъ нору и согрѣваясь животной теплотой. На селѣ неугомонно лаяли собаки, слышались звуки гармоники, пѣніе хриплыми голосами. То загорались желтыми огнями маленькія окна избушекъ, то потухали, слышался смѣхъ, женскій визгъ, крики и улюлюканье. Молодежь гуляла по селу. До свѣта Полежаевы выбрались изъ своей норы и съ разбитыми членами вышли въ путь. Но обогрѣло солнце, размахались руки и ноги и стало легко идти, только голодъ донималъ.

Проѣзжій мужикъ провезъ ихъ верстъ восемь и денегъ не взялъ. Онъ показалъ, гдѣ граница Донской земли и какъ ее перейдти.

— Тамъ, сказалъ онъ, — все одно. Совѣтская власть. — Но не вѣрилось этому. На Дону и власть Ленина и Троцкаго! Власть предателей отчизны. Нѣтъ Донъ не покорится жиду!

Съ надеждою въ сердцѣ подходили они уже вечеромъ, къ первой донской станицѣ. Ихъ обогналъ конный казакъ, по виду офицеръ, въ хоро-

шей дорогой шубѣ, въ большой отличной папахѣ, при шашкѣ, украшенной серебромъ. Его сопровождало два казака. Они тоже были въ дорогихъ шубахъ, одинъ въ казачьей шапкѣ, другой въ низкой бобровой. Офицеръ внимательно взглянулъ на прохожихъ. Это былъ блѣдный брюнетъ съ черными стрижеными усами, съ тонкимъ носомъ и красиво очерченными выразительными губами.

Павликъ сейчасъ же узналъ его.

— Ника, сказалъ онъ. Это Иванъ Михайловичъ Мартыновъ. Помнишь? Мы его у Лѣницыныхъ встрѣчали. Онъ пѣлъ баритономъ у нихъ. Гвардейскій офицеръ. Вотъ находка. Я пойду, разъищу его. Мы все отъ него узнаемъ.

— Павликъ, а если онъ?.. Если онъ ихъ?

— Ну что ты! И казаки съ нимъ. Это навѣрно уже Калединцы. Мы спасены.

Но какая то осторожность заставила ихъ раздѣлиться. Было рѣшено, что Павликъ пойдетъ одинъ, а Оля съ Никой останутся за околицей опять у хлѣбной скирды.

— Погодите, говорилъ Павликъ, — я вамъ хлѣба принесу, сала, чая вамъ изготовимъ, щей горячихъ. Иванъ Михайловичъ душа человѣкъ. Онъ и Саблина хорошо зналъ. А помнишь, Оля, какъ онъ за тобой ухаживалъ?

Павликъ безъ труда нашелъ хату, у которой остановился проѣзжій казакъ. Его рослая нарядная лошадь и такія же двѣ лошади казаковъ были привязаны у большого дома, принадлежавшаго зажиточному казаку.

Павликъ поднялся на крыльцо и остолбенѣлъ, На двери былъ прибитъ бѣлый картонъ, на которомъ крупными буквами было написано: „канцелярія Камышанскаго совѣта рабочихъ, солдатскихъ, крестьянскихъ и казацкихъ депутатовъ“. „Комиссаръ“

Онъ хотѣлъ повернуться и бѣжать, но дверь широко распахнулась и въ полосѣ яркаго свѣта появился одинъ изъ сопровождавшихъ Мартынова казаковъ съ бумагой въ рукѣ.

— Вамъ, товарищъ, кого?, спросилъ онъ, съ головы до ногъ оглядывая Павлика.

— Есаула Мартынова. Я знакомъ съ нимъ, — твердо сказалъ Павликъ.

— Какъ доложить о васъ?

— Скажите: Павелъ Николаевичъ Полежаевъ, — сказалъ смѣло Павликъ. Онъ понялъ, что погибъ, что терять ему нечего, спасти могла только храбрость.

IV.

Иванъ Михайловичъ сидѣлъ въ хорошо убранной комнатѣ за накрытымъ скатертью столомъ и закусывалъ. Большая керосиновая съ фарфоровымъ колпакомъ лампа освѣщала его лицо. Передъ нимъ стояла бутылка водки, тарелки съ нарѣзанной жирной шамайкой, селедкой и паюсной икрой, громадные ломти хлѣба лежали на блюдѣ, тутъ же стояла миска накрытая крышкой. Красивая рослая казачка, молодая, бѣлокурая, съ длинными густыми косами накрытыми шолковымъ платкомъ, стояла въ углу и опиралась подбородкомъ на пальцы согнутыхъ въ локтѣ полныхъ бѣлыхъ рукъ.

— Полежаевъ, Павелъ Николаевичъ, — сказалъ радушно Мартыновъ. — Какими судьбами? Садитесь. Гостемъ будете. Зачѣмъ въ наши края пожаловали?... Прасковья Ивановна разстарайтесь вторымъ приборомъ. Вотъ, Прасковья Ивановна, вы говорили мнѣ, что никогда не видали живого буржуя. А вотъ онъ самъ къ намъ и пожаловалъ. Смотрите, любуйтесь. Ну, шучу, шучу.

Мартыновъ налилъ водки Павлику и пододвинулъ ему блюдо съ жирной янтарной шамаей.

Онъ мало перемѣнился съ тѣхъ поръ, какъ его видалъ Павликъ въ Царскомъ Селѣ. Только свои красивые длинные шелковитые усы остригъ и черную Мефистофельскую бородку сбрилъ, — отчего лицо его казалось круглѣе и самъ онъ выглядѣлъ сытѣе. Онъ и дѣйствительно располнѣлъ. Онъ былъ хорошо одѣтъ, на холеныхъ бѣлыхъ рукахъ съ длинными узловатыми пальцами были дорогіе перстни и особенно одинъ крупный брильянтъ игралъ при свѣтѣ лампы. У Павлика мелькнула мысль откуда эти кольца? Онъ зналъ, что Мартыновъ былъ небогатъ, что онъ долженъ былъ уйдти изъ гвардіи по какой то исторіи, связанной съ денежными затрудненіями. Но смотрѣлъ Мартыновъ на Павлика такими же красивыми въ густыхъ и длинныхъ рѣсницахъ карими глазами и въ жестахъ его была прежняя ширина и радушіе любящаго принять и угостить человѣка.

— Что же, — прищуривая глаза и зорько глядя на Павлика, сказалъ Мартыновъ — къ Каледину, или Алексѣеву пробираетесь? А? Много васъ туда пробирается. А зачѣмъ? Павелъ Николаевичъ—я васъ вотъ этакимъ,—Мартыновъ показалъ рукою немного выше стола, — зналъ и сестрицу вашу Ольгу Николаевну хорошо знаю и брата и, откровенно скажу вамъ, — я васъ очень всѣхъ люблю. Ну, идете вы къ Алексѣеву и Каледину. Кто они? Республиканцы! А я вѣдь васъ знаю отлично, — вы монархисты. И вы идете къ кому? Къ французскимъ наемникамъ. Къ тѣмъ, кто на французскія деньги гонитъ казаковъ и Русскій народъ уничтожать своихъ братьевъ. У насъ рабоче-крестьянская власть, у насъ Россія, а у васъ кто? Мнѣ доподлинно извѣстно, что казаки не пошли съ Калединымъ, у Алексѣева только кадеты и юнкера, да немного офицеровъ. Что затѣваете вы? Вѣдь вы меньшинство! Вы то подумайте. Въ Россіи было сто тысячъ, да, если не больше офицеровъ — а у Алексѣева еле на-

бралось четыре тысячи. А почему? Павелъ Николаевичъ, всякій офицеръ монархистъ — это аксіома. И я монархистъ, какъ монархистъ и вы.

— Такъ что же, сказалъ Павликъ, — Ленинъ и Троцкій монархисты?

— Кто знаетъ, кто знаетъ! сказалъ, качая головою Мартыновъ. — Вы подумайте только, кого большевики упорно уничтожаютъ. — Эсъ-эровъ и кадетовъ. Да-съ! Эсъ-эровъ и кадетовъ. Вотъ газеты полны проклятіями по поводу убійства Шингарева и Кокошкина, Бурцевъ томится въ тюрьмѣ, а Сухомлинова выпустили на свободу, Анна Вырубова живетъ въ довольствѣ. Кто такое Муравьевъ? — монархистъ чистѣйшей воды. Притомъ частнымъ приставомъ долгое время служилъ. А? теперь въ Брестѣ мы ведемъ переговоры съ кѣмъ? Съ его императорскимъ и королевскимъ величествомъ императоромъ Вильгельмомъ. Павелъ Николаевичъ, идите съ нами. Мы съ народомъ. Мы поняли народъ. У насъ.... Помните, когда то пѣвалъ я пѣсню, самъ ее и сочинилъ: — „скучно станетъ — на Волгу пойдемъ, бѣдно станетъ и деньги найдемъ!“ Павелъ Николаевичъ, — справедливо это, что у какого нибудь банкира, жида паршиваго капиталъ, мильоны, камни, золото, а у меня, образованнаго донского казака, умнаго, красиваго, я вѣдь, Павелъ Николаевичъ, себѣ цѣну знаю, — какъ говорится: — шишъ въ карманѣ и вошь на арканѣ. Почему? Перемѣстить надо. Умные, молодые и смѣлые, — вотъ, кого выдвигаютъ большевики въ первую линію. Идемте съ нами, а?

Мартыновъ пилъ рюмку за рюмкой и хмѣлѣлъ. Но хмѣль у него выражался въ болтливости, болѣе ясномъ умѣ, радушіи и широкихъ жестахъ.

— Прежде чѣмъ рѣшиться идти съ вами, — сказалъ Павликъ, — я бы хотѣлъ точнѣе знать,

что такое большевики. У меня составилось о нихъ въ Петроградѣ нѣсколько иное представленіе.

— Прасковья Ивановна, разскажите буржую что такое большевики, — сказалъ Мартыновъ, обращаясь къ молодой женщинѣ.

— Ну что вы, Иванъ Михайловичъ, стыдливо закрываясь рукою сказала казачка.

— Большевики — это... Все позволено.

Мартыновъ къ самому лицу Павлика протянулъ свою украшенную кольцами руку.

— Ревизовалъ я сейфы въ Петроградѣ, — изволите видѣть, что получилъ? По праву!! По праву сильнаго, ловкаго, умнаго! Посмотрите на Прасковью Ивановну — дочь священника. По старому — женихъ, да невѣста, да еще отдали бы за меня, либо нѣтъ, а я притомъ уже женатъ, а вѣдь она любитъ меня, давно любитъ, — а теперь, объявили реквизицію женщинъ, и — моя голубка, по праву красиваго. Павелъ Николаевичъ, — осуществленіе воли, вотъ какъ я понимаю большевизмъ. Теперь комиссаромъ на Дону — Мироновъ. Вы изволите его знать? З-за-м-м-ѣчательная личность. Я вамъ біографію его разскажу. Онъ товарищъ мой по училищу. Мы оба Михайловскаго Артиллерійскаго и оба духомъ либеральнымъ еще со скамьи Воронежскаго корпуса заражены. Бакунина и Крапоткина тайкомъ читали. Теперь, позвольте васъ спросить, почему, когда пишетъ Крапоткинъ, — интеллигенція благоговѣетъ и на вытяжку стоитъ: — анархистъ — революціонеръ, ну а когда приходитъ Ленинъ и Троцкій и говорятъ: «исполнить то, что написано» и является трудовой народъ и исполняетъ то, что ему твердила интеллигенція вотъ уже больше полъ вѣка, она ужасается и вопитъ на весь міръ. А? Я пришелъ и взялъ. Потому что я хочу и могу. Я взялъ золото, камни, взялъ женскую ласку и любовь, потому что я силенъ и уменъ. Мироновъ ума палата. Онъ молодымъ офицеромъ на

Японскую войну пошелъ, да не въ артиллерію, гдѣ все таки безопаснѣе, а въ армейскій казачій, полкъ. Пѣшкомъ съ казаками въ атаку ходилъ-георгіевскій крестъ заслужилъ — вотъ отъ Мироновъ! По возвращеніи, смѣло, открыто выступилъ противъ всѣхъ нашихъ болячекъ. Ну, слыхали вѣрно... и жалованье казакамъ не выдавали и денежныя письма утаивали и лошадей не кормили, да, все это было и противъ всего, значитъ, Мироновъ выступилъ и... пострадалъ за правду. Онъ былъ выгнанъ изъ полка. Усть - Медвѣдицкая станица выбираетъ его своимъ станичнымъ атаманомъ. Мироновъ горитъ на этой должности. И сгораетъ. Вѣдь въ Россіи то говорили: — «съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не судись,» а Мироновъ противъ сильнаго шелъ, богатаго обижалъ. Все верховое казачество его знаетъ и благоговѣетъ передъ нимъ. Ну, скажите, кому атаманомъ быть Миронову или Каледину?

— Но, сколько я слыхалъ Кругъ казачій дважды выбралъ Каледина своимъ Атаманомъ, сказалъ Павликъ.

— Кругъ, кругъ! Вы слыхали, что сказалъ Ленинъ представителямъ союза казачьихъ войскъ, которые явились къ нему, когда узнали, что Ленинъ посылаетъ карательную экспедицію на Донъ.

— „Вашъ Кругъ,“ сказалъ Ленинъ, „представленъ лишь офицерствомъ и буржуазными элементами и въ немъ не слышно голоса трудового казачества“. Такъ то, Павелъ Николаевичъ. Сегодня ночью Мироновъ долженъ сюда быть. Хотите, я познакомлю васъ съ нимъ и оставайтесь у насъ. Помяните мое слово и мѣсяца не пройдетъ, какъ мы сметемъ съ лица земли и Каледина и Алексѣева и красное знамя трудового казачества будетъ развѣваться по всему Дону сверху до низу. Калединъ держится только въ Новочеркасскѣ, держится лишь потому, что его не трогаютъ. Подумайте, товарищъ, — и власть, и богатство, и рос-

кошная жизнь, и приволье, и женщины — все вамъ, если пойдете съ нами. Вы смотрите, — я васъ не неволю, другіе разстрѣливаютъ такихъ, какъ вы — я даю вамъ свободный выборъ. Я отпускаю васъ въ станъ враговъ! А? Вы голодны, устали, замерзли, кочуя по полямъ. Я даю вамъ тепло, сытость, вы отдохнете. На дняхъ рѣшено приступить къ формированію красной арміи, намъ нужны инструктора. Ну? я жду отвѣта. А?

— Я не могу идти съ большевиками, — тихо сказалъ Павликъ. Они нѣмецкіе шпіоны, они измѣнники, ихъ никто не выбиралъ, они захватили власть.

— Басни, Павелъ Николаевичъ, буржуйскія басни, ложь и клевета. А хотя бы и такъ. А вы къ кому идете? Тамъ нѣмецкія деньги, у васъ французскія — все не Русское дѣло творить вы идете.

— Французы наши союзники, а нѣмцы враги.

— Павелъ Николаевичъ, а идея?

— Идея — Россія!

— Царя я бы понялъ. Но Россія съ Керенскимъ или Россія съ Ленинымъ не все ли равно? Оставайтесь. А?

— Иванъ Михайловичъ, — вставая сказалъ Павликъ, вы дали мнѣ обѣщаніе отпустить меня и я ухожу.

— Идите. Я спокоенъ. Вернетесь къ намъ, когда увидите, гдѣ правда.

— Правда тамъ, гдѣ трехъ цвѣтный флагъ и нѣтъ ни крови, ни грабежа, ни насилія.

— А, если вы и тамъ найдете кровь, грабежъ, насиліе и воровство?

— Подъ Русскимъ флагомъ?, съ возмущеніемъ воскликнулъ Павликъ.

— Подъ Русскимъ флагомъ, — настойчиво, устремляя свои красивые глаза на Павлика, сказалъ Мартыновъ.

Нѣсколько секундъ оба молчали. Мартыновъ не сводилъ глазъ съ Павлика.

— Ну, сказалъ онъ, — когда то, очень давно, я влюбленъ былъ въ вашу мать. Я былъ тогда совсѣмъ молодымъ офицеромъ. Во имя ея, идите. Идите только скорѣе. Ночью пріѣдетъ сюда со своею дивизіею Мироновъ и тогда вамъ не уйдти. Прасковья Ивановна соберите гостю хлѣба, яицъ шамайки, сала...

Послѣ этого пять дней Павликъ, Ника и Оля шли по ночамъ по степи. Они выбирали направленіе по звѣздамъ. Павликъ становился лицомъ на Полярную звѣзду, потомъ поворачивался кругомъ, они выбирали какой либо предметъ, бугоръ на балкѣ, дерево, копну и шли пока хватало силъ. Они отыскивали казачьи шалаши „лѣтовки,“ въ которыхъ казаки живутъ во время полевыхъ работъ и тамъ, забившись въ старую прѣлую солому, проводили день, прислушиваясь къ тому, что было въ степи. Пустынная глухая степь жила въ эти дни особенною жизнью. По далекимъ шляхамъ были видны фигуры конныхъ казаковъ, они гнали лошадей, скотъ, птицу, скрипѣли тяжелые возы, запряженные большими сѣрыми волами, станицы и хутора суетились и не по зимнему жили.

Запасы, данные Мартыновымъ давно истощились, питались случайно найденными корками хлѣба, пустыми колосьями. Наконецъ утомленіе, голодъ и холодъ заставили ихъ рискнуть подойдти къ станицѣ и темною ночью они постучали у одинокой хаты и то, что они услышали вселило имъ надежду на спасеніе отъ голодной смерти въ степи. Услышали они сказанныя старческимъ голосомъ слова: — Спаси Христосъ!

V.

— Это кто-же говоритъ-то? Высокій, да худой такой, да патлатый?

— Членъ правительства.

— Та-акъ. Офицеръ?

— Офицеръ. Есаулъ. Выборный войсковой есаулъ.

— Такъ... Видать сразу. Къ старому порядку гнетъ.

— А въ новомъ то что хорошаго? Пудъ пшеницы почемъ пошелъ? Тринадцать рублей! — это вмѣсто восьми гривенъ.

— Мелкой размѣнной монеты совсѣмъ нѣту. Вчòра три рубля по всей станицѣ бѣгалъ, размѣнять не могъ.

— Корецъ молока — два цѣлковыхъ. Свобо-о-да!

Съ паперти, освѣщенной яркими, по весеннему бьющими лучами солнца, неслось:

— Господа! если не хотимъ потерять наши вѣковыя вольности казачьи, надо становиться на защиту Тихаго Дона, отстаивать родные курени отъ насильниковъ, идущихъ изъ Москвы. Не первый разъ сѣдому Дону становиться въ оппозицію Московской власти, съ царями не ужились, неужели допустимъ теперь нѣмецкимъ агентамъ и шпіонамъ поработить казаковъ, неужели потоптаны будутъ нивы казачьи и поруганы наши храмы!

— Никогда! слышалось въ густой толпѣ сгрудившейся возлѣ большого храма.

— Не выдадимъ родныя могилы!

— Въ слободѣ Михайловкѣ, при станціи Себряково, — одушевленно говорилъ ораторъ — произвели избіеніе казаковъ, причемъ погибло, по слухамъ, до восьмидесяти однихъ офицеровъ!

— Охъ! грѣхи, — проговорилъ беззубый старикъ въ погонахъ урядника и съ медалью за ту-

рецкую войну на сѣромъ чекменѣ домадѣльнаго сукна.

— Развалъ строевыхъ частей достигъ до послѣдняго предѣла и, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ полкахъ Донецкаго округа удостовѣрены факты продажи казаками своихъ офицеровъ большевикамъ за денежное, вознагражденіе, — гремѣлъ ораторъ, взглядывая на бумажку. — Большинство изъ остатковъ уцѣлѣвшихъ полевыхъ частей отказываются выполнять боевые приказы по защитѣ Донского края!

— Повоевали и будя! — сказалъ молодой казакъ въ толпѣ казаковъ, одѣтыхъ въ форменныя шинели безъ погонъ и засмѣялся.

— Господа, — раздавалось съ паперти и голосъ оратора истерическимъ воплемъ несся надъ толпою. — Я повторяю вамъ рѣчь, сказанную вчера на Кругу нашимъ выборнымъ Атаманомъ Алексѣемъ Максимовичемъ Калединымъ, тѣмъ самымъ, которому, вручая Атаманскій перначъ, сказалъ нашъ выборный помощникъ Атамана Митрофанъ Петровичъ Богаевскій — „по праву древней обыкновенности избранія войсковыхъ атамановъ, нарушенному волею Петра 1-го въ лѣто 1709 и нынѣ возстановленному, избрали мы тебя нашимъ войсковымъ Атаманомъ". Господа! въ тѣ майскіе дни свободы мы вернулись къ тому славному, счастливому времени. когда казаки горделиво говорили — „здраствуй Царь въ кременной Москвѣ, а мы, казаки, на Тихóмъ Дону!"

— Ишь ты! Царя вспомнилъ, — сказалъ тотъ же молодой казакъ. — Это что же опять подъ офицерскую палку, да на польскую грáницу подъ двуглаваго орла становиться.

— Господа! если не будетъ сокрушенъ нѣмецкій милитаризмъ, то Вильгельмъ по частямъ заберетъ нашу федеративную республику, начиная съ Украины, которая этой федераціи такъ добивается! Кто идетъ съ большевиками? Нѣмцы и плѣнные

мадьяры, латыши и китайцы посланы разгромить Донъ и уничтожить, съ лица земли стереть, самое имя казака.

— Неправда! — раздался голосъ изъ толпы одѣтыхъ въ форменное платье казаковъ. — Съ большевиками идутъ казачьи вожди Голубовъ и Подтелковъ. Идетъ трудовое казачество освобождать Донъ отъ засилья калединцевъ, идутъ рука объ руку съ трудовымъ народомъ.

Томительная тишина наступила на площади. Было такъ тихо, что вдругъ отчетливо сталъ слышенъ весенній пискъ воробьевъ и частая капель воды по темнымъ лужамъ съ крышъ торговыхъ рядовъ, окружавшихъ площадь. Ораторъ поникъ головою и, казалось, растерялся отъ этого окрика.

— Я не убѣждать и спорить съ вами пришелъ, а пришелъ передать призывъ Круга и атамана Каледина вооружаться и формировать станичныя дружины на защиту Тихаго Дона! сказалъ онъ глубокимъ проникновеннымъ голосомъ и на блѣдномъ нездоровомъ вдохновенномъ лицѣ его пламенемъ загорѣлись свѣтлые глаза.

— Коли атаманъ Калединъ желаетъ блага, то пусть онъ покинетъ свой постъ. А не добровольческія дружины собирать для защиты буржуевъ! Намъ Голубовъ съ большевиками зла никакого не сдѣлаетъ. Большевики борются противъ засилья міроваго капитала, твердо выговорилъ какъ бы заученную фразу казакъ лѣтъ двадцати пяти въ сѣрой папахѣ и шинели безъ погонъ.

— Вы кто такой и отъ кого говорите? спросилъ ораторъ.

— Я делегатъ 41-го казачьяго полка, — хмуро сказалъ выступившій казакъ. — Мы порицаемъ выступленіе буржуазнаго генерала Каледина и привѣтствуемъ товарищей солдатъ, крестьянъ, рабочихъ и матросовъ, борющихся съ буржуазіей.

— Господа вы слышали! Вѣдь это измѣна казачеству. Такихъ людей вѣшать надо!

— Руки коротки!

— Онъ делегатъ. Какая же это свобода!

— Офицеръ говоритъ, такъ его слушать надо, а когда трудовой казакъ правду матку отрѣзалъ такъ на него окрикомъ.

— Каждый могетъ свое мнѣніе высказывать.

— Господинъ есаулъ, — проговорилъ выступая молодой офицеръ въ солдатской шинели съ погонами сотника и его лицо внезапно стало блѣднымъ, какъ полотно. — Позвольте сказать. Сопротивленіе безполезно. На насъ идетъ вся Россія. Ихъ сила. И васъ и меня все одно повѣсятъ.

— Такъ!—загремѣлъ, вдругъ вспыхивая ораторъ и поднялъ кверху обѣ руки со сжатыми кулаками и съ силой ударилъ ими по столику стоявшему передъ нимъ. — Такъ! Это мнѣ наплевать; я повѣсилъ не одного комиссара; а вотъ обидно будетъ вамъ, ничего не сдѣлавшимъ для Дона, когда васъ будутъ вѣшать!

— Постойте, господа, вмѣшался, поднимаясь на ступени паперти, станичный атаманъ и поднялъ свою атаманскую булаву.

— Замолчи, честная станица, — одушевленно крикнулъ старикъ съ сѣдыми усами съ подусками въ судейской фуражкѣ. — Замолчи, честная станица! Атаманъ трухменку гнёть!

Кругомъ засмѣялись.

— Ловко Парамонъ Никитичъ!.. По старому... уважилъ... раздались голоса среди стариковъ.

— Какъ значитъ, господа, атаманъ Калединъ, нашъ выборный атаманъ, — волнуясь заговорилъ станичный атаманъ, — и мы его выбирали, чтобы его приказъ сполнять все одно, какъ законъ, и приказъ его въ томъ, чтобы, значитъ, всей станицѣ поголовно подняться и итить оруженную и кто могетъ на коняхъ въ Новочеркасскъ на защиту Дона, то, полагательно мнѣ, мы должны оный приказъ исполнить... И не медля дѣла, отслуживши молебенъ собираться и въ походъ.

— Правильно! Въ походъ! закричало нѣсколько человѣкъ.

— Товарищи — это братоубійственная война, оборачиваясь и разводя руками заговорилъ блѣдный офицеръ, ища поддержки у строевыхъ казаковъ, стоявшихъ отдѣльною группою.

— Ну, чаво тамъ! Повоевали и будя, сплевывая сѣмечки проговорилъ молодой казакъ.

— Господа! воскликнулъ первый ораторъ, — мы должны защищать родной Донской Край. Пусть гибнетъ Россія, если это ей такъ желательно, но мы хотимъ свободы, той свободы, которой такъ жадно мы ожидали столько долгихъ вѣковъ.

— Правильно, сказалъ выступая впередъ толстый бородатый казакъ. — Россія! Конешно держава была порядошная, а нынѣ произошла въ низость... Ну и пущай!.. У насъ и своихъ дѣловъ не мало собственныхъ... Прямо сказать, господа, кто пропитанъ казачествомъ, тотъ своего не долженъ отдать дурно. Атаманъ правильно идетъ къ той намѣченной цѣли, штобы спасти родной край — пригребай къ своему берегу... Больше ничего не имѣю, господа!

— Батюшка, отецъ Андронъ, служи молебенъ, сказалъ атаманъ, вдарь въ колоколъ. О дарованіи побѣды на сопротивныя.

Гулко загудѣлъ колоколъ станичнаго храма заглушая голоса и споры, широко распахнулись громадныя ворота церкви и въ прохладный сумракъ стала, давясь и втискиваясь входить толпа. Строевые казаки повернулись и кучками пошли отъ храма, расходясь по станицѣ.

— А вы что жъ! Хронтовики, крикнулъ имъ бородатый толстякъ заключившій митингъ своеобразной рѣчью.

— А мы. Пригребай къ своему берегу! со смѣхомъ крикнулъ рослый молодцеватый урядникъ и рѣшительно пошелъ по грязи въ ближайшую улицу.

VI.

Пѣтушокъ вѣрно и точно передалъ дѣдушкѣ Архипову не только рѣчи „патлатаго и долговязаго, тонкаго, словно „журавель“ члена Правительства, но и настроеніе станицы.

— Дѣда, говорилъ онъ, въ присутствіи Ники, Павлика и Оли. — Хронтовики ни за что не пойдутъ. И такіе они злобные стали. Зимовейскову отецъ говоритъ: — „ты, Андрей, собирайся, потому долженъ атаманскій приказъ исполнить,“ а онъ, дѣда, ружье на вскидку взялъ и какъ крикнетъ: — „убью!“ Это на отца то значитъ!

— Кто же пойдетъ отъ станицы?, спросилъ Павликъ.

— Старики собираются. Вотъ отецъ Зимовейскаго мундиръ досталъ, женѣ приказалъ сухари готовить, Адріянъ Карпычъ тоже за виномъ послали: въ походъ собираются. Да что съ нихъ толку. Напьются и до Новочеркасска не дойдутъ. Наши гимназисты собрались. Тридцать человѣкъ и офицеръ съ ними, Клевцовъ шестнадцатаго полка; два урядника лейбъ гвардейскаго полка, Щедровъ артиллеристъ, человѣкъ шестьдесятъ всего въ нашу дружину наберется. Эти пойдутъ. Дѣда и мнѣ можно съ ними?

— Что же, ступай, — хмуро сказалъ Архиповъ, видно послѣднія времена настали.

— Мы такъ, дѣда, порѣшили, чтобы къ Чернецову въ отрядъ. Сказывали ребята, онъ не убитъ Голубовымъ, а раненый въ Новочеркасскѣ. И отрядъ его цѣлъ совсѣмъ. Къ нему и пойдемъ.

— А намъ можно?, сказали Павликъ и Ника.

— Отчего же, сказалъ Пѣтушокъ, — идемте. Конечно только вы иногородніе, ну только мы я думаю и такихъ примемъ.

— Послѣднія времена наступили, ворчалъ дѣдъ Архиповъ, однако хлопоталъ и возился, доставая мѣшки, насыпая ихъ пшеничными сухарями, завертывая сало, соль и хлѣбъ.

— Что же, говорилъ онъ, — правъ Господь, правъ и Давидъ Псалмопѣвецъ.... Тогда, какъ нечестивые возникаютъ, какъ трава, и дѣлающіе беззаконіе цвѣтутъ, чтобы исчезнуть на вѣки. Ты, Господи, высокъ во вѣки!.. Да.... Пѣтушокъ и вы родные мои, помните это.

— Пѣтушокъ, — тихо сказалъ старикъ, — Какіе теперя народы на землѣ существуютъ. А?

— Нѣмцы, — неувѣренно и робѣя передъ гостями заговорилъ Пѣтушокъ, — англичане, французы, турки...

— Еще, еще, — говорилъ Архиповъ.

— Египтяне... Японцы... Китайцы...

— Еще. еще...

— Сербы... Итальянцы... Болгаре... Поляки, — бормоталъ, теребя край полушубка, Пѣтушокъ.

— Низложитъ племя ихъ въ народахъ и разсѣетъ ихъ по землямъ — торжественно сказалъ Архиповъ. Они не истребили народовъ, о которыхъ сказалъ имъ Господь; но смѣшались съ язычниками и научились дѣламъ ихъ. Служили истуканамъ ихъ, которые были для нихъ сѣтью. Проливали кровь невинную... Оскверняли себя дѣлами своими, блудодѣйствовали поступками своими..... И передалъ ихъ въ руки язычниковъ, и ненавидящіе ихъ стали обладать ими. Враги ихъ утѣсняли ихъ, и они смирялись подъ рукою ихъ. И возбуждалъ къ нимъ состраданіе во всѣхъ, плѣнявшихъ ихъ... Спаси насъ Господи, Боже нашъ, и собери насъ отъ народовъ, дабы славить святое имя Твое, хвалиться Твоею славою! *) Молись, молись Пѣтушокъ! Родное дитятко мое — молись!....

---

*) Псаломъ 105 ст. 34, 35, 36, 38, 39, 41, 46, 47.

Старикъ обернулся къ Павлику, Никѣ и Олѣ и сказалъ: — все сіе будетъ. Не было, но будетъ, ибо такъ написано Богомъ. Все сіе увидите, все перенесете, но доживете и до большаго! „Славьте, Господа! ибо Онъ благъ, ибо во вѣкъ милость Его! Такъ да скажутъ избавленные Господомъ, которыхъ избавилъ Онъ отъ руки врага. И собралъ отъ странъ, отъ востока и запада, отъ сѣвера и моря! Они блуждали въ пустынѣ по безлюдному пути, и не находили населеннаго города. Терпѣли голодъ и жажду, душа ихъ истаевала въ нихъ. Но воззвали ко Господу въ скорби своей, и Онъ избавилъ ихъ отъ бѣдствій ихъ. И повелъ ихъ прямымъ путемъ, чтобы они шли къ населенному городу. Да славятъ Господа за милость Его и за чудныя дѣла для сыновъ человѣческихъ!... Безразсудные страдали за беззаконные пути свои за неправды свои. Но воззвали ко Господу въ скорби своей, и Онъ спасъ ихъ отъ бѣдствій ихъ!*) Ну, господа! Ну Пѣтушокъ!.... Ахъ... Пѣтушокъ, Пѣтушокъ! Родный мой... Одинокаго оставляешь меня.... Закусимъ... и айда—те! Съ Богомъ.....

Уже подъ вечеръ проводилъ Пѣтушка и Полежаевыхъ Архиповъ въ „гимназическую" дружину. Провожая до начала станицы онъ находился въ восторженномъ настроеніи и все напѣвалъ старческимъ голосомъ:—

„Воспрянь, псалтирь и гусли!
„Я встану рано" **)

VII.

Въ Новочеркасскѣ гимназическая дружина разошлась. У каждаго оказались родные, или знакомые, къ которымъ и пошли отдохнуть и закусить. Полежаевы стояли одни за полотномъ

---

*) Псаломъ 106 ст. 1—8. 11, 16.
**) Псаломъ 107. ст. 3.

желѣзной дороги у крутого подъема на Новочеркасскую гору. Ихъ безпомощное положеніе замѣтилъ Пѣтушокъ.

— Ну вотъ что, господа хорошіе, сказалъ онъ. Теперь утро, все одно развѣдку дѣлать надо. Посмотрите на городъ нашъ, а къ двѣнадцати часамъ приходите въ кадетскій корпусъ, тамъ наши соберутся, ну мы и обмозгуемъ какъ быть то и прочее, да и пообѣдать надо.

Ночью выпалъ снѣгъ, теперь онъ таялъ. Густой неподвижный туманъ стоялъ кругомъ, скрывая дома и деревья. Въ мутномъ опаловомъ свѣтѣ сѣрыми казались маленькіе одно и двухъ этажные домики, тянувшіеся съ промежутками, закрытыми заборами, вдоль широкой улицы, круто подымавшейся въ гору. Посерединѣ былъ чахлый бульваръ. Деревья протягивали въ туманѣ черныя вѣтви, низкая рѣшотка бульвара была поломана. По нему двигались рѣдкіе пѣшеходы. Городъ былъ въ запустѣніи. На панели не хватало плитъ и нога вмѣсто камня ступала неожиданно въ жидкую грязь, прикрытую пухлымъ ноздреватымъ снѣгомъ. У большинства домовъ ставни еще были спущены и отъ оконъ вѣяло крѣпкимъ сномъ. Широкія улицы отходили вправо и влѣво отъ спуска. На нихъ стояли небольшіе дома и такъ же хмуро глядѣлись они изъ подъ закрытыхъ ставень слѣпыми окнами. Ни полиціи, ни дворниковъ, ни извозчиковъ не было видно. Ѣхалъ казакъ на подводѣ съ залѣпленными густою грязью колесами. Улицы тонули въ туманѣ и казалось, что тамъ, гдѣ кончался туманъ кончался и городъ. Въ концѣ подъема раскрылась большая площадь. Маленькіе садики были на краю ея и кусты акаціи, сирени и жимолости протягивали къ въѣзду на площадь покрытыя капелью росы вѣтви. Мутно рисовались по ту сторону площади стройныя зданія Александровскаго стиля, высокіе

тополя бульвара и широкій проспектъ, большими домами уходящій вдаль. Поперегъ пути поднималась дикая скала въ два роста человѣка, на ней лежала чугунная бурка, мохнатая низкая громадная папаха брошенная на скалу и чугунный черный значекъ, на которомъ была высѣчена адамова голова и надпись: „чаю воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка. Аминь"'.... — Памятникъ Бакланову... За нимъ, закрывая весь городъ, утопая вершинами въ волнахъ тумана и поблескивая тамъ шестью золотыми куполами стоялъ громадный строгаго стиля, вытесанный изъ дикаго, чуть желтоватаго камня, соборъ. Передъ его громадою все казалось маленькимъ и ничтожнымъ. Вправо отъ него городъ крутымъ обрывомъ спускался въ степь, закрытую мглою и казалось, что соборъ виситъ въ безпредѣльности. Соборъ былъ новый. Густая позолота покрывала куполъ его входной колокольни и пять куполовъ надъ зданіемъ слитаго съ нею собора. Многими низкими ступенями поднимались ко входу съ громадными художественными воротами. Камень стѣнъ былъ сырой отъ тумана.

Большая икона Божіей матери съ лампадой была вдѣлана въ входную сѣнь. У двери, прислоненныя къ стѣнѣ, не гармонируя съ роскошью стѣнъ, съ бронзой рукоятокъ, съ золотомъ и красками иконы, съ величиною собора, стояло шесть гробовыхъ крышекъ, наскоро сколоченыхъ изъ сосновыхъ досокъ.

Тихо, сквозь полуоткрытую дверь проскользнули Полежаевы въ соборъ. Тамъ былъ полумракъ и пустота. У низкихъ дверей иконостаса слышалось стройное панихидное пѣніе. Священникъ въ темной ризѣ стоялъ у амвона. Между двумя громадными квадратными колоннами, покрытыми позолотою и живописью al fresco съ изображеніями святыхъ, на каменномъ полу стояло шесть простыхъ гробовъ. Три стояло на низкихъ табуреткахъ, три

прямо на каменныхъ плитахъ. Оставивъ Олю у колонны, съ которой въ епископскомъ облаченіи изъ золота, смотрѣлъ на нее съ саженной высоты Петръ митрополитъ Московскій, Павликъ и Ника подошли къ гробамъ. Во всѣхъ лежали юноши. Въ сѣрыхъ солдатскихъ рубашкахъ и сѣрыхъ штанахъ съ босыми сѣрыми ногами, съ темными густыми волосами, безъ усовъ и бородъ они казались восковыми куклами. Пять были бѣлые, спокойные. Лицо шестого было разбито шашкой и все почернѣло отъ застывшей крови. Темная повязка прикрывала раздробленный черепъ. Надъ этимъ гробомъ, на колѣняхъ, неподвижно, не крестясь и не кланяясь стояла интеллигентнаго вида женщина. Она устремила большіе, полные невыносимой муки, пустые, страшные глаза на темное лицо съ почернѣвшей повязкой. Изъ ея глазъ отъ поры до времени, туманя ихъ и застилая, вытекали слезы. Онѣ тихо текли по щекѣ и падали на платье. Она не замѣчала ихъ. Врядъ ли она сознавала, гдѣ она и что съ нею. У другихъ гробовъ не было никого. Маленькими огоньками тихо горѣли тонкія восковыя свѣчи, прилѣпленныя къ краямъ гробовъ у изголовья.

И не то было ужасно, что шесть гробовъ съ юными покойниками стояли въ соборѣ, а было безконечно печально то, что они были такъ одиноки. Никто не пришелъ проводить ихъ и хоронили ихъ, не какъ героевъ съ музыкой и молебными пѣснями, съ хвалебными рѣчами и развернутыми знаменами, свидѣтелями ихъ великаго подвига.

У противоположной колонны, тамъ гдѣ изъ сумрака купола вырисовывалось строгое лицо Николая Чудотворца, стояло два военныхъ. Одинъ, высокій, скорбный, чуть сутуловатый, съ блѣднымъ лицомъ съ небольшими подстриженными черными усами, въ солдатской шинели съ георгіевской петлицей и при шашкѣ съ георгіевскимъ темлякомъ хмуро и печально, сосредоточеннымъ взоромъ гля-

дѣлъ на покойниковъ. Павликъ и Ника сейчасъ же узнали въ немъ Атамана Калсдина. Сзади него стоялъ полный полковникъ съ пухлымъ блѣднымъ лицомъ, въ усахъ и съ небольшой бородкой. Онъ часто крестился и въ лѣвой рукѣ его дрожала восковая свѣча.

Священникъ молился „о упокоеніи души убіеннаго раба Божія Петра и воиновъ на полѣ брани убіенныхъ, здѣ предстоящихъ и ихъ же имена Ты, Господи, вѣси“...

Эти молодые, по всему видно, изъ зажиточныхъ семей ушедшіе люди, были никому неизвѣстны. Ихъ гдѣ то, кто то убилъ, ихъ прислали въ товарномъ вагонѣ, безъ гробовъ и никто не успѣлъ ихъ опознать,

Это зрѣлище ужасомъ и тоскою наполняло души Павлика и Ники. Оно говорило имъ, какъ безконечно одинокъ былъ Атаманъ Калединъ въ своей священной борьбѣ съ насильниками Русскаго народа. Только дѣти пошли за нимъ. И, когда убили этихъ дѣтей, некому было позаботиться о томъ, чтобы опознать ихъ и достойно похоронить. Геройскій подвигъ обращался въ мученичество и дѣти герои являлись въ этихъ гробахъ не героями солдатами, но великими христіанскими мучениками. Въ новомъ, страшномъ свѣтѣ раскрывалась вся драма Русской жизни. Противъ насильниковъ, палачей, грабителей, изувѣровъ не встала вся святая Русь, но въ рабской покорности склонила шеи свои подъ удары палача и, когда возмутились дѣти, никто, никто ихъ не поддержалъ!

Вспомнились слова дѣдушки Архипова и казались они пророческими и какъ огонь жгли сердце и поливали на душу растопленную въ сердцѣ злую тоску:

.... „Проливали кровь невинную, кровь сыновей своихъ и дочерей своихъ“... *)

---

*) Псаломъ 105 ст. 38.

.... „Безразсудные страдали за беззаконные пути свои и за неправды свои“. **)

Неполный хоръ мягко пѣлъ на правомъ клиросѣ вѣчную память.

Священникъ прочелъ отходную молитву и положилъ вѣнчики на бѣлые лбы покойниковъ. Колѣнопреклоненная мать все такъ же стояла надъ сыномъ. Надо было закрывать гробы. Два служителя долго возились съ крышками, таская ихъ съ подъѣзда. Пришли четыре человѣка въ черныхъ одеждахъ и начали выносить покойниковъ. У паперти собора стояло трое погребальныхъ дрогъ съ катафалками. Человѣкъ пятнацать музыкантовъ казаковъ со ржавыми трубами стояли поодаль. Гробы ставили по два на каждыя дроги. Наконецъ тронулись. Музыканты нестройно съиграли „Коль славенъ“ и потомъ, шлепая по растаявшему снѣгу, и подбирая шинели пошли за гробами и грянули похоронный маршъ. За шестью гробами шла, какъ привязанная, женщина, низко склонивши голову и теперь плакала и громко причитала и Атаманъ Калединъ съ полковникомъ. Сзади вразбродъ шли музыканты, выбирая сухія мѣста.

По панели, вдоль домовъ, ходили люди. Одни останавливались, снимали шапки и крестились, другіе проходили мимо и отворачивались.

Павликъ, Ника и Оля машинально шли за гробами. Влѣво показался садъ. Въ туманѣ сталъ видѣнъ чугунный казакъ съ поднятой шашкой, вскочившій на постаментъ — памятникъ Платову. Атаманъ Калединъ снялъ фуражку, перекрестился и пошелъ налѣво вдоль сада. Похоронная процессія свернула направо и скрылась въ густомъ туманѣ широкой, обсаженной вдоль троттуаровъ большими тополями, улицы. Туманъ растворилъ

**) Псаломъ 106 ст. 17.

въ себѣ гробы. Музыканты разбрелись во всѣ стороны.

Павликъ, Ника и Оля остались стоять одни, безъ денегъ, безъ запасовъ, голодные, въ чужомъ городѣ, среди чужихъ людей, въ туманѣ зимняго дня.

Тяжелыя предчувствія сжимали ихъ сердца.

VIII

Пѣтушокъ съ гимназистами попалъ въ Чернецовскій отрядъ. Но души отряда, лихого отважнаго полковника Чернецова, кумира молодежи, уже не было въ отрядѣ. Съ середины января онъ, съ восемью стами гимназистовъ, кадетъ и студентовъ, едва обученныхъ стрѣлять, бился съ большевиками на сѣверѣ Дона. 17-го января онъ занялъ станицу Каменскую, 19-го станцію и слободу Глубокую, но здѣсь противъ дѣтей, не знающихъ военнаго дѣла, выступилъ Голубовъ съ казаками 10-го, 27-и 44-го полковъ. Этими казаками руководили насильно взятые ими офицеры. Это были люди, три года сражавшіеся съ нѣмцами и побѣждавшіе ихъ, во главѣ ихъ стоялъ пьяница офицеръ, войсковой старшина Голубовъ, человѣкъ безъ принциповъ, необъятнаго честолюбія, мечтавшій стать Атаманомъ. Образы Разина и Булавина витали въ его пьяной головѣ. Ему грезилось настоящее атаманство среди ватаги пьяной вольницы, съ правомъ приговаривать всякаго ослушника — „въ куль да въ воду". Онъ проводилъ время въ пирахъ по станицѣ среди отчаянныхъ казаковъ 10-го полка, лучшихъ казаковъ Донского войска. Ему играли казаки - трубачи этого полка на трубахъ, обвитыхъ жолто-черными австрійскими лентами, взятыми казаками въ Ржешовѣ у австрійскихъ уланъ въ сентябрѣ

1914 года, ему пѣли Каменскіе пѣсенники его атаманскую пѣсню.

А изъ лѣсовъ дремучихъ
Разбойнички идутъ
И на плечахъ могучихъ
Носилочки несутъ.
Носилки не простыя
Изъ ружей сложены...
Ахъ, тучки, тучки понависли
И въ полѣ палъ туманъ!
Скажи, о чемъ задумалъ,
Скажи, нашъ Атаманъ.

Смѣсь романтизма съ пьянымъ разгуломъ, готовность лгать, издѣваться, говорить зажигательныя рѣчи, продаться кому угодно, лишь бы играть роль, лишь бы шумѣть, лишь бы быть первымъ все равно среди кого — Голубовъ былъ находкой для большевиковъ. Онъ забылъ свое офицерское званіе, забылъ воспитаніе и образованіе и съ упоеніемъ игралъ въ Разина. Ему нужна была кровь, нужны были подвиги, чтобы заслужить передъ большевиками. Онъ пошелъ противъ Каледина потому, что Калединъ его понялъ и арестовалъ за пьянство, буйство и дерзкія рѣчи. Но онъ былъ товарищемъ съ Митрофаномъ Петровичемъ Богаевскимъ. Онъ плакалъ и каялся на груди у мягкаго Митрофана Петровича и тотъ отпустилъ его на честное слово. Голубовъ пошелъ мстить Каледину. Онъ шелъ на Новочеркасскъ съ грубымъ и наглымъ Подтелковымъ, съ тупымъ Медвѣдевымъ. Что до того, что сзади шли матросы и красногвардейцы, которые клялись, что они съ корнемъ уничтожатъ злобное змѣиное гнѣздо буржуазіи и контръ-революціи — Новочеркасскъ, что до того, что отъ Новочеркасска отстаивать Донъ отъ большевиковъ выступилъ его товарищъ Чернецовъ и съ нимъ кадеты, и гимназисты, родные братья тѣхъ самыхъ казаковъ, которыхъ онъ ослѣпилъ бурными рѣчами — онъ спалъ и видѣлъ войдти въ Атаманскій дворецъ и

править войскомъ по своему — по Разински. Кровавыя потѣхи грезились ему. Была тутъ и персидская княжна въ мечтахъ его и разгулъ страстей и пѣсни, и пиры, и насилія надъ женщинами.

20-го января его донцы привели къ нему израненнаго плѣннаго Чернецова. Пламенный горячій патріотъ, рѣшившій душу свою отдать за спасеніе Дона, сошелся съ пьянымъ Голубовымъ. Они были знакомы, встрѣчались раньше въ Новочеркасскѣ, бывали въ однихъ домахъ. Голубовъ всегда чувствовалъ надъ собою нравственное превосходство Чернецова и теперь онъ рѣшилъ издѣваться надъ нимъ. Съ наглымъ тупымъ и жаднымъ Подтелковымъ онъ принялъ Чернецова. Но едва Подтелковъ позволилъ себѣ сказать дерзкое слово про войско, про Каледина и Чернецовскую дружину, Чернецовъ ударилъ Подтелкова по лицу. Подтелковъ убилъ безоружнаго, раненаго Чернецова....

Чернецовская дружина, оставшись безъ вождя, медленно, съ боями, упорно сопротивляясь отходили къ Новочеркасску. Пѣтушокъ съ гимназистама засталъ ее въ Горной. Врагъ былъ кругомъ. Имъ сейчасъ же выдали винтовки и по тридцати патроновъ, маленькій пятнадцатилѣтній бойкій кадетъ Донского корпуса облюбовалъ Пѣтушка и прикомандировалъ его къ своему пулемету.

— Въ бою покажу, какъ стрѣлять изъ него, сказалъ онъ, — а пока помогай таскать.

Большевики наступали на Звѣрево со стороны Дебальцево и на Лихую со стороны Царицына, рабочіе въ Сулинѣ и Александро - Грушевскомъ присоединились къ большевикамъ и всячески мѣшали партизанамъ. Связи съ Новочеркасскомъ не было.

По глухой степи, размокшей отъ то падающаго, то тающаго снѣга, съ черной землей, пудами на-

липающей на сапоги, отходилъ отрядъ Чернецова.

Каждый хуторъ, каждая слобода и многія станицы были враждебны дѣтямъ.

— Буржуи, кадеты проклятые!. слышали дѣти на всѣхъ ночлегахъ, — Изъ за вашихъ боевъ мы потомъ горя не оберемся. Вы то удерете, вамъ и горя мало, а намъ съ ними жить.

Страшно было ночевать среди озлобленнаго населенія. Надо было держаться кучами. Продовольствія не хватало, денегъ не было. Тянуло домой, къ этому примѣшивалось и безпокойство за Новочеркасскъ, потому что въ ясные дни пушечная стрѣльба была слышна кругомъ. Патроны были на исходѣ.

Эту ночь въ Горной не спали. Сбились по окраинѣ хутора, по темнымъ хатамъ, выставили кругомъ часовыхъ и ждали, и слушали. Хуторъ, въ которомъ ночевали Чернецовскіе партизаны, отдѣлялся широкою балкою отъ другого хутора, гдѣ былъ врагъ. У Чернецовцевъ была мертвая тишина. Усталые, — весь день они рыли въ замерзшей степи окопы, для послѣдняго боя, голодные, они сидѣли по хатамъ.

— Господа! приказъ держаться до послѣдняго патрона. А ночью уходить и распыляться по домамъ. Будемъ ждать лучшихъ дней — говорили офицеры, обходя своихъ партизанъ.

— Вѣдь не вѣчно же это будетъ! Образумится народъ. Поймутъ казаки, что они противъ самихъ себя идутъ... — говорили между собою кадеты и гимназисты.

— И такъ завтра послѣдній бой!

По ту сторону оврага всю ночь гремѣла музыка, играла гармоника, пѣли пѣсни. Тамъ стояли Голубовскіе казаки и красная гвардія, присланная изъ Петрограда съ приказомъ главковерха Крыленко: — „Товарищи! съ казаками борьба ожесточеннѣе, чѣмъ съ врагомъ внѣшнимъ“ Тамъ

тоже ждали утра, чтобы сокрушить „кадетовъ" и идти грабить Новочеркасскъ.

IX

Утро настало ясное, солнечное. Подмерзшая за ночь степь оттаивала и легкая дымка поднималась надъ черной блестящей землей.

Офицеры обходили свою молодежь и говорили: — „господа, берегите патроны. Мы должны дотянуть ихъ до ночи"

— А если не хватитъ?

— На штыкъ будемъ ждать...

Около полудня со скрежетомъ прилетѣла шрапнель и бѣлымъ облачкомъ разорвалась высоко въ синемъ небѣ. Нѣсколько пуль просвистало надъ окопами и застучали по надъ хуторомъ винтовки красной гвардіи

Нестройными черными толпами, то сливаясь съ черной развороченной землею, то рѣзко рисуясь на бурой, покрытой травою со снѣгомъ, не успѣвшимъ потаять степи показались рабочіе и вооруженные крестьяне, сзади на коняхъ ѣздили казаки. Это наступленіе не походило на военное наступленіе, но скорѣе на движеніе облавщиковъ, но вѣдь и противъ нихъ лежали люди, не видавшіе войны и не знавшіе настоящей дисциплины строя.

— Закладай, Пѣтушокъ, ленту, вотъ видишь въ этотъ пазъ — говорилъ мальчикъ кадетъ Пѣтушку, — вотъ такъ, ладно. А сюда протянемъ. Слыхалъ, щелкнуло, ну вотъ пулеметъ и заряженъ.

— Ты только, Гришуновъ, не стрѣляй, говорилъ Пѣтушокъ, — ближе подпустимъ. Когда совсѣмъ близко будетъ — тарарахнемъ. Они убѣгутъ.

Маленькою покраснѣвшею рукою Пѣтушокъ гладилъ пулеметъ и онъ казался ему живымъ и

красивымъ на своихъ низкихъ широко поставленныхъ толстыхъ колесахъ. Точно лягушка сидѣла на степи распластавъ лапы.

Свиснулъ, положивши два пальца въ ротъ, офицеръ и скомандовалъ.: —

— Прицѣлъ четырнадцать! Прямо по цѣпи, огонь рѣдкій по два патрона. Съ праваго фланга... начинай!

— Пулемету можно? спросилъ Гришуновъ.

— Пропустите десять патроновъ.

— Понимаю, весело сказалъ Гришуновъ и, обращаясь къ Пѣтушку, заговорилъ: — ну вотъ, гляди, ежели меня ранятъ или убьютъ, тебѣ стрѣлять придется. Здѣсь нажалъ — это значитъ: съ предохранителя на боевой поставилъ. Ну теперь, благословясь, начинаю. Вотъ, гляди, уперъ прикладъ въ плечо, прицѣлъ установилъ: — четырнадцать — на тысячу четыреста, значитъ, шаговъ стрѣлять будемъ — такъ. Сначала пробные выстрѣлы. Ты хорошо видишь? Гляди, гдѣ грязь вспархивать будетъ передъ имъ, или за имъ?

Надъ ними свистали пули. Рѣдкій артиллерійскій огонь съ большими промежутками посылалъ въ зимнее синее небо бѣлые дымки шрапнелей, онѣ лопались въ небѣ, пули частымъ жесткимъ горохомъ разсыпались по полю и долго гудѣлъ улетавшій пустой стаканъ. И пули и шрапнели это были: — раны, мученія и смерть, но они не думали объ этомъ, они еще не понимали опасности.

— Кочетъ, а Кочетъ, — въ полъ голоса говорилъ долговязый гимназистъ своему сосѣду, пухлому розовому съ румяными щеками гимназисту, выпускавшему второй патронъ, — Не могу стрѣлять. Навелъ, а какъ увидалъ на мушкѣ человѣкъ въ черномъ шевелится. И не могу... Вѣдь это... убить его приходится..,

— Ничего, Пепа. Со мною тоже было. Навелъ, и стало страшно... Убить... А гляжу — и онъ

въ меня цѣлитъ. И страхъ прошелъ. Выцѣлилъ нажалъ спусковой крючокъ, ружье дернулось, въ въ плечо ударило. Бо-ольно. Отдача значитъ. Мало прижалъ.

— Попалъ?

— Не знаю. Не видать. Только показалось мнѣ: ихъ пули стали рѣже свистать надъ нами.

— Ты стрѣлялъ раньше?

— Изъ винтовки? Никогда.

— И я тоже.

— Глупости, господа. Ихъ бить надо. Ихъ я не знаю, какъ уничтожать надо, нервно заговорилъ студентъ съ сѣрымъ землистымъ лицомъ. — На моихъ глазахъ ворвались они въ нашу усадьбу. Мать, старуху, схватили, сестру. Меня спрятали въ полѣнницѣ дровъ, а мнѣ видно и слышно. „Гдѣ старая“, говорятъ, „у тебя спрятаны пулеметы, ружья“... Обыскъ дѣлали, а потомъ сестра въ домѣ такъ страшно кричала, съ полъ-часа, я думаю... И затихла. Мать вывели. Простоволосую, сѣдую, шатается, бормочетъ что то, какъ сумасшедшая. Ее схватили и въ колодезь бросили... Потомъ несутъ сестру. Въ разодранномъ платьѣ, бѣлая, въ крови вся... Мертвая... и ее туда же... А я, сижу въ дровахъ и думаю — только бы спастись. Не жизнь свою спасти. Она мнѣ теперь ни къ чему. А отомстить... Пепа дайте ваши два патрона. Я за васъ.

Онъ приложился и выпустилъ два выстрѣла.

— Кажется попалъ..., хмуро сказалъ онъ.

— Отходятъ!, воскликнулъ Пѣтушокъ. — Бѣгутъ! Эхъ, конницы у насъ нѣтъ! То то погнали бы!

Противникъ скрылся за домами. Стрѣльба затихла съ обѣихъ сторонъ. Сраженіе кончилось. Партизаны сходились кучками и передавали новости, принесенныя пришедшими подъ утро изъ Новочеркасска людьми.

— Намъ, господа, два дня только бы продержаться, а тамъ — побѣда! У Алексѣева въ Ростовѣ сорокатысячная офицерская добровольческая армія, онъ послалъ въ Бессарабію, оттуда идетъ генералъ Щербачевъ съ чехо-словаками.

— Господа, я самъ видѣлъ въ штабѣ обороны наклеена телеграмма только что полученная Калединымъ: „союзный флотъ прорвалъ Дарданеллы и спѣшитъ къ Новороссійску."

— Спѣшитъ къ Новороссійску!.. Господа, сколько же это будетъ?

— Ну, считай самъ! — Два дня отъ Константинополя до Новороссійска.

— За два дня не дойдутъ.

— Броненосцы то?

— Такъ, поди, съ ними и транспорты съ войсками.

— Черная пѣхота!

— Эти покажутъ краснымъ!

— Вотъ, здорово...

— Нѣтъ, погоди. Скажемъ такъ: четыре дня до Новороссійска. Ну, день на выгрузку — пять. Два дня до Ростова... Еще недѣля... А у насъ по тринадцать патроновъ!

— А добровольцы!

— А чехо-словаки!

Такъ вѣрилось... Такъ хотѣлось вѣрить, что кто то сильный, могучій, в з р о с л ы й, пошелъ съ ними, д ѣ т ь м и, спасать Россію. Такъ не хотѣлось думать, что на всю Россію, что на Россію, на весь крещеный міръ съ его союзниками, нашлось только восемьсотъ юношей, кадетъ, студентовъ и гимназистовъ, принявшихъ на себя славное имя замученнаго Голубовымъ Чернецова и пошедшихъ умирать, какъ тѣ триста спартанцевъ, о которыхъ они учили въ исторіи и писали въ extemporalia на ut и на postquam......

Опять шелестя и коварно шипя принеслась шрапнель и лопнула совсѣмъ близко, позади со-

бравшейся группы. И не успѣла молодежь что либо сообразить, какъ подлѣ нихъ со страшнымъ шумомъ ударила граната, раздался металлическій оглушающій грохотъ разрыва и клубы темнаго вонючаго дыма, комья земли, брызги воды и осколки непріятно шуршащіе полетѣли фонтаномъ вверхъ. Кто то жалобно крикнулъ. Кочетовъ схватился за грудь и упалъ и его рука покрылась густою черною кровью.

— Господа! разойдтись... Въ цѣпь!.. По окопу, — раздался взволнованный голосъ офицера.

— Носилки!...

— Кого... Кого?.. Много? — шептали побѣлѣвшими губами молодые люди.

— Двоихъ убило. Кочетова и Лаврова. Кадету одному ногу оторвало. Онъ и закричалъ. Шапкина въ плечо ранило — и не пикнулъ.

— Какъ незамѣтно подкралась!

— Смотри! Опять идутъ! Густыми цѣпями!

— Прямо по цѣпи! — раздавалась команда, и послѣ пролитой крови она звучала тверже, увѣреннѣе и жажда мести за убитыхъ слышалась въ голосѣ безусаго офицера, — прицѣлъ двѣнадцать! По три патрона! Рѣдко... Начинай.

Суетился Гришуновъ, ему помогалъ Пѣтушокъ. Слышался взволнованный голосъ Гришунова:

— Съ пулемета можно?

X.

Къ вечеру пришедшіе изъ Новочеркасска люди принесли страшныя извѣстія.

Атаманъ Калединъ застрѣлился... Онъ просилъ помощи для Дона у Добровольческой Арміи. Корниловъ отвѣтилъ, что онъ держаться дальше въ Ростовѣ не можетъ и что, если Донъ хочетъ спасаться, онъ долженъ дать ему казаковъ. Приказали генералу Богаевскому дать все. что онъ

можетъ на помощь Корнилову. У Богаевскаго нашлось всего восемь казаковъ. Алексѣевъ и Корниловъ рѣшили идти на востокъ, тамъ искать счастья и спасать офицеровъ для будущей Русской арміи.

— Вотъ, господа, говорилъ блѣдный растерянный юноша въ полушубкѣ и высокихъ сапогахъ — послѣдній номеръ „Вольнаго Дона.“ Вотъ статья Митрофана Богаевскаго.

.......„Плакалъ хмурый холодный день, а „надъ Дономъ валъ за валомъ медленно ползли свин-„цовыя сине-черныя тучи, и не лѣтнія грозы съ „теплымъ дождемъ онѣ несли: зловѣщія, жуткія — „тянулись онѣ надъ Дономъ, и сулили ему горе. „смерть и разореніе“..., читалъ студентъ.

— И мы ничего не знали!, взволнованно сказалъ Гришуновъ.

— Читайте, Сетраковъ, — раздались голоса.

— „А эхо страшнаго выстрѣла уже гулко от-„давалось по всему Дону, донскимъ степямъ и „рѣкамъ, и ликовалъ врагъ, и торжествовала буй-„ная казачья молодежь, и лишь старыя казачьи „сердца чутко прислушивались къ этому эху и „недоброе почуяли они: донскіе казаки сами за-„губили своего лучшаго рыцаря — казака; пер-„ваго выборнаго атамана.

„Протяжно гудитъ старый соборный колоколъ: „еще недавно звалъ онъ на вольный кругъ, а те-„перь, говорятъ, звонитъ онъ по душѣ Атамана— „Алексѣя Каледина; говорятъ и другое: что зво-„нитъ колоколъ похоронный звонъ по донскому „вольному казачеству.

„А по надъ Дономъ, въ часъ ночной, тихо „рѣютъ тѣни прежнихъ атамановъ.

„Славныхъ честью боевой“.

„Въ ночь съ 29-го на 30-е прибавилась еще „одна тѣнь, и алая кровь сочится у нея изъ „сердца.

„Это тѣнь атамана — мученика, Алексѣя Каледина“... — все, господа!..

— Но, постойте... Скажите, ради Бога... А союзники, прорвавшіеся черезъ Дарданеллы?...

— Ложь... провокація. Дарданеллы крѣпко въ рукахъ у нѣмцевъ.

— А... а... Чехо-словаки?

— Ничего не слышно.

— Да, сколько... Сколько же у Алексѣева войска въ Добровольческой Арміи?

— Четыре тысячи. Половина больные.

— Это правда?

Молчаніе.

— Господа! Въ цѣпь. Противникъ наступаетъ.

— У насъ одна обойма!

— И она для врага!

— Правильно.

Опустѣли глаза и яркія точки, пламенемъ горѣвшія въ нихъ, погасли. Сурово смотрятъ блѣдныя лица и сдвинулись хмурыя брови и морщины тяжелой думы легли поперегъ бѣлыхъ юныхъ лбовъ... . . . .

. . . .

«Мама! что же ты не молишься за меня... за насъ!... Мама, или ты не видишь, что мы уже ничего не можемъ сдѣлать, какъ только умереть для того, чтобы и черезъ двадцать два вѣка говорили о насъ, какъ о тѣхъ трехстахъ Лакедемонянахъ, которые пали въ Ѳермопильскомъ проходѣ, защищая Родину? Но тамъ былъ узкій проходъ, и здѣсь безпредѣльная степь!... Мама, забыла ты насъ!... Или, не слышитъ уже Господь Твоей святой молитвы?

«Алексѣевъ ушелъ на востокъ. Куда? На Кубань, въ Астраханскія степи, въ Туркестанъ, въ Индію. А мы?.. Неужели мы бросимъ родную степь и оставимъ все на произволъ судьбы. Тамъ, сзади Новочеркасскъ съ его тихими улицами. Тамъ на Ратной въ семнадцатомъ номерѣ та, ко-

торую я такъ люблю... Тамъ въ Маріинскомъ институтѣ сотни нашихъ сестеръ. Тамъ та, съ которой я танцовалъ шестого декабря и которая мнѣ сказала слова ласки... 6-го декабря... А 6-го февраля я долженъ умереть и знать, что съ нею поступлено, какъ съ сестрою того длиннаго студента съ землистымъ лицомъ, который поклялся мстить... Тамъ, на Барочной, у самаго спуска къ Куричьей балкѣ, живешь ты, моя милая, теплая, ласковая мама со своими заботами о курахъ, о индюкахъ, съ поисками квочки и думами о томъ переживутъ ли зиму твои прекрасныя персиковыя деревья... Тамъ въ комнатѣ съ натертымъ воскомъ блестящимъ поломъ виситъ большой фотографическій портретъ отца, убитаго въ ту минуту, когда онъ бралъ австрійскую пушку. Тамъ надъ портретомъ виситъ значекъ сотни, которою онъ командовалъ въ бою и его георгіевскій крестъ. А надъ крестомъ портретъ Императора. Мама! не убирай его и тогда, когда придутъ... Тамъ жилъ дѣдъ и прадѣдъ построилъ этотъ домъ еще при Платовѣ. Ужели никогда, никогда этого я не увижу и тѣ черные люди, что наступаютъ теперь въ сгущающемся сумракѣ вечера овладѣютъ всѣмъ этимъ. А какъ же тогда ты, милая мама, какъ же вы, дама моего сердца съ Ратной улицы и вы, милая Маріинка, сказавшая мнѣ слово ласки? Какъ же корпусъ?.. Месть!.. Месть...»

— Нечестивые возникаютъ, какъ трава, и дѣлающіе беззаконіе цвѣтутъ, чтобы исчезнуть на вѣки...

— Что ты Пѣтушокъ? отрываясь отъ думъ своихъ сказалъ Гришуновъ,

— Это дѣда говорилъ. Пусть возникаютъ, какъ травы и пусть цвѣтутъ. Это понимать надо — ибо исчезнутъ на вѣки!.. Гришуновъ — намъ приказъ есть отходить... По цѣпи передали. Давай послѣднюю ленту. Теперя они близко.

— Да, безъ прицѣла можно. На постоянномъ.

— Важно.

— А уволокешь пулеметъ то?

— Я то! Два уволоку, не то что одинъ.

— Ишь, какъ бьетъ — вторая пуля подлѣ... Пристрѣлялся... Видитъ.

— И все ничего. А ты по ему. Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Затрещалъ пулеметъ и сразу примолкъ залегшій въ пятистахъ шагахъ врагъ.

— А не ожидалъ! Ловко!

— Послѣдніе патроны.

— Идемъ, Гришуновъ. Вонъ наши по балкѣ чернѣютъ. Еле видать.

— Хорошо. Волоки пулеметъ. А я ленты соберу, чтобы онѣ непріятелю не достались.

— Опять палить сталъ, а то было пересталъ. Онъ красногвардеецъ то трусливый. Вотъ матросы, тѣ побойчѣе будутъ.

—Матросъ, да казакъ — первые вояки!, горделиво сказалъ Пѣтушокъ.

Черная ночь прикрыла ихъ. Закатъ давно догорѣлъ и справа заволакивала зеленовато черная тьма хрустальное небо и вечерняя звѣзда ярко загорѣлась въ небѣ. Морозило и чуть потрескивалъ молодой ледокъ подъ ногами уходящей дружины. Сзади всѣхъ, нагоняя шелъ торопливыми шагами Гришуновъ весь увѣшанный лентами. Передъ нимъ, согнувшись подъ лямкой тащилъ пулеметъ Пѣтушокъ. Пули щелкали кругомъ. Иная, сорвавшись на рикошетѣ, долго пѣла въ воздухѣ, уносясь въ темнѣющую даль. Красногвардейцы не посмѣли подняться и преслѣдовать дѣтей партизанъ, но усилили свой огонь по звуку шаговъ и по тѣмъ темнымъ тѣнямъ, которыя мерещились имъ въ надвигающейся ночи.

— Пѣтушокъ ты что? Споткнулся что ли?

— Такъ... Точно палкой кто по головѣ ахнулъ... Больно какъ!... Свѣта не вижу!..

— Пѣтушокъ! Ты раненъ?

— Н-нѣ... Кажись... совсѣмъ... убитъ...

Гришуновъ постоялъ нѣсколько секундъ надъ убитымъ мальчикомъ. Такъ хотѣлось взять его и унести, чтобы не досталось тѣло его врагамъ. Рука Пѣтушка разжалось и выпустила пулеметную лямку. Это движеніе мертваго тѣла напомнило Гришунову о главномъ его долгѣ „Обоихъ не унесешь," подумалъ онъ. — „Наши делеко. Эхъ Пѣтушокъ, Пѣтушокъ, спи, дорогой"!

Гришуновъ взялъ лямку и потянулъ пулеметъ по скату балки внизъ, туда, гдѣ слышался удаляляющійся шорохъ шаговъ Чернецовской дружины.

На другой день около полудня дружина вошла въ Новочеркасскъ. Никто не встрѣтилъ ее и расходилась она по домамъ въ тяжеломъ сознаніи, что между нею и наступающимъ врагомъ уже никого нѣтъ больше.

9-го февраля на собраніи у вновь избраннаго Атамана Назарова было рѣшено уходить изъ Новочеркасска.

Снова забѣгали дружинники, собираясь въ походъ. Они уже шли не для того, чтобы защищать свои семьи и родные дома, а для того, чтобы спасаться въ широкой безпредѣльной степи.

— Э! Спасаться и здѣсь можно!, говорили многіе и не шли на призывъ своихъ соратниковъ.

12-го февраля, въ 3 часа дня, потянулись черезъ Донъ, направляясь на Старочеркасскую станицу, дружины молодежи, офицеровъ и нѣкоторыхъ старыхъ казаковъ. Съ ними, въ коляскѣ на парѣ лошадей, ѣхалъ сытый, круглый черноусый генералъ, — вновь избранный походный Атаманъ Поповъ. Всего вышло 1500 человѣкъ пополамъ пѣхоты и конницы съ 5-ю орудіями и 40 пулеметами. Это было все, что дало на свою

защиту 5-ти мильонное население Дона съ нѣсколькими тысячами однихъ офицеровъ.

Атаманъ Назаровъ съ Кругомъ остался въ городѣ безъ всякой охраны.

Въ 5 часовъ дня въ Новочеркасскъ вошелъ Голубовъ, окруженный трубачами и казаками, а за ними черной лентой тянулись толпы матросовъ и красногвардейцевъ.

По городу выкинули красные флаги. Толпы простого народа раболѣпно привѣтствовали новыхъ властителей. Послѣ пятивѣкового свободнаго существованія войско Донское перестало существовать и вмѣсто него народилась „Донская совѣтская республика федеративной соціалистической Россіи“ — „Ды-сы-ры-фы-сы-ры“ — во главѣ съ неграмотнымъ Подтелковымъ.

Темная ночь спустилась надъ Дономъ. Пьяныя ватаги искали по домамъ „кадетовъ“ и убивали ихъ на глазахъ матерей, убивали раненыхъ по лазаретамъ, избивали офицеровъ на улицѣ, казнили Назарова, Волошинова, Исаева, Орлова, Рота и многихъ, многихъ другихъ.

Въ маленькихъ хатахъ тихо шептали побѣлѣвшими устами вдовы и матери о мужьяхъ и дѣтяхъ своихъ и просили помянуть имена ихъ и многихъ, многихъ иныхъ мучениковъ „ихъ же имена Ты вѣси“. И днемъ, и ночью — у Краснокутской рощи, у вокзала, просто на улицѣ гремѣли выстрѣлы и жители Новочеркасска знали, что это „самый свободный въ мірѣ народъ“ избиваетъ дѣтей и образованныхъ казаковъ.

Кровавый туманъ интернаціонала, носившійся надъ Россіей ползъ по Дону и туманилъ мозги и новыя и новыя могилы расли за кладбищемъ на песчаномъ просторѣ.

. . . „А по надъ Дономъ, въ часъ ночной, тихо рѣютъ тѣни прежнихъ атамановъ, славныхъ честью боевой“ . . .

XI

Отличный солнечный день. Тепло и пахнетъ весною. Въ голубомъ просторѣ по весеннему заливаются жаворонки. Ночью былъ морозъ, но теперь развезло и по широкому черному шляху, вдоль убѣгающей вдаль линіи телеграфа всюду видны блестящія на солнцѣ лужи и жирныя колеи полныя водою.

Вдоль шляха, прямо по степи, въ колоннѣ по отдѣленіямъ, круто, молодецки подобравши приклады и подтянувши штыки, бодро, въ ногу движется узкая лента людей, одѣтыхъ въ сѣрыя рубахи со скатанными по старому шинелями. Издали глядя на нее, можно забыть, что была въ Россіи революція, что сваленъ, повергнутъ въ грязь и заплеванъ двуглавый орелъ, что избиты офицеры, запоганено сердце Русскаго человѣка и въ толпы грязныхъ „товарищей" обращена доблестная Россійская Армія. Такъ ровно движется широкимъ размашистымъ пѣхотнымъ шагомъ эта колонна, такъ выравнены штыки, такъ одинаковы дистанціи между отдѣленіями и взводами, такъ отбиты рота отъ роты, что сердце радуется глядя на нихъ.

Не старая Русская пѣсня, солдатская пѣсня, поминающая подвиги дѣдовъ и славу Царскую, но пѣсня новая, недавно придуманная, къ чести и славѣ зовущая несется изъ самой середины колонны. Не солдатскіе, грубые голоса ее поютъ, но поютъ голоса молодежи, знакомой съ нотами и умѣющей и въ простую маршевую пѣсню вложить извѣстную музыкальность.

Дружно Корниловцы въ ногу!
Съ нами Корниловъ идетъ.
Спасетъ онъ, повѣрьте, отчизну,
Не выдастъ онъ Русскій народъ!
Корнилова носимъ мы имя,
Послужимъ же честно ему.
Доблестью нашей поможемъ,
Спасти отъ позора страну!

Въ солдатскихъ рядахъ, съ винтовкой на плечѣ, мѣрно качаясь подъ звуки пѣсни идутъ Павликъ и Ника Полежаевы, а рядомъ съ ними на мѣстѣ отдѣленнаго начальника Ермоловъ. Обвѣтренныя исхудалыя лица полны рѣшимости и глаза смотрятъ смѣло и гордо впередъ. Не у всей роты высокіе сапоги, многіе офицеры - солдаты идутъ въ обмоткахъ, у многихъ разорвались головки и ноги обернуты тряпками. Бѣдно одѣтъ полкъ, но чисто. Каждая пряжка лежитъ на мѣстѣ и отсутствіе однообразія обмундированія восполняется однообразіемъ выправки, шага и одинаковымъ одушевленіемъ молодыхъ лицъ.

Это все, или старые кадровые офицеры, за плечами которыхъ семь лѣтъ муштры кадетскаго корпуса и два года военнаго училища, или кадеты, или юнкера. Если и попадется въ ихъ рядахъ вчерашній студентъ, то и онъ уже принялъ выправку, онъ уже подтянулся и на весь воинскій обиходъ, включая и смерть и раны смотритъ такими же простыми ясными глазами, какъ юнкера и кадеты.

Издали, сзади колонны показался Русскій флагъ, значекъ главнокомандующаго. На легкомъ соловомъ конѣ сидѣлъ загорѣлый, исхудалый человѣкъ съ темными восторженными глазами. Сзади него на некрупной казачьей лошади въ сѣрой, по кабардински сдавленной спереди широкой папахѣ, устало опустившись въ сѣдло, ѣхалъ полный генералъ съ сѣдыми волосами и черными бровями и усами съ маленькой сѣдѣющей бородкой. Онъ лѣниво смотрѣлъ по сторонамъ и изрѣдка гримаса досады прорѣзывала его красивое блѣдное лицо. Это былъ Деникинъ. правая рука Корнилова по организаціи арміи и кумиръ офицерской молодежи послѣ страстной горячей рѣчи въ защиту офицеровъ и арміи смѣло сказанной имъ на офицерскомъ съѣздѣ. Полный человѣкъ въ короткомъ штатскомъ пальто, со

щеками густо заросшими сѣдою щетиною и съ темными блестящими глазами ѣхалъ въ свитѣ Корнилова — это былъ генералъ Лукомскій... Живописная красивая фигура молодца текинца. офицера, ординарца Корнилова въ пестромъ халатѣ съ тюрбаномъ чалмою на головѣ рѣзко выдѣлялась среди сѣрыхъ шинелей. Прямой, застывшій въ неподвижной позѣ генералъ Романовскій и рядомъ ласково улыбающійся съ бѣлымъ, какъ у монаха лицомъ и рѣзко оттѣненными черными усами и волосами, полнѣющій, не смотря на лишенія похода, ѣхалъ генералъ Богаевскій, про котораго говорили, что онъ братъ донского Златоуста Митрофана Петровича, семь мѣсяцевъ чаровавшаго Донской Кругъ и Правительство красивыми пѣвучими рѣчами. Нѣсколько офицеровъ на разномастныхъ коняхъ, полусотня донского офицерскаго конвоя на худыхъ съ раздутыми отъ сѣна животами лошадяхъ и нѣсколько текинцевъ красивой группой сопровождало Корнилова.

Они ѣхали куда то впередъ свободною, просторною рысью, прямо по степи, поросшей бурьянами и ихъ движеніе въ солнечныхъ лучахъ, легкое, стремительное звало и полки впередъ. Невольно всѣ головы Корниловскаго полка повернулись туда, гдѣ ѣхалъ Корниловъ со свитой и молодые глаза заблестѣли восторгомъ.

— Нашъ Корниловъ! — раздалось по рядамъ.

Онъ велъ ихъ по степной пустынѣ, какъ водили племена и народы, какъ водили войска герои древности. Онъ былъ Моисеемъ, онъ былъ Ксенофонтомъ и врядъ ли Анабазисъ 10,000 грековъ въ Малой Азіи былъ труднѣе этого тяжелаго скитанія офицеровъ и дѣтей по Прикаспійскимъ степямъ.

Куда онъ велъ и зачѣмъ?

Въ только что выпущенной деклараціи Добровольческой Арміи объ основныхъ задачахъ ея организаціи Корниловъ писалъ:

„Люди отдающіе себѣ отчетъ въ томъ, что значитъ ожидать благодѣяній отъ нѣмцевъ, правильно учитываютъ, что единственное наше спасеніе: — держаться нашихъ союзниковъ".

Онъ ненавидѣлъ нѣмцевъ и эту ненависть къ нимъ и онъ, и окружающіе его старались внушить и всему составу арміи. Онъ вѣрилъ въ союзниковъ, онъ вѣрилъ, что французы не забыли милліонныхъ жертвъ, принесенныхъ Императорскою Арміею для спасенія Парижа и Вердена, какъ ключа къ Парижу, въ Восточной Пруссіи, на поляхъ Варшавы, въ Галиціи и подъ Луцкомъ. Онъ зналъ, что за эти страшныя пораженія, нанесенныя германской и австрійской арміямъ нѣмцы должны его ненавидѣть, а союзники должны ему помочь. Онъ не сомнѣвался въ побѣдѣ союзниковъ надъ нѣмцами и въ помощи ихъ Россіи. Его цѣль была сберечь до этого великаго дня ядро Россійской Арміи, чтобы вмѣстѣ съ союзниками возстановить Россію и водворить въ ней тотъ порядокъ, который онъ хотѣлъ водворить въ августѣ, когда шелъ арестовать Керенскаго.

На западѣ были нѣмцы. Они заключили въ Брестѣ миръ съ главковерхомъ Крыленко и евреи Іоффе и Караханъ продавали имъ Россію. Они методично и безпрепятственно входили въ вѣковыя Русскія земли, они занимали Псковъ, угрожая Петербургу, они входили въ Украину и приближались къ Донскому войску.

Тогда, когда Крыленко отдалъ приказъ: — „съ казаками борьба ожесточеннѣе, нежели съ врагомъ внѣшнимъ" — Корниловъ смотрѣлъ на большевиковъ съ ихъ Крыленками, Іоффе, Бончъ-Бруевичами, Троцкими и Ленинымн лишь, какъ на оруд е нѣмцевъ и полагалъ главную борьбу не съ ними, а съ нѣмцами. Большевиковъ онъ разсматривалъ только, какъ измѣнниковъ, измѣнившихъ Россіи и предававшихъ ее врагу, а потому подлежащихъ простому уничтоженію, какъ уничтожа-

ется на войнѣ всякій, предавшійся врагу. Корниловъ понималъ, что съ четырьмя тысячами офицеровъ и юнкеровъ, плохо вооруженныхъ, обремененныхъ громаднымъ обозомъ съ больными и ранеными, съ гражданскими бѣженцами, онъ не можетъ воевать съ Германской императорской и королевской арміей и онъ уходилъ туда, гдѣ бы можно было спокойно отдохнуть, оправиться и выждать побѣды союзниковъ, ихъ настоящей помощи и отрезвленія Русскаго народа. Онъ шелъ отъ нѣмцевъ. Нѣмцы шли съ запада — онъ шелъ на востокъ. Никто не зналъ его плановъ, никого онъ не посвящалъ въ свои вечернія думы, когда гдѣ либо въ маленькой казачьей хатѣ, разложивши карту на столѣ и засвѣтивши свѣчу онъ смотрѣлъ на нее узкими косыми блестящими глазами. Передъ нимъ открывался тотъ широкій проходъ изъ Азіи въ Европу, по которому двигались войска Тамерлана, по которому шелъ Чингисъ-Ханъ. Годы молодости вспоминались ему, пустыни и горы красиваго знойнаго Семирѣчья, полный поэтической грусти Ташкентъ, земной рай—благодатная Фергана и волшебная сказка міра пестрая Индія. Все это ему съ дѣтства было знакомо. Все это было родное ему. Тамъ онъ могъ соединиться съ англичанами и образовать съ ними вмѣстѣ новый восточный фронтъ, выдвинувшись къ Уральскому хребту, къ Волгѣ. О! все равно гдѣ, но только драться съ нѣмцами и побѣдить, побѣдить ихъ во что бы то ни стало!

Онъ не вѣрилъ солдатамъ и мало вѣрилъ казакамъ. Онъ помнилъ, какъ казаки III коннаго корпуса и туземцы предали его Керенскому, онъ помнилъ, какъ въ Быховѣ солдатская толпа кидала въ него камнями и грязью и осыпала ругательствами. Онъ прошелъ Голгоѳу крестнаго пути Русскаго офицерства, а такія вещи не забываются и не прощаются. Онъ вѣрилъ только въ офицеровъ. Онъ считалъ, что желѣзною рукою

безпощадной мести и расправы со всѣми измѣнниками только и можно возстановить порядокъ, заставить повиноваться сѣрое безсмысленное стадо казаковъ и солдатъ и спасти Россію. А для этого надо было ждать гдѣ то, гдѣ бы можно было ждать, или того времени, когда союзники придутъ къ нему на помощь или самому искать этихъ союзниковъ — въ Персіи, въ Индіи, гдѣ угодно. Вся ставка его была на союзниковъ и до дня соединенія съ ними надо было во что бы то ни стало спасти и сохранить ядро Россійской арміи: — ея офицеровъ.

Уже давно въ сизомъ маревѣ дымящейся весенними испареніями степи исчезъ и растаялъ и значокъ Русскій и группа всадниковъ стала казаться, темнымъ пятнышкомъ около колонны авангарда, а Ермоловъ все смотрѣлъ восторженными глазами вдаль и ему все казалось, что онъ видитъ смуглое загорѣлое, съ узкими прищуренными глазами, незабываемое лицо, низко опущенные на губы темные усы и легкую посадку этого маленькаго человѣка.

Онъ вѣрилъ, какъ вѣрили и всѣ окружающіе его офицеры полка, что Корниловъ спасетъ Россію. Можетъ быть цѣною ихъ молодыхъ жизней, — это все равно, — но спасетъ ее.

И какъ бы отвѣчая на его мысли въ первомъ взводѣ молодой сильный голосъ завелъ Добровольческую пѣсню: —

Вмѣстѣ пойдемъ мы
За Русь святую!
И всѣ прольемъ мы
Кровь молодую!
Близко окопы...
Трещатъ пулеметы...

„Какъ спасетъ Корниловъ? Корниловъ это знаетъ. Онъ одинъ“..., думалъ Ермоловъ. „Вѣдь не можетъ же быть, чтобы вѣчно Русскіе люди были звѣрями. Вѣдь были же у него, тогда, подъ

двуглавымъ орломъ, въ Морочненскомъ полку, эти славные милые люди. Развѣ не онъ приходилъ ночью въ окопы и видѣлъ коченѣющаго на стужѣ часового, напряженно глядящаго вдаль. Онъ говорилъ ему — „Байковъ я пошлю тебѣ смѣну!“ — и слышалъ бодрый отвѣтъ: — „ничего, ваше благородіе, достою и такъ!“ — Развѣ не ему разсказывалъ убитый солдатами же Козловъ о подвигѣ Желѣзкина въ бою подъ Новымъ Корчинымъ. Что же сталось съ ними? Куда же дѣвались они? Они съума сошли, они одурѣли отъ рѣчей, нелѣпыхъ приказовъ, издаваемыхъ штатскими главковерхами, отъ митинговъ и съѣздовъ, ихъ, какъ быковъ, разъярили красными знаменами, но, когда увидятъ они родной Русскій бѣло-сине-красный флагъ — они поймутъ значеніе Россіи и вернутся къ нимъ. Тамъ, — впереди, — какъ говорятъ жители, окопались противъ нихъ полкъ 39-й пѣхотной дивизіи и штабъ артиллерійской бригады. Вѣдь не встрѣтятъ же они, эти солдаты, уставшіе отъ боевъ на Кавказскомъ фронтѣ, ихъ огнемъ. Придутъ переговорщики, они переговорятъ, узнаютъ благородныя цѣли Корнилова, увидятъ его, а когда увидятъ, они не смогутъ не полюбить его и они сольются съ нами. И такъ отъ села къ селу, увеличиваясь въ ростѣ будетъ возстановляться старая Русская Армія и постепенно завернетъ на сѣверъ и вдоль по Волгѣ, по историческому Русскому пути, пойдетъ освобождать Россію отъ насильниковъ большевиковъ.“

Молодой хоръ уже подхватилъ запѣвъ запѣвалы и дружно раздавался по широкой степи, отвѣчая мыслямъ Ермолова лихой напѣвъ:

Вмѣстѣ пойдемъ мы
За Русь святую!

„Какъ снѣжный комъ будетъ расти Русская Армія, возстановляться старые полки съ ихъ вѣковыми боевыми рыцарскими традиціями“.

„А что замѣнитъ алое знамя грабежа, насилія и крови?"

„Учредительное собраніе... Республика"...

И всѣ прольемъ мы
Кровь молодую!

гремитъ хоръ.

„За учредительное собраніе? За Республику"?

Близко окопы...
Трещатъ пулеметы...

— Строй взводы!, — слышна впереди команда. Рядъ сѣрыхъ спинъ, почернѣвшихъ отъ пота заслоняетъ горизонтъ и то мѣсто, гдѣ виднѣлось темное пятнышко на степи: — Корниловъ со свитой. Второе отдѣленіе, твердо отбивая ногу, подходитъ вплотную къ Ермолову. У правофлангового пожилого капитана съ узкимъ и плоскимъ лицомъ глаза смотрятъ сосредоточенно вдаль и въ нихъ застыло величаво молчаливое ожиданіе боя и смерти. Онъ коснулся своимъ локтемъ локтя Ермолова и они пошли рядомъ.

— Поротно! въ двѣ линіи! — кричитъ офицеръ, ѣдущій на маленькой крестьянской лошадкѣ, а самъ слушаетъ, что говоритъ ему, не отрывая руки отъ козырка, съ аффектированнымъ чинопочитаніемъ, подлетѣвшій къ нему на статномъ конѣ молодой кавалерійскій офицеръ.

Оттуда, гдѣ было на степи пятно Корниловской свиты и гдѣ тоненькой змѣйкой вилась колонна авангарднаго полка послышались рѣзкіе короткіе удары одиночныхъ ружейныхъ выстрѣловъ и конный полкъ рысью пошелъ влѣво, удаляясь отъ дороги.

Думать было некогда, надо было дѣйствовать.

XII.

Военный глазъ ожидалъ за стройными колоннами пѣхоты увидать маленькіе аккуратные патронные ящики съ красными флажками на нихъ, за ними длинный рядъ лазаретныхъ двуколокъ съ бѣлыми навѣсами и алымъ крестомъ, потомъ двуколки и небольшое число парныхъ повозокъ штатнаго обоза, строго выравненныхъ,сопровождаемыхъ жидкою цѣпью обознаго караула, но вмѣсто этого онъ видѣлъ за маленькими частями арміи, не превышавшей численностью пѣхотнаго полка военнаго времени цѣлое море въ нѣсколько сотъ повозокъ. Запряженныя крестьянскими и казачьими лошадьми, круторогими сѣрыми громадными волами, гдѣ въ два, гдѣ въ три ряда, по широкому шляху и прямо по степи онѣ медленно тянулись за полками и даже не военному наблюдателю становилось ясно, что обозъ съѣдалъ армію и не обозъ былъ для арміи, а армія была для обоза, служила его прикрытіемъ.

Около половины повозокъ были заняты ранеными и больными добровольцами, вывезенными изъ Ростова. Корниловъ не позволилъ оставить въ Ростовѣ на «милость побѣдителей» ни одного офицера, ни одного солдата своей арміи. Всѣ знали, что «милость побѣдителя» — были издѣвательства, мученія и лютая смерть.

При нихъ, пѣшкомъ, на подводахъ, или верхомъ двигались чины врачебнаго персонала и сестры милосердія. Однѣ были одѣты по формѣ, съ передниками съ алыми крестами, другія были въ своихъ шубкахъ, пальто и городскихъ шляпкахъ. Съ ними ѣхали жены, сестры и дѣти офицеровъ, которыхъ тоже нельзя было бросить, такъ какъ и ихъ ожидали издѣвательства и смерть.

Всѣмъ этимъ громаднымъ транспортомъ завѣдывалъ, волнуясь и сердясь, высокій, исхудалый, бритый, безъ усовъ и бороды, человѣкъ, съ издер-

ганными нервами, страдающій ранами и болями каждаго офицера и не находящій себѣ покоя. Это былъ Алексѣй Алексѣевичъ Суворинъ, авторъ книги «О новомъ человѣкѣ», вѣрящій въ индійскую мудрость и не могшій понять всей простоты ужаса войны, человѣческихъ мученій и смерти.

При обозѣ, въ извозчичьей пролеткѣ, обложенный кульками и чемоданами съ французскою казною, ѣхалъ исхудалый и сморщившійся инціаторъ созданія Добровольческой Арміи — генералъ Алексѣевъ. У него были свои думы и свои планы кампаніи. Онъ тоже вѣрилъ въ союзниковъ, но его вѣра не была такъ страстна и сильна, какъ у Корнилова. Его уже постигли разочарованія. Онъ видѣлъ равнодушіе къ судьбамъ Россіи и эгоизмъ чехословаковъ, онъ видѣлъ какъ мильонеры и тузы Ростова жертвовали рубли, приберегая мильоны для встрѣчи побѣдителей, онъ перенесъ всю горечь отказа Каледина дать изъ складовъ обмундированіе и снаряженіе для добровольцевъ. Онъ понималъ, что Калединъ былъ связанъ по рукамъ и по ногамъ Правительствомъ и кругомъ, гдѣ шумѣлъ безпринципный Агѣевъ и гдѣ большинство держалось мудраго правила: — пригребай къ своему берегу, — но простить этого Каледину онъ не могъ.

Алексѣевъ менѣе враждебно смотрѣлъ на нѣмцевъ и думалъ уже, что все равно, кто бы ни помогъ Россіи и ея добровольческой арміи, лишь бы помогъ.

Онъ думалъ о Кубани и казачествѣ. Прилежный ученикъ Академіи, онъ считалъ, что база будущей Россіи гдѣ то, въ пространствѣ безпредѣльныхъ степей Азіи и даже Индіи невозможна. Онъ не искалъ рукавицъ кругомъ себя, когда онѣ были за поясомъ. Ѣдучи въ обозѣ, бесѣдуя по стариковски со стариками казаками и въ Ольгинской, и въ Хомутовской, и въ Кагальницкой, и въ Мечетинской — онъ убѣждался, что казачество въ корнѣ

своемъ было противъ большевиковъ. Если въ Ольгинской ихъ провожали выстрѣлами, а подъ Кагальницкой былъ и цѣлый бой, въ которомъ казаки позорно держали нейтралитетъ, то это было поверхностное озорство, принесенное строевыми казаками съ фронта, усталость и боязнь сѣрой, тупой и жестокой солдатской массы. Алексѣевъ полагалъ создать базу на Кубани и на Дону, а тамъ, что Богъ дастъ. Москва и Ростовъ, союзники и чехословаки не исполнили своихъ обѣщаній и не дали средствъ на содержаніе арміи, армія должна была опереться на населеніе и такимъ населеніемъ Алексѣеву казалось казачество съ его тучными плодородными землями. И путь свой Алексѣевъ держалъ опредѣленно: — на Екатеринодаръ. Но такъ же, какъ и Корниловъ, ни думъ своихъ, ни плановъ онъ никому не говорилъ.

Кромѣ раненыхъ и семей офицеровъ добровольцевъ, въ обозѣ, въ экипажахъ, дрендулетахъ, на линейкахъ, на подводахъ, а кто и пѣшкомъ шли всѣ тѣ, кто боялся остаться въ Ростовѣ и Новочеркасскѣ, опасаясь мести большевиковъ за прошлую политическую дѣятельность, кто бѣжалъ отъ кроваваго ужаса Петербурга, Москвы, Харькова и Кіева на Донъ, а съ Дона, при приближеніи большевиковъ, былъ готовъ бѣжать куда угодно, лишь бы быть въ привычномъ обществѣ, лишь бы не быть принужденнымъ жить по указкѣ хама. На подводѣ ѣхалъ со своею семьею членъ четырехъ Государственныхъ Думъ и предсѣдатель двухъ М. В. Родзянко, шли и ѣхали многіе изъ тѣхъ, кто въ кровавые дни «безкровной» мартовской революціи своими рѣчами и статьями валилъ Россійскую Императорскую Армію, поносилъ офицеровъ, а теперь примазался къ добровольцамъ, превозносилъ доблесть ихъ подвига и пѣлъ гимны бѣлизнѣ и чистотѣ идеи добровольческой арміи.

XIII.

Хмурымъ февральскимъ вечеромъ, когда одна часть Ростова, платя бѣшеныя деньги за подводы и сани, вдругъ устремилась на мостъ черезъ Донъ, а другая торопливо развѣшивала запрятанные красные флаги, остатки празднованія «великой безкровной», когда махровымъ цвѣтомъ стали распускаться подлость и предательство, когда по Аксайскому тракту печально уходили небольшія дружины добровольцевъ, а по предмѣстью вспыхивала неизвѣстно кѣмъ поднятая ружейная стрѣльба, Оля Полежаева проводивши братьевъ, вышла на улицу съ небольшою котомкою за плечами.

Въ сѣромъ маревѣ клубящихся туманомъ зимнихъ сумерокъ тускло маячили тѣни уходящихъ полковъ. Глухо слышался мѣрный топотъ ногъ и тяжелое громыханіе немногихъ пушекъ. Оля пошла за ними. За эти дни скитаній по Россіи она усвоила широкій, свободный, вымаханный шагъ, научилась разворачивать носки, чтобы не скользить на липкой черноземной грязи. Не походъ ее страшилъ. А страшило то, что башмаки отказывались служить, что на подошвѣ появились предательскія дырки, въ которыя набивались снѣгъ и грязь. Куда идутъ? Сколько впереди предстоитъ похода? Никто не зналъ.... Оля шагала по тротуару, стараясь не терять изъ вида колонны, гдѣ шли ея братья. Но вскорѣ всю улицу запрудили повозки обоза. Поперегъ шелъ какой то госпиталь. Мимо Оли, загораживая ей путь, тянулись низкія обывательскія подводы и въ нихъ видны были молчаливо лежащія фигуры съ забинтованными бѣлымъ головами. Потомъ проѣхало нѣсколько извозчиковъ. Пьяный офицеръ обнималъ на одномъ изъ нихъ какую то женщину и что то хрипло кричалъ, за ними тянулись подводы съ вещами. Оля съ удивленіемъ увидѣла пьянино, стоявшее поперегъ подводы и мягкія стулики съ позолотой наваленные за нимъ.

Прошла пѣшкомъ чья то семья. Господинъ въ барашковой шапкѣ колпакомъ съ дамой въ жакетѣ вели двухъ маленькихъ дѣтей. Дама плакала и говорила — «ни за что, ни за что! лучше погибнемъ въ степи!»

Оля нѣсколько разъ порывалась пройдти черезъ потокъ подводъ, но всякій разъ новое препятствіе преграждало ей путь.

Проѣхалъ рысью офицеръ и кричалъ на подводы, чтобы онѣ скорѣе ѣхали. Сумерки сгустились. Тускло мерцали рѣдкіе фонари по Нахичевани. Оля совсѣмъ потеряла направленіе, по которому идти и первый разъ страхъ закрался въ ея душу. Шли по всѣмъ улицамъ и трудно было разобрать, куда надо идти изъ обширнаго города. Широкая телѣга, запряженная ладною вороною лошадью, остановилась передъ нею. При тускломъ свѣтѣ скупо горящаго фонаря Оля увидала, что подвода завалена чемоданами и увязками, что на ней сидитъ какая то дама въ шляпкѣ и платкѣ и рядомъ офицеръ въ чистой шинели съ блестящими погонами, а лошадью правитъ студентъ въ черномъ пальто съ повязкой Краснаго Креста на рукавѣ.

Оля несмѣло подошла къ нимъ.

— Господа, — сказала она дрожащимъ голосомъ, — вы куда ѣдете?

Дама и офицеръ смотрѣли на нее и ничего не отвѣчали. Студентъ придержалъ хотѣвшую тронуть лошадь и отвѣтилъ.

— За арміей... А вы куда?

— Ахъ Боже мой! — воскликнула Оля. — И мнѣ нужно за арміей. У меня тамъ два брата. Я съ ними. Изъ Петербурга.

То, что она упомянула Петербургъ, произвело впечатлѣніе на офицера и его спутницу и они переглянулись.

— Вы кто же будете, моя милая? — снисходительно спросила дама.

— Я — Полежаева, Ольга, дочь камеръ-юнкера.

Оля за этотъ годъ существованія свободной Россійской республики, гдѣ чины и сословія были уничтожены, научилась цѣнить и понимать все значеніе придворнаго званія своего отца.

— А... — сказалъ офицеръ, — это тѣхъ Полежаевыхъ, у которыхъ своя дача въ Царскомъ селѣ.

— Да, — сказала Оля, — на Павловскомъ шоссе.

— Садитесь, мы васъ подвеземъ, — сказалъ офицеръ.

Оля взобралась на подводу и устроилась рядомъ со студентомъ, лицомъ къ офицеру, спиною къ лошади.

Сначала молчали. Оля смотрѣла на сытое холеное лицо офицера, на его новенькую, видно здѣсь въ Ростовѣ сшитую, или купленную шинель съ добровольческой трехцвѣтной нашивкой и не понимала, почему онъ не идетъ тамъ же, гдѣ шли ея братья, гдѣ шелъ Ермоловъ и всѣ другіе офицеры.

Поздно ночью размѣщались въ Аксайской станицѣ. Спутники Оли пригласили ее пить чай. Офицеръ представился ей и представилъ ее своей дамѣ. Онъ былъ поручикомъ N-го гусарскаго полка Дмитріемъ Дмитріевичемъ Катовымъ.

— Адъютантъ генерала Пестрецова, — гордо сказалъ онъ. — Гдѣ то онъ? Слыхать разстрѣлянъ. Я оставилъ его еще въ іюлѣ прошлаго года, когда поѣхалъ лечиться въ Кисловодскъ. — Вѣра, — обратился онъ къ дамѣ, — Ольга Николаевна Полежаева знала нашего милаго Якова Петровича.

Ночевали въ одной избѣ. Студентъ, по фамиліи Погорѣльскій, имени его никто не зналъ, былъ на всѣ руки мастеръ. Онъ ходилъ за лошадью, онъ наставлялъ самоваръ, ублажалъ разморившуюся Вѣру Митрофановну, услуживалъ Катову и бѣгалъ въ сосѣднія избы перевязывать раненыхъ. Онъ былъ медикомъ второго курса и горѣлъ желаніемъ всего себя отдать на помощь ближнимъ.

На утро выступили, какъ знакомые и казалось естественнымъ, что у Оли есть свое мѣсто на собственной подводѣ Катовыхъ, что Погорѣльскій неумѣло запрягалъ и уже въ упряжи поилъ сытую круглую лошадь, что онъ таскалъ тяжелыя увязки, а Катовъ сидѣлъ на крылечкѣ казачьей хаты и меланхолично курилъ папиросу, пуская кольца дыма къ синѣющему на востокѣ небу...

XIV.

Дорогой Катовъ спорилъ съ Погорѣльскимъ. Онъ говорилъ ему въ спину, а смотрѣлъ прямо въ лицо Оли, въ ея каріе, огнемъ горящіе глазки и на прочную упругость ея загорѣлой, въ синеву ударяющей щеки.

Гдѣ то въ отдаленіи мѣрнымъ ритмомъ звучала пѣсня добровольцевъ и Олѣ хотѣлось ее слушать, а Катовъ говорилъ, стараясь обратить на себя вниманіе Оли.

— Странно, Погорѣльскій, — говорилъ онъ, вы моложе меня, медикъ, а я студентъ юристъ, случайно сдѣлавшійся офицеромъ, и какъ вы этого не понимаете? Въ большевизмѣ есть своя правда, ее надо только уловить.

— Какая уже, Дмитрій Дмитріевичъ, правда. Достаточно мы повидали ихъ въ Ростовѣ. Одинъ разбой и дикость, — не оборачиваясь отъ лошади сказалъ Погорѣльскій.

— Э, нѣтъ, нѣтъ... Вы знаете... Конечно Ленинъ и Троцкій это не то... Это случайность. Но никогда Россія не вернется къ старому. Я знаю хорошо мужика и народъ. Ему эти капитанъ-исправники и урядники ажъ осточертѣли. Русскій народъ — загадка. Онъ еще свое слово скажетъ. Молодая нація и потому здоровая. Затрещитъ старушка Европа, когда услышитъ это слово, — говорилъ Погорѣльскій, любуясь самъ собою и своимъ либерализмомъ.

— Это что говорить! Громить умѣемъ, какъ никто. Пустое мѣсто оставимъ отъ культуры и подсолнухами заплюемъ, — хмуро сказалъ Погорѣльскій.

— Э... тэ, тэ... Нѣтъ, батюшка, — старый міръ отжилъ свой вѣкъ и большевизмъ это муки рожденія новаго. Все новое: — мораль новая, государственный строй новый, все, все, языкъ, буквы, стихосложеніе, искусство: архитектура, живопись, скульптура, музыка, танцы — всѣ старыя музы на смарку. Состарилась матушка Терпсихора, сѣды волосы у Кліо — на покой, милыя въ богадѣльню... Вотъ какъ я понимаю углубленіе революціи.

— Да вѣдь, Дмитрій Дмитріевичъ, новаго то ничего не придумаешь. Міръ старъ и исторія повторяется. Не на головахъ же ходить.

— А почему нѣтъ?... — горячо воскликнулъ Катовъ. — Ну, конечно-же нѣтъ. Не на головахъ, но слушайте: куда годится теперь христіанская мораль?

— А какъ же безъ нея то?

— Масонство... Поклоненіе дьяволу... Или вотъ еще это таинственное поклоненіе дада, дадаизмъ. А? Что? Не слыхали?

— Нѣтъ, не слыхалъ. Да и вы то знаете развѣ?

— Положимъ не знаю. А только. Новое. Я понимаю это стремленіе къ уничтоженію государства: — весь міръ, все человѣчество — государство.

— Да вѣдь это не впередъ, а назадъ, — сказалъ Погорѣльскій.

— Какъ такъ?

— Ну, конечно, обращеніе въ животныхъ, у животныхъ тоже государствъ нѣтъ, — сказалъ Погорѣльскій.

— Мы уже часть пути прошли, — съ увлеченіемъ говорилъ Катовъ.— Поставьте рядомъ «Явленіе Христа народу» Иванова, или Брюлловское «Разрушеніе Помпеи» съ «Убійствомъ сына Иваномъ Грознымъ» Рѣпина и вы поймете, что отсюда

шагъ — и мы подойдемъ къ декадентамъ, а потомъ и къ кубизму.

— Большой шагъ, — сказалъ Погорѣльскій.

— А эти новые поэты! А эти слова. Мы начали: главковерхъ, комкоръ, начдивъ, — они продолжили: — совдепъ, совнаркомъ, исполкомъ, — ей Богу, будущее принадлежитъ языку короткому. Цѣлыя фразы будутъ лѣпиться изъ нѣсколькихъ буквъ.

— Сумасшествіе...

Олю оскорбляли эти нелѣпыя мысли съ оправданіемъ большевиковъ, а главное взгляды страсти и нездороваго любопытства, которыми шарилъ по ней Катовъ.

Кругомъ была покрытая снѣгомъ степь и въ ясномъ морозномъ воздухѣ, пропитанномъ золотомъ солнечныхъ лучей гулко и звонко раздавался шумъ идущаго войска. Оля видѣла вдали Русскій флагъ Корнилова, видѣла группы всадниковъ, темныя колонны идущихъ полковъ и ея сердце трепетало отъ любви къ той Арміи, надъ которой витали святыя для нея эмблемы Родины. Катовъ былъ ей непонятенъ. Офицеръ, но почему не въ строю? Офицеръ, но почему его рѣчь такая странная, не офицерская рѣчь?... Онъ оказалъ ей пріютъ и гостепріимство, но почему онъ ей противенъ и боится и презираетъ она его?

Она старалась, чтобы въ узкомъ кузовѣ подводы ея платье не касалось его, чтобы колѣни ихъ не сталкивались. Она искала близости къ его женѣ. Вѣра Митрофановна молчала. Оля думала, что за взгляды, что за понятія у этого офицера, да и офицеръ ли онъ? Какъ попалъ онъ туда, куда шли только тѣ, для кого Родина была выше всего?

Она подняла свои большіе глаза и глядя прямо въ лицо Катову, спросила его:

— Почему вы, Дмитрій Дмитріевичъ, пошли въ Добровольческую Армію?

— Я не пошелъ въ нее, — сказалъ Катовъ. Я еще никуда не записался. Я пока никто. Но, судите сами, куда же мнѣ было дѣваться?

Оля ничего не сказала.

На ночлегѣ, Катовъ вытащилъ гитару и запѣлъ странно звучавшую въ обстановкѣ казачьей хаты и военнаго бивака пѣсенку сладострастнаго излома души. Оля встала и направилась къ двери.

— Вамъ не нравится мое пѣніе, Ольга Николаевна, — сказалъ Катовъ.

Оля не отвѣчала. Она какъ бы не слыхала вопроса. Катовъ повторилъ его.

Ясные глаза Оли повернулись на Катова. Она точно въ первый разъ замѣтила высокій ростъ и статную фигуру хорошо одѣтаго поручика.

— Скажите, пожалуйста, Дмитрій Дмитріевичъ, — сказала она, — почему вы не въ строю?

— Я еще не разобрался въ политическихъ настроеніяхъ полковъ и потому не избралъ, куда мнѣ идти, — отвѣчалъ Катовъ.

— А! — сказала Оля и взялась за дверь.

— И потомъ у меня порокъ сердца. Міокардитъ. Я не могу служить, — договорилъ Катовъ.

Оля проворно вышла изъ хаты. Она долго ходила взадъ и впередъ по станичной улицѣ мимо дома. Подморозило. Она была легко одѣта, но ей было душно. Сердце ея шибко колотилось въ груди.

XV.

Свѣжій морозный вѣтеръ дулъ со степи. Солнце ярко блестѣло на замерзшихъ лужахъ, на далекой рѣчкѣ, прихотливо извивающейся по балкѣ, поросшей кустарникомъ. Каждый клочокъ не стаявшаго снѣга говорилъ о прошедшей зимѣ и весною пахло отъ свѣжести вѣтра.

Оля почему то вспомнила такой же свѣжій, съ морозомъ, вѣтеръ въ старомъ Петербургѣ. Только

тамъ это бывало лишь въ мартѣ, когда во всѣ нѣмецкія булочныя Петербурга прилетали жаворонки. Одни большіе съ распластанными крыльями и длинными хвостами съ маленькими головками и глазами изъ коринки — пятикопѣечные, другіе маленькіе съ восьмеркой изъ тѣста вмѣсто туловища—полуторакопѣечные. Съ войны ихъ не было. Нѣмецкія булочныя закрылись. Въ Петербургѣ въ эти утренніе часы было тихо и печально. Не нарушая тишины, но подчеркивая ее, звонилъ великопостный перезвонъ. На широкой Кабинетской улицѣ было пустынно. Лужи подмерзли и были черными съ бѣлыми пузырями и такъ славно хрустѣли, когда наступишь на нихъ каблучкомъ. Оля ходила такими утрами въ монастырское подворье на углу Кабинетской и Звенигородской, поднималась во второй этажъ въ маленькую церковь. Сумрачно смотрѣли со стѣнъ иконы, быстро читалъ часы дьячокъ, а въ окна веселые яркіе лились солнечные лучи и въ открытую форточку слышалось радостное чириканіе воробьевъ, гулъ и звонки трамвая и цоканье копытъ по обнаженной мостовой. Выходилъ старый іеромонахъ въ черной рясѣ и тускло блестящей серебромъ эпитрахили и слышались смиренныя слова: «Господи и Владыко живота моего!» Тогда не цѣнила Оля эту тишину, эту ясную радость весны, утра, мороза и солнца, темной церкви и тихой молитвы.

Гдѣ все это теперь? Кто отнялъ все это? И весну и солнце, и вѣтеръ, обжигающій поцѣлуями степи отнялъ, — потому что не до того теперь.

Гулко и часто гудятъ пушки. И совсѣмъ недалеко отъ обоза. Обозъ стоитъ въ степи, растянувшись по бугру и вѣтеръ треплетъ бѣлые флаги Краснаго Креста. Степь пологимъ скатомъ спускается къ рѣчкѣ и ясно видны: степная рѣчушка, подернутая тонкимъ льдомъ, противоположный берегъ балки, узкая гребля черезъ рѣку, и за нею, колеблющееся въ туманѣ утра широко раскинув-

шееся село съ бѣлыми мазанками хатъ съ соломенными и желѣзными крышами, какъ паутиной обтянутыми тонкимъ переплетомъ вѣтвей фруктовыхъ садовъ и высокихъ пирамидальныхъ тополей. Выстрѣлы большевистской артиллеріи раздаются изъ за села и оттуда, гудя несутся снаряды и лопаются надъ пологимъ скатомъ.

Въ маревѣ дали, пронизанной золотомъ солнечныхъ лучей, покрытой легкимъ паромъ, поднимающимся отъ земли маячатъ темныя фигуры жидкой цѣпи добровольческихъ ротъ. Добровольцы идутъ, равняясь и издали кажется — въ ногу, не ложась. Они не стрѣляютъ. То тутъ, то тамъ надъ ними и сзади нихъ вспыхиваютъ веселыми бѣлыми шариками дымки разрывающихся шрапнелей. Отъ села трещитъ пулеметъ, два пулемета работаютъ надъ греблей у дорожнаго моста и надъ всѣмъ селомъ тарахтятъ, не смолкая ружья.

У обоза, вылѣзши на бугоръ, поднимаясь на носки, прикрывая глаза отъ солнца щиткомъ ладони смотрятъ вдаль женщины, старики, дѣти. Раненые привстали на телѣгахъ и смотрятъ все туда же, гдѣ наступаютъ на село ихъ братья, мужья, отцы и сыновья. Катовъ, взобравшись на телѣгу, глядитъ въ бинокль и восторженнымъ голосомъ передаетъ о томъ, что видитъ. Недалеко отъ него стоитъ Оля и Погорѣльскій. Они только что перевязали раненаго въ плечо добровольца и онъ затихъ, лежа на землѣ подъ шинелью.

Шагахъ въ тридцати отъ Оли, стоитъ маленькая группа. Оттуда доносятся воркующіе мягкимъ баскомъ слова молитвы и истерическіе вопли. Возчики обоза принесли туда двухъ убитыхъ добровольцевъ и тамъ мать плачетъ надъ сыномъ и вдова надъ убитымъ мужемъ. И плачъ, и слова молитвы, и накрытые шинелями покойники, которыхъ сейчасъ будутъ хоронить безъ гробовъ, въ черной землѣ глухой степи, съ которыхъ снимутъ сапоги и тѣ

части одежды, которыя уцѣлѣли, потому что онѣ живымъ нужны, придаютъ особенную значительность ровному и быстрому, молчаливому движенію добровольческихъ цѣпей.

— Хорошо идутъ!, говоритъ Погорѣльскій. Не стрѣляютъ.

— Стрѣлять нельзя, — слабымъ голосомъ отзывается лежащій доброволецъ, — у насъ всего по тридцати патроновъ роздано... Возьмемъ и такъ!, — со вздохомъ говоритъ онъ.

— Что очень больно?, спрашиваетъ Оля.

— Больно, — ничего, поднимая на Олю большіе лихорадочные глаза говоритъ доброволецъ. — Обидно, что меня тамъ не будетъ когда наши село брать будутъ. Я бы имъ задалъ, негодяямъ, христопродавцамъ!

— Къ рѣкѣ подходятъ, — восторженно говоритъ Катовъ. — Ледъ то, поди тонкій, какъ переходить будутъ.

— Ахъ, упалъ одинъ, — болѣзненно сжимая руку Оли вскрикиваетъ Вѣра Митрофановна.

— И то упалъ, — раздаются голоса. — Упалъ...

— Нѣтъ, всталъ. Идетъ... Снова упалъ... Ахъ! Боже мой! Что-же это!... Опять всталъ... Нѣтъ... лежитъ... Не двигается.

— Господи! Да что же наши то не стрѣляютъ. Неужели же патроновъ нѣтъ!

Тяжело ковыляя, опираясь на ружье, съ поджатой лѣвой ногой, ступня и низъ которой обмотаны окровавленной тряпкой, оставляя за собою по сухой травѣ кровавый слѣдъ, къ обозу подошелъ пожилой казакъ. Лицо его было блѣдно, искажено мукой, но глаза горѣли восторгомъ.

— Братцы!, — воскликнулъ онъ, оглядывая собравшихся у подводъ людей, — православные! — Тамъ каждый человѣкъ дорогъ, каждый человѣкъ нуженъ... Я бы шелъ, да вишь ты, проклятая, какъ ногу повредила. Ходу дать не могу настоящаго. Православные! Бери ружье,патроны,и ай-да на подмогу.

Ихъ тамъ многія тысячи! Насъ самая капля... Истинно, каждый человѣкъ нуженъ. У насъ въ резервѣ всего пятнадцать человѣкъ осталось!

Кругомъ молчали. Катовъ сосредоточенно, какъ будто бы это была его обязанность, разглядывалъ въ бинокль. Раненые притихли. Истерично плакали женщины надъ убитыми. Высоко въ небѣ два жаворонка пѣли пѣсню любви и счастья.

Погорѣльскій, сидѣвшій надъ раненымъ офицеромъ и щупавшій ему пульсъ, вдругъ порывисто вскочилъ и бросился къ казаку.

— Давай винтовку!, крикнулъ онъ. — Давай патроны! Сестры! перевяжите раненаго. Я сейчасъ и вернусь, какъ село возьмемъ.

— Возьмемъ, родный! Возьмемъ! — говорилъ казакъ, садясь на землю и отдавая залитую кровью винтовку. — Ты не сумлѣвайся. Моя это кровь. Христіанская! Не ихъ, поганцевъ.

Лежавшій, раненый въ предплечье офицеръ тяжело поднялся, взялъ винтовку, положенную на подводу и пошелъ нетвердыми шагами внизъ по спуску.

— Куда вы, Ермоловъ?, крикнула Оля.

— И правда, Ольга Николаевна, отвѣтилъ раненый, — тамъ теперь каждый штыкъ на вѣсъ золота.

Катовъ, смотрѣвшій все такъ же въ бинокль вдругъ вскрикнулъ.

— Ахъ, Боже мой... Ледъ ломается! По горло въ водѣ идутъ! Воображаю, какъ холодно! Въ село входятъ.

Свѣжій вѣтеръ, дувшій съ села донесъ негромкое, но дружное ура.

— Глядите, глядите, господа, съ фланга изъ балки идутъ. Вотъ показались... Еще... еще... Какъ красиво!... Это Корниловцы... Тамъ и Корниловъ!... Какъ хорошо!

— А вы, Дмитрій Дмитріевичъ, — блестя глазами и глядя въ упоръ на Катова сказала Оля. — Вы то, что же!?

Катовъ отнялъ бинокль отъ глазъ и посмотрѣлъ сверху внизъ на дѣвушку. Никогда еще онъ не видѣлъ подобной красоты. Вѣтеръ растрепалъ ея волосы, выбилъ ихъ волнистыя пряди изъ подъ платка и она стояла противъ него въ вѣнкѣ черныхъ волосъ, съ громадными, сверкающими возмущеніемъ глазами на исхудаломъ, загорѣломъ лицѣ. Ноздри были гнѣвно раздуты и изъ подъ полураскрытаго рта ярко блестѣли прекрасные зубы.

— Я что-жъ, растерявшись проговорилъ Катовъ. — Ну, куда же я пойду! Куда я годенъ.

— Вы, офицеръ, — задыхаясь говорила Оля, сама себя не помня, — вы георгіевскій кавалеръ, правда «товарищескаго» креста. Что же вы!... боитесь.

Но Катовъ уже оправился.

— Нельзя, Ольга Николаевна, чтобы всѣ офицеры погибли. Что же тогда съ Россіей то станетъ? Вотъ Царское правительство не щадило офицеровъ и развалилась армія...

— Молчите!, крикнула Оля. — Ради Бога молчите!... Вы просто... Она едва прошептала — шкурникъ.

— Па-а-звольте — началъ было Катовъ, но,оглянувшись кругомъ, онъ увидѣлъ устремленные на него глаза раненыхъ и больныхъ и онъ спрыгнулъ съ подводы и пошелъ въ сторону.

Юноша донецъ подскакалъ въ это время на задыхающейся и тяжело идущей по степи лошади къ обозу и радостно крикнулъ:

— Обозу приказано двигаться на ночлегъ впередъ. Наши взяли селеніе!

Всѣ обратились къ нему.

— Тамъ ихъ набили, страсть,...задыхаясь говорилъ онъ. Пятьсотъ, не то шестьсотъ одних убі-

тыхъ! Плѣнныхъ, почитай что и не брали. Что жъ ихъ брать-то. Они душегубы! Уничтожать ихъ надо!

— А нашихъ много легло?, спросилъ кто то.

— Нѣтъ. И тридцати не будетъ. Они стрѣляютъ плохо. Бѣгутъ. Трусы паршивые. Какъ Корниловцевъ увидали съ фланга такого чёса задали, не догонишь...

Возчики возвращались отъ села. Съ ними шли подростки гимназисты и кадеты. Они несли убитыхъ, винтовки и снаряженіе.

— Господа, сказалъ кто то. — Студента Погорѣльскаго съ вашей подводы убило. Тутъ у рѣки лежитъ. Надо послать подобрать его.

XVI.

Селеніе, занятое добровольцами, было пусто Грустно смотрѣли избушки съ закрытыми ставнями оконъ, съ разбитыми стеклами. Трупы убитыхъ солдатъ валялись въ грязи. Странно было, что эти Русскіе люди, въ Русскихъ шинеляхъ и сѣрыхъ папахахъ были врагами. Въ одномъ мѣстѣ ихъ лежало кучею человѣкъ тридцать, видно застигнутые вмѣстѣ и приконченные пулеметнымъ огнемъ. На площади, у бѣлой церкви, стояли, отдѣльно отъ большой толпы обыкновенныхъ солдатъ плѣнныхъ, двѣнадцать человѣкъ съ красными нарукавными повязками. Это были комиссары и коммунисты. Вчерашніе писаря и музыканты полка, они эти дни руководили сѣрымъ солдатскимъ стадомъ, углубляя революцію и разжигая страсти во имя полнаго уничтоженія Россіи.

Ихъ караулили четыре мальчика кадета и юноша прапорщикъ. Они сосредоточенно, хмурыми дѣтскими глазами глядѣли на плѣнныхъ и крѣпко сжимали винтовки. Они ихъ захватили въ церкви, куда тѣ спасались и вытащили, обезоруживъ, на площадь. Прапорщикъ, по фамиліи Лосевъ, въ

числѣ комиссаровъ узналъ своего родного брата, двумя годами старше его и теперь съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на него и могъ только сказать:

— Ахъ, братецъ!...

— Ну что, братецъ! — со страшной злобой заговорилъ плѣнный. — Радъ? А? Ну разстрѣливай брата, наемникъ французскихъ капиталистовъ! А? За помѣщичью землю деретесь! То то у насъ съ тобою земли много! Не подѣлили... Драться пошли!

— Не разговаривать тамъ! — грубо окрикнулъ кадетъ, подходя къ Лосеву. — Я те поговорю жидовская подхалима!... Штыкомъ кишки выпущу!

Лосевъ мрачно затихъ.

По улицѣ красивымъ галопомъ, на хорошей кровной лошади, скакала одѣтая въ мужское платье молоденькая дѣвушка. Ея блѣдное лицо съ большими сѣрыми, узко поставленными глазами было ненормально оживлено. Это была баронесса Борстенъ. Два мѣсяца тому назадъ на ея глазахъ солдаты дезертиры сожгли ея имѣніе, привязали ея отца къ доскѣ и бросали доску на землю съ привязаннымъ барономъ до тѣхъ поръ, пока онъ не умеръ и глаза не вылетѣли изъ орбитъ. На ея глазахъ солдаты насиловали ея мать и ея двѣнадцатилѣтнюю сестру. Ей грозила та же участь. Но вдали показались германскія войска и солдаты, бросивъ ее, разбѣжались. Она поклялась отомстить. Она пробралась на Донъ и поступила рядовымъ солдатомъ въ Добровольческую армію. Лихая, красивая, отличная наѣздница, она скоро снискала себѣ общее уваженіе. Никто не зналъ ея исторіи. Ее считали ненормальной въ ея суровой ненависти къ солдатамъ большевикамъ. Добровольцы преклонялись передъ ея сверхъ-хладнокровіемъ въ опасности и передъ лицомъ смерти. Когда она видѣла сѣрыя шинели безъ погонъ, задранныя на затылки папахи, чолки неопрятныхъ волосъ, по женски выпущенныя на лобъ, наглыя еврейскія фигуры въ офицерскихъ френчахъ съ алыми по-

вязками на рукахъ, странная усмѣшка кривила ея нѣжныя еще пухлыя губы и зубы плотоядно показывались изъ за нихъ. Въ сѣрыхъ глазахъ загорался огонь. Какія то страшныя воспоминанія бороздили ея мозгъ. Страшная, демоническая сверхъчеловѣческая страсть огнемъ загоралась въ глазахъ и рѣдкій доброволецъ могъ тогда прямо смотрѣть въ эти мечущіе искры прекрасные глаза. Зрачекъ почти исчезалъ въ сѣромъ стальномъ райкѣ и тѣмъ острѣе горѣлъ изъ него жестокій внутренній огонь. Въ эти минуты ея руки становились могучими. Лошадь подъ нею чувствовала жесткое напряженіе ея воли и становилась покорной и, казалось, понимала, безъ указанія мундштука, ея желанія.

Баронесса Борстенъ въ такія минуты видѣла что то такое, чего другіе видѣть не могли.

Она подскакала широкимъ галопомъ къ группѣ комиссаровъ и круто остановила своего коня. Караульные ее знали.

— Это что за звѣри? — спросила она.

— Комиссары, — отвѣчалъ высокій худощавый кадетъ.

— Отчего же они не разстрѣляны?

— Не могу знать, — хмуро сказалъ кадетъ. Видно некому.

— Вы слыхали приказъ Корнилова. — Война идетъ на истребленіе. Или они насъ, или мы ихъ должны истребить.

— Слыхали, — потупляя глаза проговорилъ кадетъ.

На лицѣ баронессы появился восторгъ. Улыбка страсти скривила прекрасныя губы. Она медленнымъ, отчетливымъ движеніемъ отстегнула большой тяжелый Маузеръ, висѣвшій у нея на боку, прикрѣпила его къ футляру, обративши въ ружье и бросила поводья лошади.

Комиссары смотрѣли на нее и животный ужасъ появился на ихъ лицахъ. Но никто не шевельнулся

подъ ея страшнымъ мрачнымъ взглядомъ. Въ немъ эти слуги интернаціонала, еще вчера разрѣзавшіе въ этомъ самомъ селѣ животъ священнику, вытянувшіе оттуда кишку, прибившіе ее гвоздемъ къ телеграфному столбу и гонявшіе и волочившіе несчастнаго священника кругомъ столба до тѣхъ поръ, пока онъ не вымоталъ всѣхъ своихъ кишекъ и не упалъ мертвый, — прочли свой приговоръ. Въ страшномъ блескѣ внезапно, несмотря на яркій солнечный свѣтъ съузившагося зрачка, они увидали высшую силу.

— Отойдите, господа, — тихо сказала баронесса караульнымъ. — Не мѣшайте совершиться суду Бога.

На большой площади, въ углу которой гомонила толпа плѣнныхъ солдатъ большевиковъ, въ селѣ, по которому еще тамъ и тутъ гремѣли выстрѣлы, ея слова прозвучали глубоко и четко.

Баронесса медленно, красивымъ гибкимъ женственнымъ движеніемъ, какъ бы смакуя каждое сокращеніе мускуловъ своего тѣла, приложилась и, не сходя съ коня, вдругъ ставшаго неподвижно, какъ постаментъ статуи, выстрѣлила. Безъ стона рухнулъ стоявшій дальше всѣхъ солдатъ, съ идіотски напряженнымъ лицомъ смотрѣвшій прямо на баронессу и ничего не понимавшій.

Быстро, но неторопливо слѣдовали одинъ выстрѣлъ за другимъ, пока не упали всѣ двѣнадцать.

Баронесса, не спѣша сложила свой Маузеръ, повѣсила его на бокъ, съ тихимъ вздохомъ, какъ бы послѣ удовлетворенной страсти, подобрала поводья и, не спуская потухшаго, усталаго взгляда прекрасныхъ глазъ съ лицъ убитыхъ ею плѣнныхъ большевиковъ, шагомъ поѣхала по селу...

XVII.

Туманныя весеннія сумерки надвигались на село. Начинало морозить. На западѣ степь горѣла

закатными огнями и полъ неба было краснымъ, на востокѣ ярко засвѣтилась одинокая звѣзда. Село наполнилось стукомъ колесъ, криками погонщиковъ и распорядителей. Въ полутьмѣ сновали квартирьеры и раздавались голоса.

— Это Георгіевскій полкъ?... Корниловцы — съ полемъ!... Это офицерскій батальонъ сдѣлалъ!... Гдѣ юнкера?... Корниловъ благодарилъ... Я видѣлъ на лицѣ его улыбку... Онъ никогда не улыбается... Какъ хорошо шли партизаны... Видали Маркова? Первый бросился на штурмъ. Съ такими не пропадешь! Гдѣ Корниловъ? Какъ всегда въ избѣ со всѣми... Нѣтъ, обходитъ раненыхъ. Онъ отдалъ свою избу раненымъ... Онъ ихъ не забудетъ никогда... Съ Корниловымъ мы не пропадемъ... Теперь, господа, мы съ патронами... и съ винтовками... Можно будетъ вооружить тыловыхъ лежебокъ... Господа шкурники на линію!...

Молодые голоса звенѣли по селу. Пріятели отыскивали въ темнотѣ другъ друга, перекликались, радуясь встрѣчѣ.

— Костровъ ты живъ?... Какъ видишь... А говорили, что тебя убило... Значитъ врали... Кто же изъ нашихъ?... Ермолова цапнуло немного, но опять въ строю... въ штыковую атаку ходилъ...

Запахъ побѣды примѣшивался къ терпкому запаху крови, соломенной гари и полыни. Въ маленькой пустой хатѣ казака въ полутьмѣ размѣщался взводъ добровольцевъ.

— Видали, что съ церковью сдѣлали? — оживленно разсказывалъ загорѣлый юнкеръ. — Я вошелъ, еще свѣтло было. Отвратительный запахъ нечистотъ въ притворѣ. Иконы порваны и исцарапаны штыками, въ уста Спасителя у правыхъ вратъ вставленъ окурокъ. На престолѣ дохлая собака и на ней раскрытое евангеліе.

— Жиды, — отозвался отъ стола мальчикъ-кадетъ.

— Нѣтъ, и свои Русскіе «товарищи» тутъ старались. Господа, нѣтъ гаже человѣка, который начнетъ ругаться надъ религіей.

— Дьяволъ радуется и руководитъ имъ, — сказалъ юноша.

— Ну какой тамъ дьяволъ! Хулиганы и только.

— Нѣтъ, дьяволъ,—убѣжденно сказалъ первый.

Говорившіе посмотрѣли на него. Это былъ худой, очень высокій, долговязый юноша, съ юной русой бородкой на щекахъ и подбородкѣ. На его рубахѣ былъ одѣтъ университетскій значекъ.

— Дьяволъ? — спросилъ его маленькій коренастый кадетъ въ погонахъ своего корпуса. — Вы вѣрите, Сторицынъ, въ дьявола?

— Я много читалъ по этому поводу. Вѣдь, господа, есть цѣлая наука: демонологія. Въ средніе вѣка ею крѣпко занимались. Дьяволъ именно тамъ бываетъ, гдѣ святость. Тутъ ему наибольшій интересъ искусить и совратить христіанина. И въ церкви — лучшее поле дѣятельности для дьявола. Я самъ сколько разъ замѣчалъ надъ собою. Стоишь, молишься. Вдругъ взглядъ падаетъ на колѣно преклоненную передъ вами женщину. Она склоняется головою до земли. Глядишь на юбки ея, обтягивающія ея формы и воображеніе сладострастно дорисовываетъ остальное. Поднимешь глаза: — на амвонѣ стоитъ священникъ со святыми Дарами и чудится мнѣ, что скорбный свѣтъ идетъ отъ чаши. Другой разъ прислушаешься, что поютъ на клиросѣ. Дополнишь воображеніемъ и опять жутко станетъ: — это дьяволъ.

— А зачѣмъ поютъ такія вещи? — сказалъ молодой прапорщикъ. — Я, господа милые, откровенно вамъ скажу: — ни въ Бога, ни въ чорта не вѣрую. Все это отсталость.

— Беневоленскій, да вы большевикъ! Вы и церковь осквернить способны, — раздались голоса съ разныхъ концовъ хаты.

— Никогда-съ! У меня развито уваженіе къ чужому мнѣнію. Хочешь вѣруй, хочешь не вѣруй — это твое дѣло. Будь ты хотя дыромолъ, я мѣшать не стану. Твое дѣло. И дыру твою осквернять не буду. Съ молодыхъ лѣтъ мое правило: — живи и жить давай другимъ.

— Вы большевикъ, или Толстовецъ, — сказалъ Сторицынъ.

— Ничего подобнаго. Большевики именно жить то другимъ и не даютъ, — сказалъ Беневоленскій.

— Вы слыхали, что они со здѣшнимъ священникомъ сдѣлали, — сказалъ Сторицынъ.

— Ну?

— Комиссары обвинили его въ томъ, что онъ сносился съ нами и намъ помогалъ. Потомъ искали церковную утварь. Молчитъ. Тогда ему разрѣзали животъ, прибили кишку гвоздемъ къ телеграфному столбу и вымотали всѣ кишки. Я самъ видѣлъ трупъ. Онъ лежалъ въ пыли ничкомъ. Грязныя, побурѣвшія, облипшія пылью кишки толстымъ слоемъ были намотаны на столбъ. Я думалъ, какія страшныя муки онъ долженъ былъ перенести при этомъ. Вдвоемъ съ санитаромъ Котелковымъ мы перевернули его. Блѣдное лицо его было такъ спокойно, такъ прекрасно въ длинной гривѣ сѣдыхъ волосъ и съ широкой большою бородою, что хоть уснувшаго святого съ него пиши.

— Онъ и есть святой мученикъ, — сказалъ кадетъ.

— Беневоленскій, — сказалъ Сторицынъ, — вы семинарію окончили. Скажите, испытывали христіанскіе великомученики въ самыя тяжелыя времена гоненій на христіанъ такія страшныя муки? Что съ вами, Беневоленскій? Вамъ дурно? Отчего вы такъ поблѣднѣли?

— Гдѣ онъ!? Скажите — гдѣ онъ. Приведите меня къ нему!... Господа! это мой отецъ!!... — вскакивая и хватаясь за столъ руками воскликнулъ Беневоленскій.

Въ хатѣ наступила тишина. Беневоленскій со Сторицынымъ вышли изъ хаты. На ихъ мѣсто вошли Павликъ и Ника Полежаевы и ихъ взводный командиръ поручикъ графъ Конгринъ. Зажгли огонь и тусклая лампочка, въ которой было мало керосина, освѣтила группу молодежи, сидѣвшую на скамьяхъ, на полу, на печи, за столомъ. Румяный кадетъ, мальчикъ лѣтъ четырнадцати вошелъ, проталкивая передъ собою толстую бабенку въ плахтѣ съ круглымъ лукавымъ лицомъ. Это была хозяйка дома, которую онъ отыскалъ на сѣновалѣ, закопавшеюся въ сѣнѣ.

— Господа, вотъ намъ и хозяюшка, — сказалъ онъ.

Бабенка осматривалась кругомъ и недоумѣвала.

— Та вы що-жъ, хлопці, вже-жъ православні будете?

— А то кто же?

— Такъ казали, що вы кадеті.

—Кадеты мы и есть.

— Добре, добре. А що-жъ це казалі, що у кадетівъ одно око середь чола, а вы люді, якъ усі люді.

— То то тетка! давай угощенье.

Румяный кадетъ потащилъ свою находку въ кладовую, а добровольцы вернулись къ только что пережитому ими ужасу.

— Господа, сказалъ блѣдный красивый юноша, съ лицомъ дѣвушки, бѣлыми волосами ершикомъ торчащими надъ головой и синими глазами мягко глядящими изъ длинныхъ рѣсницъ, — господа, что же за ужасъ намъ приходится переживать! Два часа тому назадъ мы съ прапорщикомъ Лосевымъ арестовали въ церкви двѣнадцать комиссаровъ, по показанію солдатъ, тѣхъ самыхъ, которые замучили священника. Среди нихъ оказался родной братъ Лосева. Подъѣхала баронесса Борстенъ и всѣхъ двѣнадцать уложила мѣткими выстрѣлами изъ Маузера. Вы знаете, какъ она стрѣляетъ!—

Каждая пуля между бровей, математически точно. Она уѣхала. А братъ, прапорщикъ Лосевъ, теперь плачетъ надъ убитымъ братомъ комиссаромъ. Оторвать нельзя. Что же это такое происходитъ? Я училъ исторію, но такого ужаса, кажется никогда не было....

— Мы молоды, тихо заговорилъ юноша студентъ. У каждаго изъ насъ какое ни на есть да было счастье. И вотъ разрушили его! Ну я понимаю врагъ пришелъ бы. Нѣмцы завоевали Россію и стали бы обращать ее въ свою колонію, въ навозъ для нѣмецкой расы. А то свои!.... Тамъ замучили отца. Здѣсь брата убили на глазахъ у брата. Что же это!

— У насъ, — задумчиво ероша отросшіе волоса заговорилъ графъ Конгринъ,, — въ N-ской губерніи было имѣніе. Домъ дворецъ построенъ въ пышный вѣкъ Екатерины и два вѣка мой отецъ, дѣды, прадѣды терпѣливо собирали въ него все, что было достойно сохраненія. Въ прекрасной дубовой библіотекѣ хранились такія рѣдкости, такія уники, что ученые всего міра знали о ней и пріѣзжали разбирать ихъ. У насъ была коллекція миніатюръ XVIII вѣка на слоновой кости и фарфоръ. Въ картинной галлереѣ были вещи, которымъ позавидовалъ бы Эрмитажъ. Кругомъ росъ паркъ съ фонтанами, съ прудами, съ лебедями. Внутри стоялъ склепъ съ костями предковъ. Около замка были службы. Мы имѣли свой сахарный заводъ и на скотномъ дворѣ было двѣсти паръ головъ лучшаго племенного скота. У насъ было полтораста лошадей и прекрасные племенные жеребцы. Кругомъ на двѣсти верстъ все населеніе безплатно пользовалось нашими бугаями, жеребцами, боровами и баранами и весь уѣздъ богатѣлъ племеннымъ скотомъ. На заводѣ работало восемьсотъ человѣкъ и всякій имѣлъ доходъ отъ нашего имѣнія. У насъ была больница и школа при имѣніи и все безплатное... Я возвращался

съ фронта, когда нашъ полкъ разошелся. Я зналъ, что они отберутъ земли, но почему то я вѣрилъ, что они пощадятъ то, что ихъ же кормило. Когда я подъѣзжалъ къ имѣнію я не узналъ мѣста. Громадный паркъ былъ вырубленъ, домъ стоялъ пустой и обгорѣлый и кромѣ черепковъ и разбитыхъ статуй я ничего не нашелъ. Скотъ, жеребцы были порѣзаны... У разореннаго склепа лежали опрокинутые, вывернутые гробы и я видѣлъ костякъ въ обрывкахъ Екатерининскаго мундира и свѣжій трупъ моей матери, который растаскивали собаки. Это сдѣлала проходившая черезъ село банда дезертировъ солдатъ, руководимая евреемъ. Господа, — я пришелъ сюда, чтобы умереть, но передъ смертью я натѣшусь местью.

Всѣ молчали. Румяный кадетъ принесъ котелъ съ дымящимся картофелемъ и каравай хлѣба.

— Не все красные черти слопали, весело воскликнулъ онъ, осталось кое что и намъ.

Добровольцы придвинулись къ столу.

Пожилой человѣкъ, худой, съ глубоко впавшими глазами и щеками, прорѣзанными морщинами пододвинулся, къ графу Конгрину.

— У меня, сказалъ онъ, не было ни имѣнія, ни замка, ни скота, ни лошадей. Я писатель и жилъ своимъ трудомъ. За тридцать лѣтъ упорнаго труда я устроилъ себѣ уютное гнѣздышко въ наемной квартирѣ въ Петроградѣ, на пятомъ этажѣ. Тамъ у меня тоже была библіотека, — о, не уники — а просто любимые мои авторы стояли въ прочныхъ коленкоровыхъ переплетахъ, висѣли портреты моей жены и моихъ дѣтей. Одинъ сынъ у меня пропалъ безъ вѣсти въ Восточной Пруссіи, отстаивая Парижъ, другой застрялъ гдѣ то на Румынскомъ фронтѣ, третій юнкеромъ убитъ въ Москвѣ въ октябрьскіе дни... Дочь въ Казани. Мы жили съ женою тихо и никого не трогали. У насъ былъ любимецъ сѣрый котъ Мишка, былъ теплый уголъ... Изволите видѣть, я писалъ въ буржуазныхъ газе-

тахъ и ко мнѣ подъ видомъ уплотненія квартиры поставили пять матросовъ коммунистовъ. Черезъ три дня у меня ничего уже не было. Библіотека была разодрана и пожжена, какъ вредная, портреты изгажены и уничтожены. Мой сѣрый котъ убитъ. Мы ютились съ женой въ послѣдней маленькой комнатѣ и каждую ночь мы слышали шумъ оргіи въ нашей квартирѣ, трещала мебель, неистово бренчали на роялѣ, звенѣло стекло и хриплые голоса грозили намъ смертью. Мы не выдержали этой жизни и бѣжали. Въ Бологомъ дикая толпа дезертировъ солдатъ оттѣснила мою жену и какъ я ни искалъ ее,я нигдѣ не могъ ее найдти... Я былъ увлеченъ однимъ молодымъ офицеромъ, пробиравшимся къ Корнилову и я поѣхалъ на югъ, чтобы искупить свою вину. Да, господа, каюсь! Я виноватъ. Всю свою долгую жизнь я мечталъ о революціи. Я писалъ статьи, бичующія старые порядки и я звалъ народъ къ оружію... На свою голову!

Никто ничего не сказалъ. Лампа коптѣла потухая и темная ночь надвигалась на хату. Изъ угла ея раздался глубокій проникновенный, точно женскій голосъ. Это говорилъ кадетъ съ лицомъ дѣвушки и съ волосами, торчащими кверху.

— У меня, господа, личнаго ничего не было. Я сирота... Но у меня была Россія — отъ Калиша до Владивостока, отъ Торнео до Батума. У меня былъ Царь, за котораго я молился. У меня былъ Богъ, въ Котораго я вѣрилъ...

Онъ замолчалъ. Казалось, что онъ плакалъ.

— Будетъ! Все будетъ. Будетъ единая, недѣлимая, будетъ великая, будетъ святая Русь! — громко воскликнулъ графъ Конгринъ. — Корниловъ съ нами!

Кругомъ стола раздались громкіе воодушевленные голоса.

— Съ нами Корниловъ!

— Корниловъ!

— Да здраствуетъ Корниловъ!

Лампочка вспыхнула последній разъ и потухла и маленькая тѣсная хата погрузилась въ глубокую тьму. Яснѣе стали выдѣляться квадратныя окошечки, заставленныя геранью и бальзаминами. Звѣздная холодная, зимняя ночь заглянула въ нихъ...

XVIII.

— Ольга Николаевна, устраивайтесь съ нами. Вамъ не зачѣмъ возиться съ этими наглыми буржуями.

Оля, входившая за обозомъ съ ранеными, пѣшкомъ въ селеніе, оглянулась.

Говорившая была средняго роста и среднихъ лѣтъ женщина. Все въ ней было среднее, умѣренное и вмѣстѣ съ тѣмъ благородное и красивое. Оля вглядѣлась и узнала.

— Сестра Валентина!, воскликнула она. — Валентина Ивановна!, какими вы судьбами!

— Долгими, Олечка. Но я слыхала то, что у васъ вышло съ Катовымъ и, слава Богу. Я такъ боялась, что вы увлечетесь этимъ современнымъ мущиной. Я васъ устрою. Сестра Ирина, обратилась она къ худой, сѣдой, монашескаго вида, одѣтой во все черное женщинѣ, — позвольте вамъ представить — Олечка Полежаева, тоже наша Царскоселка.

Это было маленькое, но организованное женское царство. Старшей была сестра Ирина, но всѣмъ распоряжалась смѣлая, энергичная, не знающая усталости, сестра Валентина. Раненыхъ и больныхъ было такъ много, перевязочныхъ матерьяловъ, лекарствъ и бѣлья было такъ мало, что надо было все создавать самой.

Долго стучались они изъ хаты въ хату, ища пріюта для своихъ раненыхъ, молчаливо лежавшихъ на подводахъ съ глазами, устремленными въ тихо блѣднѣющее и холодѣющее вечернее небо.

— Занято, отвѣчали имъ. — Пятая рота Добровольческаго полка стоитъ. Поищите, сестрица, на той сторонѣ.

— Занято бѣженцами...

— Штабъ бригады.

— Канцелярія батальона, — говорили изъ хатъ.

Усталыя лошади шлепали ногами по грязи, скрипѣли колеса. Сестры терпѣливо искали мѣста своимъ раненымъ и себѣ.

— Ахъ, сестра Валентина, вздыхала Ирина. Никто не думаетъ о раненыхъ. Они не нужны. Они обуза.

— Корниловъ думаетъ, — спокойно отвѣчала сестра Валентина. — Онъ насъ не забудетъ.

И точно въ подтвержденіе ея словъ, въ сумракѣ вечера, появился конный офицеръ конвоя Главнокомандующаго.

— Это вы, Миша?, сказала сестра Валентина.

— Валентина Ивановна, вамъ и вашимъ раненымъ вотъ въ этотъ проулочекъ. Шесть хатъ съ лѣвой стороны. Не видали Алексѣя Алексѣевича?, сказалъ, подъѣзжая на худой измученной лошади, офицеръ.

— Онъ впередъ поскакалъ.

— Я думалъ уже вернулся. Онъ былъ въ штабѣ.

Еще черезъ часъ, послѣ утомительной работы разгрузки раненыхъ, когда однихъ пришлось вынимать и носить на носилкахъ, другимъ помогать, таскать солому, сестры заканчивали работу.

— Этого не носите, тихо сказалъ вялымъ голосомъ блѣдный юнкеръ. Онъ кончился.

— Что вы, Ватрушинъ!

— Говорю-же. Холодный совсѣмъ. Все на меня наваливался. Страшный..., съ раздраженіемъ сказалъ раненый.

Когда всѣхъ устроили, озаботились подводами на завтра, накормили, согрѣли и напоили раненыхъ, была уже глухая ночь. Оля, шатаясь отъ усталости, вошла въ хату, отведенную для сестеръ. У нея сли-

пались глаза. Маленькая хатка была ярко освѣщена, на большомъ столѣ стучала швейная машинка и Ирина, Валентина Ивановна и француженка Адель Филипповна, невѣста Миши, сидѣли за столомъ въ ворохѣ холста и полотна.

— Олечка, вы не слишкомъ устали?, сказала сестра Ирина.

— Постойте, господа, мы ее прежде накормимъ, сказала Валентина Ивановна.

Она встала отъ работы и достала съ печки котелокъ съ похлебкой, чайникъ и кружку.

— Кушайте, Олечка, а потомъ поработаемъ до утра. Посмотрите, какое богатство намъ Миша доставилъ.Реквизнули гдѣ то. Надо рубахи раненымъ пошить, бинты подѣлать, корпію пощипать, а то страшно сказать, сегодня двоихъ перевязывать пришлось: — газетную бумагу вмѣсто ваты наложили. Вши начали заводиться. Стирать не успѣваемъ. И вамъ надо, Олечка, рубашечку сшить. У васъ вѣдь другой нѣтъ.

— Нѣтъ... Я съ самаго Ростова не могла ее помыть. Вѣдь когда моешь, да сохнешь, приходится платье на голое тѣло одѣвать. А тамъ у Катовыхъ негдѣ было, — грустнымъ голосомъ сказала Оля.

— Ну вотъ! Берите ножницы. Кройте по моему рисунку.

Зимняя долгая ночь тянулась безконечно. Сонъ пропалъ и торопливо бѣжали мысли а руки, покраснѣвшія отъ напряженія и уже натрудившіяся рѣзали, то грубый холстъ, то полотно. Оля вспоминала свой громадный бѣльевой шкапъ въ Царскомъ Селѣ, полки, на которыхъ воздушными кипами, въ кружевахъ и прошивкахъ съ пестрыми красивыми ленточками, продернутыми сквозь нихъ лежали рубашки и панталоны, которыя считали дюжинами. Кто то ихъ носитъ теперь? Оля вспомнила Царскосельскій паркъ и ту блѣдную изломанную особу, которая смотрѣла на нее сквозь стекла золотого лор-

нета. Какая она была ужасная! Не она ли носить ея бѣлье?

Монотонно стучитъ швейная машинка. Остановится помолчитъ и снова стучитъ, точно пулеметъ... Пулеметъ... Пулеметъ, повторяетъ вслухъ Оля и ея глаза слипаются, а ножницы падаютъ съ опухшихъ пальцевъ.

— Олечка, вы спите, — говоритъ ей Валентина Ивановна. — Отдохните немного.

— Нѣтъ. Я ничего, — встряхиваясь говоритъ Оля.

— Давайте, теперь будемъ вмѣстѣ рѣзать бинты и сворачивать ихъ. Третій часъ уже. До утра недолго. А утромъ на походѣ, въ подводѣ заснемъ. На солнышкѣ славно выспимся!..

Передъ глазами крутится длинными полосами полотно, шуршитъ и потрескиваетъ, сворачиваясь въ большіе цилиндры.

— Всѣхъ раненыхъ завтра утромъ свѣжими бинтами перебинтуемъ, — говоритъ со счастливой улыбкой сестра Валентина. То-то обрадуются! Вѣдь вотъ у Ермолова, — даже и не рана, а такъ пустяки. Плечо прострѣлено. А не перевяжи во время, устроится нагноеніе, Боже упаси — руку по плечо отнимать придется.

Вздрогнула Оля и сонъ пропалъ у нея. «Руку по плечо отнимать придется», подумала она.

«Какой онъ хорошій, Ермоловъ! Настоящій герой стараго времени. Онъ такъ мало говоритъ и такъ много дѣлаетъ. Отъ него вѣетъ давно забытыми романическими образами исторіи и, какъ онъ не похожъ на героевъ новаго времени, политическихъ болтуновъ въ офицерскомъ платьѣ съ жестами и замашками демагоговъ. Про Ермолова нельзя сказать, какъ теперь говорятъ про многихъ офицеровъ: — «онъ хорошо говоритъ. Онъ умѣетъ вліять на толпу». Какъ то разъ Оля спросила у него: «какой онъ политической партіи»? Ермоловъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на нее. «Простите», сказалъ онъ,

и лицо его вспыхнуло: — «я — офицеръ. Этимъ все сказано». — Оля тоже покраснѣла и сказала: — «теперь, въ гражданской войнѣ, всѣ офицеры придерживаются какой либо партіи. У насъ есть полки монархическіе и полки республиканскіе. Корниловъ и Алексѣевъ, не разъ заявляли, что они республиканцы. Будемъ считаться съ тѣмъ, что теперь есть, а не съ тѣмъ, что должно быть».

— «Если это такъ», сказалъ Ермоловъ, — «то это ужасно. Надо распускать добровольческую армію. Она порядка и тишины Россіи все равно не дастъ. Когда мы одолѣемъ большевиковъ и Корниловъ диктаторомъ войдетъ въ Москву и соберетъ Учредительное Собраніе, монархическіе полки пойдутъ валить Корнилова и объявятъ новый походъ противъ полковъ республиканскихъ. Предоставимъ партіямъ вести между собою грызню изъ за лакомаго куска власти, но мы, офицеры, мы, армія, — мы великая молчальница! Плохо, если руки подумаютъ, что они голова и будутъ дѣлать то, что имъ хочется, а не то, чего требуетъ отъ нихъ голова».

Оля помнила, — какъ два дня тому назадъ, въ большой красивой казачьей станицѣ, — первой станицѣ, гдѣ ихъ хорошо приняли, они говорили о политикѣ и Оля помнила каждое слово этого разговора. Она подумала почему то тогда: — «любитъ ли онъ меня?»... Вспыхнула, посмотрѣла въ большіе, блестящіе, ясные, сѣрые глаза, неумѣющіе лгать и увидала въ нихъ любовь сдержанную, не смѣющую высказаться. Послѣ этого разговора не было дня, чтобы они хотя на минуту гдѣ либо не встрѣтились, чтобы онъ не отъискалъ ее въ громадной толчеѣ подводъ и движущагося народа, чтобы она не увидала его стройную высокую фигуру въ рядахъ Корниловскаго полка и сердце ея не забилось сильнѣе.

Изъ всѣхъ полковъ Добровольческой арміи — Корниловскій полкъ всего дороже Олѣ и значительную часть той могучей сильной любви, которою го-

рѣло ея сердце къ Государю Императору, она перенесла на этого маленькаго смуглаго человѣка, съ узкими косыми блестящими глазами, котораго считаютъ Наполеономъ Россіи...

XIX.

Походъ Добровольческой Арміи къ Екатеринодару по количеству совершенныхъ подвиговъ, перенесенныхъ людьми жестокихъ страданій, потерь отъ болѣзней, а главное: физическихъ и нравственныхъ мукъ, не имѣетъ себѣ равнаго во всей военной исторіи. И прежде всего потому, что Добровольческая Армія не была Арміей.

Всякая Армія, всегда организуется и устраивается по опредѣленнымъ принципамъ военной науки. Въ ней есть особое отношеніе числа солдатъ къ числу офицеровъ, въ ней есть конница — какъ ея глаза и уши, какъ сила моральнаго воздѣйствія, какъ орудіе преслѣдованія и уничтоженія непріятеля, въ ней есть пѣхота, есть разныхъ видовъ артиллерія, средства связи, техническія войска, понтоны, аэропланы и пр. и пр. Послѣ великой войны ни одинъ уважающій себя генералъ, а тѣмъ болѣе генералъ генеральнаго штаба не позволилъ бы себѣ выступить въ походъ, не имѣя всего, что нужно для арміи, не обезпечивъ себя снарядами и патронами, не заложивши сзади себя базу со складами, магазинами, фабриками и заводами, не устроивъ лазаретовъ, госпиталей, летучекъ, перевязочныхъ пунктовъ, не снабдивши ихъ врачебнымъ персоналомъ, перевязочными средствами, индивидуальными пакетами, хирургическими инструментами.

Добровольческая армія состояла въ дни похода на Кубань почти исключительно изъ офицеровъ. Въ ея солдатскихъ рядахъ стояли полковники и капитаны, командовавшіе на войнѣ батальонами и полками. Въ ней за солдатъ, кромѣ офицеровъ,

были юноши юнкера и дѣти кадеты и лишь изрѣдка попадались старые солдаты, оставшіеся вѣрными Россіи. Это дѣлало ее сильной духомъ въ бояхъ. Никакая другая часть не могла такъ наступать, не могла такъ блестяще рѣшать самыя сложныя тактическія задачи, такъ смѣло дѣлать неудержимыя лобовыя атаки и такъ математически точно, по часамъ, дѣлать самые сложные обходы. Она состояла изъ профессіоналовъ военнаго дѣла, притомъ больше половины этихъ профессіоналовъ прошли трехлѣтній практическій курсъ на войнѣ. Въ этомъ отношеніи она была подобна полкамъ старыхъ временъ, когда солдатское дѣло было ремесломъ и, когда солдатъ воевалъ всю жизнь. Добровольцы этой эпохи въ боевомъ отношеніи уподоблялись героямъ Фридриха Великаго, Суворовскимъ чудо-богатырямъ, Наполеоновской старой гвардіи.

Но большинство добровольцевъ было изнѣжено предыдущей жизнью, какъ офицеры, было избаловано и потому сильно страдало отъ невзгодъ похода, легко заболѣвало. Строго, сурово дисциплинированные въ строю и въ бою, они позволяли себѣ «всякій смѣть свое сужденіе имѣть» внѣ строя — и служба охраны, развѣдки, караульная служба и, особенно, внутренній порядокъ въ частяхъ были невысоки...

По понятіямъ народа, армія была к а д е т с к а я и въ политическомъ и въ буквальномъ значеніи этого слова, б у р ж у й с к а я, — г о с п о д с к а я, п о м ѣ щ и ч ь я — и ея враги, большевики, при своей агитаціи противъ нее это все использовали. Армія вела к ъ п р о к л я т о м у ц а р и з м у, армія шла противъ п р о л е т а р і а т а, стремилась возстановить прежнія отношенія между с л у г а м и и г о с п о д а м и, вернуть подъ о ф и ц е р с к у ю п а л к у, снова о т д а т ь п о м ѣ щ и к а м ъ з е м л ю.

Поэтому армія въ крестьянскихъ селахъ и деревняхъ была встрѣчаема недружелюбно. Присутствіе въ ней офицеровъ разныхъ полковъ и понятій вносило политическій сумбуръ въ ея ряды. Это усиливалось еще тѣмъ, что при арміи двигалось много партійныхъ вождей, бывшихъ членовъ Государственной Думы, писателей и публицистовъ, тѣхъ людей, которыхъ, однажды, на походѣ, Корниловъ весьма мѣтко назвалъ обломками политическаго хлама. Въ армію внесена была политика, а политика исключаетъ армію, какъ армія исключаетъ политику.

Въ Добровольческой Арміи почти не было конницы. Маленькая группа офицеровъ и казаковъ, небольшой отрядъ Полковника Глазенапа, который ему удалось довести до Ростова — вотъ и вся конница... А между тѣмъ и мѣстность — равнина, и характеръ войны съ неорганизованными, легко поддающимися паникѣ бандами требовалъ многочисленной и лихой кавалеріи. При арміи двигалось 6 орудій и на всѣхъ нихъ имѣлось всего 1000 снарядовъ. Армія не имѣла въ достаточномъ количествѣ шанцеваго инструмента, инженернаго имущества, средствъ связи. Въ ней были только люди, которые все это знали и которые могли, какъ только имъ дадутъ возможность, создать весь сложный механизмъ арміи. Шла душа Россійской арміи, лишенная тѣла. Были пружины, но не хватало колесъ, которыя эти пружины должны были двигать.

При Добровольческой Арміи почти не было врачей, санитаровъ, профессіональныхъ сестеръ милосердія. Ихъ замѣняли жены и сестры чиновъ арміи, аристократки бѣженки, собравшіяся на югъ. Онѣ несли свои обязанности съ величайшимъ мужествомъ и самоотверженіемъ, но у нихъ часто не хватало элементарныхъ практическихъ знаній.

Медикаментовъ было мало. Перевязочныхъ

средствъ почти не было, не было антисептическихъ снадобій и ничтожныя раны оканчивались смертью.

Корниловъ все это зналъ. Но онъ и шелъ не воевать. Онъ шелъ, чтобы унести душу Россійской Арміи до лучшихъ дней, когда можно будетъ вернуть ее здоровому тѣлу.

Всякая армія имѣетъ б а з у, откуда она питается и имѣетъ надежные, тщательно охраняемые пути сообщенія съ этой базой. У Добровольческой Арміи базы не было. Ея база была: — пролетка генерала Алексѣева съ сундукомъ набитымъ деньгами, далеко недостаточными, однако, чтобы долго питать армію, ея база была — вѣра въ доброту Русскаго человѣка и въ великое «Христа ради». Ея база была глубокая непоколебимая вѣра въ то, что Россія погибнуть не можетъ, что она снова будетъ великая, единая и недѣлимая. Этою вѣрою были проникнуты всѣ отъ ея вождя до послѣдняго рядового офицера. Ея база были союзники, которые должны побѣдить нѣмцевъ. Ея база была эта побѣда союзниковъ и вѣра въ то, что тогда союзники спасутъ душу Россійской Арміи. Никто тогда не задумывался надъ тѣмъ, нужна ли англичанамъ и французамъ сильная и могущественная Русская армія тогда, когда они побѣдятъ нѣмцевъ.

Всякая армія имѣетъ опредѣленную цѣль дѣйствій и для этого подбираетъ пути, по которымъ стремится къ этой цѣли. Добровольческая армія этой цѣли не имѣла, — кромѣ отдаленной и туманной, — спасти Россію отъ большевиковъ. Она шла, во всякомъ случаѣ, отъ этой цѣли, потому что съ каждымъ днемъ удалялась отъ Москвы и сердца Россіи.

Наконецъ, всякая армія имѣетъ опредѣленнаго врага, котораго развѣдываетъ, отъискиваетъ и съ которымъ борется. Она имѣетъ, такимъ образомъ, фронтъ, фланги и тылъ. Добровольческая армія опредѣленнаго врага не имѣла. Въ февралѣ и мар-

тѣ 1918 года власть народныхъ комиссаровъ еще не дошла до юго-востока Россіи. Въ Царицинѣ сидѣлъ совдепъ, который не считалъ себя обязаннымъ исполнять приказанія Ленина и Троцкаго, у Ставрополя командовалъ скопившимися здѣсь и случайно осѣвшими войсками, двигавшимися съ Кавказскаго фронта, кубанскій фельдшеръ Сорокинъ, ловкій демагогъ, полуобразованный, начитанный человѣкъ, не лишенный пониманія военнаго дѣла, который колебался съ кѣмъ ему идти — съ народными-ли комиссарами, или съ генераломъ Алексѣевымъ и пока что дѣйствовалъ и противъ тѣхъ и противъ другого.

На путяхъ Добровольческой Арміи, между Тихорѣцкой и Владикавказомъ, въ бронированныхъ поѣздахъ и шести составахъ эшелоновъ самодержавно царилъ маленькій круглый Автономовъ, типичный провинціальный актеръ, когда-то, и очень недавно, просто шалопай футболистъ. Окруженный экзотической, интернаціональной свитой шуллеровъ, онъ игралъ въ салонъ вагонѣ своего эшелона въ карты, налагалъ контрибуціи на Армавиръ и Владикавказъ, говорилъ рѣчи своимъ солдатамъ и сражался съ добровольцами только потому, что они своимъ походомъ сокращали линіи его разъѣздовъ и возможность получать хабару деньгами и натурой. Это былъ желѣзно дорожный Стенька Разинъ, вмѣсто расписныхъ челновъ имѣвшій красныя теплушки и салонъ вагоны. Онъ тоже не считался съ интернаціоналомъ, возсѣвшимъ въ Москвѣ, не считался отчасти потому, что и связь то съ Москвою наладить и установить по тогдашнему смутному времени было нелегко.

Все это зналъ генералъ Корниловъ, и потому онъ считалъ возможнымъ идти на востокъ безъ базы, безъ лошадей, безъ пушекъ, безъ снарядовъ, безъ патроновъ, безъ медикаментовъ... безъ солдатъ.

Корниловъ зналъ, что, когда колебанія у Сорокина, Автономова и тысячъ имъ подобныхъ кон-

чатся въ пользу Россіи — онъ получитъ и базу, и лошадей, и пушки и амуницію, получитъ и солдатъ... Онъ шелъ, чтобы спасти Русское офицерство до этого момента.

XX.

Люди создаютъ планы и современникамъ эти планы кажутся весьма остроумно придуманными и сулящими несомнѣнный успѣхъ. Но въ планы и разсужденія ихъ вмѣшивается какой то маленькій привходящій элементъ и все измѣняется и принимаетъ иныя формы и приводитъ къ другимъ результатамъ.

Корниловъ дѣлалъ ставку на союзниковъ, на ихъ помощь послѣ побѣды надъ нѣмцами и на офицеровъ, какъ на единственный оставшійся здоровымъ элементъ въ Россіи. Онъ считалъ, что большевики не способны ни къ какой организаціи, что буржуазные круги и особенно военные и офицеры будутъ саботировать ихъ власть и что Россія вернется къ разумному рѣшенію: — бросить враговъ Родины и обратиться къ тѣмъ, кто ей желаетъ спасенія. Это было такъ разумно, что казалось иначе и быть не могло.

Но Корниловъ не учелъ того, что къ нему, послѣ цѣлаго ряда тяжелыхъ скитаній и мытарствъ прибыли лучшіе офицеры Россійской арміи, которые мало были склонны думать о будущемъ, но думали о настоящемъ и хотѣли не спасать свою шкуру, а драться и умирать, или побѣждать. Корниловъ не учелъ того, что Павликъ и Ника Полежаевы и поручикъ Ермоловъ вѣрили въ свои молодыя силы и стремились ихъ отдать на служеніе Родинѣ, что Беневоленскій хотѣлъ мстить за замученнаго отца, что графъ Конгринъ никогда не проститъ раззоренія его имѣнія и страшнаго надругательства надъ прахомъ его матери и предковъ,

что баронесса Борстенъ стала ненормальной отъ сцены истязаній ея близкихъ, и что всѣ эти Павлики, Ники, Ермоловы, Беневоленскіе, графы Конгрины и баронессы Борстенъ видятъ въ каждомъ Русскомъ солдатѣ и Русскомъ крестьянинѣ своего обидчика и смертельнаго врага и не могутъ быть спокойными.

Корниловъ, снисходительно допуская въ свой, и безъ того большой, обозъ подводы съ политическими дѣятелями и журналистами упустилъ изъ виду, что ихъ мозги не могутъ заснуть и быть парализованными на все время похода, онъ забылъ, что въ ихъ головахъ будутъ рождаться непрерывно планы спасенія Родины и противъ воли своей онъ будетъ вовлеченъ въ исполненіе этихъ плановъ.

Вступая на землю Кубанскихъ казаковъ Корниловъ не учелъ того, что Кубанцы могутъ увлечься стройнымъ видомъ его полковъ, вспомнить былую славу своихъ отцовъ и пойдти съ нимъ освобождать свой край отъ поборовъ Автономова и набѣговъ Сорокинскихъ шаекъ.

Наконецъ, врядъ ли Корниловъ, могъ допустить, что его товарищи по Академіи — Незнамовъ, Балтійскій, Лебедевъ, Бончъ-Бруевичъ станутъ преподавать основы стратегіи Лейбѣ Бронштейну для того, чтобы тотъ разрушалъ великую Россію во славу III интернаціонала и міровой революціи, что его бывшій начальникъ фронта генералъ адъютантъ Брусиловъ и его ближайшіе начальники на войнѣ Клембовскій, Зайончковскій, Парскій, Сытинъ, Гуторъ, и другіе всю силу своего образованія и ума положатъ на формированіе красной арміи въ противовѣсъ его Добровольческой Арміи.

Корниловъ не могъ этого знать напередъ и не могъ учесть всѣ эти причины, а потому онъ и не могъ предвидѣть того, что заставитъ его измѣнить планы.

Люди могутъ, конечно, отрицать Высшій Промыселъ и участіе воли Божіей въ ихъ дѣлахъ. Люди могутъ въ ослѣпленіи своей гордости говорить, что Бога нѣтъ и что все зависитъ отъ нихъ, но въ историческихъ судьбахъ народовъ, да и не только народовъ, но даже единичныхъ людей, случается такъ много независимо воли этихъ людей и чаяній народовъ, что даже самые скептики должны, въ концѣ концовъ, признать, что крупныя событія исторіи міра совершаются помимо ихъ воли и направляются изъ невѣдомаго и непостижимаго Разума, который, какъ ни называй они, все Богомъ былъ — Богомъ и останется.

XXI.

Безъ хорошей обуви и одежды... Къ Корнилову бѣжали въ чемъ Богъ помогъ вырваться изъ рукъ осатанѣвшихъ солдатъ. На пути подвергались неоднократнымъ ограбленіямъ и раздѣваніямъ, приходилось прибѣгать къ самымъ фантастическимъ маскарадамъ и въ вербовочныя бюро генерала Алексѣева являлись въ опоркахъ, рваныхъ пиджакахъ и вѣтромъ подбитыхъ пальто, а снабдить добровольцевъ обмундированіемъ, отъ котораго ломились Ростовскіе склады Донское правительство отказало: — самимъ, дескать, понадобится. Да и косо смотрѣло на добровольцевъ тогдашнее войсковое правительство, въ которомъ многіе колебались между Калединымъ и Подтелковымъ, стремились углублять революцію, въ этомъ видѣли завѣтныя свои цѣли и добровольцевъ называли: кадетами, буржуями и контръ-революціонерами.

Почти безъ денегъ... Алексѣеву консорціумъ Московскихъ банковъ обѣщалъ милліоны и не далъ ничего, таже исторія повторилась и въ Ростовѣ. Реквизировать было нельзя: — въ Москвѣ силы не было, въ Ростовѣ не позволили бы казаки.

Плохо вооруженные и безъ запасовъ военныхъ шли добровольцы по глухой степи. Въ февралѣ и мартѣ стоитъ въ прикубанскихъ степяхъ самая тяжелая для похода погода. То свѣтитъ яркое солнце, тепло, какъ лѣтомъ, въ небѣ поютъ жаворонки, то вдругъ задуетъ суровый вѣтеръ изъ Азіи, полетитъ пурга, намететъ сугробы снѣга чуть не въ аршинъ, а на завтра все это таетъ, звенитъ безчисленными ручьями по степи, растворяетъ рыхлую почву и по колѣно уходитъ въ нее нога пѣшехода. А еще черезъ день морозъ, все сковано льдомъ, степь блеститъ, какъ остекленная и въ мокрой со вчерашняго дня шинели насквозь продуваетъ морозный вѣтеръ. А потомъ весенній теплый дождь и снова морозъ. Ничтожные ручьи по балкамъ, которыхъ лѣтомъ совсѣмъ и не видно, раздуваются потоками, несутся струями мутной желтой воды, бурлятъ, пѣнятся, и въ нихъ приходится по грудь и по поясъ искать переправы. Мосты, гдѣ они были, снесены, обходные пути за много верстъ. Кругомъ озлобленное населеніе. Оно не разбирается, кто большевики, кто «кадеты». Приходятъ, требуютъ ночлега, вниманія, отнимаютъ хлѣбъ, подводы, лошадей, — ясно: — враги. Отойдти отъ колонны, отстать: — рисковать быть убитымъ неизвѣстною рукою. Добровольческая армія была такъ малочисленна, такъ ничтожна по своему фронту, что она не оттѣсняла врага, заставляя его отступать, а входила въ него и постепенно становилась окруженной врагомъ со всѣхъ сторонъ. Она вела бои на всѣ стороны и ея громадный обозъ всегда сопровождалъ большой арьергардъ.

Она таяла отъ боевъ: — убитыми и ранеными, еще болѣе таяла отъ болѣзней, но численно она увеличивалась. Свѣтлая вѣра добровольцевъ въ спасеніе Россіи, страстная любовь къ Родинѣ, величайшіе подвиги мужества, совершаемые на глазахъ у всѣхъ, увлекали станичную и слободскую

молодежь и новые добровольцы становились на мѣста тѣхъ, кто уходилъ въ вѣчность. Эти люди имѣли одно военное качество: — храбрость. Но они не умѣли стрѣлять, не умѣли даже зарядить винтовку. Ихъ приходилось обучать на походѣ, показывать пріемы, лежа въ какой нибудь канавѣ, или за валомъ въ резервѣ во время боя. Армія и воевала и обучалась и это отзывалось на ея боеспособности. Чудо-богатыри, вышедшіе изъ Ростова исчезли изъ ея рядовъ, ихъ смѣняла молодежь, безъ воинскаго воспитанія, безъ впитавшихся въ плоть и кровь годами корпуса, училища и войны понятій о рыцарской чести и доблести.

Съ 23-го февраля начались бои. Первый большой бой былъ у села Лежанки. А потомъ и пошло: 1-го марта дрались у Березанской, 2-го у Журавскаго хутора, 3-го у вторыхъ выселокъ этого хутора, 4-го у Кореновской, 6-го у Усть-Лабинской и т. д. Станица, хуторъ, случайная роща, плетень, балка, высоты — отовсюду стрѣляли винтовки, трещалъ пулеметъ, грохотала артиллерія, вездѣ маячили неизвѣстные конные люди, обходили съ фланга, показывались въ тылу. Все надо было брать съ боя. Всѣ были обстрѣляны. Сестры милосердія видѣли близкіе разрывы шрапнелей, гранаты рвались въ пятистахъ шагахъ отъ обоза и раненые съ землистыми лицами и глазами полными невыразимой муки прислушивались къ гулу орудій, совсѣмъ недалекому треску пулеметовъ и ружей и ждали, когда новыя пули и осколки станутъ пронизывать и рвать ихъ еще не зажившее тѣло. Бѣженцы были обстрѣляны. Надъ ихъ головами пѣла свою ядовитую пѣсню пулеметная пуля и съ блѣдными лицами и застывшими печальными улыбками на щекахъ матери прижимали къ себѣ дѣтей и ждали когда и чѣмъ это кончится.

Муки казались дошедшими до предѣла, но каждый новый день приносилъ еще новыя страданія и мученія и слѣдствіемъ этихъ непрерывныхъ

страданій являлось утомленіе арміи. Въ арміи народилось страстное желаніе отдохнуть, найдти теплый кровъ, свѣжее бѣлье, возможность помыться и поспать спокойно, не слыша выстрѣловъ, не ожидая боя.

Подобно тому, какъ въ Японскую войну Ляоянъ зачаровалъ общественное мнѣніе и казался неприступной твердыней, о которую разобьются японцы и начнется наступленіе Манджурской арміи, такъ, въ Добровольческой Арміи, сначала въ обозѣ, среди бѣженцевъ и раненыхъ, а потомъ и въ рядахъ строевыхъ частей, такою обѣтованною землею сталъ казаться Екатеринодаръ. Взять Екатеринодаръ и начнется спасеніе. Соединиться съ кубанскими казаками, только что оставившими подъ напоромъ большевиковъ этотъ самый Екатеринодаръ и поднимется вся Кубань. А поднимется Кубань, встанетъ и Терекъ, захватитъ волна и Донъ и казаки освободятъ Россію!

Это значеніе Екатеринодара и казаковъ усиливалось и тѣмъ, что по мѣрѣ углубленія добровольческой арміи въ Кубанскую область въ ея рядахъ становилось больше казаковъ. Изъ Екатеринодара къ добровольческой арміи шла конница, которой такъ недоставало Корнилову. Все это заставило Корнилова измѣнить свои планы, уходить безъ боя, спасая душу арміи и по возможности, уклоняясь отъ боя и повернуть на Екатеринодаръ. 14-го марта у аула Шенджи южнѣе Екатеринодара добровольческая армія соединилась съ генераломъ Покровскимъ и кубанскими конными полками.

Кубанцы торговались за власть. Они не хотѣли покоряться добровольцамъ, но признали власть Корнилова и добровольческая армія стала втрое сильнѣе.

Пошли на Екатеринодаръ.

XXII.

Шли горами. Мягкіе отроги Кавказскихъ горъ безконечными цѣпями спускались въ степь и расплывались въ ней. По краямъ балокъ росли кустарники, въ низинахъ было болото, ручьи журчали по каменнымъ блестящимъ скаламъ, по мокрой топкой землѣ.

15-го марта густой низкій туманъ окуталъ землю и шелъ мелкій пронизывающій дождь. Безъ пѣсенъ, промокшіе насквозь, густыми рядами шли добровольцы по грязной тѣснинѣ, спускаясь къ бурной вздувшейся рѣкѣ. Моста не было. Передовые дозоры, — молодые офицеры, помялись на берегу и потомъ рѣшительно пошли въ воду и провалились по горло... За ними пошла колонна. Потомъ обозъ. Сестры и легко раненые, которые могли стоять, вставали на телѣгахъ и стояли, держась другъ за друга. Ледяная вода заливала ноги, мочила и сносила солому изъ телѣгъ, отъ толчковъ люди падали, лопались повязки, открывались и сочились кровью раны. Тяжело раненые, больные, въ лихорадочномъ бреду, въѣзжали въ рѣку, вода мочила ихъ спину, поднималась до боковъ, на секунду захлестывала бѣлыя страдающія лица, заливала большіе воспаленные лихорадочные глаза....

— Пошелъ, пошелъ!, кричали въ ужасѣ доктора и санитары.

— Господи! Что же это такое!, говорили сестры въ мокрыхъ юбкахъ и кофтахъ, сами падая на телѣги и стараясь приподнять надъ водою головы умирающихъ.

Раненые не стонали. Что испытывали они въ эти мгновенья кошмарныхъ грезъ, претворенныхъ въ явь, никто не зналъ и не могъ передать!

Крутой глинистый подъемъ былъ за рѣкою съ наѣзженными красными колеями и со скрипящими подъ ободомъ колесъ круглыми камнями. Когда поднялись — широкая степь развернулась за бал-

кой. Былъ перевалъ. По этому перевалу гулялъ ледяной вѣтеръ. Дождь смѣнился снѣжной пургой и температура упала на нѣсколько градусовъ ниже ноля. Мокрыя шинели, мундиры, рубахи, шаровары, сапоги, обмотки, въ нѣсколько минутъ замерзли и ледянымъ панцыремъ покрыли людей. Офицеры и солдаты стали останавливаться, казалось вотъ вотъ они замерзнутъ и степной морозъ остановитъ біеніе сердца Добровольческой Арміи.

— Хороши, господа панцырники! — вдругъ весело воскликнулъ Ника и ударилъ кулакомъ по груди брата. Ледъ треснулъ и шинель стала ломаться.

— Такъ, такъ! тузи другъ друга! Согрѣвайтесь. господа! Прыгайте, бѣгайте, — кричали пятидесятилѣтніе генералы и сами дрались и возились какъ дѣти.

— Впередъ! Впередъ!

Дружно Корниловцы въ ногу!
Съ нами Корниловъ идетъ.

Вспыхнула пѣсня и пошла, какъ насмѣшка могучей воли человѣка, частицы Божества, надъ жестокой природой.

Опять спускъ. Опять несущаяся въ стремнинѣ рѣка, пѣна, кипящая у камней и въ излучинахъ у темныхъ береговъ, невѣдомая глубина и холодъ, который долженъ заморозить остатки силъ, убить искусственно возбужденное тепло....

Послали двухъ плѣнныхъ искать брода и нашли по грудь въ водѣ.

Красивый молодой генералъ, въ бѣлой папахѣ, въ черныхъ погонахъ добровольческой арміи, съ улыбкой на лицѣ, какъ будто бы собираясь сдѣлать какую то шалость, увѣренными ловкими шагами хорошо тренированнаго человѣка, по обледенѣлому спуску сошелъ къ рѣкѣ и пошелъ, раздвигая руками ледяную воду. За нимъ спокойно пошла колонна.

— Сы-ро-ва-то!, блестя веселыми глазами, сказалъ на серединѣ рѣки генералъ и улыбнулся счастливой улыбкой. Въ этой улыбкѣ, помимо его воли, отразилось неосознанное счастье совершаемаго подвига и съ губъ его сорвалось слово, ставшее историческимъ.

Съ этого дня имя генерала Маркова, уже извѣстное добровольцамъ, какъ имя безстрашнаго и смѣлаго генерала, стало на устахъ у всѣхъ, какъ имя человѣка, шуткою побѣдившаго природу.

— Да, сыровато, — дрожа и булькая повторилъ его маленькій сосѣдъ, захлебываясь въ потокѣ и, когда вышли на верхъ, на перегибъ горнаго хребта на ледяной вѣтеръ, когда обмерзли снова, и готовы были пасть духомъ, — услыхали недальніе выстрѣлы и увидали въ разсѣивающемся, гонимомъ ледянымъ вѣтромъ туманѣ, летящемъ надъ горами, какъ клочья паровознаго дыма, такъ знакомую фигуру Корнилова. Онъ, обледенѣлый, какъ и всѣ скакалъ впередъ на выстрѣлы.

Къ ночи вошли съ боемъ въ большую Ново-Дмитріевскую станицу и всю ночь по улицамъ ея гремѣли выстрѣлы: — добровольцы выгоняли большевиковъ изъ теплыхъ хатъ и вели кровавый бой за каждый уголъ, гдѣ бы можно было обогрѣться и пріютить и накормить раненыхъ.

Два дня 17 и 18-го марта, у Ново-Дмитріевской шелъ бой и раненыхъ сушили, перевязывали, а умершихъ хоронили подъ звуки то затихавшей, то начинавшейся снова орудійной канонады, ружейной и пулеметной трескотни.

Оля устремляла глаза къ небу и забывая, что она и холодная, и голодная, и мокрая молила объ одномъ: — Господи! Когда, когда же конецъ всему этому!....

И, во всемъ отрядѣ стала одна мысль, одна мечта:

— Екатеринодаръ...

Однимъ онъ рисовался въ видѣ теплой хаты съ мягкой постелью съ перинами и подушками. Надъ

постелью висятъ иконы, горитъ лампадка. Тепло, сухо, сытно и можно спать сколько хочешь. Другимъ видѣлись хорошо обставленныя комнаты, ярко горящее электричество, ванна, чистое, охотно одолженное какимъ то невѣдомымъ богатымъ Екатеринодарскимъ жителемъ бѣлье, хорошій обѣдъ, — этакій настоящій малороссійскій борщъ съ бураками, красный, съ жирными сосисками, кусками ветчины и сала со шкурой, графинъ водки, курица съ соусомъ, какія нибудь аладьи, или ватрушки со сметаной. Третьимъ грезился кинематографъ, обрывки томящей душу музыки на пьянино, пестрая вереница картинъ, говорящихъ о какой то чужой, спокойной, яркой жизни, гдѣ нѣтъ безконечной степи, переваловъ, ручьевъ, ледяного вѣтра, голода и холода, гдѣ не видно косыхъ недружелюбныхъ взглядовъ, гдѣ не нужно разстрѣливать комиссаровъ, гдѣ не стонутъ раненые... Четвертымъ грезилась встрѣча съ тѣми, кто былъ тутъ недалеко въ обозѣ, кто думалъ о нихъ и о комъ думали и кого не удалось видать во всѣ эти жуткіе дни. Живы ли они? Надо думать, что да, если бы не живы были, вѣроятно кто либо сказалъ объ этомъ. Пятые мечтали о прекращеніи страшныхъ, мятущихъ душу кошмаровъ, которые схватываютъ въ лихорадочномъ бреду и идутъ не прекращаясь, но все усиливаясь и на яву. И не знали они, что было кошмаромъ и что явью. Кошмаромъ ли явился горный потокъ, подхватившій подводу и унесшій изъ подъ болящаго тѣла солому, сдѣлавшій мокрымъ шинель и одѣяло, промочившій и самые мозги, или явью были какіе то свѣтлые духи, летавшіе передъ глазами, распростиравшіе серебряныя крылья и пѣвшіе невѣдомую пѣсню блаженства....

Всѣ мечтали объ отдыхѣ отъ боевъ, о томъ, чтобы оправиться и съорганизоваться, одѣться и вооружиться и тогда воевать.

27-го марта подошли къ Екатеринодару и съ му-

жествомъ отчаянія осадили его своими небольшими силами.

XXIII.

О! эти думы!... Думы безъ конца... О любимомъ человѣкѣ думы!... Онъ простился вчера вечеромъ, забѣжавши на минуту къ лазаретной хатѣ и сказалъ то, что давно было на его устахъ и чего, не сознавая того ждала и хотѣла Оля.

День былъ солнечный, радостный, весенній. Было тепло, пахло землею и трава выпирала тонкими иголками изъ земли, а почки на кустахъ сирени пухли на глазахъ. Днемъ переправлялись черезъ Кубань и былъ бой у Елизаветинской. Олѣ кто то сказалъ, что Ермоловъ убитъ. Остановилось ея сердце и руки безпомощно опустились. Оля не могла больше работать. Она вышла изъ хаты, сѣла на рундукѣ у задняго крыльца и смотрѣла вдаль. Сзади нея догорало въ степи солнце и спускался золотой пологъ надъ голубѣющей степью, передъ нею былъ небольшой садъ съ молодыми вишневыми деревьями и яблонями со стволами, обмазанными бѣлою известкой. Въ углу, въ сараѣ, копошились на насѣстяхъ куры и недовольно клохтали, точно ругались между собою изъ за мѣста. Свѣжею сыростью тянуло отъ земли. На мокрыхъ дорожкахъ отчетливо были видны маленькіе слѣды — Олины слѣды. Она ходила къ забору и смотрѣла на туманное пятно внизу, пятно густыхъ садовъ, пирамидальныхъ тополей, домовъ и церквей. Это Екатеринодаръ, который добровольцы пойдутъ завтра брать.

Такъ много за эти дни было смертей, страданій и мукъ, что, казалось, притупилось, огрубѣло и закалилось въ страданіяхъ сердце. Послѣ ледяного похода, на ея рукахъ умеръ мальчикъ гимназистъ, высушить его сѣрую шинельку со свѣтлыми пуговицами такъ и не удалось. Онъ все звалъ маму, все

просилъ затопить каминъ и согрѣть и обсушить его платье. «Мама!», говорилъ онъ, — «я больше не буду. Я никогда, никогда больше не буду купаться въ одеждѣ».

«Гдѣ его мама!? Кто его мама? Знаетъ ли она о томъ, что его зарыли на окраинѣ станицы, тамъ, куда не долетали пули. Найдетъ ли она его. И какъ найдетъ».

Умеръ суровый и хмурый Беневоленскій. И не мучился долго. Принесли его съ разбитою прикладомъ грудью. Онъ харкалъ кровью и поводилъ по сторонамъ глазами. Все хотѣлъ что то сказать и не могъ. И только передъ самой смертью онъ, наконецъ, выговорилъ: — «здѣсь не удалось отомстить — отомщу на томъ свѣтѣ.... вотъ»... И затихъ.

Въ конной атакѣ на смерть убита шрапнелью баронесса Борстенъ, легендарный палачъ комиссаровъ и коммунистовъ.

Графа Конгрина хоронили вчера. Простудился, зачахъ и завялъ въ какіе нибудь три дня...

Ну что же? И онъ... Всѣ... Всѣ должно быть погибнуть. И почему онъ долженъ жить, когда тѣ погибли. Да и для чего жить?....

И такъ же, какъ тысячамъ другихъ людей, съ нею вмѣстѣ страдавшимъ и грезившимъ о Екатеринодарѣ, Олѣ стало казаться, что жить стоило и что счастье ее ожидало бы въ Екатеринодарѣ. А теперь, когда его нѣтъ, когда и его убрала неумолимая судьба ей и Екатеринодара не нужно. Ничего не нужно.

Еще такъ недавно было счастье. Была культура, была красота. Былъ домъ, въ которомъ спокойно и безбоязненно жилось, была изнѣженная сытость, картины, музыка, театръ. Все это было просто, доступно, все это радовало и украшало жизнь. Это вошло въ плоть и кровь и стало потребностью.

Не далѣе, какъ три дня тому назадъ сестра Ирина вечеромъ сказала санитару Ѳедору: «Ѳедоръ, ты

бы хотя на гармошкѣ намъ поигралъ. Такъ тошно безъ музыки».

Тогда это не ощущалось. Въ гостиной стоялъ рояль, лежала скрипка Ники, грудой навалены были ноты и самый воздухъ былъ пропитанъ музыкой и пѣніемъ... А опера... А «Евгеній Онѣгинъ!!...

Въ мутномъ маревѣ дали показались гирлянды огней Екатеринодара. Болью сжалось сердце, а память проклятая напомнила мотивы и сладостью прошлыхъ мгновеній смущаетъ умъ... «Слыхали-ль вы... Слыхали-ль вы, за рощей гласъ ночной... Пѣвца любви... Пѣвца своей печали»...

Пригрезился громадный оркестръ и мягко плывущіе звуки, почудилась декорація дома и сада, березы на первомъ планѣ и широкая Русская даль полей и пологихъ холмовъ. И звучалъ въ ушахъ мягкій голосъ, сплетающійся съ другимъ голосомъ. Встали воспоминанія и гнали думы безотрадныя о настоящемъ и будущемъ.... Какъ хороша, какъ проста была жизнь!

.... Мягкій свѣтъ скупо просачивается сквозь опущенную занавѣсъ спальни и кротко глядятъ изъ угла лики святыхъ на иконахъ, гдѣ догораетъ лампадка. У окна благоухаютъ цвѣты. Узкая дѣвичья постель мягка и уютна. Впереди цѣлый день красоты. Безъ усилія, — стоитъ только прикоснуться къ маленькой пуговкѣ электрическаго звонка, и явится толстая привѣтливая Марья съ подносомъ съ кофе со сливками, съ масломъ и булочками, со всѣмъ чего только она ни захочетъ. За нею шумный и ласковый ворвется Квикъ....

.....Урокъ рисованья... На столѣ въ мраморной вазѣ букетъ рѣдкихъ цвѣтовъ. За нимъ драпировка. Передъ Олей вода въ стаканѣ, палитра медовыхъ красокъ на рукѣ и на плотной Ватманской бумагѣ мягкими мазками воскресаютъ цвѣты. Учительница, милая Вѣра Николаевна, рисуетъ тутъ же рядомъ. Незамѣтно подкрались часы прогулки.

Нева... Красивая линія дворцовъ и на томъ берегу низкія стѣны гранитной твердыни, золотой шпиль и темныя воды, или бѣлый просторъ широкой рѣки. По набережной мчатся санки. Пара вороныхъ рысаковъ подъ синею сѣткой, четко стуча копытами несется навстрѣчу. Въ саняхъ въ красивомъ манто, въ накидкѣ изъ соболей разрумянившаяся веселая женщина и рядомъ съ нею офицеръ въ шинели съ бобровымъ воротникомъ. Это графъ и графиня Палтовы.... Казачій офицеръ Маноцковъ на чудномъ караковомъ конѣ въ одномъ темносинемъ чекменѣ и легкомъ кавказскомъ башлыкѣ, накинутомъ небрежно на плечи скачетъ, догоняя сани. Навстрѣчу идетъ матросъ гвардейскаго экипажа. Что за красавецъ мущина! Молодая русая борода расчесана и лоснится, фуражка съ георгіевскими лентами надѣта на бокъ и на черной шинели горятъ золотыя пуговицы и алыя петлицы...

Какъ красивъ милый родной Санктъ-Петербургъ!

Дома почта. Письма со всѣхъ краевъ свѣта. Лондонскіе кипсеки, французскія иллюстраціи и милыя письма старой няни изъ деревни на сѣрой бумагѣ и въ грязномъ конвертѣ. Мамины письма изъ Италіи, гдѣ въ сказочной красотѣ умирала милая незабвенная мама.

Изъ душевныхъ переживаній, тонкихъ и красивыхъ слагалась жизнь. Не страдало тѣло, но за него мучилась, страдала и парила душа. Тѣло забывалось и о немъ было непріятно и неприлично говорить. Тонкая поэзія Боделэра и Мюссэ, фантастическія исканія Эдгара Поэ, недоговоренныя муки сложныхъ романовъ Оскара Уайльда создавали иной міръ, непохожій на міръ земной. Ярко среди него свѣтила религія и вѣра, но и вѣра полна была тайной влекущей мистики и въ ней стремились отрѣшиться отъ тѣла и заглянуть по ту сторону бытія... Слушали разсказы о чудесахъ, о видѣніяхъ о таинственныхъ пророчествахъ. Сама смерть была

обставлена такъ, что про нее забывали и была красота и въ смерти. Помнитъ Оля красивый гробъ, утопающій въ бѣлыхъ розахъ, нарциссахъ и гіацинтахъ. На бѣлой атласной подушкѣ завитые парикмахеромъ лежатъ кольцами золотые волосы. Бѣлое лицо съ обвострившимся носомъ кажется выточеннымъ изъ мрамора и трепещутъ на немъ тѣни черныхъ рѣсницъ. Кругомъ красота черныхъ траурныхъ туалетовъ, блескъ эполетъ и перевязей, дѣвушка въ черномъ платьѣ и мальчикъ въ Пажескомъ мундирѣ на колѣняхъ у гроба. Въ гробу Вѣра Константиновна Саблина. У гроба — Таня и Коля.

Потомъ война. И въ войнѣ была красота. На фронтѣ въ конной атакѣ убили Колю и въ смерти его былъ незабываемый подвигъ... Убитъ былъ лихой и безпутный Маноцковъ и про его лихое дѣло писали въ газетахъ. На войнѣ умирали, мучились, страдали, но въ столицу и смерть и страданья приходили, претворенныя въ красоту подвига и про смерть забывалось.

Тѣснила и жала война... Не всегда подавали тѣ булки къ чаю, которыя хотѣлось, забрали рысаковъ по военно-конской повинности и сдали ихъ въ артиллерію. Запаздывали Лондонскіе кипсеки и французская иллюстрація приходила неаккуратно, многіе номера были потеряны. Изъ деревни письма не доходили. Были заминки, были неудобства, но жизнь шла все такая же, сложная, духовная, полная тонкихъ переживаній и глубокихъ думъ.

Но пришла революція. Были сорваны родные Русскіе цвѣта и на мѣсто нихъ подъ самымъ окномъ нависла красная тряпка. Увезли въ далекую Сибирь Государя и его семью. Отецъ неизвѣстно гдѣ скитается и четвертый мѣсяцъ о немъ ничего не слышно. Нѣтъ ни писемъ, ни газетъ, ни иллюстрацій. Братья бѣжали. Генерала Саблина схватили солдаты и тащили куда то, и изъ всего сложнаго красиваго міра остались Павликъ и Ника.

сестра Валентина, Ермоловъ и молодежь, обреченная на смерть.

Какъ то сразу простая и красивая жизнь стала сложною и безобразною. Мелочи жизни выплыли на первый планъ и тѣло незамѣтное въ прежней духовной красивой жизни нагло подняло голову и заговорило властно и требовательно. И, чтобы не опуститься, не забыть завѣты красоты приходилось бороться съ самою собой. Голодъ, отсутствіе привычнаго комфорта, слоняніе изъ угла въ уголъ въ толпѣ, страданія ближнихъ, страданія своего тѣла, грязь — все это убило красоту и поставило Олю лицомъ къ лицу передъ тѣмъ страшнымъ, что называется жизнью.

Павликъ укралъ у крестьянки полотно и изъ него шили рубахи для раненыхъ и сестеръ и Олѣ сшили изъ этого полотна рубашку. Третьяго дня, санитаръ, по просьбѣ сестры Ирины, съ дракой отнялъ у казака каравай бѣлаго хлѣба и его подѣлили между больными и ранеными и сестрамъ дали. Каждый вечеръ были ссоры изъ за ночлега, каждое утро была перебранка изъ за подводъ и ѣдкія колючія слова срывались съ устъ сестеръ, отстаивавшихъ своихъ раненыхъ.

Днемъ мокли и мерзли, днемъ голодали, ночью не могли уснуть отъ насѣкомыхъ, не имѣли постелей и валились въ повалку на полу и забывались тяжелымъ сномъ безъ грезъ. Тѣло страдало, тѣло стремилось побороть душу и душа отчаянно защищалась... И въ этой сутолокѣ и тѣснотѣ душа хотѣла грезить, и ночью, выйдя на холодъ степи и глядя на звѣздное небо Оля повторяла стихи Боделэра, Оля грезила прошлымъ, мечтала объ оперѣ и ей такъ понятна становилась мольба сестры Ирины: — «Ѳедя ты бы хотя на гармоникѣ поигралъ!»

Вѣдь вернется все это? Не навсегда же вытравила красоту и любовь изъ сердца Русскаго народа кровавая революція!

Вернется.

Займутъ добровольцы Екатеринодаръ и вернется частица того, что было. Частица культуры. Звѣриное существованіе станетъ менѣе звѣринымъ.

Но къ чему! Его нѣтъ. Столькихъ милыхъ, прекрасныхъ въ своемъ подвигѣ нѣтъ. Такъ одиноко на землѣ... Такъ холодно... Холодно!..

Какъ проста и красива была жизнь прежде....

XXIV.

Оля не можетъ ошибиться. Это идетъ Ермоловъ. Живой, здоровый, даже не раненый. Лѣвая рука послѣ первой раны заложена за бортъ шинели. Значитъ, все сочиняли о томъ, что онъ убитъ. Забилось ея сердце и послало краску стыда на похудѣвшія щеки. Ноги задрожали отъ волненія и глаза затуманило слезами.

— Я васъ ищу, Ольга Николаевна, по всей станицѣ, — сказалъ Ермоловъ. — Урвался изъ боя, воспользовавшись ночною тишиною и тѣмъ, что насъ смѣнили и отвели въ резервъ и рѣшилъ повидаться съ вами. Мнѣ такъ много нужно вамъ сказать.

— Говорите Сергѣй Ипполитовичъ. Я васъ слушаю. Вы поди-ка голодны? — сказала Оля.

— Да я голоденъ..., сказалъ Ермоловъ. — Но мой тѣлесный голодъ ничто передъ тѣмъ, чего жаждетъ моя душа. Вотъ, просто такъ, поговорить хочется, выпростать все то, что накопилось за эти дни. И именно вамъ и только вамъ мнѣ хочется сказать все, что такъ наболѣло... Вы поймете.

Они сѣли на обрывѣ на краю сада. Внизу, уже поглощенная мракомъ ночи туманами клубилась долина Кубани и сверкали внизу, горѣли и переливались огни Екатеринодара, точно чешуя сказочнаго змѣя.

— Командира убили..., коротко, вздыхая тяжелымъ, глубокимъ вздохомъ, проговорилъ Ермоловъ.

— Кого... Нѣжинцева?, спросила Оля.

— Да... его.

— Когда же?

— Сегодня. Подъ самымъ Екатеринодаромъ. Въ улицахъ былъ бой... Ахъ, Ольга Николаевна все не то... Третьяго дня командиръ просилъ уволить его отъ командованія полкомъ. Полкъ не тотъ. Насъ, старыхъ добровольцевъ, осталось очень мало. Молодежь не знаетъ боя. Спутались. Побѣжали. Вы знаете Нѣжинцева. Какой это былъ ударъ для него! Онъ покончить съ собою хотѣлъ. Отъ стыда за полкъ... Ну вотъ и покончилъ.

Ермоловъ сказалъ послѣднія слова глухимъ голосомъ. Мука звучала въ нихъ.

— Даютъ пополненія. А того не понимаютъ, что Корниловскому полку пополненія должны быть особыя, а не необстрѣлянные мальчишки. Нельзя позорить свѣтлое знамя Корниловскаго полка. Нѣжинцевъ это понималъ. Ольга Николаевна! Идея добровольческой арміи — это идея Россіи. Это святая, чистая идея. Борьба чистоты и правды противъ насилія и лжи, лжи, лжи.... А я боюсь.... если такъ будетъ дальше.... у насъ будетъ... Тоже ложь.....

Ермоловъ закрылъ лицо руками. Онъ плакалъ. Но, когда онъ оторвалъ ладони отъ глазъ, глаза были сухи и горѣли мрачнымъ огнемъ.

— Корниловъ пріѣзжалъ. Онъ сталъ на колѣни надъ Нѣжинцевымъ, поцѣловалъ его и перекрестилъ. Мнѣ пришлось провожать Корнилова и остаться при немъ до вечера... Мы всѣ обреченные на смерть. И онъ обреченный... Эхъ была бы жива Россія!...

Оля взяла руку Ермолова и тихо гладила ее своею ладонью.

— Ольга Николаевна... Я покаяться пришелъ. Я сегодня поймалъ себя на подлой мысли... Неужели я... шкурникъ...

— Что вы, Сергѣй Ипполитовичъ... Да развѣ это похоже на васъ!...

— А вотъ, слушайте... У Корнилова наблюдательный пунктъ на фермѣ. Ферма одноэтажный домикъ въ три окна по фасаду, стоитъ надъ обрывомъ рѣки. Фруктовый садъ подошелъ къ самому обрыву, а внизу весь Екатеринодаръ. Бой идетъ въ садахъ. Красная артиллерія ведетъ ураганный огонь. Я насчиталъ семьдесятъ пять выстрѣловъ въ минуту. Мы молчимъ. Отвѣчать не изъ чего. Пушекъ почти нѣтъ, снарядовъ мало.... Смотрю я на Екатеринодаръ и вдругъ мнѣ такъ ясно стало, что въ Екатеринодаръ намъ войти нельзя. Екатеринодаръ это ловушка. Войдемъ мы въ него, — насъ теперь и четырехъ тысячъ нѣтъ, — и погибнемъ тамъ... Не удержимся. Въ уличномъ бою растаемъ. И тутъ я посмотрѣлъ на Корнилова. Онъ страшно исхудалъ. Черные сѣдѣющіе волосы прилипли къ жолтымъ вискамъ. Носъ обвострился, глаза ввалились и изъ глазныхъ впадинъ, прищуренные, узкіе, острые глядятъ несокрушимою страшною волею. Понялъ я, что онъ рѣшилъ войдти во что бы то ни стало. И онъ войдетъ. И себя погубитъ и насъ погубитъ, но войдетъ... Я знаю его. Я понялъ его.... Я обожаю его.. И вотъ тутъ то...

Ермоловъ шопотомъ, скороговоркою договорилъ:

— Я подумалъ... Если бы его не стало... Если бы его убило... Онъ умеръ бы... Спаслась бы добровольческая армія. Спасена была бы идея... Я спасенъ бы былъ... А?... Что!..., нервно вскрикнулъ Ермоловъ... — вѣдь это... Это... Вѣдь я же шкурникъ... Такой же, какъ Митенька Катовъ, какъ всѣ тѣ... тыловые герои!!...

— Успокойтесь Сергѣй Ипполитовичъ. Это минутная слабость... Это нервы...

— Не говорите мнѣ, Ольга Николаевна: — нервы. Да все нервы. И у Митеньки Катова — нервы. Человѣкъ оставляетъ позицію, человѣкъ бѣжитъ съ поля сраженія, человѣкъ мародерствуетъ... Это...

.... Нервы... Нѣтъ! Нѣтъ! Бичуйте меня, Ольга Николаевна, назовите меня трусомъ. Отъ васъ я все снесу! И мнѣ легче станетъ.

— Именно вамъ я никогда этого не скажу, сказала Оля. Я глубоко вѣрю въ вашу доблесть, я знаю и видѣла вашу храбрость... Я . . . люблю . . . . васъ . . . . .

Жесткая, грубая рука сжала ея маленькую огрубѣвшую руку.

— Ольга Николаевна, вы сказали... Это не шутка... А, да какія могутъ быть теперь шутки! Это не фраза... Не нарочно сказанное слово.

— Нѣтъ, нѣтъ, — горячо сказала Оля, еще крѣпче сжимая его руку. — Я сказала, что думала, что чувствую. Я никогда не лгу.

— Боже мой! И не время и не мѣсто такъ говорить. Но именно потому, что мы особенные люди, Ольга Николаевна, я и позволю себѣ это сказать. Мы люди безъ будущаго. Вѣдь завтра — новый штурмъ и кто знаетъ!... Но пусть вы услышите то, что есть... Ольга Николаевна, я полюбилъ васъ тогда, когда вы пришли къ намъ въ Ростовѣ на этапную роту. Помните, какъ вы остались стоять на Таганрогскомъ проспектѣ и я вышелъ къ вамъ, прося зайдти обогрѣться. Вы шатались отъ усталости и голода. Вы довѣрчиво оперлись на мою руку и прошли въ наше помѣщеніе. Я угощалъ васъ чаемъ . . . . .

— О! Какая я была тогда ужасная!

— Потомъ я устроилъ вамъ двѣ комнаты для васъ и братьевъ, на квартирѣ у одной учительницы. И съ тѣхъ поръ я только и думалъ о васъ. Я зналъ, что нельзя этого дѣлать, зналъ, что ни къ чему это, а вотъ.... думалъ... думалъ... Развѣ сердцу запретишь любить.... Молодое оно... Никого не любило....

— Ну, хорошо! Ну, хорошо!... Милый, — ласково сказала Оля, когда Ермоловъ поднесъ ея руку къ губамъ и горячо поцѣловалъ ее. Слезы упали

на нее. Такъ странно было чувствовать, что сильный богатырь Ермоловъ плакалъ.

— Такъ вотъ... Слушайте.... Слушайте. Что можетъ предложить, о чемъ можетъ просить обреченный на смерть?... Да... да, — быстро добавилъ онъ. чувствуя, что она хочетъ протестовать.... — Просить руки и сердца?... Да, я прошу. Я прошу васъ считаться моею невѣстой. У меня ничего нѣтъ. Прошлое — прошло. Въ настоящемъ: — эти прекрасные миги сегодняшней ночи.... Въ будущемъ — смерть. Ну.... и пускай смерть! Но, если я буду знать, что вы, Ольга Николаевна, любите меня... солдата... добровольца... То мнѣ и умирать станетъ легко.

Тонкая дѣвичья рука крѣпко охватила его шею. Пухлыя губы прижались къ его губамъ и до боли уперлись въ нихъ.

— Ну, милый! Зачѣмъ такъ?! А Богъ!

— Да, Богъ! сказалъ Ермоловъ.

Оля сняла съ шеи маленькій золотой крестикъ. Она перекрестила Ермолова и лицо ея было серьезно, какъ у ребенка, когда онъ молится.

— Онъ сохранитъ васъ!, сказала Оля, и одѣла крестъ на шею Ермолова. — Носите его и помните: — онъ сохранитъ васъ.

Долго они ничего не говорили. Онъ не выпускалъ ея руки изъ своей руки и смотрѣлъ въ ея лицо. Большіе, отразившіе блескъ звѣздъ глаза Оли были темны и блестящи. Взглядомъ своимъ она вливала въ него мужество своей дѣвичьей Русской души.

— Я пойду, — сказалъ, наконецъ, Ермоловъ. — Пора. До свиданья.

— До свиданья. Милый, Касатка!

Оля обняла Ермолова и поцѣловала его.

— Да хранитъ васъ Господь!

Ермоловъ сталъ спускаться по тропинкѣ, направляясь въ долину, гдѣ еще горѣли огни Екатеринодара.

Оля долго стояла на краю обрыва. Она молилась и думала. Она думала о томъ, что хорошо все устроено и придумано Богомъ, что дивно прекрасное чувство любовь и заслоняетъ она собою всѣ муки тѣла, всю страшную тоску души и наполняетъ все сердце собою.

«О! Только бы Богъ сохранилъ мнѣ его!»

XXV.

Утро занялось совсѣмъ лѣтнее, теплое съ голубыми туманами надъ рѣкой, съ золотомъ горячихъ лучей, бросающихъ длинныя прохладныя тѣни, съ духомъ крѣпкимъ и бодрящимъ. Съ первыми лучами солнца загремѣла артиллерія большевиковъ. Сестры и бѣженцы толпились на краю станицы, прислушиваясь къ бою. Онъ шелъ пятый день. Всѣ знали, что маленькій отрядъ Корнилова дошелъ до полнаго утомленія. Около половины офицеровъ, казаковъ и солдатъ было ранено и убито. Снаряды и патроны были на исходѣ, свѣжихъ силъ не было. Къ большевикамъ подходили подкрѣпленія и вся «армія» Сорокина была въ Екатеринодарѣ и подлѣ Екатеринодара.

— Возьмутъ сегодня Екатеринодаръ, — сказалъ Катовъ, чисто вымытый и хорошо одѣтый, выдвигаясь изъ кучки санитаровъ. — Ужъ у меня такое предчувствіе, чутье такое, что возьмутъ.

— Далъ бы Богъ, — проговорилъ старый кубанскій казакъ. Изъ подъ густыхъ, кустами, сѣдыхъ бровей остро и зорко слѣдя глазами, какъ плотнѣе садился въ долину туманъ и обнажались колокольни и куполы собора, крыши вокзала и зданій Владикавказской дороги. —

— Далъ бы Богъ. У меня три внука въ обходъ съ Эрдели пошли. Да вишь и четвертый то дома не сидитъ, все просится.... — онъ показалъ на мальчика десяти лѣтъ, бодро стоявшаго подлѣ не-

го. — А только, взять то возьмемъ, да удержимъ ли? Сила то его большая, да и народъ кругомъ подлецъ.

Оля, стоявшая тутъ-же, задумалась. Не то же ли самое говорилъ ей вчера Ермоловъ? Если въ Екатеринодарѣ погибнетъ добровольческая армія, то что же дѣлать! что дѣлать съ ранеными, съ самими собой?

— Какъ бьетъ по фермѣ, — сказалъ раненый ночью офицеръ. Вчера тамъ былъ штабъ Корнилова. Хорошо, если сегодня его нѣтъ тамъ.

— Гдѣ это?, спросило нѣсколько человѣкъ.

— А вонъ, глядите, надъ Кубанью. Такъ и засыпаетъ... Вонъ видите маленькій бѣлый подъ желѣзною крышею домикъ съ двумя трубами. Садъ кругомъ.

— Я вижу въ бинокль его значекъ. Онъ, покосившись, стоитъ прислоненный къ кустамъ, сказалъ Катовъ. Ну да, конечно, это его флагъ. А вотъ сейчасъ... Не вижу... онъ упалъ...

— Упалъ значекъ Корнилова?...., съ ужасомъ въ голосѣ спросилъ раненый офицеръ. — Упалъ нашъ Русскій флагъ?!

— Ну да, что же особеннаго? Лежитъ въ пыли...

— Боже! Боже! Что же это такое! А людей вы не видите?

— Нѣтъ они вѣрно за домомъ. Да чему вы такъ взволновались?

— Нѣтъ, ничего..... Это такъ только. Я ... загадалъ.

Люди приходили и уходили. Сестры заглядывали къ раненымъ, поправляли подушки, давали воду, хлопотали о чаѣ. Внизу неровно шелъ бой. Не было той постоянной стрѣльбы, которая была всѣ эти четыре дня, но перестрѣлка вспыхивала въ садахъ на нѣсколько минутъ, вялая, безжизненная и сейчасъ же обрывалась. Точно обѣ стороны не желали больше воевать.

— По моему, сказалъ Катовъ, — вчера перестрѣлка была глубже въ улицахъ. Сегодня она больше по окраинамъ. Не отошли ли наши?

— Сегодня наши должны взять Екатеринодаръ, таковъ приказъ Верховнаго, вяло сказалъ офицеръ съ перевязанною рукою.

Отъ Екатеринодара подходили люди. Это были любопытные, подошедшіе отъ станицъ на развѣдку, раненые, могущіе сами добраться до перевязочнаго пункта, но между ними попадались и здоровые добровольцы. Они подходили къ обозамъ и садились подлѣ телѣгъ. Ихъ лица были землисто сѣрыя, безжизненныя, глаза смотрѣли въ землю. Они неувѣренными движеніями доставали табакъ, сворачивали папиросы и закуривали. И по тому, какъ двигали они руками и ногами, вяло и машинально, можно было понять, что голова ихъ не тѣмъ занята.

— Корниловъ убитъ....

Кто сказалъ? Никто не замѣтилъ, но всѣ услыхали. Посыпались вопросы.

— Нѣтъ, раненъ, — сказалъ кто то, не поворачивая головы.

— Убитъ, сказалъ длинный кадетъ съ совершенно изсохшимъ лицомъ. — Только скрываютъ. Я самъ видалъ. Умеръ. Лежитъ на берегу Кубани.

— Какъ?... Гдѣ?.... Вы сами видали?...., раздались голоса. Кое кто ближе пододвинулся къ кадету.

— Ну да-же!.. Пропала Россія... Флагъ его, трехцвѣтный... Святой Русскій флагъ за фермой, въ пыли лежитъ, весь грязью запачканный.... Никому не нужный!... Пропала Россія, — со слезами въ голосѣ воскликнулъ раненый офицеръ.

— Да, постойте! Говорите же толкомъ!.... Вы сами видали? Гдѣ же вы были?

— А подлѣ фермы. Я помощникъ телефониста.

— Но позвольте, кто же вамъ позволилъ уйдти?, грозно спросилъ Катовъ. — Это, молодой человѣкъ, дезертирство!... Да! Вы отвѣтите.

— Оставьте, право, — блѣднымъ усталымъ голосомъ сказалъ юноша. — Вы же ничего не понимаете. Наши отходятъ уже... Не къ чему драться.

— Да, скажите, въ чемъ дѣло?, спросилъ раненый офицеръ.

— Съ утра начался его обстрѣлъ, — печально заговорилъ кадетъ. — По фермѣ билъ. Онъ еще съ вечера пристрѣлялся. Штабъ перевели ниже. Просили Корнилова перейдти. Онъ остался. Онъ уже, господа, мертвый былъ.

— Какъ? Да что вы говорите!

— То есть, онъ еще живой былъ, но какъ бы мертвый. Я ночью пять разъ ему телефонограммы подавалъ. Онъ все ходитъ и чай пьетъ. На меня посмотритъ — такъ, ей Богу, господа, я много ужасовъ видалъ, а такого взгляда не забуду. Онъ на меня смотритъ, а видитъ совсѣмъ не меня. Онъ уже, что т а м ъ видитъ.

— Просто, усталъ человѣкъ, замучился, сказала сестра Валентина.

— Нѣтъ, сестрица. Нѣтъ я точно видѣлъ. Особенный это взглядъ, сестрица. Нѣтъ, не усталость!

— Ну,... Дальше.

— Часовъ около шести, смѣнялся патруль около фермы. И сейчасъ же начался и обстрѣлъ. Значитъ, — замѣтили они патруль. Вѣдь, господа, тамъ всего три версты до него было. Прилетѣло нѣсколько шрапнелей, лопнуло: — недолетъ дали. Только пули, слыхать, пропѣли. Вторыя закопались сзади фермы, — значитъ: въ вилку взяли.... Вышелъ генералъ Деникинъ и говоритъ другому генералу: — «ну тутъ нечего дожидаться! дѣло ясное!». И спустились они подъ горку, къ рѣкѣ. На откосѣ сѣли. За ними генералъ Богаевскій съ адъютантомъ своимъ вышелъ, тоже сѣлъ съ Деникинымъ. Я посмотрѣлъ: вижу флагъ его стоитъ при-

слоненный къ кустамъ и такъ отъ сотрясенія, или что, вотъ вотъ упадетъ. Я и подумалъ: — «надо крѣпче поставить, а то не хорошо: Русскій флагъ и въ грязи»... Да... А тутъ взрывъ въ самой фермѣ. Мы такъ и ахнули. Адъютантъ Верховнаго, Долинскій выбѣгаетъ. Трясется весь. Голосъ дрожитъ..... «Верховный... Верховный», а что Верховный и не сказалъ. Опять убѣжалъ въ хату. Ну тутъ казаки и туркмены бросились. Долинскій съ туркменскимъ офицеромъ Резакъ-бекомъ выносятъ Корнилова, крови нигдѣ не замѣтно, только лицо бѣлое, какъ у покойника. Понесли на берегъ. За докторомъ послали... Пришелъ докторъ, осматривалъ его долго. Потомъ.... вижу всѣ шапки сняли... Крестятся... Ну, я понялъ... Кончился. Пошелъ къ его флагу. Гляжу: лежитъ, въ пыли, грязи.... Русскій флагъ... Знамя наше святое... Телефонъ разбило... Ну, я пошелъ... Слышу только: Деникинъ командованіе принялъ. Алексѣевъ пріѣхалъ. Онъ ему такъ и сказалъ: «у насъ», молъ, «давно съ Лавромъ Георгіевичемъ это условлено, ежели что случится»... Алексѣевъ такъ и принялъ...

Раненый офицеръ порылся на груди, досталъ ржавый, старый, истертый кожаный бумажникъ и вынулъ изъ него вырѣзку изъ газеты.

— Исполнилъ генералъ Корниловъ то, что рѣшилъ давно, торжественно сказалъ онъ. Помните, что сказалъ онъ въ августѣ: — «тяжелое сознаніе неминуемой гибели страны повелѣваетъ мнѣ, въ эти грозные дни, призвать всѣхъ Русскихъ людей къ спасенію умирающей Родины, всѣхъ — у кого бьется въ груди Русское сердце, кто вѣритъ въ Бога, въ право, въ храмъ... Предать Россію въ руки ея исконняго врага и сдѣлать народъ рабами нѣмцевъ я не могу, не въ силахъ, и предпочитаю умереть на полѣ чести и брани, чтобы не видѣть позора и срама Русской земли»... И года не прошло. Корниловъ умеръ! Ужели намъ придется увидѣть позоръ и срамъ Русской земли?

Въ станицу въѣхалъ казачій офицеръ.

— Господа!, сказалъ онъ, ни къ кому не обращаясь, — собирайте обозы и легко раненыхъ, которые могутъ идти сами и кого можно везти рысью безъ перевязки... Приказано отступать отъ Екатеринодара.

— Куда?, спросило нѣсколько человѣкъ.

— Туда! — неопредѣленно махнулъ рукою казакъ. Лицо его выражало отчаяніе.

— А тяжело раненые? — спросила сестра Валентина.

— Главнокомандующій приказалъ оставить на попеченіе жителей. Взяты заложники....

XXVI.

Въ сумеркахъ Корниловскій полкъ проходилъ черезъ станицу. Онъ шелъ, какъ всегда, въ полномъ порядкѣ, но безъ пѣсенъ. За полкомъ ѣхала казачья парная фурманка, на ней, на соломѣ, закутанное въ шинель лежало тѣло Корнилова. Караулъ сопровождалъ тѣло.

Оля только что покончила погрузку раненыхъ своей хаты и пропускала полкъ, чтобы ѣхать за нимъ.

Маленькимъ показался онъ ей. Порѣдѣли его ряды. Вотъ то отдѣленіе, гдѣ идутъ ея братья и съ ними рядомъ долженъ идти Ермоловъ. Но его нѣтъ. Братья идутъ одни. Ихъ лица сѣры, скулы выдались, щеки запали. У Павлика одинъ сапогъ разошелся совсѣмъ и перевязанъ тряпками. Они смотрѣли внизъ и не видали Оли.

— Ника, Павликъ, окликнула ихъ Оля. — Что же это? А гдѣ Ермоловъ?

Павликъ мрачно посмотрѣлъ на сестру и точно не узналъ ее. прошелъ мимо. Ника вышелъ изъ рядовъ.

— Собирайся Оля и поѣзжай, сказалъ онъ. — Поѣзжай, милая Оля.

— Гдѣ же Сергѣй Ипполитовичъ? — воскликнула Оля.

— Да что тебѣ въ немъ! Видишь, мы всѣ конченные люди. Раньше, позже, не все ли равно.

— Ника! Что съ нимъ?...

— Онъ раненъ... Тяжело. Въ животъ. Везти нельзя. Его оставили. Жители записаны и, если что будетъ, они отвѣтятъ.

— Гдѣ?

— На окраинѣ Елизаветинской, у казака Кравченко.... Да ты что же!

— Я пойду туда!

— Оля ты съума сошла!

— Нѣтъ. Это вы сошли съума, что оставили его.

— Оля! Онъ все равно умретъ.

— Тѣмъ болѣе. Онъ умретъ у меня на рукахъ. Умретъ безъ злобы и ненависти, благословляя васъ.

— Оля. Я не пущу тебя!

— Не посмѣешь!... Иди... дѣлай свой долгъ до конца, а я буду дѣлать свой. Я сестра милосердія прежде, нежели сестра твоя и ты солдатъ — Корниловецъ прежде, нежели мой братъ. Твое мѣсто въ рядахъ полка, мое при раненыхъ. Я Русская дѣвушка и ты Русскій солдатъ и мы умѣемъ смотрѣть въ глаза самой лютой смерти!.... Иди! ...

Оля обняла Нику и поцѣловала его.

— Перекрести за меня Павлика, сказала она. Папа и мама видятъ насъ! Они помолятся и заступятся за насъ!... Прощай... Родной!

Ника пошелъ за полкомъ. Онъ спотыкался и не видѣлъ подъ собою дороги. «Э! все равно», — думалъ онъ. «Корнилова не стало и мы погибнемъ. Только чудо можетъ спасти насъ. Отвернулся Господь отъ Россіи, бросилъ святую Русь. Оля молодчикъ. Она не дастся врагу на поруганіе. Она съумѣетъ умереть».

Оля пошла къ сестрѣ Валентинѣ.

— На подвигъ идете вы, Олечка, — сказала сестра Валентина, развязывая уже увязанный аптечный чемоданъ. — Возьмите бинты и лекарства.

Она проворно завязывала пакетъ.

— А это, сказала она, подавая маленькій пузырекъ Олѣ, — если вамъ будетъ угрожать что либо худшее смерти.

— Спасибо, сказала Оля.

Онѣ простились просто, безъ лишнихъ громкихъ словъ, безъ позы и безъ рыданій. Все это, и слова, и объятія, и слезы — все это было такъ ничтожно передъ тѣмъ, что совершалось кругомъ въ эту прекрасную весеннюю ночь, когда народилась молодая луна и сладко пахло древесными почками и землею.

Оля пошла по опустѣвшей станицѣ. Жители попрятались и изъ за палисадниковъ виднѣлись хаты съ закрытыми наглухо ставнями. Оля одна шла туда, откуда всѣ спѣшили уйдти. Многіе казаки торопливо укладывали повозки и спѣшили уѣзжать, боясь кровавой расправы. Оля спрашивала ихъ, гдѣ домъ казака Кравченко.

— Дальше, дальше, по этой улицѣ, — говорили ей. По правой сторонѣ, второй съ края.

Луна уже давала свѣтъ и тѣни тянулись отъ набухшихъ почками деревьевъ. Улица спускалась внизъ. Попадавшіяся собаки не лаяли, но поджимали хвосты и убѣгали въ калитки.

Поперегъ улицы лежалъ человѣкъ съ забинтованной головою. Это былъ раненый, котораго бросили и который застрѣлился... Въ такомъ же положеніи былъ и Ермоловъ.

Оля встрѣтила казаковъ съ лопатами. Должно быть они шли убирать трупъ самоубійцы.

— Гдѣ домъ Кравченки?, спросила ихъ Оля.

— Къ раненымъ что-ль?, сказалъ останавливаясь казакъ.

— Къ раненымъ.

— Двое осталось. Третій, вишь, не выдержалъ. Порѣшилъ съ собою. Ну, помогай Боже. Второй домъ отсюда. Тамъ свѣтъ увидаете.

Черезъ маленькій палисадникъ была настлана деревянная панель въ двѣ доски. Сирень въ большихъ бутонахъ, кистями висѣвшихъ съ вѣтвей, протягивалась къ Олѣ и холодными свѣжими, еще не пахнущими, но нѣжными шариками мазала по щекамъ. Оля поднялась на рундучекъ, открыла дверь и вошла въ комнату. На столѣ горѣла лампа. За столомъ сидѣли старый казакъ съ казачкой. Они пили чай. Вдоль стѣнъ хаты были положены снопы соломы и на нихъ два человѣка. Одинъ, съ темнымъ лицомъ, лежалъ, закативъ глаза и непрерывно, мучительно стоналъ. Онъ былъ безъ памяти.

— Ура!, крикнулъ онъ, услыхавъ шаги Оли. — Ура! Всѣ помремъ, а возьмемъ!...

Другой былъ Ермоловъ. Его лицо было бѣлое и странно чистое въ этой грязной обстановкѣ. Большая пуховая подушка была положена ему подъ голову. Онъ широко раскрытыми страдающими глазами смотрѣлъ на Олю. Онъ былъ въ сознаніи и узналъ ее.

— Ольга Николаевна, сказалъ онъ и попытался поднять руки. Но онѣ упали снова на шинель. Оля замѣтила, что кисти рукъ стали большими и рѣзко выдѣлялась кость запястья и голая по локоть, худая рука.

— Насъ бросили?, сказалъ онъ, и повелъ глазами по сторонамъ.

— Милый мой, — сказала Оля. — Никто и никогда васъ не бросалъ. Все будетъ хорошо.

— Правда?..., смотря въ самую душу Оли, спросилъ Ермоловъ.

— Ну, правда, родной! Все будетъ, какъ Богу угодно.

Казакъ и казачка смотрѣли на Олю.

— Вы что же сестрица, проститься что ли пришли?, спросилъ казакъ.

— Нѣтъ. Я ходить за ними буду. Это мой женихъ, сказала Оля.

— Ну такъ вотъ что, вдругъ засуетился старикъ. Это не дѣло! Не дѣло это, говорю тебѣ, старуха. Придутъ эти самые большевики, хорошаго не будетъ. Схоронить ихъ надо, слышь, старуха.

— Да гдѣ схоронишь то?, спросила старуха.

— Гдѣ? А на клунѣ, старая. Теперь тепло. И сестру съ ними помѣстимъ, а вещами заставимъ. По утрамъ молочка принесемъ, все душу христіанскую спасемъ.

— Эхъ, старый, въ отвѣтъ бы не попасть.

— У, молчи! Молчи, мать! Говорю, душу спасать будемъ! На ее, мать, посмотри, молодая, да красивая пришла, себя не пожалѣла, а мы что, мы то старые. Много ли намъ и надо то! А тутъ, душу спасемъ. Душу!

Всю ночь Оля со старикомъ и старухой устраивали на заднемъ дворѣ за птичнею и сараями помѣщеніе для раненыхъ. Достали постели, матрацы, не пожалѣли чистыхъ простынь и позднею ночью, когда луна уже скрылась, раненыхъ устроили въ большомъ сараѣ за молотилкой и плугами. Съ ними устроилась и Оля.

Ермоловъ лежалъ въ жару и дыханіе его было едва замѣтное, другой раненый, тридцатилѣтній капитанъ метался и стоналъ. Бредъ не покидалъ его.

Оля, у которой отъ усталости ломило руки и ноги вышла изъ сарая. Ароматная свѣжесть была разлита въ воздухѣ. Послѣднія звѣзды догорали въ холодномъ небѣ. Востокъ клубился розовою мглою. Со степи несло старою полынью, черноземомъ, могучимъ запахомъ земли. Тихія стояли деревья сада, точно спали они и видѣли волшебные, имъ однимъ понятные сны. Яблони, какъ невѣсты украсились нѣжнымъ пухомъ бѣлорозовыхъ бу-

тоновъ и сладкій волнующій запахъ шелъ отъ нихъ. Внизу широкимъ голубымъ просторомъ въ зеленой рамѣ озимей и ивовыхъ деревьевъ текла Кубань. Птицы радостно пѣли на вѣтвяхъ, привѣтствуя нарождающееся солнце. Рядомъ въ курятникѣ встряхивался и кричалъ еще хриплымъ голосомъ пѣтухъ и звукъ его ку-ка-ре-ку казался восторженнымъ крикомъ: «ахъ какъ хоро-шо-о!». За стѣною вздыхали лежащія коровы и быкъ тихо сопѣлъ. Кругомъ были миръ и радость бытія. Кругомъ были богатство и просторъ и мать земля дышала плодородіемъ и могучими животворящими соками, ожидая солнца.

На низинѣ, у входа въ станицу, грянулъ выстрѣлъ... Другой... Раздались пьяные крики и вопли. Оттуда пробѣжала поджавши хвостъ собака и пугливо озиралась, ничего не понимая.

Большевицкія орды входили въ станицу.

XXVII.

Саблинъ шелъ, спотыкаясь о кочки и о корни деревьевъ. Его толкали сзади, къ нему забѣгали спереди и дышали ему въ лицо зловонными ртами. Кто то схватилъ его руки, оттянулъ ихъ назадъ и туго связалъ ихъ платкомъ. Каждую секунду Саблинъ ожидалъ выстрѣла, спереди, или сзади, который прикончитъ его жизнь. Выстрѣлы раздавались, но стрѣляли вверхъ. Всѣмъ распоряжался молодой солдатъ.

— Погодите, товарищи!, — кричалъ онъ — погодите! Это не такой генералъ, чтобы его можно было такъ сразу прикончить. Нѣтъ, мы съ него допросикъ снимемъ, все форменно.... Не трогай! Не смѣть!, — грозно крикнулъ онъ на солдата со злобными свѣтло сѣрыми глазами, хотѣвшаго колоть штыкомъ Саблина.

— Что же беречь его что-ль будемъ? Во фронтъ его превосходительству становиться!, — сказалъ тотъ, но отступилъ подъ окрикомъ молодого солдата.

— Не ваше дѣло, товарищъ, — властно сказалъ молодой солдатъ. — Признаю нужнымъ и во фронтъ станете. Генералъ Саблинъ моя добыча и я сдѣлаю съ нимъ то, что нужно.

Одно мгновеніе Саблину показалось, что молодой солдатъ хочетъ спасти его, что онъ не врагъ его, а другъ, но эта мысль его не порадовала. «Послѣ пинковъ и оскорбленій какъ жить?! Для чего жить? Это Русскіе люди, это Русскіе солдаты, которыхъ я такъ любилъ», — подумалъ Саблинъ, — «Это Русская армія, которая была всѣмъ для меня».

— И вы, товарищи, полегче. Это и при Царскомъ режимѣ не дозволялось, чтобы арестанта оскорблять, а когда народно-крестьянская власть — покажи свое воспитаніе. Мы одни можемъ судить его и знаемъ какой муки достоинъ этотъ человѣкъ.

— Ишь ты! Комиссаръ!, протянулъ солдатъ со злыми глазами.

— Да, и не только комиссаръ, но и члена цик'а съ достоинствомъ сказалъ молодой солдатъ. — Будете безобразничать я самому Троцкому отпишу.

— А намъ плевать на твоего Троцкаго! Что онъ жидъ паршивый, предатель!, сказалъ солдатъ съ блѣдными глазами.

— Товарищъ! Въ васъ говоритъ темнота и потому я не предпринимаю никакихъ мѣръ. Помните, что это уже контръ-революція.

— Оставьте, товарищъ, — заговорили кругомъ солдаты. — Ну что, въ самомъ дѣлѣ шебаршитъ. Онъ комиссаръ, не знаете что-ль.

— Тѣ-же, господа, только изъ хамовъ, прошипѣлъ солдатъ, но оставилъ Саблина въ покоѣ.

Онъ отошелъ отъ него и издали погрозилъ кулакомъ.

— Ну подожди, — онъ выругался сквернымъ Русскимъ словомъ, — ну подожди! выпусти ты мнѣ только генерала, своими руками разорву.

— Не безпокойтесь, товарищъ, — сказалъ молодой солдатъ и такая усмѣшка скривила его лицо, что Саблинъ понялъ, что его не только ожидаетъ смерть, но и самыя ужасныя муки. И онъ сталъ мысленно молиться Богу,

Саблина привели на поѣздъ и посадили со связанными руками въ вагонъ, куда набились вооруженные солдаты. Молодой солдатъ продолжалъ распоряжаться. Поѣздъ сейчасъ же тронулся и минутъ черезъ двадцать пришелъ на большую станцію. Здѣсь Саблина вывели и перевели въ классный вагонъ mixte, посадили въ купе 2-го класса и съ нимъ сѣло четыре вооруженныхъ солдата, два сѣло у оконъ и два у дверей. Въ сосѣднемъ купе помѣстился комиссаръ.

Вагонъ долго стоялъ на мѣстѣ, потомъ его передвигали съ одного пути на другой, прицѣпляли и отцѣпляли и онъ снова стоялъ. Въ окно, то видна была небольшая станціонная постройка, то голыя вѣтви акаціи сада, то степь, по которой гулялъ и мелъ снѣжинки вѣтеръ. Солдаты сидѣли молча и клевали носами. Воздухъ въ купе становился тяжелымъ и спертымъ. У Саблина отъ голода, побоевъ и дурного воздуха кружилась голова и временами онъ терялъ сознаніе. Странная вещь, — онъ о смерти не думалъ. Онъ такъ примирился съ нею, что она выпала изъ его думъ. Онъ думалъ о томъ, что его знаетъ въ Россіи множество солдатъ, что среди тѣхъ, которые его арестовали нашлись люди, опознавшіе его, что онъ всегда былъ честнымъ и заботился о солдатѣ, какъ никто, а теперь его обвинили солдаты въ томъ, что онъ продалъ свою позицію за сорокъ тысячъ. Злобы противъ солдатъ у него не было. Ему ка-

залось, что всѣ они сошли съума, не выдержали напряженія нервовъ трехъ лѣтъ войны, окопной жизни, ожиданія смерти, удушливыхъ газовъ, потеряли вѣру въ Бога и поддались ложному ученію.

Лицо комиссара не шло у него изъ головы. Оно отталкивало, оно и притягивало. «Неужели», думалъ Саблинъ, «это говоритъ во мнѣ животное чувство благодарности за то, что онъ не далъ солдатамъ убить меня». Саблинъ вспоминалъ усмѣшку, искривившую ротъ комиссара и понималъ, что онъ спасъ его для чего то худшаго.

„А все таки спасъ, а все таки жизнь!," — думалъ Саблинъ. — За окномъ, по степи ходили пѣтухъ и двѣ куры. Они показались Саблину прекрасными, — „Какъ это", подумалъ онъ, — „я раньше не замѣчалъ сколько красоты въ курахъ". Крадется кошка — какая красавица! Зеленосѣрая съ чернымъ узоромъ. Вѣтеръ вздулъ на ней пушистую шерсть и она кажется большою и толстой. „Сколько граціи въ ея движеніяхъ, какъ напрягаются мускулы ея бѣлыхъ лапокъ! Вѣдь и она думаетъ что то, разсчитываетъ свои движенія и выпускаетъ маленькіе коготки, чтобы крѣпче держаться за землю. Что она думаетъ?... Пѣтухъ недовольно потрясъ головою и лапою разгребъ песокъ, точно расшаркался. И тоже думалъ о чемъ то. Въ маленькой головкѣ съ краснымъ гребнемъ копошится мысль" ... — Рядомъ тяжело вздохнулъ солдатъ и снялъ съ потнаго лба сѣрую папаху. — „И онъ думаетъ", подумалъ Саблинъ. —" Моя голова въ полъ аршина отъ его головы, а я не знаю, о чемъ онъ думаетъ и онъ не знаетъ ни моихъ думъ, ни моихъ переживаній. А что, если все это только кажется, а ничего нѣтъ. Что если и пѣтухъ съ курами и сѣрая кошка и солдаты — только плодъ моего воображенія. Я вижу сны. И во снѣ передо мною рисуются прекрасныя картины, самыя сложныя постановки, а ничего нѣтъ. Что если и тутъ ничего

нѣтъ и все это только кажется и жизнь есть сонъ. Но я могу потрогать пѣтуха, могу гладить кошку, я могу описать ихъ, заранѣе сказать какіе они. Да, болѣе совершенный сонъ, въ которомъ играютъ роль всѣ чувства, а на дѣлѣ ничего нѣтъ. Я одинъ... Но и солдатъ рядомъ можетъ такъ же думать, что онъ одинъ, а я его сонъ, его представленіе. И если все это сонъ, то гдѣ же пробужденіе"?..,

„Смерть. Жизнь только сонъ, а смерть есть пробужденіе отъ жизни, есть дѣйствительная жизнь освобожденнаго духа. Ну что же, — если суждено прекрасному сну моей жизни завершиться кошмаромъ — пусть такъ. Тѣмъ слаще будетъ пробужденіе, тѣмъ пріятнѣе смерть".

„Боюсь я смерти? Если бы не вѣрилъ — боялся бы. Но я вѣрю, что послѣ смерти мое „я" останется и потому не боюсь. Какъ мучительно хочется мнѣ увидать тѣхъ, кого я такъ любилъ въ жизни. И больше всего мою мать. О! Какъ давно это было! Фотографіи женщины въ старомодномъ платьѣ съ турнюромъ и стянутой таліей, прическа съ локонами, спускающимися съ висковъ, ничего не говорятъ мнѣ. Но таитъ мое сердце сладкій запахъ ея духовъ и очарованіе особенной ласки—женской и въ то же время чистой духовной, равной которой нѣтъ. И кажется она и теперь прекрасною какъ Ангелъ. Здѣсь онъ ее никогда не увидитъ. Кто знаетъ тамъ? — не она ли встрѣтитъ его первою за рубежемъ его жизни"?...

Звенящимъ стономъ несется вопль Маруси: мой принцъ!,.. Сколько недосказаннаго осталось между ними, сколько невыясненнаго! Что, если тамъ можно будетъ обо всемъ поговорить?! Что, если тамъ, какъ путники послѣ долгой разлуки встрѣчаются съ тѣми, кто оставался дома и идутъ безконечные пересказы о томъ, что было. Тамъ онъ падетъ ницъ передъ Вѣрой Константиновной

и выплачетъ ей свое горе. Землю и земное несъ Саблинъ и на небо, потому что слишкомъ любилъ онъ землю... „Коля! И ты меня встрѣтишь!“

О смерти, какъ о концѣ, Саблинъ не думалъ, онъ думалъ о смерти, какъ о началѣ. Страданія? а что такое страданіе? Когда его ранили — это были страданія, но, когда у него болѣли зубы — это были еще большія страданія. Когда его ударяли сегодня по затылку и по лицу, — это было ужасно и кровь кипѣла въ немъ отъ оскорбленія и безсильной злобы, но, когда его, сволочью и мерзавцемъ, обругалъ Любовинъ, когда Коржиковъ у тѣла несчастной Маруси сказалъ ему нетерпѣливо: „да уходите же!“ — это было болѣе ужаснымъ оскорбленіемъ и даже теперь кровь заливаетъ его лицо при одномъ воспоминаніи объ этомъ. Все относительно. А главное; — tout passe, tout casse, tout lasse*) — все проходитъ...

— А что господинъ генералъ, — глядя на него сказалъ конвойный солдатъ, — тяжело вамъ съ руками назади. Давайте я развяжу. Не убѣжите вѣдь.

— Вы вѣрите, — сказалъ Саблинъ, въ упоръ глядя солдату въ глаза, — что я могъ продать позицію за сорокъ тысячъ рублей? Что я истреблялъ солдатъ для своего удовольствія? Вы меня знаете.

— Такъ точно, знаю. Въ корпусѣ былъ у васъ. Мы васъ оченно даже обожали.

— Такъ зачѣмъ же мнѣ бѣжать? Сами понимаете, что бѣжитъ тотъ, кто опасается чего либо, кто виноватъ, а тотъ, кто ни въ чемъ не виновенъ зачѣмъ ему бѣжать?

— Это точно, — протянулъ солдатъ. — А только вы его не знаете... Коржикова...

Кровь отлила отъ лица Саблина и онъ спросилъ, задыхаясь — кого?

---

*) Все проходитъ, все исчезаетъ, все оставляетъ.

Да комиссара то чтоль... Коржикова... Страшный человѣкъ. Демонъ. Онъ онадысь офицера самъ убилъ. Увидалъ погоны подъ шинелью, подошелъ въ толпѣ, вынулъ револьверъ и убилъ. Онъ, ваше превосходительство, жестокій человѣкъ. Хуже мужика. Даромъ, что баринъ... Да вы что? Эхъ ослабли какъ! Товарищъ, надо бы генералу чайку согрѣть, и то вишь грѣхъ какой! Сомлѣлъ совсѣмъ.

— Отъ устатку это, — сказалъ его сосѣдъ. — Ну тоже и переволновались.

— Да и ѣсть, почитай, ничего не ѣли.

— Да, кормить надо.

Потерявшаго сознаніе Саблина солдаты уложили на диванъ и одинъ изъ конвойныхъ пошелъ за кипяткомъ и хлѣбомъ.

XXVIII

Четверо сутокъ везли Саблина на сѣверъ. Онъ находился въ полузабытьи. Конвойные смѣнялись каждый день. Его поили чаемъ и давали ему хлѣба. Два раза приносили жидкій невкусный супъ. На пятыя сутки, утромъ, Саблинъ мелькомъ сквозь полузамерзшее стекло вагона увидалъ красныя казармы, занесенную снѣгомъ канаву передъ ними и понялъ, что его привезли въ Петербургъ. Коржикова онъ не видалъ всѣ эти дни.

„Если я знаю, кто для меня Коржиковъ“, — думалъ Саблинъ, „то Коржиковъ вѣроятно не знаетъ, кто я для него. Если бы ему сказалъ тайну его рожденія тотъ рыжій соціалистъ, то Коржиковъ бы выдалъ себя, а онъ ничего не сказалъ.... Но, почему тогда онъ не позволилъ солдатамъ отправить его „въ штабъ генерала Духонина“, а привезъ сюда, въ Петербургъ“?

Саблинъ рѣшилъ молчать, что бы ни случилось.

„Лучшая часть Русскаго офицерства", думалъ онъ. „идетъ по этому пути мученій къ смерти. Христа замучили и распяли, — но вѣра Христа и его ученіе о любви держали міръ двадцать вѣковъ въ относительномъ равновѣсіи. И сколько вѣковъ продержатъ еще! Офицерство Русское хранило завѣты рыцарства и сдерживало солдатъ отъ насилій и звѣрства. Оно идетъ на Голгоѳу и крестную казнь, но идея рыцарства отъ этого станетъ еще выше и сильнѣе. И я горжусь, что я не только генералъ свиты его величества, не измѣнившій своему Государю, что я не только георгіевскій кавалеръ, но что мнѣ Господь даетъ великое счастье мученической смерти!!"

Саблинъ въ эти дни испытывалъ то свѣтлое чувство, которое испытывали первые Христіанскіе мученики. Душа его просвѣтлѣла, тѣло съ его отправленіями ушло куда то далеко и весь онъ горѣлъ ожиданіемъ чего то радостнаго и великаго, что соединитъ его съ Христомъ.....

Поѣздъ остановился на Николаевскомъ вокзалѣ. Было около полудня, когда Саблина вывели изъ вагона и черезъ густую толпу солдатъ и народа провели на Знаменскую площадь. У подъѣзда ихъ ожидалъ автомобиль. Саблина посадили между солдатами на заднее сидѣнье, нѣсколько солдатъ съ ружьями стало на подножки, Коржиковъ сѣлъ рядомъ съ шофферомъ.

„Какого страшнаго звѣря везутъ", подумалъ Саблинъ. „Какъ расточительна народная власть! Во времена „царизма", преступника скромно отправили бы между двумя конвойными, а тутъ"...

Занесенный мокрымъ снѣгомъ, изъ снѣговыхъ сугробовъ, величаво смотрѣлъ на вокзалъ чугунный императоръ Александръ III и безобразный памятникъ вдругъ сталъ понятенъ Саблину и онъ посмотрѣлъ на него съ любовью. Громадный царь — мужикъ, царь великанъ и тѣломъ и духомъ,

сидѣлъ на успокоенной Россіи. Онъ смотрѣлъ, на тотъ путь, который онъ задумалъ и который велъ на востокъ. Онъ отвернулся отъ запада и застылъ въ величавомъ спокойствіи.

Автомобиль объѣхалъ памятникъ и свернулъ по 2й Рождественской на Суворовскій проспектъ. Знакомыя улицы, родные дома смотрѣли на Саблина. Все было по старому.

Также насуплено и густыми грозящими тучами было обложено безрадостное небо, такъ же сырой туманъ скрадывалъ дали и пропитывалъ сыростью тѣло. Только снѣга стало больше и бросало автомобиль на ухабахъ. Не видно было правильныхъ кучъ его вдоль троттуаровъ, панели не были посыпаны пескомъ. Магазины и лавки стояли пустые съ разбитыми стеклами и заколоченными окнами. Кое гдѣ видны были длинныя очереди и ожидавшіе топали ногами отъ холода, стояли съ блѣдными, не покраснѣвшими отъ мороза лицами и хладнокровно смотрѣли на ѣхавшій автомобиль. Трамвай не ходилъ и рельсы были занесены снѣгомъ. Автомобиль обогналъ не то извощика, не то собственныя сани. Сани были безъ номера, но лошадь, голодная и худая еле бѣжала и на кучерѣ былъ рваный армякъ и сѣрая папаха. Въ саняхъ сидѣлъ высокій человѣкъ съ сѣдою бородкой и блѣднымъ одутловатымъ лицомъ. Саблинъ узналъ въ немъ знаменитаго профессора военныхъ наукъ, а потомъ генерала занимавшаго видный постъ. Въ толстой наваченной солдатской шинели безъ погонъ и петлицъ и въ фуражкѣ обвязанной башлыкомъ онъ ѣхалъ по привычному пути къ Академіи, гдѣ онъ провелъ столько лѣтъ.

У Академіи толпою стояли люди въ шинеляхъ и папахахъ и слышался молодой смѣхъ и шутки.

„Они живутъ" подумалъ Саблинъ, „имъ и горя мало. Они считаютъ себя правыми и идутъ съ жидами создавать III интернаціоналъ, раздувать всемірный пожаръ классовой революціи и уничто-

жать Россію. А на югѣ ихъ родные братья такъ же собираются, такъ же смѣются, шутятъ и готовятся идти спасать эту Россію!"

„Для меня и для тѣхъ, кто на югѣ, дорога Россія со всѣми ея красотами, съ ея вѣрою православною, съ попами, дворянами, офицерами и солдатами, съ купцами и сидѣльцами, съ торговками и мужиками, намъ дорогъ нашъ бытъ, который вынесли мы изъ глубины вѣковъ и отъ котораго вѣетъ былинами про богатырей и побѣдами надъ природой, надъ татарами и поляками, надъ шведами и турками, надъ англичанами и французами"...

„Имъ дорога утопія. Имъ желателенъ міръ, гдѣ люди обращены въ скотовъ и, сами того не понимая, они вкладываютъ шеи свои въ жидовское ярмо"...

Грязными показались постройки офицерской школы. Стекла въ большомъ манежѣ были повыбиты и подлѣ него не видно было изящныхъ всадниковъ, гарцовавшихъ на прекрасныхъ лошадяхъ.

Автомобиль пересѣкъ Лафонскую площадь, въѣхалъ въ ворота и покатился между громадныхъ полѣнницъ дровъ. У воротъ стояла толпа людей въ черныхъ пальто, перевязанныхъ пулеметными лентами и вооруженныхъ разнообразными винтовками. На большомъ крыльцѣ, у громадныхъ колоннъ, притаились облѣзлые пулеметы съ вложенными лентами. Въ углу двора, у праваго квартала, сѣрымъ чудовищемъ стоялъ броневикъ и съ его круглой башни хмуро глядѣла тусклая, инеемъ покрытая пушка.

Молодой человѣкъ въ черной фуражкѣ, изъ подъ которой выбивались черные кудри, съ маленькими усиками на блѣдномъ лицѣ, въ черномъ студенческомъ пальто, поверхъ котораго нелѣпо, задомъ на передъ была надѣта богатая сабля съ

новенькимъ георгіевскимъ темлякомъ, при револьверѣ подошелъ къ автомобилю и спросилъ!

— Это кто товарищи?

— Товарищъ Коржиковъ, важно сказалъ, вылѣзая изъ автомобиля Коржиковъ. — Я привезъ генерала Саблина.

— Васъ ждутъ, товарищъ, почтительно склоняясь сказалъ молодой человѣкъ и побѣжалъ къ высокимъ дверямъ.

— Пропустить! крикнулъ онъ стоявшимъ у дверей и курившимъ папиросы красноармейцамъ.

XXIX.

Въ Смольномъ институтѣ была толчея вооруженныхъ съ головы до ногъ людей. Въ обширномъ вестибюлѣ у колоннъ и по широкой расходящейся на два марша лѣстницѣ сновали вверхъ и внизъ матросы, солдаты и вооруженные рабочіе. Женщины, по большей части молодыя, съ остриженными по шею волосами, въ короткихъ юбкахъ и шубкахъ, многія съ револьверами у пояса, окруженныя матросами и красногвардейцами сидѣли за столиками на площадкахъ лѣстницы и провѣряли пропуски. Другія озабоченно перебѣгали по корридору съ какими то бумажками и исчезали въ комнатахъ, изъ которыхъ суетливо щелкали пишущія машинки. Два солдата несли бѣльевую корзину съ ситнымъ горячимъ хлѣбомъ и ихъ сопровождали вооруженные матросы. Всѣ эти люди были чѣмъ то озабочены, но вмѣстѣ съ тѣмъ и веселы Слово т о в а р и щ ъ порхало сверху внизъ и звучало радостно и непринужденно.

Навстрѣчу Саблину нѣсколько солдатъ проволокли внизъ избитаго и окровавленнаго юношу. Лицо его было залито кровью и Саблину показалось, что онъ былъ мертвъ. На него кромѣ Саблина никто не обратилъ вниманія. Хорошо одѣтая дѣ-

вушка съ энергичнымъ интеллигентнымъ лицомъ, Саблинъ назвалъ бы ее барышней, сидѣвшая за столомъ на первой площадкѣ подъ часами спросила у Коржикова:

— Товарищъ, вашъ пропускъ? Вы къ кому?

— Это, выскочивши сзади почтительно заговорилъ молодой человѣкъ въ черномъ, — товарищъ Коржиковъ съ плѣннымъ генераломъ Саблинымъ къ товарищу Антонову.

— Пожалуйте товарищъ въ 37-й номеръ.

Коржиковъ сталъ подниматься наверхъ.

Смольный институтъ съ широкими корридорами и классами на двѣ стороны полный солдатъ, рабочихъ и матросовъ, слонявшихся по корридорамъ и лѣстницамъ напомнилъ Саблину университетъ въ минуты рекреаціи.

Всюду, однако, было грязно. Валялись бумажки, отхожія мѣста издалека давали о себѣ знать крутымъ зловоніемъ. На стеклахъ дверей были небрежно наклеены записки. Надъ дверями и на дверяхъ остались старыя синія вывѣски съ золотыми буквами: «классная дама», «Дортуаръ», «VI классъ»...

У комнаты классной домы стояли часовые, два матроса. Одинъ настоящій, старый, лѣтъ тридцати, съ желтымъ худымъ лицомъ, другой мальчикъ, лѣтъ пятнадцати, на которомъ мѣшкомъ висѣла черная шинель и нахлобучена была слишкомъ большая по его головѣ матросская шапка съ черными лентами.

Они свободно пропустили Коржикова за дверь.

— Оставьте генерала здѣсь пока, — сказалъ Коржиковъ и Саблина ввели въ просторную комнату. Въ ней уже были люди самого разнообразнаго званія и вида. Всѣ обратили вниманіе на Саблина.

Въ комнатѣ было неопрятно. По угламъ и вдоль стѣнъ валялась солома и матрацы, подушки, старыя ватныя пальто и узелки съ вещами. Воздухъ

былъ сырой холодный, прокуренный, полный табачнаго дыма и испареній грязнаго человѣческаго тѣла и пищи. Видно было, что здѣсь давно люди живутъ, спятъ и ѣдятъ и комнату рѣдко провѣтриваютъ.

На столѣ лежали куски чернаго хлѣба, стояли эмалированныя кружки и стеклянные стаканы съ мутнымъ грязнымъ напиткомъ, отъ котораго пахло прѣлымъ вѣникомъ и большой чайникъ. Всѣхъ сидѣвшихъ было тринадцать человѣкъ: двѣнадцать мущинъ и одна дама. Большинство были одѣты когда то хорошо, но теперь ихъ пиджаки и штаны отъ валянья на полу смялись и запылились, рубашки попрѣли и у многихъ галстухи не были одѣты. Дама сидѣла въ зеленой ватной кофтѣ, видно съ чужого плеча, но была завита и красныя, горѣвшія болѣзненнымъ румянцемъ щеки ея были припудрены.

— Профессоръ! крикнулъ съ угла стола очень худой, весь издерганный молодой человѣкъ съ бритымъ лицомъ. — Представьте насъ генералу.

Тотъ, кого назвали профессоромъ, былъ чистенькій опрятный старичокъ, съ тщательно разглаженными сѣдыми бакенбардами на сухомъ желтомъ, покрытомъ мелкими морщинами лицѣ. Онъ былъ въ черномъ длинномъ сюртукѣ и смятой крахмаленной манишкѣ и въ стоптанныхъ съ дырками сапогахъ.

— Господинъ генералъ! Ваше превосходительство, — сказалъ онъ слабымъ, красивымъ голосомъ и въ его свѣтлосѣрыхъ выпуклыхъ глазахъ появились слезы. — Вы попали въ коммуну забытыхъ. Дай Богъ, чтобы и васъ забыли, потому что...., онъ запнулся.

— Оставьте, профессоръ, тревожить тѣни умершихъ — сказалъ молодой человѣкъ. — Насъ здѣсь было сорокъ четыре человѣка. Мы попали сюда со временъ великой октябрьской революціи, когда восторжествовалъ пролетаріатъ. У насъ было

четыре генерала, рядомъ въ отдѣльной комнатѣ помѣщался великій князь, три депутата думы, шесть членовъ учредительнаго собранія, шесть юнкеровъ, пять офицеровъ, четыре студента, пять барышень курсистокъ и восемь людей разнаго званія. Насъ всѣхъ обвиняли въ контръ революціи, въ сочувствіи Керенскому и помощи его войскамъ. Генераловъ, офицеровъ и юнкеровъ вывели въ расходъ, остальныхъ убрали кого въ Кресты, кого въ крѣпость, а насъ оставили. Профессоръ, называйте буржуевъ.

Профессоръ оправившійся отъ охватившаго его волненія началъ опять говорить.

— Я, генералъ, заволновался, — сказалъ онъ, — потому что вы — генералъ. И мнѣ стало страшно за васъ. Я не переношу смертной казни, я всю жизнь возмущался противъ нея, писалъ громовыя статьи, а когда Толстой выступилъ со своимъ: „не могу молчать!“ — я прочелъ его статью студентамъ и пострадалъ за это.

— Вы знаете, генералъ, — сказала груднымъ густымъ контральто дама, отрываясь отъ папиросы, — большевики ему предлагали палачомъ стать и разстрѣливать буржуевъ.

Профессора передернуло.

— Къ дѣлу господа, крикнулъ молодой человѣкъ.

— Генералъ, вы видите людей съ издерганными нервами. Больныхъ, — заговорилъ снова профессоръ. Вы попали какъ бы въ камеру умалишенныхъ. Вотъ тотъ молодой человѣкъ, котораго всего передергиваетъ это Солдатовъ, — вы слыхали, — знаменитый художникъ старой школы. Ему тоже предлагали футуристомъ стать и плакаты писать на вагонахъ, прославляя выгоды совѣтскаго строя. Дама, — это Подлѣсская, — извѣстная пьянистка. Оба жили головою и руками, а у нихъ пальцы опухли отъ мороза и головы застыли въ этой камерѣ.

— И все таки: — выйду и напишу то, что задумалъ, сказалъ тотъ, кого назвали Солдатовымъ. Моя первая картина, съ которой я выступлю на передвижной выставкѣ по освобожденіи — будетъ называться: „смертникъ“. Я нарисую того артиллерійскаго генерала, котораго, помните, взяли отъ насъ въ ночь 30 октября. Новенькій китель на немъ, защитные золотые погоны, георгіевскій крестъ, Владиміръ на шеѣ. Блѣдное лицо. Никогда не забуду! И матросы кругомъ.... Потомъ я напишу картину: „Выборгскіе мученики“....

— Постойте, Солдатовъ, надо же всѣхъ представить, сказалъ его сосѣдъ.

— Зачѣмъ? — Просто — буржуи.

— Садитесь, генералъ, сюда, безъ церемоній, сказала дама. Я васъ напою чаемъ. Вы голодны, устали.

— Да. Я усталъ, сказалъ Саблинъ и удивился самъ своему голосу, такъ онъ ослабѣлъ отъ голода и безсонныхъ ночей.

— Напейтесь чаю и прилягьте потомъ. А послѣ пообѣдаемъ: — тутъ кормятъ недурно, даже мясо иногда даютъ, тутъ лучше чѣмъ въ Крестахъ, а потомъ мы постепенно и познакомимся. Все хорошій народъ. Одно слово: — буржуи!

Саблинъ сѣлъ на край скамейки и ему дали кружку съ теплымъ чаемъ.

Его сосѣдъ, пожилой человѣкъ съ очень худымъ и блѣднымъ лицомъ и длинной волнистой жидкой сѣдѣющей бородой, въ пенсне, оказавшійся богатымъ домовладѣльцемъ города Павловска нагнулся къ его уху и зашепталъ:

— Вы видите, въ углу сидитъ рыжій, съ круглымъ лицомъ, въ веснушкахъ, да... Его опасайтесь. У насъ подозрѣніе, что онъ коммунистъ и нарочно подосланъ. А остальные свои люди, настоящіе буржуи!..

Послѣ чая Саблинъ прошелъ въ сосѣднюю комнату, которая оказалась умывальной младшаго

класса институтокъ, потому что въ ней были низко придѣланы умывальники съ металлическими кранами, подложилъ подъ себя на асфальтовомъ полу свое пальто и заснулъ крѣпкимъ, тяжелымъ сномъ безъ сновидѣній.

XXX.

Въ одинадцатомъ часу вечера за Саблинымъ пришло два красногвардейца.

— Генерала Саблина на допросъ! — воскликнулъ одинъ изъ нихъ.

— Прощайте милый генералъ! Храни васъ Господь, — сказала Подлѣсская.

Саблинъ поднялся и вышелъ. Обѣдъ, который и правда былъ сытный и достаточный и чай его подкрѣпили. Голосъ окрѣпъ. Нервы были въ порядкѣ. Саблина провели по корридору и ввели въ большую комнату, вѣроятно бывшій институтскій классъ. Въ комнатѣ, кромѣ небольшого стола со стуломъ, стоявшаго по серединѣ и шкапа со старыми бумагами въ углу не было никакой другой мебели. Паркетный полъ былъ заплеванъ и заслѣженъ грязными сапогами. Надъ столомъ, спускаясь съ потолка на проволокѣ, тускло горѣла одинокая лампочка съ потемнѣвшимъ закоптѣлымъ колпакомъ. Углы комнаты тонули во мракѣ. Въ большія многостекольныя окна глядѣлась холодная зимная ночь. Топотъ шаговъ и голоса людей, непереставая и ночью ходившихъ по корридору доносился сюда глухо. Красногвардейцы, приведшіе Саблина остались у дверей. Саблинъ подошелъ къ столу и сѣлъ на стулъ.

Прошло четверть часа. Въ корридорѣ часы пробили одинадцать. Красногвардейцы стояли у дверей, опираясь на ружья и по временамъ тяжело вздыхали. Это были обыкновенные Петербург-

скіе рабочіе съ хмурыми лицами, одинъ былъ безусый, другой въ рыжихъ щетинистыхъ усахъ.

Въ двери торопливыми шагами прошелъ человѣкъ невысокаго роста, съ конопатымъ некрасивымъ лицомъ, бритый, нескладно сложенный, съ длинными, какъ у обезьяны руками и короткими ногами. Онъ рѣшительно подошелъ къ Саблину и остановился у столика. Саблинъ смотрѣлъ на него.

— Ваше превосходительство, — заговорилъ онъ, вы въ нашихъ рукахъ. Мы можемъ сдѣлать съ вами все, что хотимъ.

Онъ замолчалъ, какъ будто ожидая протеста, или возраженій. Саблинъ ничего не сказалъ.

— Все, все... до смерти включительно..., выкликнулъ маленькій человѣкъ, ероша на головѣ густые вьющіеся рыжеватые волосы. — Но мы можемъ васъ и помиловать, мы можемъ васъ и вознести на такую высоту, на какой вы не были при Царскомъ правительствѣ. Правда... тогда вы дѣлали, что хотѣли, теперь вы будете намъ служить и мы будемъ слѣдить за тѣмъ, чтобы вы намъ не измѣнили. Мы не обѣщаемъ вамъ, что мы васъ не повѣсимъ по ошибкѣ, но мы обѣщаемъ вамъ, что мы прикончимъ съ вами безотказно, если вы попробуете намъ измѣнить. Васъ, ваше превосходительство, обвиняютъ въ томъ, что вы пробирались на югъ къ генераламъ Алексѣеву и Каледину, чтобы идти противъ Совѣтской власти. Это обвиненіе настолько доказано, что мы не нуждаемся въ дальнѣйшемъ допросѣ.

— Я и не отрицаю этого, — сказалъ спокойно Саблинъ, оглядывая съ головы до ногъ маленькаго нескладнаго человѣка. — Я ѣхалъ къ Донскому Атаману Каледину, чтобы помогать ему въ священной борьбѣ за свободу Россіи.

— Ну вотъ... Вы напрасно ѣхали. 30-го января Атаманъ Калединъ застрѣлился. Онъ понялъ, что онъ шелъ противъ народа, что онъ былъ

игрушкой въ рукахъ иностраннаго капитала и онъ покончилъ съ собою. На Дону рабоче-казацкая власть. На Дону совѣты. Ваше превосходительство, сопротивленіе безполезно. Атаманъ Дутовъ разбитъ и окруженъ въ Оренбургѣ, Алексѣевъ бѣжалъ изъ Ростова. Весь народъ призналъ власть народныхъ комиссаровъ, единственную послѣ Царской законную власть.

— Вы считаете царскую власть законной?

— Безусловно. Я служилъ въ охранной полиціи Его Величества. Но, когда Государь отрекся, ваше превосходительство, временное правительство не имѣло никакого права захватывать власть въ свои руки. Единственная выборная власть, которая была законна: это совѣты. Князя Львова и даже Керенскаго, несмотря на его широкую популярность во всѣхъ слояхъ общества не призналъ никто. Ленина признали всѣ.

— Вы звали меня сюда для допроса, или для выслушанія обвиненія?, — перебилъ Саблинъ.

— Ни для того, ни для другого, ваше превосходительство. Мнѣ приказано передать вамъ лестное предложеніе вступить въ революціонный военный совѣтъ и помочь намъ своими знаніями, какъ спеціалистъ, создавать народную красную армію.

— Вы соціалисты?, сказалъ Саблинъ.

— Да, мы большевики. Мы коммунисты.

— Такъ для чего же вамъ армія? Вѣдь соціальное ученіе отрицаетъ армію, дисциплину, начальниковъ.

— Совершенно вѣрно. Но обстоятельства не позволяютъ еще намъ провести наше ученіе въ полной чистотѣ. Англійскій и французскій капиталы ополчились противъ насъ. Они формируютъ безчисленныя бѣлогвардейскія банды и завоеванія революціи въ опасности. Намъ нужно сдѣлать весь народъ способнымъ къ оборонѣ, милитаризировать страну. Мы хорошо знаемъ способности вашего превосходительства и я имѣю порученіе

отъ совѣта народныхъ комиссаровъ, въ частности отъ предсѣдателя рев-воен-совѣта, товарища Троцкаго предложить вамъ занять большое мѣсто въ народной красной арміи. Я не знаю какое — это подробность. Военнаго министра, командующаго фронтомъ — не меньше.

— Я могу видѣть товарища Троцкаго?, — сказалъ вставая Саблинъ.

— Для чего?

— Чтобы дать ему въ морду за его гнусное предложеніе!, — воскликнулъ Саблинъ такимъ громовымъ голосомъ, что часовые встрепенулись.

— Ахъ, ваше превосходительство, ваше превосходительство, — качая головою сказалъ маленькій человѣкъ. — Жаль мнѣ васъ очень, потому что много хорошаго я про васъ слышалъ.

Въ комнату вошелъ красавецъ матросъ. Онъ былъ очень высокаго роста, пропорціонально сложенъ, мускулистъ и силенъ. Черные волосы вились и природными локонами лѣзли на лобъ и на брови. Большіе масляные глаза смотрѣли открыто. На немъ былъ черный гвардейскій бушлатъ безъ погонъ и шаравары, заправленные въ щегольскіе сапоги. Отвагой и удалью дышало отъ его широкаго красиваго лица. Онъ подошелъ къ маленькому человѣку и сказалъ:

— Ну какъ, товарищъ Андрей. Уломали генерала.

Тотъ пожалъ плечами.

— Господинъ генералъ, сказалъ матросъ и Саблинъ почувствовалъ запахъ тонкаго вина. — Идите не колеблясь... Во первыхъ — идея: — вся власть совѣтамъ, Русскому народу. Вѣдь это тоже: единая, недѣлимая! Не всегда жиды верховодить будутъ нами, когда нибудь и сами сядемъ на нихъ. А потомъ жизнь вамъ скажу: — разлюли -малина. Прекрасный полъ, вино, и прочее. Я женатъ на генеральской дочери и кромѣ того успѣхи имѣю. И вамъ мы бы такихъ пролетаро-

чекъ соціализировали — пальчики оближете. Армія будетъ настоящая. Можно и въ морду заѣхать и все прочее, лишь бы не контръ революція. Да... господинъ генералъ, рекомендую!

— Я пойду доложу ваше рѣшеніе въ совѣтъ, сказалъ маленькій человѣкъ. — Не передумали.

— Охъ, господинъ генералъ, передумайте. Жалко васъ. Вѣдь иначе выборъ одинъ — лицомъ-ли, спиною, а къ стѣнкѣ... Гибнетъ цвѣтъ Россіи. Одно упрямство.

— Я сказалъ, стиснувъ зубы проговорилъ Саблинъ.

— Хорошо, я доложу.

Маленькій человѣкъ вышелъ вмѣстѣ съ матросомъ.

Саблинъ сталъ ходить по комнатѣ взадъ и впередъ. Онъ останавливался у окна. За окномъ былъ садъ, заиндевѣлыя старыя липы и дубы протягивали кривыя черныя сучья запорошенныя снѣгомъ, глубокіе сугробы лежали въ саду. За каменною стѣною съ каменными бесѣдками широкимъ бѣлымъ полотномъ разстилалась Нева и на томъ берегу тускло свѣтились окна въ маленькихъ домикахъ на Охтѣ.

„Разбить окно и броситься съ третьяго этажа на снѣгъ“, подумалъ Саблинъ. — „Быть можетъ есть и шансъ, что не убьешься. А дальше что? Опять погоня, крики, улюлюканье, выстрѣлы, побои, оскорбленія“...

„Претерпѣвый же до конца — спасется“!

„Христосъ терпѣлъ и намъ терпѣть велѣлъ“, вспомнилъ Саблинъ наставленіе своей няни и отвернулся отъ окна.

Въ корридорѣ стучали ружьями и сапогами. Большой отрядъ, человѣкъ двадцать матросовъ, вошелъ нестройною толпою въ комнату и окружилъ Саблина. За ними быстро вошелъ средняго роста рыжеватый еврей въ закрытомъ военномъ френчѣ, шараварахъ и сапогахъ съ черными ко-

жаными голенищами. Онъ держался очень прямо и голова его была задрана кверху. Маленькая бородка торчала впередъ. На тонкомъ носу было пенсне.

— Генералъ Саблинъ, — властно сказалъ онъ, вы отказываетесь служить намъ своими знаніями и опытомъ... Значитъ вы не поспѣли еще. Погодите, голодъ научитъ васъ. Вотъ, какъ поторгуете газетами на улицѣ, послужите швейцарами, побѣгаете по банкамъ, ища грошеваго заработка, узнаете нищету — станете сговорчивѣе. Въ Петропавловскую!.. Въ Трубецкой!.. Впредь до распоряженія!.. гнѣвно крикнулъ онъ. И не успѣлъ Саблинъ что либо сказать, какъ еврей вышелъ быстрыми твердыми шагами.

Въ ту же ночь Саблина перевезли на грузовомъ автомобилѣ въ Петропавловскую крѣпость и заточили въ одиночной камерѣ въ небольшомъ двухъэтажномъ домѣ за монетнымъ дворомъ.

XXXI.

Широкими степными шляхами, бурьяномъ поросшими, мутными рѣками, въ камышахъ притаившимися, запрятавшимися между балокъ крутыхъ и извилистыхъ, станичными глухими проулочками среди плетней затерявшимися, садами пахучими отъ духа вишневаго цвѣта, сирени и черемухи, заросшими и тѣнистыми, полными мечтательной тайны шелъ шопотъ по Дону. Тихій и въѣдливый. Съ оговоркой, съ оглядками, недосказанно говорили по станицамъ и хуторамъ, по бѣлымъ мазанкамъ и кирпичнымъ подъ желѣзо выведеннымъ домамъ, по казармамъ и школамъ, вездѣ, гдѣ стояли станичники о томъ, что новая власть комиссарская „не тае“ будетъ, „не подходяшша для нашего казачьяго обихода“.

Темными весенними ночами приходили изъ степи молодые исхудалые люди съ горящими, какъ у волковъ голодными глазами, крестились на иконы, садились на лавку и говорили тихо и вкрадчиво о донской старинѣ, о вольности казачьей.

— Да развѣ такое бывало, — говорили они. — Иногороднiе сѣли на горбъ казакамъ и правять, а по какому такому праву? И кто ихъ выбиралъ?

— Заслужили, значитъ, свое, — мрачно, глядя въ сторону говорилъ хозяинъ хаты и ближе подвигался къ разсказчику.

— Въ Персiановскомъ лагерѣ церьковь осквернили, надъ иконами святыми надругались . . ., тихо говорилъ пришелецъ.

— Митрополита по городу таскали . . ., добавлялъ онъ, помолчавъ,

— Офицеровъ перебили. А за что? Не такiе же они казаки? Не наши сыновья, или братья, — уже смѣлѣе досказывалъ онъ.

— И кто! и кто дѣлаитъ — то все это? Подтелковъ, а кто онъ Подтелковъ? Слыхалъ ты его? Ума то его пыталъ — что ли? Знаешъ его способностя? Онъ только вино жрать и здоровъ, — наконецъ высказывалъ затаенную свою мысль и хозяинъ хаты.

Въ Новочеркасскѣ освободили изъ тюрьмы Митрофана Петровича Богаевскаго, помощника Атамана Каледина и привезли его въ кадетскiй корпусъ.

— Разсказывай про былую славу нашу и вольность, — сказали ему казаки Голубовцы.

Безъ малаго три часа говорилъ Митрофанъ Петровичъ. Это была его лебединая пѣсня. Хмуро слушали его казаки. Тяжко вздыхали. Отвезли потомъ назадъ на гауптвахту. А когда пришелъ къ нимъ Голубовъ и сталъ свое говорить про совѣтскую власть раздались изъ рядовъ гнѣвные окрики: —

— Довольно... Завелъ насъ сукинъ сынъ! Замоталъ самъ не знаетъ куда.

Косились казаки на матросовъ и красноармейцевъ распоряжавшихся по Новочеркасску, косились, но молчали. Особнякомъ держались. Своими казачьими караулами заняли музей и институтъ, не позволили осквернить Собора. Чувствовалось, что разные люди стоятъ въ городѣ и по разному думаютъ. Изъ станицъ перестали возить хлѣбъ и мясо на базаръ и стало красное воинство недоѣдать.

Красноармейскія банды, руководимыя Подтелковымъ, Антоновымъ, Сиверсомъ и Марусей Никифоровой, расползались по желѣзнымъ дорогамъ. Это были красные дни красной гвардіи. Дисциплины не признавали, вожди были выборные, да и ихъ не слушались. Походъ былъ кровавый хмѣльной праздникъ, охота на жирнаго буржуя, сплошной грабежъ и издѣвательство. Путешествовали эшелонами, выходя изъ вагоновъ лишь для боя и грабежа. Тутъ же въ вагонахъ везли и награбленное имущество, степныхъ дорогъ не признавали и отъ желѣзнодорожныхъ путей не отходили.

Въ Новочеркасскѣ свирѣпствовали Голубовъ, Подтелковъ и Медвѣдевъ, мрачный тріумвиратъ, въ Ростовѣ фонъ Сиверсъ разстрѣливалъ съ балкона Паласъ-отеля между рюмками ликера юнкеровъ, подъ Батайскомъ шарила Маруся Никофорова — кавалеристъ дѣвица, собственноручно пытавшая плѣнныхъ; по путямъ югозападной дороги, въ Донецкомъ бассейнѣ „правилъ" гимназистъ реалистъ Антоновъ, а въ 20-ти верстахъ отъ Новочеркасска за разлившимся Дономъ, за голубыми водными просторами по станицамъ робко сидѣли комиссары изъ мѣстной голытьбы, изъ лавочныхъ сидѣльцевъ и аптекарскихъ учениковъ и до смерти боялись казаковъ. Тамъ шло все по старому.

А могучая степь по весеннему дышала, поднималась зеленью травъ, вставала утренними туманами, играла днемъ волшебными миражами среди неоглядняго солнечнаго простора и несла свои думы и разсказывала свои сказки казакамъ.

Настало время пахать и „Господи благослови!“ — запрегъ казакъ большихъ круторогихъ воловъ въ плуги и вышелъ въ степь поднимать Божью ниву. Наступило время работать въ зеленыхъ виноградныхъ садахъ и пошли казаки и казачки завивать лозы и устраивать „кусты“, чтобы привольно было зрѣть винограду.

И въ степи необъятной, и въ садахъ прохладныхъ, молодыми ярко зелеными листочками лозъ покрытыхъ, услышали казаки вѣковѣчную правду. Тѣни предковъ явились въ грезахъ сонныхъ на степныхъ шалашахъ и по крутымъ садовымъ откосамъ, разсказалъ о ней плескомъ синихъ волнъ. Тихій Донъ, разлившійся по всему широкому займищу и фронтовики, ходившіе всю зиму панычами стали заботно оглядывать плуги и бороны, стали выходить на свои паевые надѣлы. Хмарь и туманъ проходили. Лозунги и резолюціи, шумные митинги казались тусклыми и ненужными, стыдно становилось содѣяннаго.

„Эхъ!“ говорили они. — „Не на кого опереться. Что-жъ, его сила. Большевики то весь Русскій народъ. Кабы было на что опереться стряхнули бы мы всѣхъ комиссаровъ“ . . .

Историкъ, который будетъ изучать противубольшевистское движеніе долженъ будетъ остановиться на слѣдующихъ причинахъ, положившихъ начало оздоровленію юга Россіи весною 1918 года. И первая причина была, конечно, та, что поборы, насилія и убійства, касавшіяся только горожанъ, „буржуевъ“, офицеровъ и бывшія выгодными для казаковъ, такъ какъ давали имъ добычу, — коснулись и самихъ казаковъ. Въ мартѣ большевики отправили изъ Новочеркасска матросовъ

въ станицу Кривянскую за мукою и скотомъ для продовольствія гарнизона. Коммуна стала осуществлять свои права. Ихъ встрѣтили топорами и дубьемъ. Былъ посланъ карательный отрядъ. Изъ за Новочеркасскаго вокзала стали обстрѣливать Кривянскую артиллерійскимъ огнемъ, сожгли до трехсотъ хатъ, но казаковъ не испугали, но озлобили. И пришлось бы смолчать казакамъ, пришлось бы имъ покориться, если бы не сложились въ это время всѣ обстоятельства благопріятно для возстанія.

Вторая причина была та, что явилась надежда у лучшихъ казаковъ, что порядокъ возстановить можно. У худшихъ казаковъ явился страхъ отвѣтственности. Темные, глухіе, неясные неслись по степи слухи о нѣмцахъ, уже пришедшихъ на Украину и повсюду возстановившихъ старый порядокъ. Это приближеніе германскихъ частей генерала фонъ Кнерцера съиграло двойную роль. Оно дало возможность опереться на нѣмцевъ, создать изъ полосы ими занятой надежную базу, съ другой стороны дало возможность возбудить патріотизмъ среди казаковъ и поднять ихъ для того, чтобы не допустить нѣмцевъ поработить себя.

Третья причина была та, что на Дону вмѣсто людей расплывчатыхъ рѣшеній, соглашательскаго характера, людей шатающихся между властью и демократіей явились люди сильнаго характера, твердой воли, страстные патріоты, способные владѣть умами казаковъ. Такими людьми были Георгій Петровичъ Яновъ и полковникъ генеральнаго штаба Святославъ Варламовичъ Денисовъ. Эти люди знали чего хотѣли. Они сознали, что Россія временно рухнула, провалилась въ кошмарное небытіе, разложилась на составныя части, изъ которыхъ ни одной Русской не было. Создать изъ войска такую Русскую часть стало идеею этихъ людей и этой идеей они увлекли казаковъ.

Если къ этому прибавить, что съ востока шли весьма смутные слухи о томъ, что изъ Сибири идетъ Адмиралъ Колчакъ, а на западѣ упорно говорили, что съ нѣмцами идетъ генералъ Щербачевъ со всею Румынскою арміей то ясно станетъ, что на Дону создавалось настроеніе боязливое — приближался тотъ „отвѣтъ“, котораго такъ боялись всѣ впутанные въ кровь и преступленіе казаки.

Эти то условія, — то есть то, что, во первыхъ большевики сняли съ себя маску и стали грабить и разрушать казачьи хозяйства, не признавая казачьей собственности, во вторыхъ, что появленіе твердо дисциплинированныхъ германскихъ частей на Украинѣ и возстановленіе тамъ порядка и права собственности ободрило однихъ и испугало другихъ, въ третьихъ, что на Дону появились честные и стойкіе волевые люди, которые въ это трудное время взяли на себя власть и съумѣли осуществить ее, опираясь на казаковъ же, а не на офицеровъ и „буржуевъ“, въ четвертыхъ слухи о Колчакѣ и Щербачевѣ и создали почву, на которой смогъ установиться порядокъ на Дону и могла возродиться Добровольческая Армія

И безъ этихъ условій — Добровольческая Армія генерала Деникина никогда не смогла бы ни встать на ноги, ни оправиться, ни съорганизоваться.

Зашумѣли по станицамъ и хуторамъ дерзкія рѣчи про комиссаровъ. Открыто, не потаясь читали на сѣверѣ стихотвореніе въ прозѣ донского писателя Ѳ. Д. Крюкова, директора Усть Медвѣдицкой гимназіи „Родимый Край“. Пророчески говорилъ въ немъ скромный Ѳедоръ Дмитріевичъ:

.... „Во дни безвременья, въ годину смутную „развала и паденья духа, я, ненавидя и любя, „слезами горькими оплакивалъ тебя, мой край „родной... Но все же вѣрилъ, все же ждалъ: за „дѣдовскій завѣтъ и за родной свой уголъ, за

„честь казачества взметнетъ волну нашъ Донъ „сѣдой... Вскипитъ, взволнуется и кликнетъ кличъ, „кличъ чести и свободы!

„И взволновался Тихій Донъ... Клубится по „дорогамъ пыль, ржутъ кони, блещутъ пики... „Звучатъ родныя пѣсни, серебристый подголосокъ „звенитъ вдали, какъ нѣжная струна... Звенитъ „и плачетъ, и зоветъ... То край родной возсталъ „за честь отчизны, за славу дѣдовъ и отцовъ, за „свой порогъ родной и уголъ.

„Кипитъ волной, зоветъ на бой родимый Донъ... „За честь отчизны, за казачье имя кипитъ, вол- „нуется, шумитъ сѣдой нашъ Донъ, родимый „край“....

Мартовскимъ яснымъ вечеромъ, когда надъ степью легла розовая дымка, а въ станицѣ силь-нѣе сталъ пряный запахъ цвѣтущихъ яблонь и вишень, вдругъ на станичный бульваръ, ведущій къ собору и присутственнымъ мѣстамъ высы-пала толпа молодежи. Гимназисты реальнаго учи-лища, прозванные шутниками „реальная сила“, нѣсколько офицеровъ въ свѣтлыхъ погонахъ, ка-заки подростки, сопровождаемые большою толпою казаковъ стариковъ и фронтовиковъ 9-го Донского полка шли за старымъ человѣкомъ въ судейской фуражкѣ. Это былъ почетный мировой судья Чумаковъ. Сѣрые глаза его были полны слезъ, сѣдые усы безпорядочными прядями спускались къ нижней губѣ, черное пальто моталось надъ запыленными, длинными складками упадавшими на башмаки, штанами. Вся толпа шла къ станич-ному правленію, гдѣ засѣдали комиссары, требо-вать у нихъ отчета въ ихъ управленіи.

Молодые голоса запѣли старую казачью пѣсню, её невольно подхватили строевые казаки и по станицѣ полилась широкимъ напѣвомъ пѣсня казачья. Зазвучала она, зазвенѣла, заплакала и стала звать возстать „за честь отчизны, за славу дѣдовъ и отцовъ, за свой порогъ родной и уголъ“.

Слава намъ войску Донскому
Слава донскимъ казакамъ,
Войсковому Атаману
И станицамъ и полкамъ!

пѣли въ толпѣ и въ перерывахъ между куплетами пѣсни, молодые мощные басы зычно ревѣли:

— Долой комис-саровъ!..

Ночью за глухими ставнями, желѣзными засовами припертыми, въ маленькихъ комнатушкахъ съ олеандрами въ кадкахъ, мышиными шопотами тревожно шептались по угламъ станичники.

— Что то будетъ! Ой что то будетъ! Не иначе, какъ Чумакова къ стѣнкѣ поставятъ.

— Слыхать съ Ростова пароходы идутъ съ матросами и красногвардейцами.

Липкій страхъ бродилъ по темнымъ угламъ и тревожно прислушивались къ ночной тишинѣ, все ждали выстрѣловъ, жуткаго треска залпа разстрѣловъ.

А на утро облегченно вздохнули. По станицѣ неслась радостная вѣсть. Казаки арестовали комиссаровъ и пригласили стараго окружнаго атамана управлять ими. Въ боковой улицѣ слышалась бодрая команда. „Первый, второй, третій"... разсчитывались казаки 9-го полка, формируя сотню на защиту родной станицы. У многихъ на шинеляхъ уже нашиты были погоны. Лихой есаулъ проскакивалъ вдоль фронта на гнѣдомъ конѣ и слышалась смѣлая команда — „смир-рна"!...

По Дону, къ станицѣ спускался на пароходахъ „Пустовойтовъ", „Венера" и „Москва" походный атаманъ Поповъ съ дѣтьми партизанами, съ тою самою молодежью, которую увелъ онъ февральскимъ морознымъ днемъ изъ Новочеркасска.

И взволновался Тихій Донъ!...

XXXII.

Сначала движеніе было стихійное, неорганизованное. Станицы поднимались только для защиты самихъ себя, изгоняли комиссаровъ, призывали своихъ старыхъ станичныхъ атамановъ, выставляли посты и заставы на дорогахъ и тревожно ожидали мести большевиковъ.

Оружія у казаковъ не было. Совѣтская власть въ предвидѣніи возможности возстанія, отпускала на Донъ съ фронта полки, не иначе, какъ отобравши отъ нихъ оружіе... Тамъ, гдѣ станицы были недалеко отъ желѣзной дороги большевистская власть посылала карательные отряды съ артиллеріей и начались сраженія уже не съ дѣтьми партизанами, какъ то было при Калединѣ, а со старыми казаками и фронтовиками. Народно-крестьянская власть пошла противъ народа и крестьянъ и противъ нее встали тѣ, кто раньше стоялъ въ оппозиціи правительству, или держалъ нейтралитетъ. Помощь оружіемъ и патронами нужны были Дону. Все остальное имѣлось. Организація была готовая, полки еще не потеряли своей спайки, офицеры скрывались, работая въ поляхъ, садахъ и огородахъ наряду съ простыми казаками, и готовы были явиться въ полки по первому призыву — но нужны были ружья, пулеметы и патроны.

Станицы Донецкаго округа послали ходоковъ къ нѣмцамъ просить честной рыцарской помощи и помощь эту получили... Хоперцы со своимъ вождемъ, народнымъ учителемъ Дудаковымъ, дрались своими силами. 2-й Донской округъ призвалъ Мамантова, скитавшагося, подобно походному атаману Попову, по степи съ гимназистами Нижне-Чирской гимназіи, къ нему примкнула первая возставшая на Дону станица Суворовская.

Въ станицѣ Мигулинской семидесятилѣтній казакъ, урядникъ Лагутинъ, сѣлъ на неосѣдлан-

наго маштака, вооружился самодѣльною пикою и пошелъ во главѣ казаковъ на красногвардейскій полкъ. Разметалъ, въ плѣнъ забралъ ошалѣвшихъ солдатъ и захватилъ пушки, винтовки и патроны.

На югѣ возстала Егорлыцкая станица и послала гонцовъ на Кубань искать помощи у добровольцевъ.

Казаки готовы были идти съ тѣми самыми „кадетами", которыхъ выстрѣлами въ спину провожали они два мѣсяца тому назадъ.

И стало ясно всему Донскому войску, что пока не объединится, не устроится все это движеніе — обречено оно на гибель.

Уже разсѣяны были отряды Дудакова и самъ Дудаковъ скрывался въ степи, тяжело приходилось Мамантову, со всѣхъ сторонъ окруженному врагами. Пылали станицы на югѣ, подожженныя карательными отрядами большевиковъ, есаулъ Фетисовъ, на одинъ день захватившый было Новочеркасскъ долженъ былъ отойдти и новыми казнями мстили большевики жителямъ Новочеркасска за свое пораженіе и тревогу. Притихъ Ново черкасскъ. Но и притихши тревожно ожидалъ того момента, когда можно будетъ снова возстать Не хватало Дону управленія и это управленіе явилось въ лицѣ „круга спасенія Дона".

Остатки стараго Калединскаго круга, но остатки сильные и крѣпкіе, не побоявшіеся вылѣзть изъ подполья и загозорить громкимъ голосомъ о правахъ казачьихъ, старые казаки десяти свободныхъ отъ большевиковъ станицъ собрались около войскового есаула Георгія Янова въ станицѣ Заплавской и постановили: — освободить Донъ отъ большевиковъ и возстановить на Дону атаманскую власть и старое богатое и привольное житье.

Они пригласили скрывавшагося въ станицѣ Богаевской подъ видомъ желѣзнодорожнаго техника полковника Денисова и поручили ему формировать станичныя дружины . . .

Послѣ февральской революціи всю Россію охватило какое то пренебрежніе къ военной наукѣ. То, что вѣками считалось непреложными истинами, теперь смѣло отметалось новаторами военнаго искусства: Гучковыми, Керенскими, Крыленко и другими, стремившимися демократизировать армію. Стройная система обращалась въ хаосъ, полки замѣнялись отрядами, партизанство и добровольчество вводилось въ систему. Не избѣжало этого и войско Донское въ печальные дни своего развала. Каледину не удалось возстановить старые полки и дивизіи и ему пришлось хвататься за отряды и дружины, за партизанъ Чернецова и Тихона Краснянскаго, за гимназическія дружюны Семилѣтова, за станичныя дружины есауловъ Назарова и Бокова. Попутно съ ними формировались отряды «Стеньки Разина», «бѣлаго дьявола» и т. п. о чемъ объявлялось въ газетахъ и распубликовывалось въ спеціальныхъ объявленіяхъ, расклеиваемыхъ по городу.

Они погибли. Денисовъ началъ съ того, что отметнулъ партизанство и добровольчество, но придалъ станичнымъ дружинамъ характеръ старыхъ полковъ. Онъ вызвалъ офицеровъ и началъ съ воспитанія и обученія казаковъ, собравшихся на защиту Дона по призыву круга спасенія.

Широкій разливъ Дона отдѣлялъ его отъ Новочеркасска и за нимъ, почти на глазахъ у большевиковъ, маршировали, разсыпались цѣпями, маневрировали Денисовскія дружины.

Въ концѣ Великаго поста партизаны походнаго атамана Попова соединились съ казаками Денисова и Денисовъ задумалъ смѣлый планъ прочно захватить въ свои руки Новочеркасскъ. Острымъ военнымъ умомъ этотъ маленькій, рыжеватый человѣкъ съ красивой характерной головою, не по лѣтамъ моложавый, подвижной, крикливый, надоѣдливый и упорный, понялъ, что, если онъ не поторопится сдѣлать это, сдѣлаютъ это

нѣмцы, и тогда на Дону разъиграются событія, подобныя Кіевскимъ, Атаманъ будетъ посаженъ нѣмцами и будетъ опираться на нѣмецкіе штыки. Не о такой свободѣ отъ большевиковъ мечтали Денисовъ и Яновъ. Но Денисовъ подчинялся Походному Атаману Попову, зависѣлъ отъ его штаба, являясь только начальникомъ „южной группы“ въ которую входили созданные имъ изъ казаковъ полки.

Поповъ медлилъ. Онъ боялся повторить ошибку Фетисова и не удержаться въ Новочеркасскѣ. Приближалась Пасха. Огнемъ горѣли глаза казаковъ дружинъ и молодежи. У многихъ въ Новочеркасскѣ были родители, братья, сестры, всѣмъ хотѣлось во что бы то ни стало встрѣтить свѣтлый праздникъ вмѣстѣ, героями войдти въ этотъ день въ Новочеркасскъ.

Денисовъ учелъ это настроеніе и рѣшилъ вопреки плану, разработанному въ штабѣ походнаго атамана, который состоялъ въ нерѣшительныхъ дѣйствіяхъ на Александро-Грушевскъ — захватить Новочеркасскъ. Военнымъ умомъ своимъ Денисовъ учуялъ, что моральное превосходство на его сторонѣ, а въ бою — онъ это зналъ со школьной скамьи — $^2/_3$ успѣха составляетъ моральный духъ войска.

XXXIII.

Дѣдъ Архиповъ волновался. Онъ не призналъ комиссарской власти и, когда комиссары сидѣли въ станицѣ, онъ скрывался на сосѣднемъ зимовникѣ и какъ медвѣдь отлеживался въ берлогѣ. Теперь онъ вернулся, чисто прибралъ хату, прошелъ на конюшню, вычистилъ, напоилъ и накормилъ коня, посѣдлалъ его сѣдломъ съ бѣлометальнымъ уборомъ, надѣлъ на себя свой длинный темносиній мундиръ, нацѣпилъ колодку

съ крестами и медалями, снялъ со стѣны старую икону Божіей матери съ темнымъ коричневымъ ликомъ, обложенную серебромъ, завернулъ въ шелковый выцвѣтшій платокъ и пошелъ искать по станицѣ „самого главнокомандующаго".

Онъ шелъ неторопливо, ведя за чумбуръ бураго маштака и поднимая пыль ярко начищенными сапогами съ задранными кверху носками. Лицо его было благообразно, сѣдая борода тщательно расчесана, сѣдые волосы красивыми кудрями выбивались изъ подъ синей съ алымъ околышемъ фуражки. Съ боку висѣла шашка со старою круглою рукояткою обвитою по черной кожѣ тонкою витою проволокой. Красный лампасъ сверкалъ изъ подъ длинныхъ полъ мундира—татарки. Была страстная суббота и вѣтеръ гулялъ по станицѣ, поднимая клубы пыли и завивая ихъ столбами. Великопостные часы отошли въ каменной старинной церкви, народъ попрятался по хатамъ. У каждаго къ великому дню что либо готовилось.

Архиповъ шелъ важный и величавый и толстый меринъ его шелъ за нимъ также важно, величаво, поглядывая по сторонамъ. Сзади брела косматая овчарка Архипова и тоже, казалось, сознавала важность минуты.

Встрѣчавшіеся казаки снимали фуражки, или козыряли сѣдинамъ Архипова и говорили почтительно: —

— Здорово дневали, Архипычъ?

— Здорово, здорово, — говорилъ сквозь зубы Архиповъ и шелъ дальше.

«И куда это дѣдъ собрался», — думали казаки, — «и со всѣмъ хозяйствомъ своимъ. И Жучка даже забралъ».

А Архиповъ шелъ, никого не спрашивая, военной смѣкалкой расчитывая отъискать «самого главнокомандующаго».

Наконецъ онъ увидалъ домъ, у котораго стояли посѣдланныя казачьи лошади и къ которому съ

двухъ концовъ тянулись телефонные черные провода.

— Кто здѣся стоить? спросилъ онъ у строевого казака въ шинели и при винтовкѣ, дежурившаго у дверей.

— Командующій Южной группой, полковникъ Денисовъ, отвѣчалъ тотъ.

— Полковникъ, — сказалъ Архиповъ. — А не енаралъ? Чудно говоришь. Говоришь чего не понимаешь. Енаралъ будетъ послѣ завтрево. Вотъ что. Подержи, милый, коня. Я къ нему дѣло имѣю.

И, бросивъ чумбуръ казаку, дѣдъ Архиповъ поднялся не по стариковски бодрыми шагами на крылечко, толкнулъ дверь и очутился въ просторной комнатѣ. За столомъ, надъ разложенною картою сидѣлъ маленькій кривоногій человѣкъ съ загорѣлымъ лицомъ и, ероша густые волосы, разглядывалъ карту. Съ боку стоялъ, перегнувшись на столъ, очень высокій худой офицеръ въ есаульскихъ погонахъ, съ лицомъ безъ усовъ и бороды, и съ густыми мохнатыми русыми волосами. Сидѣвшій у окна на скамьѣ толстый сотникъ проворно кинулся къ старику и, перегораживая ему дорогу, сказалъ.

— Сюда нельзя, дѣдушка. Здѣсь военный совѣтъ.

Архиповъ посмотрѣлъ на толстаго офицера и не останавливаясь спросилъ: — которой здѣсь самый главный командующій?

Высокій есаулъ выпрямился и смотрѣлъ на старика. Полковникъ, склонившійся надъ картой, вскочилъ на свои короткія, кривыя отъ верховой ѣзды ноги и съ привѣтливой ласковостью вышелъ изъ за стола навстрѣчу старику.

— Ты чего, дѣдушка, — сказалъ онъ, — обидѣлъ что ли кто тебя? Какую нужду имѣешь ко мнѣ?

Архиповъ внимательными острыми глазами смотрѣлъ на полковника, точно изучалъ его и оцѣнивалъ.

— Денисовъ? сказалъ онъ. — Природной казакъ... А какихъ Денисовыхъ? Адріану Карпычу, атаману, какъ придешься?

— Родной внукъ, — отвѣчалъ полковникъ.

— Такъ, такъ... Варламъ Денисовъ, полковникъ, что семымъ полкомъ командовалъ отецъ приходится?

— Отецъ.

Старикъ еще разъ зорько окинулъ глазами полковника Денисова. Морщины, набѣжавшія на темное загорѣлое лицо его, разбѣжались и остались только маленькія черточки, кучками бѣжавшія къ вискамъ, отъ которыхъ лицо Архипова лучилось какою то особенною, свѣтлою, чистою, стариковскою радостью.

— Малъ золотникъ, да дорогъ, — сказалъ онъ медленно и раздѣльно, какъ бы оцѣнивая по своему малый ростъ полковника Денисова.

Онъ развернулъ принесенную икону Божіей Матери и положилъ ее на столъ.

— Владычица!, — сказалъ онъ, крестясь... — Пресвятая Божія Матерь! Насталъ часъ! Не послѣдній, не конешный часъ, насталъ часъ и будетъ! — Я тебя спросилъ, а ты меня не спросилъ, кто я, обратился онъ къ Денисову. Я—Архиповъ, урядникъ 48-го Донского казачьяго полка и кавалеръ . . . Ну, слухай теперь . . . Было у мене пять унуковъ . . . Одинъ погибъ, какъ въ Восточной Пруссіи были полки наши . . . Другой погибъ какъ Варшаву слобоняли, значитъ, за поляковъ погибъ. О третьемъ писали не то убитъ, не то безъ вѣсти пропалъ въ Венгріи, ну, понимаю, убитъ значитъ. Живымъ Ленька не дастся. Не таковской казакъ. Четвертаго свои солдаты убили, какъ бунты по Россіи пошли. Пятый въ Питербурхѣ остался, въ первомъ Суворовскомъ полку служилъ и гдѣ онъ, служитъ, аль нѣтъ — не могу про то опредѣлить. Полагательно, что обманули его. Простъ былъ парень и до дѣвокъ охочъ. Не иначе, какъ

соблазнули его... Ну вотъ. Оставался при мнѣ правнукъ мой, старшаго внука сынъ, Пѣтушкомъ его по станицѣ звали. Какъ Атамана Каледина, значитъ, защищать пошли и пришелъ къ Чернецову полковнику въ отрядъ Пѣтушокъ. Вотъ онъ самый и есть. Пришелъ, и въ бою подъ Горною, душу свою невинную за Престолъ и Отечество Господу силъ отдалъ. Тѣло его я разыскалъ. Изуродовано до точности извергами, ну узнать можно. Похоронилъ тута... Вѣрно все это, надъ иконою Божіей Матери клянусь... Велика жертва казачья. Положило казачество животы свои за мать Россію... А видать мало... Бери, ваше высокоблагородіе, меня, и съ конемъ моимъ, Пѣтушку берегъ его... и со всѣмъ пречендаломъ моимъ. Послужу по стариковски... Слушай! послѣ завтра на зарѣ въ Новочеркаскѣ будешь. И не убойся ничего. Все по твоему будетъ. Задумалъ правильно. Свѣтлая твоя голова. А икону бери, да охранитъ Святымъ своимъ покровомъ Заступница! Аминь, ваше высокоблагородіе.

И, вытягиваясь во фронтъ, и надѣвая снятую было предъ иконой фуражку, Архиповъ приложилъ руку къ козырку и рисуясь стариковской выправкой бодро спросилъ:

— Какой приказъ есть, ваше высокоблагородіе?

— Приказъ... Ординарцемъ ко мнѣ... Владиміръ Николаевичъ, — сказалъ Денисовъ толстому сотнику, — прикажите устроить урядника Архипова.

— Кру-гомъ, скомандовалъ самъ себѣ Архиповъ, повернулся по уставу и пошелъ изъ хаты.

— Ты видишь, Георгій Петровичъ, — сказалъ Денисовъ, обращаясь къ высокому есаулу.

— Я же что говорилъ!, горячо воскликнулъ есаулъ. — Живъ Донъ! Эхъ и съ такими золотыми людьми не отстоять своей свободы, не сказать по старому, по казачьему: — здраствуй Царь въ Кременной Москвѣ, а мы, казаки, на Тихомъ Дону.

— Я рѣшился, — задумчиво сказалъ Денисовъ. — Надо положить предѣлъ этимъ недостойнымъ колебаніямъ. Новочеркасскъ насъ ждетъ, мы не можемъ его обмануть. Ты примешь мѣры, чтобы Походный Атаманъ и Сидоринъ не могли помѣшать. Въ ночь съ Воскресенья на понедѣльникъ мы пойдемъ. А тамъ, что Богъ дастъ!

XXXIV.

Свѣтло Христово воскресенье въ 1918 году приходилось на 22 апрѣля. Былъ яркій, солнечный, но холодный день. Въ Новочеркасскихъ церквахъ служили заутрени, а потомъ обѣдни. Жители изъ послѣднихъ средствъ собрали муку, напекли пасхи, покрасили яйца и шли, чтобы освятить ихъ по православному обычаю. На пути ихъ встрѣчали красногвардейскіе патрули и отбирали отъ нихъ со смѣхомъ и грубыми шутками розговѣны. Всю ночь ходили по Новочеркасску воинскія команды красной гвардіи, заглядывали въ окна, врывались въ дома, выходили къ Аксаю и тревожно прислушивались и приглядывались къ тому, что дѣлалось въ Задоньи. Они получили извѣстіе, что казаки въ пасхальную ночь пойдутъ на Новочеркасскъ...

Холодомъ и сыростью тянуло отъ займища, пахло болотною травою и мокрымъ пескомъ. Съ вѣтромъ отъ Богаевской изъ Заплавъ, съ Кривянки и съ Ольгинской, а по Дону и съ самаго стараго Черкасска доносило благовѣстъ церквей, видны были горящія свѣтомъ громадныя окна и въ темнотѣ ночи чудились тѣни искрящихся огоньками свѣчекъ крестныхъ ходовъ.

„Богу молятся“..., думали красногвардейцы, — „Нѣтъ, побоятся, не посмѣютъ напасть“.

Казаки 10-го и 27-го полковъ были хмуры. Запрятались по квартирамъ. Совѣсть глодала

ихъ. Къ нимъ посылали изъ задонья, чтобы перешли казаки къ казакамъ. И не смѣли. Боялись. Сосало подъ ложечкой. Злая тоска одолѣвала... „Въ случаѣ чего“ — рѣшали промежъ себя — „нейтралитетъ держать“.

Не вѣрили красногвардейцы казакамъ, казаки боялись суровой расправы, стрѣльбы въ спину.

Изъ Ростова въ эшелонахъ пришли подкрѣпленія. Тамъ тоже было неспокойно. Разсказывали, что нѣмцы Таганрогъ уже заняли и къ Ростову подходятъ.

— Онъ, нѣмецъ то, — говорилъ въ темнотѣ, сидя на полу открытаго товарнаго вагона, переполненнаго людьми молодой солдатъ со свиными жолтыми глазами, прикрытыми бѣлыми рѣсницами и завитыми мочальными волосами — онъ не таё. Не то что нашъ. Ему все ничаво. Сказалъ — „хальтъ“ — и кончено. Ни ты ему что, ни онъ тебѣ. Наши и ружья сдаютъ, не стрѣляютъ.

Патруль, пришедщій изъ Новочеркасска остановился на пути и слушалъ.

— Помиритъ, можетъ, нѣмецъ то, — задумчиво проговорилъ одинъ изъ патрульныхъ.

— Что-жъ. Подъ нѣмца можно. Лишь бы не Царь.

— А что Царь?, зѣвая сказалъ патрульный.

—Да надоѣло это все...

И потомъ долго молчали. Красногвардейцы патруля стояли, какъ истуканы и не моргая смотрѣли въ переполненный людьми вагонъ. Оттуда шелъ теплый прѣлый людской запахъ, слышалось сонное сопѣніе и хрипъ. Кудлатый парень сидѣлъ и болталъ ногами.

— Что не спишь-то, товарищъ.?, сказалъ патрульный.

— А не спится чего-й-та... Онъ нѣмецъ—то, — сказываютъ, въ каскахъ... Весь акуратный. Честь отдаютъ. Этого... какъ у насъ, значитъ, нѣту. Порядокъ...

— Да... Коли придетъ, не похвалитъ, проговорилъ потягиваясь патрульный.

— На Украинѣ помѣщикамъ земли вернули.

— Ишь, чортъ...

Опять долго молчали.

— А звонятъ, какъ! Стра-асть. Казаки то они вѣрующіе, — сказалъ патрульный.

— Я тоже когда то вѣровалъ, — сказалъ сидящій въ вагонѣ парень. — Ну теперя превзошелъ. Все это, значитъ, и Богъ, и леригія энта, и попы начальствомъ придумано. Эрунда! Мнѣ учитель одинъ разъяснилъ. И такъ это ясно выходитъ: человѣкъ, значитъ, превзошелъ отъ облизьянта.

— Да... Слыхали мы то же... А только у меня, значитъ, такая дума была. Ну вотъ онъ вотъ значитъ человѣкъ и облизьянтъ, отъ котораго превзошелъ онъ. Ну, а какъ же? откелева же облизьянтъ то вышелъ?

Всѣ замолчали, слышнѣе сталъ пасхальный перезвонъ, прохладная ночь томила своими далекими ликующими звуками и будила забытыя, заросшія новыми побѣгами мыслей, старыя мысли и воспоминанія. Смутно становилось отъ нихъ, хотѣлось забвенья, дикаго выкрика, хмѣльного угара, кровавой потѣхи.

— Все химія одна, — сказалъ одинъ изъ патрульныхъ... Онъ, акомъ-то, его и не видать, а черезъ него, значитъ, все — и весь міръ.

— И вагонъ изъ акома?, спросилъ патлатый.

— Кубыть такъ.

— Да вѣдь онъ жалѣзный.

— А кто его знатъ. По ученому все одно-акомъ... Ну пойтить что-ль, пошукать — не идутъ ли казаки?...

Мутило душу. Каждая полоска свѣта выбивавшаяся изъ щели ставня, каждый шумъ розговѣнъ за стѣнами дома возмущалъ тѣмъ, что не отвѣчалъ настроенію. И, быть можетъ, никогда

не былъ такъ силенъ разладъ душевный въ красной гвардіи, какъ въ эту холодную апрѣльскую пасхальную ночь.

Съутра стали пить. Надо было забыться. Пьяныя ватаги красногвардейцевъ наполнили улицы Новочеркасска и срамною руганью заглушили привѣтственное „Христосъ воскресе“. Попрятался обыватель. Печально тянулся солнечный голубонебный весенній день. Всѣ сидѣли по угламъ и ждали. Что то должно было совершиться, либо смерть, либо освобожденіе.

По улицамъ и площадямъ валялись пьяные красногвардейцы. Неслась похабная частушка, раздавались дикіе крики, стрѣляли изъ винтовокъ по пролетавшимъ гусямъ.

На разсвѣтѣ гулко и — рѣзко, совсѣмъ неожиданно ударила со стороны Кривянской станицы казачья пушка. Засвисталъ, зашелестѣлъ снарядъ и „паммъ“ — звонко разорвался въ розовѣющемъ восходящимъ солнцемъ воздухѣ надъ самымъ вокзаломъ съ эшелономъ.

По грязному займищу за Аксаемъ показались рѣдкія казачьи цѣпи.

Заспавшіеся съ пьяна красногвардейцы туго просыпались и плохо соображали въ чемъ дѣло. Послали за казаками 10-го полка, чтобы вышли на развѣдку, казаки отказались.

Съ окраины Новочеркасска, со стороны Александро-Грушевска, отъ предмѣстья, гдѣ были бараки пѣхотной бригады, съ такъ называемаго Хотунка прибѣжали растерянные люди:

— Къ Хотунку движутся конные и пѣшіе казаки.

Заметались комиссары. Кто то приказалъ двигать эшелоны на сѣверъ, другой требовалъ отступленія на югъ, раздавались споры, и навстрѣчу казакамъ выходили неорганизованныя толпы красной гвардіи, пытавшіяся вести уличный бой.

Крѣпче запирали ставни и двери обыватели, съ тревогою прислушивались къ артиллерійской,

ружейной и пулеметной стрѣльбѣ, выглядывали опасливо въ щелки.

Проскакалъ по Іорданскому спуску на буромъ меринѣ старикъ казакъ съ обнаженною шашкою. Сдалась партія ошалѣвшихъ красногвардейцевъ. На минуту затихла стрѣльба — и вдругъ радостными ликующими криками, визгами восторга изъ горницы въ горницу, въ корридоръ, въ кладовку, въ самый подвалъ, гдѣ укрылись женщины съ дѣтьми раздались радостные возгласы:

— Казаки въ Новочеркасскѣ!

— Не можетъ быть?!

— Да говорю же!

— Видалъ... Самъ видалъ Архипова! Проскакалъ на буромъ коню!

— Христосъ воскресе!

— Идутъ, идутъ... Наши! Гимназисты!

— Я Пепу Карпова видалъ... Сережа Яновъ тоже. Заплавскіе казаки подходятъ.

— Семилѣтовскіе партизаны на Хотункѣ.

Маленькій Денисовъ шелъ во главѣ казаковъ...

И звучно ударилъ соборный колоколъ, и завторили малые колокола, и вышелъ скрывавшійся гдѣ то епископъ Аксайскій Гермогенъ, и пошелъ по Платовскому проспекту высокій. статный, молодцеватый, съ красивой сѣдой бородою развѣвающейся по плечамъ, въ клобукѣ съ мантіей.

Казаки подходили къ нему подъ благословеніе и слышалось радостное:

— Христосъ воскресе! Христосъ воскресе!

Воскресалъ возрождался и Донъ.

XXXV

Ва другой день, 24-го апрѣля, было жутко. Красная гвардія, никѣмъ не преслѣдуемая, оправилась, къ ней подошли подкрѣпленія и густыми цѣпями стала покрываться степь отъ самаго Пер-

сіановскаго лагеря. И стало ясно видно, какъ много озлобленнаго врага и какъ мало силы у полковника Денисова. То верхомъ, то на извощикѣ носился по городу Денисовъ, собирая дружины и направляя всѣхъ, кого только увидитъ во дворѣ или въ домѣ къ Троицкой церкви. Тамъ стояли два казачьихъ орудія и рѣдкими выстрѣлами отвѣчали на грохотъ большевистскихъ батарей.

И чѣмъ дальше продолжался бой, чѣмъ ближе наступали цѣпи большевиковъ, тѣмъ яснѣе становилось, что казакамъ не удержать Новочеркасска. Не хватитъ силы. Крайніе бараки Хотунка уже были заняты красногвардейцами, они продвигались за рѣку къ скаковому полю и надвигались густыми колоннами съ сѣвера вдоль желѣзной дороги. Никто не зналъ, что въ Ростовѣ. Казаки колебались. Денисовъ поспѣвалъ повсюду.

— Держитесь!, кричалъ онъ. — Держитесь! Помощь близка.

И самъ не зналъ — откуда помощь. Посылали за нею на югъ и на востокъ, къ добровольцамъ и къ отряду Дроздовскаго, но никто не зналъ о ихъ состояніи и не вѣрилось даже, что они есть.

— Держитесь, говорилъ онъ, соскакивая съ извощика и бѣгомъ направляясь къ отходящимъ казакамъ. — Вы куда!

— Мало насъ, — хмуро говорили казаки.

— Достаточно! Назадъ, назадъ! — За мной.

Снова ложились казаки и отвѣчали одиночными выстрѣлами на несмолкаемый трескъ перестрѣлки.

Солнце переваливало къ западу, еще холоднѣе становилось въ голубомъ просторѣ вечера и страшная близилась ночь. Съ лѣваго фланга донесли:

— Красная гвардія отходитъ.

Не вѣрили казаки. Но все быстрѣе и быстрѣе отходили большевики отъ Хотунка.

Изъ за Краснокутской рощи со степи между Новочеркасскомъ и станицей Грушевской грозно рявкнула тяжелая пушка и густое облако чернаго дыма поднялось возлѣ большевистскихъ цѣпей.

Кто стрѣлялъ? Свои или чужіе?...

— Свои, свои!, радостно шептали запекшимися губами усталые казаки.

Откуда то взявшіеся, чудомъ присланные самимъ Господомъ Богомъ стройные полки шедшаго съ Румынскаго фронта отряда Полковника Дроздовскаго подходили на выручку Новочеркасску.

И, когда надвинулись сумерки, большевиковъ не было подлѣ Новочеркасска и въ городъ входили походныя колонны отлично выправленной лихой, дисциплинированной молодежи. И казалось, что весь революціонный угаръ, комитеты, комиссары, эксцессы — все было сномъ. Тяжело и мѣрно стучали сапоги по каменной мостовой, акуратно, были надѣты скатанныя шинели, сурово выглядѣли сухія загорѣлыя лица и непреклонная, неумолимая воля горѣла въ глазахъ...

Гдѣ то грянула бодрый маршъ давно неслыханная въ Новочеркасскѣ военная музыка.

Новочеркасскъ былъ спасенъ.

На другой день казачья конница полковника Туровѣрова вошла въ Ростовъ и нѣсколькими часами позже нея туда же прибыли эшелоны съ германскими войсками. Германское командованіе признало фактъ занятія Ростова казаками и въ Ростовѣ стало два коменданта — нѣмецкій и казачій.

Въ эти Пасхальные весенніе дни Добровольческая Армія завершала свой отходъ отъ Екатеринодара, перешла границу земли Войска Донского и расположилась на отдыхъ въ радушно принявшей ее станицѣ Мечетинской. Никто ничего еще не зналъ о событіяхъ на Дону. Смутные носились слухи, что Донъ поголовно возсталъ, что на Дону избиваютъ комиссаровъ. Отъ Доброволь-

ческой Арміи былъ посланъ къ Новочеркасску разъѣздъ кубанскихъ казаковъ.

Весеннимъ прохладнымъ вечеромъ, когда голубѣли степныя дали на востокѣ, а западъ съ его поднимающимися къ Дону холмистыми просторами пылалъ лучами закатившагося въ безпредѣльность степную солнца, когда вся станица благоухала сиренью, акаціей и сквозь ароматъ цвѣтущихъ садовъ меньше былъ слышенъ острый волнующій запахъ жженой соломы, хлѣба и возвращающихся стадъ, когда вся улица станицы полна была отдыхающимъ народомъ — одни играли въ свайку, другіе сидѣли на рундукахъ длинными рядами и молчали, мечтая и надѣясь, съ западнаго края въ улицу станицы въѣхалъ разъѣздъ кубанскихъ казаковъ.

Худое загорѣлое лицо кубанскаго офицера было покрыто густымъ слоемъ черной пыли., пылью была покрыта и запотѣлая, точно попоной укрытая, тупая отъ усталости лошадь. Блестѣли радостью глаза офицера, весело звучалъ его голосъ и мощный духъ побѣждалъ усталое тѣло. Толпа офицеровъ обступила его и казаковъ.

— Съ Дона? ... Ну что на Дону,? раздавались голоса нетерпѣливыхъ взволнованныхъ людей.

— Порядокъ ..., былъ короткій отвѣтъ.

— А большевики?

— Большевиковъ нѣтъ. Въ Новочеркасскѣ — Атаманская власть.

— А въ Ростовѣ?

— Нѣмцы.

— Нѣмцы, — повторяли добровольцы... — Нѣмцы. И какъ же они? Съ казаками-то?

— Ничего. Работаютъ вмѣстѣ противъ большевиковъ.

Все это такъ не вязалось со всѣмъ, что говорили и что слышали, что исповѣдывали въ Добровольческой Арміи, какъ непреложную истину, что

нѣкоторое время въ толпѣ добровольцевъ царило молчаніе. Умъ не могъ воспринять той истины, что базою арміи становилась Украина, занятая нѣмцами, что для борьбы съ большевиками являлось необходимымъ заключить въ той, или иной формѣ соглашеніе съ нѣмцами.

И радость извѣстія объ освобожденіи Дона, радость сознанія, что, наконецъ, является надежда на передышку, на временный отдыхъ была отравлена недоумѣніемъ и незнаніемъ, какъ отнестись къ тому факту, что въ эти страдные дни существованія Россіи и ея арміи руку помощи Русскимъ людямъ протянули не ихъ союзники, а ихъ враги — нѣмцы.

XXXVI.

Исторія борьбы Россіи за свободу на Югѣ — можетъ быть раздѣлена на три періода.

Первый, — когда неорганизованные, безъ тыла и фронта — отряды офицеровъ и юношей скитались съ генераломъ Корниловымъ по Кубанскому краю и съ генераломъ Поповымъ по Задонью, когда главною цѣлью была не борьба съ большевиками, а сохраненіе кадровъ арміи, сохраненіе ея офицерскаго состава для будущаго. Такъ хозяинъ сберегаетъ лучшія сѣмена для новаго урожая и боится растратить ихъ. Корниловъ скитался по закубанскому краю, пока судьба не вовлекла его въ осаду Екатеринодара, окончившуюся смертью его и тяжелымъ отходомъ изъ закубанья въ задонскій край. Поповъ, удачно маневрируя отъ противника, по богатымъ помѣщичьимъ зимовникамъ, сохранилъ свой маленькій отрядъ и привелъ его на Донъ. Первый періодъ начавшійся въ февралѣ 1918 года уходомъ генерала Корнилова изъ Ростова и Попова изъ Новочеркасска, почти въ одинъ день — закончился

въ концѣ апрѣля — возвращеніемъ Попова въ Новочеркасскъ и устройствомъ Добровольческой Арміи на Дону.

Второй періодъ былъ тотъ, когда у противобольшевистскихъ силъ явилась база. Этою базою стала Украина. занятая нѣмцами. Въ распоряженіи Донского Правительства и командованія Добровольческой Арміи оказались богатѣйшіе военные склады Юго-Западнаго и отчасти Румынскаго фронтовъ, патронные и снарядные заводы, суконныя фабрики и спокойный край, вернувшійся къ нормальной жизни. Эта база вліяла не только въ матеріальномъ отношеніи на операціи противъ большевиковъ, но она оказала громадное моральное вліяніе на казаковъ. Видъ отлично одѣтыхъ и дисциплинированныхъ германскихъ войскъ вернулъ казакамъ желаніе быть не хуже ихъ. Кругъ спасенія Дона, состоявшій болѣе чѣмъ на три четверти изъ простыхъ казаковъ земледѣльцевъ разговорами занимался мало. Онъ вручилъ судьбы Родного края Атаману и разъѣхался, не вдаваясь въ критику. Атаманъ постановилъ: возвратъ къ старому дореволюціонному порядку, — и прежде всего началъ создавать Армію по старой организаціи и на началахъ старой дисциплины. Въ эту пору у противобольшевистскихъ силъ на югѣ Россіи была прочная база — Украина, были точно обозначившіяся операціонныя направленія: — на Воронежъ и Царицынъ и постепенно появлялась правильно организованная, чуждая духу партизанства и добровольчества донская армія, дѣйствовавшая по указаніямъ военной науки. Этотъ періодъ былъ наиболѣе блестящимъ въ исторіи борьбы на югѣ и заставилъ и красное командованіе встревожиться и измѣнить многимъ своимъ принципамъ. Періодъ этотъ продолжался съ мая по декабрь 1918 года.

Въ декабрѣ 1918 года появились на югѣ Россіи давно жданные союзники и началась союзническая помощь. Это былъ третій періодъ борьбы. Союз-

ники не смѣнили германскіе гарнизоны на Украинѣ и не поддержали спокойствія въ этомъ громадномъ краѣ. База была выдернута изъ подъ армій, оперировавшихъ на югѣ Россіи. Все пришлось создавать снова уже во время широко развившихся по всему фронту операцій и боевъ. Операціонныя направленія расползлись по всей Россіи и малыми силами Добровольческая армія стремилась охватить и забрать и Украину, и Великороссію, и Кавказъ, и Крымъ. Съ потерей Украины все довольствіе войскъ и снабженіе ихъ легло на союзниковъ и на жителей, что создало громадный тылъ и повлекло къ гибели всего противобольшевистскаго дѣла. Развивая операціи въ крупномъ масштабѣ Добровольческая армія не могла отрѣшиться отъ духа партизанства и добровольчества, которымъ она была пропитана. Она не учла того, что противникъ ея вернулся къ старымъ принципамъ военнаго искусства и хотѣла побѣдить его „новой тактикой и новой стратегіей“, выработанными въ бояхъ съ Сорокинымъ и Автономовымъ, Думенко, Жлобой и другими кустарями военнаго дѣла и совершенно не пригодной для борьбы съ Клембовскимъ, Сытинымъ, Гуторомъ, Незнамовымъ, Свѣчинымъ и другими профессорами Императорской военной Академіи. Этотъ періодъ былъ самымъ кровопролитнымъ и тянулся съ января 1919 года по мартъ 1920 года.

Въ первый періодъ борьбы большевистское командованіе, во главѣ котораго стояли диллетанты — Троцкій, Крыленко, матросъ Дыбенко, вахмистръ Думенко, солдаты Ворошиловъ и Мининъ кое какъ справлялось, благодаря своей многочисленности съ дѣйствовавшими противъ нихъ „бѣлогвардейскими бандами“. Дружины Дудакова, смѣлые партизаны Чернецова, отрядъ Бѣлаго дьявола, даже Корниловская „армія“ — безъ базы, безъ оружія и безъ патроновъ мало пугали народныхъ комиссаровъ и въ основу борьбы они клали

агитацію, не нарушая народнаго демократическаго характера своихъ армій съ выборными начальниками изъ случайныхъ людей или просто изъ жестокихъ и храбрыхъ солдатъ Императорской Арміи.

Во второй періодъ гражданской войны, когда на Дону сталъ работать правильно организованный штабъ и когда постепенно, желѣзною волею генерала Денисова, станичныя дружины стали замѣняться полками, орудія были отобраны отъ владѣвшихъ ими станицъ, считавшихъ ихъ своею военною добычею, были созданы батареи и управленіе артиллеріей, когда вмѣсто отрядовъ явились фронты и вмѣсто случайныхъ полувыборныхъ вождей, офицеровъ, захватившихъ въ свои руки командованіе, стали опытные боевые генералы, когда операціи подъ Воронежемъ и Царицынымъ, приняли планомѣрный характеръ — Троцкій учелъ, что соціалистическая армія, построенная на милиціонныхъ началахъ не годится и что приходится признать, что существуетъ военная наука и обратиться къ спеціалистамъ.

Троцкій не задумался надъ тѣмъ, чтобы самомѣ изучить военное дѣло. Онъ пригласилъ къ себу профессоровъ Академіи и сѣлъ за книгу. Это не было методичное изученіе военнаго дѣла, — это было лишь нахватываніе научныхъ верховъ. Троцкій начинялъ себя квинтъ эссенціей военной премудрости, ловилъ афоризмы и аксіомы великихъ полководцевъ. Тѣ, кого онъ со школьной скамьи презиралъ: — Александръ Македонскій, Юлій Цезарь, Морицъ Саксонскій. Валленштейнъ иУставъ Адольфъ, Фридрихъ и Петръ Великій, Румянцевъ и Суворовъ, Наполеонъ и Скобелевъ, — все имперьялисты и императоры, открывали ему въ короткихъ чеканныхъ фразахъ секретъ побѣды. Въ большомъ черепѣ, прикрытомъ вьющимися волосами прочно укладывались принципы «науки побѣждать».

Троцкому сказали, что организація не терпитъ импровизаціи — и на пятомъ

всероссійскомъ съѣздѣ Совѣтовъ Троцкій, лѣтомъ 1918 года, выступилъ со смѣлыми, горячими словами! —

— «Мы не сомнѣваемся», — говорилъ онъ, — «что для красной арміи эпизоды подавленія воз- «станія лѣвыхъ соціалистовъ революціонеровъ въ «Ярославѣ и изгнаніе красноармейцами чехослова- «ковъ изъ Сызрани послужатъ урокомъ для укрѣп- «ленія дисциплины. Красная Армія, построенная на «наукѣ, она намъ нужна. Партизанскіе отряды — «это кустарническіе, то есть ребяческіе отряды; «это для всѣхъ ясно. Намъ необходимо упрочить «дисциплину, при которой такого рода авантюры «стали бы невозможны, этотъ опытъ дастъ возмо- «жность всякому солдату понять и всякій солдатъ «это пойметъ, что кровопролитіе и братоубійство «возможны при отсутствіи дисциплины. Красная «армія есть вооруженный органъ совѣтской власти, «она служитъ не себѣ, не тому, или другому «кружку, а служитъ рабоче-крестьянскимъ цѣлямъ»..

Самостоятельно дѣйствовавшіе отряды стали расформировываться и на ихъ мѣсто появлялись полки, дивизіи и арміи.

Троцкій узналъ, что — воля одного лица можетъ передаваться небольше, какъ пяти лицамъ, а вслѣдствіе этого неизбѣжно нужна военная іерархія и армія не можетъ быть демократична, потому что она аристократична по самому своему существу, такъ какъ стадо львовъ, руководимое бараномъ слабѣе стада барановъ, руководимаго львомъ. — Троцкій сталъ искать этихъ львовъ среди генераловъ и офицеровъ Императорской Арміи и не стѣснялся выдвигать солдатъ, отличавшихся военнымъ глазомѣромъ и смѣлостью операцій. Онъ призвалъ Брусилова и Клембовскаго, онъ сталъ заискивать въ Поливановѣ и онъ же возвеличилъ вахмистра Буденнаго...

Онъ узналъ, что les gros bataillons ont

toujours raison*)—и на смѣну полудобровольческимъ полкамъ онъ приступилъ къ мобилизаціямъ,наборамъ и военному обученію молодежи. Онъ создалъ «всевоенобучъ», на который возлагалъ большія надежды.

Ему сказали, что въ оборонѣ погибель, а потому всегда атакуй, что недорубленый лѣсъ выростаетъ скоро, что sans une cavalerie experimentée et suffisante les armées marchent en aveugle et sont compromises**)—и онъ испыталъ это на своей шкурѣ три раза подрядъ. Въ районѣ Богучара, Бутурлиновки и Новохоперска его большія части заматывалъ всегда наступавшій смѣлый генералъ Гусельщиковъ съ Гундоровскимъ казачьимъ полкомъ. На глазахъ Троцкаго недорубленная армія Корнилова выросла въ громадную Добровольческую армію Деникина, а конница Мамантова, Фицхелаурова, Секретева, Врангеля и Улагая не давали ему возможности оправиться у Царицына, Камышина и Балашова.

И Троцкій задумалъ создать такъ недостававшую ему красную кавалерію.

Троцкому стали нужны спеціалисты военнаго дѣла. Онъ сталъ искать ихъ между генераловъ, томившихся въ заточеніи по тюрьмамъ и крѣпостямъ, укрывавшихся подъ чужими фамиліями, голодавшихъ, нищенствовавшихъ, продававшихъ газеты и спички на улицахъ. Онъ сталъ вызывать ихъ, суля сытую и хорошую жизнь, беря семьи заложниками, обѣщая власть и славу, грозя разстрѣломъ и пытками и многихъ соблазнилъ и привлекъ на службу подъ красными знаменами Р. С. Ф. С. Р.

Въ дни поисковъ „спецовъ“ кавалерійскаго дѣла вспомнили о генералѣ Саблинѣ.

---

*) — Большія силы всегда себя оправдаютъ.

**) — Безъ достаточной и искусной кавалеріи арміи бродятъ въ слѣпую и могутъ быть разсѣяны.

XXXVII

Первое время Саблинъ ожидалъ смерти каждый часъ. Онъ прислушивался ночью къ шагамъ въ корридорѣ и молилъ Бога лишь объ одномъ, чтобы Онъ далъ ему силы смѣло встрѣтить смерть. По ночамъ, при малѣйшемъ шумѣ, онъ вставалъ, прогонялъ сонъ и ходилъ взадъ и впередъ по камерѣ. Маленькое окошко за рѣшоткой скупо обозначалось въ стѣнѣ. Шумъ утихалъ и ни одинъ звукъ не приходилъ въ камеру изъ внѣшняго міра. Саблинъ томился до утра. Ему чудились выстрѣлы, стукъ автомобиля, крики — минуты казались часами. Наступалъ блѣдный разсвѣтъ, гасло электричество, голубоватый свѣтъ лился въ окно, холодъ сковывалъ члены усталаго, разбитаго тѣла. За Саблинымъ не приходили, онъ оставался жить. Такъ проходили дни, недѣли.

Саблинъ думалъ о томъ, что онъ сидитъ въ той самой камерѣ, гдѣ томились узники Петропавловской крѣпости. Онъ испытывалъ то, что испытывали смертники, о которыхъ онъ иногда читалъ въ книгахъ. Когда то, — и какъ будто не такъ давно, онъ смотрѣлъ на эту самую крѣпость изъ окна дворцоваго зала и ему грезились призраки, выходящіе изъ крѣпости. Когда то онъ ходилъ съ Марусей по набережной противъ крѣпости и Маруся возмущалась и жалѣла тѣхъ, кто сидитъ въ казематахъ. Саблинъ вспоминалъ то, что онъ читалъ и что разсказывала ему Маруся о послѣднихъ часахъ приговоренныхъ къ смерти. Какъ это не походило на то, что дѣлали теперь съ Саблинымъ. Тогда былъ судъ и приговоръ, торжественно объявленный. Преступникъ з н а л ъ, что его казнятъ. Онъ могъ надѣяться на помилованіе, на какую либо случайность, но эта надежда была ничтожна. Теперь не было, ни суда, ни приговора и Саблинъ только подозрѣвалъ, что

онъ обреченъ на смерть. И хотя онъ не надѣялся на спасеніе, онъ могъ надѣяться. Тогда обреченный пользовался извѣстнымъ комфортомъ. Его хорошо кормили, ему давали книги для чтенія, ему давали Евангеліе. Передъ смертью къ нему являлся священникъ и вѣшали его послѣ цѣлаго ряда установленныхъ формальностей, вѣроятно страшно тяжелыхъ для осужденнаго. Но было въ обрядѣ смертной казни и нѣчто отъ христіанской любви, что, можетъ быть, смягчало суровость казни. Всѣ, начиная съ тюремныхъ сторожей и кончая палачомъ, — священникъ, прокуроръ, офицеръ караула были ласковы со смертникомъ. Они отправляли осужденнаго на тотъ свѣтъ безъ злобы и ненависти, по своему долгу. Часовые стояли у дверей камеры молча и не оскорбляли и не отравляли послѣднихъ минутъ заключеннаго Смертникъ долженъ былъ чувствовать, что эти люди противъ него ничего не имѣютъ, его осудилъ законъ, его осудилъ и можетъ помиловать только Государь. Все бремя власти лежало на Государѣ и, можетъ быть, изъ этихъ сложныхъ переживаній смертниковъ, запротоколенныхъ литературой, выросла въ извѣстныхъ слояхъ Русскаго общества ненависть къ Монарху и царской власти.

Въ камерѣ осужденнаго была тишина. Въ опредѣленные часы ему подавали пищу, въ опредѣленные дни его выслушивалъ прокуроръ, къ нему заходилъ священникъ. Было ужасное одиночное заключеніе, отъ котораго сходили съума, но не было того, что испытывалъ Саблинъ.

Онъ не зналъ, находится онъ въ одиночномъ заключеніи, или просто живетъ въ крѣпости. Все зависѣло отъ караула, отъ солдатъ. Вдругъ днемъ распахивалась камера и въ нее врывались солдаты караула. Они грубо ругались и оскорбляли Саблина.

— А, буржуй, проклятый! Не теряешь бур-

жуйскаго вида, сволочь, постой мы тебя прикончимъ, кричали они.

Они щелкали затворами ружей и прицѣливались въ Саблина, они дѣлали нечистоты въ камерѣ и шумной ватагой исчезали. Жаловаться было некому и было безполезно.

А на другой день — двери камеръ отворялись и всѣ заключенные сходились, знакомились другъ съ другомъ и ходили, свободно разговаривая и ругая совѣтскую власть. И солдаты караула ругали ее тоже.

Съ Саблинымъ въ одномъ домѣ сидѣли: старый генералъ адъютантъ, отъ всего пережитого впавшій въ дѣтство и мечтавшій писать свои мемуары, маленькій суетливый членъ Государственной Думы, увѣренный, что его выпустятъ.

— Главное, господа, говорилъ онъ, — сохранить себя въ этихъ условіяхъ. Для этого нуженъ физическій трудъ.

Членъ Думы топилъ печи во всемъ флигелѣ, подметалъ полы и корридоры и исполнялъ трудную работу. Онъ былъ старъ и слабъ. Онъ падалъ отъ утомленія.

Это ничего, говорилъ онъ. Это плоть, а духъ мой силенъ и я еще могу полнымъ плевкомъ плюнуть насильникамъ и жидамъ въ самую ихъ поганую харю.

Жила въ камерахъ больная фрейлина Императрицы, цѣлыми часами стоявшая на колѣняхъ въ углу за молитвой и не выходившая изъ камеры даже тогда, когда двери отпирались.

Извѣстій снаружи было мало. Знали то, что говорилъ караулъ. Солдаты разсказывали о войнѣ на внутреннемъ фронтѣ, о побѣдахъ надъ Колчакомъ, надъ донскими казаками и надъ Деникинымъ. Но по тому, что мѣста побѣдъ приближались къ Москвѣ, надо было думать, что побѣды были не важныя. Но больше говорили о пайкѣ,

о фунтахъ хлѣба, о спекуляціи, о сапогахъ и шинеляхъ.

А на слѣдующій день свобода кончалась. Новый караулъ былъ необычайно строгъ, грозилъ разстрѣлами, стучалъ винтовками и въ домѣ заключенныхъ царила мертвая тишина.

Кормили очень плохо. Иногда ничего не давали ѣсть, иногда приносили дурно пахнущую сѣрую, мутную похлебку и жолтый чуть теплый напитокъ, носящій названіе чая.

Отъ такой пищи тѣло таяло. Земные помыслы исчезли, желанія пропадали. Первые дни Саблинъ отъ голода думалъ о ѣдѣ, вспоминалъ тѣ роскошные обѣды, которые бывали въ собраніи и у него дома, столъ, уставленный водками и закусками, громадные пироги съ сигомъ и вязигою, различные супы и мяса, потомъ это отпало и онъ больше не думалъ о ѣдѣ. Его радовало, что духомъ онъ не падалъ, что душа его укрѣплялась въ сознаніи своего безсмертія и предстоящая смерть его не пугала.

Очень часто, по ночамъ, Саблинъ слышалъ шумъ грузового автомобиля. Корридоръ наполнялся людьми, вспыхивали лампочки, слышна была брань, мольбы и стоны. Раздавались крики отчаянія, кого то приводили, кого то уводили, стучала машина и казалось, или то было дѣйствительно такъ, сквозь стукъ машины слышались короткіе рѣзкіе звуки выстрѣловъ.

На другой день сторожъ солдатъ, внося хлѣбъ и кружку съ водой, говорилъ сокрушенно: — «вчера еще двадцат семь человѣкъ въ расходъ вывели».

Однажды ночью, въ камеру Саблина втолкнули босого человѣка въ одномъ нижнемъ бѣльѣ.

— Побудь тутъ, покеля!, сказалъ втолкнувшій его солдатъ.

Попавшій въ камеру Саблина былъ юноша съ блѣднымъ интеллигентнымъ лицомъ и большими

глазами. Онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Въ камерѣ было сыро и холодно, а на немъ кромѣ бѣлья ничего не было. Саблинъ накинулъ на него свою шинель и обнялъ его, чтобы согрѣть и успокоить его.

Эта неожиданная ласка окончательно разстроила молодого человѣка и онъ разрыдался.

— Спасите меня! Спасите!...., говорилъ онъ, — сжимая руки Саблина. — Вѣдь меня убьютъ!... Я знаю... знаю. Меня взяли за то, что я хотѣлъ уйдти отъ нихъ. Меня обвинили въ дезертирствѣ... Спасите меня... Мама, если узнаетъ, съума сойдетъ.... Я... — онъ назвалъ одну изъ громкихъ аристократическихъ фамилій. — Моя мама въ Крыму, она ждетъ меня... Спасите меня... Я все, все сдѣлаю, но только жить... Вы понимаете я готовъ имъ поклониться... Ахъ только жить, жить.... У меня есть невѣста... Спасите меня...

Дверь камеры открылась и солдатъ назвалъ фамилію молодого человѣка.

Тотъ прижался къ Саблину.

— Ну живо ты! Некогда намъ съ вами возиться. Пошелъ къ стѣнкѣ, — крикнулъ солдатъ.

И вдругъ молодой человѣкъ всталъ и покорно, неловко ступая босыми ногами по каменному полу, пошелъ на зовъ солдата. Было что то такое ужасное въ этомъ движеніи молодого тѣла въ бѣломъ бѣльѣ по камерѣ, въ глазахъ, потухшихъ, въ покорности окрику, что-то такое жалко животное, что Саблинъ навсегда запомнилъ его и все ему грезился этотъ одѣтый въ бѣлое молодой человѣкъ съ наклоненной головою, выходящій изъ камеры.

XXXVIII.

Съ осени 1918 года очень часто при камерѣ дежурилъ бритый человѣкъ съ умными вдумчивыми глазами. Сухое лицо его съ большимъ лбомъ было нервно. Глаза проникали въ душу и было у него

два состоянія. Одно, когда онъ сидѣлъ часами въ углу, молчалъ и тихо стоналъ, другое, когда онъ возбужденно говорилъ, разсказывалъ, вспоминалъ что то, махалъ руками. Онъ заходилъ къ Саблину въ камеру и часами сидѣлъ у него въ углу на табуретѣ, то молча, то разговаривая съ Саблинымъ.

Ихъ знакомство началось при обходѣ камеръ. Саблину въ этотъ день удалось добиться разрѣшенія побриться и постричься и онъ, чисто вымытый, сидѣлъ на койкѣ и думалъ свои думы.

Дежурный вошелъ въ камеру въ сопровожденіи часового, посмотрѣлъ на Саблина и сказалъ:

— Какой типичный буржуй.

И вышелъ.

Черезъ полъ часа онъ вошелъ снова и сѣлъ противъ Саблина на табуретѣ. Онъ сидѣлъ спиною къ верхнему окну, Саблинъ лицомъ къ нему.

— Вы не обидѣлись?, сказалъ онъ.

Саблинъ молчалъ.

— Мнѣ ли не отвѣчаете? Я комиссаръ и членъ чрезвычайной комиссіи по борьбѣ съ контръ-революціей!... А впрочемъ: все равно. Я вѣдь такой же буржуй, какъ и вы. Обратилъ я вниманіе на васъ потому, что вотъ и издѣваются надъ вами товарищи солдаты и обречены вы вѣроятно на смерть, и не кормятъ васъ, и вши васъ ѣдятъ, а вы все баринъ. Бариномъ родились — бариномъ, поди, и умрете. А они, — хоть и сверхъ-человѣки, а хамы. Вы молчите?.... Ну молчите, молчите. Я понимаю, что вамъ противно со мною говорить. Вдвойнѣ противно, потому что я образованный человѣкъ. Докторъ философіи. Но, можетъ быть, вы поймете меня. Я идейный коммунистъ. Я увѣровалъ въ нихъ. Правда. Знаете, я юристъ по профессіи, прокуроромъ былъ и вопросомъ о смертной казни занимался особо. Нравственно, или безнравственно? Допустимо, или недопустимо, и если да, то какъ? Ну, сначала пришелъ къ тому заключенію, что, конечно, недопустимо. И волновался и шу-

мѣлъ. Помните Андреева — «Семь повѣшенныхъ» — благородная тема!! Неправда-ли!? Ну только потомъ прочелъ я его же «Губернатора». И задумался. Значитъ, такъ полагаю: — война. Ежели ихъ не повѣсятъ, то они его ухлопаютъ. Такъ, ловко! Какъ же теперь говорить объ отмѣнѣ смертной казни? А тутъ подвернулась война и все прочее и у власти оказался Владиміръ Ильичъ. Я съ нимъ когда то газету его издавалъ, пріятели. Заявился къ нему, былъ принятъ. Вѣдь это, я скажу вамъ, — умъ! Планетарный умъ. Геній. Что ни слово, то откровеніе. А меня, признаться сказать, вопросъ этотъ мучилъ — о смертной то казни этой. Какъ же, молъ, такъ:—свобода и все прочее, неприкосновенность личности и смертная казнь. Я къ нему. Онъ принялъ меня, выслушалъ съ полнымъ вниманіемъ и говоритъ: — «да вѣдь, товарищъ, по существу то смертной казни нѣтъ». Какъ нѣтъ! А разстрѣлы, а пытки? — А онъ, знаете, улыбнулся своею веселою улыбкой и говоритъ: «вы ничего не понимаете. Смертная казнь — это обрядъ. Это пытка, это мука! Судъ, прокуроръ, священникъ, палачъ, да вонъ еще, говорятъ, прежде въ красную рубаху палача наряжали и красный колпакъ одѣвали, — это уже инквизиціей пахнетъ. Этого нѣтъ. Но, понимаете вы, что нѣкоторые люди намъ не нужны и ихъ нужно удалить. Ознакомьтесь съ нашими порядками и вы поймете, что смертная казнь отмѣнена». Я получилъ назначеніе въ чрезвычайную комиссію. Положеніе, понимаете, ли вы! То я по коммунистическимъ столовымъ шатался, супъ изъ воблы жралъ и хлѣбъ изъ картофельной шелухи лопалъ, а тутъ: — кухарочка у меня изъ аристократокъ оказалась, вино на столѣ, бѣлый хлѣбъ, вчера мороженое кушалъ. Жена, дѣти довольны.

Онъ замолчалъ. Оживленіе его какъ то пропало. Онъ завялъ и блѣднымъ голосомъ договорилъ:

— Вы меня слушаете и думаете, что я провоци-

ровать васъ собираюсь. Что же, вы правы. У насъ все на доносахъ. Я вѣдь по душѣ то, можетъ быть, первый разъ говорю. Потому что и дома то: — мороженое ѣшь, вечеромъ въ картишки играешь, а ни женѣ, ни сыну ни гу-гу про свои мысли то: выдадутъ. Вотъ вѣдь положеніе то каково! Не знаю поймете ли?

Онъ вышелъ, но минутъ черезъ пять вошелъ снова и опять былъ возбужденный и оживленный.

— Тянетъ меня къ вамъ. Вотъ, посмотрѣлъ въ ваши большіе сѣрые глаза, и понялъ, что вы настоящій буржуй. Вы не выдадите меня, не предадите за кусокъ воблы, или за ласковое слово комиссара. А то, вотъ и аристократочка у меня кухаркой служитъ, а руки готова цѣловать и все такое, — знаете, надрывъ въ ней истерическій. Пять красноармейцевъ ее изнасиловали, такъ съ того пошло. Мущинами грезитъ.... Предать готова за лишнюю ласку. А накопилось у меня много. Я знаю — вы выгнать меня хотите, да не смѣете.

— Я не не смѣю выгнать васъ, а не могу, — сказалъ Саблинъ. Вы все равно меня не послушаетесь.

— Ну, можетъ быть, я то и послушался бы. Я человѣкъ деликатный, сказалъ комиссаръ.

— Тема, которую вы затронули, меня интересуетъ. Да и всегда интересовала, — сказалъ Саблинъ.

— О смертной то казни! Ну, еще бы! Такъ вотъ я въ чрезвычайкѣ то это дѣло понялъ. Видите вы.. Бывали вы когда либо на скотобойнѣ? Ужасное, знаете, зрѣлище, а никого не возмущаетъ. Иныя кисейныя барышни даже ѣздятъ и кровь горячую пьютъ, отъ анеміи, дескать, помогаетъ. Быкобойца считается порядочнымъ человѣкомъ и всякій ему руку подаетъ. Да, говорятъ, трудное ремесло, но необходимое. И уже онъ, конечно, не палачъ. Ну еще бы — бифштексы, да ростбифы, да филеи разныя это чего нибудь да стоитъ. Такъ вотъ Владиміръ Ильичъ и указали, чтобы также значитъ и съ людьми. Антимоніи этой разводить,

молъ, нечего. Если хотите тутъ немного и отъ Талмуда есть. Еврей то вѣдь гоя за человѣка не считаетъ, а за животное. Владиміръ Ильичъ и указали намъ, чрезвычайкамъ то, что всю эту буржуазную канитель: приговоръ, прокурора то, священника, палача — все это оставить надо. Просто — вывести въ расходъ. Уничтожить, чтобы не было. И конецъ. У нѣкоторыхъ, вѣдь во всякомъ дѣлѣ Русскій человѣкъ совершенствоваться и услужить желаетъ, явилась такая мысль! Трупы утилизировать, чтобы и отъ нихъ филе, да бифштексы выкроить. И, знаете, китайцы оказались мастера этого дѣла. А я, понимаете, ходилъ съ научною цѣлью... Да, представьте себѣ, гаражъ автомобилей на Гороховой. Полъ бетонный, а въ углу вдоль стѣнки жолобъ продѣланъ. Приговоръ вынесенъ. Тридцать человѣкъ въ расходъ. Есть мущины и женщины. Ночью приводятъ ихъ въ гаражъ. Полутьма. Двѣ лампочки, уже перегорѣвшія тускло горятъ, проволоку видно. Красноармейцы ихъ раздѣваютъ до гола. Одежда и бѣлье теперь цѣну имѣютъ — все равно, какъ шкура быка. Они стоятъ голые, дрожатъ и уже многіе о смерти не думаютъ, а такъ холодно имъ и стыдно. Другіе плачутъ, на колѣняхъ ползаютъ, руки цѣлуютъ. И приходитъ чекистъ. Есть любители. Ну, конечно, подъ наркозомъ. Кокаинъ, либо эфиръ. Глаза горятъ, ноздри раздуты. Весь въ кожѣ. Черная кожаная фуражка комиссарка на немъ съ большою красною звѣздою, шведская куртка — это вѣдь самый модный нынче костюмъ, — самъ Троцкій его носитъ, кожаные штаны и высокіе сапоги. Револьверъ, этакій большой, сбоку, не то восемь не то десять зарядовъ въ немъ. Видъ самодовольный, наглый.

— Станови буржуевъ къ стѣнкѣ! кричитъ, которые желаютъ лицомъ, а кто спиной — мнѣ безразлично.

И вотъ у стѣнки выстраивается рядъ дрожа-

щихъ голыхъ тѣлъ... Да... Видали вы картины нѣмецкаго художника Штука.... Или вотъ наши декаденты — мазилки пишутъ. Боже! до чего безобразно человѣческое тѣло! Большіе вздутые животы, тонкія ноги, длинныя руки, и все это грязное, немытое, пахнетъ нехорошо. Чекистъ кожаный подходитъ и кому въ високъ, кому въ затылокъ, быстро такъ... Ну совсѣмъ скотская бойня.

Разскащикъ замолчалъ и опять вышелъ.

— Вы простите меня, сказалъ онъ, возвращаясь, но я безъ кокаина даже разсказывать не могу. Вспрыснулъ еще. Я вѣдь тогда до конца оставался. Новые методы изучалъ. И, знаете, наглость и умъ у Владиміра Ильича изумительные. Тогда, когда была гильотина и палачи, когда была висѣлица и разстрѣлъ — были герои. И Людовикъ XVI и Марія Антуанета были герои, и героями стали Рысаковъ и Желябовъ и герой лейтенантъ Шмидтъ, — ихъ тѣла отыскиваютъ, чествуютъ, гражданскія панихиды поютъ, а тутъ не герои революціи, или контръ революціи, а просто убойный скотъ. Я думаю, въ пять минутъ всѣхъ тридцать покончилъ. И вотъ тогда пришли китайцы и стали раздѣлывать тѣла убитыхъ. Вотъ совершенно такъ, какъ мясникъ тушу раздѣлываетъ. Обрубили головы, руки и ноги, выпотрошили животы, все это въ желѣзные ящики положили, потомъ стали рубить на куски. Я смотрѣлъ, знаете. Куски мяса и не узнаешь что. Въ Зоологическій садъ повезли. Звѣрей кормить. Ловко? Вы подумайте; — полное уничтоженіе личности. Царское правительство повѣсило Каляева, или разстрѣляло Шмидта — а они остались въ памяти, а тутъ кого, сколько, ну ка узнай!?

Выхожу я. Утро, знаете, такое блѣдное, лѣтнее Петербургское. Я вѣдь Петербуржецъ самъ. Люблю эту недоговоренность бѣлыхъ ночей и небо блѣдное за шпилемъ Адмиралтейства и сырой холодокъ съ запахомъ царственной Невы. Вѣдь

иного эпитета, какъ царственная, хотя оно и контръ революціонно, не придумаешь, Да, выхожу я изъ воротъ, а на панели женщины, пять, или шесть, старыя и молодыя. Ко мнѣ. Хватаютъ за руки, на колѣни кидаются. — „Господинъ комиссаръ"!, — кричатъ, — „мы знаемъ, что кончено. Дайте тѣло! Тѣло дайте похоронить! Я мать! Я жена... Я сестра... Я дочь"!... Да... ужасно знаете. Владиміръ Ильичъ обмозговалъ это все хорошо. Ну, возьми-ка тѣло героя, изъ желудка какой либо пантеры или полосатой гіены? Вотъ, видите вы теперь, разницу между христіанской императорской системой и нашей коммунистической.

Потомъ... Разсказывали мнѣ, что въ дни голода китайцы на Сѣнной людямъ продавали это мясо.

Вы знаете, я теперь никакого мяса не ѣмъ. Видѣть не могу. Увижу — тошнитъ. Запахъ ужасный. Но, какъ систему, — не могу не привѣтствовать. Полное отсутствіе личности. Скотъ, а не люди... Вы простите меня, что, можетъ быть, замучилъ васъ, но душу отвелъ. Дома и то боюсь говорить. Сынъ у меня, — Аркашкой звать, пятнадцати лѣтъ мальчишка, двоюроднаго брата, кадета, чрезвычайкѣ выдалъ, что онъ скрывается у тетки за коробку старыхъ леденцовъ Ландрина. Да... я думаю и меня онъ, не стѣсняясь, предастъ. Онъ вѣдь растетъ въ этихъ новыхъ понятіяхъ, что люди скотъ... Все ждетъ, мерзавецъ, когда крематорій кончатъ строить. Хочетъ въ стекло посмотрѣть, какъ сгораетъ покойникъ. — „Я вѣдь", — говоритъ, — „папа знаю, что ничего нѣтъ, ни Бога, ни души, это правительство выдумало, чтобы держать въ темнотѣ народъ". А? каковъ поросенокъ! Онъ и отца предастъ, не задумается. Современное поколѣніе. Ленина обожаетъ. Вы простите, что я передъ вами — но вижу вы стараго закала человѣкъ. Настоящій баринъ. Не выдадите, что я думаю. А у меня то слишкомъ уже накипѣло. Хотѣлось хоть разсказать!

XXXIX.

Комиссаръ, отъ поры до времени навѣщавшій Саблина, солдаты и красногвардейцы, старикъ генералъ адъютантъ и другія лица, заключенные къ одномъ домѣ вмѣстѣ съ Саблинымъ казались Саблину не живыми людьми, но видѣніями страшнаго кошмара. Жизнь не допускала ни такихъ явленій, ни даже такихъ разсказовъ. Пропитанный кокаиномъ, съ издерганными нервами комиссаръ не былъ нормаленъ. Онъ жилъ только въ грезахъ, но грезы его были страшными кровавыми снами. Онъ приносилъ Саблину газеты. Но тяжело было читать безграмотныя завыванія „Извѣстій" и „Красной газеты" Саблинъ просилъ книгъ и евангелія, но комиссаръ покачалъ головою и сказалъ: — «не могу-съ. Понимаете, за это самого могутъ къ стѣнкѣ. Мой начальникъ Дзержинскій сказалъ: — «вмѣстѣ съ буржуазіей отжили свой вѣкъ тюрьмы. Пролетаріату не нужно четырехъ стѣнъ. Онъ справится при помощи одной". Но въ вашей судьбѣ кажется скоро будетъ перемѣна къ лучшему».

И дѣйствительно: съ зимы Саблину улучшили столъ, стали давать много хлѣба, настоящій мясной супъ и разъ въ недѣлю допускали къ нему парикмахера. Ему выдали чистое бѣлье, матрацъ и одѣяло и, наконецъ, прислали неизвѣстно отъ кого большую связку книгъ. Книги были военнаго содержанія. Тактика Бончъ-Бруевича, Военная Администрація и уставы. Въ тактикѣ былъ вложенъ большой пакетъ. Надписи на немъ не было, но, видимо, кто то заботился о Саблинѣ со стороны. Въ пакетѣ была пачка денегъ и письмо... отъ Тани. Письмо было старое. Пакетъ долго валялся гдѣ либо по сумкамъ, онъ былъ покрытъ пятнами сырости и надпись карандашемъ на немъ стерлась. Саблинъ не могъ ее разобрать. Саблинъ вскрылъ пакетъ и досталъ изъ него

большую пачку листовъ, исписанныхъ тонкимъ широкимъ почеркомъ его любимой дочери. На верху первой страницы былъ нарисованъ чернилами восьми конечный крестъ и написано:

... „Господу Богу угодно было, въ неисповѣдимыхъ путяхъ своихъ, прервать жизнь Святыхъ Царственныхъ Страдальцевъ въ ночь на 4 іюля 1918 года“...

... „Не знаю, милый папа, какъ и опишу тебѣ все то, что случилось. Мы ожидали этого. Но мы не знали, что это будетъ такъ ужасно.

... „Нѣсколько разъ хотѣла продолжать писать тебѣ письмо и не было силъ. Слезы застилали глаза и карандашъ валился изъ рукъ. Начала еще въ Екатеринбургѣ, кончаю въ Москвѣ, потому что видала Пестрецова, онъ разсказалъ мнѣ про тебя и обѣщалъ доставить письмо. Онъ обѣщалъ тебя освободить.

„Папа. Пестрецовъ не хорошій человѣкъ. Онъ служитъ у тѣхъ, кто убилъ ихъ. Кто уничтожилъ Россію.

„13 апрѣля Государя, Государыню и Марію Николаевну отвезли изъ Тобольска. Мнѣ разсказывали, что императоръ Вильгельмъ потребовалъ черезъ своего посланника въ Москвѣ Мирбаха, чтобы Государя и Его семью отвезли въ Москву или Петербургъ, онъ хотѣлъ ихъ спасти. Московскіе комиссары рѣшили убить Государя.

Янкель Свердловъ, предсѣдатель всероссійскаго центральнаго комитета въ Москвѣ, игралъ двойную роль. Онъ сдѣлалъ видъ, что уступилъ требованіямъ Мирбаха, а самъ вошелъ въ сношенія съ уральскимъ Совдепомъ, засѣдавшимъ въ Екатеринбургѣ и непримиримо настроеннымъ къ Царской Семьѣ и рѣшилъ предать государя въ его руки.

„Папа! не первый разъ жиду заниматься предательствомъ. Янкель Свердловъ предалъ Государя на казнь... Пусть запомнитъ это исторія!

„А Русскіе люди? Русскіе люди молчали, или кричали: „Распни его!“

„Свердловъ командировалъ въ Тобольскъ комиссара Яковлева съ секретными инструкціями.

„Комиссаръ Яковлевъ явился къ Государю 12-го апрѣля, въ $2^1/_2$ часа дня, и пожелалъ говорить съ Государемъ наединѣ. Камердинеръ Волковъ доложилъ объ этомъ Государю. Съ Государемъ вышла къ Яковлеву Императрица и сказала, что она будетъ присутствовать при разговорѣ. Яковлевъ сказалъ, что онъ получилъ приказаніе доставить Государя въ Москву. Когда Яковлевъ ушелъ, Государь сказалъ, что онъ имѣетъ подозрѣніе, что его хотятъ везти въ Москву, чтобы заставить подписать брестскій миръ.

— „Это измѣна Россіи и союзникамъ!“ — сказалъ онъ. — „Пусть лучше мнѣ отрубятъ правую руку, но я не сдѣлаю этого!“

„Императрица была въ отчаяніи. Наслѣдникъ былъ тяжело болѣнъ, его нельзя было оставить одного и Императрица металась по комнатамъ, нигдѣ не находя себѣ покоя. Она ломала руки и рыдала. „Она прошла въ комнату великихъ княженъ. Тамъ былъ господинъ Жильяръ и великія княжны Татьяна и Ольга Николаевны. Обѣ сидѣли съ опухшими отъ слезъ лицами.

— „Они хотятъ отдѣлить его отъ семьи“, — сказала рыдая Императрица, — „чтобы попробовать заставить его подписать гадкую вещь подъ страхомъ опасности для жизни всѣхъ своихъ, которыхъ онъ оставилъ въ Тобольскѣ, какъ это было во время отреченія во Псковѣ!“

„Папа! О себѣ она не думала. Она думала только о Россіи, о ея чести и существованіи. У ней не было и мысли сохранить себѣ жизнь и спастись заграницу цѣною интересовъ Русскаго народа и чести Россіи.

— „Лучше я буду прачкой!, — воскликнула она, обводя всѣхъ блестящими отъ слезъ глазами

— „лучше приму смерть, нежели подчинюсь интересамъ Вильгельма“.

„Въ ней боролись чувства матери и чувства Царицы. Наслѣдникъ былъ боленъ и его нельзя было оставить одного, но долгъ Императрицы требовалъ отъ нея быть въ трудныя минуты при Государѣ.

— „Яковлевъ увѣряетъ меня“, — сказала она Жильяру, — „что съ императоромъ не случится ничего дурного и что, если кто хочетъ сопровождать его, — онъ не будетъ этому препятствовать. Я не могу допустить, чтобы императоръ уѣхалъ одинъ. Опять его хотятъ отдѣлить отъ семьи, какъ тогда... Хотятъ вынудить его на неправильный шагъ, угрожая жизни близкихъ... Императоръ имъ необходимъ: они понимаютъ, что онъ одинъ представляетъ Россію... Вдвоемъ намъ будетъ легче бороться и я должна быть около него при этомъ испытаніи... Но наслѣдникъ еще такъ плохъ! А если вдругъ случится осложненіе? Господи, какъ все это мучительно! Первый разъ за всю мою жизнь я положительно не знаю, что мнѣ дѣлать. Раньше, когда мнѣ приходилось принимать какое либо рѣшеніе, я всегда чувствовала вдохновеніе, а теперь я не чувствую ничего! Но Богъ не допустить этого отъѣзда; отъѣздъ не можетъ, не долженъ состояться! Я увѣрена, что сегодня ночью тронется ледъ!“

„Татьяна Николаевна сказала; — „Но. мама, надо же что нибудь рѣшить на случай, если папа все же придется уѣхать“...

„Императрица все ходила по комнатѣ, говорила сама съ собою, строила разныя предположенія. Наконецъ она рѣшилась.

— „Да“, сказала она, — „такъ будетъ лучше: ѣду съ императоромъ. Алексѣя я ввѣряю вамъ“...

„Императрица побѣдила мать. Она рѣшила жертвовать собою, но не допустить хотя бы невольной измѣны Россіи и союзникамъ.

„Папа, а французы и англичане обвиняли ее въ томъ, что она хотѣла заключить сепаратный миръ! Ахъ Бьюкенэнъ — дававшій золото, чтобы свергнуть Императора, ахъ Тома! говорившій льстивыя рѣчи толпѣ бунтовщиковъ, на вашихъ головахъ невинная кровь святой царицы. Исторія не проститъ этого ни Англіи, ни Франціи!

„Государь былъ на прогулкѣ. Въ душѣ Императрицы бушевала въ это время буря. Семья Наслѣдникъ, или честь Родины, честь Россіи!› Ты знаешь, папа, что для нея была ея семья и особенно Наслѣдникъ! Вѣдь вся исторія Распутина была лишь потому, что она испытывала глубокій мистическій страхъ потерять мужа и сына и это заставляло ее видѣть въ „старцѣ“ чудо спасенія отъ золъ. Это — суевѣріе на страхѣ! И какъ же виноваты тѣ, кто не разсѣивалъ, а укрѣплялъ это суевѣріе! Ахъ папа! Она такъ была несчастна въ эти часы! Да и всю свою жизнь видѣла-ли она, хотя лучъ счастья. Россія, или семья? Вѣрность союзникамъ, честь своего слова, или своя и своей семьи жизнь?

„Государь вернулся съ прогулки. Государыня пошла къ нему навстрѣчу.

— „Рѣшено я ѣду съ тобой“, — сказала она. — И съ нами поѣдетъ Марія“.

„Хорошо. если ты этого непремѣнно хочешь“ — сказалъ Государь. 13 апрѣля въ 3 часа ночи, еще въ полной темнотѣ къ ихъ дому были поданы простыя сибирскія плетенки. Одна была запряжена тройкой другія парами. Въ нихъ не было даже сидѣній. Принесли сѣна, въ повозку, предназначенную для императрицы, положили матрасъ. Императрица сѣла съ великой княжной Маріей Николаевной, Государь поѣхалъ съ Яковлевымъ. Съ ними поѣхали кн. Долгоруковъ, Боткинъ, Чемодуровъ, Иванъ Сѣдневъ и Демидова.

„Наслѣдникъ и три великія княжны остались одни.

„Дорога была тяжелая. Стояла весенняя распутица. Мѣстами грязь была такъ велика, что лошади не могли везти и Государь и Императрица шли пѣшкомъ. Яковлевъ все время боялся, что мѣстные большевики не пропустятъ Государя.

„Папа! И никого, никого не нашлось кто бы въ эти дни спасъ и спряталъ Государя. Гдѣ же Россія! Гдѣ же Русскіе люди!? Я гналась за ними. Тратя послѣднія деньги я мчалась по ихъ слѣдамъ, останавливаясь на тѣхъ же ночлегахъ, гдѣ ночевали и они.

„15-го апрѣля вдали показались ровные ряды огней. Весенній вечеръ догоралъ. Впереди была станція Тюмень. Тамъ ждалъ поѣздъ. Папа! этотъ поѣздъ метался взадъ и впередъ. Онъ пошелъ на востокъ, потомъ повернулъ назадъ на Тюмень, потомъ пошелъ къ Омску. Въ Омскѣ Яковлевъ велъ какіе то переговоры съ Москвой и повезъ Государя въ Екатеринбургъ.

„10 мая туда же привезли и остальныхъ дѣтей? Царская семья соединилась вмѣстѣ, для того, чтобы больше не разлучаться.

„Въ Екатеринбургѣ Государя помѣстили въ домѣ Ипатьева. Это небольшой каменный домъ въ два этажа. Нижній этажъ подвальный и окна въ этомъ этажѣ рѣшетками. Государь съ Императрицей и августѣйшая семья помѣщались въ верхнемъ этажѣ. Одну комнату занимали великія княжны, двѣ Государь съ Императрицей и Наслѣдникомъ кромѣ того у нихъ была общая столовая. Въ залѣ помѣщались Боткинъ и Чемодуровъ, въ одной небольшой комнатѣ Демидова и въ крайней комнатѣ и кухнѣ лакеи Леонидъ Сѣдневъ, Харитоновъ и Труппъ. Послѣднюю комнату тутъ же, въ квартирѣ Царской Семьи занимали комиссаръ Авдѣевъ, его помощникъ и нѣсколько рабочихъ. Команда охраны изъ мѣстныхъ Екатеринбургскихъ рабочихъ помѣщалась внизу. Это были люди грубые, вѣчно пьяные и натравленные на

Государя. Они дѣлали все, чтобы сдѣлатъ жизнь Государя и великихъ княженъ невозможной. Днемъ и ночью они наполняли комнаты Царской Семьи, пѣли циничныя пѣсни, курили, плевали куда попало и грубо ругались въ присутствіи Государя и дѣтей.

„Государь обѣдалъ, по собственному желанію, за однимъ столомъ со своими приближенными и лакеями. Это была одна семья... Обреченная на смерть... Изъ двухсотъ мильонной Россіи только они... Только они, папа, имѣли смѣлость и честность раздѣлить, участь своего великаго Царя-Мученика!

„На обѣденномъ столѣ вмѣсто скатерти была никогда не смѣняемая клеенка. Посуда была простая грубая. Обѣдъ приносили изъ „совѣтской столовой". Это былъ неизмѣнный супъ и мясныя котлеты съ макаронами. Императрица, которая не ѣстъ мяса питалась одними макаронами.

„Но не это бѣда. Нѣтъ, папа, — это все были мелочи въ сравненіи съ тѣми страданіями, которыя заставляли испытывать Государя Авдѣевъ и его охрана. Они во время обѣда вваливались толпою въ столовую, лѣзли своими ложками въ миску съ супомъ, наваливались на спинку стула Императрицы, грубо шутили, старались какъ бы нечаяно задѣть по лицу Государя. Они плевались и сморкались и въ ихъ шумной толпѣ молча и торопливо, давясь кусками, съѣдала Царская Семья свой обѣдъ.

„Это была утонченная нравственная пытка, передъ которою ничто всѣ пытки инквизиціи. Это пытка Русскаго хама, пытка животнаго, котораго раздражаетъ благородство его жертвы.

„Конечно, ни о какихъ регулярныхъ занятіяхъ, или работахъ не могло быть и рѣчи. Выходить можно было только въ жалкій садъ, окруженный высокою стѣною, но и тамъ всѣ были на глазахъ у охраны.

„Такъ шли дни, недѣли, мѣсяцы. Кругомъ сверкали въ богатомъ лѣтнемъ уборѣ лѣсовъ отроги Уральскихъ горъ, струилась рѣчка, блестѣло какъ зеркало озеро, отражая голубое бездонное небо, отражая правду Божію. И Богъ смотрѣлъ оттуда и видѣлъ муки того, на кого онъ возложилъ бремя власти, кого онъ помазалъ на царство и кто двадцать два года правилъ великою Русскою Имперіей, кто былъ кротокъ и незлобивъ сердцемъ, кто любилъ Россію и Русскій народъ больше нежели самого себя.

„Я гуляла по этимъ лѣсамъ. Я стирала въ рѣчкѣ бѣлье Царской Семьи, я плакала о нихъ и я молилась за нихъ! Что могла я сдѣлать больше этого, если вы, генералы, офицеры, если вы солдаты, вы сильные и могучіе покинули его. А онъ васъ такъ любилъ!!...

„Единственнымъ утѣшеніемъ Царской Семьи было пѣніе духовныхъ пѣсенъ и особенно Херувимской.

„Сидѣла я въ садикѣ, ожидая, когда передадутъ мнѣ узелъ съ бѣльемъ. Былъ теплый іюньскій вечеръ. Было тихо кругомъ. Охрана завалилась спать. Комиссаръ ушелъ куда то. Говорятъ его смѣняютъ потому, что онъ Русскій. Боятся что пробудится въ немъ Русское чувство. Недвижно висѣли круглые листочки березъ, и бѣлыя бабочки порхали надъ примятой травой. Наверху открылось окно. Великая княжна Татьяна Николаевна подошла къ нему.

— „Нѣтъ, никого ихъ нѣтъ, — сказала она кому то. — Можно съ открытыми окнами. Мама, вы начинаете.

„Прошла минута молчанія. Мое сердце разрывалось отъ тоски за нихъ. И вдругъ сверху пять женскихъ голосовъ запѣли. Сначала долго тянулось, все поднимаясь, выше и выше, расходясь и сливаясь, стремясь къ самому небу, достигая до Бога, тонкое, воздушное „и“... „Иже херувимы“

— пѣли Государыня и княжны, „тайно образующе!“ и пѣснь-молитва неслась къ небу и достигала его глубинъ. Всю душу во мнѣ выворачивало и я не могла больше сидѣть. Я встала и прошла ближе къ окну. У двери стоялъ часовой рабочій. Сѣрыми глазами онъ смотрѣлъ въ небо и казалось весь отдался обаянію царственной пѣсни и что то тупое и далекое шевелилось въ его мозгахъ.

„А пѣсня молитва лилась и ширилась и чудилось, что поютъ ее ангелы, духи безплотные, что зоветъ она весь Русскій народъ спасти и образумиться.

„Я увидѣла слезы на глазахъ у часового. Я поняла, что Русскіе люди не могутъ погубить Государя.

„Ангельскими невидимо дорvносима чинми“, — замирало у окна пѣніе. Я рыдала. Часовой выругался сквернымъ словомъ и пошелъ отъ окна. Точно стыдно стало ему Русскаго чувства...

„21-го іюня областнымъ совѣтомъ Авдѣевъ и его помощникъ Мошкинъ были смѣщены. Они недостаточно жестоко обращались съ Государемъ и его семьей. На его мѣсто назначенъ еврей Юровскій, а его помощникъ Русскій рабочій Никулинъ... .

. . . .

„Прости, папа. Отвлекусь въ сторону. Не могу дальше писать.

„По Екатеринбургу изъ рукъ въ руки ходитъ рукописная молитва. Говорятъ ее написала великая княжна Ольга Николаевна. Я списала ее. И списывая плакала. Вотъ она!

„Пошли намъ, Господи, терпѣнье.
Въ годину буйныхъ, мрачныхъ дней
Сносить народное гоненье
И пытки нашихъ палачей.
Дай крѣпость намъ, о Боже правый,
Злодѣйство ближняго прощать
И крестъ тяжелый и кровавый
Съ Твоею кротостью встрѣчать!
И въ дни мятежнаго волненья,

Когда терзаютъ насъ враги,
Терпѣть позоръ и униженья,
Христосъ - Спаситель, помоги!
Владыко міра, Богъ вселенной,
Благослови молитвой насъ
И дай покой душѣ смиренной
Въ невыносимый страшный часъ...
И у преддверія могилы,
Вдохни въ устахъ Твоихъ рабовъ
Нечеловѣческія силы:
Молиться кротко за враговъ.

„Папа! Онѣ чувствовали! Онѣ знали тотъ ужасъ, который ихъ ожидаетъ.

. . . .

„Я видала Юровскаго. Высокій коренастый черный еврей. Широкій, чуть вздернутый носъ темная борода, усы, лохматые волосы. Темные непріятные глаза. Онъ распоряжался у дома. Прежнюю охрану переселяли въ сосѣдній домъ, а въ домъ Ипатова привели десять человѣкъ. Я видѣла, какъ они входили въ калитку. Папа! — это — больше половины не Русскіе люди. Они угрюмые, мрачные... Настоящіе палачи.

„Въ ночь на 4-е іюля около 12-ти часовъ ночи Юровскій вошелъ къ спавшей Царской Семьѣ и сказалъ, чтобы всѣ одѣлись. — „Васъ сейчасъ повезутъ изъ Екатеринбурга“ — сказалъ онъ.

„Всѣ одѣлись, умылись и надѣли верхнее платье. Юровскій предложилъ имъ спуститься въ нижній подвальный этажъ. Государь и великія княжны захватили съ собою подушки, чтобы положить въ экипажи. Когда спускались внизъ, на лѣстницѣ было темно. Императрица споткнулась о каменныя ступени и больно ушибла себѣ ногу. По темнымъ комнатамъ Юровскій провелъ ихъ въ самую большую, гдѣ окно было съ рѣшеткой. Тамъ горѣла лампа.

— „Обождите здѣсь“, сказалъ Юровскій.

„Государь просилъ, чтобы имъ принесли стулья. Сверху подали три стула. На нихъ сѣли Государь

и Наслѣдникъ. Рядомъ съ Государемъ и немного позади сталъ Боткинъ. Императрица сѣла у стѣны — возлѣ окна. Рядомъ съ императрицей стала Татьяна, три великія княжны прислонились къ стѣнѣ, справа отъ нихъ стали Харитоновъ и Труппъ, въ глубинѣ комнаты Демидова съ двумя подушками въ рукахъ. Они стали такъ машинально, сбивались вмѣстѣ, ближе другъ къ другу. Они думали, что сейчасъ подадутъ экипажи, но догадывались въ чемъ дѣло. Юровскій и Никулинъ, — еврей и Русскій рабочій, ставшій рабомъ еврея, распоряжались. Лампа свѣтила тускло. Въ пустой комнатѣ было грязно и неуютно. Какъ только всѣ размѣстились, въ комнату вошло семь человѣкъ охраны съ револьверами въ рукахъ и комиссары Вагановъ и Ермаковъ, члены чрезвычайки.

„И всѣ поняли что насталъ конецъ.

„Прошла, папа, можетъ быть, какая нибудь секунда, но что должны были всѣ они пережить въ эту секунду!

— „Ваши хотѣли Васъ спасти, но имъ этого не пришлось и мы должны васъ разстрѣлять", сказалъ Юровскій и первый выстрѣлилъ изъ револьвера. И сейчасъ же затрещали выстрѣлы злодѣевъ.

„Всѣ упали безъ стона, кромѣ Наслѣдника и Анастасіи Николаевны, которые шевелились и Анастасія Николаевна страшно стонала. Юровскій добилъ изъ револьвера Наслѣдника, одинъ изъ палачей Анастасію Николаевну.

„И сейчасъ же стали сносить убитыхъ на грузовой автомобиль и увезли въ глухой рудникъ, въ лѣсъ.

„Городъ спалъ... Нѣтъ, папа, клянусь, я не спала. Я знала, что это будетъ... И это было. И никто не спалъ... Кто могъ спать, когда убивали Царя! Когда жестокіе Іудеи распяли Христа — были и Матерь Божія, и Марія Магдалина и

апостолы, и Іосифъ Аримафейскій умолилъ отдать ему тѣло и похоронить по обычаю. И воскресъ Христосъ.

„Когда убивали ихъ была низкая смрадная комната, тускло освѣщенная лампой, былъ притаившійся въ горахъ спящій городъ. Ихъ тѣла, говорятъ, рубили на части и жгли въ бензинѣ и обливали сѣрной кислотой.

„Папа! Этого ужаса Богъ никогда не проститъ ни Русскимъ, ни евреямъ!

„Насъ освободилъ Колчакъ. Но къ чему это было? Юровскаго не нашли. Да, если бы и нашли?! Ихъ не воскресить и муки ихъ не залѣчить. Было слѣдствіе, были допросы, снимали показанія, искали хотя что либо отъ нихъ. Ничего не нашли!

Папа! Кому то надо уничтожить Россію. Кому то надо уничтожить святую вѣру во Христа и снять красоту любви со всего міра.

„Россія одна сохраняла въ чистотѣ вѣру Христіанскую и на нее обратилъ свое вниманіе врагъ Христа.

„Папа! И я такъ думаю: нужно было, чтобы ничего не осталось отъ великаго Царства Русскаго и отъ Царя, который больше чѣмъ кто либо любилъ Россію. И они ничего не оставили ни отъ Россіи, ни отъ Царской Семьи.

„Такъ-ли? Осталась память! Память создастъ легенды и легенды сотворятъ чудо. Онѣ вернутъ Русскій народъ Россіи и Царя Русскому народу.

„Такъ вѣритъ любящая тебя, твоя Таня и вѣрю, что такъ вѣришь и ты.

„А смерть?... Моя, твоя, ихъ — смерть — это ничто. И чѣмъ ужаснѣе была жизнь и смерть — тѣмъ прекраснѣе будетъ воскресеніе!

„Они никогда не побѣдятъ.

„Бороться будутъ. Побѣждать будутъ но не побѣдятъ никогда! Свѣтъ побѣждаетъ тьму и лѣтомъ ночь короче дня!

„Но какъ долго еще намъ ждать дня.

„Папа за тебя молюсь, о тебѣ думаю. Кромѣ тебя у меня здѣсь никого и ничего“!

«Твоя Таня.»

XL.

Въ серединѣ зимы, когда именно, этого Саблинъ не могъ точно установить, такъ какъ несмотря на всѣ старанія отмѣчать и запоминать дни и числа, это ему не удавалось, глухою ночью его разбудили въ камерѣ. Пришелъ нарядъ матросовъ съ юношей комиссаромъ.

— Пожалуйте, товарищъ, на новую квартиру,— сказалъ ему комиссаръ.

Саблинъ привыкъ къ извѣстному остроумію совѣтскихъ служащихъ, изощрявшихся въ различныхъ наименованіяхъ смертной казни и подумалъ, что пришли, чтобы покончить съ нимъ. Онъ сталъ, невольно торопясь, одѣваться.

— Не торопитесь, товарищъ, мы подождемъ, — сказалъ, закуривая папиросу, юноша. — Васъ приказано доставить на улицу Гоголя, въ вашу квартиру.

Саблинъ не повѣрилъ словамъ комиссара. Онъ надѣлъ свое измятое, изорвавшееся пальто и пошелъ, окруженный матросами, къ выходу. Морозный воздухъ опьянилъ его. Ноги въ стоптанныхъ порванныхъ ботинкахъ мерзли. Саблинъ вздохнулъ полною грудью. Онъ давно не дышалъ свѣжимъ воздухомъ и теперь едва не лишился отъ него сознанія. Онъ поднялъ голову. На темномъ небѣ ясно горѣли звѣзды и мѣсяцъ висѣлъ надъ соборомъ. Какъ хороша была жизнь!

У воротъ ожидалъ автомобиль. Саблина посадили на заднее мѣсто, рядомъ сѣлъ комиссаръ, матросы стали на подножки и автомобиль, качаясь на ухабахъ, поѣхалъ изъ крѣпости.

Они свернули на Троицкій мостъ и Саблинъ увидалъ Неву. На мосту, какъ и во всемъ городѣ фонари не горѣли. Городъ былъ погруженъ въ странную мглу. Ни одно окно въ особнякахъ и дворцахъ на набережной не свѣтилось и тотъ берегъ рисовался темною неопредѣленною линіей на фонѣ яснаго неба и бѣлой, занесенной снѣгомъ Невы. Мостъ былъ пустъ. Ни пѣшехода, ни извозчика, или автомобиля на немъ не было. Не было городовыхъ, милицейскихъ, никакой стражи. Городъ казался умершимъ, покинутымъ. Странно было думать, что это Петербургъ, тотъ Петербургъ, въ которомъ Саблинъ родился и выросъ, въ которомъ весело прожилъ столько лѣтъ и который онъ такъ любилъ. Онъ оставилъ его, живущимъ нервною суетливою жизнью, промчался по нему тогда, когда ходили патрули, горѣли на углахъ костры и городъ жилъ тревожною, опасливою жизнью. Прошло около года. Прошла та весна, когда его арестовали солдаты и когда онъ бѣжалъ по лѣсу и мягко разступался снѣгъ подъ его ногами, прошло лѣто, которое онъ зналъ лишь потому, что душно было въ камерѣ, сильнѣе былъ запахъ нечистотъ и гніющихъ тѣлъ со двора и иногда ночью слышалось, какъ вылъ вѣтеръ и плескали волны Невы. Наступила опять зима. По тому, что еще мало было снѣга и большія черныя полыньи были на Невѣ, — начало зимы.

Какъ весело бывало въ это время въ Петербургѣ на Троицкомъ мосту. Даже въ глухіе ночные часы весело... А теперь?... Мертвый городъ лежалъ передъ Саблинымъ.

Автомобиль пошелъ по набережной мимо спящихъ дворцовъ. Двери были глухо замкнуты, окна заколочены, стекла разбиты и дворцы стояли мрачные и нелюдимые. У зимняго дворца съ разбитыми стеклами маячилъ пѣшій патруль красной гвардіи. Было похоже на то, что комиссаръ сказалъ правду: Саблина везли на его квартиру.

Автомобиль остановился у воротъ. Матросы долго стучали прикладами въ калитку, наконецъ, вышелъ какой то незнакомый старикъ. Онъ, увидавши матросовъ, снялъ шапку съ сѣдой головы и низко поклонился.

— Квартиру Саблина!, коротко сказалъ комиссаръ.

— Пожалуйте, товарищи, — услужливо сказалъ дрожащимъ голосомъ старикъ и повелъ на черную лѣстницу.

На лѣстницѣ было темно и комиссаръ зажегъ припасенный имъ огарокъ. Саблинъ подумалъ, что здѣсь, — будь у него прежняя его сила, онъ могъ бы выхватить ружье у матроса, идущаго сзади и переколоть ихъ всѣхъ и уже, если суждено умереть отъ руки своего, то умереть въ борьбѣ. Но онъ былъ такъ слабъ, что вѣроятно не удержалъ бы ружья въ рукахъ. Ноги тряслись и непослушно нащупывали ступени, въ ушахъ звенѣло. Саблинъ былъ, какъ послѣ тяжелой болѣзни. И думать нельзя было о сопротивленіи и борьбѣ. И Саблинъ понялъ теперь, почему тотъ юноша, котораго втолкнули къ нему въ камеру такъ спокойно и покорно пошелъ на смерть по окрику солдата. Голодъ уже сдѣлалъ все для порабощенія воли человѣка. Но, если нѣтъ силы сопротивляться, то дай мнѣ, Боже, силы красиво умереть!

Опять стучали сапогами и прикладами въ дверь и звонили въ дребезжащій звонокъ. Дверь открыла, освѣщая комнату маленькимъ ночникомъ жена Петрова — Авдотья Марковна. Она увидала матросовъ и ночникъ задрожалъ въ ея рукѣ. Она его едва не уронила. Она была блѣдная и исхудалая и глаза смотрѣли голодные и испуганные.

— Хозяина привезли, сказалъ комиссаръ. Очищайте, товарищи, квартиру. Гдѣ ночевалъ всегда генералъ?

— Въ кабинетѣ, ваше высокое превосходительство, трясясь сказала Авдотья Марковна.

— Веди, товарищъ madame, въ кабинетъ.

— Тамъ матросъ коммунистъ устроился, прошептала Авдотья Марковна.

— Прогонимъ. Не важная птица, сказалъ комиссаръ.

Авдотья Марковна пошла по корридору въ гостиную. Въ гостиной на диванѣ, завернувшись въ коверъ, спалъ какой то субьектъ. Воздухъ былъ тяжелый и спертый.

Саблинъ замѣтилъ, что всѣ двери были съ испорченными замками, многія безъ бронзовыхъ ручекъ. Онъ шелъ по своей квартирѣ и не узнавалъ ее. Мебель была поставлена иначе. Даже при бѣгломъ взглядѣ, при свѣтѣ ночника, Саблинъ замѣтилъ, что многихъ вещей недоставало.

Открылась высокая дверь кабинета. При мерцающемъ свѣтѣ пламени Саблинъ почувствовалъ на себѣ взглядъ синихъ глазъ Вѣры Константиновны. Портретъ былъ цѣлъ и висѣлъ на прежнемъ мѣстѣ. На его диванѣ, сплетясь въ объятіи, лежало два тѣла. При звукѣ голосовъ и при стукѣ шаговъ они зашевелились и съ дивана поднялись растрепанный молодой парень съ идіотскимъ лицомъ и дѣвушка съ остриженными по плечи волосами, съ веснушками на толстыхъ щекахъ и маленькими узкими глазами. Она сѣла на диванѣ и болтала босыми, бѣлыми, большими ногами, щурясь на пламя ночника. И здѣсь былъ спертый воздухъ и такъ непривычно для его кабинета пахло мужицкимъ потомъ и нечистотами.

— Ну, товарищи, побаловались на господской постели и довольно, — сказалъ комиссаръ.

— Куда же мы пойдемъ, товарищъ? Мы здѣсь по распоряженію Чека поселены. Насъ нельзя такъ гнать среди ночи. Мы коммунисты, — хри-

плымъ голосомъ, почесываясь, протестовалъ мущина.

— Я знаю, товарищъ, что дѣлаю, — спокойно сказалъ юноша. — Тутъ комнатъ много. Забирайте свои манатки и пошли отсюда. Я имѣю точное приказаніе изъ Реввоенсовѣта.

— Да, какъ же это такъ, развелъ руками парень. — Ужели-же есть такія права, чтобы коммунистовъ, трудящій народъ, можно было середь ночи съ постели гнать. Мы, товарищъ, не буржуи, какіе либо.

— Ну нечего разговаривать, — сказалъ матросъ, а то смотри выведу въ расходъ и со шкурою твоею.

— Товарищъ комиссаръ, — завопила дѣвица — я прошу, чтобы меня не оскорбляли.

Юноша посмотрѣлъ на нее и ничего не сказалъ. Но вѣроятно въ его молчаливомъ взглядѣ она прочла что либо угрожающее, потому что быстро стала натягивать на свои не совсѣмъ чистыя ноги шолковые черные чулки.

— А вы, товарищъ madame, — обратился комиссаръ къ Авдотьѣ Марковнѣ, поставьте ночничокъ на столъ и принесите сюда подушки, простыни и одѣяло, да приготовьте умывальникъ, воду и все, что полагается, чтобы генералъ ночевалъ, какъ у себя дома. А къ утру согрѣйте чаю и подайте завтракъ,

— Да, какъ же, ваше высокое превосходительство я это сдѣлаю, сказала Авдотья Марковна, когда все бѣлье забрали коммунисты эти самые. Вишь и чулки то она напяливаетъ барышнины. Вчора пришла, никакихъ на ней чулковъ не было, все перерыли, отобрали и рубашечки и чулки и все, что я спрятать успѣла.

— Товарищъ, — сказалъ комиссаръ высокому матросу. — Пойдите съ товарищемъ madame и отберите, что нужно для ночлега. Да предупре-

дите, что завтра съутра обѣ сосѣднія комнаты освободить придется для караула.

Пара, спавшая на диванѣ Саблина удалилась, оставивъ одну подушку, смятыя простыни и пуховое одѣяло. Авдотья Марковна вернулась, неся нѣсколько болѣе чистую подушку и еще одѣяло и стала устраивать Саблину постель. Комиссаръ распорядился поставить часового у дверей кабинета, пожелалъ Саблину спокойной ночи и вышелъ.

Авдотья Марковна молча разставляла посуду, вытряхивала одѣяла, разглаживала простыни. Саблинъ стоялъ, прислонившись спиною къ книжному шкафу.

— Ну, здраствуйте, — сказалъ Саблинъ. — Какъ же вы тутъ жили безъ меня?

Авдотья Марковна остановилась съ одѣяломъ въ рукѣ, слезливо заморгала, махнула рукою и чуть слышно сказала.

— Не спрашивайте, ваше превосходительство. Стѣны тутъ слышатъ... Его то... голубчика моего, Сенечку то... мужа.. Разстрѣляли... Вотъ сороковой день завтра будетъ. А за что!... Кто ихъ знаетъ...

И она торопливыми, точно старушечьими шагами вышла изъ кабинета.

Саблинъ остался одинъ. Онъ взялъ ночникъ и подошелъ къ столу. Здѣсь былъ запертъ имъ и забытъ, когда онъ бѣжалъ, роковой дневникъ Вѣры Константиновны. Столъ былъ взломанъ. Шкапчикъ съ бумагами былъ пустъ. Саблинъ подошелъ къ библіотекѣ. Книгъ на половину не было. Кое гдѣ стояли разрозненные томы. Переплеты были оторваны. Но по стѣнамъ вправо и влѣво отъ портрета Вѣры Константиновны чинными рядами висѣли портреты предковъ. Ночникъ давалъ слишкомъ мало свѣта, но видны были бѣлки глазъ и то тутъ, то тамъ проступалъ бѣлый лобъ, шитье мундира, кружево платья.

Саблинъ шатался отъ утомленія. Въ глазахъ темнѣло. Онъ торопливо раздѣлся и бросился на свой диванъ. Сладкое чувство сознанія, что онъ еще живъ, что его еще не казнили, охватило его и онъ крѣпко, безъ сновъ, заснулъ...

XLI.

Когда Саблинъ проснулся былъ уже день. Угрѣвшись подъ двумя одѣялами онъ лежалъ и долго не могъ сообразить, гдѣ онъ находится и что съ нимъ. Временами онъ думалъ, что всѣ событія послѣднихъ десяти мѣсяцевъ, уходъ изъ Петербурга, арестъ на желѣзной дорогѣ, Смольный, Петропавловская крѣпость, письмо Тани съ роковою вѣстью о мученической кончинѣ тѣхъ, кого онъ такъ любилъ — все это было тяжелымъ мучительнымъ кошмаромъ. И вотъ проснулся онъ и смотритъ зимній день въ окно и ласково улыбается съ полотна портрета вѣчнолюбимая, дорогая Вѣра.

Сонъ подкрѣпилъ его. Въ головѣ стало яснѣе. Саблинъ замѣтилъ полное отсутствіе ковровъ и звѣриныхъ шкуръ въ его кабинетѣ. Паркетный полъ былъ голъ, загаженъ и заплеванъ. Мѣстами шелуха отъ подсолнуховъ, плевки и уличная грязь образовали такой плотный сѣрый слой, что полъ казался покрытымъ какою то сѣрою мастикою... Вырванные замки изъ стола оставили зіяющія отверстія у дверей шкапчиковъ и ящиковъ. Столъ былъ пустъ. Бронзовыя статуетки, малахитовый приборъ исчезли съ него. У большого мягкаго кресла кожа была содрана и оно стояло съ бѣлой просиженной кѣмъ то парусиной. Воздухъ былъ холодный и тяжелый, по угламъ висѣла паутина, всюду чувствовалось отсутствіе хозяйской руки.

Нѣтъ. Это все было. И революція, и большевики, и оскорбленія солдатъ, и Коржиковъ, и тюрьма.

Что будетъ? Неизвѣстно. Почему его перевезли на квартиру? Можетъ быть перемѣнилось правительство? Можетъ быть кровавый туманъересталъ носиться по Россіи? Или его ожидаютъ новыя пытки, новыя муки?

Саблинъ всталъ, умылся и одѣлся. Онъ подошелъ къ портрету. Чья то кощунственная рука карандашемъ и чернилами измазала и исчертила скверными надписями бѣлое подвѣнечное платье Вѣры Константиновны. Саблинъ тяжело вздохнулъ и подошелъ къ окну. Знакомый видъ открылся передъ нимъ. Наискосокъ должны были быть вывѣски кондитерской. Ихъ не было. Окна кондитерской были заложены досками. Подлѣ нея, у какой то двери стоялъ длинный хвостъ, чего то ожидающихъ людей. Бѣдно одѣтые люди топтались на морозѣ. Но они смѣялись чему то. Красногвардеецъ съ винтовкой похаживалъ подлѣ. Прилично одѣтый старикъ пронесъ подъ мышкой березовое полѣно. Двѣ барышни въ хорошихъ шубкахъ везли на маленькихъ санкахъ двѣ доски какого то забора и грязный мѣшокъ чѣмъ то наполненный. Ихъ лица были исхудалыя, но онѣ смѣялись. Вправо уходила широкая улица и чуть видна была площадь. У какого то дома три человѣка стояли и читали что то приклеенное на стѣнѣ.

Шла въ Петербургѣ какая то жизнь. И ужасъ охватилъ Саблина. Онъ, Петербуржецъ, не зналъ и не понималъ этой жизни. Точно не десять мѣсяцевъ прошло, а прошло много вѣковъ и Петербургъ вымеръ. Тѣ странные люди, которыхъ видѣлъ на улицахъ Саблинъ, не походили на Петербуржцевъ. Пробѣжалъ сытый, но плохо чищеный вороной рысакъ и въ санкахъ сидѣлъ молодой человѣкъ въ сѣрой солдатской шинели, съ красной повязкой на рукавѣ и золотыми звѣздами на ней. Онъ обнималъ правой рукою богато одѣтую женщину. Но и рысакъ, и кучеръ, и молодой человѣкъ и женщина такъ не походили на настоящаго ры-

сака, настоящаго офицера и настоящую женщину что казались каррикатурой. Глядя на свою родную улицу Саблинъ начиналъ понимать декадентовъ и футуристовъ. Онъ понималъ ихъ кривые дома, угловатыхъ лошадей, изломанныя линіи въ изображеніи людей. Петербургская жизнь претворилась въ картину и картину скверную, сквернаго тона, сквернаго пошиба. Въ очереди стояла дѣвушка. Она была хороша собою. Но лицо у нея было блѣдное, больное, на головѣ была неуклюже напялена старомодная шляпка, а на тѣлѣ какая то кацавейка, изъ которой по швамъ торчала вата. Крошечныя ножки въ башмакахъ замерзли и она танцовала дробный танецъ, чтобы согрѣться. Рядомъ съ нею стояла толстомордая, скуластая женщина, типичная охтянка. На ней была одѣта изящная бархатная шапочка съ бѣлымъ ésprit, богатый котиковый сакъ и сѣрые ботики, съ трудомъ напяленные на ноги. Она съ величавымъ презрѣніемъ смотрѣла на свою сосѣдку и Саблину казалось что онъ слышалъ, какъ она говорила полнымъ презрѣнія голосомъ:— «баржуйка!»

За эти десять мѣсяцевъ жизнь Петербурга претворилась въ гадкую каррикатуру надъ жизнью и Саблину жутко было смотрѣть на нее.

Авдотья Марковна заглянула къ нему и, увидавши, что онъ всталъ, принесла ему чай, хлѣбъ и сахаръ.

— Комиссаръ прислали, — сказала она. — Велѣли вамъ всего давать. Я сюда подала. Въ столовой то коммунисты, да мамзели ихнія. Вамъ не особенно будетъ пріятно.

И только Саблинъ хотѣлъ ее о чемъ то спросить, какъ она, видимо боясь разговора съ нимъ, ушла.

Саблинъ поймалъ себя на мысли, что его не возмущаетъ погромъ его квартиры, его не коробитъ то, что его комнатами, его вещами распоряжаются

совершенно чужіе люди, что онъ ощущаетъ животное счастье пить настоящій чай, съ чернымъ хлѣбомъ и небольшимъ количествомъ сахара. Что ему пріятенъ свѣтъ и просторъ холодной; грязной комнаты, что онъ не трясется отъ злобы при видѣ испакощеннаго портрета любимой женщины и раскраденныхъ бумагъ его семейнаго архива.

«Что это?» подумалъ онъ. — «Воспитаніе голодомъ и тюрьмою? Порабощеніе воли, подчиненіе духа велѣніямъ желудка и тѣла? И, если я поддался на это и ощутилъ это, я, сильный, то, что же будетъ со слабыми? Они лизать будутъ руку, которая будетъ ихъ избивать».

Какъ то, недѣли двѣ тому назадъ, комиссаръ юристъ, навѣщавшій его въ крѣпости, сказалъ ему новое beau mot*) Троцкаго: — «мы достигли такого подчиненія себѣ буржуазіи, что, если я прикажу завтра всѣмъ явиться на Гороховую для порки, то у Гороховой построится длинный хвостъ буржуазіи, жаждущей исполнить нашу волю!».

Это власть голода. Это власть куска хлѣба. Но онъ то, Саблинъ, этому не поддастся? Какъ бы слабъ онъ ни былъ!

XLII.

Въ шесть часовъ вечера дверь кабинета распахнулась и въ него вошелъ, не раздѣваясь, въ солдатской шинели на кенгуровомъ мѣху высокій плотный человѣкъ. Въ кабинетѣ, какъ и во всей квартирѣ горѣло электричество и Саблинъ въ вошедшемъ сейчасъ же узналъ генерала Пестрецова.

Саблинъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ и читалъ найденный имъ въ библіотекѣ томикъ сочиненій Куприна.

---

*) Словцо.

Онъ не всталъ навстрѣчу незваному гостю и скрестилъ на груди руки. Пестрецовъ понялъ его движеніе и сказалъ:

— Ну, какъ хочешь! Не будемъ изъ за этого ссориться. Когда ты выслушаешь меня, когда ты все поймешь, совсѣмъ иными глазами ты будешь на меня смотрѣть. Ты многое пережилъ, Саша, и я пережилъ не мало. Саша, — я два мѣсяца жилъ тѣмъ, что распродавалъ то немногое, что я имѣлъ. Потомъ и это у меня отобрали и я шесть дней, зимою, торговалъ на улицѣ печеньями, которыя дѣлала Нина Николаевна. И вотъ тогда я получилъ приглашеніе на Николаевскій вокзалъ. Тамъ въ вагонахъ Царскаго поѣзда я нашелъ своихъ товарищей по Академіи Бончъ-Бруевича, Парскаго и Балтійскаго. Мы долго и откровенно говорили. Саша, — tout comprendre c'est tout pardonner.*) Все наше горе въ томъ, что вы не понимаете ихъ. Да, Саша. Ну къ чему это! Ты ѣхалъ къ Каледину и Корнилову! Это было въ мартѣ... Да... Ну слушай, милый другъ, вѣдь.... Я не знаю... Саша, ты меня всегда считалъ за умнаго человѣка, да... Я знаю, знаю.... И я тебя тоже, но прости, мой дорогой, я не понимаю одного. Ты молчишь, ну молчи и слушай, слушай.

— Я слушаю васъ, ваше высокопревосходительство, только потому, что я не могу васъ выгнать вонъ. Сила на вашей сторонѣ, — слабымъ голосомъ проговорилъ Саблинъ.

— Ахъ Саша! Т-ссъ! Тише, ради Бога, тише!, — махая ему рукою сказалъ Пестрецовъ.

— Не поминайте Божьяго имени — вы продавшійся діаволу!, сказалъ Саблинъ.

— Ахъ.... Все тотъ же! Но погоди.... Ты другое скажешь, когда все узнаешь. Рабоче-крестьянское правительство было вынуждено всту-

*) Все понять — простить.

пить въ Брестѣ въ переговоры съ нѣмцами. Армія была разрушена задолго до большевиковъ. Приказъ № 1 составили, правда, въ Совѣтѣ, но утвердилъ-то его Гучковъ и дали широкое распространеніе по всему фронту главкосѣвъ, главкозапъ, главкоюзъ. Декларацію правъ солдата писалъ Керенскій. Керенскій насаждалъ комитеты и выборное начало. Воевать стало невозможно. Мы имѣли не армію, а толпу мародеровъ. Не ты ли, Саша, подавалъ докладную записку и просилъ объ отставкѣ. Если бы не заключеніе мира въ Брестѣ — нѣмцы заняли бы Петербургъ и Москву, и обрушились бы всѣми силами на союзниковъ, никѣмъ не связанные. Брестскій миръ не предалъ, а спасъ союзниковъ.

— Точка зрѣнія Ленина, получившаго за этотъ миръ пятьдесятъ мильоновъ марокъ отъ германскаго генеральнаго штаба, -- сказалъ Саблинъ.

— Мы не отрицаемъ того, что Ленинъ получилъ деньги отъ нѣмцевъ, но онъ обманулъ ихъ. Когда генералъ Гофманъ въ Брестѣ стучалъ кулакомъ на нашу делегацію, Троцкій нашелъ выходъ изъ тяжелаго положенія и заявилъ: — „мы не воюемъ и не подписываемъ мира“ и рѣшено, ты слышишь, Саша, — рѣшено воевать! И солдаты съ нами идутъ и намъ повинуются.

— Разстрѣлами и пытками!

— Временное правительство развратило армію и намъ ничего не оставалось другого, какъ ввести самую строгую желѣзную дисциплину.

— Дисциплина безъ власти начальниковъ. Дисциплина съ комиссарами!, вырвалось у Саблина.

— Ты знаешь, Саша, что сказалъ Троцкій на подобный же вопросъ Балтійскаго, автора нашего новаго регламента: — „если политкомъ посмѣетъ вмѣшаться въ ваши оперативныя распоряженія — я его разстрѣляю по вашей телеграммѣ моей властью. Если вы вздумаете устроить измѣну

на фронтѣ, политкомы обязаны васъ разстрѣлять по моей телеграммѣ ихней властью!

— Это называется служить не за совѣсть, а за страхъ, — сказалъ Саблинъ.

— Но, Саша, у кого сохранилась теперь совѣсть? Повѣрь, милый другъ, что большевики дѣлаютъ Русское дѣло. Оглянись, одумайся, кто противъ нихъ? Казаки — всегда готовые бунтовать, прирожденные грабители, Деникинъ, Дроздовскій, ну, скажемъ, адмиралъ Колчакъ, Лукомскій, Романовскій, Драгомировъ. Кто они? Ну еще о Деникинѣ, Колчакѣ и Лукомскомъ мы слыхали до войны. Такъ вѣдь послѣ Быховскаго заключенія они озлобились. Посмотри, кто съ нами! Брусиловъ — нашъ, идейно нашъ, онъ полностью воспринялъ народно-крестьянскую власть и онъ понимаетъ, что только съ большевиками можно создать сильную Россію. Съ нами Зайончковскій, — ты его знаешь, — блестящій генералъ, талантъ, — съ нами Клембовскій, Гуторъ, Балтійскій, Лебедевъ, Свѣчинъ, Незнамовъ, всѣ передовые военные умы съ нами. Самойловъ, мой старый начальникъ штаба, заворачиваетъ фронтомъ противъ Деникина и недавно еще говорилъ мнѣ: — „посмотримъ кто кого! Мои мужички, или казаки Антона?!“... Саша то, о чемъ грезили лучшіе умы нашей Академіи — всеобщее обученіе военному дѣлу народа, въ школахъ и въ деревняхъ, созданіе вооруженнаго сто-мильоннаго народа осуществлено Троцкимъ. Лебедевъ составилъ проектъ спортивныхъ ферейновъ и военнаго развитія юношества и Троцкій создалъ великій всевоенобучъ! Мы, Саша, призваны создать величайшую армію въ мірѣ и покорить міръ. Намъ недостаетъ тебя! И какъ это счастливо вышло, что тебя успѣли перехватить и ты можешь быть съ нами. Я докладывалъ о тебѣ Троцкому и онъ очень радъ поручить тебѣ созданіе красной кавалеріи.

Саблинъ всталъ. О, какъ онъ былъ слабъ! Теперь онъ проклиналъ тѣ мѣсяцы, когда онъ сидѣлъ въ крѣпости и питался теплой водой и ржавымъ хлѣбомъ. Ноги едва держали его тѣло. Ему хотѣлось кинуться и задушить этого разжирѣвшаго старика, сидѣвшаго въ теплой шинели на диванѣ. Ему хотѣлось накричать на него и въ страстной громовой филиппикѣ уничтожить и унизить его. Дать ему сначала нравственную оплеуху а потомъ бить, бить его по лицу, по чемъ попало за его гнусное предложеніе, за его подлыя рѣчи. Но голосъ срывался, фразы не имѣли силы и казались ему блѣдными.

— Ваше высокопревосходительство, — воскликнулъ онъ. — Понимаете ли вы всю гнусность и подлость того, что вы говорите и дѣлаете!? Вы помогаете Ленину создать армію.... Для чего?... Для Россіи?... Для Россіи?.... О, если бы имъ нужна была Россія! Если бы они ею дорожили!.... Имъ нуженъ III интернаціоналъ. Имъ нужна революція всего міра, избіеніе буржуевъ и капиталистовъ.... уничтоженіе культуры... обращеніе людей въ скотовъ и порабощеніе ихъ себѣ..... И вы.... вы всѣ.... чѣмъ лучше вы создадите красную армію, чѣмъ больше вы вложите ума, силы воли и таланта, тѣмъ больше вы сдѣлаете зла для Россіи.... Но.... слышите!.... Вы никогда, никогда.... не создадите настоящей арміи!! Вы вынули изъ нея душу Русскую.... Вы уничтожили, вытравили вѣру изъ солдата Русскаго.... Вы убили Царя, вы заливаете кровью отечество.

Голосъ Саблина сорвался. Онъ сказалъ послѣднія слова хриплымъ шопотомъ. Ноги не держали его. Онъ снова сѣлъ въ тяжелое дубовое кресло, купленное когда то на кустарной выставкѣ, съ налокотниками въ видѣ топоровъ и спинкой въ формѣ дуги и рукавицъ и тихимъ голосомъ произнесъ.

— Смерть.... Я знаю что меня ожидаетъ смерть... Знаю... Я готовъ къ ней...... Оглянитесь кругомъ.... Это вы разрушили... Загадили.... заплевали.... покрыли грязными надписями красоту.... это вы толкнули дикій и невѣжественный народъ нашъ на кровь, на убійство и на безъудержный грабежъ.... Вы.... вы.... Смерть моя скоро. Я знаю... И вотъ я говорю вамъ..... Никогда! Никогда вы не разрушите Россіи! Слышите: Россія встанетъ и такъ шлепнетъ васъ, что отъ васъ ничего не останется!... Она найдетъ своего Царя, но вы, измѣнившіе Родинѣ генералы, сдѣлаете то, что она оторвется надолго отъ васъ и пойдетъ одна безъ интеллигенціи, безъ образованія пробивать свой путь..... Не федеративная.... но единая и недѣлимая, не республика, но монархія, не съ жидами, но безъ жидовъ будетъ Россія.... И вы — вы только на двѣсти лѣтъ отодвинете ее назадъ, вернете ее къ наемнымъ рейтарскимъ и драгунскимъ полкамъ, которые будутъ усмирять вашъ грабительскій всевоенобучъ.... Жидъ масонъ смѣется надъ вами. Антихристъ сокрушаетъ великое дѣло христіанской любви — и вы ему покорились. Здѣсь на землѣ вы сгорите въ геннѣ огненной народнаго гнѣва и, знайте, ваше высокопревосходительство, что, если нашъ народъ терпѣливъ и покоренъ, то онъ же невѣроятно жестокъ въ гнѣвѣ своемъ и онъ постоитъ за свою Россію!....

Нѣсколько минутъ въ кабинетѣ было молчаніе. Пестрецовъ ничего не отвѣчалъ на страстную, сказанную слабымъ прерывающимся голосомъ рѣчь Саблина. За стѣною было слышно, какъ въ гостиной ругались коммунисты. Наконецъ Пестрецовъ всталъ и заговорилъ.

— Саша..... — сказалъ онъ, и старые теплые сердечные тона послышались Саблину въ его голосѣ. — Ты сказалъ: — смерть.... Ты не знаешь до чего можетъ дойдти Ленинъ, если онъ узнаетъ что ты продолжаешь саботировать. Не забудь: —

ты обвиненъ въ стремленіи пробраться къ Корнилову, шедшему войною на республику совѣтовъ. Ты не отрицалъ этого. Это измѣна народу и она карается смертью..... Вмѣсто смерти я предлагаю тебѣ отремонтировать твою квартиру, вернуть по возможности все то, что унесено отъ тебя, два комплекта обмундированія и...

— Молчите!, ваше высокопревосходительство! Не злоупотребляйте тѣмъ, что вы сильны, а я слабъ. Я не измѣню Родинѣ никогда! И, если я не могъ умереть за нее въ рядахъ доблестной Добровольческой арміи — я готовъ умереть здѣсь.

— Тебя замучаютъ, — тихо сказалъ Пестрецовъ.

Лицо Саблина просвѣтлѣло.

— Тѣмъ лучше, сказалъ онъ. — Чѣмъ страшнѣе муки мои и тѣхъ генераловъ и офицеровъ, которыхъ вы истязуете въ чрезвычайкахъ — тѣмъ больше подвигъ и значеніе для народа нашего креста. Россія живетъ, ваше высокопревосходительство, не годъ и не два! И, когда встанетъ она, — ей будетъ на кого опереться и на кого указать молодому поколѣнію! У насъ найдутся свои братья Гракхи, свои Муціи Сцеволы и къ незабвенной памяти Сусанина мы приложимъ память о тысячахъ мучениковъ за Русскую землю.... И я.... какъ счастье приму муки.... И съ ними... славу!.....

— Саша, — едва слышно проговорилъ Пестрецовъ и старческій подбородокъ его дрогнулъ. — Мнѣ приказано передать, что..... твоя дочь Татьяна... арестована въ Москвѣ и находится въ распоряженіи Чрезвычайки.... Если ты согласишься, — она немедленно, въ полной неприкосновенности, будетъ возвращена къ тебѣ.

Мучительный стонъ вырвался у Саблина. Онъ поднялъ глаза на портретъ Вѣры Константиновны, ища у нея помощи и совѣта. Синіе глаза ея смотрѣли твердо и непоколебимо. Въ нѣжной красотѣ его жены сквозилъ стальной характеръ она

отдала свою жизнь и она отдастъ и жизнь дочери, но не сдѣлаетъ гнуснаго дѣла.

— Никогда!. прошепталъ Саблинъ. — Идите вонъ.... Вы... Негодяй!

Саблинъ схватился за голову. То, что онъ увидалъ поразило его и заставило задрожать всѣмъ тѣломъ.

Пестрецовъ медленно поднялъ съ дивана, на которомъ сидѣлъ, свое грузное стариковское тѣло, преклонилъ негибкія колѣни и поклонился земнымъ поклономъ Саблину. Потомъ онъ тяжело поднялся и молча шаркающими шагами на трясущихся ногахъ вышелъ за дверь.

Саблинъ былъ такъ ошеломленъ, что не могъ ничего сказать и остался сидѣть въ креслѣ. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ ухода Пестрецова электричество внезапно погасло во всей квартирѣ.

XLIII.

Предчувствіе тяжелаго, неотвратимаго, — смерти и мученій, гнело Саблина. Въ кабинетъ принесли керосиновую лампу и Авдотья Марковна подала ему обѣдъ.

— Отъ комиссара прислали — сказала она.

Обѣдъ былъ разогрѣтый, но даже и по старымъ понятіямъ хорошій. Былъ бульонъ съ кускомъ мяса, былъ кусокъ варенаго судака съ картофелемъ, крыло жареной курицы и два сладкихъ пирожка. Видно комиссаръ еще считалъ дѣло сдѣланнымъ и не допускалъ мысли объ отказѣ.

Послѣ обѣда лампу убрали и Саблинъ остался въ сумракѣ кабинета. Въ окна съ сорванными портьерами и шторами глядѣлась свѣтлая зимняя Петербургская ночь. Страшная тишина была кругомъ. Ни одинъ фонарь нигдѣ не горѣлъ, ни одно окно не свѣтилось, — городъ казался мертвымъ. Въ немъ было такъ тихо, что когда по

Невскому проѣхалъ автомобиль, то было слышно въ квартирѣ. Саблинъ зналъ, что въ эту ночь его возьмутъ и готовился къ этому. Онъ легъ не раздѣваясь, чтобы избѣжать унизительнаго одѣванія на глазахъ издѣвающейся стражи. Онъ спалъ и ясно видѣлъ сонъ, который считалъ для себя пророческимъ и непріятнымъ. Онъ видѣлъ море мутной воды. Оно чуть волновалось и въ немъ плавали и тонули многія знакомыя лица. Саблинъ плылъ по нему, и не хватало силы плыть и онъ захлебывался. Онъ сталъ тонуть и, опускаясь на дно, онъ увидѣлъ, что дно завалено пушками, знаменами съ двуглавымъ орломъ и костями. Страшно было опускаться на дно. И вдругъ среди костей оно увидалъ два мертвыхъ тѣла. Они были привязаны за ноги къ чугуннымъ ядрамъ и вода подняла ихъ. Въ рубашкѣ съ погонами Пажескаго корпуса и при амуниціи колыхался его убитый Коля и въ бѣломъ бальномъ платьѣ Таня. Вода шевелила ихъ тѣла. Зеленоватыя лица качались и вода приподнимала и опускала черныя рѣсницы глазъ. Утопающаго Саблина тянуло къ нимъ. Онъ ощущалъ во всемъ тѣлѣ жуткую сырость и страхъ передъ зелеными мертвецами, родными ему и вмѣстѣ съ тѣмъ такими страшными.

Онъ проснулся. Въ комнатѣ было сыро и холодно. И подъ одѣялами Саблину не удалось согрѣться. Зимняя ночь бросала мутный свѣтъ въ комнату и, какъ призракъ, смотрѣла съ полотна Вѣра Константиновна. Все еще подъ впечатлѣніемъ тяжелаго сна неподвижно лежалъ Саблинъ и думалъ. Сонъ былъ понятенъ ему. Въ крѣпости комиссаръ ему разсказывалъ о водолазѣ, спущенномъ зачѣмъ то въ Севастопольскомъ порту и сошедшемъ съума. Онъ увидалъ на днѣ толпу морскихъ офицеровъ, сброшенныхъ матросами въ воду. Матросы привязали къ ногамъ ихъ ядра и теперь тѣла распухли, глаза вылѣзли изъ орбитъ и вода

приподняла со дна морского десятки тѣлъ въ золотыхъ погонахъ. Она шевелила ими и, казалось, по словамъ, водолаза, что утопленные офицеры сошлись на днѣ морскомъ на своеобразный митингъ и размахивали руками. Разсказъ комиссара произвелъ сильное впечатлѣніе на Саблина, теперь онъ почему то вспомнилъ его. Непріятноже было Саблину потому, что вода, видѣнная имъ во снѣ, всегда предвѣщала ему несчастье. Когда убили Колю онъ тоже видѣлъ воду и также, проснувшись, долго лежалъ, подъ впечатлѣніемъ сна. „Что нибудь случится сегодня со мною... Но я это зналъ и на это пошелъ", подумалъ Саблинъ. „Но Таня! Таня"!

Саблинъ сталъ думать о Пестрецовѣ, о Самойловѣ, о всѣхъ тѣхъ крупныхъ именахъ военнаго міра, которыя ему только что назвалъ Пестрецовъ. Они соблазнились. Они пошли за благами міра, пошли за усиленнымъ пайкомъ, за двумя комплектами обмундированія, за квартирой. Какъ низко падаетъ человѣкъ, лишенный собственности! И кто дѣлаетъ это и для чего? Руководитъ всѣмъ этимъ просто зависть обездоленнаго, дикаго пролетаріата, желающаго натѣшиться надъ буржуями, корни этого движенія въ бунтарскомъ характерѣ Русскаго босяка, получившаго власть и силу и Русская революція просто безсмысленный бунтъ, или причины ея глубже и кроются въ таинственномъ рѣшеніи мистическаго синедріона семидесяти избранныхъ, руководимыхъ тремя, во главѣ которыхъ стоитъ одинъ великій мудрецъ, „князь плѣненія". Саблину называли его имя: Шифъ, или Шифсъ — американскій мильярдеръ. Становилось страшно думать о могуществѣ масонской организаціи. Факты двоились. Одни неуклонно и точно показывали Саблину, что онъ стоитъ не передъ простымъ бунтомъ Русскаго хама, но передъ систематическимъ истребленіемъ Русскаго государства. Съ необычайнымъ упорствомъ уничтожали и

разстрѣливали все сильное и здоровое, все честное, прямое и не гибкое, все образованное и работоспособное въ Россіи. Профессора, ученые, лучшіе представители соціалъ революціонной партіи, какъ партіи хотя и утопичной, но въ корнѣ своемъ честной, гибли подъ ударами палачей. Гибли лучшіе генералы и тысячами истреблялось рыцарское сословіе офицеровъ, уничтожалась честная и неиспорченная молодежь, истреблялись казаки. Саблинъ, командуя дивизіей, присмотрѣлся къ казакамъ и научился любить ихъ и уважать. Это были Русскіе изъ Русскихъ, это были крѣпкіе, сильные люди, способные создать государственность. Ихъ уничтожали. И, страннымъ образомъ, въ уничтоженіи всего сильнаго въ Россіи принимали участіе не одни большевики. Саблинъ уже въ крѣпости слыхалъ о несогласіяхъ въ станѣ бѣлыхъ, о томъ, что тамъ идетъ та же работа по уничтоженію, или обезвреженію всѣхъ сильныхъ, патріотически настроенныхъ людей. Какъ только какое либо лицо начнетъ проявлять власть и характеръ и неуклонно стремиться къ великой Россіи неизмѣнно его облѣпляетъ толпа какихъ то людей, создаются громоздкія совѣщанія, комитеты, власть, лицо, распыляется и дѣло гибнетъ. Въ этомъ разрушеніи Русскаго дѣла несомнѣнно принимаетъ участіе Германія, но это же дѣлаетъ и Англія и Франція — себѣ же на голову. И невольно зарождалась въ головѣ мысль, что дѣйствительно событіями во всей вселенной руководитъ воля какой то организаціи, возглавляемой однимъ лицомъ. И это лицо поставило себѣ цѣлью уничтожить Россію и Русскій народъ, какъ народъ христіански настроенный. Только въ Россіи сохранилась любовь сердца. Только въ Россіи возможны Сонечки Мармеладовы съ ихъ любовью къ ближнему болѣе, нежели къ самому себѣ, лишь въ Россіи осталось „Христа ради" болѣе могущественное, нежели всѣ благотворительныя орга-

низаціи міра. И на Россію обратилось мрачное лицо синедріона великихъ мудрецовъ.

Но были факты и другого характера. Все могло оказаться гораздо проще. Былъ дикій и разгульный Русскій народъ, не знающій удержу. Была шайка утопистовъ во главѣ съ Ленинымъ, увѣровавшая въ возможность сказокъ Уэльса на землѣ. Была экзальтированная, неуравновѣшенная, мечтательная Русская молодежь съ ея постояннымъ стремленіемъ къ правдѣ. И все это претворилось въ кровавый Русскій большевизмъ. Молодежь Русская, какъ во времена Имперіи закрывала глаза на революціонныя убійства, на казни городовыхъ и сановниковъ, на растерзанныя бомбами на улицѣ невинныя жертвы и видѣла только произволъ жандармовъ и охраннаго отдѣленія, такъ и теперь закрываетъ глаза на кровь, текущую со дворовъ Чрезвычаекъ и считаетъ это неизбѣжно нужнымъ.

Кто, какъ не эта молодежь сочинила коммунистическую марсельезу, гдѣ что ни слово, то призывъ къ убійству и крови. Мечтательность безпочвеннаго Русскаго интеллигента, съ завистью глядящаго на сытыхъ и богатыхъ людей создала ее. А упала она на благодарную почву.

Изъ похабной матерной Русской ругани, изъ непробуднаго пьянства, изъ отсутствія уваженія къ своему прошлому родился Русскій коммунизмъ. Въ немъ есть и отъ артели Русской и отъ шумной разбойничьей ватаги, гдѣ кровь сплелась съ поэзіей и все это сдобрено еврейскимъ цинизмомъ.

Русское „плевать" — помогло развиться ему. Русская лѣнь воспитала его....

„Правъ-ли я", думалъ Саблинъ, „отказываясь стать въ ряды и работать съ большевиками? Можетъ быть цѣлымъ рядомъ усилій людей честныхъ удалось бы свергнуть коммунистовъ съ ихъ ужаснаго пути"?

„Невозможно работать въ той обстановкѣ, которую они создали. Это пожаръ на кладбищѣ. Это домъ умалишенныхъ. Остается одно: — умереть“. Долгимъ голодомъ и мыслями о смерти Саблинъ подготовилъ себя ко всему. Какъ понималъ онъ мучениковъ теперь! Ихъ мужество тѣла, происходило оттого, что тѣло умирало раньше чѣмъ наступали муки и духъ торжествовалъ надъ нимъ.

Проходили минуты, а Саблину они казались часами. Мысль безпорядочно металась въ головѣ, и боялась прикоснуться къ больнымъ уголкамъ прошлаго. Настоящее, будущее было такъ сѣро, грязно и безобразно, что смерть казалась лучше. Но прошлое было прекрасно. И Саблинъ гналъ воспоминанія и старался не думать о томъ, чѣмъ онъ жилъ всѣ свои сорокъ четыре года.

XLIV.

Вдругъ ярко, по всей квартирѣ, вспыхнуло электричество. Въ ночной тишинѣ было слышно, какъ по комнатамъ проснулись коммунисты и тревожно шептались и шевелились, что то укладывая и увязывая. Авдотья Марковна въ рваномъ старомъ капотѣ, простоволосая, заглянула въ дверь и испуганно сказала.

— Ваше высокое превосходительство. Сейчасъ обыскъ будетъ.

Но Саблинъ понялъ, что дѣло уже не въ обыскѣ. Насталъ его послѣдній часъ.

На улицѣ стучали машины автомобилей. Саблинъ подошелъ къ окну. Изъ большого грузовика выскакивали солдаты красноармейцы. Сзади него, освѣщая его своими фонарями стоялъ маленькій Фордъ. Въ немъ сидѣло два человѣка.

Черезъ нѣсколько минутъ въ кабинетъ Саблина вошло восемь красноармейцевъ. Одинъ былъ гаже

другого. Четверо — молодые, лѣтъ по восемнадцати съ тупыми безусыми наглыми лицами. Пятый рыжій, въ веснушкахъ, показался знакомымъ Саблину. Узкіе свиные глаза тупо смотрѣли изъ подъ красныхъ вѣкъ. Шестой былъ здоровый мужикъ съ обритымъ лицомъ. Къ его мясистому носу, и толстымъ щекамъ не шли маленькіе остриженные усы. Лицо его выражало звѣриную радость. Два остальные были китайцы.

Они всею толпою бросились на Саблина, какъ будто боялись, что онъ убѣжитъ, или окажетъ сопротивленіе. Они схватили его, насильно посадили въ дубовое кресло и крѣпко привязали его руки къ налокотникамъ, ноги къ ножкамъ и поясницу къ спинкѣ. Саблинъ потерялъ всякую возможность шевелиться. Кто то у дверей распоряжался ими.

— Поставьте у постели! сказалъ онъ. — Поверните немного къ окну. Такъ! Довольно.

Саблина усадили противъ портрета Вѣры Константиновны и Саблинъ понялъ, что кромѣ мукъ физическихъ его ожидаютъ муки нравственныя.

— Теперь, всѣ уйдите! Вам—пу—приготовить все, какъ въ Харьковѣ дѣлалъ. Понимаешь! Ожидать въ сосѣдней комнатѣ, раздавался голосъ въ дверяхъ.

Кабинетъ опустѣлъ. Саблинъ оставался въ немъ одинъ. Вѣра Константиновна смотрѣла на него съ портрета и противъ воли Саблина мучительно сладкія воспоминанія лѣзли ему въ голову.

Смѣлыми короткими шагами вошелъ въ комнату молодой человѣкъ съ блестящими сѣрыми глазами. Онъ былъ одѣтъ въ кожаное платье. Два большихъ револьвера висѣли у него по бокамъ желтаго пояса, стягивавшаго черную шведскую куртку.

Саблинъ узналъ въ немъ Коржикова.

Но не только Коржикова узналъ онъ въ молодомъ человѣкѣ, — онъ узналъ въ немъ самого

себя. Да. Такимъ былъ онъ въ первый годъ своего офицерства, когда былъ на вечерѣ у Гриценки. И ростъ его, и его маленькія породистыя руки и его гордая Саблинская осанка и смѣлая походка его. Такъ подошелъ онъ тогда къ Гриценкѣ и заслонилъ собою Захара...

Глаза Коржикова неестественно горѣли.

Онъ подошелъ къ письменному столу и оперся на него.

— Папаша!, улыбаясь сказалъ онъ... — Вотъ вы и мой. А какъ отстаивали васъ въ рев-военсовѣтѣ. Самъ Троцкій былъ за васъ. Васъ называли лучшимъ!...

Онъ замолчалъ и въ какомъ то раздумьи добавилъ — „Лучшаго изъ гоевъ умертви, лучшей изъ змѣй раздроби мозгъ", — такъ говорилъ Мехильта...

Было слышно какъ на улицѣ шофферы ходили подлѣ автомобилей и переговаривались короткими словами.

— Вы знаете кто я?, вдругъ коротко спросилъ Коржиковъ.

Саблинъ молчалъ.

Коржиковъ досталъ изъ кармана бумажникъ и вынулъ двѣ карточки. Онъ поднесъ ихъ къ лицу Саблина. Одна была карточка Маруси, другая Саблина въ молодости.

— Это мои папа и мама, — сказалъ, подмигивая, Коржиковъ. — И папа, это вы. Чувствуете ко мнѣ отцовскую нѣжность? А? Гордитесь мною? А? Вы въ мои годы были только корнетъ гвардейскаго полка и ёрникъ, а я — комиссаръ и членъ чрезвычайки... Карьера, папаша! Не по вашему начинаю. Вотъ, смотрю на васъ, — похожи на меня. Я ваше сѣмя, а у меня къ вамъ ничего, никакого чувства. Что этотъ столъ, что вы все одно и то же.

Коржиковъ закурилъ папиросу.

— Курить не хотите?, сказалъ онъ, и, подойдя всунулъ свою папиросу въ ротъ Саблину. Саблину страшно хотѣлось курить, но онъ ее выбросилъ изо рта.

— Какъ хотите, сказалъ Коржиковъ. — Воля ваша. Давайте пофилософствуемъ немного. Есть у человѣка душа, или нѣтъ? По вашему-есть, по моему нѣтъ. По вашему—человѣкъ отъ Бога по моему и Бога нѣтъ. Человѣкъ, что кроликъ или тамъ, что вошь, родился изъ слизи и ничего въ немъ нѣтъ. Вотъ вы, поди-ка, мамашу мою любили, а она то васъ безконечно, и отъ любви вашей родился я. А я и не знаю васъ. Ну, такъ гдѣ же душа? Есть у меня пріятельница, товарищъ Дора. Она въ Одесской чрезвычайкѣ всѣ эти дни работала. Она этимъ вопросомъ занималась. „Ежели“, говоритъ, „у человѣка душа есть такъ куда же она дѣвается, когда его убиваешь“. И вотъ такъ она дѣлала. Сядетъ на стулъ, разставивъ ноги, а сзади нея контръ революціонеровъ голыхъ поставятъ. И заставляютъ, чтобы они подъ стуломъ между ногъ ея проползали и, какъ покажется голова, она въ високъ изъ револьвера и бахнетъ. И смотритъ, что будетъ. Ничего. Понимаете. Только запахъ скверный. Человѣкъ по тридцать въ день она ликвидировала и никакой души не видала. Ну такъ, значитъ, и Бога нѣтъ...

— Вы молчите, — продолжалъ затянувшись папиросой Коржиковъ. Не возражаете. Вамъ, поди, непріятно все это. Сынъ родной и все прочее. Память мамаши и такія дѣла! Да... Хотите можно иначе все это обернуть? Вотъ здѣсь, сегодня ночью, составите бумажку, что вы признаете меня своимъ законнымъ сыномъ. Да. И именоваться мнѣ впредь Викторомъ Александровичемъ Саблинымъ... А впрочемъ, зачѣмъ Викторомъ? Я вѣдь не крещеный. У васъ, поди, имена то родовыя. Мнѣ въ дѣдушку надо бы — Николаемъ Александровичемъ быть. Да... И сами

вы предложеніе принимаете и вступаете въ рев-воен-совѣтъ и въ коммунистическую партію. Брусиловъ сына въ конницу Буденнаго отдалъ — и вы меня возьмете въ свою красную кавалерію. Звѣзду, папаша, пятиконечную на васъ налѣпимъ, поясокъ командирскій на рукавъ и фу ты, ну ты — генералъ Саблинъ присягаетъ служить подъ краснымъ знаменемъ III интернаціонала! Карьера, папаша!

Коржиковъ оглянулъ портреты предковъ, висѣвшіе по сторонамъ портрета Вѣры Константиновны и сказалъ съ тою же милою интонаціей голоса, какъ нѣкогда сказала это Маруся.

— Предки ваши!... То-то, поди, обрадуются. А вы, папаша, того... не бойтесь. Вѣдь ихъ и нѣтъ вовсе. Предковъ то! Это все ерунда. Традиціи рода! Ни къ чему это, папаша! Выдумка одна... А эта? Послѣдняя ваша, Распутинская распутница... Я вѣдь, папаша, дневничекъ ея прочиталъ, фамильный... Знаете, когда выемку у васъ сдѣлали и къ намъ въ чрезвычайку доставили, я заинтересовался. Бумаги генерала Саблина. Какъ же! Можетъ быть это голосъ крови? Интересъ къ дѣлу мачихи. Презабавная исторія. А что же вы то! Эхъ вы, — герой! Рыцарь! Папаша, — вы право, странный человѣкъ. Тогда дядюшку моего, Любовина, отдуть какъ слѣдуетъ за его продерзости не смогли, потомъ меня Виктору Викторовичу отдали, Распутина такъ спустили. Какъ же это такъ? Она то, пожалуй, посильнѣе была. А хороша! Что папаша — вкусная она въ постелькѣ то была? Я такихъ люблю. Я вообще въ васъ пошелъ. Только куда! Дальше васъ. Я все испробовалъ, все испыталъ. Ну, положимъ, теперь при нашемъ коммунистическомъ совѣтскомъ строѣ возможности шире стали. Вы, папаша, пробовали когда либо семилѣтнюю невинность? И не пробуйте, не стоитъ. Разбивали мы тутъ гнѣздо контръ-революціонеровъ. Шпіонская организація. Понимаете, отецъ у Деникина въ арміи.

а мать, жена его, здѣсь — и письма обнаружили, Ну, конечно, къ намъ. Явился я. Она ничего изъ себя не представляла — отдалъ ее красноармейцамъ. А тутъ дѣвочка бросилась ко мнѣ. Голубоглазая, рѣсницы длинныя, черные волосики, какъ пухъ. Руки мои цѣлуетъ. — „Маму, маму"!, кричитъ, „спасите маму". Ножки пухленькія, бѣленькія. Ну я распалился. Понесъ на постель... Такой, знаете, испугъ, такая мука въ глазахъ, а чувства — никакого. Холодъ одинъ. Полъ-часа я надъ ней мучился. Вырывалась, кусалась, плакала...

Коржиковъ замолчалъ,

— Что же дѣвочка?, невольно спросилъ Саблинъ,

— Съума сошла. Такая дикая стала. Я пристрѣлилъ ее... Да вы что поблѣднѣли то? Эко какой! А вы сами поди, балуясь, никогда птичку на деревѣ не убивали? Такъ, синичку какую нибудь, или снѣгирика? А на дѣлѣ - то — не все одно. Вы отецъ — я сынъ. У насъ съ вами масштабы только разные. Между нами легла великая Русская революція, а вѣдь дѣвочка то — это одно изъ завоеваній революціи... Ну, это я такъ, отвлекся. Развлечь васъ, поманить хотѣлъ... Папаша, — вѣдь Императорскій балетъ цѣлъ. Танцуетъ. И того — комиссарамъ то можно и развлечься. Хотите антикваромъ быть—Пельцеръ къ вашимъ услугамъ. Да, что! Ублажимъ... Такъ, какъ же папаша? А? Саблины — отецъ и сынъ въ Красной арміи. Сколько солдатъ и казаковъ отъ Деникина къ вамъ перебѣжитъ. А? уже, скажутъ, если Саблинъ рабоче-крестьянскую власть призналъ, — ну тогда уже, значитъ, хороша она. Правильная, законная власть. Что же, рѣшились? Вы только, головой кивните, а тамъ все, какъ по щучьему велѣнью, явится. И автомобиль, и артисточка — **содкомъ**, какъ называемъ мы: — содержанка комиссара. И золото, и

почетъ! А папаша? Вѣдь это, правда, сыновняя любовь говоритъ во мнѣ. На манеръ какъ бы — голосъ крови что-ли!...

Коржиковъ выжидалъ отвѣта. Но Саблинъ молчалъ. Онъ смотрѣлъ на Коржикова съ такимъ ужаснымъ выраженіемъ страданія и ненависти въ глазахъ, что Коржиковъ прочелъ въ нихъ отвѣтъ.

— Ну такъ..., сказалъ онъ, вставая со стола и отходя въ уголъ комнаты. — Откровенно говоря, я и не ожидалъ иного отвѣта отъ васъ. Все таки и вы и я — Саблины. Вы служите подъ двуглавымъ орломъ, я служу подъ краснымъ знаменемъ III интернаціонала. И оба свое дѣло понимаемъ точно, простите, я вамъ еще скажу послѣднее. Если Вы не согласитесь, то кромѣ вашей смерти, погибнетъ и ваша дочь. Сестрица моя. Вѣроятно она красива. Я лично надругаюсь надъ нею, чтобы показать людямъ, что громъ не придавитъ меня за кровосмѣшеніе, а потомъ отдамъ двѣнадцати красноармейцамъ сифилитикамъ. Поняли? Мое слово твердо! — Согласны вступить въ партію?

— Никогда! воскликнулъ Саблинъ.

— Хорошо-съ, — холодно сказалъ Коржиковъ. Я принимаю мѣры.

XLV

— Вы любили ее, — сказалъ Коржиковъ. Онъ сталъ сзади Саблина и говорилъ почти на ухо ему.

— Вамъ дорога ея память. Вы смотрите на ея портретъ и вамъ кажется, что она благословляетъ ваши муки и смерть. Мы изуродуемъ ее.

Коржиковъ вынулъ револьверъ.

— Стрѣлокъ я хорошій. Вмѣсто синяго праваго глаза пусть будетъ черная дыра, А вы, папаша, воображайте, что она живая.

Глухо ударилъ сзади Саблина выстрѣлъ. И въ ту же секунду портретъ колыхнулся и съ трескомъ полетѣлъ внизъ. Старая рама ударилась объ полъ и разбилась вмѣстѣ съ подрамникомъ и полотно, шурша и ломаясь, полетѣло на полъ за шкапикъ, стоявшій подъ портретомъ. Это было такъ неожиданно и страшно, что Коржиковъ схватился за грудь, у Саблина лицо покрылось крупными каплями пота.

— Ну чего вы!, сказалъ Коржиковъ, но голосъ его дрожалъ, — Пуля перебила веревку. Естественно портретъ и упалъ. А рама разсохлась. А ловко вышло... А теперь мы... мамашу !

Коржиковъ поставилъ карточку Маруси на шкапикъ на томъ мѣстѣ гдѣ былъ портретъ Вѣры Константиновны и приготовился стрѣлять.

— У васъ, поди, рука бы дрогнула, сказалъ онъ. Вы бы и въ карточку не посмѣли выстрѣлить. Какъ же мамаша!... Мать!... А для меня все одно... и Коржиковъ выругался сквернымъ мужицкимъ словомъ.

— Мамашѣ я прямо въ лобъ!, сказалъ онъ.

Выстрѣлъ ударилъ, но пуля щелкнула на полъ вершка выше карточки.

— Странно..., сказалъ Коржиковъ. Никогда этого со мною не случалось, чтобы я на семь шаговъ промазалъ. Въ гривенникъ, знаете, царскій, серебряный гривенникъ, попадалъ. А тутъ. Ну еще разъ!

Но онъ промахнулся. Саблинъ сидѣлъ и думалъ. Какъ перевернули и перестроили они Россію! Выстрѣлъ въ Петербургской квартирѣ на улицѣ Гоголя. Неизбѣжно появленіе дворника, полиціи. „Кто стрѣлялъ, почему стрѣлялъ?“ — Саблинъ вспомнилъ, какъ послѣ того, какъ Любовинъ выстрѣлилъ въ него, немедленно по всему полку поднялась тревога. Въ квартирѣ корнета Саблина стрѣляли... Событіе!... А тутъ гре-

митъ выстрѣлъ за выстрѣломъ, рядомъ комнаты полны коммунистами и красноармейцами и хотя бы кто либо полюбопытствовалъ въ чемъ дѣло... Когда же это началось? Когда же стало можно стрѣлять невозбранно въ Петербургѣ? Да еще тогда, въ началѣ войны, когда онъ сталъ вдругъ Петроградомъ и зимою 1916 года на льду Невы у Петропавловской крѣпости учились стрѣлять изъ пулемета. Потомъ при временномъ правительствѣ, во время „великой безкровной", когда благодушный князь Львовъ сидѣлъ съ истеричнымъ Керенскимъ въ Маріинскомъ дворцѣ, по всѣмъ улицамъ города гремѣли выстрѣлы. Убивали офицеровъ и городовыхъ. Просто такъ... Спроситъ кто нибудь. — „Кажется стрѣляли?..." „Да, офицера солдаты убили"... Въ прежнее время такъ собаку убить на улицѣ было нельзя. Ну, то было при проклятомъ царизмѣ, подъ двуглавымъ орломъ, а теперь — свобода. Стрѣльба въ квартирѣ — это тоже одно изъ завоеваній революціи, какъ и растлѣніе малолѣтнихъ дѣвочекъ и убой людей, замѣнившій смертную казнь.

Выстрѣлы подъ ухомъ, частые, бѣшеные раздражали Саблина, но и развлекали его. Онъ страстно хотѣлъ, чтобы Коржиковъ не попалъ въ портретъ Маруси. Не можетъ сынъ стрѣлять даже. и въ карточку матери. Мистика? Пускай мистика! Но если онъ промахнется, значитъ правъ я, а не онъ. Значитъ Коржиковъ, не кроликъ, родившійся изъ слизи, но въ немъ безсмертная душа. Порочная, мерзкая, но безсмертная и тогда между нимъ и мертвой уже Марусей тянутся невидимыя нити и доходятъ до Саблина. Седьмая пуля ударила подлѣ, а портретъ не шелохнулся.

— А, подлюга!, сказалъ Коржиковъ, ну погоди же! Раздѣлаюсь я иначе... Постойте, папаша! Не торжествуйте. Ваша пѣсня впереди! Гей?!— богатырски крикнулъ онъ, какъ умѣлъ кричать

въ свое время и Саблинъ, — гей! люди! товарищи! сюда!

Красноармейцы ввалились въ комнату.

— Вам — пу!, готово?, спросилъ Коржиковъ.

— Есть готово, товалища комиссалъ, — отвѣчалъ китаецъ. Жолтое лицо его было безстрастно.

— Какъ въ Харьковѣ? Снимешь?, сказалъ Коржиковъ.

Китаецъ закивалъ головой. Косые глаза его были безъ жизни. Плоское жирное лицо казалось маской.

— Тащите, товарищи, генерала на кухню. Отвяжите его, — приказалъ Коржиковъ.

Красноармейцы набросились на Саблина. Они были грязны и оборваны. Отъ нихъ воняло потомъ и испареніями грязнаго тѣла и Саблинъ, обезсилѣвшій отъ всего того, что было, едва не лишился сознанія. Въ глазахъ потемнѣло. Онъ неясно видѣлъ людей. Все то, что происходило, казалось сномъ. Его повлекли по комнатамъ и корридору на кухню. Тамъ жарко горѣла плита. На ней въ большой кострюлѣ клокотала и бурлила кипящая вода. Саблина подвели къ самой плитѣ. Кругомъ себя онъ видѣлъ жадныя до какого то новаго, небывалаго зрѣлища лица. Красноармейцы смотрѣли то на Саблина, то на Коржикова и ожидали новой выходки, которая защекочетъ ихъ канатные нервы.

Кухня была ярко освѣщена свѣтомъ тройной лампы. Въ углу, забившись за подушки, сидѣла на кровати перепуганная Авдотья Марковна.

— Товарищи, сказалъ Коржиковъ. — Что похожъ я лицомъ на генерала?

— Похожи... Очень даже похожи... Вылитый портретъ. — раздались голоса.

— Товарищи, это мой отецъ. Онъ надругался когда то надъ дочерью рабочаго и бросилъ ее. Я родился отъ нея и былъ имъ брошенъ. Это было

тогда, когда на Руси былъ царь, и господамъ все было можно. Чего онъ достоинъ?

— Смерти! — загудѣли голоса.

Коржиковъ улыбнулся и, взявши Саблина за кисть руки, поднялъ его руку.

— Товарищи, — сказалъ онъ. — Вы видите какія руки у этого буржуя?

— Какъ у барышни. — сказалъ рыжій солдатъ, крѣпко державшій Саблина охвативъ его сзади за грудь.

— Этими руками, — говорилъ звонкимъ голосомъ Коржиковъ, — его превосходительство лущили солдатъ по мордамъ во славу царя и капиталистовъ.

Въ дверяхъ кухни толпились коммунисты квартиранты и съ ними двѣ женщины. Они постепенно выпирались толпою и входили въ кухню.

— Товарищи, продолжалъ Коржиковъ. — Этотъ генералъ не пожелалъ признать рабоче-крестьянской власти и, переодѣтый, пробирался къ Каледину и Корнилову. Я его поймалъ и предоставилъ народному суду. Народный судъ приговорилъ его къ смерти.

— Правильно!, загудѣли голоса красноармейцевъ и коммунистовъ.

Въ кухнѣ сразу стихло. Саблинъ услыхалъ, какъ одна изъ женщинъ шопотомъ спросила: — «Что же здѣсь его сейчасъ и порѣшатъ? Любопытно очень» . . .

Ни въ одномъ лицѣ, а Саблинъ ихъ видѣлъ передъ собою больше десятка, онъ не прочелъ жалости. На лицѣ Авдотьи Марковны былъ только смертельный испугъ и она тряслась мелкою лихорадочною дрожью. Одна изъ дѣвицъ, кутаясь въ дорогой Танинъ оренбургскій платокъ, подошла ближе. Саблинъ узналъ ее. Это была Паша, горничная Тани. Она разъѣлась и ея красныя щеки отекли. Она была босая и надъ колѣнями висѣли юбки съ дорогими кружевами изъ Танинаго приданаго.

— Эти господа, — сказалъ въ затихшей комнатѣ Коржиковъ, — всегда носили бѣлыя перчатки. Они гнушались нами, простымъ народомъ. Мы для нихъ были, какъ нечистыя животныя.

Въ глазахъ у Саблина темнѣло. Онъ уже не видѣлъ толпы, не видѣлъ кухни. Подлѣ него клокотала вода въ кострюлѣ и трещали дрова. Онъ ясно видѣлъ лицо Паши, съ синяками подъ глазами, сытое, довольное, полное жгучаго женскаго любопытства. Онъ видѣлъ ея плечи, укутанныя сѣровато коричневымъ платкомъ, въ которомъ онъ такъ часто видѣлъ худенькія плечи Тани.

— Мы снимемъ съ генерала его бѣлыя перчатки! —услышалъ онъ голосъ надъ собою. Но голосъ звучалъ глухо, и лица виднѣлись, какъ въ туманѣ. Было, какъ въ банѣ, когда напустятъ много пара, вода зальетъ глаза и уши и голоса глухо слышны и, хотя говорятъ подлѣ, словъ не разобрать.

— Раздѣньте генерала! приказалъ Коржиковъ. Красноармейцы стащили съ Саблина пиджакъ, жилетъ и штаны и сняли башмаки и чулки. Саблинъ смутно понималъ, что наступаетъ конецъ, но сознаніе притупилось и тѣло потеряло чувствительность. Онъ стоялъ босыми ногами на полу и не чувствовалъ пола.

Толпа жильцовъ придвинулась ближе,

— Значитъ здѣсь порѣшатъ, — сказала Паша. Любопытство и жадность были въ ея карихъ глазахъ.

— Вам-пу! сказалъ Коржиковъ. — Орудуй! Китаецъ подошелъ къ толпѣ и протиснулся вплотную къ Саблину. Онъ взялъ у красноармейца, державшаго Саблина, его руку у локтя и сдавилъ ее своими цѣпкими коричневыми пальцами. Потомъ онъ сдѣлалъ тоже и съ другою рукою Саблина. Кровь перестала приливать къ пальцамъ и они онѣмѣли.

Тогда китаецъ быстрымъ и рѣзкимъ движеніемъ опустилъ обѣ руки въ кипящую воду.

Толпа ахнула. Лицо Саблина стало смертельно блѣднымъ, глаза широко раскрылись и крупныя слезы потекли по его лицу. Ротъ полуоткрылся, но онъ не издалъ ни одного стона. Всѣ глаза были устремлены на его лицо. Только китаецъ дѣловито смотрѣлъ въ кострюлю.

— А, буржуй! И не крикнулъ!, — съ ненавистью прошепталъ рыжій красноармеецъ. Молодежь смотрѣла прямо въ лицо Саблину и тупо сопѣла.

— И не больно ему что-ли!, сказалъ кто-то.

— Господи! Твоя воля!, прошептала Паша.

Было страшно тихо. Слышно было дыханіе людей, клокотала вода въ кострюлѣ и бѣлѣли въ ней, отмирая руки Саблина. Ярко, по праздничному, горѣло электричество.

Коржиковъ съ восхищеніемъ смотрѣлъ въ лицо Саблина... «А умѣютъ умирать эти проклятые буржуи», — подумалъ онъ.

— Делжи такъ! — сказалъ озабоченно китаецъ, передавая руки Саблина рыжему красноармейцу. Онъ досталъ ножъ. На желтомъ грязномъ лицѣ отъ жара плиты и пара проступили капли пота. Медленно, сильно нажимая ножомъ, онъ прорѣзалъ кожу руки Саблина и сталъ обрѣзать ее кругомъ. Кровь стала капать изъ подъ пальцевъ рыжаго красноармейца и темными каплями падать въ кипятокъ.

Стало еще тише. Саблинъ уже не видѣлъ окружающей его толпы солдатъ. Онъ стоялъ на ногахъ. Въ ушахъ звенѣло. Сумбурныя мысли неслись въ головѣ. Подбородокъ дрожалъ. Всѣ усилія воли Саблинъ напрягалъ для того, чтобы не застонать.

Обрѣзавъ кожу китаецъ тщательно задралъ ее и постепенно вынимая распаренную руку изъ кострюли снималъ съ нея кожу.

Толпа придвинулась еще ближе и, затаивъ дыханіе, смотрѣла на это, какъ на какой то опытъ.

— Господи! съ живого человѣка кожу содрали! прошептала Паша.

Она была такъ близко къ Саблину, что Саблинъ ощущалъ запахъ душистой помады, густо наложенной на волосы. Отъ этого запаха вязко становилось на зубахъ. Но ея лица и своихъ рукъ Саблинъ не видѣлъ.

— Пальцы то! Пальцы . . ., прошептала Паша. Тонкіе какіе! Кости видать.

— Съ ногтями сошла, сказалъ кто-то рядомъ.

Какъ сквозь туманъ почувствовалъ Саблинъ жуткій холодъ въ рукахъ и острую боль. Ихъ вынули изъ кипящей воды.

Потомъ чѣмъ то теплымъ, кожанымъ и мокрымъ ударили его по лицу и онъ услышалъ наглый смѣхъ Коржикова.

— Эти перчатки, папаша, я одѣну, когда буду обнимать свою сестрицу.

Потомъ долго Саблинъ ничего не соображалъ.

XLVI.

Очнулся Саблинъ отъ мороза. Его вели босого по снѣгу. Двое вели подъ руки, третій подталкивалъ сзади. Они шли по улицѣ. Саблинъ видѣлъ надъ головою темное небо и рѣдкія звѣзды. Большіе каменные дома стояли темные. Подъ ногами рѣзко бѣлѣлъ снѣгъ. Передъ самымъ лицомъ торчали его руки. Но Саблинъ не узнавалъ ихъ. Черные пальцы были растопырены и ихъ саднило жгучею болью.

Но ничего не было удивительнаго для Саблина въ томъ, что его вели подъ руки босого и въ одномъ бѣльѣ по снѣгу улицы ночью. Онъ догадывался, что шелъ по своей улицѣ Гоголя. Шелъ куда то ночью. Босой съ израненными больными, никуда и навсегда негодными руками. Самыя странныя и нелѣпыя мысли были въ головѣ.

«Такъ простудиться можно», подумалъ онъ. «Безъ пальто зимою . . . Кожа на рукахъ никогда

не выростетъ. Руки вѣроятно отнять придется... Къ чему?... Меня ведутъ на казнь. И простуда и руки ничто передъ смертью.» И все таки не могъ представить себѣ смерти, то есть того, что ничего не будетъ... Отсюда увозили Вѣру Константиновну. Былъ солнечный день и пахло ельникомъ, которымъ была посыпана торцовая мостовая... Передъ лицомъ былъ громадный вѣнокъ съ бѣлыми лиліями и розами. Вѣнокъ, присланный императрицей. На немъ были бѣлая и черная ленты. Вѣтеръ игралъ этими лентами. Рядомъ съ нимъ шелъ Коля въ черномъ мундирѣ и каскѣ съ бѣлымъ султаномъ, по другую сторону Таня въ траурномъ платьѣ. Оба плакали...

Саблинъ не плакалъ...

Отсюда онъ ѣхалъ на парныхъ саняхъ съ рысаками подъ сѣткой съ Вѣрой Константиновной слушать цыганъ. Морозъ славно щипалъ за носъ и за уши.

Тогда и морозъ и снѣгъ были другіе.

Были люди. Гдѣ они? Гдѣ Китти? Гриценко, Мацневъ. Тѣ, кто не умерли. А, можетъ быть, и они умерли. И ихъ «вывели въ расходъ», по приказу Ленина. За что? Они были нехорошіе? Рѣпнинъ, княгиня Рѣпнина, Палтовы, Валерскіе, Нина Васильевна Ротбекъ... изъ сотень родныхъ и знакомыхъ лицъ мелькнулъ передъ нимъ на минуту Пестрецовъ и тотъ сталъ незнакомый и чужой. Боже! Боже! что же случилось? Вотъ и жизнь кончена. И пытки, и крестный путь, и казнь! И никто не знаетъ! Паша глядѣла любопытными глазами и ненавидѣла его... Та самая Паша, которая тогда, когда онъ первый разъ пріѣхалъ съ войны домой и послѣ вечера у Палтовой позвалъ ее утромъ, пришла къ нему и смотрѣла на него любящими глазами готовой отдаться женщины. Тогда онъ былъ богатый баринъ, герой, георгіевскій кавалеръ, генералъ. Тогда онъ былъ красавецъ

мущина, сытый и холеный, въ полной силѣ своихъ сорока лѣтъ...

Теперь онъ — буржуй!

Какъ просто. Только отняли собственность и все полетѣло кувыркомъ. И можно стрѣлять въ комнатѣ, сдирать съ живого человѣка кожу, оскорблять его и убить.

И муки его, и смерть ни къ чему. Никто не узнаетъ и не увидитъ.

Вѣроятно у него былъ жаръ. Онъ не вполнѣ отчетливо соображалъ, что съ нимъ дѣлалось и временами совсѣмъ не чувствовалъ острой боли въ рукахъ.

Вошли въ ворота. Во дворѣ шумѣло два грузовыхъ автомобиля и отъ ихъ тяжелаго ворчанія было больно въ ушахъ. Ноги подкашивались. По скользкой грязной лѣстницѣ спускались въ какой то подвалъ. Мутно горѣли маленькія электрическія лампочки, спускавшіяся на проволокахъ съ потолка Былъ отвратительный запахъ гніющей крови и лежали тѣла людей въ грязномъ бѣльѣ. Глухо стучали выстрѣлы.

Человѣкъ въ кожѣ подошелъ къ Саблину.

— Поставьте, сказалъ онъ.

Саблина поставили у стѣнки. Онъ былъ такъ слабъ, что прислонился спиною къ кирпичамъ стѣны. Стѣна непріятно холодила сквозь бѣлье. Саблинъ уже ничего не понималъ. Бредъ охватывалъ его. Ему грезился адъ. Человѣкъ въ черномъ съ фуражкой на затылкѣ подошелъ къ нему.

Красная звѣзда была на смятой, сбитой на затылокъ фуражкѣ. Движенія его были вялыя. Онъ точно усталъ отъ тяжелой работы и тяжело дышалъ. Глаза горѣли больнымъ лихорадочнымъ блескомъ. Молодое безъусое лицо было блѣдно.

— Эге, какъ обработали, — сказалъ онъ... Бѣлогвардеецъ!

Саблинъ отчетливо услышалъ это слово. Оно понравилось ему.

— Сами прикончите, товарищъ?, сказалъ онъ.
— И то. Усталъ смертельно. Сегодня никакой эмоціи. Все офицеры. Никто не умолялъ, не ползалъ на колѣняхъ. Никто не боялся. Скучно.

Саблину стало пріятно слышать это. „Никто не умолялъ... Не ползалъ на колѣняхъ... Офицеры“...

„И я офицеръ“, подумалъ онъ, — поднялъ голову и вытянулся.

Лицо Маруси показалось передъ нимъ. Но Саблинъ понялъ, что это лицо Коржикова и придалъ глазамъ своимъ холодное спокойное выраженіе.

— А умѣютъ умирать Саблины! — сказалъ Коржиковъ и Саблинъ почувствовалъ холодное прикосновеніе дула револьвера къ своему виску.

За стѣною глухо урчали и шумѣли грузовые автомобили. Вся яркая жизнь сосредоточилась въ маленькомъ полутемномъ сараѣ, гдѣ пахло гніющею кровью, сырые кирпичи холодили спину и босыя ноги вязли въ кровавой слизи. Кругомъ лежали трупы. У стѣнъ толпились красноармейцы съ ружьями и два человѣка въ кожаныхъ костюмахъ похаживали хозяевами среди этого хаоса,

„Это Россія“!, подумалъ Саблинъ.

Больше онъ ничего не чувствовалъ, не видѣлъ и не слышалъ.

На разсвѣтѣ зимняго дня красноармейцы по наряду нагружали трупы казненныхъ на грузовые автомобили во дворѣ чрезвычайной комиссіи.

Они выносили за ноги и за головы обнаженныхъ покойниковъ и клали ихъ въ автомобиль. Кровь текла и падала на грязный снѣгъ.

— А вѣдь это генералъ Саблинъ, — сказалъ рослый красивый солдатъ, принимая на платформу окровавленный трупъ въ бѣльѣ.

— А вы знали его?, спросилъ подававшій.

— Ну, еще бы! Душевный баринъ! Хорошій, храбрый офицеръ былъ. Онъ насъ въ атаку на германскую батарею водилъ.

— А ободрали какъ. Гляньте, товарищъ, съ рукъ кожа содрана.

— Да... Обработали. А жаль, душевный баринъ былъ!

— Нонче баръ нѣтъ, — сказалъ сурово первый. Чего скулите. Не знаете, гдѣ находитесь. Сами еще къ стѣнкѣ попадете.

Солдатъ вздохнулъ и сказалъ: — ну давайте слѣдующаго. Да и ѣхать пора. Свѣтло уже стало...

XLVII.

Тамъ, на горизонтѣ, море такъ ласково и сине, что глазъ отъ него нѣтъ силъ оторвать. Легкій теплый вѣтеръ набѣгаетъ оттуда и несетъ ароматъ весны. Бѣлыя чайки рѣютъ надъ водою, а синее густое небо нависло сверкающимъ пологомъ надъ водами и больно смотрѣть въ его глубокую синеву. Тамъ, за моремъ должна же быть жизнь, а не каторга, тамъ спасеніе и защита отъ злобы людской, отъ казней, отъ смерти, отъ грязи, отъ тифа, отъ вшей, отъ ненависти и презрѣнія къ людямъ. Тамъ тѣ союзники, которые поймутъ, признаютъ, накормятъ, одѣнутъ и спасутъ. Вѣдь должны же они!... Вѣдь не могутъ же они не исполнить своего долга... Вѣдь видятъ и понимаютъ они теперь все...

Море входитъ въ заливъ. Слѣва высокія горы бѣлыми мѣловыми обрывами набѣжали къ самой водѣ. Мелкая зеленая поросль дубоваго кустарника опушила балки и глубокія долины. По вершинамъ зеленѣютъ луга. Торчатъ на полугорѣ высокія бѣлосѣрыя трубы цементнаго завода и подъ нимъ расползлись красныя крыши заводскихъ построекъ. Это Стандартъ. Отъ Стан-

дарта въ синее море врѣзывается узкій каменный молъ съ низкимъ фонаремъ маяка на концѣ. Съ противоположной стороны отъ праваго берега къ нему подходитъ другой такой же молъ и образуетъ горло бухты. Въ бухтѣ вода не такая синяя. Волны въ ней имѣютъ цвѣтъ бутылочнаго стекла и подлѣ пристаней, тремя темными эстакадами врѣзывающимися въ бухту, вода кипитъ малахитомъ и полна бѣлой узорчатой пѣны и пятенъ.

Вправо горы отошли отъ моря. Онѣ ниже, положе и еще веселѣе. Изъ зелени садовъ выбѣгаютъ маленькіе домики Станички, видны большія темныя зданія ваннъ и санаторій, бѣлые дома улицъ и богатыя виллы, отошедшія отъ суеты города и утонувшія въ нѣжную зелень по весеннему одѣтыхъ деревьевъ. Большой храмъ стоитъ на площади, улицы сбѣгаютъ внизъ къ зеленому болоту, раздѣляющему городъ на двѣ части.

По лѣвой сторонѣ у Стандарта видны строгія желѣзнодорожныя постройки, пакгаузы, рельсы и красные вагоны. Деревья тутъ рѣже и больше пахнетъ городомъ и портомъ и меньше радости красивыхъ дачекъ, купальныхъ зданій, широкихъ зеленыхъ пляжей. Все сдавилось къ самому морю. Рельсы вбѣжали на молы и поѣзда точно стремятся впрыгнуть въ самыя воды. Вмѣсто домовъ — правленія и конторы, но и передъ ними бѣлыя акаціи раскинули свои кривыя вѣтви, покрытыя нѣжною перистою листвою.

Этотъ городъ никогда не думалъ ни о войнѣ, ни о крови, ни о массовыхъ страданіяхъ. Въ немъ дымили пароходы, изъ высокаго громаднаго элеватора текли по рукавамъ струи бѣлаго пшеничнаго зерна въ пароходные трюмы и пахло оплодотворяющимъ запахомъ сѣмени. Съ моря несся ароматъ шири и свободы. Въ гавани пахло углемъ и нефтью. Въ синемъ небѣ радостно трепетали Русскіе флаги съ торговыми эмблемами, съ

якорами въ углу бѣлой полосы, краснѣли флаги англичанъ, виднѣлись цвѣтные кресты шведовъ и датчанъ и поперечныя полосы французскихъ флаговъ. Стукъ лебедокъ, пароходные гудки, отрывистые крики смуглыхъ левантинцевъ „вира“ и „майна“, смѣшивались съ цоканьемъ копытъ ломовыхъ лошадей по каменной мостовой, возгласами носильщиковъ, свистками паровозовъ и звономъ буферовъ и вагонныхъ цѣпей. У пристаней стояли изящные черноморскіе фаэтоны, запряженные парами крупныхъ, легкихъ лошадей и смуглые черноусые кучера лихо носились съ нили по пыльнымъ, плохо мощенымъ улицамъ, развозя одѣтыхъ въ бѣлое дамъ и людей въ чечунчовыхъ пиджакахъ и бѣлыхъ панталонахъ и туфляхъ.

Такъ было до войны, почти такъ было во время войны, такъ было и во времена республики. Короткое владычество большевиковъ оставило горы труповъ молодежи въ саду курзала, ужасъ и ненависть у всѣхъ, запакощенные дома, а потомъ все снова успокоилось. Дымили въ гавани пароходы. Сновали къ Стандарту и къ Цементному заводу моторные катера, бороздя малахитовыя воды бухты, трепетали на горизонтѣ паруса рыбачьихъ лодокъ и чайки съ крикомъ носились надъ синими волнами. Въ городѣ шла суетливая жизнь. Всюду были люди съ трехцвѣтнымъ, Русскихъ цвѣтовъ, угломъ на рукавѣ, въ рваныхъ солдатскихъ шинеляхъ и рубахахъ. У большихъ домовъ сидѣли раненые, по улицамъ гремѣли Русскія пѣсни и бодро маршировали добровольческія роты и сотни. Въ горахъ пошаливали „зеленые“, но это мало кого безпокоило. Жизнь срывала здѣсь, что могла. Работали комиссіонныя лавки, сыпались „царскія“, „керенскія“ и „донскія“, ѣли бѣлыя булки и мороженое, обѣдали въ гостинницахъ и ресторанахъ, что то покупали, что то продавали, что то мѣняли. Мѣняли больше всего...

Потомъ на рейдѣ вмѣсто запущенныхъ Рус-

скихъ судовъ съ печально висящимъ Андреевскимъ флагомъ появились зеленовато сѣрые гиганты подъ британскимъ алымъ флагомъ, испещреннымъ бѣлыми полосами, на улицахъ стали попадаться зеленоватые френчи и панталоны, оставляющіе колѣни голыми, явился спросъ на знающихъ англійскій языкъ людей, явились бѣлыя бумажки съ изображеніемъ Георгія побѣдоносца и Вестминстерскаго аббатства и Русскіе дикари, одичавшіе въ степныхъ и ледяныхъ походахъ стали разбираться въ бѣлыхъ фунтахъ и сиреневыхъ франкахъ.

Какъ то сразу, къ осени 1919 года, Русскія шинели и рубахи были вытѣснены англійскими френчами и пальто, мѣшковато осѣвшими на Россійскія плечи. Появились тяжелые танки, и жестко застучали по мостовымъ башмаки, подбитые гвоздями.

Походить на англичанъ, служить у англичанъ стало мечтою многихъ и загорѣлые юноши съ орлинымъ взглядомъ стали часто задумываться о томъ, о чемъ никогда раньше не думали: — о валютѣ. Съ устъ людей, говорившихъ раньше объ атакахъ и развѣдкахъ, о лихихъ поискахъ и славѣ, жалѣвшихъ и тосковавшихъ по убитымъ товарищамъ стали срываться странныя и такъ не шедшія къ нимъ слова: — „я выгодно продалъ"... „Я размѣнялъ фунты на „колокольчики", а „колокольчики" спустилъ въ Ростовѣ на „донскія", а здѣсь думаю купить франки"... Люди съ окладистыми казачьими бородами и большими мозолистыми руками землеробовъ мотались въ поѣздахъ между Харьковомъ, Ростовомъ и Новороссійскомъ и что то продавали и покупали, умѣщая предметы своей торговли въ небольшіе кожаные чемоданы. Ихъ лица были масляны и озабочены.

— При выборномъ то началѣ, да при народоправствѣ, — говорилъ высокій худощавый войско-

вой старшина съ землистымъ лицомъ, — если самъ о себѣ не подумаешь, погибнешь. Вѣдь пенсій тебѣ войсковой кругъ не дастъ за твое депутатство. Надобно самому обезпечить свою старость. Да и что еще будетъ!

— Слыхать, — сочувственно кивая головою говорилъ его спутникъ, великанъ съ рыжей бородой едва не до пояса, въ легкомъ казачьемъ зипунѣ, — Кискенкинъ Мамантъ — то отошелъ уже отъ Орла, обратно катитъ.

— Ничего, станица, не робѣй. Они на подводахъ свое увезутъ, не пропадутъ, — сказалъ смѣясь войсковой старшина.

Торгашеская нація только прикоснулась къ нетронутой черноземной силѣ, какъ уже заразила ее своею страшною болѣзнью, носящею названіе „business“. (*)

И была она хуже тифа. Англійскіе френчи и рыжія пальто кусали Россійскихъ обывателей хуже вшей и крѣпко забивалась въ голову надоѣдливая заботная мысль о необходимости самообезпеченія.

Голубое море вдали подъ небомъ было полно таинственной ласки и манило въ далекіе волшебные края. На рейдѣ стояли темные пароходы. Ползло по рукавамъ элеваторовъ пахучее оплодотворяющее зерно, стучали лебедки и медленно ворочались краны, сгружая тюки съ сѣрозелеными френчами и мягкими широкими пальто.

XLVIII

Это случилось неожиданно и молніеносно быстро. Сводки „добрарміи“ были коротки и сухи. „Подъ давленіемъ превосходныхъ силъ противника наши части заняли новыя позиціи къ югу отъ Харькова“.... Украина подъ генералъ губернаторствомъ

(*) Торговля.

Драгомирова таяла, какъ мороженое на солнцѣ въ жаркій день. Никто не ожидалъ, какъ явилась угроза Таганрогу и Ростову. Бодрый „освагъ"— освѣдомительное агентство — продолжалъ по вечерамъ у станціи показывать въ волшебномъ фонарѣ портреты Деникина и генерала Бриггса, сцены въѣзда въ Харьковъ и занятія Кіева, жертвы чрезвычайки, лихое улыбающееся лицо знаменитаго партизана Шкуры, но обыватель уже не толпился передъ нимъ, но спѣшилъ къ окну, гдѣ на раскрашенной картѣ цвѣтною шерстинкой показывался новый фронтъ. И фронтъ этотъ стремительно падалъ, какъ падаетъ барометръ въ предвидѣніи бури. Чаще стали произносить новое, неслыханное раньше имя Буденнаго, а природные конники казаки и лучшіе кавалеристы всего міра вдругъ съ испугомъ говорили о рейдахъ никому невѣдомаго вахмистра Нижегородскаго драгунскаго полка.

Первой ласточкой прилетѣвшей въ Новороссійскъ „оттуда" съ отступавшаго фронта былъ Дмитрій Дмитріевичъ Катовъ.

Онъ декабрьскимъ, по лѣтнему теплымъ вечеромъ сидѣлъ въ Новороссійскѣ въ бесѣдкѣ на маленькомъ дворикѣ у сестры милосердія Александры Петровны Ростовцевой, въ обществѣ Нины Васильевны Ротбекъ и разсказывалъ свои впечатлѣнія.

— Ростова и Новочеркасска ни за что не сдадутъ, говорилъ онъ, прожевывая ватрушку, — Атаманъ и Войсковой Кругъ торжественно заявили, что они не покинутъ Дона..... Бои идутъ подъ самымъ Новочеркасскомъ однако.... И я радъ, что хорошо знаю англійскій языкъ и мнѣ удалось устроиться здѣсь при миссіи. И вамъ, Александра Петровна, я совѣтую уложиться и ѣхать.

— Но куда?, спросила Нина Васильевна.

— Ахъ, милая Нина Васильевна, но куда хотите. На Принцевы острова, въ Сербію, въ Парижъ... Въ Аргентину.... Только подальше отсюда.

— Да развѣ можетъ быть хотя какая либо опасность здѣсь, спросила Александра Петровна. Развѣ у насъ нѣтъ арміи? Вѣдь это временныя неудачи.

— Не вѣрьте Освагу. Это все та же старая манера — все скрывать. Увѣряю васъ: — очень плохо. Казаки не желаютъ драться, Кубанская рада недовольна Деникинымъ и мутитъ кубанцевъ. Всѣ наши герои оказались просто грабителями. Шкуро....

— Не говорите, Дмитрій Дмитріевичъ, про Шкуро, сказала Нина Васильевна, — я никогда не забуду, какъ онъ меня спасъ и вывелъ изъ Кисловодска. И не меня одну. Въ то время, какъ все трусило и готово было бѣжать и сдаваться, онъ со своими в о л к а м и шелъ подъ огнемъ и охранялъ насъ. Онъ рыцарь, Дмитрій Дмитріевичъ.

— Ахъ эти мнѣ дамскіе рыцари, брезгливо морщась сказалъ Катовъ... Русскихъ рыцарей не бываетъ. Рыцари только англичане. А Русскіе — хамы, хамы, хамы и трижды хамы. Я стыжусь, что я родился Русскимъ. Мой вамъ совѣтъ: — на Принцевы острова!

— На Принцевы острова, задумчиво сказала Нина Васильевна. — Какъ это странно. Когда мы съ Пикомъ были молоды, мы все мечтали поѣхать пожить на Принцевыхъ островахъ. Волшебной сказкой, какими то островами Принцессы Грезы казались намъ острова на Мраморномъ морѣ. Все манило туда. А теперь, — туда уже переѣхало много Русскихъ изъ Одессы и Крыма, а мнѣ что то нехочется.... Да и что я тамъ буду дѣлать?

— Шляпы! шляпы, милая Нина Васильевна, тѣже ваши художественные колпачки, въ которые

одѣтъ весь Новороссійскій — я бы сказалъ beau-monde*), но его нѣтъ. Всѣ жены Новороссійскихъ спекулянтовъ, — воскликнулъ Катовъ.

Нина Васильевна вздохнула.

— Какъ странно, сказала она. — Декабрь мѣсяцъ, ночь, луна и тепло. Сегодня на Воронцовскомъ продавали фіалки. Море красиво блеститъ подъ луной и красные, зеленые и бѣлые огни судовъ бросаютъ трепещущія отраженія.... Такъ хорошо!... А почему то такъ нерадостно и тяжело на сердцѣ. Боже! когда же кончится это метаніе по бѣлому свѣту! Изъ Петрограда въ Кіевъ, подъ защиту нѣмцевъ, оттуда въ Кисловодскъ. Изъ Кисловодска пѣшкомъ, въ легкихъ туфелькахъ и шелковыхъ чулкахъ въ Анапу, потомъ къ французамъ подъ крылышко въ Одессу. Оттуда кошмарное путешествіе на рыбачьей лодкѣ сюда! Я не могу видѣть распущенныхъ нѣмецкихъ солдатъ съ ихъ сдвинутыми на затылокъ касками и сигарами въ зубахъ, когда они на улицахъ продавали большевикамъ ружья и пулеметы, я дрожу при видѣ сизой французской шинели и вспоминаю, какъ растерянно бѣжали эти рыцари изъ Одессы при приближеніи толпы уличной сволочи. Я никогда не забуду, какъ меня грубо оттолкнули отъ поручней французскаго парохода и я едва не упала въ воду. Одессу мы никогда не простимъ французамъ. Я боюсь Русскихъ солдатъ и казаковъ. Я вѣрю только офицерамъ. Такъ неужели же мнѣ суждено разочароваться и въ нихъ!

— Скажу одно: — торопитесь запастись билетами на Константинополь..., повторилъ Катовъ.

Недѣли двѣ спустя Катовъ таинственно и на ухо уже сообщилъ Александрѣ Петровнѣ, что онъ видѣлъ членовъ „державнаго", какъ онъ называлъ членовъ верховнаго казачьяго круга, которые съ

*) Свѣтъ.

узелками и увязками озабоченно шныряли по Новороссійску и справлялись о пароходахъ.

— Пора, — сказалъ онъ. — Я знаю чѣмъ это пахнетъ. Когда капитанъ покидаетъ корабль, то пассажирамъ давно пора сдѣлать это же.

Шерстяная ленточка въ окнѣ „Освага“ падала слишкомъ быстро, чтобы можно было оставаться спокойнымъ. Сообщали о побѣдахъ генерала Павлова и донцовъ на Манычѣ и спѣшно эвакуировали Екатеринодаръ. Кто то изъ самовидцевъ, пришедшій пѣшкомъ изъ Ростова, разсказывалъ, что всѣ пути заставлены товарными вагонами съ разнымъ имуществомъ. Онъ видѣлъ въ разбитомъ солдатами вагонѣ плюшевую мебель и чучело тигра, а рядомъ пѣшкомъ и на подводахъ по непролазной грязи тянулись раненые, женщины и дѣти.

По степи двигалось цѣлое калмыцкое племя со стариками, женами и дѣтьми, съ табунами лошадей и стадами быковъ, шли громадныя калмыцкія станицы. Калмыки не желали оставаться на вѣрную смерть отъ большевиковъ и уходили впереди быстро отступавшей арміи. Никто не зналъ куда идутъ. Никто не распоряжался. Главное командованіе мѣняло планы чуть не ежедневно. То шли въ Грузію, то въ Новороссійскъ, то собирались драться снова, но уже было ясно, что драться не будутъ.

Тифозные умирали на подводахъ и въ дорожной грязи. Женщины бросали мертвыхъ дѣтей на ночлегахъ и утромъ безъ слезъ и стоновъ снова шли въ громадной толпѣ, гдѣ перемѣшались люди всѣхъ званій и состояній.

Этотъ самовидецъ говорилъ Александрѣ Петровнѣ, что муки казаковъ были такъ велики, что если бы онъ былъ на ихъ мѣстѣ, онъ сталъ бы не краснымъ, а пунцовымъ.

Съ конца февраля Новороссійскъ сталъ наполняться бѣженцами и войсковыми частями.

Стало, ясно: — случилась катастрофа.

XLIX.

Братья Полежаевы и съ ними Оля съ Ермоловымъ отходили послѣдними за арьергардами Русской арміи. Передъ ними шелъ громадный казачій корпусъ. Десятки тысячъ лошадей растоптали шоссе и на каждой верстѣ валялись трупы погибшихъ отъ безкормицы коней. Чѣмъ ближе подходили Полежаевы къ Новороссійску, тѣмъ чаще попадались лошадиныя тѣла. Кое гдѣ, наполовину раздѣтые лежали трупы людей: — солдатъ, добровольцевъ и бѣженцевъ, женщинъ и дѣтей. Попадались низкіе, наскоро сдѣланные холмики могилъ безъ крестовъ и безъ надписей. Валялись повозки съ поломанными колесами, разбитые ящики, полные тряпья и домашней рухляди. Тамъ, гдѣ шоссе подходило къ желѣзной дорогѣ были видны безконечные ряды красныхъ вагоновъ и холодные пустые паровозы.

Громадный богатый край вдругъ кинулся спасаться къ морю и тащилъ накопленное вѣками богатство, надѣясь спасти его и устроиться съ нимъ и на него гдѣ то на новомъ мѣстѣ. Гдѣ будетъ это спокойное „гдѣ то" объ этомъ никто не думалъ. Будущее было призрачно, настоящее кошмарно и каждый спѣшилъ уйдти отъ этого настоящаго.

Синее море — сказка Русскаго дѣтства, волшебный край, который долженъ быть за горами, за долами и за синими морями заставлялъ двигаться сотни тысячъ къ морскому берегу. Для большинства весь смыслъ движенія сводился къ вѣчно живымъ Русскимъ: авось, небось и какъ нибудь. Было все равно куда идти, — потому что оставаться было нельзя. И было какъ въ сказкѣ — направо пойдешь смерть найдешь, налѣво — мученическую кончину примешь, прямо — коня потеряешь. И шли прямо. Какъ то такъ случилось, что въ минуту несчастья нигдѣ не

стало друзей, Грузія наершилась штыками, и готовилась встрѣтить пулеметами, сзади Кубань провожала пинками, союзники отмалчивались и ругали Русскій народъ. А Русскій народъ, изнемогшій въ борьбѣ, лишившійся державнаго хозяина, потерявшій вѣру метался въ кровавой злобѣ и не зналъ, что дѣлать и куда идти. Вожди безъ авторитета молчали. Правительства и выборная демократія торопились самообезпечиться и уѣхать подальше, пользуясь депутатскими прерогативами, а народъ: — офицеры и солдаты, казаки и калмыки, отупѣвшіе отъ постоянныхъ боевъ, измученные тифомъ, голодные и босые брели, отдавшись полному равнодушію.

Никто не зналъ, почему отходятъ, никто не зналъ силъ непріятеля, который преслѣдуетъ, но шли стихійно: — безъ приказовъ, безъ ночлеговъ, безъ квартирьеровъ, шли только для того, чтобы спасти себя и свои семьи.

Оля за эти два года возмужала и выросла. У ней отъ перенесенныхъ страданій стали большими глаза и худымъ лицо, но сильными руки и крѣпкими ноги. Она стала походить на тѣхъ казачекъ, съ которыми она жила, помогая имъ въ полевыхъ работахъ. Кравченко сохранили ее и Ермолова во все время пребыванія большевиковъ. Оля выходила Ермолова и, когда добровольцы, 2-го августа 1918 года заняли Екатеринодаръ — Ермоловъ снова вступилъ въ ряды Добровольческой Арміи.

Дорога спускалась въ широкую долину. Вдали сверкало голубое море, дымили пароходы на рейдѣ и видны были бѣлые дома Новороссійска. Какой то франтъ, въ длинныхъ брюкахъ завязъ на размытомъ мѣстѣ съ подводой, груженой вещами и не зналъ, что дѣлать. На подводѣ, подъ зонтикомъ, сидѣла молодая женщина въ бѣломъ платьѣ. Франтъ толкалъ ладонью крупъ лошади и жалобно повторялъ: — „милая ну! иди-же!...

ну иди — же милая!“ Но лошадь выбилась изъ силъ, устала и только хвостомъ отмахивалась.

— Бросьте вы ее, сказалъ Павликъ, — опоздаете съ нею на пароходы, къ краснымъ попадете.

— А какъ же вещи?, растерянно сказалъ франтоватый человѣкъ, — это все наше достоянiе. Вы думаете мы опоздаемъ... Но какъ же!... Насъ никто не предупредилъ. Мы жили на дачѣ... Это все, что мы успѣли собрать... Вы думаете мы не достанемъ билета? Намъ хотѣлось бы каюту.

— Бросайте все, сказалъ Ермоловъ, — потому что иначе и сами погибнете.

Лицо дамы сжалось отъ боли. Она заплакала. Молодой человѣкъ стоялъ въ грязи и разводилъ руками. Полежаевы и Оля прошли мимо. И долго слышали съ дороги; — „ милая, ну иди-же!... Ну иди-же милая“.

— И сколько людей погибло теперь изъ за вещей, сказала Оля.

— Вся борьба идетъ изъ за собственности, сказалъ Павликъ.

Они вошли въ городъ. Улицы, ведущiя къ морю, берегъ моря и молы, у которыхъ дымили суда были заполнены верховыми лошадьми. Однѣ стояли съ сѣдлами, другiя безъ сѣделъ, со стертыми больными спинами, съ облѣпленными кровью высокими холками и обнажившимися отъ худобы хребтами. Гнѣдыя, рыжiя, вороныя, сѣрыя, онѣ сгрудились сотнями и покинутыя хозяевами даже не разстроили строя и стояли по шести. Тутъ были маленькiе маштаки — землеѣды, съ большими некрасивыми головами, но преобладала рослая Задонская лошадь, равной которой по боевымъ качествамъ нѣтъ во всемъ мiрѣ. Сотни лѣтъ любовно разводилась и выращивалась она въ привольѣ Манычскихъ и Егорлыцкихъ степей. она поразила всѣхъ въ великую войну, сохранив-

шись во всей своей силѣ и красотѣ и она донесла казаковъ до синяго моря, по весенней растоптанной степи, черезъ снѣга и бураны, черезъ разлившіяся рѣки. Она стояла теперь какъ солдатъ на часахъ и ждала своей смерти. Между полками стояли табуны матокъ съ чистокровными жеребцами, ихъ охранявшими. У ногъ костистыхъ кобылицъ жались исхудалые жеребята. Все лошадиное имущество Россійской Имперіи было согнано сюда въ надеждѣ спастись отъ красноармейской руки. Здѣсь стояли лошади съ таврами „Д. В." — войскового Провальскаго завода, съ буквою „К" — знаменитыхъ Корольковскихъ зимовниковъ, съ удиломъ на лѣвомъ стегнѣ, съ сердцемъ пронзеннымъ стрѣлою... Отдѣльной группой стояло двѣнадцать жеребцовъ. Несмотря на худобу они сохранили благородство формъ чистокровной лошади и блескъ тонкой, нѣжной шелковистой шерсти. Подлѣ нихъ ходилъ въ волненіи пожилой человѣкъ въ бѣломъ просторномъ пиджакѣ и короткихъ сѣро синихъ штанахъ съ алымъ лампасомъ. Это былъ знаменитный коннозаводчикъ Себряковъ со своими лучшими скаковыми лошадьми. Эти жеребцы — были его семья. Одни уже дали потомство, которое прославило его конюшню, другіе только еще начинали скакать, но уже были извѣстны. Онъ любилъ ихъ, какъ дѣтей. Они столпились около него. Одинъ, свѣтло рыжій, могучій, немолодой жеребецъ положилъ ему морду на плечо и косилъ на него громадный темнаго агата глазъ. Себряковъ читалъ въ этомъ глазѣ глубокую лошадиную думу, которая была ему понятна. Молодой гнѣдой жеребецъ, стоявшій поодаль, подъ сѣдломъ, вдругъ подошелъ къ старому и положивши свою точеную голову на шею рыжему такъ же устремилъ взглядъ благородныхъ глазъ на стараго коневода. Они будто спрашивали Себрякова — „ну что? Ну какъ рѣшилась наша участь?" Старикъ то смо-

трѣлъ на лошадей, то оборачивался къ морю. Отъ моря, проталкиваясь между лошадей, бѣжалъ къ нему человѣкъ. Это былъ сынъ коннозаводчика. Рыжій жеребецъ увидалъ его раньше старика, насторожилъ маленькія уши, приподнялъ голову и тихо заржалъ. Точно спросилъ опять: — „ну что?“

Всѣ лошади подняли свои головы, устремили красивыя тонкія рыжія, гнѣдыя, темныя уши къ морю и всѣ заржали, сдержанно, вопросительно.

Голова старика упала на грудь.

— Ну что, Пепа? спросилъ онъ юношу.

— Лошадей не берутъ ни за что. Меня и тебя обѣщали подождать полъ-часа. Идемъ. Я насилу протолкался среди лошадей. Идемъ, батюшка, задыхаясь проговорилъ молодой человѣкъ.

— Такъ не берутъ, говоришь, лошадей то,? — тихо спросилъ старикъ.

— Нѣтъ, батюшка. Да я самъ былъ на корабляхъ. Тамъ не то, что лошадь — кошку и ту погрузить некуда.

-- Ну, хорошо! — Ты иди, Пепа! . . . Иди, родной . . . А я сейчасъ! . . .

Старикъ перекрестилъ и поцѣловалъ сына.

— Вотъ, сказалъ онъ, — котомку возьми. Тамъ деньги . . . Бѣги, родной, скажи, чтобы обождали . . . А я сейчасъ . . . Вотъ съ ними прощусь.

Сынъ нерѣшительно пошелъ подъ гору . . .

Когда онъ отошелъ шаговъ на полтораста, старый коннозаводчикъ подошелъ къ рыжему жеребцу. Онъ отвелъ его въ сторону и поставивъ отошелъ. Жеребецъ сталъ какъ на выводкѣ. Онъ поднялъ благородную голову и насторожилъ уши. Переднія ноги, цѣльныя, чистыя онъ составилъ вмѣстѣ, а заднія раскинулъ, откинувъ хвостъ. Онъ зналъ, что имъ любуются. „Да“, думалъ старикъ, — «такимъ онъ былъ въ 1909 году, когда на скачкѣ трехлѣтокъ взялъ всѣ первые призы.

— Такимъ онъ былъ, когда въ Москвѣ онъ взялъ самые большіе призы и поразилъ прыжками на стипльчезахъ... Такимъ я вывелъ его на всероссійской выставкѣ, окруженнаго шестнадцатью масть въ масть, шерсть въ шерсть въ него трехлѣтками, его дѣтьми. Такой лошади нѣтъ и не будетъ. Ты простишь меня, Бенаресъ"?—

Старикъ вынулъ изъ кармана тяжелый Ноганъ, подошелъ къ жеребцу и вложилъ дуло въ ухо. Жеребецъ покорно подставилъ ухо къ старику, точно понимая всю необходимость операціи.

Глухо ударилъ выстрѣлъ. Жеребецъ метнулся въ сторону и тяжело рухнулъ на пыльную дорогу. Старикъ поблѣднѣлъ и осунулся. Онъ подошелъ къ гнѣдому. Это былъ его любимецъ. Равнаго ему по формамъ не было на цѣломъ свѣтѣ. Такъ недавно англичане на скачкахъ въ Ростовѣ любовались имъ и удивлялись, какъ могутъ быть въ Россіи такія лошади.

— Прощай Рустамъ!, сказалъ старикъ. — Прости меня. — Онъ дрожащею рукою застрѣлилъ своего любимца.

Лицо старика стало желтымъ и морщины, еле видныя раньше, густою сѣтью покрыли запыленное лицо. Глаза его слезились. Онъ подошелъ къ третьему. Это былъ золотисто рыжій сынъ Бенареса и Горыни трехлѣтній жеребецъ. Онъ, увидавши старика, потянулся къ нему нѣжными сѣрыми губами и сталъ лизать руку, державшую револьверъ. На немъ было сѣдло сына старика. Эта лошадь была баловень семьи. Она всходила на крыльцо ихъ дома въ степи, проходила въ комнаты и въ столовой съ тарелки ѣла сахаръ. Она знала свое имя, какъ собака. Она знала всѣхъ членовъ семьи.

Старикъ смотрѣлъ на лизавшую ему руку лошадь и плакалъ. Все въ ней любилъ онъ. И упругое, блестящее темно сѣрое копыто, и стройную вытянутость тонкой ноги съ отбитыми жила-

ми и могучую выпуклую грудь, и тонкую шею, и благородную голову. Онъ долженъ убить его! Но онъ не могъ убить. Такъ по дѣтски довѣрчиво, по лошадиному ласково, безъ женской хитрости, безъ людского заискиванія, безкорыстно лизалъ ему руку молодой жеребецъ, что рука съ револьверомъ упала у старика и онъ заплакалъ.

Когда онъ поднялъ голову безуміе было въ его глазахъ. Онъ отошелъ къ убитому Бенаресу и сѣлъ на его трупъ.

— Прости меня Господи!, прошепталъ онъ — Ты далъ мнѣ ихъ, Ты и отнимаешь! —

Онъ медленно поднесъ револьверъ къ своей головѣ и также, какъ вкладывалъ его жеребцамъ вложилъ себѣ въ ухо...

Тѣло дернулось. Бѣлая фуражка упала на землю. Кровь полилась по пиджаку и старикъ упалъ съ мертвой лошади.

Сынъ подбѣжалъ къ нему. Онъ всплеснулъ руками, вскочилъ на молодого рыжаго жеребца и поскакалъ полнымъ ходомъ по улицѣ, расталкивая жавшихся къ домамъ лошадей. Послѣдній пароходъ подъ англійскимъ флагомъ отчаливалъ отъ мола. На молу стояли густымъ табуномъ рыжія казачьи лошади. Онѣ тѣснились къ морю и смотрѣли большими темными глазами на казаковъ, наполнявшихъ палубу. Онѣ все ждали, что за ними придутъ, что ихъ возьмутъ. Сняли трапы. Отцѣпили канаты. Зашумѣлъ, въ малахитъ обращая синія воды, пароходный винтъ.

— Прощайте родныя!, крикнулъ кто то изъ казаковъ.

Изъ толщи лошадиныхъ тѣлъ съ колеблющимися, отъ вѣтра, какъ спѣлая рожь лѣтомъ, гривами поднялась одна лошадиная голова. Шея вытянулась впередъ, раздулись храпки сѣрыхъ ноздрей, уши напряглись и огнемъ сверкнули на солнцѣ глаза. Она заржала. И весь полкъ лошадей поднялъ головы и устремилъ шеи впередъ, и напрялъ уши

и раздулъ ноздри и жалобное ржаніе волною перекатилось по всему молу...

— Прощайте родимыя! . . . .

. . . .

Плакали казаки. Послѣдняя частица родины, послѣдняя связь съ роднымъ краемъ погибала.

Лошади стояли на молу, устремивши впередъ головы и ждали... ждали...

L.

На кормѣ парохода, среди казаковъ, три женщины: Оля Полежаева, Александра Петровна и Нина Васильевна Ротбекъ. Онѣ сидятъ на тюкахъ и увязкахъ, на старыхъ грязныхъ сѣдлахъ и плачутъ, глядя на берегъ, покрытый лошадьми.

— Смотрите, скачетъ кто то!, сказалъ кто то изъ казаковъ.

— На рыжемъ конѣ.

— Не поспѣетъ.

— Неужели не подождутъ,

Надо сказать капитану, — раздавались взволнованные голоса.

— Говорили уже.

— Да, какъ говорили. По Русски!

— И по французски и по англійски говорили, сказала Александра Петровна.

— Ему бы, сестрица, по казачьи сказать, онъ бы скорѣе понялъ.

— Отчаливаетъ.

— Господи! Это невозможно. Вѣдь это нашъ офицеръ. Доброволецъ, воскликнула Оля.

— Казакъ, — замѣтилъ старый урядникъ.

— Шапкой машетъ.

— Смотрите!..... въ воду кинулся..... Плыветъ...

— Хотя бы остановилъ пароходъ.

— Ну, лодку, или кругъ?... Вѣдь погибнетъ душа христіанская.

— Мало ихъ теперь погибло!

— Видалъ, калмыки дѣтей въ воду кидали.

— А что же съ ними подѣлашь! Кормить нечѣмъ. Везти некуда.

— Упорный народъ!... Сколько ихъ погибло.

— Все племя пропало задарма.

— Плыветъ по морю. Эхъ и лошадь добрая подъ нимъ...

— Пароходъ стоитъ.

— Надо задній ходъ дать...

— Одинъ плыветъ. Лошадь ко дну пошла.

— Эхъ родимая!

— Да, что же лодку! Лодку! Кругъ бы кинуть.

— Я сама за нимъ кинусь, — вставая воскликнула Оля.

— Не глупи, Оля!

— Надо канатные нервы имѣть.

— Потонулъ...

— Нѣтъ, за волнами не видно. Вотъ видите рука.

— И недалеко совсѣмъ.

— Нѣтъ потонулъ... Не видать.

— Пошли полнымъ ходомъ.

Пароходъ проходилъ бухту. Проплыли мимо фонари маяковъ, показались въ садахъ красныя крыши и бѣлыя трубы цементнаго завода, зашипѣла и заплескала, ударяя въ борта парохода синяя бѣлогребенная волна, шире раздвинулись берега, въ рыже черное пятно слились табуны лошадей въ улицахъ города и на молахъ и ярче стали сверкать огоньками отраженія солнца на синихъ волнахъ.

— Прощай Россія!, сказалъ кто то.

— Погоди, вернемся еще...

— А вонъ и другія суда идутъ. Видите дымятъ.

— Поплыла Россія. По морямъ, морямъ поплыла! Эхъ, родная...

— И подъ чужимъ флагомъ, подъ чужимъ именемъ пошла скитаться.

— А все не сдалась жидамъ. Не покорилась.

— Эхъ, родимые! И когда конецъ!...

Остатки Россіи уплывали по синему морю ждать лучшихъ дней, устраиваться, отдохнутъ и... снова бороться за свободу подъ великолѣпнымъ двуглавымъ орломъ.

LI.

Былъ жаркій полдень. Небо густого синяго цвѣта безъ облака куполомъ нависло надъ моремъ. Въ маревѣ тумана, подернутыя дымкой, синѣющія какъ спѣлая слива, дремали на горизонтѣ фіолетовыя горы Малоазіатскаго берега. Берегъ былъ розово золотой, точно выложенный перламутромъ и таилъ въ глубокихъ даляхъ очаровательныя сказки волшебнаго востока. Между берегомъ и островомъ залегъ широкій проливъ. Недвижно застылъ на синихъ волнахъ сѣрый, тяжелый, неуклюжій броненосецъ и подъ бѣлыми парусами шелъ мимо острова большой трехмачтовый бригъ.

Гордо надулись его паруса и бросали тѣни и розовыя отраженія въ синюю глубину моря. Въ бѣлую пѣну разбилась вода у его носа и чудилось, что слышно ея задумчивое шипѣніе подъ бѣлымъ, золотыми украшеніями покрытымъ килемъ. Какъ чайка надъ моремъ, какъ мечта въ часы раздумья, какъ сказка дѣтства манилъ онъ за собою стройностью мачтъ и такелажа и вѣяло отъ него поэтическими грезами юности и чуди-

лось, что несется онъ въ волшебные края невиданной красоты.

Братья Полежаевы, Оля и Ермоловъ задумчивыми глазами слѣдили за чудеснымъ бѣгомъ его.

Они сидѣли на полугорѣ, на каменномъ крыльцѣ богатаго дома, на островѣ игрушкѣ съ рощами цвѣтущихъ миндалей и персиковъ, среди апельсиновыхъ садовъ и мраморныхъ виллъ. Надъ ними недвижно нависли листья бѣлой акаціи и кисти душистыхъ цвѣтовъ прянымъ ароматомъ напоили воздухъ. Двѣ лохматыя драцены росли у крыльца, а вдоль выложенной камнемъ лѣстницы причудливыя агавы разбросали во всѣ стороны мясистые зубчатые листья и чудилось, что они живые, цѣпкіе и страшные какъ змѣи. Блѣдно розовыя розы цвѣли въ саду. Пониже за желѣзной рѣшеткой сверкало на солнцѣ бѣлое, мѣловою пылью покрытое шоссе и было больно смотрѣть на его сверкающую ленту. Временами маленькіе ослики пробѣгали по нему, неся на малиновыхъ бархатныхъ сѣдлахъ нарядныхъ гречанокъ въ большихъ шляпкахъ, толстыхъ грековъ въ бѣлыхъ, или нѣжно сиреневыхъ фланелевыхъ костюмахъ, со складкой на штанахъ, завороченныхъ у щиколодки. Босоногіе турченки бѣжали за ослами. Звонкій смѣхъ и веселые голоса по праздничному весело раздавались кругомъ.

По ту сторону шоссе была дача. Въ широко раскрытую дверь, обвитую цвѣтущими глициніями, въ лиловомъ сумракѣ, какою то грезою казалась зала съ мраморнымъ поломъ и въ ней двѣ дѣвочки въ короткихъ бѣлыхъ платьяхъ и съ босыми ногами, сплетясь худенькими нѣжными руками подъ звуки неслышной музыки танцовали странный танецъ, похожій на польку. И казались онѣ не живыми, но фреской старой Помпеи, воскресшей здѣсь и движущейся въ лиловомъ сумракѣ, на мраморномъ полу пустого зала.

За дачей ажурная мимоза раскинула золотыя вѣтви и создала причудливую рамку, въ которую глядѣло синее море и берегъ, опѣненный тихо шепчущимъ прибоемъ, ресторанъ со столиками и надъ ними вѣтви могучихъ карагачей.

Праздникъ чарующей весны былъ кругомъ. Сновали, шумя тяжелыми колесами, большіе бѣлые пароходы, переполненные пестро и ярко одѣтымъ народомъ. Съ пристаней махали платками и радостно кричали слова привѣта. Весело расходились по золотистымъ дорожкамъ къ рощамъ плоскихъ пиній парочки съ маленькими свертками и ихъ движенія казались легкими и гибкими, какъ движенія лани. Въ жаркомъ воздухѣ срывался звонъ мандолины и греческая пѣсенька шаловливо порхала у ресторана возлѣ столиковъ, накрытыхъ тентами. Ослы уносили пріѣхавшихъ въ горы, откуда безконечно красивъ былъ горизонтъ, сверкающій перламутровыми берегами возлѣ густого темнаго морского сапфира.

Острова игрушки были созданы для мимолетныхъ утѣхъ любви. Ихъ назвали Принцевыми островами, и море назвали Мраморнымъ и на нихъ были дачи только богатыхъ людей, сады съ душистыми цвѣтами, рестораны и кафе, веселые ослики для подъема на гору, чтобы оттуда любоваться видами на оба материка стараго свѣта. На нихъ были танцующія дѣвочки, поющія птицы и музыка играла, звенѣла гитара и неслась пѣсня изъ каждой таверны.

И сюда то, къ берегамъ нѣжнаго моря, подъ глубокое синее небо пріютилось страшное, мучительное кровавое Русское горе, нищета бѣженская. И не тѣшила красота вида, но оскорбляла Не чаровалъ ароматъ напоеннаго цвѣточною пылью воздуха, но будилъ отчаяніе отъ сознанія своего несчастія. Не прельщали танцующія дѣвочки и звонъ гитаръ и мандолинъ, но навѣвали мучительную тоску по потерянной Родинѣ.

Въ этой красотѣ, среди апельсиновыхъ и лимонныхъ рощъ, несчастные бѣженцы грезили о бѣлыхъ березахъ, о тонколистныхъ ивахъ, о зеленыхъ лугахъ, покрытыхъ пестрымъ ковромъ скромныхъ цвѣтовъ Русской равнины. Глядя на фіолетовыя горы, тонущія вершинами въ маревѣ синяго неба, думали о безконечномъ просторѣ голубо-желтыхъ степей, о ѣдкомъ запахѣ кизечнаго дыма. Слушали пѣсни грековъ, прыгающіе вскрики скрипокъ, а вспоминали лай деревенскихъ собакъ въ степи ночью зимой и грезили о глубокихъ снѣгахъ и маленькихъ хатахъ, мерцающихъ жолтыми огоньками оконъ.

На каменную площадку подлѣ крыльца, окруженную розовыми кустами вошла дѣвочка лѣтъ семи. У нея было загорѣлое худощавое лицо съ большими синими глазами. На головѣ росли прекрасные пепельно-русые волосы, закрывавшіе всю ея спину густыми волнами отъ природы вьющихся прядей. На ней было розовое платьице, мѣстами порваное и далеко не чистое. Худыя тонкія ножки были босы и изранены о камни. Ея личико съ маленькими пухлыми губами и плутовски вздернутымъ носомъ было очаровательно. Но глаза смотрѣли не по дѣтски серьезно, печально и вдумчиво.

Она оглядѣла своими синими глазами Полежаевыхъ, Олю и Ермолова. Ермоловъ и Павликъ были въ англійскихъ потрепанныхъ френчахъ съ погонами Корниловскаго полка, въ стоптанныхъ сбитыхъ сапогахъ. Ника былъ въ старомъ пиджакѣ, въ платьѣ, купленномъ на дешевкѣ, и плохо пригнанномъ. Онъ походилъ на рабочаго.

Дѣвочка остановилась противъ нихъ, еще разъ осмотрѣла ихъ, какъ будто желая провѣрить свои впечатлѣнія и удовлетворилась ими.

Она стала въ позу, закинула назадъ рученки и дѣтскимъ, вѣрнымъ, неустановившимся, но умѣло выговаривающимъ слова голосомъ запѣла:

Цыпленокъ дутый
И необутый
Пошелъ по улицѣ гуля — а — ать...
Его поймали,
Арестовали,
Велѣли паспортъ показа — а — ать...
Я не кадетскій,
Я не совѣтскій,
Я не народный комиса-а-аръ...

— Гдѣ же ты научилась этой пѣснѣ?. спросила Оля.

— Въ Кисловодскѣ, тетя одна научила, — сказала, потупляя глаза и прикладывая маленькій пальчикъ къ губамъ дѣвочка.

— Я и еще знаю, сказала она,

Она сдѣлала серьезное лицо, нахмурила брови и запѣла;

Вмѣстѣ пойдемъ мы,
За Русь святую,
И всѣ прольемъ мы
Кровь — мо-о-лодую...
Близко окопы
Трещатъ пулеметы...

Она прервала пѣніе и сама уже пояснила:

— Въ Новороссійскѣ офицеръ, который съ мамой жилъ училъ меня пѣть.

— А гдѣ твоя мама?, спросила Оля.

— Мама утонула, печальнымъ голосомъ сказала дѣвочка.

— Когда?... Гдѣ?...

— Въ Одессѣ. Мы хотѣли уходить, когда большевики пришли. Сѣли на лодку, мама ухватилась уже за трапъ, а французъ ее оттолкнулъ. Она и утонула. Такъ и не видала я больше мою мамочку.... Меня французы взяли. Они меня сюда привезли. Они тоже пѣть учили. Я знаю.

Дѣвочка снова запѣла, совершенно правильно, грассируя выговаривая слова.

Allons enfants de la Patrie,
Le jour de gloire est arrivé,
Contre nous de la tyrannie
L'étendart sanglant est levé...*)

— Гдѣ же ты училась французскому языку' спросила Оля, когда дѣвочка кончила пѣть.

— Мама учила. Мама француженка была. Она шляпки въ Петербургѣ дѣлала. Я тоже умѣю.

— Что же ты умѣешь?

— Цвѣты дѣлать. Мама меня очень любила.

— Что же ты тутъ дѣлаешь?

— Ничего. Пою. Хожу по Русскимъ.

— Гдѣ же ты живешь?

— Нигдѣ.

— Какъ нигдѣ?

— Гдѣ добрые люди устроютъ.

— Какъ же такъ?

— Какъ птицы. Птичекъ Богъ кормитъ и меня не оставитъ, — повторила она чью то фразу.

— Павликъ, Сергѣй Ипполитовичъ, — взволнованно воскликнула Таня, — я возьму ее. Ей надо помочь. Тебя какъ звать?

— Анелей.

— Аня. Милая... Да ты сегодня кушала что либо?

— Нѣтъ еще. Сегодня все такъ неудачно.

— Постой... Мы тебя какъ нибудь накормимъ.

— Чаю дайте... Сухарика. Больше ничего не надо, — сказала дѣвочка.

— Пойдемъ къ намъ. Ахъ ты, бѣдная моя... И какая красавица!...

Напротивъ, черезъ дорогу въ открытую дверь, обвитую глициніями, въ лиловомъ сумракѣ на мраморномъ полу танцовали обнявшись двѣ босоногія дѣвочки. Дальше сверкалъ золотомъ и брильянтами берегъ и плескалось о него темносинее густое, теплое море.

---

*) Идемъ дѣти отечества,
День славы насталъ!
Противъ насъ поднялось
Кровавое знамя тиранніи.

LII.

— Ты не перемѣнишь своего рѣшенія, Ника, — спросила Оля. — Ты рѣшился?

— Да, коротко отвѣтилъ Ника.

— Тебя могутъ узнать и тогда..., сказалъ Ермоловъ.

— Разстрѣляютъ. А, можетъ быть, и замучаютъ. Я знаю, какъ безотказно жестока Совѣтская власть. Но милые, родные мои, вы знаете сколько разныхъ причинъ заставляютъ меня идти на это... Разстрѣляютъ... — а на войнѣ не могутъ убить? Конечно это не то же самое. Переживанія иныя, но... Я считаю, что это необходимо для спасенія Родины. Кромѣ того вы знаете, у меня есть и личное дѣло... Таня Саблина тамъ..., глухо сказалъ онъ.

Братья молчали. Наверху на балконѣ дѣвочка ѣла и пила принесенный ей Олею чай и сухари. Отъ акацій шелъ пряный ароматъ. Море и далекій берегъ съ розовыми горами казались волшебною декораціей.

— Какъ же вы порѣшили?, спросилъ Ника. — Когда и гдѣ свадьба?

— Въ Константинополѣ черезъ мѣсяцъ, отвѣчала Оля.

— А потомъ?

— Сережа и Павликъ ѣдутъ въ Крымъ къ Врангелю. Кажется тамъ снова будемъ драться.

— А ты?

— Не знаю. Я не хочу мѣшать имъ. Не хочу быть имъ обузой. Посмотрю. Можетъ быть останусь здѣсь. Здѣсь Ростовцева, Ротбекъ, кажется, дѣло будетъ. Проживу. Женщинамъ не мѣсто въ крѣпости. А вѣдь Крымъ это крѣпость. Но все таки, Ника, — не передумаешь-ли и ты. Такъ жутко тебя отпускать! Что же ты думаешь дѣлать тамъ? Какъ ты будешь работать?

— Я самъ сознаю какъ трудна будетъ моя работа. Мнѣ придется служить подъ красными знаменами III интернаціонала, носить побѣдную звѣзду Антихриста... Можетъ быть черезъ кровь придется мнѣ пройдти! . . Но . . . Во первыхъ, нужно знать . . . Мы такъ мало знаемъ. Чтобы побѣдить противника нужно узнать его и нащупать его слабыя мѣста. А мы ничего не знаемъ. Прежде всего: — революція, или бунтъ были въ мартѣ 1917 года и какъ слѣдствіе этого въ октябрѣ? Если это революція, — надо ждать, во что выльется она, надо терпѣть и бороться путемъ воспитанія народа. Если бунтъ, надо подавить его сильнымъ жестокимъ образомъ, вернуться къ прежнему положенію, къ монархіи и тогда устранить всѣ тѣ причины, которыя вызвали этотъ бунтъ. Но узнать это можно только въ Россіи, кипя въ совѣтскомъ кровяномъ котлѣ... Другой вопросъ, который также мучитъ меня. Кто наши союзники и кто враги? Есть ли вообще у насъ союзники и друзья, или только враги? Все то, что мы видѣли отъ англичанъ и французовъ — такъ двусмысленно. А что, если они не съ нами, а съ ними? Что происходитъ въ Россіи: — страшная работа масоновъ, задавшихся цѣлью разрушить Россію, уничтожить лучшихъ людей, потомъ воцариться надъ всѣмъ міромъ, или всѣ эти разсказы о „князѣ плѣненія“, о таинственномъ синедріонѣ семидесяти мудрецовъ, о тайныхъ ложахъ и сложной іерархіи — есть плоды воображенія разстроенныхъ нервами людей и передъ нами только обострившаяся до послѣдней крайней степени борьба капитала съ рабочими? Кто такіе — Ленинъ и Троцкій? Просто сумасшедшіе, мерзавцы, изъ личнаго честолюбія, изъ садизма, льющіе человѣческую кровь, или это послушные слуги кого то высшаго, толкающаго ихъ къ уничтоженію Россіи. Мы ничего не знаемъ. Достойны они только веревки, или ихъ нужно сжигать на мед-

ленномъ огнѣ? Что такое красная армія? Ея бытъ? Павликъ, Ермоловъ! вѣдь служатъ тамъ Русскіе офицеры, вѣдь живутъ тамъ Русскіе люди! Мы видали плѣнныхъ. Э! Нѣтъ! Это не то!! Надо войдти въ ихъ казармы, надо подружиться съ ними, войдти въ довѣріе и узнать, какъ стали они такими? Въ сердцѣ моемъ будетъ знаменіе креста, въ душѣ молитва къ Господу о прощеніи. На устахъ: — хула на Бога... Но я открою сердце свое многимъ и многимъ и соблазню многихъ. Я иду проповѣдывать слово Христово въ страну одичавшихъ людей... Я не вѣрю въ то, чтобы здѣсь что либо вышло. Тѣ же люди, тѣ же помощники: — англичане и французы, тѣ же методы, та-же „новая тактика и новая стратегія“ — я боюсь, что катастрофа будетъ хуже Новороссійской... Я, милая Оля, Павликъ, Сережа, родные мои, — стосковался по Петербургу, по сѣверному небу, по бѣлымъ ночамъ. И не могу... не могу я больше. Сейчасъ я иду одинъ... Но, можетъ быть, скоро насъ будетъ тамъ уже много и мы ударимъ по больному мѣсту... Можетъ быть я отъищу тамъ Таню Саблину... Спасу ее...

Всѣ примолкли. Синее море плескалось о золотой берегъ. Далекія розовыя горы казались картиной волшебной сказки. Голубоглазая дѣвочка въ розовомъ платьѣ стояла среди кустовъ покрытыхъ розами. Зеленая ящерица застыла на мраморной ступени. По улицѣ бѣжали ослики съ красными бархатными сѣдлами и мальчишки бѣжали за ними. Тихій вѣтеръ несъ ароматъ лиловыхъ глициній и островъ былъ напоенъ миромъ и красотою, но буря была въ сердцахъ этихъ молодыхъ людей. Ахъ, что нужно дѣлать и какъ и гдѣ лучше умереть, чтобы спасти Родину!! Свою молодую, свою прекрасную жизнь несли они на алтарь отечества и не знали, гдѣ дастъ успѣхъ эта жертва, гдѣ тотъ алтарь, на который надо отдать ее на сожженіе.

Дѣвочка пѣла.

Allons enfants de la Patrie,
Le jour de gloire est arrivé,
Contre nous de la tyrannie
L'étendart sanglant est levé.

Ея мать столкнули въ воду французы, а она поетъ марсельезу. Она одинока на бѣломъ свѣтѣ и ей только семь лѣтъ, и она поетъ.

Въ кустахъ чирикаютъ птицы, толстый шмель жужжитъ надъ алою розою, возлѣ клумбы нарциссовъ притаилась желтая птичка и Отецъ ихъ небесный питаетъ ихъ. Взглядъ, устремленный въ розовыя горы несъ успокоеніе. Буря улегалась на сердцѣ. Сверкающее за горами небо говорило о вѣчномъ и прекрасномъ. И понятно становилось, что Ермоловъ женится на Олѣ Полежаевой, а потомъ вмѣстѣ съ Павликомъ ѣдетъ на фронтъ къ Врангелю въ Крымъ, что Ника ѣдетъ искать Таню и работать на оздоровленіе Русскаго народа въ самой республикѣ совѣтовъ. Такъ надо...

Дѣвочка поетъ среди розъ тѣ пѣсни, которымъ ее учили въ Кисловодскѣ, Новороссійскѣ и Одессѣ. Дѣвочка поетъ и внизу двѣ другія дѣвочки въ рамкѣ изъ глициній въ лиловомъ сумракѣ танцуютъ, и подбѣгаютъ уже къ самому фонтану на площади сѣрые ослики съ красными сѣдлами, и плещетъ море: — вездѣ жизнь...

Дрожатъ въ розовомъ туманѣ, покрытыя синимъ пухомъ, какъ спѣлыя сливы, далекія горы и грезятся пальмы на нихъ, караваны верблюдовъ и стройные минареты.

Тѣсно прижавшись на ступеняхъ балкона сидятъ четверо молодыхъ Русскихъ: три юноши и одна дѣвушка и думаютъ они свои думы — и думы ихъ о Россіи!...

1920—1921 годъ.

Оглавленіе.

Часть шестая.

Часть седьмая.

ЕГ
РУССКАЯ ТИПОГРАФІЯ
Е. А. ГУТНОВА
ВЪ БЕРЛИНѢ

